

«Россия хорошо знает, что такое право силы. Осознать силу права только предстоит. Новое правосознание граждан только формируется. Во многом это обусловлено не только историческими традициями, но и образом действий институтов власти, правосознанием людей, их представляющих. <...> Другими словами, опасность состоит в дискредитации понятия «права человека» в социальной и политической практике, а значит, в дискредитации самой сути Российской Конституции».

ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ БОРИС ЕЛЬЦИН
16 ФЕВРАЛЯ 1995 ГОДА

«Россия должна быть и будет страной с развитым гражданским обществом и устойчивой демократией. В ней в полной мере будут обеспечены права человека, гражданские и политические свободы».

ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ ВЛАДИМИР ПУТИН
17 МАЯ 2003 ГОДА

«Хотел бы специально акцентировать внимание на такой довольно прописной истине о том, что у власти и у правозащитников огромное поле для взаимодействия, и нам только нужно правильным образом расходовать силы. <...> Таким образом, в результате совместной деятельности, может быть, удастся добиться лучших результатов».

ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ ДМИТРИЙ МЕДВЕДЕВ
15 АПРЕЛЯ 2009 ГОДА

«Конечно, граждане ждут от людей, которые профессионально занимаются правами человека, существенной поддержки, особенно тогда, когда дают сбой государственные механизмы. И я понимаю наше сотрудничество таким образом, что эта прямая обратная связь с российским обществом, доходящая до самого верха власти, позволит нам вместе с вами совершенствовать инструменты управления нашим государством <...> Я сделаю всё, чтобы не обижаться ни на что из того, что услышу от вас. Но и вы, пожалуйста, на меня тоже не обижайтесь. Это должна быть прямая, открытая, честная совместная работа».

ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ ВЛАДИМИР ПУТИН
12 НОЯБРЯ 2012 ГОДА

ISBN 978-5-91922-080-0

9 785919 220800

ПРЕЗИДЕНТСКИЙ
СОВЕТ ПО ПРАВАМ
ЧЕЛОВЕКА

ИСКУССТВО
НЕВОЗМОЖНОГО

ИСКУССТВО
НЕВОЗМОЖНОГО

ПРЕЗИДЕНТСКИЙ
СОВЕТ ПО ПРАВАМ
ЧЕЛОВЕКА

БИБЛИОТЕЧКА
ГРАЖДАНСКОГО
ОБЩЕСТВА

ИСКУССТВО НЕВОЗМОЖНОГО

ПРЕЗИДЕНТСКИЙ СОВЕТ
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
1993–2018

Под общей редакцией
профессора, доктора
юридических наук
М. А. Федотова

Сегодня у нас первое после плановой ротации заседание Совета. Его состав обновился более чем на треть. Я приветствую всех вас: и коллег, с которыми мы работаем уже не один год, и тех, для кого здесь, в Совете, безусловно, я очень на это рассчитываю, открываются новые возможности для содействия развитию гражданского общества и защиты прав граждан.

В Совет вошли как известные люди, известные правозащитники, так и представители гораздо более молодого поколения. Все вы на деле доказали, что можете отстаивать и свою позицию, и интересы гражданского общества.

Хочу также поздравить всех вас со знаменательной датой – 25-летием деятельности нашего Совета. Ваша работа сегодня становится еще более значимой и востребованной, чем тогда, когда Совет создавался, потому что сегодня перед нами стоят новые масштабные задачи, они подробно обозначены в майском указе о национальных целях развития страны на ближайшие шесть лет.

Президент Российской Федерации
Владимир Путин

Из выступления на заседании Совета
11 декабря 2018 года

БИБЛИОТЕЧКА
ГРАЖДАНСКОГО
ОБЩЕСТВА

МОСКВА
2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Совет ненапрасных советов 10

ПЕРИОД ПЕРВЫЙ, ИДЕАЛИСТИЧЕСКИЙ 12

Состав комиссии по правам человека при Президенте РФ (1993–1996) _____	23	Александр Копылов: «Можно считать положительным моментом, что стали приходить письма с благодарностью» _____	42
Сергей Ковалёв: «За мной были лагеря, был Сахаров...» _____	24	Сергей Митягин: «Совет состоялся как ведущий институт гражданского общества России» _____	50
Вячеслав Бахмин: «Я правозащитной деятельностью вынужденно занялся, просто других было немного, кто хотел бы» _____	36	Сергей Филатов: «Международные связи — это гарантия того, что в таком тонком, уязвимом в России вопросе, как права человека, мы не окажемся в одиночестве» _____	56

ПЕРИОД ВТОРОЙ, АКАДЕМИЧЕСКИЙ 60

• Состав комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации (1996–2002) _____	74	Валентина Мельникова: «Я не могу вспомнить каких-то существенных прорывов в работе нашей Комиссии» _____	82
Владимир Карташкин: «Михаилу Федотову удалось повысить статус Совета, он действует более самостоятельно и инициативно» _____	76	Вячеслав Никонов: «Государственничество не исключает уважения к правам человека, оно его предполагает» _____	88
		Вильям Смирнов: «Концепция прав человека, завоевавшая весь мир, отвергает репрессивное насилие» _____	94

ПЕРИОД ТРЕТИЙ, ГЕРОИЧЕСКИЙ 102

Состав комиссии (совета) по правам человека при Президенте Российской Федерации (2002–2009) _____	110	Александр Аузан: «Совет... может сделать в масштабе страны не так уж много, и дело его — именно развитие институтов гражданского общества» _____	134
Состав совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека (2009–2012) _____	114	Валерий Борщёв: «Совет по правам человека очень нужен, это реальный элемент взаимодействия общества и власти» _____	140
Элла Памфилова: «Я считала себя посредником между правозащитниками и властью» _____	116	Светлана Ганнушкина: «У меня, что называется, дурная привычка лезть в чужие дела» _____	150
		Валентин Гефтер: «Совет стал более многочисленным, а по качеству, я считаю, он уступает прежнему» _____	158

Ярослав Кузьминов: «Сверхзадача Совета по правам человека — это соблюдение баланса социальных и гражданских прав» _____	166
Ида Куклина: «Нынешние структуры — Совет, Общественная палата — встроены в систему и вынуждены работать по ее законам» _____	174
Дмитрий Орешкин: «Тема фальсификации выборов стала постоянно обсуждаться, вызывать протесты. Это заслуга Совета» _____	182
Олег Орлов: «В Совете при Президенте сидят те самые «иностранцы», которых уничтожают с помощью Закона, подписанного Президентом» _____	188

Елена Панфилова: «Это было время надежд» _____	196
Владимир Познер: «Лучше так, чем совсем ничего» _____	202
Леонид Рошаль: «Абсолютно не сожалею, что работал в Совете, и мне не стыдно за ту работу» _____	210
Алексей Симонов: «Я бы не сказал, что результативность Комиссии, потом Совета, была очень высока. Но все-таки была возможность советовать Президенту» _____	216
Борис Титов: «Я считаю, что Совет нужен. Мы государство с далеко еще не устоявшейся демократией» _____	224

ПЕРИОД ЧЕТВЕРТЫЙ, ПРАГМАТИЧЕСКИЙ 230

Состав совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека (с 12 октября 2012 года) _____	255	Сергей Караганов: «Защита прав человека — дело святое и необходимое» _____	332
Михаил Федотов: «Совет — это коллективный советник Президента» _____	260	Сергей Кривенко: «Наши наработки по увековечению памяти поддержаны Президентом, но тут нужна целостная федеральная программа» _____	342
Светлана Айвазова: «Делай что должно, и будь что будет» _____	282	Тамара Морщакова: «По принципиальным вопросам я буду всегда настаивать: «Карфаген должен быть разрушен!» Иначе я не работала бы в Совете» _____	350
Людмила Алексеева: «Единственно возможное условие реального партнерства между властью и людьми — это сила гражданского общества» _____	290	Мара Полякова: «В Совете больше возможностей решать многие вопросы на системном уровне» _____	360
Елизавета Глинка: «Даже одна спасенная жизнь — это очень хороший стимул для дальнейшей работы» _____	304	Елена Тополева-Солдунова: «В Совете много честных, смелых, совестливых людей, следующих своей миссии» _____	368
Даниил Дондурей: «Совет — единственная структура, которая может быть не согласна с линией Президента» _____	314	Сергей Цыпленков: «Я знал, что в Совете — люди принципиальные и что атмосфера будет демократичной» _____	378
Кирилл Кабанов: «Совет — не политическая трибуна, мы — модераторы диалога с Президентом» _____	326	Игорь Юргенс: «С помощью Совета многие его члены делают весьма большое дело» _____	390
Персоналии _____	398		

СОВЕТ НЕНАПРАСНЫХ СОВЕТОВ

Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека за четверть века своей истории неоднократно менял свое название, председателей, состав, структуру, формы работы. Но никогда не менял свое место — между главой государства и гражданским обществом. Никогда не менял свою миссию — защищать права человека от несовершенства власти, от несправедливости, от произвола.

При своем рождении Совет получил другое имя — Комиссия по правам человека при Президенте Российской Федерации. Но еще раньше он родился как идея, причем не столько связанная с идеалами защиты прав человека и развития гражданского общества, сколько имеющая более утилитарную цель — привлечь на сторону главы государства колеблющихся депутатов распущенных Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. Тех самых, кто, с одной стороны, понимал острую необходимость радикальной конституционной реформы, а с другой, не мог смириться с президентским Указом о роспуске парламента, рассматривая его как нарушение права человека на легитимную власть.

То был момент жесточайшего политического кризиса, вызванного столкновением ветвей власти, перешедшим 3–4 октября 1993 года в силовое противостояние со стрельбой из танковых орудий по зданию парламента. Сохранились документы, датированные двадцатыми числами сентября 1993 года. Это протоколы заседаний Рабочей группы, собравшейся в Администрации Президента РФ уже на следующий день после издания печально знаменитого Указа от 21 сентября 1993 года № 1400¹. В состав Рабочей группы по оперативному аналитическому обеспечению мероприятий поэтапной конституционной реформы входили известные общественные и государственные деятели демократической ориентации: Г. Э. Бурбулис, Э. Д. Днепров, С. А. Ковалёв, С. Н. Красавченко, А. Я. Лившиц, Г. А. Сатаров, Л. В. Смирнягин, М. А. Федотов и другие.

Именно в рамках этой структуры 23 сентября и прозвучали предложения «создать Общественный (Гражданский) совет, в который должны войти наиболее уважаемые люди России», «предложить бывшим депутатам РФ войти в наблюдательный совет за соблюдением прав человека», «усилить функции Президентского совета как органа, опосредующего связи Президента с общественностью» и «продумать возможность более самостоятельного статуса Совета, обеспечивающего как поддерживающую и стимулирующую роль во взаимоотношениях с Президентом, так и возможность «сотрудничающего партнера» в различных кампаниях и при принятии тех или иных решений Президентом».

На следующий день, 24 сентября, эти идеи соединились в предложение «в целях улучшения работы с общественностью и согласования действий исполнительной власти в гражданской и профессиональной среде создать в Администрации Президента самостоятельную группу, включив в ее состав членов Президентского совета, участников Конституционного совещания, имеющих наибольший моральный авторитет в обществе».

Именно такой структурой и должна была стать Комиссия по правам человека при Президенте РФ, Указ о создании которой был подписан 26 сентября, за неделю до трагических событий 3–4 октября 1993 года². И уже 1 ноября вновь образованный консультативный орган при главе государства приступил к работе. Вряд ли кто-то из его членов догадывался, какая долгая и извилистая судьба предстоит новорожденной структуре, хотя все наверняка ясно отдавали себе отчет в том, что путь к реальному обеспечению прав человека в стране, измученной многовековым авторитаризмом и тоталитаризмом, очень долг и труден.

Если вдуматься в цели и задачи Комиссии и возникшего на ее базе в 2004 году Совета или, что то же самое, абстрагироваться от точных и бесстрастных юридических формул в соответствующих указах, то можно увидеть, в чем, собственно, состояла и по сей день состоит миссия этой уникальной структуры. Главное — быть защитником господства права и одновременно защитником человеческой личности, чувства собственного достоинства. Защитником человека от несовершенства государства и одновременно защитником государства от бездарности, неумелости и своекорыстия его служащей.

В том, что касается защиты человека от посягательства на его права и законные интересы, Конституция назначила ему в заступники прокуратуру и, отчасти, суд. Если человек пострадал от того, что некто нарушил закон, то прокурор на то и поставлен, чтобы немедленно реагировать. Но как быть в тех случаях, когда закон формально не нарушен, но элементарное чувство справедливости не позволяет отрешенно смотреть на страдания человека? Тут прокурор бессилён.

А правозащитник? Он знает, что закон ему здесь не поможет, но также знает, что правозащита — это искусство невозможного. Вот почему среди правозащитников так много писателей, журналистов, ученых-естественников, то есть «физиков и лириков», а вовсе не обязательно юристов. Конечно, без юриста правозащитнику не разобраться в перипетиях конкретного дела, с которым к нему пришел человек, но только правозащитнику дано прочувствовать, что справедливо, а что — нет, что — по совести, а что — против совести.

В 2018 году Президентский Совет по правам человека, унаследовавший свою миссию от Комиссии по правам человека при Президенте РФ, отмечает свое 25-летие. За прошедшую четверть века многое удалось сделать — амнистии, законы, остановленные конфликты, спасенные жизни, исправленные судьбы, возвращенные имена, наказанные злодеи... — но еще больше не удалось. В республиках, краях и областях вновь появились свои региональные СПЧ. Обо всем этом и рассказывает наша книга, в которой собраны интервью тех, кто участвовал в работе Совета и предшествовавшей ему Комиссии в разные годы.

Конечно, память человеческая не всегда оказывается надежным источником исторических свидетельств. Но у нас на случай сомнений всегда есть возможность обратиться к архивным документам, которых тоже в книге немало. Кроме того, даже если непосредственный участник событий в каких-то деталях оказывается неточен, это несколько не умаляет ценности его свидетельств именно как человека, который творил историю своими поступками.

К большому сожалению, за время подготовки этой книги нас покинули некоторые ее герои. В декабре 2016 года в авиакатастрофе над Черным морем трагически погибла член Совета Е. П. Глинка, наша Доктор Лиза, в мае 2017 года после продолжительной болезни скончался член Совета Д. Б. Дондурей, а в декабре 2018 года — старейшая правозащитница России Л. М. Алексеева. Мы сознательно решили воздержаться от включения некрологов в эту книгу и опубликовать интервью с безвременно ушедшими от нас друзьями в том виде, в каком они были записаны. Это и будет достойным памятником их выдающимся деяниям.

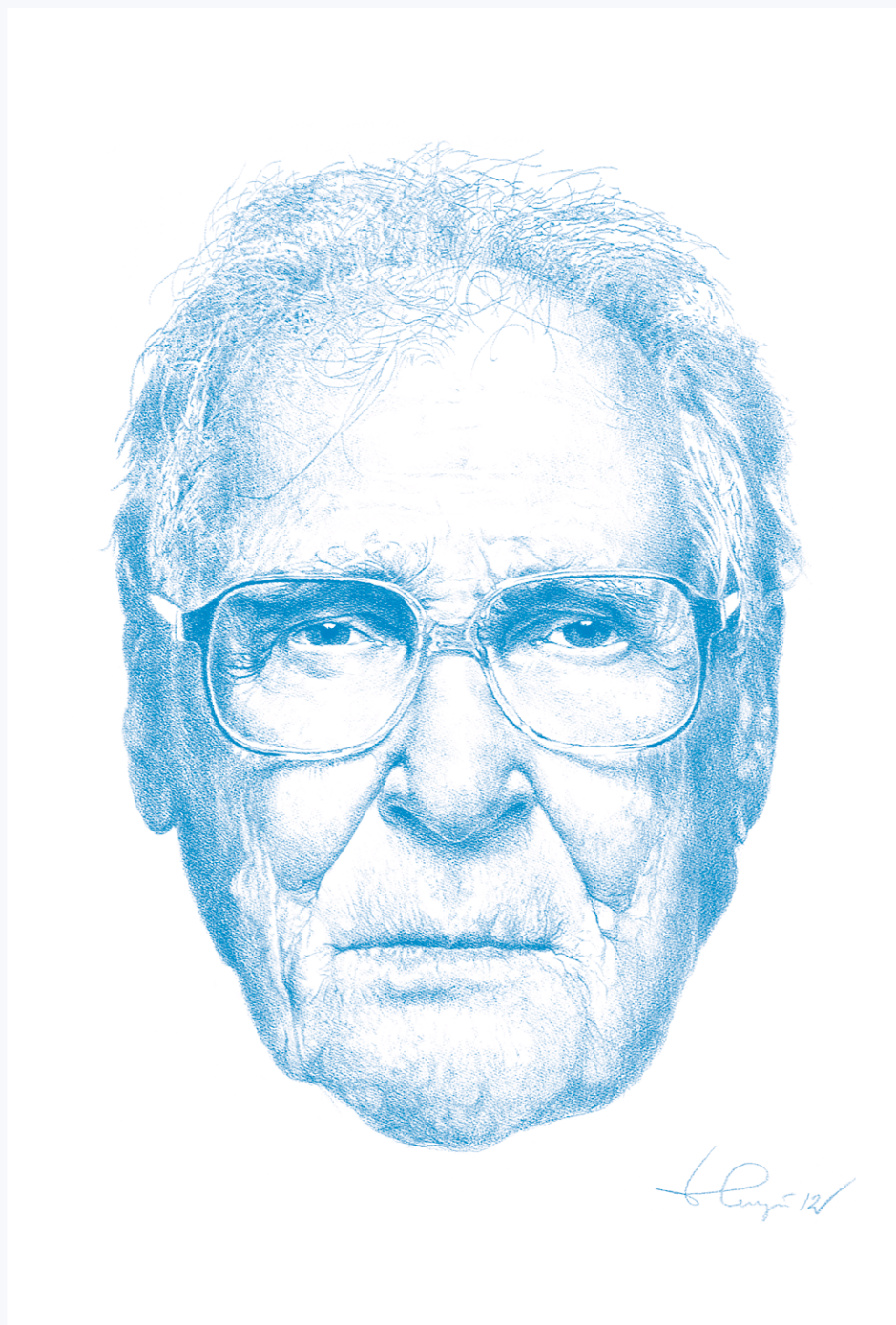
Составители благодарны всем, кто помог создать эту книгу, но прежде всего блистательному интервьюеру, журналисту и историку Леониду Иоффе, редактору Елене Сатаровой, сотрудникам аппарата Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека Сергею Куринову, Алексею Дейнеко, Варваре Осиповой, сотрудникам Архива Президента Российской Федерации Сергею Чувашину, Вадиму Гуляеву и другим.

Особой признательности заслуживают глава Пресс-службы Президента РФ Андрей Цыбулин за предоставленные фотографии и выдающийся художник Борис Жутковский — за возможность использовать в книге созданные им портреты.

1 Указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 1993 года № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. — 27.09.1993. — № 39, ст. 3597. **Здесь и далее по книге — примечания редактора и составителей.**

2 Указ Президента Российской Федерации от 26 сентября 1993 года № 1458 «О Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. — 04.10.1993. — № 40, ст. 3738.

ПЕРИОД ПЕРВЫЙ,
ИДЕАЛИСТИЧЕСКИЙ

«ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ИДЕАЛИЗМ —
ЭТО ПРОСТО:
ЗАНИМАЯСЬ
ПОЛИТИКОЙ,
ВЕСТИ СЕБЯ,
КАК ПОДОБАЕТ
ПОРЯДОЧНОМУ
ЧЕЛОВЕКУ»

Сергей Ковалёв / председатель
Комиссии по правам человека
при Президенте РФ /
26.09.1993 — 24.01.1996

26 сентября 1993 года Б. Н. Ельцин подписал Указ об образовании Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации «с целью усиления гарантий гражданских и политических прав граждан Российской Федерации». Председателем Комиссии (далее — КПЧ, Комиссия) был назначен известный правозащитник, народный депутат РСФСР Сергей Адамович Ковалёв. Ему было поручено в десятидневный срок разработать и представить на утверждение Положение о Комиссии и предложения по ее персональному составу.

Александр Копылов, заместитель председателя Комиссии и одновременно начальник отдела по обеспечению ее деятельности, вспоминает:

«В конце сентября 1993 года мне позвонили из приемной руководителя Администрации Президента Российской Федерации и пригласили в Кремль к Сергею Александровичу Филатову, который предложил мне должность заместителя председателя Комиссии, сказав, что моя кандидатура согласована с С. А. Ковалёвым. Я дал согласие.

Предложение для меня было неожиданным, но я не был удивлен, поскольку до этого (до известных событий, вызванных реализацией Указа № 1400), будучи народным депутатом Российской Федерации, я работал в Верховном Совете на постоянной основе членом Комитета по правам человека, а после принятия в октябре 1991 года Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий»³ был утвержден сначала заместителем председателя Комиссии Верховного Совета по реабилитации жертв политических репрессий, а вскоре (в январе 1992 года) — председателем этой Комиссии. Поэтому меня не удивило предложение о назначении на пост заместителя председателя Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации.

Вскоре меня пригласили приехать в дом на Новинском бульваре, где в одной из квартир проводились встречи рабочей группы под руководством С. А. Ковалёва для подготовки Положения о Комиссии по правам человека и предложений о ее персональном составе.

В рабочую группу вошли кроме Сергея Адамовича и его помощницы Лидии Ивановны Семиной член Комитета по правам человека бывшего Верховного Совета РФ Сергей Васильевич Сироткин, один из руководителей Правозащитного центра «Мемориал» Арсений Борисович Рогинский, сотрудник этого же центра Никита Глебович Охотин, завсектором Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий бывшего Верховного Совета, Заслуженный юрист Российской Федерации Евгений Александрович Зайцев и я. Иногда участвовал в работе сотрудник «Мемориала» Александр Юльевич Даниэль.

Работа над проектом Положения о Комиссии и предложениями по ее составу шла достаточно плодотворно. Основу текста Положения, как помнится, готовили Е. А. Зайцев и С. В. Сироткин, в тесном контакте с руководителем группы и ее членами. Текст активно обсуждался, каждый из членов группы вносил свои предложения и дополнения.

Ответственно и скрупулезно подходила рабочая группа к формированию персонального состава Комиссии. Понятно, что в нее должны были войти личности, по единодушному мнению членов рабочей группы, наиболее авторитетные, уважаемые в обществе, зарекомендовавшие себя в защите и отстаивании прав и свобод человека и гражданина, имеющие глубокие демократические убеждения и публично выраженные демократические взгляды.

В итоге члены рабочей группы предложили руководству Администрации Президента Российской Федерации состав Комиссии, и после одобрения он был утвержден Указом Президента Российской Федерации от 1 ноября 1993 года № 1798».

1 ноября 1993 года Президент РФ своим Указом утвердил Положение о Комиссии и ее персональный состав⁴. В Комиссию вошли выдающиеся, пользующиеся огромным авторитетом не только в России, но и во всем мире люди: правозащитник, вдова и соратница академика Андрея Сахарова Елена Боннэр, писатели Сергей Аверинцев, Алесь Адамович и Фазиль Искандер,

3 Закон РФ от 18 октября 1991 года № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. — 31.10.1991. — № 44, ст. 1428.

4 Указ Президента Российской Федерации от 1 ноября 1993 года № 1798 «Об обеспечении деятельности Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. — 08.11.1993. — № 45, ст. 4325.

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации

С целью усиления гарантий гражданских и политических прав граждан Российской Федерации в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 1993 г. № 1400 "О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации" постановляю:

1. Образовать Комиссию по правам человека при Президенте Российской Федерации.
2. Назначить председателем Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации (далее - Комиссия) Ковалева Сергея Адамовича.
3. Председателю Комиссии в десятидневный срок разработать и представить на утверждение Положение о Комиссии и предложения по ее персональному составу.

Президент
Российской Федерации **Б. Ельцин**

Москва, Кремль
26 сентября 1993 года
№ 1458

журналист Игорь Голембиовский, доктор права, академик Сергей Алексеев. В состав КПЧ перешли почти все члены Комиссии по правам человека Верховного Совета РФ во главе с ее председателем, видным правозащитником Сергеем Ковалёвым: бывшие народные депутаты Михаил Арутюнов, Борис Золотухин, Александр Копылов, Михаил Молоствов, Сергей Сироткин. Были в этом коллективе и два государственных чиновника: министр иностранных дел РФ Андрей Козырев и руководитель правозащитного департамента МИДа, правозащитник с лагерным стажем Вячеслав Бахмин.

В Положении о Комиссии говорилось, что она образована «с целью усиления гарантий соблюдения прав граждан Российской Федерации» и действует «в пределах установленной компетенции независимо от других государственных органов».

Основной задачей Комиссии являлось содействие:

- реализации полномочий Президента РФ как гаранта основных прав и свобод человека;
- уважению и соблюдению прав и свобод человека в РФ;
- совершенствованию законодательного обеспечения прав и свобод человека;
- защите прав и покровительству граждан РФ, находящихся за ее пределами;
- укреплению международного сотрудничества по обеспечению прав и свобод, признаваемых международным правом и законодательством РФ.

В Положении закреплялось, что Комиссия:

- изучает и анализирует поступающие от органов государственной власти Российской Федерации материалы об обращениях граждан и организаций по вопросам соблюдения прав и свобод человека, публикации в СМИ, проводит специальные исследования;
- составляет специальные и ежегодные доклады о соблюдении прав человека и направляет их Президенту РФ;
- информирует о положении дел в области соблюдения прав человека региональные органы государственной власти;
- ставит перед государственными органами вопросы о необходимости дачи официальных разъяснений изданных ими нормативных актов: перед Верховным Судом Российской Федерации — судебных разъяснений, перед полномочными органами — разъяснения вопросов о приведении внутреннего законодательства в соответствие с международными нормами;
- анализирует текущее законодательство, участвует в разработке законопроектов, затрагивающих вопросы защиты прав и свобод человека;
- рассматривает направленные Президенту РФ либо непосредственно в Комиссию обращения граждан, организаций и иных лиц, законно находящихся на территории России, о существенных нарушениях основных прав и свобод человека;
- расследует случаи массового нарушения основных прав и свобод или отдельные факты ущемления прав человека, представляющие особую общественную опасность, по поручению Президента РФ либо по собственной инициативе;
- участвует в работе международных организаций по правам человека;
- принимает участие в разработке межгосударственных соглашений по вопросам прав человека и в составлении докладов в международные организации в соответствии с международными соглашениями, участником которых является Российская Федерация.

Комиссия получила право:

- a. запрашивать и получать от государственных органов и должностных лиц любые сведения, документы и материалы, необходимые для выполнения возложенных на Комиссию задач;
- b. проводить проверку деятельности государственных учреждений, относительно которых Комиссия располагает информацией о массовых либо грубых нарушениях прав человека;

с. получать объяснения от любых должностных лиц по вопросам компетенции Комиссии.

По вопросам своей деятельности члены КПЧ имели право «беспрепятственно посещать любые государственные органы, учреждения и организации в установленном законом порядке», а должностные лица государственных органов обязаны были безотлагательно предоставлять информацию, запрашиваемую Комиссией.

По результатам рассмотрения обращений или расследований КПЧ принимала заключения и направляла их вместе со своими рекомендациями тому государственному органу, «в компетенцию которого входило решение вопроса по восстановлению нарушенных прав». В свою очередь, должностное лицо, получившее заключение Комиссии, в течение пятнадцати дней обязано было рассмотреть рекомендации и уведомить КПЧ о принятом решении с обоснованием своей позиции в случае несогласия с рекомендациями.

При Комиссии создавался на общественных началах экспертный совет из представителей научных учреждений, государственных, общественных и правозащитных организаций. При выполнении поручений КПЧ члены экспертного совета имели право доступа в государственные органы, учреждения и организации в установленном законом порядке.

Ежегодные доклады Комиссии подлежали опубликованию, а специальные могли быть опубликованы по решению КПЧ.

Александр Копылов рассказывает:

«Для обеспечения деятельности Комиссии был образован рабочий аппарат — самостоятельное структурное подразделение Администрации Президента Российской Федерации на правах отдела. Численность рабочего аппарата была определена в количестве 25 человек. Отдел состоял из трех секторов: аналитической и законопроектной работы, работы с обращениями (письмами) граждан и работы с вынужденными переселенцами и беженцами.

В марте 1994 года Распоряжением руководителя Администрации Президента Российской Федерации С.А. Филатова меня назначили начальником отдела, при этом я остался заместителем председателя Комиссии на общественных началах, а заместителями начальника отдела были назначены М.Г. Арутюнов и С.В. Сироткин, также оставшиеся заместителями председателя Комиссии на общественных началах».

Ситуация в Комиссии резко изменилась, когда Президент возложил на Сергея Адамовича Ковалёва функции Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на период до принятия соответствующего федерального конституционного закона.

Указ Президента РФ от 4 августа 1994 года № 1587 «О мерах по обеспечению конституционных функций Уполномоченного по правам человека»⁵ установил, что «до принятия соответствующего федерального конституционного закона реализация конституционных функций Уполномоченного по правам человека обеспечивается путем осуществления им полномочий, предоставленных председателю Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации». Указ обязал все органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также их должностных лиц в двухнедельный срок:

- представлять по запросам Уполномоченного информацию, необходимую для осуществления его полномочий;
- давать ответы на обращения Уполномоченного по правам человека в связи с нарушениями прав конкретных физических лиц;
- направлять Уполномоченному по правам человека все принимаемые ими акты, содержащие нормы, относящиеся к сфере прав и свобод человека и гражданина.

Под председательством Сергея Ковалёва Комиссия проработала до своего фактического самороспуска в январе 1996 года, а формально — до 1 марта 1996 года.

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О мерах по обеспечению конституционных функций Уполномоченного по правам человека

В связи с необходимостью обеспечения согласованного функционирования системы конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина, включающей в себя институт Уполномоченного по правам человека, и на основании части 2 статьи 80 Конституции Российской Федерации **п о с т а н о в л я ю:**

1. Установить, что до принятия соответствующего федерального конституционного закона реализация конституционных функций Уполномоченного по правам человека обеспечивается путем осуществления им полномочий, предоставленных председателю Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации.

2. Установить, что органы государственной власти и органы местного самоуправления в Российской Федерации, а также их должностные лица в 2-недельный срок:

представляют по запросам Уполномоченного по правам человека информацию, необходимую для осуществления его полномочий;

дают ответы на обращения Уполномоченного по правам человека в связи с нарушениями прав конкретных физических лиц;

направляют Уполномоченному по правам человека все принимаемые ими акты, содержащие нормы, относящиеся к сфере прав и свобод человека и гражданина.

3. Возложить обеспечение деятельности Уполномоченного по правам человека на соответствующие структурные подразделения Администрации Президента Российской Федерации.

4. Руководителю Администрации Президента Российской Федерации провести в 2-недельный срок необходимые мероприятия, вытекающие из пункта 3 настоящего Указа.

5. Федеральному агентству правительственной связи и информации при Президенте Российской Федерации осуществить организацию разработки и внедрение необходимых информационных технологий, обеспечивающих деятельность Уполномоченного по правам человека.

6. Настоящий Указ вступает в силу со дня его опубликования и действует до принятия федерального конституционного закона об Уполномоченном по правам человека.

Президент
Российской Федерации **Б.Ельцин**

Москва, Кремль
4 августа 1994 года
№ 1587

Сергей Митягин, работавший в тот период в аппарате Комиссии, вспоминает:

«Сформированная С. А. Ковалёвым Комиссия уделяла основное внимание защите прав и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся в следственных изоляторах. Тюремное население насчитывало тогда свыше миллиона человек и условия содержания под стражей были очень тяжелыми. Производство, как правило, не работало, значительные трудности были с обеспечением продовольствием, одеждой. В переполненных камерах спали в две-три смены. Острой была проблема сохранения здоровья осужденных, многие из которых имели тяжелые хронические заболевания.

Несомненной заслугой Комиссии А. С. Ковалёва стало отстаивание, завершившееся принятием соответствующих решений, прав осужденных на получение пенсии и сохранение за ними занимаемой до осуждения жилплощади. Был инициирован и впоследствии успешно решен вопрос о переподчинении Федеральной службы исполнения наказаний Министерству юстиции РФ».

В конце 1994 года политическая ситуация на Северном Кавказе резко обострилась, возобновились военные действия, федеральная власть продолжила осуществление планов по восстановлению конституционного порядка на территории Чеченской Республики. Естественно, Комиссия по правам человека не могла пройти мимо разворачивающейся трагедии.

С 15 декабря 1994 года в зоне конфликта начала действовать Миссия Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на Северном Кавказе, которую возглавил сам С. А. Ковалёв. Миссия не имела официальных полномочий, а действовала при поддержке правозащитных организаций при координации работы с Обществом «Мемориал».

Александр Копылов рассказывает:

«В течение 1995 года С. А. Ковалёв периодически, иногда длительное время, находился в зоне военных действий, в том числе в Грозном, полагая, что своим нахождением там, призывами к воюющим сторонам остановить военные действия сможет содействовать прекращению кровопролития.

В этот период Комиссия как коллективный орган практически не работала, заседания не проводились, несмотря на обращения и предложения некоторых ее членов собрать Комиссию для рассмотрения назревших вопросов, в том числе для обсуждения ситуации с правами человека в зоне конфликта на Северном Кавказе. Такие вопросы, в частности, ставили С. С. Алексеев, М. Г. Арутюнов и другие члены Комиссии. Реакции со стороны Сергея Адамовича на подобные предложения обычно не было. Некоторые члены Комиссии предлагали собрать заседание Комиссии в отсутствие С. А. Ковалёва, однако другие члены Комиссии считали, что этого делать не следует.

В средствах массовой информации регулярно появлялись интервью С. А. Ковалёва о положении на Северном Кавказе, в них давались оценки воюющим сторонам, которые, как правило, содержали довольно резкую критику действий федеральных силовых структур, власти в целом, включая главу государства. Так, 24 января 1996 года в газете «Известия» было опубликовано открытое письмо С. А. Ковалёва Президенту России Б. Н. Ельцину, в котором он заявил о своей отставке с поста председателя Комиссии по правам человека, а также о выходе из Президентского совета. В своем письме С. А. Ковалёв дал резко негативную характеристику действий главы государства, заявив о том, что тот отошел от политики демократических реформ и отдает предпочтение силовым методам решения политических проблем.

Вслед за С. А. Ковалёвым написали заявления о выходе из состава Комиссии и другие ее члены (В. И. Бахмин, Е. Г. Боннэр, И. Н. Голембиовский, Б. А. Золотухин, С. В. Сироткин)».

естественной реакцией настоящих российских интеллигентов на трагическую ошибку, стоившую жизни многим тысячам сограждан.

Сергей Митягин рассказывает:

«Не знаящий компромиссов в отношениях с властью Сергей Адамович не поддержал меры, принятые Президентом РФ по восстановлению конституционного порядка в Чеченской Республике, и значительную часть времени проводил в Грозном. Не скупился он и на критические, на грани оскорбления, заявления в адрес руководителей государства. Утратив все контакты с Администрацией Президента РФ, в январе 1996 года Комиссия самораспустилась».

После самороспуска Комиссии естественным образом возник вопрос, создавать ли ее заново, особенно если учесть, что федеральный конституционный закон, который должен был в соответствии с пунктом «е» статьи 103 Конституции РФ определить правовой статус Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, к тому моменту был принят Государственной Думой только в первом чтении⁶. Иными словами, с уходом в отставку С. А. Ковалёва и самороспуском КПЧ образовался серьезный пробел в системе конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина.

Александр Копылов вспоминает:

«В этой ситуации в Администрации Президента было принято решение сформировать новый состав Комиссии по правам человека. В процессе консультаций с помощниками главы государства М. А. Красновым и Г. А. Сатаровым, помощником руководителя Администрации Президента Р. М. Цивилевым был сформирован состав Комиссии по правам человека, утвержденный Указом Президента от 20 мая 1996 года № 740».

Указ Б. Н. Ельцина от 20 мая 1996 года № 740 полностью обновил состав Комиссии. И хотя название осталось прежним, это была уже совершенно другая Комиссия.

⁶ Федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» был принят Государственной Думой в первом чтении 21 июля 1994 года, во втором чтении — 20 марта 1996 года, в третьем чтении — 17 апреля 1996 года, отклонен Советом Федерации 15 мая 1996 года, повторно принят в редакции согласительной комиссии палат 25 декабря 1996 года, одобрен Советом Федерации 12 февраля 1997 года и вступил в силу 4 марта 1997 года. Первым Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации Государственная Дума назначила депутата фракции КПРФ Олега Орестовича Миронова (22 мая 1998 года — 13 февраля 2004 года).

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Об обеспечении деятельности Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации

1. Утвердить прилагаемое Положение о Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации.

2. Утвердить Комиссию по правам человека при Президенте Российской Федерации (далее именуется Комиссия) в следующем составе: Аверинцев Сергей Сергеевич, Адамович Александр Михайлович, Алексеев Сергей Сергеевич, Арутюнов Михаил Георгиевич (заместитель председателя), Бахмин Вячеслав Иванович, Боннэр Елена Георгиевна, Голембиовский Игорь Несторович, Золотухин Борис Андреевич, Искандер Фазиль Абдулович, Ковалев Сергей Адамович (председатель), Козырев Андрей Владимирович, Копылов Александр Терентьевич (заместитель председателя), Молоствов Михаил Михайлович, Сироткин Сергей Васильевич (заместитель председателя).

3. Для обеспечения деятельности Комиссии образовать ее рабочий аппарат - самостоятельное структурное подразделение Администрации Президента Российской Федерации на правах отдела.

4. Материально-техническое, информационно-правовое и иное обеспечение работы Комиссии и ее рабочего аппарата возложить на соответствующие подразделения Администрации Президента Российской Федерации.

5. Разместить Комиссию и ее рабочий аппарат в служебных помещениях Администрации Президента Российской Федерации на Старой площади, дом 8/5.

Президент
Российской Федерации **Б.Ельцин**

Москва, Кремль
1 ноября 1993 года
№ 1798

СОСТАВ КОМИССИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ (1993—1996)⁷

Ковалёв Сергей Адамович — народный депутат РФ, председатель Комитета по правам человека Верховного Совета РФ (председатель Комиссии) (с 26 сентября 1993 по 24 января 1996 года).

Аверинцев Сергей Сергеевич — литературовед, профессор кафедры истории и теории мировой культуры МГУ имени М.В. Ломоносова, член-корреспондент Российской академии наук (с 1 ноября 1993 по 19 октября 2002 года).

Адамович Александр (Алесь) Михайлович — писатель, директор Всесоюзного НИИ кинематографии, член-корреспондент Академии наук Белоруссии (с 1 ноября 1993 по 26 января 1994 года).

Алексеев Сергей Сергеевич — ученый-правовед, директор Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, член-корреспондент Российской академии наук (с 1 ноября 1993 по 6 ноября 2004 года).

Арутюнов Михаил Георгиевич — правозащитник, народный депутат РФ, заместитель председателя Комитета по правам человека Верховного Совета РФ (заместитель председателя Комиссии) (с 1 ноября 1993 по 20 мая 1996 года).

Бахмин Вячеслав Иванович — правозащитник, член Коллегии МИД РФ, заместитель руководителя российской делегации в Комитете ООН по правам человека (с 1 ноября 1993 по 20 мая 1996 года).

Боннэр Елена Георгиевна — правозащитник, председатель неправительственной международной организации «Общественная комиссия по увековечению памяти Андрея Сахарова — Фонд Сахарова» (с 1 ноября 1993 по 20 мая 1996 года).

Голембиовский Игорь Несторович — генеральный директор газетно-издательского комплекса «Известия», президент ОАО «Редакция газеты «Известия» (с 1 ноября 1993 по 20 мая 1996 года).

Золотухин Борис Андреевич — народный депутат РФ, адвокат Московской городской коллегии адвокатов (с 1 ноября 1993 по 20 мая 1996 года).

Искандер Фазиль Абдулович — прозаик, поэт (с 1 ноября 1993 по 20 мая 1996 года и с 22 декабря 1997 по 10 сентября 2001 года).

Козырев Андрей Владимирович — министр иностранных дел РФ (с 1 ноября 1993 по 20 мая 1996 года).

Копылов Александр Терентьевич — народный депутат РФ, председатель Комиссии Верховного Совета РФ по реабилитации жертв политических репрессий (заместитель председателя Комиссии) (с 1 ноября 1993 по 1 февраля 1999 года).

Молоствов Михаил Михайлович — народный депутат РФ, председатель подкомитета по законодательной работе Комиссии по правам человека Верховного Совета РФ (с 1 ноября 1993 по 20 мая 1996 года).

Сироткин Сергей Васильевич — народный депутат РФ (заместитель председателя Комиссии) (с 1 ноября 1993 по 20 мая 1996 года).

⁷ Должности (профессии) указаны на момент включения в состав Комиссии.

Сергей Ковалёв: «За мной были лагеря, был Сахаров...»

Сергей Адамович Ковалёв (родился в 1930 году в Сумской области Украинской ССР) — советский диссидент, участник правозащитного движения в СССР и постсоветской России, российский политический и общественный деятель. С 1966 года, со времени суда над писателями Синявским и Даниэлем, — участник движения в защиту прав человека в СССР. 28 декабря 1974 года Ковалёв был арестован по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде», приговорен к семи годам лагерей строгого режима и трем годам ссылки.

В годы перестройки вернулся в Москву. Принимал участие в различных общественных инициативах: входил в оргкомитет Международного гуманитарного семинара (декабрь 1987 года), участвовал в создании пресс-клуба «Гласность», в учредительном съезде Общества «Мемориал» (с 1990-го — сопредседатель этого общества). В 1989 году по рекомендации А. Д. Сахарова назначен сопредседателем с советской стороны Проектной группы по правам человека при Международном фонде за выживание и развитие человечества (впоследствии — Российско-американская группа по правам человека). Тогда же вошел в Московскую Хельсинкскую группу. С 1990 по 1993 год — народный депутат России, член Президиума Верховного Совета РФ. Депутат Государственной Думы ФС РФ 1-го и 2-го созывов. С 1996 года — член российской делегации в Парламентской Ассамблее Совета Европы.

Председатель Комитета по правам человека Верховного Совета России (1990–1993); председатель Комиссии по правам человека при Президенте России (с октября 1993 по январь 1996 года). В соответствии с Указом Президента РФ выполнял функции Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 1994–1995 годах.

Лауреат более чем десятка международных премий, почетный доктор ряда европейских университетов. В 1995 и 1996 годах его кандидатура выдвигалась на соискание Нобелевской премии мира.

Ред. Сергей Адамович, председателем Комиссии по правам человека вы были назначены в сентябре 1993 года. Какова ее предыстория? Имеется в виду, конечно, не застой, а перестроечное время.

С.К. Я с 1990 года возглавлял Комитет по правам человека в Верховном Совете РСФСР. Он, как и положено, готовил законопроекты по своему профилю. Ни один из наших законопроектов не прошел до августовского путча 1991 года. Зато после разгрома путча наши проекты, не без дискуссий, но были приняты все до единого. Полагаю, причина такой перемены в Верховном Совете печально проста — составлявшие большинство коммунисты опасались, что с ними поступят так же, как они поступили бы со своими оппонентами, если бы путч победил.

Итак. Закон о чрезвычайном положении (он удивил тогда иных наивных правозащитников — о, будь он применен в Чечне, многих зверств удалось бы избежать!). Закон о реабилитации жертв политических репрессий. Закон о беженцах и вынужденных переселенцах (его разрабатывал в основном М. Г. Арутюнов).

Важным успехом были изменения и дополнения к пенитенциарному законодательству — тогда это называлось Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (ИТК). С тех пор тюремные правила и практика менялись не раз, но многие наши нормы невозможно отменить. СССР ведь по этой части был буквально на уровне КНДР, стран арабского Востока. Были отменены иные виды наказания: смирительная рубашка; наказание голодом — весьма пониженные нормы питания в карцере, штрафном изоляторе (ШИЗО) и помещениях камерного типа (ПКТ), а то и норма 96: день — «пониженка», а день — только скудная хлебная пайка; лишение свиданий; лишение посылок и бандеролей. Обязали выдавать в ШИЗО постельное белье. Вспоминаю, как сам в ШИЗО от холода по восемь раз за ночь просыпался, приседал, размахивал руками, хватался за еле теплящуюся отопительную трубу.

Ну, и многого еще удалось добиться тогда, а теперь пошло прахом.

Собственно, это и есть предыстория Комиссии.

Ред. Сергей Адамович, Указ о назначении вас на должность председателя Комиссии был подписан 26 сентября 1993 года, то есть

через несколько дней после знаменитого Указа президента Ельцина № 1400 о роспуске Верховного Совета. Это неслучайно?

С.К. Неслучайно. При всех неприглядных подробностях обоюдного жестокого противостояния Ельцин — Хасбулатов, Руцкой (вместе с заметным большинством Верховного Совета) Борис Николаевич все же отчетливо ощущал сторону Права. Не так уж это было сложно в тех чудовищных обстоятельствах, но, признаем, успешному карьеристу КПСС не очень и легко. Все же он был очень одарен, партийные успехи не лишили его человечности и совести.

Он доверял мне. Знал, что я поддерживаю гайдаровские реформы, что своекорыстная, циничная позиция Хасбулатова мне отвратительна. Возможно, сыграли роль мое тюремное прошлое и дружба с А. Д. Сахаровым. О замысле создания Комиссии я не знал, думаю, это подсказали Г. Э. Бурбулис и С. А. Филатов.

Тот период раскола власти трагичен, нелеп и смешон. Мы, противники Хасбулатова и Руцкой (примерно четверть Верховного Совета, сто или более депутатов), перестали ходить в Верховный Совет. Это было невозможно. По парламентским коридорам, гремя шашками, а то и шпорами, шлялись самодельные казаки, обвешанные самодельными крестами и медалями, самопроизведенные в позабытые казачьи чины. Прибывали и другие вооруженные люди. Парламент пек законы и постановления как блины. И без того убогую советскую Конституцию кромсали, перелицовывали, давили, как Бог черепаху, нисколько не смущаясь вопиющими противоречиями ее наспех сляпанных, новых лоскутов.

Сложился парадоксальный альянс коммунистов и новоиспеченных демократов широчайшего спектра — от православных до националистов с великодержавными, если не хуже, наклонностями. Это были довольно молодые образованные люди. Классический сталинизм и хрущевская оттепель пришлось на раннее детство и отроческий возраст этого поколения. В брежневскую эпоху они изучали марксизм-ленинизм, аккуратно посещали комсомольские собрания, но уже робко задумывались. А тут горбачевская перестройка с непредвиденными, на грани чуда, последствиями, которые и не снились ее отцам-основателям. Открывшиеся перспективы кружили

молодые головы и рождали отчаянный, я бы сказал — истеричный, революционизм. Любая ссылка на парламентскую процедуру встречала насмешливое недоумение. В выступлениях господствовала непристойная стилистика вождя мирового пролетариата. Банальной очевидностью стал лозунг «Вся власть Советам!» (то есть, разумеется, Верховному Совету РФ). В некотором виде он проник тогда и в конституционные новации. Этим «демократам» было невдомек,

что краеугольный камень демократии: **ВСЯ власть — никому!**

Ну, а коммунисты играли свою игру, желая тихого реванша за 1991 год. Некоторые успешные шаги в эту сторону уже были сделаны раньше. Партнерство с хасбулатовскими «демократами» их вполне устраивало.

Похоже, что наша обструкция никого особенно не беспокоила, но ходить в этот цирк было неприятно и бессмысленно.

ПОЗИЦИЯ «Общество не просто вправе подозревать власть. Оно обязано подозревать власть, если это настоящее гражданское общество. Оно обязано подозревать власть потому, что у власти слишком большие полномочия».

Иногда мы собирались, вступали в горячие, не слишком содержательные обсуждения. И вот однажды Николай Тимофеевич Рябов при нечаянной встрече сказал мне, что подготовлен Указ № 1400, который должны были огласить сегодня в 20.00. Было уже семь вечера, времени на встречи и обсуждения не было. Я двинулся в Кремль. Я предвидел не лучшие последствия этого указа и хотел просить президента повременить со столь жесткими мерами. С Ельциным меня под разными предлогами не соединили, я говорил с А. В. Козыревым: убеждал его продолжить переговоры, не уступая

принципиальных позиций, но публично предлагая компромисс, где только возможно; прекратить мелочные провокации с президентской стороны; заставить оппонентов продемонстрировать агрессивность, ведь они и так преуспели в этом. Козырев вяло пообещал передать мои просьбы президенту. Знал наверняка, что все уже решено. Так оно и оказалось.

Должен сказать, что Борис Николаевич весну, лето и начало осени 1993 года вел себя крайне легкомысленно — прямо скажем, бездарно. В апреле он убедительно выиграл известный референдум. Помните

«Да-да-нет-да»? Невооруженным глазом было видно, что Хасбулатов в панике. Надлежало развивать успех. Но Борис Николаевич, упоенный победой, отправился на Валдай купаться, играть в теннис, предаваться возлияниям. Помню, как мы втроем — С. Н. Юшенков, Л. А. Пономарев и я — отправились в Валдайскую резиденцию, чтобы попытаться «разбудить» президента. Мы рассказали, что происходит с Конституцией, и объяснили, что Верховный Совет неправомочен это проделывать (откуда первому секретарю обкома было знать это?). Ну и все, о чем уже говорилось.

Организатор президентского досуга А. В. Коржаков был очень недоволен. Поначалу и президент тоже. Но постепенно Борис Николаевич заинтересовался, стал задавать осмысленные вопросы. Поблагодарил и обещал обдумать ситуацию всерьез. Полагаю, что и намерен был обдумать. Да, видно, недосуг — отвлекся на развлечения.

Между тем социальное возбуждение вокруг резко усиливалось. Тому были веские причины — нарастающие экономические трудности для всех, кроме некоторых. Горожане жили впроголодь, деревня голодала, воровала и спивалась. Тем временем воздвигались особняки за крепкими заборами, как в песне Галича.

Здесь не место для скрупулезного анализа этих печальных обстоятельств, да он мне и не по силам. Уверенно утверждаю, однако, что хасбулатовская команда бесстыдно спекулировала на народном недовольстве, сулила золотые горы, прямо провоцировала бунт — иными словами это не назовешь. Бунт и был их незамысловатой стратегией. Генерал Макашов, военный лидер разбушевавшихся депутатов, с парламентской трибуны проповедовал грязный антисемитизм вперемешку с непристойностями. Вот это и была их «демократия».

Дальше случилось то, что не могло не произойти. Мятеежники захватили московскую мэрию. Безоружная толпа (в составе которой были немногие кое-как вооруженные люди), брошенная Руцким на штурм телецентра Останкино, была безжалостно расстреляна милицией. Там и полегли главные жертвы начала октября. Хотелось бы надеяться, что это был эксцесс исполнителя, но, увы, уверенности в этом нет. Ну, и танковый обстрел Верховного Совета тоже не из разряда парламентских процедур. Однако, насколько мне известно, из защитников Белого дома никто

не погиб — защитников просто не было. Внутренние части здания были недоступны для танковых орудий, а после обстрела штурмующие без малейшего сопротивления вывели из горящего дома всех, кто там находился.

Прямо скажем, победители отнюдь не блистали рыцарскими достоинствами. Но факт есть факт — в октябре 1993 года президент Б. Н. Ельцин предотвратил гражданскую войну.

Ред. Вернемся к Указу о Комиссии по правам человека.

С.К. Указ-то в одну строчку был, надо было готовить проект президентского Положения о Комиссии, ее регламент. Мы напряженно работали с моим заместителем Сергеем Сироткиным, соратниками по «Мемориалу» — Арсением Рогинским, Никитой Охотиным, моей помощницей Лидией Семиной. Согласно Указу, Комиссия получила статус консультативного органа, полностью независимого от любой ветви власти. По просьбе президента Комиссия давала экспертное заключение по проблемам прав личности. Разумеется, она была вправе и по собственной инициативе принимать к рассмотрению любое дело, которое сочтет затрагивающим права человека. Мы могли свободно публиковать свои заключения. В Комиссию вошли Сергей Сергеевич Аверинцев, Михаил Георгиевич Арутюнов, Елена Георгиевна Боннэр, Игорь Несторович Голембиовский, Александр Терентьевич Копылов, Сергей Васильевич Сироткин и другие. Конечно, Арсений Борисович Рогинский, Олег Петрович Орлов, Никита Глебович Охотин, Александр Юльевич Даниэль были нашим активом и важными экспертами.

Ред. Сергей Адамович, вы, мягко говоря, недолюбливали Хасбулатова и компанию, но есть немало документов октября-ноября 1993 года, где вы протестуете против произвола милиции, отлавливавшей предполагаемых участников мятежа.

С.К. Естественно. Мы руководствовались декларациями ООН, Декларацией прав человека, написанной нашим же парламентским Комитетом и принятой Верховным Советом еще до его раскола интриганскими, рвавшими к власти. В ту же сторону «смотрели» Декларация и законопроект «О судеустройстве» Бориса Андреевича Золотухина и большой группы выдающихся юристов.

Террористов и подозреваемых надо задерживать (при соблюдении строгих процессуальных норм), а человека,

высказывающего свое мнение, каким бы оно ни было, преследовать нельзя.

21 октября 1993 года

Уважаемый Сергей Адамович!

В соответствии с поручением Президента Российской Федерации от 19.10.1993 № Пр-1596 органам прокуратуры дано указание проверить и принять решение по всем случаям злоупотребления властью со стороны сотрудников МВД, МБ и МО РФ, имеющих место в г. Москве в связи с введением чрезвычайного положения и комендантского часа.

Прошу Вас предоставить имеющиеся сведения о всех случаях избиения, причинения телесных повреждений, других фактах превышения власти, допущенных со стороны указанных категорий лиц, и данные о потерпевших.

Получение информации поручается старшему военному прокурору Главного Управления по надзору за исполнением законов в Вооруженных силах Российской Федерации подполковнику юстиции Стрижаку Николаю Дмитриевичу.

Государственный советник юстиции 2 класса
В. Н. Паничев

ДОКУМЕНТ

Ред. Положение о Комиссии перекликалось с главой в Конституции 1993 года, которую вы писали?

С.К. Конечно. Была содержательная общая концепция Конституции, разработанная еще в «советское» время. Разумеется, регламент Комиссии основывался на этой концепции. Более того, к тому времени был готов и тщательно обсужден проект второй главы Конституции, о правах человека, который написали мы с С.В. Сироткиным. Фактически в этом виде он и вошел в Конституцию РФ после конституционного референдума 1993 года.

Два слова о том, как эти концепции и проекты тогда создавались. Еще когда Борис Николаевич был председателем Верховного Совета РСФСР, избрали Конституционную комиссию. Там было полное засилье членов КПСС, но Ельцин это предусмотрел, оговорил квоту в двадцать человек, им лично

назначенных, и сам всю Комиссию возглавил. Эти 20 человек, естественно, имели приоритет, поскольку ежедневно работали над проектом, тогда как остальные 80 валялись дурака. Я был членом этой «двадцатки» и помимо своего родного раздела активно участвовал в иных обсуждениях — главным образом общих принципов и вопросов права. Я не чувствовал себя сильным в важных вопросах, так сказать, «государственной технологии» — структуре госорганов и т. д.

Внутри «двадцатки» тоже случались серьезные споры, например о разграничении полномочий президента и парламента. Заметную роль в окончательной редакции проекта сыграл выдающийся юрист С.С. Алексеев. Важной нормой стал приоритет международных обязательств, ратифицированных парламентом, перед внутренним законодательством. Впрочем, теперь г-н Зорькин показал цену Конституции.

Служебная записка
О выполнении поручения № Пр-1596 от 19.10.1993
Президенту Российской Федерации
Ельцину Б.Н.

Ситуацию усугубили многочисленные злоупотребления работников милиции, незаконное водворение ими граждан в изолятор временного содержания, следственные изоляторы и другие помещения, не предназначенные для содержания задержанных.

За дни действия чрезвычайного положения прокурорами были освобождены почти 3,5 тыс. незаконно задержанных граждан...

ДОКУМЕНТ

Разделяя позицию министра иностранных дел Козырева А.В. и председателя Комиссии по правам человека Ковалёва С.А. об опасности применения волевых решений в отношении средств массовой информации, партий и общественных движений, с сожалением вынужден констатировать весьма ограниченные правовые возможности.

(Одновременно сообщая, что в настоящее время органами прокуратуры расследуются уголовные дела, возбужденные по ст. 74 УК РСФСР (разжигание национальной вражды и розни) в отношении редакторов газет: «Русские Ведомости», «Русское воскресение», «Московский трактир», «Пульс Тушина» в Москве, «Русское слово» в Оренбурге, ведется проверка законности деятельности газеты «За Русь» в Краснодарском крае.)

Генеральный прокурор Российской Федерации
А.И. Казанник

Ред. В январе 1994 года вы стали еще и омбудсменом — первым в российской истории Уполномоченным по правам человека. Эти ваши две ипостаси — омбудсмена и председателя Комиссии — реализовывались параллельно или дополняли друг друга?

С.К. Вообще говоря, такого совмещения (кстати, не двух, а трех ипостасей — еще и депутата парламента) не должно быть. Член Думы — политик, член Комиссии — советник политика, президента. А омбудсмен обязан быть принципиально **вне** политики. Это независимая конституционная (что очень важно) фигура, не обладающая никакими властными полномочиями, но наделенная правом по своему усмотрению обращаться в государственные органы и в суд по вопросам, затрагивающим права личности. Впервые эта должность появилась в Швеции более 200 лет назад, затем в других странах. Дума избрала меня омбудсменом, опираясь исключительно на статью Конституции, когда соответствующий Закон только еще разрабатывался. Писали его мы с Сироткиным, а вносила от своего имени депутат Елена Мизулина, чтобы не будить «личной злобы» во фракции коммунистов. (Кто бы предугадал тогда нынешнее перевоплощение Мизулиной?)

За весь мой короткий срок пребывания в этой почтенной должности законопроект прошел только первое чтение. Сейчас я не помню подробностей той, исходной редакции его текста. Но я понимал, что, когда Закон вступит в силу, по его норме либо по нравственному долгу мне надлежит покинуть парламент. Пока же шли невообразимо трудные, нудные, непривычные и неприятные мне хлопоты по организации будущей службы омбудсмена, которая была обязана обрести моральный авторитет.

Ред. Тогда признайте, пожалуйста, без ложной скромности, что тут большую роль сыграла именно ваша личность.

С.К. Ну да, за мной ведь были лагеря, был Сахаров.

Я сразу был благожелательно принят международным сообществом омбудсменов, получил поддержку и очень полезные советы, особенно от первой польской «омбудсменки» пани Евы Лентовски. Я глубоко благодарен моим интернациональным коллегам.

Что ни говори, международное братство правозащитников все-таки существует, как бы ни погонила его политическая бюрократия. Я возглавлял делегацию России на ежегодных женевских сессиях ООН по правам человека. Тут я оказался в любопытном окружении. «Своим» был только мой заместитель Вячеслав Иванович Бахмин, диссидент с тремя судимостями. Он возглавил департамент МИДа по международному гуманитарному и культурному сотрудничеству. Остальные члены делегации — карьерные дипломаты, приученные к мидовско-макиавеллистскому языку: побольше навешать слов и поменьше сказать. Мы со Славой ломали эту манеру, жестко заявляли свою позицию. Надо сказать, что наши дипломаты слушались и исполняли все безукоризненно — таково нутро советского чиновника: чего изволите? Правда, министр иностранных дел А.В. Козырев откровенно поддерживал нас с Бахминым.

Ред. С чего началась практическая работа в Комиссии при Президенте РФ?

С.К. Мы понимали, что в наш адрес пойдут десятки тысяч писем, жалоб — так и случилось. Значит, нужен был аппарат. Он был небольшой: Илья Бурмистрович и Юрий Шиханович (короткое время им помогала Надя Емелькина). Они все

систематизировали, приводили в порядок документацию, вели служебную переписку.

Ред. Сергей Адамович, что вы считаете наибольшим достижением Комиссии в тот период, когда вы ею руководили?

С.К. Летом 1994 года вышел Указ Бориса Николаевича о том, что можно держать человека под стражей в течение 30 дней без предъявления обвинения. Не двое, не трое суток, а 30! Чудовищное нарушение Конституции со стороны ее гаранта.

Исх. № А33-394

22.06.1994

Президенту Российской Федерации

Б. Н. Ельцину

Мы полагаем, что проведение этого Указа в жизнь будет сопровождаться произволом правоохранительных ведомств — необоснованными задержаниями, вторжением в частную и хозяйственную деятельность граждан, ростом коррумпированности чиновников. Наши опасения подтверждаются сообщениями из Республики Башкортостан и Татарстана, где уже действуют подобные юридические акты.

С уважением, С. А. Ковалёв

21 июня 1994 года

ДОКУМЕНТ

А для чего эти 30 суток? Да для того, чтобы выбить признательные показания. Почувствуй беспомощность, пойми, что тюрьма — не сахар. Я всюду возражал против Указа, противоречащего Конституции. Мне предложили выступить на коллегии Генпрокуратуры. Я не ожидал, что меня так внимательно выслушают и что критика будет принята. В конце моего выступления даже раздались аплодисменты. Правда, весьма хмурый генпрокурор заметил своим сотрудникам: здесь вам не театр, вы еще «браво» закричите.

В итоге Борис Николаевич приглашает меня и говорит: «В вашей критике есть смысл». Я ему: «Так отмените Указ!» Он подумал и говорит: «Вот вам поручение. Проследите, чтобы этот Указ не использовался в нарушение Конституции». Я был потрясен. Говорю: «Это невозможно, я не волшебник. Указ самим своим существованием грубо противоречит Конституции». Он: «Ну, вот я и даю вам поручение, чтобы вы проследили за всеми случаями нарушений

прав граждан». Тогда я понял, чего он недоговаривает: чтобы не били.

Наша Комиссия продолжала свою критику. Важна была публичность протеста. Помнится, Указ не был отменен, но он как-то «рассосался», перестал упоминаться, и жалоб не стало. Думаю, в конце концов он когда-то тихо исчез из числа действующих нормативов. К сожалению, навалившиеся бурные события не позволили нам дотошно следить за его судьбой — сил не хватало.

10 сентября 1994 года № Пр-1249

г. Москва, Кремль Уполномоченному по правам человека

Российской Федерации

С. А. Ковалёву

Уважаемый Сергей Адамович!

Поступающая информация свидетельствует о непростой обстановке, сложившейся в связи с переселением беженцев в места их прежнего проживания на территории Пригородного района Республики Северная Осетия в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 30 мая 1994 года.

По поступающим сведениям процесс возвращения людей к своим очагам наталкивается на сопротивление определенных сил, провоцирующих манифестации протеста, угрозы, шантаж и избиение ингушей на территории Пригородного района.

ДОКУМЕНТ

Обращаюсь к Вам как к Уполномоченному по правам человека и как к Председателю Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации с просьбой выехать в зону чрезвычайного положения для изучения обстановки и подготовки объективного доклада о соблюдении прав человека в отношении переселяемых беженцев.

Б. Ельцин

Это письмо президента — важный документ, и поездка — очень важная поездка. Жаль, что здесь я не могу входить в подробности — это заняло бы много страниц. В двух словах: для меня, для нашей Комиссии это было преддверием Чечни. Речь шла об осетино-ингушском кровавом конфликте. Силвики и некоторые депутаты, которым Ельцин доверял, дезинформировали его и Думу относительно распри, разгоревшейся в 1992 году. Сталинским депортациям подверглись все ингуши, составлявшие значительную часть населения Пригородного района Северной Осетии (предместья Владикавказа). Их попытки (в соответствии с законом) вернуться в родные дома встретили яростное сопротивление осетин, заселивших Пригородный район, и осетинской милиции.

Оговорюсь. Ситуация была отнюдь не простой. Обе конфликтующие стороны

имели свои резоны. Законодательство было весьма далеко от совершенства, а разрешение конфликта требовало времени и незаурядных усилий. Но главная вина за неисчислимые людские жертвы лежит на федеральных Вооруженных Силах, ставших на одну сторону конфликта.

В этой поездке участвовали Сироткин, Рогинский, Орлов. Других не помню. Б. Н. Ельцин благодарил нас за отчет и предложения. Высоко оценили мой доклад в палатах Федерального Собрания. Вот и все. Никакого конкретного использования наших рекомендаций, как водится, не случилось.

Во время этой поездки мы ненадолго заехали и в Чечню, получив первый личный заряд острой информации о проблеме, которая вскоре стала главной для России.

ПОЗИЦИЯ «...Я имею право искать и распространять информацию, это право дано мне от рождения. Что касается неприятя иных точек зрения, то напомним известное высказывание Вольтера: «Месье, с вашей

Точкой зрения я не согласен, но готов умереть за то, чтобы вы имели возможность ее высказывать».

Чечня — это главное в моей судьбе, в судьбе первой Комиссии при Президенте, в судьбе службы первого российского омбудсмена (да, может, и последующих). Неблагополучная и символическая судьба, но тут уж что поделаешь? Сложилось так, как сложилось. Однако вот уже 22 года чеченский фактор — один из первостепенных, определяющих опасную политическую эволюцию России и ее влияние в мире. Это вам уже не Комиссия при Президенте.

Миссия Уполномоченного по правам человека вылетела в Чечню 11 декабря 1994 года, еще до начала военных действий. В ее составе были Михаил Михайлович Молоствов («Демократический выбор России»), Валерий Васильевич Борщов («Яблоко»), Леонид Николаевич Петровский (КПРФ), Олег Петрович Орлов («Мемориал») и я. Позднее к нам присоединился Юлий Андреевич Рыбаков («Демократический выбор России»), а Петровский уехал. Я не стану перечислять здесь всех «мемориальцев», постоянно приезжавших к нам, рисковавших жизнью и самоотверженно работавших.

Было бы безумием пытаться в формате короткого интервью рассказать здесь о событиях Первой чеченской войны и нашей работе там. К тому же об этом уже немало написано. Есть замечательные издания «Мемориала» и об этой войне, и о последующих событиях — вплоть до наших дней. Есть содержательные мемуары.

Однако, увы, наиболее энергично распространяемая доля публикаций — заказная, грязная клевета, продукция военных и иных государственных «информационных» структур и их троллей. Вступать с ними в полемику унижительно и бессмысленно. Я просто сделаю ряд утверждений, которые легко доказал бы при добросовестном, мало-мальски независимом рассмотрении.

Первое. Нашему отъезду в Чечню явно и нагло препятствовали какие-то военные

(возможно, и иные) структуры. Надо думать, заранее знали: будет что скрывать.

Второе. Печальные предвидения полностью оправдались. Мы получили непроверяемые доказательства пыток, которым подвергались со стороны федералов пленные комбатанты, а также мирные жители, подозреваемые в помощи повстанцам или в ночных партизанских рейдах. Подчас всех, кто содержался в «фильтрационных пунктах», избивали ежедневно, по утрам, «в режиме поверки». А при допросах пытали — в частности, электрическим током; везло тем, кому электроды помещали не на половые органы.

Многих задержанных сбрасывали в так называемые зинданы — глубокие конусные ямы. Сиди. Где ешь, там и нужду справляй. Вытаскивали только на допросы. Наша миссия не встретила ни одного задержанного, кто не подвергался бы пыткам, в лучшем случае побоям.

Мы с Андреем Блинушовым побывали в небольшом «пыточном поезде», который ездил туда-сюда на коротком отрезке пути Моздок — Беслан (ради конспирации, что ли?). Мы узнали «технику» допросов. Следователь извиняется и выходит «на минутку». Вот тут охранник принимается за дело. Следователь возвращается и, как ни в чем не бывало, вежливо продолжает допрос. А по ночам пьяная охрана избивает всех подряд. Узнать это нам было нелегко — пыточные мастера следов на лице не оставляли. Если был кровоподтек, узник отнекивался, нехотя говорил «упал, ушибся». Нам повезло, но об этом говорить здесь не стану. Охрану, разумеется, несли контрактники, надеюсь, не из войсковых частей, но как знать. На прощанье они спели песенку о том, что «...Чечню развалим на дрова...». Так, между собой. Но нарочито в нашу сторону, чтобы хорошо слышали. Уезжали мы вместе со знакомым генералом МВД, с которым там

встретились. Забыл его имя. Заместитель Ю. И. Калинина, начальника Главного управления по исправительным делам. Казался приличным человеком, да, наверное, дома и был таким. «Представляю, Сергей Адамович, какой вы теперь шум поднимаете». — «Уж что выйдет, то выйдет. Но постараюсь». (По понятным причинам, ничего не вышло.)

Простите за отклонение от обещанной краткости. Такие эпизоды долго не отпускают.

Третье. По ходу войны упомянутые противоправные методы развивались и совершенствовались. Далее я буду опираться на опыт двух чеченских войн, сосредоточившись на общих характеристиках преступных репрессалий и не оговаривая конкретные различия. Репрессии становились все более централизованными и управляемыми. Все, кто немножко следил тогда за событиями, помнят слова «зачистка», «исчезновение», «блокпост». Это связанные слова. Люди исчезали и при зачистках, и на блокпостах. Иногда на время, нередко навсегда.

Тем, которые возвращались, было что рассказать о пытках и зинданах. А тех, кто не вернулся, иногда находили в общих захоронениях связанными колючей проволокой, со следами пыток, часто с уничтоженным лицом, что затрудняло опознание или делало его невозможным. Но те, кого удалось опознать, исчезли в разных местах, подчас в ста километрах друг от друга, а закопаны в одну яму, вдалеке от мест задержания. Значит, их свезли в одно место, пытали, убили, зарыли. Это не могло быть «эксцесом исполнителя», это централизованная система — «эскадроны смерти», как называли такую систему в Южной Америке. Случалось, военные продавали трупы родственникам. Так обнаружился своеобразный «морг» в Ханкале с десятками трупов.

Четвертое. Мирные жертвы. Грозный бомбили с конца декабря 1994 года. Бомбили просто город. Может, и были какие-то специальные цели, но уж просто город бомбили точно. Приблизительно до конца февраля только в Грозном погибли примерно 25 тысяч мирных жителей. Конечно, этот наш подсчет не мог быть точен, но я ручаюсь, что мы применили все известные способы, чтобы не посчитать больше одного раза одну и ту же жертву, сведения о которой получены из разных источников. Мы очень следили за этим. Вычисления проводил Э. Гельман, весьма квалифицированный математик.

Пятое. Судебные прецеденты. Судебная реформа, которая внушала надежду своими первыми робкими шагами в начале девяностых, которая всего за год до Первой чеченской опиралась уже на Конституцию, круто повернула назад. Одна из трех независимых ветвей власти демократического государства — Судебная Власть — так Властью и не стала. Главный принцип Правосудия — «Право вне политики и над политикой» — в судебной практике послушно и быстро сполз назад, к привычному, такому удобному для государства, марксистскому принципу «Право есть воля господствующего класса, выраженная в форме закона». Этой реставрации очень способствовала Чеченская война. Пожалуй, она-то и была толчком реставрации.

Немного примеров. Всем памятный процесс полковника Буданова. В укромном командирском помещении двое голых — ражий полковник (живой) и хрупкая чеченская девушка (мертвая). Несомненные, никем не опровергаемые признаки изнасилования. Но восторжествовала версия, будто доблестный воин, защищая свою жизнь, задушил набросившуюся на него фурию. Как справился независимый суд со своей трудной задачей, желающие могут прочесть в других публикациях, например в моей заметке «Служивое право» («Новое время», 2006, № 10).

Капитан Ульман с небольшим отрядом обстрелял чеченский автомобиль, как оказалось, мирный. Кто-то был ранен или даже убит. Тогда капитан расстрелял остальных шестерых пассажиров и попытался сжечь трупы. Ульман был дважды оправдан судом присяжных, поскольку он якобы получил по рации приказ расстрелять и сжечь. Приказавших не нашлось, видно, все погоны там были не капитанские. Но вот что интересно: как напутствовал судья присяжных, как объяснял им закон? И как отбиралось жюри? Еще приговоры из справки, которую прислал на мой депутатский запрос заместитель генерального прокурора С. Н. Фридинский. Подсудимые — военнослужащие, вестимо, а пострадавшие — мирные жители Чечни. Ограбление и изнасилование — пять лет условно (!); то же самое в ином месте — четыре года условно; убийство — шесть лет условно. И вот венец судейской гуманности — автоматная очередь по ногам пожилой чеченки в ответ на отказ продать водку наказана шестью месяцами «ограничения по военной службе». Кто

не понимает — это значит, что рядовой Ц. целых полгода не вправе стать, например, ефрейтором. Этот перечень можно продолжать и продолжать.

Шестое. Не раз возникал вопрос: а что же чеченская сторона, как у нее с правами человека? Ой, отнюдь не благополучно. В самом начале вооруженных столкновений было намного лучше, нежели со стороны войск РФ. Понятное дело — карательная экспедиция. Потом в чеченском сопротивлении стремительно нарастала роль так называемых полевых командиров. Эти судили и рядили по-своему, то, что называлось государственной властью, было им нипочем.

Были ли у нас претензии и к «центральной власти» Чечни? Да, конечно. Но здесь я не стану об этом говорить, ибо это мы, Россия, явились «восстановить право и конституционный порядок». И немедленно показали всей Чечне варварское беззаконие, поощряемое государством. Насилие, осуществляемое не какими-то бесконтрольными партизанами, а **государственными** войсками под командой высоких **государственных** чинов. Я был омбудсменом России, и мой долг — следить за соблюдением правопорядка в тех силах, которые представляют РФ. Нет, мы не были безучастны к чеченскому произволу. Должен сказать, что здесь нам хоть что-то, хоть когда-то удавалось. А при апелляциях к российскому командованию — **никогда**.

Седьмое. Единственный весомый (и очевидный!) успех нашей миссии — спасение нескольких сот заложников в Буденновске в середине июня 1995 года (террористы Басаева удерживали в местной больнице не менее 1500 человек). В составе нашей группы были, как обычно, М.М. Молоствов, В.В. Борщёв, О.П. Орлов, Ю.А. Рыбаков, на этот раз с нами были Александр Авраамович Осовцов и Виктор Васильевич Курочкин. Был штурм огромной огневой мощи. Его результат — десятки погибших заложников, шестеро убитых спецназовцев, немногие жертвы среди террористов.

После штурма была телефонная связь с Басаевым, выразившим надежду на встречу. Я связался с Е.Т. Гайдаром. Часа через два В.С. Черномырдин поручил мне создать и возглавить группу переговорщиков. Результат переговоров — проект соглашения об освобождении заложников, перемирии и начале мирных переговоров. Этот проект, подписанный нашей группой, Басаевым и кем-то из его подчиненных, был передан Виктору Степановичу. Последовали

телефонные переговоры Черномырдина с Басаевым, но проект не подвергся существенным изменениям. Худо-бедно, перемирие и вялые переговоры продолжались до декабря. Что ж, это тоже спасло сколько-то жизней. Басаев потребовал гарантий безопасности для своего отряда. Потому вся наша группа, несколько журналистов и человек, по-моему, около ста из находившихся в больнице горожан сопровождали басаевцев до селения Зондаг уже в качестве заложников (впрочем, добровольных), так сказать, «живого щита» на случай нападения по дороге.

События в Буденновске — первый и единственный случай в России, когда высшая власть без колебаний отдала приоритет спасению жизней заложников. (Первым лицом в те дни был В.С. Черномырдин. Б.Н. Ельцин находился за границей и даже не подумал срочно вернуться!)

Увы, должен добавить печальное замечание. Заглянув в Википедию, с интересом прочитал, будто переговоры с Басаевым единолично и без всяких согласований с правительством провел небезызвестный г-н Кашпировский. И будто способствовал ему в этом С.В. Степашин. А самозванная группа Ковалёва (да, кажется, и В.С. Черномырдин) тут вовсе ни при чем. Г-н Кашпировский недвусмысленно намекает на свои способности экстрасенса, которые помогли в этом деле. Это было наивное, дурно сляпанное мошенничество. Смотрю видеозапись пресс-конференции Басаева. Рядом с ним сидит Кашпировский. Эта встреча с журналистами, разумеется, уже **после** соглашения Черномырдин — Басаев. Басаев **прямо ссылается** на это и выражает доверие премьер-министру. Полагаю, что среди бескорыстных энтузиастов в Википедии попадают хорошо оплаченные (известно кем) тролли. Так живем.

Ред. Какое в это время у вас было общение с президентом?

С.К. В первый же раз, как я отлучился из Чечни (это было 5 января 1995 года), еще из машины, я позвонил в Кремль и сказал руководителю канцелярии президента В.В. Илюшину, что требую немедленной встречи с Борисом Николаевичем. Илюшин опешил: так с президентом не говорят. Я ответил резко: я прилетел из города, превращенного в руины русскими войсками; города, заваленного трупами жителей

и российских солдат; я хочу и имею право посмотреть в глаза президенту; мой служебный долг — спросить, что он намерен предпринять, чтобы остановить национальную трагедию. Вскоре раздался звонок: «Завтра в 11.00».

Первое мгновение нашей встречи снимали несколько телекамер. Мы поздоровались, и Борис Николаевич попросил журналистов удалиться. Полтора часовая встреча оказалась моим монологом. Я избегал персональных упреков. Рассказал все, что видел. Просил (я употребил даже слово «умоляю») хотя бы о коротком перемирии, чтобы убрать трупы, может быть, найти и вывезти раненых. Ельцин произнес всего одну фразу. Жестко, уверенно, неприязненно: «Спасибо. Я вас понял. Сейчас не время». Это была наша последняя встреча. Я вернулся в Чечню.

Наша группа упрямо искала возможности мирного разрешения конфликта. Я не раз встречался с Масхадовым и Дудаевым. С ним был согласован проект перемирия для переговоров о прекращении войны. Естественный проект — совместные органы контроля условий перемирия, в том числе соблюдения прав человека, представительство сторон, главные

проблемы обсуждения на переговорах. Связи с Москвой уже не было, я продиктовал текст из Гудермеса сотрудникам МИДа для А.В. Козырева. Была не одна подобная попытка. Безрезультатно.

Госдума с топотом и криком разоблачала мой «переход на сторону врага». Именно поэтому в начале марта 1995 года я был отрешен от должности омбудсмана, правда, незначительным большинством. С этого момента наша миссия в Чечне стала миссией «Мемориала».

В январе 1996 года с довольно резким заявлением я сложил полномочия председателя Комиссии при Президенте. Это не было актом отчаяния, это был протест. Я ни с кем не обсуждал свое решение. Но все члены Комиссии поддержали протест и вышли в отставку вместе со мной.

Весной 1999 года Госдума вынесла на голосование импичмент президенту Ельцину. Главное обвинение — **развязанная им** чеченская война. Забавно — и по представительству политических сил, и фактически по основным персонам это была та же самая Дума, которая наказала меня за **протест против войны**. Разумеется, я голосовал против импичмента — стыдно сваливать общую вину на козла отпущения.

Вячеслав Бахмин:

«Я правозащитной деятельностью вынужденно занялся, просто других было немного, кто хотел бы»

Вячеслав Иванович Бахмин (родился в 1947 году в г. Калинин) — советский диссидент, российский дипломат. С 1966 по 1969 год учился в Московском физико-техническом институте, но был исключен после ареста 30 ноября 1969 года по обвинению в хранении и распространении антисоветской литературы. 24 сентября 1970 года был помилован. В 1974 году заочно окончил Московский экономико-статистический институт. Работал программистом.

Один из организаторов Рабочей комиссии по исследованию использования психиатрии в политических целях. В 1980 году осужден на три года по обвинению в «распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». В заключении получил еще один год и один месяц лишения свободы.

После освобождения в феврале 1984 года был направлен для проживания под надзором в г. Калинин, где работал программистом. В результате провокации был обвинен в злостном хулиганстве и в 1985 году приговорен к трем годам лишения свободы, однако в кассационной инстанции обвинение переквалифицировали на более мягкое, и 19 апреля 1985 года Бахмин был освобожден из-под стражи.

В 1988 году Бахмин вернулся в Москву. С 1989 года — член возрожденной Московской Хельсинкской группы и Российско-американской проектной группы по правам человека.

С января 1991 года заведовал Отделом глобальных проблем и гуманитарно-сотрудничества в МИД РФ. В 1992–1995 годах — член Коллегии МИД, заместитель руководителя российской делегации в Комиссии ООН по правам человека (руководил делегацией С. А. Ковалёв). В 1992 году Бахмину был присвоен ранг Чрезвычайного и полномочного посланника II класса. С 1993 по январь 1996 года — член Комиссии по правам человека при Президенте РФ.

В 1995 году Вячеслав Бахмин оставил государственную службу. Работал исполнительным директором Института «Открытое общество» (фонд Сороса), консультантом фонда Мотта, фонда Форда, Швейцарской программы сотрудничества. Председатель Общественной комиссии по сохранению наследия академика Сахарова (Сахаровский центр).

Ред. Вячеслав Иванович, в вашем случае не надо спрашивать, как вы оказались в рядах диссидентов. Ваша биография, четыре года отсидки, известна. Скорее, есть смысл спросить: почему главным полем вашей деятельности стала именно борьба с карательной психиатрией, процветавшей в СССР?

В.Б. Лично столкнулся. В 1969 году произошел мой первый арест. Были арестованы также Ира Каплун и Ольга Иоффе. Ольга была признана невменяемой, ее посадили в Казанскую спецбольницу. Нас с Ирой тогда помиловали, а Ольгу только через год выпустили. Так я столкнулся с явным применением психиатрии в политических целях. В 1970 году я познакомился с деятельностью Владимира Буковского, потом много общался с генералом Петром Григоренко, с украинским диссидентом Леонидом Плющом.

На примере обращения с этими людьми, которых в свое время признавали невменяемыми, я понял, насколько серьезна и страшна эта проблема. Человек не просто лишается свободы, он, по сути, лишается своей личности. Он вычеркнут из жизни: считается, что все, что он говорит — бред. Его убийство уголовниками вполне могли замаскировать под суицид. Кстати, очень опасно было размещать «психически больных» рядом с уголовниками. Те понимали их заведомую беззащитность, и это провоцировало агрессию. Я сам побывал только на амбулаторной экспертизе в Институте Сербского, но примеры, о которых я упомянул, были возмутительны. И я стал вместе с друзьями этим заниматься, об этом рассказывать. За эту деятельность мне и дали срок три года, а потом в лагере еще год добавили. Но эмигрировать я не

хотел никогда. Я патриот, мне нравилась моя страна, мне нравились люди в стране.

Надо понимать, что основой всего диссидентского или правозащитного движения были нравственные мотивы: не могу лгать, не могу жить по лжи, как сформулировал Солженицын. У всех это было очень сильно. И не было задачи завоевать власть, изменить страну, потому что не знали как, не умели, да никто и не дал бы это сделать тогда. То есть политика всегда рассматривалась как дело неприятное, грязное.

Ред. Вы вышли на свободу в 1984 году, перестройка была уже близко...

В.Б. В 1988 году я был еще в Твери, работал программистом. Потом стал возвращаться к правозащитной работе, сотрудничать в фонде «За выживание и развитие человечества»⁸. Еще был жив Сахаров, активно работал Ковалёв. Я участвовал в правозащитных конференциях, вступил в возрожденную Московскую Хельсинкскую группу, занимался широким кругом проблем.

Тогда появилось значительно больше людей, которые не боялись в открытую бороться за права человека, пресса много об этом писала. Я ведь правозащитной деятельностью вынужденно занялся, просто других было немного, кто хотел бы. Помню свою беседу с генералом КГБ Филиппом Бобковым, известным персонажем. Он мне советовал прекратить мою «подрывную» деятельность, а я отвечал: «Вы прекратите — и мы перестанем».

⁸ Созданная в 1988 году международная организация ученых, задача которой — научно обосновать меры, направленные на физическое и духовное выживание и развитие человечества.

ПОЗИЦИЯ «Если свобода не выстрадана и люди за нее не бились, она ничего не стоит. Сегодня — дали,

завтра — отняли... И поэтому
ее легко отдали, потому что
она еще не стала своей. Она
еще не проросла в сущность
человеческую. Мы жили
без свободы и опять можем
пожить без свободы».

Ред. Вячеслав Иванович, героических диссидентов было очень немного. Но вот бывший политзэк — начальник департамента МИДа, Чрезвычайный и Полномочный посланник — такой вы один. Как вас допустили до дипломатии?

В.Б. Ей-богу, не рвался. Продолжал работать математиком. Позвонил С.А. Ковалёв, спрашивает: не хотите ли стать заместителем министра иностранных дел? До этого к нему обращался Андрей Козырев — он искал человека, который в российском МИДе занимался бы правами человека. Нужна была кандидатура именно не из карьерных дипломатов. Я английский знал хорошо, в тюрьме дополнительно занимался. До Козырева я еще встретился с Владимиром Лукиным, пришел к нему на квартиру. Поговорили, в том числе и по-английски, он по этой части меня прощупал. Похоже, понравились друг другу.

Потом встретились с Андреем Козыревым. Он спросил меня: «Не хотите поехать в ООН представителем России?» Я представил себе эту картину. Ведь в это время еще действовал МИД СССР. И что я стал бы там делать при матером кадровом дипломате Воронцове? Никакого хода мне бы не дали, я был бы только символом перестройки.

Ехать я отказался, а принял Отдел глобальных проблем и гуманитарного сотрудничества. Собственно, я там был один, начал себе подыскивать людей. Встал вопрос о допуске, это же МИД, а у меня была

судимость. Сначала меня не допускали ко многим документам, но ситуация менялась на глазах, и потом вдруг сразу допустили. Хотя я больше времени проводил в Белом Доме, в кабинете Ковалёва или Лукина. И августовский путч там провел. По сути, все эти дни занимался работой по профилю: мы распространяли информацию за границу, чтобы в мире знали истинное положение дел. Путч закончился, Российский МИД разместили в помещении Международного отдела ЦК на Старой площади. «Цекистов» там уже не было, только Борис Пономарев ходил, кандидат в члены Политбюро. На него смотрели, как на призрак, реликт.

Но в декабре, когда не стало Союза ССР, МИД переехал на Смоленскую площадь. Там я уже стал руководителем Департамента, в который входило три управления: Управление по гуманитарному сотрудничеству и правам человека, Управление по культурному сотрудничеству и Комиссия по делам ЮНЕСКО. Я, кстати, курировал нынешнего председателя Совета по правам человека Михаила Александровича Федотова на его должности российского постпреда при ЮНЕСКО.

Мы обосновались не на Смоленке, а в особняке с куполом на Воздвиженке.

Даже вот так войдя одной ногой как бы в политическую жизнь, я, конечно, понимал, что я там — инородное тело и меня терпят до тех пор, пока... Там работать с моими взглядами, ценностями, с моим отношением к миру,

Форма А

КГБ—УКГБ

Служба особого назначения
КГБ при ЦК СССР

24. сентября 1970 г.

СПРАВКА № 2186

Выдана гражданину (ке) Трахмину
Вячеславу Ивановичу

Год рождения 1947 национальность русскому
уроженцу (ке) г. Калинин

в том, что он (~~она~~) содержался (~~ась~~) в местах заключения с 1 декабря 1969 г. по 24 сентября 1970 г., откуда освобожден (~~а~~) по постановлению Верховного Устава УМБ по г. Москва от 24. IX 70. о прекращении уголовного дела на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 23. IX 70.
(указать основание к освобождению)

Следует к месту жительства Моск. обл. г. Долгопрудный
ул. Пивоваровская, 32, кор. 2, кв. 434
(город, село, район, область)

Зав. Начальник
службы особого назначения Александров
(подпись)

к людям очень непросто. Когда все вокруг по-другому, тебя все равно в нужный момент либо выкинут, либо поломают. Ты не можешь

все время идти против. Ты начинаешь смиряться, подстраиваться и в конце концов становишься таким же. Я этого не хотел.

ДОКУМЕНТ

Принимались меры по правовому обеспечению процесса реабилитации жертв политических репрессий и репрессированных народов, созданию механизма исполнения законодательных актов по восстановлению справедливости в отношении жертв тоталитарного режима.

Из Доклада Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации «О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации за 1993 год»

Ред. Как в вашем сознании совмещались ваши недавние «соседи»-уголовники и кадровые дипломаты, как вы осваивали протокол и этикет?

я многое освоил интуитивно. Мы интенсивно готовились к конференциям ОБСЕ, два раза в год ездили на заседания Комиссии ООН по правам человека в Женеву. Там многое можно было решить, это и привлекало — окошечко реальных возможностей.

Ред. А как вы попали в Комиссию по правам человека?

В.Б. Отчасти по рангу, чтобы и Министерство иностранных дел было представлено. Приглашение получил лично от Сергея Адамовича Ковалёва.

В.Б. Да, мир карьерного дипломата весьма специфичен. Мне помогло то, что рядом были мидовцы, но которые и раньше занимались правами человека, такие как О.С. Мальгинов. Несколько человек из старых кадров я уволил, но они были не дипломаты, а занимались совсем другим делом, нетрудно догадаться, каким. В целом, я с людьми ладил неплохо. Что касается этикета и протокола, то тут

ДОКУМЕНТ

Россия занимает достойное место в системе международной защиты прав и свобод человека. Она является участником подавляющего большинства важнейших международных соглашений, международных организаций и специализированных учреждений ООН, СБСЕ; выступила в последнее время с конструктивными инициативами о защите жертв вооруженных конфликтов, о гуманитарной помощи беженцам, перемещенным лицам. При активном участии России фактически приобрела статус общего принципа и утвердилась на международной арене позиция, согласно которой нарушение прав человека не является внутренним делом отдельного государства. Россия активно и результативно отстаивала неприменимость принципа консенсуса в вопросах, связанных с санкциями в адрес страны, нарушающей права человека.

Из Доклада Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации «О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации за 1993 год»

Ред. Вы продолжили заниматься именно международными вопросами?

не так уж часто. Но как раз международные проблемы во главе угла не стояли. Конечно, я интересовался всеми вопросами, связанными с реабилитацией невинно осужденных, но там основы были уже раньше заложены.

В.Б. Я уже сейчас не все помню, все-таки двадцать лет прошло. Мы собирались на заседания

Зато я хорошо помню, сколько споров вызвал Закон о чрезвычайном положении⁹. С.А. Ковалёв настойчиво объяснял, что он может сыграть огромную роль. Говорил, что, если не будет ограничений и контрольных механизмов, этот Закон может стать дубинкой. Я разделял этот подход и поддерживал именно ковалёвскую редакцию документа. Еще я активно работал по проблемам беженцев, контактировал с Федеральной миграционной службой. Там было немало коллизий.

⁹ Федеральный конституционный закон № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» был принят лишь в 2001 году, до этого момента и в описываемый В.И. Бахминым период сохранял свое действие Закон СССР от 3 апреля 1990 года № 1407-1 «О правовом режиме чрезвычайного положения» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. — 1990. — № 15, ст. 250.

Конечно, если человек перебрался из страны, где его неминуемо ожидает смерть, должно срабатывать право на убежище. Другое дело — разные варианты экономической мотивации перемещений. Все-таки хозяин имеет право решать: пустить ли ему гостя в дом и когда его выдворить. Что делать с людьми, которые в буквальном смысле слова не знают языка страны, в которую попали? Какое должно быть соотношение прав и ограничений?

Я придерживался минималистской позиции. Если грозит человеку смерть — не выдавать, а дальнейшее решать уже с российских позиций. Сейчас это, к сожалению, не работает, проблема не решена. По просьбам дружественных правительств Россия выдает политзаключенных. В отношении к мигрантам — крайности. То всех пускать, то всем запретить въезд. Надо приложить голову, определить, практика каких стран нам ближе. В принципе, все это решаемо. Нужна лишь политическая воля и способные люди во власти.

По «оценочным данным» ФМС России, на территории Российской Федерации находится более 500 тыс. иностранных граждан и лиц без гражданства, которые продолжают прибывать с нарушениями паспортно-визового режима и фактически бесконтрольно. В Москве и Московской области осело более 180 тыс. человек. Представительством УВКБ в Российской Федерации зарегистрировано по состоянию на 1 января 1994 года 46 572 лица из стран дальнего зарубежья, ходатайствующих о предоставлении статуса беженца (приложение 3).

Значительное расхождение между данными ФМС России и УВКБ вполне объяснимо, так как ни ФМС России, ни правоохранительные органы в лице МВД России и их службы на местах практически не в состоянии вести учет находящихся на территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства из дальнего зарубежья, в первую очередь из-за «прозрачности» южных границ Российской Федерации.

Из Доклада Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации «О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации за 1993 год»

ДОКУМЕНТ

Ред. Как вы покинули Комиссию?

В.Б. Ушел вместе с Ковалёвым, когда произошло обострение по чеченскому вопросу. Удостоверение члена Комиссии оставил на память.

Ред. А за работой ее следили?

В.Б. После 1995 года я напрямую правозащитной деятельностью не занимался. Но с интересом наблюдал за работой Комиссии, потом Совета. Помню, на Венской конференции увидел Владимира Карташкина, он выступал весьма по делу. Кроме того, я — председатель Сахаровского центра, стараюсь сохранять это наследие. Ну и друзей в этой среде у меня очень много.

Александр Копылов:
«Можно считать
положительным
моментом, что стали
приходить письма
с благодарностью»

Александр Терентьевич Копылов (родился в 1940 году в Алтайском крае) — народный депутат РФ (1990–1993). Окончил юридический факультет Алтайского государственного университета. Работал помощником директора — начальником отдела Барнаульского завода резиновых технических изделий. Был председателем Комиссии Верховного Совета Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий, членом Конституционной комиссии, входил в состав фракции «Демократическая Россия» и парламентского блока «Коалиции реформ». Заместитель председателя Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации — начальник отдела по обеспечению ее деятельности с октября 1993 по февраль 1996 года, начальник отдела по обеспечению деятельности Комиссии (1996–1999); позже — внештатный сотрудник аппарата Комиссии по правам человека, Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека и Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека.

Ред. Александр Терентьевич, в вашей биографии перед пунктом о депутатстве в 90-е годы указано, что вы работали на Алтае, на Барнаульском заводе резиновых технических изделий.

А.К. Да, работал на заводе помощником директора завода — начальником отдела. До этого служил в армии, проходил срочную службу по призыву, затем, после окончания специального учебного заведения, служил в органах военной контрразведки. Работая на заводе, занимался общественной деятельностью, в частности лекторской работой по линии общества «Знание». В период перестройки сблизился с группой активных и неравнодушных преподавателей и студентов из Алтайского госуниверситета, в числе которых был ныне хорошо известный политический и общественный деятель Владимир Рыжков. Собирались в краевой библиотеке, обсуждали происходившие политические события, дискутировали о путях развития страны, совершенствовании политической системы и о других важных тогда новых проблемах. На состоявшемся предвыборном заводском собрании в числе других работников завода был выдвинут кандидатом в депутаты и, набрав большинство голосов, был зарегистрирован в избирательной комиссии как кандидат в народные депутаты РСФСР, а по результатам выборов в марте 1990 года избран народным депутатом.

Ред. Ваша прежняя деятельность не мешала вам в новое время?

А.К. От прошлой жизни и деятельности не отрекался, афишировать прошлую службу тоже не было необходимости. Проходя службу в органах военной контрразведки, считаю, занимался полезным делом, содействуя обеспечению безопасности, сохранению государственных и военных секретов, укреплению боеготовности части. Работая на заводе, занимался общественной деятельностью, активно выступал в местной прессе, поднимая наболевшие бытовые и социальные вопросы, в частности писал и выступал по поводу неудовлетворительного медицинского, социального и бытового обслуживания и обеспечения участников Великой Отечественной войны, пассажирского обслуживания горожан, состояния дорог.

Ред. Как получилось, что в первую очередь в Верховном Совете вы занялись вопросами реабилитации?

А.К. Так случилось по жизни, может быть, «виновата» наследственность, но во мне всегда было остро развито чувство справедливости. Не терпел вранья, старался прийти на помощь тому, кто в ней нуждался. Что касается прав человека, здесь важно отметить, что моя дипломная работа на юрфаке называлась «Апартеид и геноцид — грубейшие нарушения прав человека». Эту тему порекомендовал мой научный руководитель, проректор университета Виталий Семенович Иваненко. С той поры проблема прав человека и гражданина мне стала близка. При формировании комитетов Верховного Совета путем самозаписи сомнений, в каком комитете работать, у меня не было. К тому времени я немало был наслышан о будущем руководителе Комитета, известном правозащитнике Сергее Адамовиче Ковалёве.

Проект Закона о реабилитации готовился членами Комитета по правам человека с приглашением экспертов. Основными авторами проекта были Сергей Ковалёв, Анатолий Кононов — будущий судья Конституционного Суда РФ — и Сергей Сироткин, а также эксперты из Общества «Мемориал» Арсений Рогинский и Никита Охотин.

Закон был принят, но принимался он с большим трудом. Среди депутатов, в частности бывших партийных функционеров, было немало его противников. Известно, что и финансово-экономическая ситуация в стране была тяжелой, на что также ссылались противники принятия Закона. Поддержка была получена от председателя бюджетного комитета Александра Петровича Починка, который, выступая на заседании Верховного Совета при обсуждении Закона, заявил, что его принять необходимо: «Это святое дело, деньги найдем».

После принятия Закона было принято решение создать Комиссию по реабилитации жертв политических репрессий. Ковалёв предложил мне ее возглавить. Я наотрез отказался, сказав, что есть люди, более подготовленные для работы в этой сфере деятельности, однако Сергей Адамович настаивал, его поддержали другие члены Комитета по правам человека, и в начале 1992 года, после моего согласия, постановлением Верховного Совета я был утвержден в должности председателя Комиссии.

В Комиссии был небольшой аппарат (шесть человек), состоящий из квалифицированных юристов во главе с опытейшим, имеющим большой стаж работы судьей, а главное, хорошо знающим юридические и исторические корни политических репрессий Заслуженным юристом Российской Федерации Евгением Александровичем Зайцевым.

В соответствии с нормой Закона о реабилитации (статья 18) Комиссия рассматривала конкретные дела репрессированных граждан. Докладчиками по делам, как правило, выступали представители Генеральной прокуратуры (в ранге помощника генпрокурора), Министерства внутренних дел. Участвовали в работе Комиссии представители Федеральной службы безопасности, общественных правозащитных организаций. Комиссия занималась созданием аналогичных структур в субъектах Российской Федерации, которые в предписанных Законом рамках осуществляя свою деятельность на общественных началах, выполняли важную миссию по реабилитации граждан, пострадавших от политических репрессий.

Комиссия внесла свою лепту в дело реабилитации лиц, невинно пострадавших в июне 1962 года во время расстрела мирных граждан в Новочеркаске. По инициативе Комиссии Верховным Советом РФ было принято Постановление, в котором дана оценка тем событиям и реабилитированы незаконно обвиненные и осужденные их участники. Мне довелось присутствовать на траурном митинге в Новочеркаске 2 июня 1992 года, где участники событий вспоминали трагические события тридцатилетней давности. Выступал на митинге и генерал-лейтенант в отставке, Герой Советского Союза, во время трагических событий занимавший должность первого заместителя командующего Северо-Кавказским военным округом Матвей Кузьмич Шапошников, отказавшийся выполнять приказ командующего СКВО И. А. Плиева двинуть танки на демонстрантов и приказавший мотострелкам разрядить автоматы и карабины и сдать боеприпасы.

Касаясь Новочеркасских событий, необходимо особо отметить роль журналистки и историка Татьяны Павловны Бочаровой, ее инициативу в принятии постановления Верховного Совета РФ с оценкой событий. В течение более двух десятилетий

она кропотливо изучала обстоятельства произошедшей в июне 1962 года трагедии, провела невероятную работу по розыску и эксгумации тел граждан, убитых в период событий и сокрытых властями — зарытых в старые могилы на кладбищах в разных населенных пунктах Ростовской области. Татьяна Павловна участвовала также в создании Музея Новочеркасской трагедии.

Ред. А непосредственно в Комиссию при Президенте по правам человека как вы попали?

А.К. 1 сентября 1993 года мне позвонили из приемной Руководителя Администрации Президента Сергея Александровича Филатова и попросили приехать в Кремль на встречу с ним. С. А. Филатов сообщил, что при Президенте Российской Федерации создается Комиссия по правам человека, председателем которой назначается Сергей Адамович, мне предложено стать заместителем председателя, на что мной было дано согласие.

Ред. С чего начали?

А.К. Собрались на квартире на Новинском бульваре: Сергей Адамович Ковалёв, его помощница Лидия Семьина, Сергей Сироткин, Арсений Рогинский, Евгений Зайцев и я.

В это время (3 октября 1993 года) начались известные события в районе Верховного Совета (жилой дом, в котором мы находились, расположен недалеко от здания парламента). На улице слышалась стрельба, люди в беспокойстве быстро передвигались по улице. Мы с Е. А. Зайцевым с трудом добирались до метро. Оказавшись в своей квартире вблизи телецентра «Останкино», видел как к ТЦ двигались грузовые автомобили, в кузовах которых находились кричащие люди с красными флагами, люди шли к телецентру и пешком. Вскоре началась стрельба в непосредственной близости от телецентра. Позднее рассказывали, что одна из пуль попала в окно кухни в соседнем подъезде.

Ответственно и скрупулезно подошла рабочая группа к формированию персонального состава Комиссии. Было понятно, что в нее должны войти личности,

по единодушному мнению членов рабочей группы, наиболее авторитетные, уважаемые в обществе, зарекомендовавшие себя в защите и отстаивании прав и свобод человека и гражданина, имеющие глубокие демократические убеждения и публично выраженные демократические взгляды. В итоге члены рабочей группы предложили руководству Администрации Президента состав Комиссии и после одобрения 14 человек были утверждены Указом Президента Российской Федерации от 1 ноября 1993 года № 1798.

Были также подготовлены положение о Комиссии и проект штатного расписания отдела по обеспечению деятельности Комиссии численностью 25 человек. Начальником отдела был назначен я, а С. В. Сироткин и М. Г. Арутюнов — заместителями. Отдел состоял из трех секторов: по работе с обращениями граждан, аналитического и защиты прав беженцев и вынужденных переселенцев. В то время проблема беженцев и вынужденных переселенцев была актуальной.

Ред. Как вам работалось в Комиссии?

А.К. Работали в соответствии с планом, исходя из реально складывающейся обстановки в стране в области защиты прав граждан, предложений членов Комиссии, поступающих жалоб и иных обращений граждан, рекомендаций Администрации Президента. К сожалению, члены Комиссии на заседания собирались редко. Сергей Адамович не был склонен часто проводить заседания и решать вопросы коллегиально. К тому же начались известные события в Чеченской Республике, куда часто и надолго выезжал Ковалёв.

На одном из первых заседаний обсуждалась ситуация, изложенная в поступившем в Комиссию письме, где сообщалось о преступной деятельности руководителя Ступинской экстерной школы-интерната (СЭШИ) В. Д. Столбуна. В этой школе проводились никем не санкционированные медицинские эксперименты над детьми: ученики ежедневно подвергались воздействию электрическими импульсами на зоны вокруг ануса, в промежности и других частях тела. Дети недосыпали, был установлен тотальный контроль над их сознанием, насаждалось полное подчинение воле «диктатора-руководителя» посредством психогенного воздействия,

дети оказались полностью изолированы от внешнего мира.

Был создан Экспертный совет, состоящий из известных детских психиатров и психологов, педагогов, юристов и членов Комиссии по правам человека, которые трижды выезжали в СЭШИ, провели обследование условий обучения и содержания детей. В заключениях членов Экспертного совета, обследовавших условия обучения, воспитания и оказания медико-психологической помощи в Ступинской школе-интернате, отмечались полная унификация личности, нарушения прав детей, закрепленных в Конвенции ООН о правах ребенка, нарушения законодательства России об образовании и оказании психиатрической помощи. По рекомендации Комиссии приказом Минздравмедпрома России практики Столбуна были запрещены, и его школа прекратила свое существование.

Важной задачей Комиссия считала осуществление контроля за выполнением принятого в июне 1993 года Закона о праве граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства¹⁰. Реально этот Закон слабо выполнялся, в Комиссию поступало много жалоб. Комиссией было подготовлено обращение в Конституционный Суд, который принял по этой проблеме соответствующее решение.

В Комиссию поступало значительное число жалоб и иных обращений граждан и организаций. По наиболее острым и носящим массовый характер жалобам проводились заседания и принимались соответствующие решения и рекомендации, направляемые в органы власти федерального и регионального уровня, а также в органы прокуратуры и другие государственные структуры для принятия мер.

¹⁰ Закон РФ от 25 июня 1993 года № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. — 12.08.1993. — № 32, ст. 1227.

Принятие Гражданского кодекса Российской Федерации с необходимостью требует адекватной реформы гражданско-процессуального законодательства. Однако действующий Гражданский процессуальный кодекс, в значительной степени устаревший, был изменен лишь частично. Принятый 27 октября 1995 года Закон внес в ГПК ряд позитивных изменений, прямо закрепив принцип состязательности и равноправия сторон, предусмотрел возможность судебного оспаривания нормативных актов министерств и ведомств, касающихся прав и свобод. К сожалению, Закон оставил в стороне проблему исполнения судебных решений по гражданским делам, решение которой является в настоящее время одной из самых актуальных задач.

Из Доклада Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации «О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации в 1994–1995 годах»

Для более широкого привлечения внимания руководителей государственных ведомств и общественности к проблемам обеспечения и защиты прав человека и гражданина Комиссия практиковала проведение научно-практических семинаров, конференций, круглых столов с участием широкого круга правозащитников и представителей ведомств. Так, в ноябре 1995 года Комиссия провела круглый стол на тему «Проблемы обеспечения прав человека на охрану здоровья и медицинскую помощь в учреждениях пенитенциарной системы Российской Федерации». По итогам этой встречи был направлен доклад Президенту Российской Федерации.

Ред. А проводила ли Комиссия круглые столы по проблемам жителей Чеченской Республики?

А.К. Вопрос о нарушении прав человека на Северном Кавказе Комиссия не рассматривала. Члены Комиссии, в частности известный правовед профессор С.С. Алексеев, а также И.Н. Голембиовский и другие, неоднократно ставили вопрос о необходимости обсуждения на заседании Комиссии ситуации, связанной с нарушениями прав человека и гражданина в процессе вооруженного конфликта в Чечне, однако Комиссия так и не собралась для обсуждения проблемы. Не было должной реакции и на поступавшие в Комиссию многочисленные жалобы граждан, проживающих на территории прибалтийских республик, на нарушения их прав.

Ред. А как вы вышли из Комиссии?

А.К. Заявление о выходе из Комиссии после того, как из нее вышли Сергей Ковалёв

и некоторые другие ее члены, я не писал. Просто Комиссия самораспустилась. Вскоре меня пригласил помощник президента по правовым вопросам М.А. Краснов и высказал мнение, что в связи с самороспуском Комиссии по правам человека необходимо подготовить предложения о новом составе Комиссии, назвав фамилии известных юристов, общественных деятелей, журналистов, адвокатов, которые могли бы, при их согласии, войти в состав Комиссии. Некоторые кандидатуры были предложены другим помощником президента — Г.А. Сатаровым. Так был сформирован состав Комиссии, которую по рекомендации М.А. Краснова возглавил главный научный сотрудник Института государства и права РАН, видный специалист в области международного и гуманитарного права, профессор Владимир Алексеевич Карташкин.

Ред. А вы сами чем занялись?

А.К. Был назначен начальником отдела по обеспечению деятельности Комиссии, правда, отдел был сокращен до восьми человек. Занимался обеспечением организационной деятельности Комиссии и обращениями граждан.

Ред. Что изменилось по сравнению с первым составом Комиссии?

А.К. Комиссия стала собираться регулярно. Стали проводиться круглые столы, конференции общественных правозащитных организаций, в том числе с участием силовых структур (прокуратуры, МВД), на которых достаточно нелицеприятно, иногда резко подвергались критике действия

правоохранительных органов, существующая в органах МВД «палочная» отчетность.

Например, в июне 1998 года в Санкт-Петербурге была проведена Всероссийская научно-практическая конференция «Правозащитное движение и механизмы защиты прав человека», на которой заинтересованно обсуждалось положение с обеспечением и защитой прав граждан в российских регионах. В конференции участвовали правозащитники из всех субъектов Российской Федерации, состоялся нелицеприятный для власти, органов прокуратуры и МВД, но полезный разговор об имеющихся местах серьезных нарушениях прав человека и гражданина. На конференции выступили многие известные правозащитники: Л.М. Алексеева, Б.П. Пустынцев, Ю.М. Шмидт, К.А. Москаленко, С.А. Ганнушкина, Л.А. Пономарев, В.М. Гефтер, А.В. Бабушкин и другие. По результатам конференции был издан стенографический отчет и вместе с итоговым документом направлен каждому участнику.

Полезный круглый стол состоялся по проблемам обеспечения и защиты прав малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, инициатором его проведения был член Комиссии главный редактор журнала «Северные просторы» Валентина Давыдовна Голубчикова и депутаты местных советов Севера и Дальнего Востока.

В это время пришлось много ездить по регионам России, часто — по проверке поступающих в Комиссию жалоб на нарушения прав граждан, в том числе от лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Так, посетили вместе с сотрудником отдела С.П. Митягиным знаменитую «пятерку», исправительную колонию в Вологодской области, куда впервые начали помещать осужденных к пожизненному заключению.

Отдельно занимались социальными правами сотрудников службы исполнения наказаний, где ситуация далеко не всегда соответствовала нормам действующего законодательства. По результатам посещения исправительных колоний в Саратовской, Свердловской, Читинской областях были подготовлены и направлены в Администрацию Президента, Министерство юстиции и ГУИН аналитические записки. О кардинальном улучшении положения с правами человека, безусловно, нельзя сказать, однако, по моим ощущениям, что-то в этом плане медленно менялось к лучшему.

Ред. Как долго вы работали в аппарате Комиссии?

А.К. В феврале 1999 года произошла очередная реорганизация в Администрации Президента, в результате которой отдел по обеспечению деятельности Комиссии был упразднен, и мне предложили другую должность, от которой я отказался. Поскольку ранее меня приглашали работать в аппарате недавно созданной новой государственной правозащитной структуры — Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, я перешел на работу туда.

Ред. Какой там у вас был участок деятельности?

А.К. Мне было поручено организовать работу по взаимодействию с уполномоченными по правам человека, комиссиями по правам человека и общественными правозащитными организациями в субъектах Российской Федерации. По роду деятельности посетил многие города страны: Калининград, Саратов, Краснодар, Тольятти, Сочи. В 2001 году ушел на пенсию по возрасту.

Ред. Получается, ненадолго?

А.К. Да. В августе позвонили от Эллы Александровны Памфиловой и попросили приехать к ней на встречу. Она пригласила меня к сотрудничеству с возглавляемой ею к тому времени Комиссией по правам человека на нештатной основе, занявшись работой по рассмотрению обращений граждан, на что я с удовольствием согласился.

Ред. Атмосфера работы в Комиссии в это время изменилась?

А.К. Безусловно, стиль работы руководителя стал отличаться большей деловитостью, конкретностью, принципиальностью, требовательностью и, конечно, эффективностью. Элла Александровна при решении вопросов постоянно контактировала с руководством Администрации Президента, а в необходимых ситуациях, требующих решения главы государства, использовала и этот уровень общения, чего до нее не было. Она подерживала постоянные деловые контакты не только с членами Комиссии, а затем — Совета, большинство из которых являются лидерами общественных правозащитных

организаций, но и со многими правозащитниками, не входящими в состав Комиссии (Совета).

Что касается отношений в коллективе, то они были доброжелательными, уважительными, доверительными. Каждый сотрудник понимал свою меру ответственно-сти за общее дело. Стиль работы, атмосфера в коллективе сохраняются и после ухода Эллы Александровны.

Ред. Чем вы конкретно помогаете работе Совета?

А.К. Моя работа заключается в том, чтобы внимательно изучить поступившее обращение (жалобу), вникнуть в суть волнующей автора обращения проблемы, а затем на основе изложенных в письме фактов и доводов и в соответствии с действующим законодательством подготовить проект письма (запроса) за подписью председателя Совета руководителю органа государственной власти (министру, губернатору), прокурору, руководителю следственного комитета либо другому должностному лицу с просьбой рассмотреть проблему, проверить факты и решить вопрос в соответствии с законом. Часто направляемые должностным лицам запросы ставятся на контроль в целях проверки исполнения.

Совет в своей деятельности руководствуется утвержденным главой государства Положением о Совете, и далеко не каждое адресованное Совету обращение (жалоба, просьба) может быть решено Советом. Совет не наделен властными и распорядительными полномочиями и не вправе давать обязательные для исполнения указания органам власти и должностным лицам в сфере их полномочий. Такая информация доводится до авторов обращений, часто им разъясняется норма закона, в соответствии с которой волнующую гражданина проблему может и должен решать такой-то орган власти или такое-то должностное лицо. В соответствии с Конституцией и законом¹¹ Совет не рассматривает жалобы на решения судов и органов следствия.

Всегда радуется, когда приходит письмо с благодарностью за оказанную Советом помощь или содействие в решении проблемы. Полагаю, это можно считать положительным моментом в работе с обращениями граждан.

¹¹ Федеральный закон от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 8.05.2006. — № 19, ст. 2060.

Председателю Совета при Президенте
Российской Федерации по развитию
гражданского общества и правам человека
Федотову М. А.

Уважаемый Михаил Александрович!

Разрешите мне выразить Вам искреннюю благодарность и признательность за то, что обратили внимание на проблему с моим увольнением из Таганрогского металлургического техникума. Именно после того, как Вы усомнились в законности увольнения преподавателя в Таганроге, «учитывая его опыт и стаж работы», и обратились в Минобрнауки РФ к Васильевой О. Ю. с просьбой «взять под личный контроль ситуацию с увольнением Виктора Макаренко», на данную проблему обратил внимание и Председатель Правительства РФ Медведев Д. А.

Решающую роль в разрешении моей проблемы сыграл авторитет Председателя Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека.

На своем примере я имел возможность убедиться, что структуры, призванные разрешать трудовые споры в досудебном порядке, практически не работают. ...Получается, что как минимум один регион страны находится на ручном управлении.

С уважением,
Заслуженный учитель РФ

В. Б. Макаренко

17.02.2018

Сергей Митягин:

«Совет состоялся как ведущий институт гражданского общества России»

Сергей Павлович Митягин (родился в 1938 году) — советник Главного управления внутренней политики Президента РФ. Кадровый армейский политработник в отставке. В прошлом руководил факультетом в Военно-политической академии имени В. И. Ленина. С 1994 по 2000 год работал в аппарате Комиссии по правам человека, в 2000–2002 годах — член Комиссии (ответственный секретарь Комиссии). После выхода на пенсию не порвал связь с Советом при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, помогает в работе с письмами и обращениями граждан.

Ред. Сергей Павлович, ваш путь к работе в правозащитных структурах широко не освещался. Расскажите о нем, пожалуйста.

С.М. Я был кадровым армейским политработником. Завершил военную службу в марте 1994 года начальником факультета Военно-политической академии имени В. И. Ленина. Вел также занятия на факультете по программе кафедры военного права.

Ред. А когда в новое время появилась Комиссия по правам человека, вы знали о ее работе?

С.М. Глубоко работу Комиссии я до поры не знал. Но у нас был организован Институт переподготовки военнослужащих; это были тогда, по сути, девятимесячные курсы. Институт и сейчас успешно работает; известен как Институт им. Екатерины Великой. Он многим военным помог адаптироваться к гражданской жизни. Тогда я, предвидя завершение своей службы в Вооруженных Силах, занимался в этом Институте,

в частности проходил курс для специалистов в области права и прав человека — так он назывался.

Ред. Акцент делался на военном праве?

С.М. Нет, преподавание велось по широкому кругу дисциплин: общеправовые вопросы, философия права. Специальный курс по правам человека читал профессор Вячеслав Павлович Серегин, доктор юридических наук. Тогда у нас в стране был уже опубликован и стал широко распространяться текст Всеобщей декларации прав человека. Профессор Серегин читал нам лекции очень увлеченно и особое внимание уделял этому документу, подробно его комментировал. Так что, придя по рекомендации на работу в аппарат Комиссии по правам человека при Президенте РФ, я уже некоторое представление о предмете имел. Кстати, как сейчас помню, я вышел на работу 5 марта, в Комиссии поздравляли женщин с наступающим 8 Марта, так что я сразу смог со всеми познакомиться в неформальной обстановке.

ДОКУМЕНТ

Комиссия вынуждена также констатировать, что рекомендации и предложения по соблюдению прав человека в уголовно-исполнительной системе, изложенные в Докладе за 1993 год, остались невостребованными.

Причины, обуславливающие бедственное положение, сложившееся в учреждениях пенитенциарной системы, в значительной степени носят экономический характер, однако этим не исчерпываются.

По состоянию на 1 декабря 1995 года в пенитенциарных учреждениях страны содержалось свыше миллиона граждан России, что превышает численность 1994 года: на 6,7% — лиц, содержащихся в исправительно-трудовых учреждениях, и на 15,1% — лиц, содержащихся в следственных изоляторах и тюрьмах (более подробные данные см. в приложении 1). Рост численности заключенных повсеместно сопровождается ухудшением материально-бытовых и медико-санитарных условий их содержания, продовольственного и вещевого обеспечения.

Предусмотренные бюджетом потребности уголовно-исполнительной системы в финансировании удовлетворены не полностью. По данным МВД, по состоянию на 1 января 1995 года общая задолженность по смете составляла 335 млрд рублей, по состоянию на 1 января 1996 года — уже 1373,5 млрд рублей.

Из Доклада Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации «О соблюдении прав человека в Российской Федерации в 1994–1995 годах»

Ред. Чем вы стали заниматься?

С.М. Мне поручили рассматривать жалобы граждан. В основном (более двух третей)

это были жалобы социального характера, и тут я должен сказать о Сергее Адамовиче Ковалёве. В процессе постоянного общения с ним я на многое взглянул иначе. Меня

привлекли его рассуждения о правах человека. Он четко формулировал свои мысли. Ковалёв видел проблему прав человека там, где другие не видели или не хотели видеть. Он остро реагировал на факты ущемления человеческого достоинства, неуважительно-го отношения к личности, любые нарушения действующего законодательства в области прав человека. Предполагаю, что стремление сохранить человеческое достоинство и свободу личности, неприятие двойных стандартов и сформировало его общественно-политическую позицию.

Я выполнял поручения Сергея Адамовича. Вот конкретный пример. Пришла групповая жалоба граждан, содержащихся в одном из следственных изоляторов Кемеровской области, на условия содержания. Мне было поручено проверить жалобу с выездом на место. По запросу С.А. Ковалёва вместе со мной выехали сотрудники Главного управления исполнения наказаний (ГУИН) и Генеральной прокуратуры. Следственный изолятор, который мы проверяли, был переполнен. Люди могли спать только поочередно, в три-четыре смены. Это было летом, антисанитария, увеличивалась смертность.

Здесь мы проработали несколько дней, выясняя, почему переполнены камеры. Пришли к выводу, что местные правоохранительные органы за условия содержания лиц, помещенных в следственный изолятор, ответственности не несли и заполняли изолятор, несмотря на его перенаселенность. Особенно тяжело было смотреть на подростков, которых сажали за какой-нибудь килограмм украденных конфет.

Еще одно обстоятельство в то время усугубило ситуацию в этой сфере. Раньше все эти учреждения производили кое-какую продукцию, и производственная база оставалась. Но в связи с радикальными переменами в экономике сбывать результаты их труда стало некому. Должен, кстати, особо отметить высокие человеческие качества сотрудников ГУИНа, в подавляющем большинстве это достойные и отзывчивые люди. Нередко, когда становилось совсем плохо, они из своей зарплаты покупали хлеб заключенным.

Еще на одну проблему С.А. Ковалёв обратил внимание. По действовавшему в тот период законодательству осужденные не имели права на получение пенсии и лишались права на жилье, где они проживали до осуждения. Комиссия инициировала рассмотрение данных вопросов в Конституционном

Суде, который признал эти правовые нормы не соответствующими Конституции.

Ред. Какими еще проблемами вы занимались?

С.М. Началась война на Северном Кавказе. Ковалёв выехал туда, и в работе Комиссии начались перерывы. Сергей Адамович из-за своих убеждений по-другому поступить не мог. Большинство членов Комиссии его действия поддержали, но не все. Защитить целостность государства было необходимо, хотя война, конечно, радовать не могла.

Ред. То есть вы на те события смотрели в большей степени, как военный?

С.М. Военный никогда не допустит нарушения прав мирного населения: он знает, что нельзя переступать черту закона. Офицер работает с солдатами, он отвечает за их жизни, постоянно несет ответственность за их действия. Приказов бомбить мирное население не было и быть не могло. Тут нельзя усматривать злой умысел.

Ред. А кто его усматривал?

С.М. Очень непростые отношения сложились у армии с Комитетом солдатских матерей. Некоторые его руководители были настроены просто агрессивно. Они могли позволить себе любое высказывание, не заботясь при этом о его достоверности. Но у Комитета солдатских матерей есть и неоспоримые, на мой взгляд, заслуги. Комитет привлек внимание общества и государства к фактам «дедовщины», неустроенности солдатского быта, безответственного отношения отдельных командиров к обучению солдат, сохранению их здоровья и жизни. Это не может не вызывать уважения.

Ред. И все же Комиссия под председательством С.А. Ковалёва перестала существовать в ходе чеченской войны...

С.М. В том составе она зашла в тупик.

Ред. Но ведь Сергей Адамович Ковалёв говорил с президентом, искал возможность донести до него информацию.

С.М. Он высказывал свои убеждения. Но, наверное, нельзя настаивать только на своей позиции без учета мнения собеседника.

Ред. Как сложилась ваша работа после само- роспуска Комиссии?

С.М. Я, как и весь аппарат Комиссии, был переведен в Управление по работе с обращениями граждан. Около года я там трудился. Необходимо было отбирать письма, требующие решения руководства, исполнительных или законодательных органов власти — федеральных или местных.

Ред. Местные власти любят у нас пересылать жалобы заявителя именно тому, на кого он и жалуется.

С.М. К сожалению, и такое бывало, грешили этим и федеральные властные структуры.

Ред. А как вы вернулись в Комиссию?

С.М. Руководство поручило заместителю председателя Комиссии Александру Терентьевичу Копылову и консультанту отдела по обеспечению ее деятельности Вере Константиновне Бобровой подготовить предложения по новому составу Комиссии. Я начал работать с Владимиром Алексеевичем Карташкиным, стал впоследствии ответственным секретарем Комиссии.

Ред. Но он выбрал иное направление работы, чем Ковалёв?

С.М. В.А. Карташкин взял курс на правовое просвещение. Мы провели ряд крупных научно-практических конференций, в том числе международных, посвященных правам человека и механизму их исполнения. Речь шла об имплементации соответствующих норм международного права в российское законодательство.

Справедливости ради должен заметить, что предыдущий председатель, С.А. Ковалёв, этим тоже занимался. В августе 1994 года мы, группа членов и сотрудников аппарата Комиссии, были направлены в США, посетили Анкоридж, Вашингтон, Миннеаполис. Беседовали с омбудсменами штатов, знакомились с опытом защиты прав человека, нам показали широко развитую систему омбудсменов США в действии.

По моему мнению, заслуга В.А. Карташкина и того состава Комиссии заключается в том, что понятие «права человека» активно вошло в нашу жизнь, началось рабочее общение правозащитников с органами власти. Был издан президентский

указ о развитии правозащитной деятельности¹², в котором рекомендовалось создавать комиссии по правам человека в каждом субъекте Федерации. В 1999 году Администрация Президента организовала представительный форум в Кремле, где власть встретилась с правозащитниками. Это было большое событие: состоялся диалог руководства страны и правозащитников.

В постоянном контакте Комиссия по правам человека при Президенте РФ находилась с региональными комиссиями по правам человека в субъектах Российской Федерации. В региональных комиссиях были широко представлены неправительственные правозащитные организации, они активно способствовали тому, чтобы голос правозащитников был услышан.

Была проведена конференция в Московском университете МВД, в ней участвовали и представители Совета Европы. Две стороны услышали друг друга. Помню, представители милиции стали жаловаться, что общественность их часто обижает. Людмила Михайловна Алексеева возразила им, что надо вести себя в рамках закона — тогда обид не будет.

Ред. Вы остались работать в Комиссии и тогда, когда пришла Элла Александровна Памфилова?

С.М. Я в течение двух месяцев помогал Комиссии приступить к работе в новом составе, передавал дела, знакомил новых коллег с аппаратной работой. Мне было уже 64 года, я знал, что срок моей госслужбы истекает. Вместе с Э.А. Памфиловой пришел Максим Александрович Лесков, талантливый человек, хороший организатор, он быстро вошел в курс дела и четко руководил аппаратом Комиссии. Высококвалифицированным управленцем зарекомендовала себя Ольга Васильевна Яратова. Ну, а сама Элла Александровна — ярчайший, творческий человек.

¹² Указ Президента Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 864 «О некоторых мерах государственной поддержки правозащитного движения в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 17.06.1996. — № 25, ст. 2998.

Ред. Но связь с Комиссией вы не прервали?

С.М. Я не прерывал дружбы с моими коллегами. Могу, если хотите, поделиться личным.

Ред. Конечно, Сергей Павлович, если считаете возможным.

С.М. У меня случилось горе, тяжело болел старший сын и через год скончался. И все это время я чувствовал настоящую человеческую поддержку и внимание Эллы Александровны и своих коллег. Такое не забывается. Так что дружеские связи, теперь уже с рабочим аппаратом Совета, я бережно сохраняю и дорожу ими.

Ред. В чем это выражается по работе?

С.М. Я выполнял отдельные поручения Эллы Александровны по работе с письмами, по подготовке документов. В контакте я и с Михаилом Александровичем Федотовым и вижу, как растут авторитет и влияние Совета. Получилось так, что Комиссию, как и Совет, на каждом этапе их деятельности возглавляла выдающаяся по своим качествам, неординарная личность, благодаря чему этот общественный

институт находится в постоянном развитии. Можно, пожалуй, обобщить.

Ред. Будет прекрасно, если вы это сделаете: вы ведь ветеран Совета.

С.М. Ни при С. А. Ковалёве, ни при В. А. Карташкине в полном своем составе Комиссия с президентом не встречалась ни разу. О встречах С. А. Ковалёва с Президентом России не знаю, Б. Н. Ельцин один раз встретился с В. А. Карташкиным.

Регулярные встречи Президента Российской Федерации с Комиссией, а затем и с Советом начались с приходом Эллы Александровны. При Михаиле Александровиче такие встречи, насколько мне известно, — в рабочем графике Президента. О решениях и рекомендациях Совета знает вся страна, и, как правило, они получают широкий общественный резонанс, оказывают существенное влияние на формирование общественного мнения, учитываются руководителями государства. Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека состоялся как ведущий институт гражданского общества России.

ДОКУМЕНТ

В. Путин: Сегодня Международный день прав человека. И эта дата имеет к вашей работе самое непосредственное отношение. Думаю, что было бы правильно, если бы мы воспользовались этим днем как поводом для того, чтобы поговорить по всему комплексу вопросов, которые вас и меня, всех нас волнуют, в неформальном режиме. Защита гражданских прав и свобод для России — вопрос особенно актуальный.

...Мы не сможем часто видеться в таком формате, что жаль, потому что не знаю, как вам, но для меня это было очень полезно и очень интересно, поскольку от людей, которые работают на госслужбе, конечно, таких откровенных, прямых разговоров часто ждать сложно. Но если нам не удастся часто встречаться, все-таки я вас прошу свои предложения формулировать, и мы найдем механизм, постараемся найти такой механизм, чтобы это доходило до меня, до Администрации Президента через Элли Александровну. Но просьба какая? Постараться формулировать это в виде проектов управленческих решений, не просто как идею, хотя идея сама тоже неплоха, но все-таки в виде проектов управленческих решений, чтобы это можно было прямо раздать на исполнение в соответствующие, как раньше любили говорить, инстанции и посмотреть, что там происходит. Это первое.

И второе, я вас прошу не терять настойчивости и энергии в реализации тех задач, которые вы считаете важными для той сферы деятельности, которой занимаетесь.

Из стенографического отчета о встрече с членами Комиссии по правам человека 10 декабря 2002 года

Сергей Филатов:

«Международные связи — это гарантия того, что в таком тонком, уязвимом в России вопросе, как права человека, мы не окажемся в одиночестве»

Сергей Александрович Филатов (родился 10 июля 1936 года в Москве) — российский государственный, политический и общественный деятель, президент Фонда социально-экономических и интеллектуальных программ. Окончил Московский энергетический институт, кандидат технических наук, Лауреат Государственной премии СССР. Работал на Московском металлургическом заводе «Серп и молот», на металлургическом заводе имени Хосе Марти на Кубе. Заведовал лабораторией, отделом систем управления во Всесоюзном научно-исследовательском и проектно-конструкторском институте металлургического машиностроения имени А. И. Целикова.

В 1990 году был избран народным депутатом РСФСР, членом Верховного Совета России, был членом Комитета Верховного Совета по свободе совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности, членом Комитета по вопросам экономической реформы и собственности. С января по ноябрь 1991 года — Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР. В августе 1991 года во время ГКЧП возглавлял депутатский штаб обороны Белого дома. С ноября 1991 года — первый заместитель Председателя Верховного Совета РСФСР, член Президиума Верховного Совета РСФСР. С апреля 1992 года — постоянный член Совета Безопасности Российской Федерации (по должности).

С 1993 по 1996 год был руководителем Администрации Президента Российской Федерации, а также председателем Экспертно-аналитического совета при Президенте РФ и председателем комиссии при Президенте РФ по государственным премиям в области литературы и искусства. В 2006 году стал председателем Экспертного совета Фонда «Внимание». Ныне возглавляет Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ. Член Союза журналистов России. Председатель Союза писателей Москвы, сопредседатель Общественного научно-консультативного совета при ЦИК России (с 2010 по 2015 год). Имеет государственные награды.

Ред. Сергей Александрович, ваше соприкосновение со сферой прав человека началось в пору вашего депутатства в Верховном Совете РСФСР, верно? Вы ведь возглавляли, что называется, «смежный» комитет?

С.Ф. Да, я был членом Комитета Верховного Совета по свободе совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности. Сразу отмечу, что попал туда случайно: нужно было побольше людей, чтобы это образование обрело статус Комитета, и я, по просьбе коллег, согласился. Хотя я остро чувствовал, что на этом переломном этапе нужны были юристы и экономисты, а я ведь инженер, лишь несколько позже оказались востребованы мои качества системщика.

Тем не менее пошел я в этот Комитет с хорошим настроением на работу. Я понимал, что натворила советская власть в отношении Церкви. И первый же закон мы разрабатывали совместно с Комитетом по правам человека, который возглавлял Сергей Адамович Ковалёв. Об этом человеке могу говорить

только в превосходных тонах: уникальная личность.

Ред. Вот и расскажите: для такого разговора об истоках Комиссии по правам человека мы и встретились.

С.Ф. На мой взгляд, Сергей Адамович был выдающейся фигурой не только в «гуманитарных» комитетах Верховного Совета, он вообще был самой значительной личностью среди тогдашних депутатов. До этого знамя борьбы за демократию держал гениальный ученый и принципиальный правозащитник Андрей Дмитриевич Сахаров. Ковалёв был его личным другом, соратником, и он после ухода Сахарова это знамя подхватил.

Господи, какими же неудобными для власти советского образца, да и новой тоже, были эти правозащитники! Ведь для советского чиновника его слово — истина в последней инстанции, а эти бывшие политики со многим не соглашались и были жутким раздражителем.

ДОКУМЕНТ

В целом, решены правовые проблемы механизма действия Закона о реабилитации жертв политических репрессий — установлен порядок предоставления льгот и возврата незаконно отчужденного имущества или выплаты за него компенсации. На выплату компенсаций реабилитированным в федеральном бюджете на 1994 год были выделены соответствующие средства. Приняты акты о восстановлении справедливости в отношении репрессированных бывших военнопленных и репатриированных советских граждан, а также о мерах по реабилитации калмыцкого, балкарского, карачаевского, чеченского народов, казачества и о государственной поддержке их возрождения и развития.

Несколько более определенно обозначились меры по преодолению детской безнадзорности и сиротства, созданы первые специальные учреждения социальной реабилитации.

В течение 1994–1995 годов продолжался возврат имущества, культовых зданий и сооружений общинам верующих различных конфессий, что, несомненно, способствует восстановлению и обеспечению свободы совести и вероисповедания.

Из Доклада Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации «О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации в 1994–1995 годах»

Ред. То есть более высокого авторитета в правозащитной сфере не было, вы об этом очень убедительно сказали. К моменту назначения Сергея Адамовича на пост председателя Комиссии по правам человека при Президенте мы еще вернемся, а пока расскажите, пожалуйста, как борьба за демократию в России вылилась в борьбу президента

Ельцина и лидера экономических реформ Гайдара со спикером Хасбулатовым.

С.Ф. Произошло это, прямо скажем, довольно быстро. В конце 1991 года верхушка Верховного Совета встретилась с Борисом Николаевичем. Обсуждали пути реформ, со всем согласились, решили действовать

совместно, а уже 13 января в Рязани, не все это тогда заметили, Хасбулатов очень резко выступил против реформ, еще толком не начавшихся.

Ред. Сергей Александрович, им все-таки двигали дьявольские амбиции или он не поверил в возможность продвижения к рынку как экономист?

С.Ф. Амбиции у него были очень крупные. Я подозреваю, он очень хотел, чтобы реформы шли под его личным руководством, он же преподавал на экономическом факультете МГУ, правда, специализировался на зарубежной экономике. Возможно, ревность была. Так или иначе, он стал последовательно выступать против реформ. А ситуация ведь какая была? Сумасшедший внешний и внутренний долг, нефть каждый день дешевеет, республики никакие союзные выплаты на себя не берут. Гайдара оправдывает только то, что двигаться надо было очень быстро, хотя, конечно, надо было что-то придумать, чтобы это движение не было таким мучительным для людей, многое нужно было объяснить. Вот Хасбулатов этим и воспользовался, за ним пошли руководители многих комитетов, некоторые национальные республики, а коммунисты просто возликовали.

Ред. Как вы покинули Верховный Совет?

С.Ф. Мы чувствовали, как накаляется атмосфера. Вместе с другими заместителями, настроенными на реформы, Шумейко и Яровым, встретились с Президентом, говорили о том, что трудности нарастают. Хасбулатов узнал об этой встрече без его участия и начал от нас избавляться. Сначала он выпихнул в правительство Владимира Шумейко. Потом предложил уйти мне, на этот раз даже без обвиняемых. Я воспротивился, но Борис Николаевич сказал: уходите, он вам все равно работать не даст. Так я стал руководить Администрацией Президента, а потом Хасбулатов вытолкнул и Ярова. К тому времени Верховный Совет уже превратился в изрядный гадюшник.

Ред. Как повлияли на развитие событий результаты апрельского референдума 1993 года? Известно ведь, что даже сами демократы тогда были приятно удивлены.

С.Ф. Да в том-то и дело, что результаты эти были ожидаемы, но практически

не использованы! Хотя они наглядно показали, что настроения всесильного (по тогдашней Конституции) Съезда народных депутатов совершенно не соответствуют реальным настроениям общества. Надо было тогда же, на той волне, идти на досрочные выборы нового парламента. Это не было сделано, и в итоге мы заплатились жертвами октября 1993-го.

Ред. Вот теперь, пожалуйста, расскажите об Указе № 1458 от 26 сентября 1993 года «О Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации» и о появлении этой Комиссии.

С.Ф. Этот Указ появился в череде актов (о создании Совета Федерации, о выборах в Государственную Думу, о Конституционном совещании), изданных после главного Указа № 1400 от 21 сентября о роспуске Верховного Совета, который, как и ожидалось, резко обострил ситуацию. Были и акты социальной правозащиты — мы подумали о трудоустройстве 250 депутатов. Что же касается Комиссии по правам человека, то необходимость ее как органа приема жалоб, локатора недовольства была очевидна — еще не было ответственного только перед обществом омбудсмена.

В то время были заложены основы нашего будущего вхождения в ПАСЕ, в Европейский суд по правам человека. Такой стране, как наша, нельзя оставаться без критики, наша судебная система по сей день функционирует чертовски плохо, очень зависима от власти. А что касается кандидатуры председателя, то я с легкой душой предложил Борису Николаевичу кандидатуру Ковалёва, хотя понимал, что любви между ними быть не может: один очень властный, другой — непреклонный.

Ред. На посту руководителя Администрации Президента вы реагировали на его протесты осенью 1993-го, когда в отношении подлинных и мнимых мятежников имел место произвол?

С.Ф. Да, неоднократно. В Вологде, по-моему, был случай: человека по старой доброй традиции закинули в психушку. Он сумел бросить из окна записку, и я тут же подключил к этому генпрокурора Валентина Степанкова. Беззаконие пресекли. Сергей Адамович и дальше не оставлял меня своим вниманием: то лично обращался, то просил меня

позвонить соответствующим министрам. Я бывал очень рад, когда мне удавалось его просьбы удовлетворить.

И еще я доволен, что именно он и его команда писали раздел о правах человека в новой Конституции. Он бывал на всех заседаниях рабочей группы, и я был спокоен, когда рассматривали другие статьи Конституции. Он не упускал возможности вмешаться в дефектный с точки зрения защиты прав человека текст статьи. Ведь когда Сергей Адамович говорит, долго говорит, он может показаться занудой, а читаешь документ внимательно и видишь: насколько же все продумано на несколько ходов, как в каждой статье расставлены рогадки против злоупотреблений!

Ред. Чечня вас не развела?

С.Ф. Моя позиция была не так уж далека от Ковалёвской. Мой взвешенный проект Указа по Чечне Борис Николаевич не принял, прислушался к министру внутренних дел Ерину. Я помню, как огорчился тогда, поехал к Елене Георгиевне Боннэр поделиться тревогой: война надвигается. Что предпринять, я не знал, но помог устроить встречу Ковалёва с президентом. У них состоялся долгий и безрезультатный разговор, Сергей Адамович вернулся очень расстроенным, мы долго и тяжело молчали. Кстати, почву для разрешения конфликта в свое время испортил тот же Хасбулатов. Ему в начале 90-х еще доверяли, считали, что он знает Кавказ, знает свой народ, а он запретил всякие контакты представителей федеральной власти с теми, кто уже реально был властью в Чечне, Дудаева грозил привезти в Москву в железной клетке. Сами можете представить, как гордые горцы любят такие реплики.

А что касается правозащитной сферы, то эскалация войны в Чечне зачеркнула многое, в частности Договор об общественном согласии. Она поляризовала общество; помню, как поэт Юрий Левитанский не хотел ехать в Кремль, чтобы получить заслуженную награду. На Ковалёва посыпался град обвинений за пребывание в Грозном в подвале президентского дворца. А он, не сомневаюсь, был искренен, считал, возможно, как Микоян в свое время на Кубе: пока я здесь, не будут бомбить, будет меньше жертв. Уход его с постов председателя Комиссии и омбудсмена был абсолютно закономерен.

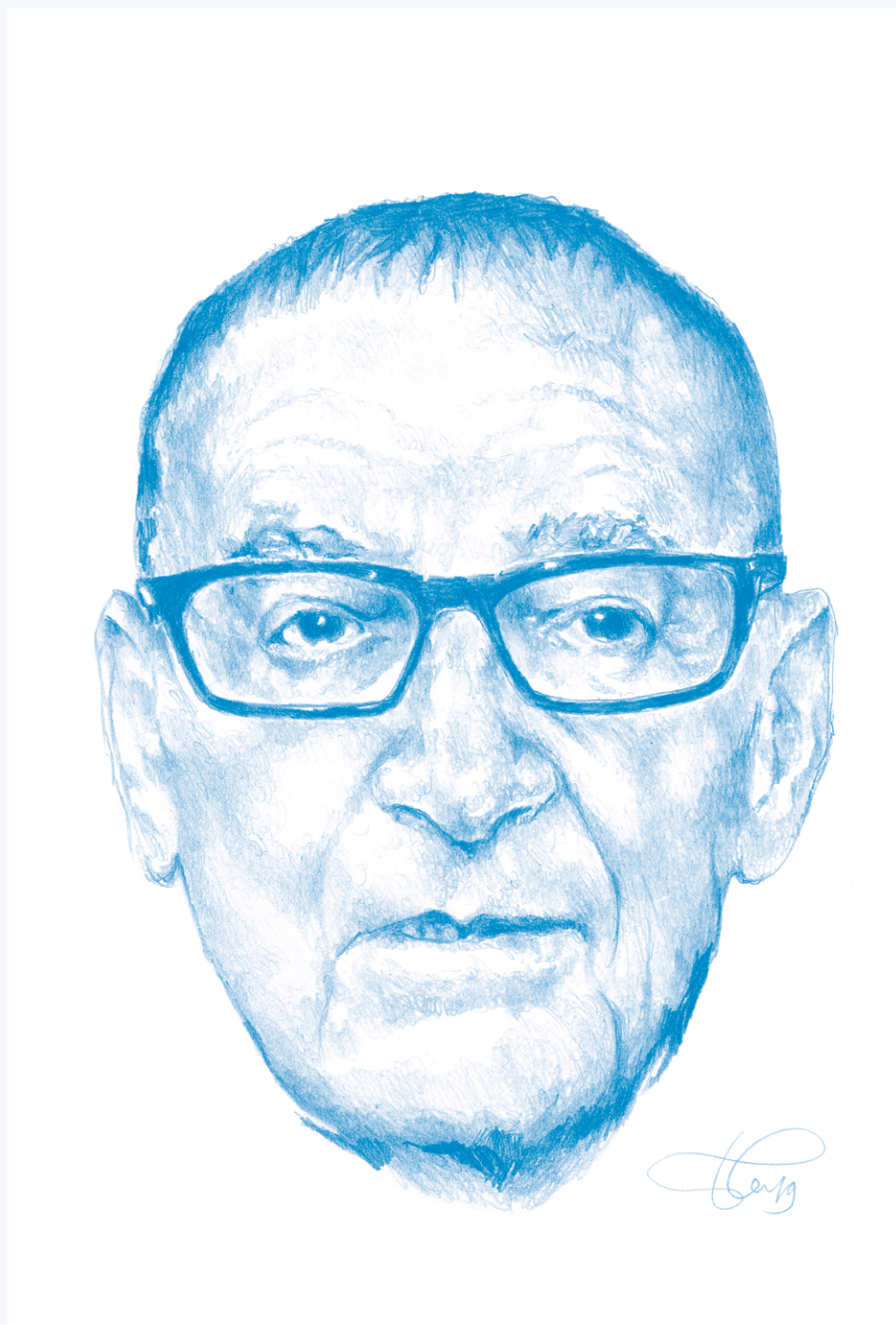
Ред. Вы продолжали следить за положением дел в правозащитной сфере?

С.Ф. Несомненно. По-моему, хорошо, неравнодушно работала Элла Памфилова. И очень удивил Олег Миронов. Сначала его назначение напугало: какой из чиновника-коммуниста омбудсмен?! Нас в ПАСЕ не принимали по двум причинам: война в Чечне и огромное несоответствие судебной системы, уголовного и уголовно-процессуального кодексов, а также условий содержания осужденных в пенитенциарной системе, европейским стандартам.

Мы тогда вместе с Государственно-правовым управлением Президента подготавливали текст обязательств РФ о совершенствовании этих систем, подписали у Президента, председателя правительства и председателей палат Федерального собрания, и я отвез эти обязательства в Страсбург. Учитывая особое положение России, во время перерыва в военных действиях в Чечне нас приняли в ПАСЕ. А ведь именно Миронов говорил в ПАСЕ, что мы будем строить соответствующие европейским нормативам тюрьмы, здания судов — и нас приняли в ПАСЕ и Европейский суд по правам человека, по сути, авансом. Миронов контролировал выполнение Россией обязательств, каждый год отчитывался.

Подчеркну еще раз: то, что мы находимся под международным правовым контролем, — это хорошо. Международные связи — это гарантия того, что в таком тонком, уязвимом в России вопросе, как права человека, мы не окажемся в одиночестве. Надо только научиться правильно реагировать на решения Европейского суда по правам человека и на обсуждения в ПАСЕ.

Пренебрежение правом в России существовало всегда. У нас, увы, это в крови. Но действующая Конституция, закрепив приоритет международного права, сделала возможным наше присоединение к Совету Европы и участие в работе его важнейших структур — Парламентской ассамблеи (ПАСЕ) и Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). Знаю, что для многих из тех, кто сегодня находится во власти, Совет Европы является настоящим бельмом в глазу. Однако, как мне рассказывали, Путин на одном из совещаний жестко заявил, чтобы никто не смел думать о выходе из международных организаций. И это вселяет определенную надежду.

«ЕСЛИ ВЫ ВОЗЬМЕТЕ КОНСТИТУЦИЮ, ТАМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЗАФИКСИРОВАНЫ ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ, КОТОРЫЕ ДАЮТ НАДЕЖДУ КАЖДОМУ ГРАЖДАНИНУ, ЧТО ВСЕ БУДЕТ В НАШЕЙ СТРАНЕ ХОРОШО. НО ДЕЛО В ТОМ, ЧТО НАШУ ИСПОЛНИТЕЛЬНУЮ ВЛАСТЬ ОКРУЖАЕТ АРМИЯ БЮРОКРАТОВ... У НАС У ВСЕХ ЕСТЬ РЕШИМОСТЬ БОРОТЬСЯ ЗА ТО, ЧТОБЫ ПРЕТВОРИТЬ В ЖИЗНЬ ТЕ ПОСТУЛАТЫ, КОТОРЫЕ ЗАПИСАНЫ В КОНСТИТУЦИИ. НО, К СОЖАЛЕНИЮ, ТЕОРИЯ ЧАСТО РАСХОДИТСЯ С ПРАКТИКОЙ, И ПРЕТВОРЯТЬ ВСЕ ЭТО В ЖИЗНЬ ДОВОЛЬНО ТРУДНО. Я, НАПРИМЕР, НЕ ТЕРЯЮ НАДЕЖДЫ, ЧТО НЫНЕШНЯЯ ВЛАСТЬ ПРИЛОЖИТ БОЛЕЕ СЕРЬЕЗНЫЕ УСИЛИЯ И ПОПЫТАЕТСЯ ВСЕ ЖЕ ПРЕТВОРИТЬ ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ В ЖИЗНЬ»

Комиссия по правам человека при Президенте Российской Федерации была воссоздана в новом составе Указом Президента Российской Федерации от 20 мая 1996 года № 740¹³. Ее председателем стал известный российский правовед-международник, признанный далеко за пределами России специалист в области теории прав человека, главный научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор Владимир Алексеевич Карташкин. В его послужном списке, помимо прочего, работа в Отделе прав человека ООН и помощником заместителя Генерального секретаря ООН по юридическим вопросам.

Естественно, руководитель с таким жизненным багажом придал работе Комиссии более академический характер, вывел ее на серьезный международный уровень. Видный ученый, читавший лекции по правам человека в лучших университетах мира, он предложил организовать работу Комиссии в каком-то смысле по своему образу и подобию.

Во-первых, привлечь высококвалифицированных юристов и политологов. Во-вторых, наладить международные связи. В-третьих, сделать конференции, семинары и симпозиумы более привычными формами работы Комиссии. В-четвертых, больше внимания уделять правовому просвещению граждан и формированию учебных курсов по правам человека. В-пятых, развивать теорию прав человека и облекать ее в форму монографий, учебников, учебных пособий и т.д.

Одним из первых достижений Комиссии стал Указ Президента Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 864 «О некоторых мерах государственной поддержки правозащитного движения в Российской Федерации», призванный способствовать становлению и полноценному функционированию гражданского общества, налаживанию «конструктивного взаимодействия между общественными и государственными институтами, обеспечения более эффективного контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина». Этим актом президент Б. Н. Ельцин поручил своей Администрации и правительству поддержать инициативу Московской Хельсинкской группы и других правозащитных организаций по созданию: межрегионального правозащитного центра, призванного стать ресурсной базой для правозащитных организаций в субъектах Российской Федерации; учебного центра по правам человека и издательского центра правозащитной литературы. В свою очередь, Комиссия по правам человека должна была установить взаимодействие с Московской Хельсинкской группой и иными координационными органами правозащитных организаций, а также включить в свой Экспертный совет видных российских деятелей правозащитного движения.

В то же время региональным органам государственной власти рекомендовалось «предоставлять (сдавать в аренду) правозащитным организациям помещения (здания) на льготных условиях» и оказывать им помощь в их деятельности, а также образовать региональные комиссии по правам человека с функциями, аналогичными функциям президентской КПЧ. В свою очередь, полномочным представителям Президента в субъектах Российской Федерации поручалось наладить взаимодействие с правозащитными организациями и взять под контроль реализацию других пунктов Указа.

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О некоторых мерах государственной поддержки правозащитного движения в Российской Федерации

В целях содействия становлению и полноценному функционированию гражданского общества, налаживания конструктивного взаимодействия между общественными и государственными институтами, обеспечения более эффективного контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина **п о с т а н о в л я ю:**

1. Одобрить решение Координационного совещания правозащитных организаций, проведенного в связи с 20-летием Московской Хельсинкской группы, о создании силами правозащитных организаций:

межрегионального правозащитного центра, призванного оказывать помощь правозащитным организациям в субъектах Российской Федерации;
учебного центра по правам человека;
издательского центра правозащитной литературы.

Администрации Президента Российской Федерации и Правительству Российской Федерации оказать содействие правозащитным организациям в реализации этого решения.

2. Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации и Главному управлению Президента Российской Федерации по вопросам конституционных гарантий прав граждан:

установить взаимодействие с Московской Хельсинкской группой и иными координационными органами правозащитных организаций;

рассмотреть в 2-недельный срок вопрос о создании Экспертного совета Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации

Федерации, предусмотрев включение в его состав видных российских деятелей правозащитного движения.

3. Рекомендовать органам государственной власти субъектов Российской Федерации:

образовать в соответствующих субъектах Российской Федерации комиссии по правам человека с функциями, аналогичными функциям Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации;

предоставлять (сдавать в аренду) правозащитным организациям помещения (здания) на льготных условиях;

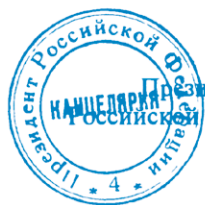
оказывать правозащитным организациям помощь в их деятельности.

4. Полномочным представителям Президента Российской Федерации в субъектах Российской Федерации:

наладить взаимодействие с правозащитными организациями;

информировать Президента Российской Федерации о выполнении рекомендаций, перечисленных в пункте 3 настоящего Указа.

5. Настоящий Указ вступает в силу со дня его опубликования.

Президент
Российской Федерации Б.Ельцин

Москва, Кремль
13 июня 1996 года
№ 864

Сергей Митягин, ответственный секретарь Комиссии, рассказывает:

«Именно В. А. Карташкину принадлежит идея создания комиссий по правам человека при главах субъектов Российской Федерации. В развитие этой идеи был подготовлен Указ Президента, и к 2000 году региональные комиссии работали уже в 63 субъектах Российской Федерации.

Со стороны Президентской Комиссии им постоянно оказывалась организационная и методическая помощь, высылались библиотечки книг по правам человека, проводились научно-практические конференции по проблематике прав и свобод человека и гражданина».

К сожалению, положения данного Указа Б. Н. Ельцина были реализованы лишь частично. Вот почему Президент России В. В. Путин был вынужден вернуться к этим вопросам в Указе 2004 года¹⁴. Он вновь одобрил инициативу создания Международного правозащитного центра и рекомендовал органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации оказывать региональным КПЧ помощь в материально-техническом обеспечении их работы, а также учитывать предложения правозащитных организаций при формировании создаваемых ими совещательных и консультативных органов.

Хотя оба президентских указа формально продолжают действовать, однако практика их выполнения и по сей день оставляет желать лучшего. В частности, из числа региональных комиссий по правам человека, созданных во исполнение указов 1996 и 2004 годов, сохранились единицы (например, в Краснодарском крае и Республике Кабардино-Балкария), а существующие в настоящее время примерно в трети регионов советы по развитию гражданского общества и правам человека появились заново, как результат выездных заседаний президентского СПЧ в 2011–2018 годах.

Реинкарнация президентской КПЧ весной 1996 года, естественно, потребовала внесения изменений в Положение о Комиссии и в ее состав. Если говорить о составе, то он, с одной стороны, сократился до восьми человек (в 1993 году было четырнадцать), а с другой — почти не изменилось соотношение числа общественников и лиц, состоящих на государственной гражданской службе (как в 1993, так и в 1996 году общественники составляли около 80% состава КПЧ). Однако в последующие годы это соотношение медленно, но неуклонно стало меняться, и в сентябре 2001 года из восемнадцати членов КПЧ на государственной службе состояли уже восемь человек: это были заместители министров, начальники главков и т.д.

Только с приходом в Комиссию нового председателя, Эллы Александровны Памфиловой, тенденцию «огосударствления» персонального состава КПЧ удалось переломить: уже в октябре 2002 года состав КПЧ увеличился до 30 человек. При этом лиц, состоящих на государственной службе, осталось всего двое — ответственные работники Главного управления внутренней политики Президента РФ.

Сергей Митягин рассказывает:

«Доктор юридических наук, профессор Карташкин пришел в Комиссию известным и авторитетным ученым в области международного права, автором фундаментальных научных исследований в области прав и свобод человека. Главными направлениями своей деятельности Владимир Алексеевич избрал разъяснение, популяризацию и отстаивание основных прав и свобод человека и гражданина.

Характерно, что именно в этот период в ряде высших учебных заведений страны, в том числе и в вузах системы МВД, появились кафедры прав человека.

По инициативе и при поддержке Комиссии в 1996 году вышло научное исследование «Общая теория прав человека»¹⁵, подготовленное с участием В. А. Карташкина в Институте государства и права РАН, в 1998-м — Комментарий к правилам обращения в органы Совета Европы по защите прав человека¹⁶. Это издание было предпринято в рамках совместной Программы Европейского Союза и Совета Европы по вопросам укрепления федеральных структур совершенствования механизма защиты прав человека и осуществления правовой реформы в Российской Федерации, что свидетельствует о постоянных рабочих контактах Комиссии с правозащитными структурами

¹⁵ Карташкин В. А., Колесова Н. С., Ларин А. М. и др. Общая теория прав человека / Отв. ред. Е. А. Лукашева. — М.: Норма, 1996. — 520 с.

¹⁶ Карташкин В. А. Как подать жалобу в Европейский Суд по правам человека: Комментарий к правилам обращения в органы Совета Европы по защите прав человека. — М.: Норма, Инфра-М, 1998. — 96 с.

Совета Европы и признании работы Комиссии по защите прав и свобод человека в России.

Большой интерес в обществе и силовых министерствах вызвал подготовленный Комиссией учебник для вузов «Права человека и вооруженные конфликты»¹⁷. Изданный тиражом 10 000 экземпляров учебник был разослан в библиотеки войсковых частей Минобороны и внутренних войск МВД Российской Федерации.

В эти же годы Комиссия продолжила работу, начатую еще С. А. Ковалёвым, по подготовке и изданию ежегодного доклада Президенту России «О соблюдении прав человека в Российской Федерации». Доклад издавался в виде книги и публиковался в «Российской газете», что делало его доступным для всех граждан России, интересующихся этой проблемой.

Тема прав и свобод человека приобрела постоянное звучание. Наверное, основным достижением стало преодоление взаимной настороженности по отношению друг к другу институтов гражданского общества и властных структур.

Этот процесс заметно активизировался в 1998 году в связи с 50-летием Всеобщей декларации прав человека. 1998-й впервые в России был объявлен годом прав человека и широко отмечен гражданским обществом и государством».

17 Абабков А. В., Базнасюк А. С., Казанчев Ю. Д. и др. Права человека и вооруженные конфликты: Учебник / Отв. ред. В. А. Карташкин. — М.: Норма, 2001. — 384 с.

Следует признать, что в те годы руководство Администрации Президента Российской Федерации не проявляло интереса к работе КПЧ. После ухода из Администрации С. А. Филатова возобладало мнение, что ее функционирование не имеет большого значения. Председатель Комиссии В. А. Карташкин длительное время не мог добиться встречи даже с заместителем руководителя Администрации М. В. Бойко, курировавшим деятельность Комиссии, для обсуждения важных вопросов. Единственная за шесть лет рабочая встреча главы КПЧ с Президентом состоялась лишь в 1998 году. Что же касается встреч Президента с Комиссией, то они не практиковались до 2002 года, когда к руководству КПЧ пришла Элла Александровна Памфилова.

Отражалось такое отношение и на сотрудниках аппарата Комиссии. В апреле 1996 года при проведении очередных организационно-штатных мероприятий в Администрации Президента отдел по обеспечению деятельности Комиссии был упразднен, а его функции переданы в Управление по работе с обращениями граждан. Однако с приходом А. Б. Чубайса на пост руководителя Администрации самостоятельный отдел по обеспечению деятельности Комиссии в количестве восьми человек был восстановлен и включен в состав Управления по обеспечению деятельности совещательных и консультативных органов. Начальником отдела был назначен Сергей Александрович Шаповалов.

Александр Копылов рассказывает:

«Ежегодно Комиссия на основе анализа ситуации с правами человека в стране с учетом информации, полученной из различных источников, готовила доклады «О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации». Были подготовлены доклады за 1993, 1994–1995, 1996–1997, 1998 годы. В докладах освещалось положение дел с обеспечением и защитой прав человека и гражданина, делались выводы и предлагались меры по улучшению ситуации.

В доклады включались разделы: о соблюдении прав беженцев и вынужденных переселенцев; о соблюдении прав человека на свободу передвижения и выбор места жительства; о соблюдении прав человека в учреждениях УИС; о соблюдении прав военнослужащих; о становлении государственных и негосударственных правозащитных институтов; о свободе слова и информации; об экстремизме как угрозе правам и свободам человека и гражданина; о соблюдении трудовых и социально-экономических прав граждан и т.д.

Доклады направлялись президенту, в правительство, в министерства и ведомства, руководителям субъектов Российской Федерации.

У К А З

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О дополнительных мерах государственной поддержки правозащитного движения в Российской Федерации

В развитие Указа Президента Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 864 «О некоторых мерах государственной поддержки правозащитного движения в Российской Федерации», в целях содействия дальнейшему становлению гражданского общества, расширения взаимодействия между общественными и государственными институтами п о с т а н о в л я ю:

1. Одобрить предложение Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации о создании Международного правозащитного центра.

2. Администрации Президента Российской Федерации и Правительству Российской Федерации оказать содействие Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации в создании Международного правозащитного центра.

3. Полномочным представителям Президента Российской Федерации в федеральных округах привлекать к участию в работе создаваемых ими совещательных и консультативных органов представителей правозащитных организаций, действующих на территории соответствующего федерального округа, в том числе путем включения представителей этих организаций в составы указанных органов.

4. Рекомендовать органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации:

оказывать помощь в материально-техническом обеспечении комиссий по правам человека в субъектах Российской Федерации;

учитывать предложения правозащитных организаций при формировании составов создаваемых ими совещательных и консультативных органов, а также указанных комиссий.

5. Настоящий Указ вступает в силу со дня его официального опубликования.

Президент
Российской Федерации В. Путин

Москва, Кремль
25 сентября 2004 года
№ 1237

Совместно с общественной организацией «Центр содействия обучению правам человека, демократии и культуре мира» был проведен трехдневный семинар «Соблюдение прав и свобод личности в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации», в котором приняли участие руководители министерства и правозащитники. По результатам семинара издан сборник материалов, который был разослан в органы МВД всех субъектов Российской Федерации.

В июне 1998 года Комиссия совместно Московской Хельсинкской группой, «Мемориалом» и общественной правозащитной организацией «Гражданский контроль» организовала в Санкт-Петербурге двухдневную конференцию «Правозащитное движение и механизмы защиты прав человека».

В эти годы проводились конференции и семинары, на которых, в частности, обсуждались ситуация с обеспечением и защитой прав коренных малочисленных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также ситуация с соблюдением прав военнослужащих (при активном участии Комитета солдатских матерей России и общественной организации «Армия и общество»).

В 1998–2001 годах Комиссия совместно с Центром содействия обучению правам человека, демократии и культуре мира на основе анализа своей деятельности, обобщения работы региональных комиссий по правам человека подготовила, издала и направила в комиссии субъектов Российской Федерации несколько исследовательских работ: «Обращения граждан как объект правового регулирования и фактор публичной политики», «Основные направления и формы сотрудничества комиссий по правам человека с неправительственными правозащитными организациями в процессе становления гражданского общества», «Обоснование и методы повышения эффективности деятельности комиссий по правам человека в субъектах Российской Федерации». Эти работы получили высокую оценку и положительные письменные отзывы председателя Московской Хельсинкской группы Л. М. Алексеевой и заведующей сектором прав человека Института государства и права РАН, члена-корреспондента РАН Е. А. Лукашевой.

Комиссия по правам человека в эти годы устанавливала и поддерживала деловые контакты с зарубежными, в том числе государственными, правозащитными организациями. В связи с поступающими в Комиссию жалобами российских граждан, проживающих в Казахстане, было налажено деловое взаимодействие и сотрудничество с Комиссией по правам человека при Президенте Республики Казахстан, организованы визиты руководителей комиссий соответственно в Москву и Астану, встречи с руководителями русских общин в Казахстане, результатом которых были практические договоренности о решении проблем обеспечения и защиты прав российских граждан. Поддерживались контакты и рабочие встречи с омбудсменом Испании (Defensor del Pueblo), были организованы визиты испанского омбудсмана в Москву и членов Комиссии в Мадрид и Лион. Осуществлялось рабочее взаимодействие с Европейским институтом омбудсмана в лице его президента Николауса Шверцлера, который несколько раз посещал Россию».

Что же касается нормативно-правовой базы деятельности Комиссии, то с приходом к руководству КПЧ профессора В. А. Карташкина она также подверглась пересмотру.

18 Указ Президента РФ от 18 октября 1996 года № 1457 «Об утверждении Положения о Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 21.10.1996. — № 43, ст. 4886.

Во-первых, в новом Положении, датированном 18 октября 1996 года, впервые появилась характеристика Комиссии как совещательного и консультативного органа при Президенте Российской Федерации, содействующего реализации главой государства его конституционных полномочий гаранта прав и свобод человека и гражданина, «признаваемых и гарантируемых в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации»¹⁸. Последнее дополнение имело принципиальный характер, поскольку расширяло круг полномочий КПЧ за пределы второй главы Конституции РФ.

Во-вторых, в Положении появились нормы о сотрудничестве КПЧ с отсутствовавшими ранее комиссиями по правам человека и иными органами, учрежденными в федеральных округах и субъектах Российской Федерации в целях защиты прав и свобод человека и гражданина, а также с Уполномоченным по правам человека в РФ, региональными уполномоченными по правам человека и Уполномоченным РФ при Европейском суде по правам человека, а также с правозащитными структурами.

В-третьих, Положение 1996 года более детально регламентировало порядок деятельности Комиссии.

В-четвертых, в Положении 1996 года был более четко решен вопрос о работе с обращениями граждан и организаций. Если в Положении 1993 года говорилось, что Комиссия рассматривает обращения граждан и организаций «о существенных нарушениях прав и свобод человека», то в новой редакции эта норма касалась уже обращений «о фактах систематических нарушений прав и свобод человека и гражданина». Кроме того, к ведению Комиссии вместо «расследования случаев массового нарушения основных прав и свобод» теперь была отнесена проверка по поручению Президента РФ либо по собственной инициативе информации «о случаях нарушений прав и свобод человека и гражданина, а также об отдельных фактах ущемления прав человека и гражданина, представляющих особую общественную опасность».

Сергей Митягин рассказывает:

«Немногочисленный рабочий аппарат Комиссии участвовал в работе Приемной Президента РФ по работе с обращениями граждан, рассматривал поступающие в Комиссию жалобы, ни единого письма не оставляя без ответа.

Комиссия активно искала контакты с неправительственными правозащитными организациями, приглашая их представителей к сотрудничеству и участвуя в проводимых ими мероприятиях. Но в состав Комиссии по не зависящим от нее причинам лидеров правозащитного движения привлечь не удалось.

Иная ситуация сложилась в регионах. Там в комиссиях по правам человека активисты неправительственных правозащитных организаций имели широкое представительство, что повысило не только эффективность их работы, но и авторитет комиссий в обществе и в органах государственной власти».

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации

В целях активизации работы Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации, направленной на усиление конституционных гарантий прав граждан Российской Федерации, и содействия выполнению Российской Федерацией обязательств, принятых при вступлении в Совет Европы, **п о с т а н о в л я ю**:

1. Утвердить прилагаемый состав Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации (далее именуется - Комиссия).

2. Обеспечение деятельности Комиссии возложить на Главное управление Президента Российской Федерации по вопросам конституционных гарантий прав граждан, а также соответствующие подразделения Администрации Президента Российской Федерации.

3. Признать утратившими силу:

Указ Президента Российской Федерации от 1 ноября 1993 г. № 1798 «Об обеспечении деятельности Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации» (Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации, 1993, № 45, ст. 4325), за исключением пункта 1;

распоряжение Президента Российской Федерации от 30 декабря 1995 г. № 560-рп (Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, № 2, ст. 92).

Президент
Российской Федерации Б.Ельцин

Москва, Кремль
20 мая 1996 года
№ 740

УТВЕРЖДЕН

Указом Президента
Российской Федерации
от 20 мая 1996 г. № 740

СОСТАВ

Комиссии по правам человека
при Президенте Российской Федерации

Карташкин В.А.	- главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, профессор, доктор юридических наук (председатель Комиссии)
Голубчикова В.Д.	- главный редактор журнала "Северные просторы", руководитель международного проекта "Информационный центр по правам коренных народов"
Кива А.В.	- заведующий сектором сравнительной политологии Института востоковедения Российской академии наук, доктор исторических наук
Крылов С.Б.	- заместитель Министра иностранных дел Российской Федерации
Монахов Н.А.	- адвокат Московской городской коллегии адвокатов, член Московской Хельсинкской группы
Нуйкин А.А.	- писатель, сопредседатель Содружества союзов писателей
Слободская М.А.	- президент Института проблем гражданского общества
Чалдымов Н.А.	- президент ассоциации "Армия и общество", академик Российской академии естественных наук, доктор философских наук.

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**Об утверждении Положения о Комиссии по правам
человека при Президенте Российской Федерации**

В целях приведения Положения о Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации в соответствие с Указом Президента Российской Федерации от 2 октября 1996 г. № 1412 "Об утверждении Положения об Администрации Президента Российской Федерации" постановляю:

1. Утвердить прилагаемое Положение о Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации.
2. Признать утратившим силу пункт 1 Указа Президента Российской Федерации от 1 ноября 1993 г. № 1798 "Об обеспечении деятельности Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации" (Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации, 1993, № 45, ст.4325).
3. Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания.

Президент
Российской Федерации Б.Ельцин

Москва, Кремль
18 октября 1996 года
№ 1457

СОСТАВ КОМИССИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (1996–2002)

Карташкин Владимир Алексеевич — главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, профессор, доктор юридических наук (председатель Комиссии) (с 20 мая 1996 по 12 июля 2002 года).

Азаров Виталий Михайлович — начальник Главного управления воспитательной работы Минобороны России (с 26 сентября 2000 по 19 октября 2002 года).

Васильев Борис Львович — писатель (с 10 сентября 2001 по 6 ноября 2004 года).

Голубчикова Валентина Давыдовна — главный редактор журнала «Северные просторы», руководитель международного проекта «Информационный центр по правам коренных народов» (с 20 мая 1996 по 6 ноября 2004 года).

Демин Юрий Георгиевич — первый заместитель министра юстиции Российской Федерации (с 10 сентября 2001 по 19 октября 2002 года).

Жжёнов Георгий Степанович — актер Государственного академического театра имени Моссовета (с 10 сентября 2001 по 10 февраля 2009 года).

Жуховицкий Леонид Аронович — писатель-публицист (с 26 сентября 2000 по 6 ноября 2004 года).

Искандер Фазиль Абдулович — прозаик, поэт (с 1 ноября 1993 по 20 мая 1996 года и с 22 декабря 1997 по 10 сентября 2001 года).

Калинин Юрий Иванович — заместитель министра юстиции РФ (с 26 сентября 2000 по 10 сентября 2001 года).

Кара Геннадий Павлович — первый заместитель начальника Главного управления внутренней политики Президента РФ (заместитель председателя Комиссии) (с 10 сентября 2001 по 6 ноября 2004 года).

Кива Алексей Васильевич — заведующий сектором сравнительной политологии Института востоковедения Российской академии наук (с 20 мая 1996 по 10 сентября 2001 года).

Колодный Александр Германович — главный редактор газеты «Век» (с 26 сентября 2000 по 6 ноября 2004 года).

Крылов Сергей Борисович — заместитель министра иностранных дел РФ (с 20 мая 1996 по 22 декабря 1997 года).

Мельвиль Андрей Юрьевич — проректор по научной работе МГИМО (У) МИД России, член Бюро Федерации мира и согласия (с 22 декабря 1997 по 19 октября 2002 года).

Мельникова Валентина Дмитриевна — председатель правления Московского исследовательского центра по правам человека, сопредседатель координационного совета Комитета солдатских матерей России (с 22 декабря 1997 по 10 сентября 2001 года).

Митягин Сергей Павлович — советник Организационного управления Президента Российской Федерации (ответственный секретарь Комиссии) (с 26 сентября 2000 по 19 октября 2002 года).

Монахов Николай Андреевич — адвокат Московской городской коллегии адвокатов, член Московской Хельсинкской группы (с 20 мая 1996 по 22 декабря 1997 года).

Никонов Вячеслав Алексеевич — президент фонда «Политика», доктор исторических наук (с 22 декабря 1997 по 26 сентября 2000 года).

Нуйкин Андрей Александрович — писатель, сопредседатель Содружества союзов писателей (с 20 мая 1996 по 26 сентября 2000 года).

Паршенцева Галина Васильевна — статс-секретарь — заместитель министра труда и социального развития РФ (с 10 сентября 2001 по 19 октября 2002 года).

Разумов Станислав Александрович — судья Верховного Суда РФ (с 10 сентября 2001 по 19 октября 2002 года).

Рашишвили Теймураз Отарович — директор Департамента по международному гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД России (с 26 сентября 2000 по 19 октября 2002 года).

Слободская Мария Александровна — президент Института проблем гражданского общества (с 20 мая 1996 по 26 сентября 2000 года).

Смирнов Вильям Викторович — заведующий сектором политических исследований Института государства и права Российской академии наук (заместитель председателя Комиссии) (с 22 декабря 1997 по 10 февраля 2009 года).

Хабриева Талия Ярулловна — статс-секретарь — заместитель министра по делам федерации, национальной и миграционной политики РФ (с 26 сентября 2000 по 6 ноября 2004 года).

Цепов Борис Анатольевич — директор Департамента по международному гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД России (с 10 сентября 2001 по 10 октября 2002 года).

Чалдымов Никита Андреевич — президент Ассоциации «Армия и общество», академик Российской академии естественных наук, генерал-майор (с 20 мая 1996 по 6 ноября 2004 года).

Шмелев Николай Петрович — ученый, писатель-публицист, академик Российской академии наук, директор Института Европы Российской академии наук (с 10 сентября 2001 по 6 ноября 2004 года).

Владимир Карташкин: «Михаилу Федотову удалось повысить статус Совета, он действует более самостоятельно и инициативно»

Владимир Алексеевич Карташкин (родился в 1934 году в Москве) — юрист, специалист в области конституционного права, международного права, защиты прав человека. Доктор юридических наук, Заслуженный юрист Российской Федерации.

Окончил юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова и аспирантуру Института государства и права Академии наук СССР (сектор международного права). Работал в Институте государства и права. С 1969 по 1973 год по направлению МИД СССР работал в Отделе прав человека Организации Объединенных Наций, а с 1979 по 1985 год — специальным консультантом заместителя Генерального секретаря ООН по юридическим вопросам. Читал лекции по международному праву и правам человека. Работал профессором Международного института прав человека в Страсбурге (Франция), Корнельском университете (Нью-Йорк, США), Университете Санта-Клары (Калифорния, США). В 1992 году В.А. Карташкину присвоено звание профессора международного права.

С 1996 по 2002 год возглавлял Комиссию по правам человека при Президенте Российской Федерации.

В 2003 году основал всероссийский журнал международного права «Юрист-международник — International Lawyer» и до 2008 года был его главным редактором. В 1998 году был избран членом Подкомиссии ООН по поощрению и защите прав человека. В 2008 году после реформирования Подкомиссии стал членом консультативного Комитета Совета ООН по правам человека. Участник многочисленных дипломатических и научных конференций.

Член президиума Российской ассоциации международного права и заместитель главного редактора Российского ежегодника международного права. Автор свыше 300 научных работ: монографий, учебников, статей. Многие его работы изданы в различных странах и переведены на иностранные языки. Ряд учебников и монографий подготовлены им совместно с зарубежными учеными.

В настоящее время является главным научным сотрудником Института государства и права РАН, а также профессором Российского университета дружбы народов.

Ред. Владимир Алексеевич, вы учились на юридическом в то время, когда вся советская юстиция была под Сталиным и его жрецом Вышинским, а уж о правах человека в их общепринятом понимании и слышать не приходилось...

В.К. То, что в Советской стране не все в порядке с правами человека, я как раз в то время и понял на примере собственных прав. Я интересовался проблематикой международных отношений и поехал из Баку поступать в МГИМО, подготовлен был хорошо. А вот с анкетой не все было в порядке. Два родственника — нарком и комбриг — в свое время были репрессированы. Папа — русский, нефтяником работал, но мама «подкачала» — еврейка. В общем, пятерки на экзаменах не помогли, в комиссии нашлись «жалостливые» люди, они сказали: «Не тратьте время, все равно не поступите». Один, правда, посоветовал поступать в Институт внешней торговли. При мне очевидный неуч вышел с экзамена с пятеркой: так что права были не у всех равные.

В итоге я со своей анкетой и этот вуз не осилил, ни с чем вернулся в Баку. А через год приехал и поступил на юрфак МГУ, там этот сталинский фильтр был, видимо, слабее. Учился хорошо, мечтал по-прежнему о делах международных. Успешно поступил в аспирантуру Института

государства и права Академии наук СССР, в профильный сектор.

Ред. Вы оканчивали МГУ и учились в аспирантуре в конце пятидесятых — самый разгар хрущевской оттепели. Это как-то чувствовалось?

В.К. В интересующем нас аспекте прав человека — не очень. О них говорилось, но, во-первых, ограниченно, во-вторых, весьма схематично. И это при том, что у нас преподавали специалисты, которые участвовали в разработке Всеобщей декларации прав человека 1948 года и пактов о правах человека 1966 года.

Ред. Видимо, вы с понятием «права человека» лучше познакомились, приблизившись к первоисточнику?

В.К. Да, знакомство началось после защиты диссертации, когда нас, троих советских правоведов, послали в командировку в Страсбург. Там все было внове. Начиная со свободы бытового общения между коллегами из разных стран и завершая уровнем жизни. А по проблематике много дало изучение сравнительного права. Ведь на бумаге у нас и сталинская Конституция была самая прогрессивная в мире. Все это вместе заставляло сильно призадуматься, что в нашем царстве далеко не все в порядке.

ДОКУМЕНТ

Выполнение некоторых статей Закона Российской Федерации «О статусе военнослужащих» Правительством Российской Федерации не регламентировано:

1. Не установлен перечень воинских обязанностей, связанных с тяжелым физическим трудом и повышенной опасностью, за исполнение которых военнослужащим устанавливаются дополнительные льготы (ст. 10, п. 3).
2. Не дана регламентация служебного времени военнослужащих (ст. 11, п. 1).
3. Не определен порядок продажи военнослужащим квартир или индивидуальных жилых домов на льготных условиях (ст. 15, п. 2).
4. Не определены льготные условия продажи членам семей военнослужащих, гражданам, уволенным с военной службы, вынужденно покинувшим опасные для проживания районы (беженцам), квартир или индивидуальных жилых домов (ст. 15, п. 13).
5. Не определены размеры средств, предоставляемых гражданам, уволенным с военной службы, органами местного самоуправления для строительства или приобретения жилья (ст. 15, п. 6).
6. Не создана система профессиональной ориентации на гражданские специальности военнослужащих, готовящихся к увольнению в запас (ст. 19).

7. Не определен порядок выплаты материальной помощи гражданам, уволенным после прохождения военной службы по призыву и принятым на прежнее место работы (ст. 22, п. 5).

Из Доклада Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации «О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации в 1996–1997 годах»

Ред. А когда вы работали в ООН, вы себя свободнее чувствовали? Ведь вы же считались не советским, а международным чиновником.

В.К. Формально — да, я четыре года работал в ООН в Отделе прав человека в Нью-Йорке. Но каждый шаг надо было согласовывать в нашей миссии, а оттуда шел постоянный инструктаж: как можно меньше контактов с иностранцами. Нонсенс. Как я мог с ними не контактировать, если у меня все коллеги были иностранцы?! С ними мы проводили исследования, ездили в командировки. Но лишний раз выпить кофе «сверх программы» не следовало, прийти с женой на совместные мероприятия не всегда разрешалось.

Что касается сути работы, конечно, там разрабатывались документы, многие из которых справедливо критиковали ситуацию с правами человека в СССР. Но были

и реальные «перехлесты», преувеличения. Все-таки дипломаты есть дипломаты, и каждый в меру сил «тянул» в направлении, нужном его стране. И далеко не все сотрудники, в том числе и наши, обладали высокой квалификацией. Среди них были и откровенно «блатные», а также люди в погонах, от которых толку было немного. Так что в ряде случаев я прекрасно понимал, что Советскому Союзу доставалось за дело, а иногда просто смеялся над словесной эквилибристикой международного чиновничества в сложных вопросах. Порою можно было услышать и откровенно циничные высказывания: мол, если бы немцы войну не проиграли, а выиграли, то какой был бы «Нюрнберг» над союзниками?

Потом у меня еще была командировка в ООН в высоком ранге, во время которой я занимался юридическими вопросами. Тут я уже действительно чувствовал себя гораздо свободнее.

ДОКУМЕНТ

По данным Министерства труда и социального развития Российской Федерации, в 1996–1997 годах число нарушений социально-экономических и трудовых прав граждан значительно увеличилось, участились случаи незаконных увольнений, приняли массовый характер несвоевременная выплата заработной платы и отправление работников в вынужденные неоплачиваемые отпуска, повсеместно произошло ухудшение условий и охраны труда. Во многих негосударственных организациях трудовые отношения вообще не оформляются в установленном законом порядке.

Наиболее серьезные нарушения прав граждан отмечались в области заработной платы, которая на многих предприятиях России выплачивалась несвоевременно или не в полном объеме. Задолженность по оплате труда увеличилась за 1996–1997 годы в 2,6 раза и составляла на 1 сентября 1997 года 54,4 триллиона рублей. Необходимо отметить, что меры, предпринятые президентом и правительством в последние дни 1997 года, в значительной степени уменьшили задолженность по зарплате работникам бюджетной сферы.

Острые проблемы с обеспечением своевременной оплаты труда влекут за собой другие массовые нарушения прав граждан: принудительные переводы работников на неполное рабочее время, отправление в отпуска без сохранения заработной платы или с частичной оплатой, невыплату выходных пособий и окончательного расчета при увольнениях и другие.

Из Доклада Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации «О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации в 1996–1997 годах»

Ред. В состав первой Комиссии по правам человека вы не входили. Но о ее работе знали?

В.К. Я все-таки всегда больше тяготел к международным делам, но кое-что знал от моих сослуживцев, с которыми работал в Институте государства и права. О первом председателе — Сергее Ковалёве — я знал, что это несломленный диссидент, очень принципиальный человек. Ему ведь пришлось не только правозащитными делами заниматься, но и демократические процессы вообще продвигать в новой России. Убежден, что в то время на этой должности именно такой человек и был нужен.

Ред. Каким образом получилось, что именно вы, дипломат и ученый, оказались на его месте?

В.К. Сейчас покажется удивительным, но у меня действительно не было карьерных амбиций. Я с удовольствием совмещал работу в институте, где было свободное академическое расписание, с поездками в США, Францию, читая лекции в разных странах. И вдруг звонок из аппарата Ковалёва, от одного из людей президентской Администрации, который в этом аппарате работал. Он сказал, что знает не только мои труды и публикации, но и практическую международную деятельность, и спросил, как бы я посмотрел на предложение поработать на данном поприще. Я стал его расспрашивать, от кого исходит такое предложение. Он намекнул на Администрацию Президента.

Посоветовавшись с видным юристом и правозащитником Эрнестом Михайловичем Аметистовым, с которым дружил (он в свое время звал меня работать в Конституционный Суд, но я тогда отказался), я подумал: почему бы на этот раз себя не испытать? И, когда позвонил Александр Терентьевич Копылов, работавший в Комиссии по правам человека заместителем Ковалёва, я согласился. Потом я узнал, что кандидатов было несколько, все они были авторитетными правоведами и учеными. Вообще-то, ученые редко попадают в околопрезидентские структуры. Но на этот раз такое назначение состоялось, о чем я узнал, конечно, по телевидению.

Ред. Вы понимали, что непросто быть Титовым после Гагарина?

В.К. Понимал, конечно. Я встретился с Сергеем Адамовичем, побеседовал с ним о моем назначении и предстоящей работе. Он считал, что мне повезло, что мне Борис Николаевич даст «зеленую улицу», однако, как показалось дальнейшее развитие событий, ни штат Комиссии, ни ее полномочия не были расширены. А среди правозащитников оценки были разные. Я прекрасно осознавал, что так, как у Ковалёва, несгибаемого лагерника, у меня не получится. Я другой. Хотя какую-то критику верхов по части прав человека и я себе позволял.

Но отметим другое. При Ковалёве главным вектором деятельности Комиссии было развитие демократических основ в стране (социально-экономическими проблемами Комиссия занималась, на мой взгляд, в недостаточной степени). Когда я принял назначение в 1996 году, стремительно стала меняться ситуация в национальной экономике: рухнули цены на нефть, а в 1998 году грянул известный дефолт. И я сконцентрировался на социально-экономических правах, писал об этом в программе Комиссии и в своих статьях, неоднократно выступал на телевидении, в том числе и в программе «Герой дня».

В 1998 году отмечалось 50-летие Всеобщей декларации прав человека. Я предложил провести в России год прав человека, наметил план соответствующих мероприятий. Посоветовался с известными правозащитниками, например с Людмилой Михайловной Алексеевой. Они меня зачастую критиковали: хотели, чтобы Комиссия делала больший акцент на гражданских и политических правах. Однако саму идею они одобрили, и с учетом их замечаний был разработан детальный план, с которым я отправился на прием к Президенту. Борис Николаевич данное предложение поддержал, сказав, что все эти мероприятия, в том числе и конференции, потребуют определенных расходов, а с деньгами довольно туго. Он предложил воспользоваться западными механизмами финансирования подобных мероприятий, что и было сделано.

Ред. Кстати, ведь и по сей день отечественные бизнесмены никакого желания раскошелиться на правозащитные проекты не проявляют. Как вы думаете, почему?

В.К. Действительно, не стремятся, и это остается серьезной проблемой. Один Потанин, может быть, исключение составляет.

А не дают денег потому, что инвестиции в правозащитную сферу непосредственных политических дивидендов не приносят. Но ведь и во властных верхах дело тоже обстояло непросто. Например, я получил приглашение от китайского вице-премьера приехать в КНР, чтобы поделиться опытом, прочитать лекции. Анатолий Чубайс меня спрашивает: «За чей счет?» — «За их счет, за счет принимающей стороны», — отвечаю. «Да, но ведь у нас же сейчас идет борьба с коррупцией...» Разрешение я в итоге получил за полчаса до отъезда.

Ред. Что вы можете записать в свой актив на посту председателя Комиссии?

В.К. Как мне кажется, одним из главных позитивных результатов явилось то, что удалось внести в работу Комиссии организующее и упорядочивающее начало. Мы стали собираться регулярно, систематически обсуждая наиболее болевые точки в сфере прав человека. Я несколько раз летал в Чечню, занимался нарушениями прав человека в этой республике. Вынес оттуда твердое убеждение, что войну там развязали незаконно и что нельзя воевать со своим народом. Также летал в Магадан с Эрнстом Неизвестным на открытие памятника жертвам политических репрессий, выступил там с речью, в которой призвал, чтобы компартия понесла реальную ответственность за свои преступления. Но в целом, несмотря на то что я свою деятельность оцениваю скромно, все-таки считаю, что работа Комиссии принесла осязаемый результат.

Ред. А как вы оцениваете общение с первыми лицами государства?

В.К. Таких встреч было очень немного, и наши лидеры очень разные. Борис Николаевич не был многословен, но живо реагировал на все предложения, направленные на совершенствование системы обеспечения и защиты прав человека, а свою реакцию на вопиющие факты нарушения в этой сфере демонстрировал энергичной мимикой. Владимир Владимирович совсем другой, это закрытый человек, и, что он на самом деле думает по поводу слов собеседника, догадаться сложно. В то же время он проявлял серьезный интерес к обсуждаемым вопросам и проблемам и давал им развернутую и взвешенную оценку.

Ред. Расскажите, пожалуйста, о самых запомнившихся вам эпизодах.

В.К. Расскажу, хотя, возможно, они не самые яркие. Во время визита в Китай нас пригласили посетить женскую тюрьму. Просто образцово-показательное исправительное учреждение, все в сверхопрятном виде.

Но я-то сразу раскурил: откровенная показуха! И такая сразу печальная аналогия возникла. Когда на себя смотришь со стороны, все еще более болезненно воспринимаешь.

А вот еще один эпизод. Мы тесно сотрудничали с иностранцами, ведь Россия стала участником многих международных конвенций по правам человека. Повышенное внимание — наряду с другими вопросами — уделялось запрещению пыток. И вот приезжает делегация Евросоюза, желая посетить «Бутырку», а их не пускают, причем на уровне замминистра юстиции. Говорят: «Нам надо подготовиться»...

Статут Международного уголовного суда Комиссия всеми силами отстаивала, призывала к тому, чтобы несли субсидиарную ответственность военачальники, отдавшие преступные приказы. Но Россия этот документ не ратифицировала (кстати, Соединенные Штаты тоже). Добавлю еще, что многие нюансы нам приходилось согласовывать с Государственно-правовым управлением Президента. Сурков тоже нас плотно курировал. Сейчас, насколько я могу судить, Михаилу Федотову удалось повысить статус Совета. Теперь Совет действует более самостоятельно и инициативно. И то, что он — советник Президента, конечно, добавляет весомости Совету.

Главное, мы должны приучить все общество выполнять законы. Если мы будем выполнять законы, например, в области собственности, в конце концов это пойдет на пользу не только отдельным гражданам, но и государству в целом. Мы должны соблюдать все законы — как международные, так и национальные. А национальные законы должны строиться на основе международных. Раз уж государство взяло на себя обязательства, оно должно привести национальное законодательство в соответствие с ними. И вот выполнение всего комплекса прав, как гражданских и политических, так и социально-экономических, послужит процветанию нашего государства. И государство должно сделать все возможное, чтобы каждый человек чувствовал, что он защищен государством, что государство

придет ему на помощь, если его права будут нарушаться. В противном случае мы не сможем построить ни настоящее правовое

государство, ни настоящую демократию, ни то государство, которым каждый российский гражданин будет гордиться.

ДОКУМЕНТ

В феврале 1997 года члены Комиссии посетили Следственный изолятор Москвы № 2 (Бутырский). Здесь, почти в центре столицы, содержатся свыше шести тысяч человек, на каждого из них приходится не более 0,8–0,9 кв. метров жилого помещения. В некоторых камерах, где содержится 75 и более человек, имеется менее 40 спальных мест.

Специальный докладчик Комиссии ООН по правам человека Родли, еще в 1994 году посетивший Бутырский изолятор, писал: «Специальному докладчику понадобились бы поэтический талант Данте и художественное мастерство Босха, чтобы точно изобразить адские условия, с которыми он столкнулся в этих камерах. Поскольку подозреваемые лица содержатся там, чтобы ускорить проведение следствия, сломив их волю с целью получения признания и информации, вполне можно считать, что они подвергаются пыткам».

Комиссия подтверждает, что условия содержания людей, в отношении которых действует презумпция невиновности, и сегодня остаются такими же бесчеловечными и жестокими, унижающими человеческое достоинство.

Подобное положение и в следственных изоляторах городов Екатеринбурга Свердловской области, где на одно спальное место приходится от трех до пяти человек, и Череповца Вологодской области, которые также посетили сотрудники Комиссии. В Череповце изолятор был построен в 1880 году для содержания 350 человек. Сегодня, 118 лет спустя, здесь содержится 566 человек. Здание находится в аварийном состоянии, реальна угроза внезапного обрушения потолков и стен.

Из Доклада Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации «О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации в 1996–1997 годах»

Ред. При каких обстоятельствах вы ушли с поста председателя Комиссии?

В.К. Дело в том, что до меня стала доходить информация, что на это место претендует другая кандидатура. Сведения становились все более достоверными, а я был внутренне готов, поскольку, честно сказать, уже устал за шесть лет. К тому же у меня было много научной работы. В общем, воспринял это в качестве своеобразного освобождения. Меня вызвал Сурков и поблагодарил за проделанную работу на посту председателя Комиссии. Мне предлагали завидные назначения — и послом, и замминистра юстиции, но я предпочел вернуться в свой институт. Я просто физически почувствовал: чем позже уйду, тем меньше останется времени

на другое, в частности на любимую мною преподавательскую и научную работу.

Ред. Кого вы можете назвать из наиболее деятельных членов вашей команды?

В.К. Активно трудились многие члены Комиссии: мой заместитель, юрист и политолог Вильям Викторович Смирнов; известный адвокат Генри Маркович Резник, который был одним из главных экспертов Комиссии; правозащитник и отставной генерал Никита Андреевич Чалдымов; дипломат Сергей Борисович Крылов и др. Все члены Комиссии работали на общественных началах, и за то, что они делали, им всем большое человеческое спасибо.

Валентина Мельникова: «Я не могу вспомнить каких-то существенных прорывов в работе нашей Комиссии»

Валентина Дмитриевна Мельникова (родилась в 1946 году в Москве) — российский правозащитник и политик. Окончила геологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. Работала инженером во Всесоюзном НИИ минерального сырья. С 1989 года вела правозащитную и просветительскую работу во Всесоюзном комитете солдатских матерей, затем — в Комитете солдатских матерей России, стала пресс-секретарем организации. С 1990 по 1995 год — соучредитель и заместитель директора малого предприятия «Хронос» по производству приборов рентгеновского неразрушающего контроля. В 1998 году стала инициатором учреждения Общероссийской ассоциации «Союз комитетов солдатских матерей России», избрана ответственным секретарем Союза. В ноябре 2004 года на учредительном съезде избрана председателем Единой народной партии солдатских матерей. Состояла членом Общественного совета при Министерстве обороны РФ, входила в Комиссию по комплектованию войск по призыву и контракту. После объединения Партии солдатских матерей с Республиканской партией России избрана на съезде в декабре 2005 года сопредседателем Республиканской партии, которым была до 2012 года. С 2012 года — член Бюро Федерального политического совета партии. В 2011 году заняла 22-е место в рейтинге «100 самых влиятельных женщин России» по версии радиостанции «Эхо Москвы», журнала «Огонек» и Агентства «Интерфакс». Член Комиссии по правам человека при Президенте РФ под председательством В. А. Карташкина.

Ред. Валентина Дмитриевна, вы ведь в первый состав Комиссии по правам человека не входили?

В.М. Я работала с Комиссией, когда ее возглавлял Сергей Ковалёв, в качестве эксперта. В состав Комиссии не входила. Методика работы была такая: надо первым делом найти тот орган, который принимает решение. Если эта структура помогает, мы это тут же используем.

Потом, когда пришел в качестве председателя Комиссии по правам человека Владимир Карташкин, мне предложили войти в состав Комиссии (сейчас уже не помню в деталях, как это было), и я с удовольствием согласилась. Было понятно, что методически этот состав Комиссии будет действовать по-другому, но она необходима. И в рамках возможного там можно будет что-то сделать.

Стиль работы был академический. Мы регулярно готовили доклады, в которых отражалась и моя тема — соблюдение прав военнослужащих. Помню, что активно занимались ситуацией с народами Севера, было

несколько заседаний по этой теме. Надо бы посмотреть архив, так сразу сейчас все и не вспомнишь. Как я говорю, три войны прошло с тех пор.

Технология была такая. Довольно много рассуждали, но, как только кто-то говорил о конкретных проблемах конкретных категорий людей, его сразу все поддерживали. Все-таки Комиссия имела статус. Был шанс, что называется, через одно рукопожатие, послать сигнал главе государства. И помогало то, что люди в составе Комиссии были эрудированные.

Конечно, после ухода диссидента и правозащитника Сергея Адамовича Ковалёва в работе Комиссии наступил более, скажем так, прохладный период. Но юридически оформлено все было очень грамотно. На события мы реагировали, старались вмешаться. Там не было работы с индивидуальными жалобами граждан, которую вел потом Уполномоченный по правам человека в РФ, но в конкретных делах старались помочь. Ни к кому из коллег у меня не было никаких претензий. Все разумные доводы, разумные предложения всегда поддерживались.

ДОКУМЕНТ

В связи с 50-летием Всеобщей декларации многочисленные конференции, семинары и круглые столы проходили во многих регионах Российской Федерации. Так, в Саратове 8–10 октября состоялась конференция «Права человека — пути их реализации», в Уфе 16–17 ноября — «Идеалы Всеобщей декларации прав человека и современный мир», в Казани 3–4 декабря — «Формирование правового государства, демократия и защита прав и основных свобод человека в Российской Федерации».

Из Доклада Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации «О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации в 1998 году»

Ред. Как вы контактировали с властями?

В.М. Мы имели возможность авторитетом Комиссии, хоть и не напрямую, давить на своих военных оппонентов. Докладами, ссылаясь на то, что проблемы обсуждались.

Но все равно: все решения по моему направлению деятельности принимались Президентом, министром обороны. Сама Комиссия ничего сделать не могла. С другой стороны, напомнить, что есть проблема, удавалось всегда.

ДОКУМЕНТ

С принятием в 1998 году Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» значительно укреплены правовые основы ее прохождения. Ведется разработка проекта Положения о прохождении военной службы, которое упорядочит вопросы исполнения военной службы различными категориями военнослужащих.

Несомненно, положительно на защите здоровья и жизни военнослужащих скажется и Федеральный закон «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации и сотрудников федеральных органов налоговой полиции», вступивший в действие в 1998 году.

Значительная работа проводится Министерством обороны по практической реализации Итогового документа Международной конференции «Права человека в вооруженных силах демократического государства», которая была проведена в ноябре 1997 года Комиссией по правам человека совместно с рядом неправительственных правозащитных организаций.

Из Доклада Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации «О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации в 1998 году»

Ред. Чего вам удалось добиться?

В.М. Ярких побед на этом поприще быть не может. Все, что предлагалось, реализовывалось теми структурами, которые должны были эти предложения исполнять, но спустя длительное время. Я не могу вспомнить каких-то существенных прорывов в работе нашей Комиссии, не видела их позже и в Совете. Другое дело, что Владимир Алексеевич Карташкин, например, умел формулировать проблему так, чтобы получить какое-то распоряжение Президента. Он очень грамотный юрист. Для нашей организации Комиссия — структура, безусловно, помогающая. Это усилитель, через который можно получить ответ, что и Михаил Александрович Федотов подчеркивает. При Карташкине это было внове.

До этого ведь, когда в Комиссии работали преимущественно правозащитники-диссиденты, схема была другая. Это был боевой участок, люди идут, чего-то требуют, мы куда-то обращаемся. При Карташкине была сделана попытка посмотреть на проблемы не скажу более бюрократически, но более обобщенно. И принимать решения, может быть, менее конкретные, но которые все

равно эту тему затрагивали. Это был для меня другой опыт, но я считаю, что он тоже был полезным. Очень важно было и уважение друг к другу, к позиции каждого.

Ред. На чем были основаны ваши доклады?

В.М. Мы доклады делали на основе тех материалов, которые нам присылали комитеты солдатских матерей с мест. Ведь еще со времен советского Комитета солдатских матерей существовала большая сеть таких организаций. Мои региональные коллеги сообщали статистику по таким темам, как преступность в войсках, вымогательство, пытки. Сообщали, в какие инстанции сделаны обращения, и мы давали рекомендации, что надо изменить.

Очень долго нам не удавалось добиться признания, что солдаты по призыву должны иметь те же права, что и офицеры. Это психологическая проблема. В докладах, которые делала Комиссия В.А. Карташкина, это, пусть академично, но оформлялось, что тоже было полезно. Ведь все это было подкреплено цифрами и составляло часть доклада. Не всего удается добиться «в лоб».

ДОКУМЕНТ

Разработаны и направлены в войска директивные указания министра обороны от 23 января 1998 года № 172/232 «О мерах по повышению эффективности работы органов военного управления по соблюдению прав человека в Вооруженных Силах Российской Федерации», в 1998 году в учебные планы общественно-государственной подготовки всех категорий личного состава включена тема «Основные положения международных правовых актов о правах человека», подготовлено и разослано в войска справочно-методическое пособие по между народно-правовым документам о правах человека, утверждена Целевая программа правового воспитания личного состава и укрепления правопорядка в Вооруженных Силах Российской Федерации на 1998–2001 годы. Комиссия с удовлетворением отмечает также, что права

человека и гражданина-военнослужащего в 1998 году, особенно в сфере социальной защищенности, получали защиту и поддержку в органах военной юстиции и военной прокуратуры.

Из Доклада Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации «О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации в 1998 году»

Ред. А как внутри коллектива это делалось?

В.М. По обычной схеме: каждый писал свой раздел. Потом все эти материалы собирались и обобщались. Надо ведь было соблюдать определенный формат доклада. Я никогда не боролась за увеличение объема. Считала: пусть будет один абзац, но с конкретными цифрами. Убеждена, там были хорошие разделы. Это был способ легально показать наши данные по армии через государственную структуру. Каким другим путем можно было это сделать?

Ред. А общественные обсуждения?

В.М. Конечно, они проводились. Просто много лет прошло, мне надо тогда обращаться к моим ежедневным записям. Осталось общее ощущение, что работали добросовестно и полезно. И, что важно, не было злого противодействия, которое позже возникло. Не в Комиссии по правам человека, конечно, а извне. Были конкретные моменты, по которым это противодействие возникало. Надо смотреть в городском архиве, куда мы сдавали материалы. Ведь миллионы людей обращались в наши комитеты солдатских матерей, полстраны — не меньше. К нам приходили бабушки и дедушки теперешних призывников, детей которых (а они уже сами сейчас родители) мы вырвали.

Ред. Почему пошло попятное движение?

В.М. Иначе, вероятно, и не могло быть. После жесткого диссидентского наступления начался обратный процесс, государственная «реконкиста».

Ред. Как работалось в Комиссии?

В.М. Неплохо, дружно. Относились друг к другу очень доброжелательно. Некоторые члены Комиссии давно знали друг друга, другие недавно познакомились. Я там, конечно, была экзотической фигурой — все-таки в Комиссии доминировали ученые

из исследовательских институтов и сотрудники госструктур, государственные эксперты. Людей из общественных организаций, таких, как я, было немного. Но нас воспринимали всерьез, к нам прислушивались.

Ред. Кто особенно запомнился по своим активным выступлениям?

В.М. Посещали заседания все исправно, если кто-то отсутствовал, то по уважительной причине. Вильям Викторович Смирнов активно работал. Вячеслав Никонов всегда делал дельные предложения по международным делам. Я бы сказала, что стиль был такой: отсутствие какого-либо экстремизма и надежность.

Понятно, что нельзя было сделать много. Но я считаю, что В.А. Карташкин — молодец. Ему тоже было трудно. Для него это тоже был новый поворот, новый ракурс в работе.

Ред. В Комиссии был кто-то из ваших давних друзей или знакомых?

В.М. По-моему, нет, это мог быть скорее кто-то из предыдущего состава.

Я сейчас полностью сосредоточена на работе Совета при министре обороны, созданного еще при Сергее Борисовиче Иванове. Там работа идет эффективно. Раз сказали, два сказали — и министру деваться некуда. Он должен распоряжение давать, поскольку есть прямой контакт. В Комиссии же воздействие было опосредованное.

Ред. Но в целом вы оцениваете свою работу в Комиссии позитивно?

В.М. Конечно, это в моей работе был очень полезный эпизод. Подчеркну еще раз: там были очень грамотные юристы, мы с чем-то не соглашались, что-то отстаивали. И когда Комиссия закончила свою работу, было чувство потери. Мы совершенно не знали, что будет дальше, во что этот институт общества превратится. Было тревожно — ведь закрылся канал специфического влияния. Но, слава

богу, преемственность продолжалась, пришла Ида Куклина.

Ред. Вы следите за работой нынешнего Совета?

В.М. Я контактирую с Идой Николаевной Куклиной. Ведь нынешний Совет эклектичен — я думаю, это всем видно. Предыдущий, до 2012 года, состав Совета был куда более консолидированным. Мне трудно понять, как председатель, имея в составе стольких людей с совершенно противоположными позициями, может вырулить на что-то полезное. Тем не менее такая структура нужна. В Совет все же можно обратиться, если какая-то ситуация по-другому не решается, оставив за скобками его противоречия.

Ред. Положением в армейских делах вы сейчас довольны?

В.М. Дело в том, что все изменилось. Хотя кое-какие ошибки повторяются. Например, не первый раз наше военное ведомство отрещивается от своих военных... Безусловно, если к нам в Комитет солдатских матерей обратятся их родственники или друзья, мы будем, как всегда, запрашивать Генеральную прокуратуру, Военную прокуратуру. Нам для запроса нужны точные данные — фамилия, имя, отчество, номер части, год рождения, обстоятельства случившегося. Когда к нам обращаются, мы всегда стараемся помочь, вместе с журналистами, с родственниками.

Что же касается нового облика армии, то мы сейчас имеем приличные Вооруженные

силы, реформированные в части управления и всего остального. Но вернулось насилие, именно офицерское насилие. И, что характерно, этим занимаются молодые офицеры — старшие лейтенанты, капитаны, ротные, батальонные... Появились беглецы, сейчас даже из Крыма. У нас раньше вообще никто не бежал, потому что можно было позвонить. А сколько избитых за этот год мы по психушкам распихали! Потому что ребята просто боятся возвращаться в часть. Они находятся в депрессивном состоянии, мы в подобном масштабе давно с таким не сталкивались.

И все же многие решения в нашей сфере, которые можно было получить от президента, мы получили. Все работает. А в нынешнем Совете по правам человека вопросами защиты прав военнослужащих занимаются люди, которые придерживаются диаметрально противоположных по отношению к нашим позиций, и сближения не предвидится. Это те, с кем мы расстались уже давно и чья безответственность, чьи действия по отношению к военнослужащим-призывникам вызывают глубокое разочарование. Мы не сотрудничаем ни с теми, кто пришел от Минобороны России, ни с теми, кто пришел на крыльях Московской Хельсинкской группы.

Другое дело, что сам Михаил Федотов — человек для сотрудничества абсолютно открытый. Он выслушает, расскажет, посоветует. Ему можно принести предложение и провести его через Совет. Так было, например, с историей открытости военного бюджета в 2012 году.

Вячеслав Никонов:

«Государственность не исключает уважения к правам человека, оно его предполагает»

Вячеслав Алексеевич Никонов (родился в 1956 году в Москве) — российский политический деятель, доктор исторических наук. Депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ в 1993–1995 годах (от блока ПРЕС) и с 2011 года (от «Единой России») по настоящее время. Окончил исторический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. Работал помощником руководителя Администрации Президента СССР М. Горбачева. В 1997–2001 годах — член политического консультативного Совета при Президенте РФ, Комиссии по правам человека при Президенте РФ, экспертного совета Комиссии при Президенте РФ по противодействию политическому экстремизму. В 2006–2009 годах — член Общественной палаты РФ. В 2007–2012 годах — исполнительный директор, с 2012-го председатель правления Фонда «Русский мир». С 2007 года — председатель Российского национального комитета Азиатско-Тихоокеанского совета сотрудничества по безопасности. С 2011 года — декан факультета Государственного управления МГУ. С 2012 года — председатель правления Национального комитета по исследованию БРИКС. Президент Фонда «Политика», президент «Клуба-93», президент Фонда «Единство во имя России», вице-президент Ассоциации центров политического консультирования, член президиума Совета по внешней и оборонной политике, член Экспертного клуба Первого канала, член правления Фонда «Российский общественно-политический центр», главный редактор журнала «Стратегия России». Автор около 900 публикаций, в том числе монографий.

Ред. Вячеслав Алексеевич, как формировалось ваше отношение к проблемам прав человека? Ведь в вашей семье были люди, которые превыше всего ставили интересы государства, а были репрессированы.

В.Н. Да, в моей семье налицо противоречивое смешение. Ведь брат деда, Молотова, погиб в Гражданскую войну, сражаясь за белых. Бабушка, Полина Семеновна Жемчужина, была в конце сороковых годов репрессирована. Дед отца — купец второй гильдии, а его отец — крупный деятель партии эсеров. Они все были из разных краев — Вятской, Тамбовской губерний. Разные судьбы. Поэтому у меня диалектическое восприятие этих вопросов. Мир сложный.

Ред. А понятие «human rights» было вам, наверное, известно как специалисту, работающему с зарубежными источниками?

В.Н. Я же американист, поэтому New York Times и Newsweek регулярно читал с 1976 года. Имел практически неограниченный доступ к любой литературе, за счет этого смотрел на многие вещи шире других. Но я никогда не был в восторге от советских правозащитников. Я видел, что их деятельность организована теми же США, были правозащитники, которые просто «отрабатывали».

Ред. Это академик Сахаров «отрабатывал»?

В.Н. Нет, Сахаров был великим физиком, создателем нашей оборонной мощи. Он просто отстаивал другую модель социализма, свою систему взглядов. И, конечно, его высылка в Горький была крупной ошибкой, если не сказать больше. Были в этом движении честные люди, которых использовали. Но в любом случае защита прав человека у нас в то время была связана с антисоветской деятельностью, а я этим не занимался. Мое мнение таково: государственничество не исключает уважения к правам человека, оно его предполагает.

Ред. А как вы в этом аспекте восприняли перестройку?

В.Н. Были и интересные начинания, были и глупости, были и гнусности, коснувшиеся в том числе нашей семьи. Один очень мною мало уважаемый публицист написал статью,

в которой говорилось, что моя мама, когда бабушку посадили, публично отреклась от нее. Это была клевета. Но мама очень тяжело пережила это и незадолго до своего шестидесятилетия ушла из жизни.

Ред. Как вы реагировали на ту статью? Обращались в суд?

В.Н. Маму не вернешь.

Ред. В тот период вы как-то с правозащитными структурами соприкасались?

В.Н. Нет, не контактировал. Я работал в аппарате Президента Горбачева. Когда Союз развалился, уехал в Соединенные Штаты, читал лекции по тогдашней обстановке в России. Это скучно было. Вернувшись, ударился в публицистику, работал колумнистом в «Известиях» и в «Труде», пошел в политику. Я состоял в ПРЕС, Партии российского единства и согласия, возглавляемой Сергеем Шахраем. Там были Константин Затулин, Геннадий Меликьян. Работал в Госдуме в Комитете по международным делам с Владимиром Лукиным. А правозащитники, такие как Сергей Ковалёв, были в «Выборе России».

Я был и участником Конституционного совещания, занимался, что называется, конституционным дизайном. Участвовал в дискуссии по разделу о правах человека. В Конституционной комиссии я тоже участвовал, там работали квалифицированные юристы — Михаил Федотов, Михаил Краснов. Принятый вариант Конституции 1993 года я довольно сильно критиковал. Ведь в этой редакции заложено положение, что в случае объявления чрезвычайного положения отменяются разом и свобода мысли, и свобода слова. Я мыслил Конституцию более либеральной, но у Бориса Николаевича, под которого она делалась, были не только либеральные замашки.

После выборов 1996 года Анатолий Чубайс создал эту самую «Комиссию по комиссиям». Их было около тридцати, а чем они занимались, было далеко не всем понятно. Я активно участвовал в этой работе, в результате число комиссий сократилось втрое.

Ред. Врагов не нажили?

В.Н. Разве какое-нибудь хорошее дело может остаться безнаказанным?

Ред. Ну, а как вы попали в Комиссию по правам человека?

В.Н. Мне позвонил кто-то из помощников Президента. Было ясно, что после КПЧ под председательством Ковалёва они хотят сформировать более спокойный состав Комиссии.

Ред. Вы были знакомы с Владимиром Карташкиным до этого?

В.Н. Очень отдаленно. Но я хорошо знал его заместителя Вильяма Смирнова по Институту государства и права РАН. Потом была личная беседа с Владимиром Алексеевичем Карташкиным. Я согласился, потому что на тот момент был не так уж загружен. По моим меркам. Если сейчас у меня, как я подсчитал, 128 обязанностей разного рода, то тогда было всего около 60 — преподавание, конечно, и другие. Тогда повсюду шли губернаторские выборы, и я был задействован как политтехнолог.

ДОКУМЕНТ

Перед Россией стоит задача первостепенной важности — привести не только Конституцию страны, но и федеральное законодательство и законы субъектов Российской Федерации в соответствие со взятыми на себя международными обязательствами, добиться неуклонного их соблюдения в повседневной правоприменительной практике.

Именно этим вопросам была посвящена Всероссийская научно-практическая конференция на тему «Всеобщая декларация прав человека и Россия» с участием зарубежных ученых и дипломатов, высших должностных лиц ООН, ОБСЕ и Совета Европы, которая проходила в Москве 23-24 ноября 1998 года. Участники конференции обсудили положение дел с обеспечением и защитой прав россиян, вопросы о состоянии законодательства в этой области, прогрессе, достигнутом Российской Федерацией в выполнении положений Всеобщей декларации и других международных документов. Конференция констатировала, что за последние годы произошли определенные положительные сдвиги в законодательном процессе, связанные с принятием законов, усиливающих гарантии основных прав и свобод российских граждан, а также с ратификацией важнейших конвенций, принятых Советом Европы. Особенно отмечался прогресс в области осуществления гражданских и политических прав, закрепленных во Всеобщей декларации и Конституции страны (право каждого на свободу убеждений и свободное их выражение, право каждого на свободу мирных собраний и ассоциаций, право каждого владеть имуществом как единолично, так и совместно с другими, право каждого на участие в периодических выборах при всеобщем и равном избирательном праве и путем тайного голосования и другие).

Из Доклада Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации «О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации в 1998 году»

Ред. В Комиссии какой участок работы вам достался?

В.Н. Вы знаете, что-то не припомню там особой специализации. Ну, конечно, я много взаимодействовал с зарубежными организациями. Готовил форумы, они проводились в разных местах, вплоть до Северной Ирландии. Готовил доклады. Главной задачей была подготовка годового доклада Комиссии.

Из принципиальных вопросов, по которым я выступал, могу отметить проблему смертной казни. Я был категорически против нее. Ведь в наших условиях до одной пятой приговоренных людей погибали безвинно, из-за судебных ошибок. Ни в коем случае нельзя

эту меру возвращать. Я обращался и к проблемам Конституции, но ее переделать нельзя, если только менять напрочь.

Тут особенности угла зрения. Юрист смотрит на формулы, а политолог — на живую среду: как все это будет применяться к человеку, который перебегает в обществе туда-сюда.

Чеченскими проблемами я много занимался, входил в Комиссию Говорухина. И на БТР довелось поехать. Я эти проблемы воспринимал болезненно, во многом был не согласен с политикой власти по «чеченской проблеме».

Ну, а на заседаниях рассматривались конкретные жалобы, шла текучка.

Я уверен, что не хуже, чем, скажем, Московская Хельсинкская группа, могу в Государственной Думе защищать права граждан при выработке тех или иных государственных решений исполнительной и законодательной властью. Хотя я понимаю, что современное российское общество не может существовать без общественных организаций — благотворительных, женских, детских, образовательных, правозащитных и т.д. Огромное количество добрых дел делают наши неправительственные организации, в том числе и с зарубежной помощью. Но совершенно очевидно, что ни в одном государстве никакие неправительственные организации не должны получать помощь извне для ведения чисто политической деятельности. Везде зарубежное финансирование, скажем, политических партий запрещено обязательно. Поэтому, конечно, гражданское общество очень важно, но также очень важно установить прозрачность неправительственных организаций, чтобы

иностранцы источники финансирования всегда были известны.

Ред. При каких обстоятельствах вы Комиссию покинули?

В.Н. Как я уже говорил, работу в Комиссии я совмещал со многими другими нагрузками. В конце 90-х годов произошли перемены в Администрации Президента. Я сблизился с политиками из блока «Отечество — Вся Россия». Они занимали позиции, сильно расходящиеся с линией главы государства. В таких условиях я не считал возможным оставаться в органе, работавшем непосредственно при президенте.

Ред. И больше с Комиссией, потом Советом, уже не сотрудничали?

В.Н. Нет, хотя были точки пересечения в Общественной палате.

ПОЗИЦИЯ «В нашей стране, в России, победит тот, кто действительно верит в свою страну и любит ее. Россия во все времена в своей системе образования, в системе ценностей имела определенный, очень четкий ценностный код, который мы предлагаем миру и стране.

Сюда входят такие ценности,
как свобода, справедли-
вость, вера, достоинство,
честь — все, что всегда
составляло смысл нашего
народа, который всегда
искал правду. А это значит,
что наше дело правое
и победа будет за нами».

92

Ред. Но вы все-таки следите за работой нынешнего Совета? Знаете, например, что президент встречался с Михаилом Федотовым и поручил активно заняться беженцами и пострадавшими в результате конфликта на востоке Украины?

В.Н. По этой части у меня самого громадные задачи как у председателя Комитета Госдумы по образованию. В число субъектов Российской Федерации вошли Крым и Севастополь. В них ничего не было готово для вхождения в российскую систему образования. Проводим огромную работу по организации экзаменов, выдаче аттестатов. Там же были совсем другие программы, дети вообще не учили ни русскую историю, ни русскую литературу. Для беженцев тем более все непросто, но и они найдут все необходимое для получения образования.

Ред. Деятельность Совета в целом вы оцениваете позитивно?

В.Н. Я по убеждениям человек консервативный. Мне близки позиции — в приложении, конечно, к моей стране — таких деятелей, как Черчилль, де Голль, Рейган, Тэтчер, а не Клинтон или Обама. Я и книгу такую написал: «Эпоха перемен. Россия 90-х глазами консерватора».

Что касается Совета, то он в наших условиях совсем не вреден. Его руководители — сначала Элла Памфилова, затем и Михаил Федотов — очень грамотные люди, болеющие за порученное дело. Да и Владимир Карташкин, возвращаясь к сказанному, тоже переживал за дело, старался приносить пользу.

93

Вильям Смирнов: «Концепция прав человека, завоевавшая весь мир, отвергает репрессивное насилие»

Вильям Викторович Смирнов (родился в 1941 году в Серпухове Московской области) — доцент кафедры политологии и политического управления, кандидат юридических наук. С 1969 по 1974 год работал в Институте социологии Академии наук СССР, с 1974-го — в Институте государства и права Академии наук СССР. Вел научную работу в США по программам IREX и Института имени Дж. Кеннана Международного научного центра имени Вудро Вильсона (США). В 2001–2002 годах — профессор по приглашению Университета г. Остин, штат Техас, США. С 1996 года — член Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации, в 1998–2001 годах — заместитель председателя Комиссии. В 2001–2009 годах — член Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, в 2001–2004 годах — ответственный секретарь Совета. В 2011–2016 годах — научный руководитель Секции по вопросам международного сотрудничества Общественного научно-методического консультативного совета при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. Академик Российской академии политической науки, председатель Ревизионной комиссии Российской ассоциации политической науки, член Координационного совета по защите избирательных прав граждан, член общественного совета «Честный выбор», член Бюро международной общественной организации «Федерация мира и согласия», заведующий сектором теории права и государства Института государства и права РАН.

Ред. Вильям Викторович, вы учились на юридическом факультете МГУ имени Ломоносова и в аспирантуре в сравнительно либеральное время, в середине 60-х годов. С понятием прав человека тогда познакомились?

В.С. Нет, в советских источниках это понятие почти не встречалось. Речь шла преимущественно о социальных и экономических правах. Понятие «права человека» партийными идеологами трактовалось, за редким исключением, как «буржуазное». Для МГУ делалось некоторое исключение, поскольку в Университете училось довольно много иностранных студентов и аспирантов, в том числе из западных стран. Поэтому мне удалось написать курсовую работу по гражданским и политическим правам, главным образом в США. Естественно, источники были в основном на английском и французском языках, которыми я неплохо владел, поскольку занимался сравнительным конституционным правом.

Социологию тогда как науку, после короткого периода ее расцвета в 20-е — начале 30-х годов, начали легитимизировать только в конце 60-х — начале 70-х годов. Это стало возможным во многом благодаря академику Академии наук СССР, члену ЦК КПСС директору Института конкретных социальных исследований (ИКСИ) Академии наук СССР А. М. Румянцеву. Социологии было все же лучше, чем политической науке, которой стало возможным профессионально заниматься только к концу 80-х годов. И то только после того, когда ее переименовали из «буржуазной политической науки» в советскую «политологию».

Правами человека, human rights, хотел заниматься такой талантливый человек, как легендарный профессор МГУ Август Алексеевич Мишин — либерал, вольнодумец, ветеран Великой Отечественной войны, вернувшийся с фронта без одной руки. Но в итоге и он, и профессор МГУ Георгий Васильевич Барабашев не рекомендовали мне заниматься этой темой, если хочу защититься. Может быть, я и сам был недостаточно настойчив в отстаивании своего первоначального выбора. Взял более нейтральную тему: американское местное самоуправление, местная политика США.

О том, что существует американская политическая наука, я уже знал. Через обращение к ней появилась возможность заглянуть в сферу прав человека, но уже внутри

выбранной для диссертации темы. Позже узнал, что разрешение на занятие проблематикой human rights принималось на уровне Отдела науки ЦК КПСС, и при согласовании с КГБ. Но интерес к правам человека у меня оставался, учился я хорошо, стал ленинским стипендиатом. Но, что такое партийное коварство, до поры не знал.

Ред. Расскажите, пожалуйста.

В.С. Преподаватель по истории КПСС предложил поговорить откровенно об учебном процессе, ведь партия, дескать, открыта для высказывания мнений. Ребята, учившиеся со мной, почти все прошли армию и знали приемчики политруков, а я был зеленый и начал распространяться о том, как, с моей точки зрения, следует улучшить преподавание. Высказался, в частности, на тему, что ранние работы Ленина недостаточно известны, недостаточно обсуждаются, а ведь в них он рассматривал различные аспекты общественно-политической мысли, порой менял позицию. Оказалось, что это была провокация чистой воды. На другой день меня вызвала инспектор курса и провела со мной «профилактическую беседу». Стало ясно: только потому, что я ленинский стипендиат, хорошо учусь, меня простят. А совет был дан простой: прежде чем говорить — думай. Совсем не обязательно люди, предлагающие поговорить откровенно, твои доброжелатели. Урок этот я, конечно, запомнил.

Однако вернемся к моим научным интересам. Через местную политику американских штатов меня тянуло заняться политическими правами. Оба моих руководителя считали, что меня «заносит». Они бывали за границей, все отлично знали и понимали: эта тема не пройдет. Табу! Даже если развивать тему на уровне одного штата.

В 1969 году я надломился и ушел с юридического факультета МГУ в ИКСИ АН СССР¹⁹ по приглашению Фёдора Михайловича Бурлацкого. Он привлекал научных сотрудников, знавших иностранные языки, для освоения новой отрасли социальной науки — политической социологии. Я искал применение себе там, где чувствовалось дыхание новизны, среди таких ученых этого

¹⁹ Институт конкретных социальных исследований Академии наук СССР с 1968 по 13 июля 1972 года, ныне Институт социологии Российской академии наук.

института, как А.А. Галкин, Б.А. Грушин, Ю.А. Левада, В.Н. Шубкин, В.А. Ядов.

Трехгодичный период академического послабления сменился очередными идеологическими заморозками. В 1972 году либерального академика А.М. Румянцева на посту директора ИКСи Академии наук СССР заменили лояльным Отделу науки ЦК КПСС член-корреспондентом Академии наук СССР М.Н. Руткевичем, а редуцированный отдел Ф.М. Бурлацкого переместили в Институт государства и права Академии наук СССР. Директор этого института академик В.Н. Кудрявцев предложил мне заняться социологией права, поскольку политическая социология и социология права близки. При этом он сказал примерно следующее: надеюсь, что вы будете соблюдать все правила, формальные и неформальные, принятые в институте. В общем, Владимир Николаевич взял меня на поруки. Всегда буду ему за это благодарен. А многие социологи не могли устроиться по специальности еще долго.

Ред. Как вы встретили перестроечное время?

В.С. Поначалу с энтузиазмом. Ходил на митинги в Академии наук, участвовал в дискуссионных клубах. Рассчитывал на быстрые преобразования. Предавался некоторым иллюзиям в отношении М.С. Горбачева: казалось, что с ним есть шансы на реформы. В 1990 году я в это уже не верил, раскол общества шел на глазах. И вот тогда о правах человека стали говорить много, они становились центральной темой. Это был сильный аргумент для проведения реформ. **Хотя люди не знали досконально, что такое права человека, но сама тема грела сердце.** Дискуссии об этом шли главным образом в центре страны, преимущественно среди интеллигентов Москвы и Ленинграда. Но главное заключалось в том, что тема вышла из подполья.

Ред. А вы в это время в первую очередь чем занимались?

В.С. Полагаю, что мои выступления тогда были скорее публицистикой, это было далеко от науки. К осмыслению темы прав человека я вернулся в связи с событиями 1993 года. Это был переломный момент.

Я тогда разошелся со многими радикальными либералами, считал, что проблему нужно решать не силой, не стрельбой из танков. Был убежден, что кризис можно решить мирным, политическим путем. Тогда произошла утрата надежд на мирную трансформацию политической системы.

Я исходил из того, что **концепция прав человека, завоевавшая почти весь мир, отвергает репрессивное насилие.** Насилие возможно, но оно должно опираться на справедливые законы. Выступал не за коммунистов, а за закон: война против идеологии бессмысленна. Ведь в Штатах, даже в непростой период маккартизма, компартию и коммунистов не репрессировали.

Ред. А что вы знали о Комиссии по правам человека?

В.С. Я был знаком с Сергеем Адамовичем Ковалёвым как с депутатом. Он меня стал привлекать к работе, я начал взаимодействовать с Комиссией. Личность Ковалёва впечатляла. Он был из поколения диссидентов-борцов. Я почти физически чувствовал, что этот человек не побоится за свои убеждения отдать жизнь. Но Б.Н. Ельцин и его окружение требовали компромиссов, а Ковалёв был революционером в правозащитном движении. Для него не было ничего привлекательного в том, чтобы сидеть в кабинете. Он был боец, поэтому и в Чечне отстаивал ценности прав человека, как он их понимал. В своем принципиальном радикализме он был непреклонен.

Цель концепции — дать объективную характеристику существующего положения с правами человека в посттоталитарной России и предложить меры по созданию действующих гарантий реализации и обеспечения основных прав и свобод личности.

При подготовке этого документа Комиссия исходила из того, что одним из величайших завоеваний человечества уходящего XX века является создание кодекса международно-правовых документов о правах и свободах человека и международных институтов и организаций, призванных обеспечить реализацию их положений. Начиная с принятия в декабре 1948 года Всеобщей декларации прав человека происходит непрерывный процесс кодификации прав человека как на международном, так и на национальном уровнях, совершенствование институтов и процедур их обеспечения и защиты. Более чем полувековой опыт движения человечества по этому пути неопровержимо доказал, что без обеспечения прав и свобод человека невозможно достижение демократии и социально-экономического процветания, построение правового государства.

Владимир Карташкин,
председатель Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации.
«О Федеральной концепции по обеспечению и защите прав и свобод человека»,
15 ноября 1999 года

Ред. В Комиссию вы попали уже при следующем председателе?

В.С. Да, меня пригласил Владимир Алексеевич Карташкин. Долго беседовал со мной, расспрашивал. Вообще-то мы были знакомы по Институту государства и права РАН. Меня включили в состав Комиссии, затем я стал ответственным секретарем и заместителем председателя. Карташкин — блестящий юрист-международник, стиль в его Комиссии был совсем не такой, как у Сергея Адамовича Ковалёва. И эпоха наступала другая, не революционная, а более консервативная. В связи с работой Комиссии я общался со всеми помощниками Б.Н. Ельцина, но прежде

всего с помощником президента по правовым вопросам Михаилом Александровичем Красновым²⁰. Так случилось, что со всеми ними я был давно знаком по общественно-академической деятельности еще в советские времена. И В.А. Карташкин старался, чтобы деятельность Комиссии носила не столько публичный, сколько экспертный характер, главное внимание уделялось законодательным инициативам.

20 Свой длительный опыт нахождения во власти Михаил Александрович Краснов изложил в книге «Персоналистский режим в России: опыт институционального анализа» (М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006).

ПОЗИЦИЯ «Только через гражданский контроль можно реализовать права и свободы человека. Несомненно, что никакая модернизация

ДОКУМЕНТ

В связи с празднованием 50-летия принятия Генеральной Ассамблеей ООН Всеобщей декларации прав человека Президент России объявил 1998 год годом прав человека в Российской Федерации и поручил Комиссии по правам человека с участием заинтересованных органов государственной власти и научно-исследовательских организаций разработать проект Федеральной концепции по обеспечению и защите прав человека.

без гражданского общества в стране не состоится».

Ред. Какими разработками вы занимались?

В.С. Мы подготовили проект Федеральной концепции обеспечения и защиты прав и свобод человека. Много было публикаций по политическим правам, хотя кураторы из Администрации Президента постоянно поправляли: мол, надо учитывать время, а потом — смену президента.

Работы прибавилось, когда Россия, хоть и с оговорками, ратифицировала Европейскую социальную хартию. Было совещание по этому вопросу. Концепцию обеспечения социальных и личных прав неоднократно перерабатывали, но все никак она не проходила. В результате ее тихо положили под сукно.

Право на свободу информации разрабатывалось в рамках концепции вместе с личными правами. Тут большое влияние оказали

М. А. Федотов и Ю. М. Батурин. Я тоже, как мог, это продвигал, увязывая права на получение информации и на распространение информации.

Я старался привлечь внимание к правам женщин и детей, инвалидов, то есть к наиболее уязвимым категориям населения. Организованная по инициативе Комиссии конференция, посвященная 50-летию Всеобщей Декларации прав человека, способствовала этой активности; обсуждение шло с участием ЮНЕСКО.

В целом, делалось немало, но технократу и кабинетному ученому В. А. Карташкину было непросто вот в каком отношении: в Администрации Президента усиливались подозрения в отношении всякого рода неодицидентства. Нарастала тенденция расхождения между правозащитным движением и чиновниками.

ДОКУМЕНТ

В основу Концепции прав человека в России положены принципы взаимоотношений человека и государства, признанные международным сообществом. Эти принципы закреплены в Конституции Российской Федерации, вобравшей в себя мировой опыт развития прав человека, нашедший воплощение во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и в ряде других международных актах. Данные принципы гласят:

- права человека принадлежат ему от рождения, поэтому они являются неотъемлемыми и неотчуждаемыми;
- права человека универсальны, основаны на принципе равенства; они гарантированы каждому, кто находится под юрисдикцией государства;
- права человека — высшая ценность, а их уважение, соблюдение и защита — обязанность государства;
- права человека — средство контроля за властью, ограничитель всевластия государства, которое не должно переступать границ свободы, очерченных правами человека;
- обеспечение прав и свобод несовместимо с дискриминацией по какому-либо признаку;
- осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц;
- основные права и свободы должны быть едины на всей территории государства, их регулирование — предмет ведения федеральных органов власти, а обеспечение и защита — совместного ведения федеральной и региональной властей;

- гражданские, политические, экономические, социальные и культурные права и свободы равноценны по своей значимости, едины (неразделимы) и взаимосвязаны;
- коллективные права неотделимы от прав индивида; они не должны противоречить индивидуальным правам, ограничивать правовой статус личности;
- права человека регулируются законом;
- основные фундаментальные права человека должны соблюдаться в любой ситуации. Они могут быть ограничены только законом и исключительно для указанных в Конституции РФ и в важнейших международно-правовых актах целей: защиты основ конституционного строя, здоровья, нравственности, прав и законных интересов других лиц, обеспечения общественного порядка, обороны страны и безопасности государства. Временные ограничения прав и свобод человека в условиях чрезвычайного положения должны быть соразмерны и пропорциональны ситуации, определяющей необходимость таких ограничений, и устраняться по мере нормализации ситуации, изменения причин, вызвавших их.

Владимир Карташкин,
председатель Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации.
«О Федеральной концепции по обеспечению и защите прав и свобод человека»,
15 ноября 1999 года

Ред. Вы ведь продолжили работу в Совете и после ухода Владимира Алексеевича Карташкина?

В.С. Меня пригласила Элла Александровна Памфилова войти в новый состав Совета. Тогда значительную роль играл Владислав Юрьевич Сурков. Я к нему отношусь двойственно, если не тройственно. Он, конечно, изощренный политехнолог с потрясающей интуицией. Он сначала Элле Александровне помогал, потом мешал. И все-таки она пригласила правозащитников, чьи позиции не совпадали с позицией Администрации Президента, а то и самого Президента.

В Совет, который до 2004 года назывался Комиссией, были приглашены разные люди, консервативные и наоборот, и не всегда они были совместимы друг с другом. Элла Александровна сумела проявить гибкость и соблюсти плюрализм мнений, старалась сохранять этот баланс. До хлопанья дверьми не доходило. Когда Элла Александровна поняла, что не сможет сохранить этот баланс и с Сурковым отношения разладились, она ушла. Сказала, что в этой ситуации она вряд ли сможет быть полезной Президенту.

Ред. Что входило в круг ваших забот в Комиссии, а потом и в Совете?

В.С. Я занимался законами об общественных объединениях, о некоммерческих

организациях. Участвовал в составлении записок об укреплении законности, независимости судов и судей, о правах детей.

Мы разрабатывали меры по борьбе с ксенофобией, боролись за укрепление толерантности. В 2000-е годы обострились отношения между националистами и сторонниками толерантности, в этой работе с нами вместе активно участвовал Александр Брод, директор Московского бюро по правам человека.

Ред. А при каких обстоятельствах вы вышли из Совета?

В.С. Это было уже в мае 2009 года. У меня создалось впечатление, что Совет попадает под полный административный контроль. По счастью, я ошибся: в результате сложной аппаратной борьбы Элле Александровне Памфиловой удалось сформировать вполне независимый и ярко выраженный правозащитный состав Совета. Жаль, что уже в 2010 году ей пришлось оставить свое детище. Когда после ее ухода Совет возглавил Михаил Федотов, я был несказанно рад. У него есть качества подлинного лидера и умение объединять людей разных взглядов, либералов-правозащитников и правых консерваторов. Это не всегда удается, но в целом это так.

Ред. Вы продолжаете сотрудничать с Советом?

В.С. Я сейчас очень занят лекционной работой, но в меру сил сотрудничаю, всегда готов помочь.

Ред. По какой тематике?

В.С. В первую очередь я выступаю в качестве эксперта по избирательной тематике, по избирательным правам граждан. Участвовал в разработке поправок к Закону об «иностранных агентах», в разработке новой политики по отношению к правозащитным и другим некоммерческим организациям. С середины 2000-х годов неправительственные организации обязаны периодически публиковать отчеты о своей деятельности, объеме и источниках финансирования. Раньше в этом вопросе была полная неразбериха: какие деньги получают, как их расходуют, каковы результаты их деятельности? Я сейчас рассуждаю не как представитель НКО, а скорее как независимый исследователь, пытаюсь увидеть достоинства и недостатки нового порядка отчетности. Потенциальная опасность заключается в том, что при желании чиновники

смогут легко прессовать неугодные организации. А плюсы — в том, что это подтолкнет НКО к большей открытости и прозрачности. Без этого развитие демократии невозможно. Надо требовать открытости от властей, но при этом и самому быть открытым.

Вот здесь, кстати, и проявится зрелость нашего общества, таких институтов, как Общественная палата, Комиссия по правам человека и наследовавший ей Совет по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека. Без взаимного диалога, без взаимной открытости не будет доверия между обществом и властью, а значит, и никакого развития демократии не будет.

Ныне я много работаю в Комиссии по отбору грантов для НКО по правозащитной тематике. Речь идет о довольно значительных грантах, которые, надеюсь, сыграют позитивную роль для «Мемориала» и других достойных организаций. Это сейчас значимая часть моей жизни. Пытаюсь соединить правозащитную тематику с разработкой междисциплинарной отрасли знания — юридической политологией.

«Я УШЛА ПРИ СУРКОВЕ, КОГДА ПОЛЕ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ НЕ ПРОСТО ВЫТАПТЫВАЛОСЬ, А ВЫЖИГАЛОСЬ. А ВОТ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ, В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ПРАВозащитные, яростно сопротивлялись, не позволяя превратить себя в общественное кладбище. Хотя и понесли значительные потери. Я в том числе...»

Приход Эллы Александровны Памфиловой ознаменовал принципиально новый этап в истории Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации. Он был столь же неожиданным, сколь и естественным. Неожиданным — потому, что за предшествующие годы этот институт превратился в поверхностном общественном видении в довольно скучную бюрократическо-академическую структуру, от которой, как представлялось постороннему наблюдателю, мало что зависело в реальной жизни людей. Естественным — потому, что сама личность Эллы Александровны была неразрывно связана в общественном сознании с такими острыми темами, как борьба с привилегиями и коррупцией, за прекращение войны в Чечне, за повышение социальных обязательств государства, а главное — с такими ее личными качествами, как честность, принципиальность, справедливость, открытость.

Александр Копылов вспоминает:

«С назначением председателем Комиссии в июле 2002 года видного политического и общественного деятеля Эллы Александровны Памфиловой деятельность Комиссии по реальному решению проблем прав и свобод человека резко активизировалась. В состав Комиссии вошли известные и авторитетные правозащитники, признанные лидеры правозащитных организаций, зарекомендовавшие себя многолетней эффективной деятельностью по защите прав и свобод человека и гражданина: Людмила Михайловна Алексеева, один из основателей и руководитель Московской Хельсинкской группы; Валерий Фёдорович Абрамкин, руководитель правозащитной организации Центр содействия реформе уголовного правосудия; Валерий Васильевич Борщёв, известный правозащитник, член Московской Хельсинкской группы; Светлана Алексеевна Ганнушкина, председатель Общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам; Ида Николаевна Куклина, член координационного совета Ассоциации объединений «Союз комитетов солдатских матерей России»; Алексей Константинович Симонов, президент некоммерческой организации «Фонд защиты гласности» и другие известные и авторитетные люди.

Обычной практикой стали не только рабочие встречи председателя Комиссии с главой государства, но и регулярные встречи всего состава Комиссии для обсуждения проблем с Президентом страны.

Важным, качественно новым этапом в развитии и совершенствовании деятельности Комиссии стало проведенное по инициативе Э.А. Памфиловой преобразование Комиссии по правам человека в Совет при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека. Позднее, уже при Михаиле Александровиче Федотове, название нашего органа чуть подсократили — Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека».

Следует подчеркнуть, что за время работы Эллы Александровны Памфиловой во главе президентской Комиссии по правам человека сменилось не только ее название, но также радикально изменился статус и дважды обновился состав органа. Эти во многом революционные изменения — достаточно вспомнить титанических, поистине героических усилий. Начиная с 10 февраля 2009 года Совет — во всяком случае по своему составу — стал полностью общественным, оставшись, безусловно, консультативным органом при главе государства. В свою очередь, институциональная независимость членов Совета от органов государственной власти позволила Президенту получить в их лице альтернативные источники информации и экспертных оценок.

С приходом Эллы Александровны Памфиловой изменилась — хотя и не сразу — нормативно-правовая база организации и деятельности Комиссии по правам человека, преобразованной в Совет по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека. Новое Положение, утвержденное Указом Президента РФ от 6 ноября 2004 года № 1417²¹, заметно расширило

функционал этого консультативного органа при главе государства. Это стало естественным результатом распространения компетенции Совета за пределы собственно обеспечения и защиты прав человека на смежную сферу — развитие гражданского общества.

Выступая на встрече Совета с Президентом В.В. Путиным 20 июля 2005 года, Э.П. Памфилова так охарактеризовала изменение статуса Комиссии по правам человека:

«Отмечаю безусловную преемственность деятельности нашего Совета по отношению к бывшей Комиссии по правам человека, все-таки я хотела бы отметить, что это не просто смена вывески такая формальная, это произошел качественный переход, переход в новое качество. И это не только существенное расширение сферы нашей деятельности, а также укрепление взаимодействия с независимым экспертным сообществом и широким кругом общественных организаций как внутри страны, так и за ее пределами — я хочу подчеркнуть это — и за ее пределами не только в странах ближнего зарубежья, но и в странах Запада. Кстати, этот круг с каждым днем расширяется.

Главное все-таки, на чем был сделан акцент наш в новом качестве, в качестве деятельности Совета,— это отработка механизмов взаимодействия между общественными и государственными институтами и между обществом и властью»²².

22 Стенографический отчет о заседании Совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека 20 июля 2005 года // URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23097>

Глубинная связь между гражданским обществом и правами человека достаточно очевидна. С одной стороны, права человека, прежде всего гражданские права, являются мощным средством строительства гражданского общества. В отсутствие гражданских прав становится невозможно сколько-нибудь реальное гражданское участие, в том числе гражданское воспитание, функционирование неправительственных организаций и независимых от государства средств массовой информации. С другой стороны, развитое гражданское общество является надежной гарантией обеспечения прав человека и гражданина. Таким образом, деятельность Совета по стимулированию развития гражданского общества, по оказанию содействия его институтам является одновременно важным вкладом в обеспечение и защиту прав человека.

Нормативно-правовым отражением такого понимания взаимосвязи гражданского общества и прав человека стало Положение о Совете 2004 года. В нем впервые миссия Совета выведена за пределы содействия реализации главой государства его конституционных полномочий гаранта прав и свобод человека и гражданина: содействие развитию институтов гражданского общества впервые вошло в описание смысла деятельности Совета. Отсюда естественным образом следует расширение перечня задач Совета, появление таких, как:

- подготовка предложений президенту по вопросам взаимодействия с правозащитными организациями;
- подготовка предложений президенту по вопросам становления институтов гражданского общества, расширения взаимодействия между общественными и государственными институтами, а также разработки технологий учета общественных инициатив при формировании государственной политики в области обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина;
- содействие координации деятельности правозащитных организаций и их взаимодействию с федеральными и региональными органами государственной власти;
- содействие разработке механизмов общественного контроля в области обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина;
- содействие правовому просвещению населения.

Интересно в Положении 2004 года был решен вопрос о работе Совета с обращениями граждан. С одной стороны, говорилось в Положении, «Совет не рассматривает обращения по личным вопросам, в том числе связанным с имущественными, жилищными и трудовыми спорами, а также с жалобами на решения судов, органов следствия и дознания». Но с другой стороны, говорилось там же, к числу задач Совета относится «анализ обращений физических и юридических лиц, содержащих информацию о проблемах в области обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина».

21 Указ Президента РФ от 6 ноября 2004 года № 1417 «О Совете при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека» // Собрание законодательства РФ. — 15.11.2004. — № 46 (ч. II), ст. 4511.

Для решения возложенных на него задач Совет получил, по сути дела, те же полномочия, что и Комиссия по правам человека, за исключением тех прав, которые содержались еще в Положении о Комиссии 1993 года:

- проводить проверку деятельности государственных учреждений, относительно которых Комиссия располагает информацией о массовых либо грубых нарушениях прав человека (подп. «б» п. 7);
- беспрепятственно посещать любые государственные органы, учреждения и организации в установленном законом порядке (п. 8);
- получать в 15-дневный срок ответ должностного лица на рекомендации Комиссии с обоснованием своей позиции в случае несогласия с рекомендациями (п. 10)²³.

Не получили члены Совета даже закрепленного в Положении 1996 года (п. 7) права «посещать органы государственной власти, а также любые государственные учреждения и организации»²⁴ по вопросам, входящим в компетенцию данного консультативного органа при главе государства.

В то же время неизменно существовавшее в Положении право Комиссии (Совета) запрашивать и получать в установленном порядке необходимые информацию и материалы от федеральных и региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления и т. д. дополнилось довольно экзотическим правом «требовать от них своевременного представления информации и материалов, запрашиваемых Советом» (п. 6). При этом корреспондирующая данному правомочию обязанность соответствующих органов предоставлять запрошенную Советом информацию (в Положении 1996 года уточнялось: «безотлагательно предоставлять») из Положения 2004 года исчезла.

Правомочия Совета дополнились некоторыми немаловажными правами:

- пользоваться в установленном порядке банками данных Администрации Президента Российской Федерации и федеральных органов государственной власти;
- приглашать на свои заседания должностных лиц разного уровня, представителей общественных объединений;
- направлять своих представителей для участия в совещаниях, конференциях и семинарах, проводимых федеральными и региональными органами государственной власти, а также общественными объединениями, по проблемам обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина;
- использовать государственные, в том числе правительственные, системы связи и коммуникации.

В отличие от Положения 1993 года, согласно которому председатель Комиссии и его заместители работают на постоянной основе, Положение 2004 года продолжило сложившуюся после отставки С. А. Ковалёва традицию — все члены Совета, включая председателя и ответственного секретаря, принимают участие в его работе на общественных началах.

Впервые в Положении появились нормы о формировании комиссий из числа членов Совета, ученых, специалистов, представителей общественных объединений, а также постоянные и временные рабочие группы, руководство деятельностью которых осуществляют члены Совета.

Согласно Положению 2004 года у Совета появился собственный бланк. Наряду с этим предусмотренные Положением 1993 года служебные удостоверения установленного образца для членов Совета теперь отошли в прошлое, как и предполагавшийся всеми предшествовавшими положениями Экспертный совет.

Председательство Эллы Александровны Памфиловой объединило не только работу Комиссии по правам человека и наследовавшего ей Совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека. Оно также объединило две президентские законодательные инициативы: приняв на себя руководство одним из важнейших консультативных органов при главе государства из рук Президента В. В. Путина, Э. А. Памфиловой по собственной воле вернула эти полномочия в руки Президента Д. А. Медведева.

23 Положение о Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 1 ноября 1993 года № 1798 «Об обеспечении деятельности Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. — 08.11.1993. — № 45, ст. 4325.

24 Положение о Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 18 октября 1996 года № 1457 «Об утверждении Положения о Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 21.10.1996. — № 43, ст. 4886.

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О председателе Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации

1. Назначить Памфилову Э.А. председателем Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации, освободив от этих обязанностей Карташкина В.А.

2. Внести изменения в состав Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 10 сентября 2001 г. № 1120 "О внесении изменений и дополнений в Положение о Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 18 октября 1996 г. № 1457, и об утверждении состава Комиссии" (Собрание законодательства Российской Федерации, 2001, № 38, ст. 3725), включив в него Памфилову Э.А. и исключив Карташкина В.А.

3. Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания.

Президент
Российской Федерации В.Путин

Москва, Кремль
12 июля 2002 года
№ 737

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О Совете при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека

В целях совершенствования государственной политики в области обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина, а также содействия развитию институтов гражданского общества постановляю:

1. Преобразовать Комиссию по правам человека при Президенте Российской Федерации в Совет при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека.

2. Назначить председателем Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека Памфилову Элли Александровну, освободив ее от обязанностей председателя Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации.

3. Утвердить прилагаемые:

Положение о Совете при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека;

состав Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека.

4. Признать утратившими силу:

Указ Президента Российской Федерации от 18 октября 1996 г. № 1457 «Об утверждении Положения о Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, № 43, ст. 4886);

Указ Президента Российской Федерации от 10 сентября 2001 г. № 1120 «О внесении изменений и дополнений в Положение о Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 18 октября 1996 г. № 1457, и об утверждении состава Комиссии» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2001, № 38, ст. 3725);

Указ Президента Российской Федерации от 12 июля 2002 г. № 737 «О председателе Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, № 28, ст. 2835);

Указ Президента Российской Федерации от 19 октября 2002 г. № 1208 «О составе Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, № 42, ст. 4109).

Президент
Российской Федерации В.Путин

Москва, Кремль
6 ноября 2004 года
№ 1417

СОСТАВ КОМИССИИ (СОВЕТА) ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (2002–2009)²⁵

Памфилова Элла Александровна — председатель Президиума Общероссийского общественного движения «Гражданское достоинство», председатель Общероссийского союза общественных объединений «Гражданское общество — детям России» (председатель Комиссии) (с 12 июля 2002 по 31 июля 2010 года).

Кара Геннадий Павлович — первый заместитель начальника Главного управления внутренней политики Президента Российской Федерации (заместитель председателя Комиссии) (с 10 сентября 2001 по 6 ноября 2004 года).

Смирнов Вильям Викторович — заведующий сектором политологических исследований Института государства и права Российской академии наук (заместитель председателя Комиссии) (с 22 декабря 1997 по 10 февраля 2009 года).

Валерий Фёдорович Абрамкин — директор региональной общественной организации «Центр содействия реформе уголовного правосудия» (с 19 октября 2002 по 1 апреля 2013 года).

Айвазова Светлана Григорьевна — главный научный сотрудник Института сравнительной политологии (с 6 ноября 2004 года по настоящее время).

Алексеева Людмила Михайловна — председатель Московской Хельсинкской группы, президент Международной Хельсинкской федерации (с 19 октября 2002 по 12 ноября 2012 и с 25 мая 2015 года по настоящее время).

Аузан Александр Александрович — президент Международной конфедерации обществ потребителей (с 19 октября 2002 по 12 ноября 2012 года).

Борисов Сергей Ренатович — президент Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России» (с 19 октября 2002 по 10 февраля 2009 года).

Борщёв Валерий Васильевич — советник Комитета Государственной Думы ФС РФ по законодательству, член Московской Хельсинкской группы (с 19 октября 2002 по 6 ноября 2004 года).

Васильев Борис Львович — писатель (с 10 сентября 2001 по 6 ноября 2004 года).

Ганнушкина Светлана Алексеевна — председатель региональной общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское содействие», член совета самоуправляемой некоммерческой организации граждан Правозащитный центр «Мемориал» (с 19 октября 2002 по 12 ноября 2012 года).

Говорухин Сергей Станиславович — председатель правления благотворительного Фонда ветеранов и инвалидов вооруженных конфликтов негосударственного характера «Единство», кинодокументалист (с 19 октября 2002 по 18 августа 2010 года).

Голов Анатолий Григорьевич — директор автономной некоммерческой организации «Институт социальной политики», сопредседатель общественной организации «Союз потребителей России» (с 19 октября 2002 по 6 ноября 2004 года).

Головань Алексей Иванович — Уполномоченный по правам ребенка в г. Москве, исполнительный директор региональной общественной организации «Благотворительный центр «Соучастие в судьбе» (с 6 ноября 2004 по 1 апреля 2013 года).

²⁵ Должности членов Комиссии (Совета) указаны в формулировках Указа Президента РФ от 19 октября 2002 года № 1208 «О составе Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации»

и Указа Президента РФ от 6 ноября 2004 года № 1417 «О Совете при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека».

Ершова Елена Николаевна — координатор некоммерческого партнерства «Консорциум женских неправительственных объединений» (с 19 октября 2002 по 6 ноября 2004 года).

Жжёнов Георгий Степанович — актер Государственного академического театра имени Моссовета (с 10 сентября 2001 по 10 февраля 2009 года).

Жуков Василий Иванович — президент общественной организации «Академия социального образования», ректор Московского государственного социального университета (с 19 октября 2002 по 6 ноября 2004 года).

Жукова Нина Борисовна — председатель Российского политического общественного движения «Союз реалистов», заместитель главы Всемирного русского народного собора (с 19 октября 2002 по 6 ноября 2004 года).

Забелин Святослав Игоревич — сопредседатель совета международной общественной организации «Международный социально-экологический союз» (с 19 октября 2002 по 10 февраля 2009 года).

Зыков Олег Владимирович — президент Общероссийского общественного благотворительного объединения «Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании» (с 19 октября 2002 по 6 ноября 2004 года).

Каландаров Камилжан Хамидович — генеральный директор автономной некоммерческой организации «Институт прав человека» (с 19 октября 2002 по 6 ноября 2004 года).

Караганов Сергей Александрович — председатель президиума региональной общественной организации «Общественный совет по внешней и оборонной политике» (с 6 ноября 2004 года по настоящее время).

Клямкин Игорь Михайлович — вице-президент научного фонда теоретических и прикладных исследований «Либеральная миссия» (с 6 ноября 2004 по 10 февраля 2009 года).

Колодный Александр Германович — главный редактор газеты «Век» (с 26 сентября 2000 по 6 ноября 2004 года).

Кузьминов Ярослав Иванович — сопредседатель Российского общественного совета по развитию образования, ректор Государственного университета «Высшая школа экономики» (с 6 ноября 2004 по 12 ноября 2012 года).

Куклина Ида Николаевна — член координационного совета ассоциации общественных объединений «Союз комитетов солдатских матерей России» (с 19 октября 2002 по 12 ноября 2012 года).

Левада Юрий Александрович — директор автономной некоммерческой организации «Аналитический центр Юрия Левады» (с 6 ноября 2004 по 16 ноября 2006 года).

Лесков Максим Александрович — начальник отдела управления Главного управления внутренней политики Президента Российской Федерации (ответственный секретарь Комиссии) (с 19 октября 2002 по 6 ноября 2004 года).

Марков Сергей Александрович — председатель Национального гражданского совета по международным делам (с 6 ноября 2004 по 10 февраля 2009 года).

Морщакова Тамара Георгиевна — судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке, советник председателя Конституционного Суда Российской Федерации (с 19 октября 2002 года по настоящее время).

Орлов Олег Петрович — председатель совета Правозащитного центра «Мемориал» (с 6 ноября 2004 по 10 февраля 2009 года).

Пилюгин Олег Дмитриевич — вице-президент некоммерческой общественной организации «Фонд содействия престижу России» (с 19 октября 2002 по 6 ноября 2004 года).

Подберезкин Алексей Иванович — директор межрегиональной организации содействия защите прав и свобод граждан «Правозащитный центр» (с 6 ноября 2004 по 10 февраля 2009 года).

Познер Владимир Владимирович — президент фонда «Академия Российского телевидения» (с 6 ноября 2004 по 10 февраля 2009 года).

Поляков Юрий Михайлович — главный редактор «Литературной газеты» (с 6 ноября 2004 по 10 февраля 2009 года).

Полякова Мара Фёдоровна — председатель правления региональной общественной организации «Независимый экспертно-правовой совет» (с 6 ноября 2004 года по настоящее время).

Пустынцев Борис Павлович — председатель Санкт-Петербургской общественной правозащитной организации «Гражданский контроль» (с 6 ноября 2004 по 12 ноября 2012 года).

Пушков Алексей Константинович — автор и ведущий аналитической программы «Постскриптум» (с 6 ноября 2004 по 18 февраля 2016 года).

Рошаль Леонид Михайлович — президент международного благотворительного объединения «Международный благотворительный общественный фонд помощи детям при катастрофах и войнах» (с 19 октября 2002 по 10 февраля 2009 года).

Симонов Алексей Кириллович — президент некоммерческой организации «Фонд защиты гласности» (с 19 октября 2002 по 12 ноября 2012 года).

Соловьев Владимир Рудольфович — телерадиожурналист (с 19 октября 2002 по 10 февраля 2009 года).

Сунгуров Александр Юрьевич — президент общественной организации «Санкт-Петербургский гуманитарно-политологический центр «Стратегия» (с 6 ноября 2004 по 10 февраля 2009 года).

Титов Борис Юрьевич — председатель Общероссийской общественной организации «Деловая Россия» (с 6 ноября 2004 по 10 февраля 2009 года).

Третьяков Виталий Товиевич — профессор факультета международной журналистики Московского государственного института международных отношений (университета) МИДа России (с 6 ноября 2004 по 10 февраля 2009 года).

Фадеев Валерий Александрович — главный редактор журнала «Эксперт» (с 6 ноября 2004 по 10 февраля 2009 года).

Хабриева Талия Ярулловна — директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (с 26 сентября 2000 по 6 ноября 2004 года).

Чалдымов Никита Андреевич — президент общественного движения «Армия и общество» (с мая 1996 по 6 ноября 2004 года).

Шмелев Николай Петрович — директор Института Европы Российской академии наук (с 10 сентября 2001 по 6 ноября 2004 года).

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Об утверждении состава Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека

1. Утвердить прилагаемый состав Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека.
2. Признать утратившим силу абзац третий пункта 3 Указа Президента Российской Федерации от 6 ноября 2004 г. № 1417 "О Совете при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека" (Собрание законодательства Российской Федерации, 2004, № 46, ст. 4511).
3. Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания.

Президент
Российской Федерации Д.Медведев

Москва, Кремль
10 февраля 2009 года
№ 148

СОСТАВ СОВЕТА ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО СОДЕЙСТВИЮ РАЗВИТИЮ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА (2009–2012)²⁶

Памфилова Элла Александровна — председатель президиума Общероссийского общественного движения «Гражданское достоинство» (председатель Совета) (с 12 июля 2002 по 31 июля 2010 года).

Абрамкин Валерий Фёдорович — директор региональной общественной организации «Центр содействия реформе уголовного правосудия» (с 19 октября 2002 по 1 апреля 2013 года).

Айвазова Светлана Григорьевна — главный научный сотрудник Института социологии Российской академии наук (с 6 ноября 2004 года по настоящее время).

Алексеева Людмила Михайловна — председатель Московской Хельсинкской группы (с 19 октября 2002 по 12 ноября 2012 года и с 25 мая 2015 года по настоящее время).

Амбиндер Лев Сергеевич — президент некоммерческой организации благотворительного фонда «Помощь» (с 10 февраля 2009 года по настоящее время).

Аузан Александр Александрович — президент Ассоциации независимых центров экономического анализа (с 19 октября 2002 по 12 ноября 2012 года).

Ганнушкина Светлана Алексеевна — председатель региональной общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское содействие» (с 19 октября 2002 по 12 ноября 2012 года).

Гефтер Валентин Михайлович — директор автономной некоммерческой организации «Институт прав человека» (с 10 февраля 2009 по 12 ноября 2012 года).

Говорухин Сергей Станиславович — председатель правления фонда ветеранов и инвалидов вооруженных конфликтов «Рокада» (с 19 октября 2002 по 18 августа 2010 года).

Головань Алексей Иванович — уполномоченный по правам ребенка в г. Москве, исполнительный директор региональной общественной организации «Благотворительный центр «Соучастие в судьбе» (с 6 ноября 2004 по 1 апреля 2013 года).

Джибладзе Георгий Джуншеревич — президент автономной некоммерческой организации «Центр развития демократии и прав человека» (с 10 февраля 2009 по 12 ноября 2012 года).

Кабанов Кирилл Викторович — председатель общественной организации «Национальный антикоррупционный комитет» (с 10 февраля 2009 года по настоящее время).

Караганов Сергей Александрович — председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике (с 6 ноября 2004 года по настоящее время).

Кривенко Сергей Владимирович — член правления международной общественной организации «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», координатор общественного движения «Гражданин и армия» (с 10 февраля 2009 года по настоящее время).

Кузьминов Ярослав Иванович — сопредседатель Российского общественного совета по развитию образования, ректор Государственного университета «Высшая школа экономики» (с 6 ноября 2004 по 12 ноября 2012 года).

Куклина Ида Николаевна — член координационного совета Союза комитетов солдатских матерей России (с 19 октября 2002 по 12 ноября 2012 года).

²⁶ Должности членов Совета указаны в формулировках Указа Президента РФ от 10 февраля 2009 года № 148 «Об утверждении состава Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека».

Легойда Владимир Романович — председатель правления Фонда содействия развитию культурно-просветительской деятельности «Фома Центр», главный редактор журнала «Фома» (с 10 февраля 2009 по 18 февраля 2016 года).

Литовченко Сергей Евгеньевич — исполнительный директор межрегиональной общественной организации «Ассоциация менеджеров» (с 10 февраля 2009 по 26 ноября 2015 года).

Лукьянов Фёдор Александрович — главный редактор журнала «Россия в глобальной политике» (с 10 февраля 2009 по 12 ноября 2012 года).

Малева Татьяна Михайловна — директор автономной некоммерческой организации «Независимый институт социальной политики» (с 10 февраля 2009 по 12 ноября 2012 года).

Морцакова Тамара Георгиевна — судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке, советник Председателя Конституционного Суда Российской Федерации (с 19 октября 2002 года по настоящее время).

Николаева Елена Леонидовна — председатель попечительского совета некоммерческого фонда «Национальный фонд развития здравоохранения» (с 10 февраля 2009 по 18 февраля 2016 года).

Орешкин Дмитрий Борисович — ведущий научный сотрудник Института географии Российской академии наук (с 10 февраля 2009 по 12 ноября 2012 года).

Панфилова Елена Анатольевна — директор Центра антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл — Россия» (с 10 февраля 2009 по 12 ноября 2012 года).

Полникова (Чугуева) Ирина Георгиевна — первый заместитель председателя Хабаровского краевого историко-просветительского общественного движения «Мемориал», член совета при губернаторе Хабаровского края по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека (с 10 февраля 2009 по 26 ноября 2015 года).

Полякова Мара Фёдоровна — председатель правления региональной общественной организации «Независимый экспертно-правовой совет» (с 6 ноября 2004 года по настоящее время).

Пустынцев Борис Павлович — председатель Санкт-Петербургской общественной правозащитной организации «Гражданский контроль» (с 6 ноября 2004 по 12 ноября 2012 года).

Пушков Алексей Константинович — автор и ведущий аналитической программы «Постскриптум» (с 6 ноября 2004 по 18 февраля 2016 года).

Симонов Алексей Кириллович — президент некоммерческой организации «Фонд защиты гласности» (с 19 октября 2002 по 12 ноября 2012 года).

Сорокина Светлана Иннокентьевна — журналист (с 10 февраля 2009 по 5 марта 2012 года).

Федотов Михаил Александрович — секретарь Союза журналистов России (с 10 февраля 2009 года по настоящее время).

Цыпленков Сергей Александрович — исполнительный директор отделения международной неправительственной некоммерческой организации «Совет Гринпис» — ГРИНПИС (с 10 февраля 2009 года по настоящее время).

Чмыхов Гарий Дмитриевич — председатель Общественной палаты Калининградской области, первый вице-президент регионального объединения работодателей «Союз промышленников и предпринимателей Калининградской области» (с 10 февраля 2009 года по настоящее время).

Юргенс Игорь Юрьевич — председатель правления фонда «Институт современного развития» (с 10 февраля 2009 года по настоящее время).

Ямщиков Савва Васильевич — председатель Ассоциации реставраторов России (с 10 февраля 2009 по 18 августа 2010 года).

Ясина Ирина Евгеньевна — председатель экспертного совета негосударственного учреждения «Клуб региональной журналистики» (с 10 февраля 2009 по 5 марта 2012 года).

Элла Памфилова:

«Я считала себя посредником между правозащитниками и властью»

Элла Александровна Памфилова (родилась в 1953 году в Алмалыке, Ташкентская область, Узбекская ССР) — российский государственный, политический и общественный деятель, правозащитник. Окончила Московский энергетический институт. В 1976–1989 годах была инженером, технологом, председателем профсоюзного комитета Центрального ремонтно-механического завода производственного объединения «Мосэнерго». В 1989–1991 годах — народный депутат, член Верховного Совета СССР. В 1991–1994 годах — министр социальной защиты населения РФ. В 1993–1999 годах — депутат Государственной Думы ФС РФ. В 1994 году возглавила Совет по социальной политике при Президенте РФ. В качестве члена Комиссии при Президенте РФ по поиску плененных, заложников и интернированных граждан и Общественной независимой комиссии по расследованию правонарушений и защите прав человека на Северном Кавказе неоднократно совершала поездки в Чечню и другие северокавказские республики. В 2000 году стала первой женщиной в истории России, баллотировавшейся на пост Президента РФ. С 2001 года является председателем Общероссийского общественного движения «Гражданское достоинство». В 2002-м возглавила Общероссийский союз общественных объединений «Гражданское общество — детям России». В июле 2002 года Указом Президента РФ была назначена на должность Председателя Комиссии по правам человека при главе государства, а в ноябре 2004 года стала Председателем Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, в который, по инициативе Э.А. Памфиловой, была преобразована Комиссия по правам человека. С декабря 2010 года — старший научный сотрудник Центра исследования гражданского общества и некоммерческого сектора ФГАУ ВПО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». С января 2014 года — Уполномоченный по правам человека в РФ. С 28 марта 2016 года — председатель Центральной избирательной комиссии РФ. Кавалер нескольких орденов РФ, кавалер ордена Почетного легиона, лауреат Премии доктора Фридриха Йозефа Гааза.

Ред. Элла Александровна, мы часто начинаем беседу для книги о правозащитном институте России с вопроса о том, как человек пришел к правозащитной деятельности. Мы уже со многими побеседовали, и варианты ответов разные. Кто-то еще с родителями слушал «вражеские голоса», у кого-то был особенно вольнодумный вуз. По тому, что известно о вас, складывается впечатление, что вы еще в детстве могли проводить правозащитные акции: заступиться за слабого, гонимого и тому подобное. Было такое?

Э.П. «Вражьи голоса» я в детстве не слушала. Наоборот: мы играли в разведчиков и защищали страну от фашистов, поскольку это было послевоенное время. С раннего детства мой патриотизм воспитывался в детских играх и в атмосфере того времени. Для всех страшным позором была, скажем, нарисованная на заборе фашистская свастика. Тогда, бывало, дети мелом рисовали свастику, если кто-то из сверстников совершил нечто позорное, неблагоприятное, достойное самого сурового осуждения... Значит, ты плохой человек, «редиска», ты так провинился, что должен очень долго исправляться, доказывая, что становишься «нормальным»... Потом все вместе приходили и стирали этот фашистский знак.

Да, с детства у меня обостренное чувство справедливости. Я была маленькая, худенькая, но если видела, что мальчишки обижают котенка, щенка или кого-то из младших ребят, я забывала о том, что маленькая, бросалась на защиту, не думая о том, что они в два раза выше, крупнее, сильнее и что я сейчас получу. Во мне такая буйная сила закипала, перед которой все отступали, независимо от роста.

Ред. То есть результата вы добивались, хоть это было непросто?

Э.П. Добивалась, да. Для меня физически непереносимой болью было, когда в моем присутствии обижают слабого. Моя реакция опережала даже мое сознание в такие моменты. С детства было это чувство: слабых надо защищать, и защищать — с кулаками, следует давать отпор тем, кто безнаказанно измывается над беззащитными. В детстве я не знала, как это называется, потом поняла, что абсолютно не переношу бестактность в отношении других. Бестактность, бывает, очень больно бьет,

унижает человека, ущемляет его человеческое достоинство. Это тоже с детства я интуитивно чувствовала, может быть, не осознавая до конца. Но реакция была всегда однозначная.

Ред. То есть на бестактность вы тоже моментально реагировали?

Э.П. Да. Но правозащитником я себя никогда не считала. Никогда. Потому что ассоциация с тем, что правозащитная деятельность связана со слушанием «вражеских голосов» и диссидентством, как-то укоренилась. Если говорить о моем тогдашнем понимании правозащитной деятельности, то это как раз было что-то, основанное на обостренном чувстве справедливости, на противопоставлении двух миров: нашего, советского, и... Мы же люди советского поколения, что бы мы из себя ни корчили в постсоветское время. На самом деле мы — из той исторической эпохи, и не надо этого стыдиться или за это клеймить друг друга. Были такие времена, и мы в них росли. Кстати, там тоже было немало хорошего.

В принципе, все нынешние либералы, люди, которые критично относятся к тому режиму, получили в советское время хорошее образование, многие из них учились в МГИМО, МГУ и так далее. Так что не все было плохо, поэтому я не приемлю категорическое отрицание советского прошлого. Надо находить и в своей молодости, в своей истории не только минусы, но и плюсы.

Ред. Вот как раз давайте перейдем к вашему вузу. Это один из лучших вузов страны по интеллектуальному потенциалу — Энергетический. Там учились очень способные ребята, победители олимпиад и т.д. В то же время он был ориентирован на всякие закрытые производства, где «болтать» не принято. Поэтому в студенческие годы вы тоже были настроены просоветски?

Э.П. Что такое «просоветски»? Когда меня принимали в октябрята, я этим гордилась. Меня принимали в пионеры, я этим гордилась. Меня принимали в комсомол, я этим гордилась. Я считала, что в 27 лет я буду жить при коммунизме. Студенческие годы — это, конечно, свобода, вольнодумство, стройотряды. Кстати, тогда я впервые попала в Югославию — со стройотрядом. Это был совершенно другой мир. Я вспоминаю

студенческие годы с огромным удовольствием, поскольку помимо, скажем, квантовой физики и прочих серьезных предметов у нас был прекрасный Дом культуры, в котором выступали Высоцкий и лучшие вокально-инструментальные ансамбли. Мы с друзьями часто ходили в театры, музеи, консерваторию, пытались максимально впитать в себя те невероятные культурные пласты, которыми и в те времена славилась Москва. Замечательные были студенческие времена! Между прочим, мои сокурсники — представители технической интеллигенции — были весьма демократически ориентированными, ждали перемен, критиковали власть, причем не только на кухне.

Ред. Вы тоже были в этих рядах?

Э.П. Мое «вольнодумство» в те времена в основном ограничивалось чтением самиздата и увлечением поэзией Серебряного века.

К тому же я вышла замуж, у меня был маленький ребенок, то есть я попала на тот период в разряд домохозяек, у которых на первом плане ребенок и семья: заниматься воспитанием дочери, мужа хорошо кормить, найти продукты. И я единственная из группы попросилась на завод, остальные пошли в «ящики», закрытые НИИ. У меня было две причины такого решения. Первая: завод был рядом с моим домом, и мне не надо было далеко от моего ребенка отлучаться. Вторая: я считала, что больше склонна к конкретной производственной деятельности, чем к научно-исследовательской. Я действительно нашла себя. Начинала мастером, но довольно быстро моя карьера пошла вверх, причем не в ущерб семье... Но получается какая-то моя биография, а не история создания Совета...

Ред. Сейчас мы подойдем к этому, а пока вы рассказываете об очень интересных, жизненных делах. То есть семья немного заслонила на тот момент общественную деятельность?

Э.П. Пока ребенок был маленький, никакой общественной деятельности не было — я считала и считаю до сих пор, что главное для женщины — это семья, ребенок, и никакая, даже самая блестящая карьера не может заменить семейное счастье, счастье материнства и близости к своему ребенку. Я в этом смысле «домостроевский»

человек. Если ты делаешь карьеру, занимаешься общественной деятельностью, это не должно быть в ущерб ребенку.

Ред. Пришел Михаил Сергеевич Горбачев, и не заметить наступления эпохи перемен было невозможно.

Э.П. Я необходимость перемен видела задолго до прихода Горбачева, поскольку работала на предприятии, была мастером, потом крупным профсоюзным деятелем большого завода. У меня вся «социалка» была перед глазами.

Ред. Вы были председателем профкома?

Э.П. Сначала — мастером-инженером, потом — председателем профкома четырехтысячного завода. Это подсобное хозяйство, детские сады, пионерские лагеря, жилой фонд и так далее. Это мини-город — предприятие, у которого все свое, даже продукты. Я очень быстро поняла, что у нас система оплаты труда абсолютно не соответствует качеству труда, производительности. Видела, что необходимы серьезные изменения.

Уже тогда было трудно мотивировать молодого человека пойти учиться на токаря, несмотря на то что у нас токарь шестого разряда был гораздо важнее, чем директор предприятия, и мы с ним носились, думали, как его удержать, как найти способ ему доплатить. В результате он у нас получал больше, чем директор завода. Но приходилось находить какие-то дополнительные способы, не предусмотренные системой советской уравниловки...

Надо было подумать еще, как увлечь мальчишек, чтобы они пошли в ученики, чтобы профессия рабочего стала престижной. Уже тогда все стремились в МГИМО и в другие популярные вузы. Я работала на заводе двенадцать лет и многое понимала. Станки еще 1937 года — в конце 80-х! Не было технического перевооружения, переоснащения производства, труд был экстенсивным. Потом я стала членом городского комитета профсоюзов. Таким образом, я понимала, что проблемы в те времена, что называется, перезрели.

Россия, 105023, Москва, Мажоров пер., 7 «А»
тел. (499) 785-09-68, факс (499) 785-09-91
E-mail: info@publicverdict.org
www.publicverdict.org

27 июля 2009 года

Г-же Э.А. Памфиловой
Председателю Совета при Президенте РФ
по содействию развитию институтов
гражданского общества и правам человека

Членам Совета

Уважаемая Элла Александровна!
Уважаемые члены Совета!

В июне 2009 года инициативная группа российских правозащитных НПО, включая Фонд «Общественный вердикт», РОО «Человек и закон» (Йошкар-Ола), Красноярский комитет по защите прав человека, Коми правозащитную комиссию «Мемориал», Пермский центр гражданского образования, инициировали сбор подписей под открытым обращением к Президенту Российской Федерации с требованием комплексного реформирования российской милиции. Инициативу поддержали многие российские неправительственные организации, включая Московскую Хельсинкскую группу, Правозащитный центр «Мемориал», Центр развития демократии и прав человека, Комитет «Гражданское содействие», Межрегиональный комитет против пыток, и российские граждане.

Сбор подписей проходит через Интернет по адресу - <http://doverie.wordpress.com/>, а также в городах России. На сегодняшний день собрано более 1000 подписей. Сбор подписей продолжается.

Направляю Вам текст данного открытого обращения к Президенту Российской Федерации и список подписавшихся по состоянию на 15 часов 27 июля 2009 года.

Прошу Вас передать обращение Президенту РФ Д.А. Медведеву и рассмотреть на заседании Совета возможность поддержать данное обращение от имени Совета.

Инициативной группой НПО также был разработан пакет предложений по реформированию российских органов внутренних дел (прилагаю). С предложениями также можно ознакомиться здесь: <http://www.publicverdict.org/ru/articles/library/8240609.html>.

Мы готовы более подробно представить наши предложения на следующих заседаниях Совета.

С уважением,

Наталья Таубина
Директор
Фонда «Общественный вердикт»

Обращение к главам стран — участниц «Большой восьмерки»

Мы, участники Международного форума неправительственных организаций «Гражданская восьмерка» в Москве 3–4 июля 2006 года, подчеркиваем ключевую роль неправительственных организаций (НПО) в решении современных глобальных проблем социально-экономического и общественного развития.

Мы отмечаем, что определенные глобальные угрозы и проблемы мешают развитию гражданского общества и исполнению НПО их важной роли. Таковыми являются:

1. Приравнение правительствами инакомыслия и критической позиции НПО по отношению к действиям органов государственной власти к экстремистской и террористической деятельности, а также давление на НПО и преследование активистов, оправдываемые необходимостью обеспечения безопасности и борьбой с терроризмом.
2. Принятие ограничительного законодательства в сфере регулирования НПО, ужесточающего процедуры регистрации и отчетности НПО, которые позволяют государству неоправданно и неправомерно вмешиваться в деятельность НПО.
3. Политика государств по созданию квази-НПО (GONGO) и имитационных общественных советательных институтов при органах государственной власти.
4. Противодействие со стороны ряда государств международным программам сотрудничества в области развития демократии и гражданского общества под видом предотвращения иностранного вмешательства во внутреннюю политическую жизнь.

Вместе с тем, большинство государств — членов «Большой восьмерки» разработали и применяют на практике регулирование для НПО, которое включает в себя целый ряд положительных моделей и лучших практик в своей области, а именно:

1. Свобода создания НПО без государственной регистрации и добровольность в принятии решения об образовании юридического лица.
2. Простая процедура регистрации для НПО — не более сложная, чем процедура регистрации коммерческих организаций.
3. Простые требования к отчетности для большинства НПО; при этом требования к отчетности пропорциональны предоставляемым НПО льготам и преференциям.
4. Равноправие и отсутствие дискриминации в отношении участия граждан и иностранцев в учреждении и деятельности НПО, а также между национальными и зарубежными НПО.
5. Способствование развитию саморегулирования деятельности НПО и предоставления ими публичной отчетности.
6. Делегирование некоммерческим организациям полномочий по реализации ряда социальных функций органов государства.
7. Институционализация отношений и взаимных обязательств между правительствами и некоммерческим сектором (по образцу Компакта в Великобритании, Аккорда в Канаде).

Мы считаем, что регулирование деятельности НПО должно быть направлено на достижение следующих целей:

1. Система законодательства должна стимулировать гражданскую активность.
2. Налоговая система должна способствовать привлечению внутренних ресурсов общества.
3. Взаимодействие между правительствами и НПО должно быть направлено на вовлечение гражданских организаций в процесс принятия решений по общественно-значимым вопросам.

В ходе нашей совместной работы на Международном форуме неправительственных организаций «Гражданская восьмерка» в Москве 3–4 июля 2006 года мы определили, что отношения между правительствами, в том числе стран «Большой восьмерки», и неправительственными организациями (НПО) должны строиться на следующих принципах:

1. Взаимная прозрачность друг перед другом и перед обществом.
2. Диалог, основанный на равноправном партнерстве и принципе субсидиарности.
3. Участие организаций гражданского общества в выработке решений органов власти (в том числе в формировании государственной политики) и их реализации, а также осуществлении гражданского контроля.
4. Признание независимости НПО, их права критически оценивать действия органов государственной власти и защищать интересы различных социальных групп.

Для институционализации вышеуказанных принципов и положительной международной практики в регулировании НПО мы предлагаем подготовить Хартию взаимоотношений правительств стран «Большой восьмерки» и организаций гражданского общества и принять ее на следующем саммите «Большой восьмерки» в Германии в 2007 году.

«Права человека».
Рекомендации Форума 3–4 июля к саммиту «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге, 2006 год

Ред. Но когда пришел Михаил Сергеевич, может быть, вы, как человек активный, подумали о том, как начать перемены?

Э.П. Когда пришел Михаил Сергеевич, я решила, что, в принципе, можно и в партию вступить: видимо, будут какие-то перемены. Раньше я категорически не помышляла об этом, но вот в 1985-м вступила в партию. Меня хватило на пять лет. Глубочайшие разочарования привели к тому, что я вышла из КПСС в 1990 году — задолго до того, как оттуда в 91-м побежали все.

Ред. В этот горбачевский, еще советский, период что вы пытались сделать для перемен к лучшему?

Э.П. Я конкретно, предметно работала по защите прав трудящихся, занималась тем, чем и обязана была заниматься: охраной труда, решением трудовых споров и тем, как мне лучше обеспечить работников в ситуации сплошного дефицита детскими колготками, комбинезончиками, продуктами питания, какой-то одеждой. Сделать все, чтобы люди могли отдохнуть, подлечиться.

Ред. Но пришел август 91-го, фактически сменился строй.

Э.П. В мае 1989-го состоялся первый Съезд народных депутатов. Появилась плеяда новых политических и общественных деятелей, которые были сконцентрированы на этом пятачке Кремлевского дворца съездов. В 1989–1991 годы прошли следующие съезды народных депутатов, и у меня было ощущение такое... Я сидела в первом ряду перед большой трибуной. Конечно, для меня все было внове: такие люди, звезды. Во втором ряду по диагонали сидели Андрей Дмитриевич Сахаров и много других известных людей. В общем, я чувствовала себя Золушкой, случайно попавшей не на бал, но в какое-то звездное окружение. Еще было чувство, что попала в нервный узел страны.

В 1990, 1991 годах процессы шли стремительно, и закончилось все тем, что страна рухнула. Я ощущала это так: страна рухнула. И вся эта свобода друг от друга — мы понимаем, что она оказалась с привкусом горечи для миллионов людей, у которых разорвались родственные и дружеские связи, которые оказались в разных государствах. И многочисленные трагедии, которые потом происходили, были связаны с крахом советской империи. Многие тогда радовались, видя хорошее в этом процессе и не замечая трагических последствий.

Ред. Вы тогда стали очень известны, стали флагманом борьбы с привилегиями.

Э.П. Дело в том, что это произошло абсолютно случайно. У меня так все время: кажется, случайно попала в политику, случайно, случайно... Но, видимо, это все не случайно, в любой случайности есть своя закономерность. Я же не понимала, что такое привилегии. Нас в школе, в институте и на заводе, где я работала, учили, что партия — это ум, честь и совесть, что все в нашей стране честно, справедливо. И вот я оказалась в Верховном Совете секретарем Комиссии по борьбе с привилегиями, которой руководил Е. М. Примаков. В то время это место должен был занять один партийный работник из Якутии, но он прекрасно понимал, что за этим стоит, и как мудрый человек бежал оттуда, как от чумы.

Все отмахивались от этой должности, и потому наверху решили: «А пусть будет Памфилова. Из Москвы, но зато женщина и вроде как «от станка», по крайней мере с предприятия». Подходила по каким-то критериям — ну и давайте. Тем более я несведущая была: в отличие от них я не знала, что такое партийные привилегии, не понимала, с чем мне придется столкнуться. Так ловко перевели стрелки на меня и сказали: «Надо». Ну надо — так надо. Так что случайно я там оказалась. Но когда мне открылось то, что там было, конечно, я была шокирована.

Ред. Открылось достаточно много?

Э.П. Да. Открылось, что говорили нам одно, в результате чего я верила, что в 27 лет буду жить при коммунизме, а на самом деле кое-кто уже давно жил в своем микрокоммунизме, и жил неплохо. Это был для меня шок. Сейчас, по прошествии времени, я понимаю, что те партийные привилегии — это детские игрушки по сравнению с захватом государственной собственности, который произошел позже, и теми привилегиями, которые получили наш «олигархат» и прочие привилегированные группы...

Ред. Тут все-таки есть некоторая разница. В наше время люди просто «нахапали», а те не нарушали закон. Им как бы пожаловали сверху: «Тебе в силу твоего статуса положено».

Э.П. Эта порочная практика, приспособившись к новой жизни, спокойно перекочевала из советских в так называемые демократические времена, когда сильные лоббирующие группы проталкивают такие законы, по которым им неплохо живется, и все «по закону». Вопрос только в том, какой это закон.

Когда развалился Советский Союз, я осенью 1991 года написала письмо Ельцину, с которым не была знакома. Написала на волне борьбы с привилегиями, что надо передать привилегированные объекты народу, то есть многодетным семьям, детям-сиротам и другим подобным категориям. А объекты, которые функционально для этого не подходят, надо таким образом эксплуатировать, чтобы прибыль от них все равно шла на решение проблем детей-сирот, социальных низов и так далее. Это письмо попало к Ельцину, 15 ноября 1991 года меня пригласили к нему, и первая моя встреча с ним, как я понимаю, сыграла свою роль. Тогда был подписан Указ о назначении меня министром социальной защиты.

Ред. А что-то из того, о чем вы писали в этом письме, какие-то объекты были тогда «переданы народу»?

Э.П. Меня назначили в Комиссию по передаче собственности Союза в собственность России, и только мы начинаем собираться — вижу, что эти объекты быстро уходят, как в черную дыру. Пока мы передавали, их уже разобрали как горячие пирожки.

Я возмущалась: «Как же так? Мы же боролись против привилегий». На меня мои бывшие друзья-демократы смотрели, как на сумасшедшую, и говорили: «Памфилова, уймись. Ты что, с ума сошла? Все, уже власть взяли. Забудь об этом». Абсолютно циничные люди, которые манипулировали демократическими понятиями, призывали народ к социальной справедливости и борьбе с привилегиями, но очень быстро об этом забыли.

Ред. Кстати, Элла Александровна, что касается названия вашего поста в министерстве: тогда неслучайно появилось именно не Министерство социального обеспечения, а Министерство социальной защиты?

Э.П. Моих сокурсников, всю эту продвинутую демократически настроенную техническую интеллигенцию в то время вышвырнули с работы. «Ящики» закрылись, специалисты оказались на улице, и все их демократические устремления пошли прахом, потому что встал вопрос, как выжить. Многие женщины стали «челноками», а часть мужчин начала спиваться. Именно в среде технической интеллигенции был высокий процент суицидов. Многомиллионное население вдруг оказалось в нищете, надо было принимать какие-то меры... Я, вообще, себя считала «скорой социальной помощью», все время говорила о том, как предотвратить беды. Это было самое тяжелое время в моей жизни. Великие люди, звезды, такие как Г.С. Уланова, И.С. Козловский, оказались на грани нищеты. Надо было срочно помогать всем — и известным, и неизвестным. Мне в тот период было трудно есть и спать. Несколько часов сна, все время в цейтноте.

Ред. То есть название «Министерство социальной защиты» было абсолютно правильным?

Э.П. Да, это так.

Ред. Ну а с образованной уже к тому времени Комиссией по правам человека во главе с С.А. Ковалёвым вы как-то взаимодействовали?

Э.П. Эту правозащитную линию я не знала, о ней имела мало представления. Конечно, в Межрегиональную депутатскую группу входил кто-то из правозащитников, но, в принципе, я с этой средой общалась

постольку-поскольку... С академиком Сахаровым сталкивалась несколько раз в каких-то ситуациях...

Ред. Вы с ним лично общались?

Э.П. Да. Занималась еще проблемами шахтеров, будучи народным депутатом. Но в традиционном западном понимании это не было правозащитной деятельностью. Многих я не знала даже, хотя в то время они были на взлете, их ценили. Впервые я столкнулась с ними, когда формировался список «Выбора России».

Ред. Приближаемся к тому моменту, когда вы тоже стали так или иначе в их ряды.

Э.П. Началась война в Чечне, и я пыталась предотвратить эту трагедию... Мне позвонил Сергей Юшенков, ныне покойный. Мы были

депутатами. Он говорит: «Элла, тут назревает большой конфликт в Чечне. Не можешь ли ты со мной поехать? Туда Шабад собирается еще, Володя Лысенко». Я говорю: «Конечно, я поеду». — «Надо же. Стольким мужикам позвонил из депутатов — никто не согласился, все боялся, а ты сразу согласилась». И мы вчетвером поехали. Еще с нами был представитель РТР, ведущий программы «Подробности» Сергей Доренко. Это было сразу после того, как Грачев ввел туда танки и захватили в плен наших офицеров и солдат. Мы их вызволяли. С тех пор я стала с правозащитниками сталкиваться. Приходилось ездить в Чечню, военнослужащих освобождать, помогать беженцам — русским и чеченцам, тем, кто страдал от боевых действий и бандитов. То есть, работая на Северном Кавказе, я и стала плотно взаимодействовать с правозащитниками.

ДОКУМЕНТ

Мы предложили бы, может быть, одну из следующих встреч посвятить полностью этой теме — в рамках нашей компетенции, — потому что продолжают, скажем, не только убивать правозащитников, общественных деятелей — выдавливать, им приходится уезжать, тем, кто прожил там всю жизнь, если они ставят острые проблемы и, извините, не смотрят в рот местному начальству. Очень тяжёлая ситуация. Мы бы могли пригласить на эту встречу членов Совета, которые занимаются этой проблемой, Уполномоченного по правам человека, потому что мы с ним очень тесно работаем по этому направлению, некоторых членов Общественной палаты, которые очень тоже заинтересованы в решении данной проблемы, и, самое главное, людей, которые там работают, — правозащитников. Пусть бы они рассказали о том, что там происходит, и как им живется, и что делать, каким образом ценой собственной жизни и большого риска им приходится отстаивать права людей и просто бороться с тем произволом, который есть, и коррупцией.

Из выступления Э.А. Памфиловой на встрече Совета с Президентом Д.А. Медведевым, 23 ноября 2009 года

Ред. Как получилось, что вы возглавили Комиссию?

Э.П. Получилось опять случайно. Видите: все в моей жизни случайно, но, видимо, неслучайно в моей жизни все случайно. Я возглавляла общественную комиссию по поиску пропавших без вести на Северном Кавказе. Мы многим людям помогли, и в результате новый Президент России пригласил меня...

Ред. Это было уже на излете второй чеченской войны?

Э.П. Да. Шел 2000 год, президентские выборы, в которых я решила принять участие. Для меня это было очень важно, чтобы отстоять себя как политика. Моя избирательная кампания прошла довольно успешно, особенно с учетом минимальных средств, которые у меня были. После этого меня пригласили в Кремль на встречу с Президентом. Вместе с Павлом Крашенинниковым, именно по проблеме Северного Кавказа. Время было тяжелое — и тут внимание со стороны нового Президента к работе общественной

комиссии... Многие сложные вопросы приходилось решать. Видимо, это было по достоинству оценено.

В общем, мне поступило от Президента предложение стать спецпредставителем по правам человека в Чеченской Республике. Но через некоторое время, очевидно, его убедили представители силовых ведомств, что не стоит этого делать. Тут уж можно только догадываться, почему. В результате назначили А. Султыгова, может быть, именно потому, что сочли, что лучше назначить мужчину, причем чеченца.

Мне предложили как альтернативу Комиссию по правам человека при Президенте. На тот период Комиссию возглавлял В. А. Карташкин. Комиссия эта была в большой степени академична,

в нее входили ученые, представители государственных структур, немного правозащитников. Владимир Алексеевич — очень компетентный человек, хороший юрист, и Комиссия в основном принимала системные, концептуальные решения. Комиссия действовала не очень публично, я же — человек совершенно другого склада.

Возглавив Комиссию, я организовала ее работу по иному принципу. Исходила из того, что подобных комиссий и так много, у чиновников есть возможность работать по своим направлениям. Я решила, что она должна состоять исключительно из правозащитников, поэтому пригласила в нее руководителей всех известных правозащитных организаций.

ПОЗИЦИЯ «Путин обладает уникальной интуицией, у него, я сказала бы, прямой контакт с российским коллективным бессознательным. Поскольку глубинные процессы общественного развития и самоорганизации идут сложно, но довольно стремительно, у меня есть ощущение, что Путин ищет

контакты с его самой дееспособной частью — поверх чиновничьих барьеров. Более того, в борьбе с коррупцией он только на нее и может опереться, потому что иначе система сама себя сожрет, и очень быстро».

Ред. Вот тут-то вы с ними вошли в контакт в полной мере?

Э.П. Это произошло чуть раньше, когда мы готовили первый правозащитный форум²⁷. Мы с ними очень тесно контактировали и работали. На этом Форуме председательствовали В. В. Путин и Л. М. Алексеева. Тогда, в 2001 году, я очень хорошо познакомилась с правозащитниками, стала общаться с ними и решать многие проблемы. Они оказали мне большое доверие и согласились войти в Комиссию по правам человека, когда я их пригласила в 2002 году. И С. А. Ганнушкина, и Л. М. Алексеева, и А. Б. Рогинский, и другие. Комиссия ожила.

Первое наше заседание, естественно, было посвящено беженцам и ситуации на Северном Кавказе в целом. Это было беспрецедентное заседание с участием Президента, когда мы сошлись стенка на стенку: с одной стороны — руководители всех правоохранительных органов, представители всех трех верховных судов, ФСБ, Генпрокуратуры, а с другой стороны — правозащитники. Искры летели, такая была схватка... Первый раз такое было²⁸.

Ред. И чья взяла?

Э.П. Отмечу существенные моменты. Для Президента очень важно было понять эту систему. В результате мы стали более эффективно после этого решать в рамках совместных рабочих групп проблемы переселения беженцев и многие другие проблемы Северного Кавказа. Верх взяло понимание, что необходимо друг с другом взаимодействовать, независимо от точек зрения и позиций.

27 Гражданский форум открылся 21 ноября 2001 года в Государственном Кремлевском Дворце.

28 См. стенографический отчет о встрече Президента России В. В. Путина с членами Комиссии по правам человека при Президенте РФ 10 декабря 2002 года // URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21810>

Очень рад видеть всех присутствующих здесь, на первой встрече в рамках Совета. Полагаю, что мы вполне можем рассматривать это заседание как продолжение диалога с Комиссией по правам человека, где наша совместная работа проходила в достаточно регулярном режиме.

Здесь присутствуют лидеры правозащитных организаций, известные журналисты, эксперты, люди, которые немало делают для становления гражданского общества в нашей стране.

Думаю, вы со мной согласитесь, что для нас одинаково важно развитие как социально-экономических, так и демократических свобод и прав граждан в России. Эти две составляющие развития нормального современного государства одинаково необходимы, и их гармоничное развитие в высшей степени востребовано.

Из выступления президента В. В. Путина на встрече с Советом 20 июля 2005 года

Ред. Вы говорите о рабочих группах с участием правоохранительных структур?

Э.П. Да. Министра, например, и правозащитников. Кстати, такая рабочая группа была сформирована к 27 декабря 2002 года. Ганнушкина, Алексеева, я, Анна Политковская (она, правда, просто примкнула к нам), министр С. Ильясов поехали в Чечню и Ингушетию разбираться с беженцами. После встречи в здании правительства Чеченской Республики нам сказали: «Смотрите, не опаздывайте, а то будет темно, поедете в Ингушетию, а по сторонам дороги фугасы. Взорветесь. Поэтому не опаздывайте. Вы должны ровно в три часа быть там». Зима была. Поскольку мы спорили, ругались с тем же Ильясовым в частном секторе в Грозном, мы опоздали. А в это время взорвали здание правительства. Ильясов потом говорил не раз: «Правозащитники спасли меня от смерти». Страшная трагедия, конечно, была.

Нам удавалось решать многие вопросы, в том числе по защите прав военнослужащих. Потому что мы задействовали в работе всех силовиков. Было конструктивное взаимодействие по самым горячим проблемам. Когда Ида Куклина сказала, что у солдат в некоторых частях условия содержания хуже, чем в тюрьмах, для нас это было откровением. Многие было откровением... Заседания длились по три-четыре часа, и всегда в итоге разрабатывались конкретные предложения по проблемам мигрантов, беженцев, по Северному Кавказу в целом, по безнадзорным детям... Очень эффективно мы работали в течение двух лет.

Ред. Назовите, пожалуйста, наиболее важные, с вашей точки зрения, результаты.

Э.П. Я считаю самым большим достижением (тогда С. А. Ганнушкина активно работала в совместной группе с представителями Администрации по совершенствованию законодательства), когда мы позволили бывшим гражданам Советского Союза, а это около полутора миллионов людей, оставшихся после распада страны без гражданства, получить российское гражданство.

Ред. Это был Закон? Как он звучал?

Э.П. Это были поправки в миграционное законодательство для получения гражданства. По этому поводу была очень концентрированная и насыщенная повестка дня. Удалось решить ряд проблем, которые касались вынужденных переселенцев на Северном Кавказе: Чечня, Ингушетия, Северная Осетия. Также произошли очень серьезные изменения в пенитенциарной системе и в развитии гражданских организаций коммерческого сектора. Я бы могла еще много говорить, но, думаю, достаточно.

Ред. Нет-нет, очень важно, что мы к этому подошли. Значит, это была ваша идея: в название Комиссии по правам человека добавить «по развитию институтов гражданского общества»?

Э.П. После двух лет очень эффективной работы и взаимопонимания мы стали упираться в некоторые тупики, и я осознала, что качественно изменить систему защиты прав человека в стране без серьезного развития гражданского общества, без некоммерческого сектора невозможно. Это

все взаимосвязано... Мы уже стали этим заниматься, поэтому, чтобы расширить возможности Комиссии, я внесла такое предложение. Название было громоздким, но правозащитники иногда очень педантичны, и формулировка «по содействию развитию институтов...» — это от них. Написать надо было точно — так, чтобы все было понятно. Так что это была моя идея, возникшая на основе общения с правозащитниками, с некоммерческим сектором. Я всегда этому уделяла очень много внимания. Я пришла к Президенту с идеей преобразовать Комиссию в Совет, и он согласился.

Ред. Сразу согласился?

Э.П. Да, сразу. Что для меня было важно? В составе Комиссии (Совета) при мне не было чиновников, не было депутатов, в основном она формировалась из представителей и руководителей правозащитных некоммерческих организаций и СМИ. У нас много было известных журналистов. Как тогда говорила Светлана Сорокина: «Это, пожалуй, единственное место, где мы в большинстве». В принципе, я себя никогда не ощущала правозащитником, я всегда считала себя посредником между правозащитниками и властью. Этот правозащитник призван и обязан обеспечить диалог между правозащитной, либеральной общественностью, которая в стране в меньшинстве (в условиях неразвитости демократических институтов, в том числе и партийной системы), с Президентом, то есть обеспечить легитимный канал диалога правозащитного

либерального меньшинства с главой государства. Именно это позволяло формировать какие-то альтернативы.

Я могла соглашаться со своими коллегами, могла не соглашаться, я старалась быть немного в стороне, не примыкая к кому-то. Я просто давала членам Комиссии (Совета) возможность оформить свое мнение от коллег единомышленников, которые имели право быть услышанными Президентом. Их мнение, конечно, на 90% отличалось от мнения тех или иных государственных структур. Но в том-то и была ценность: чтобы Президент имел канал альтернативной точки зрения, с которой он мог не соглашаться, но мог ее услышать, сравнить с мнением государственных структур. При принятии решений у Президента был спектр разных точек зрения. Вот в чем была ценность этого Совета.

Ред. Вы работали долго, эффективно и достаточно дружно?

Э.П. Ой, мы так ругались иногда, спорили... Вот Михаил Александрович Федотов — великий дипломат, он толерантен, доброжелателен, а я достаточно жесткий и резкий человек, если я не соглашалась с членами Совета, я прямо об этом говорила. Но в любом случае что было важно? У нас была абсолютно здоровая атмосфера, потому что мы все обсуждали открыто. И за это мы друг друга уважали: мы друг другу не делали приятное, чтобы угодить. Это было ценно: нормальная рабочая обстановка. Это позволяло нам оперативно решать многие вопросы.

Очень много за эти последние годы сделано для того, чтобы наши суды стали независимы, был поднят их статус, материальное, техническое обеспечение улучшилось. Действительно, государство совместно с общественными усилиями проделало огромную работу. Но, к сожалению, целый ряд таких системных пороков еще остается. Я бы выделила вот что: независимость, к сожалению, часто формальную; состязательность — к сожалению, не состязательность, а ее видимость; справедливость часто поверхностна; избирательность правосудия и часто неадекватность приговоров. Все это, конечно, не повышает уровень доверия к судам.

Из выступления Э. А. Памфиловой на встрече членов Совета с Президентом, 1 октября 2015 года

Ред. И все же вы ушли.

Э.П. Я ушла потому, что считала, что на тот период, как я понимала функции и задачи Совета, в том виде, в том качестве они себя исчерпали. В той ситуации я больше не видела развития этого института, не видела перспектив... Мне казалось, что я себя в качестве председателя Совета исчерпала.

Ред. Вы тогда очень хлестко высказались. Это многие цитировали: «Я ушла не из-за функционеришек». Это запомнилось. Может быть, из-за этого немного «замылилась» сама суть вашего ухода.

Э.П. Понимаете, я боец и всегда бойцом была в самых сложных ситуациях. В том-то и дело, что всякого рода нападки на меня, какие-то интриги — для меня ситуация перманентная и привычная. За свою долгую политическую жизнь я с этим сталкивалась не раз и всегда с этим справлялась. Суть ухода — это некий более высокий порядок, порядок мировоззренческий. Возникло ощущение мировоззренческого тупика,

ощущение бессмысленности, потери смысла своей дальнейшей деятельности в этом качестве.

Ред. Можно ли так трактовать, что задача доносить до главы государства мнение общества через Совет перестала реализовываться?

Э.П. Немного не так, потому что через Совет мнение широкой общественности никак не доносилось. Это было как раз то, что я сказала ранее: возможность для правозащитного, либерального меньшинства иметь легитимную площадку для выражения своего часто непопулярного у широкой общественности альтернативного по отношению к государственным структурам мнения. Вот это четкое было позиционирование. Никогда Совет не претендовал на то, чтобы быть рупором большинства, доносить мнение широкой общественности. Нет. По каким-то направлениям — да, например по защите прав военнослужащих, по защите прав ребенка, но в целом — нет.

ДОКУМЕНТ

Мы, члены Совета, считаем необходимым выступить в защиту права граждан России на честную информацию. В том числе на информацию о деятельности нашего Совета и его членов.

После выступления Совета, осуждающего организованную МДАД «Наши» травлю журналиста А. Подрабиника, против председателя Совета Э. А. Памфиловой была развязана кампания, имеющая целью дезинформировать общественность, дискредитировать Совет и персонально его председателя.

Кампания строится на грубой фальсификации. Выступление в защиту конституционного права журналиста на субъективную точку зрения преподносится как защита самой этой точки зрения. На основе этой подмены инициаторы пытаются обвинить председателя Совета в неуважении к ветеранам, в антипатриотизме и пр.

...Несмотря на попытки извратить смысл и суть заявления Совета, факт состоит в том, что оно выполнило свою задачу. «Наши» свернули пикеты по месту жительства журналиста, убрали со своего сайта противозаконные угрозы в его адрес и обратились, по их утверждению, в суд. Это хорошо. Наш призыв уважать право, на текст отвечать текстом, а для решения вопросов об оскорблении чьего бы то ни было достоинства обращаться в суд — реализован.

К сожалению, победа законности воспринята некоторыми организаторами кампании как личное поражение. Они пытаются взять информационный реванш, распространяя в СМИ ложь в адрес председателя Совета Э. А. Памфиловой.

В этой связи считаем необходимым заявить следующее.

Во-первых, вопреки многочисленным публикациям, обращение Совета не было инициировано Э. А. Памфиловой. Она лишь добросовестно выполнила свои функции председателя: поставила вопрос на голосование и обнародовала заявление Совета, которое было принято в соответствии с действующим Положением, регламентирующим его деятельность. Стремление обсуждать и осуждать наше коллективное обращение как некое «письмо Памфиловой» — неуместная попытка снизить статус документа и оставить нашего председателя в одиночестве под потоками недобросовестных обвинений.

Во-вторых, нападки на председателя Совета отличаются несоблюдением этических норм и зачастую откровенным хамством, граничащим с клеветой. Дошло до того, что один из членов Общественной палаты обвинил «чиновницу» Памфилову в предвзятости «подложного заявления» — на том основании, что обращение поддержали не все члены Совета. Мы подтверждаем, что из 35 членов Совета документ поддержали 29. Мы ценим, что наш Совет остается местом для дискуссий и уважаем право каждого быть при своем мнении. Поэтому, в соответствии с Положением, заявления Совета принимаются простым большинством голосов, что и было сделано в данном случае. Кроме того, хотелось бы напомнить, что Э. А. Памфилова не является «чиновницей»: в Совете она работает на общественных началах, как и все мы.

...В-третьих, попытки публично унижить Совет и его председателя за то, что они посмели выполнить свои прямые функции — защитить права человека вне зависимости от отношения к этому человеку — на самом деле отражают пренебрежение инициаторов кампании как к правовым институтам, так и к общественному мнению России. Нет сомнений, что, в конечном счете, их пропагандистский пузырь сдуется так же бесславно, как и все предыдущие.

Из Заявления членов Совета, подписанного В. Ф. Абрамкиным, Л. М. Алексеевой, С. Г. Айвазовой, Л. С. Амбиндером, А. А. Аузаном, С. А. Ганнушкиной, А. И. Голованем, Г. Д. Джибладзе, К. В. Кабановым, С. А. Карагановым, С. В. Кривенко, И. Н. Куклиной, Ф. А. Лукьяновым, Т. М. Малевой, Т. Г. Морщаковой, Д. Б. Орешкиным, Е. А. Панфиловой, М. Ф. Поляковой, Б. П. Пустынцевым, А. К. Симоновым, С. И. Сорокиной, М. А. Федотовым, С. А. Цыпленковым, Г. Д. Чмыховым, И. Ю. Юргенсом, И. Е. Ясиной

Ред. В общем, вы ощутили некий холостой ход?

Э.П. Я просто в той ситуации (это, как вы помните, был 2010 год) ощутила, что Совет во все большей степени начинает превращаться в некую профанацию, а для меня это неприемлемо. Еще много было мировоззренческих расхождений по ряду вопросов. Я бы сейчас не хотела об этом подробно говорить. Просто я поняла, что я здесь быть больше не могу. Для меня как для личности всегда важен внутренний баланс. То, что я думаю, чувствую, делаю, ощущаю, — все это не должно расходиться. Когда начинают возникать внутренние противоречия между тем, что ты чувствуешь, что надо делать, и тем, что ты должен делать, — для меня это абсолютно недопустимый дискомфорт, который, на мой взгляд, способствует не развитию, а разрушению личности. Вот и все. Я и с поста министра уходила на пике популярности. Всем было непонятно, почему. А ушла потому, что возникло ощущение: действия правительства входят в противоречие с тем, что я делаю, думаю и чувствую.

Ред. Когда вы решение окончательно приняли, вас сверху пытались отговорить, удерживать?

Э.П. Да.

Ред. На самом высоком уровне? Если не секрет.

Э.П. Я не любитель это все рассказывать. То есть я предупреждала, что если то-то и то-то, то я уйду, например, 30 июля. Но, видимо, думали, что я блефую. Когда это произошло, мне позвонил глава Администрации в шоке: «Элла Александровна, как?» — «Я, вообще-то, говорила, что надо делать то-то и то-то, а раз это не получается, то нет смысла мне оставаться». Ну и потом Медведев на пресс-конференции тоже заявил, что еще не поздно, «она, может, вернется, я ее трудоустрою». Были такие моменты, да. Три года я жила, как нормальный человек²⁹.

Ред. До того, как вы стали омбудсменом, вы имеете в виду?

²⁹ Элла Александровна Памфилова была освобождена от обязанностей председателя Совета Указом Президента Российской Федерации от 31 июля 2010 года № 991. Она была

назначена Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации постановлением Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 18 марта 2014 года № 3939-6 ГД.

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О Памфиловой Э.А.

1. Освободить Памфилову Элли Александровну от обязанностей председателя Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека.

2. Внести в состав Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 148 "Об утверждении состава Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека" (Собрание законодательства Российской Федерации, 2009, № 7, ст. 813), изменение, исключив из него Памфилову Э.А.

3. Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания.

Президент
Российской Федерации **Д.Медведев**

Москва, Кремль
31 июля 2010 года
№ 991

Э.П. Ну да, сегодня я уже не живу, как нормальный человек. Вообще, я иногда думаю: «А человек ли я? И хочу ли я некоторых людей защищать?» Иногда мне хочется защитить природу, животных от некоторых людей, которые хуже гораздо, чем животные, к сожалению. Да, самое зловерное существо на Земле — это человек. Природу губит, уничтожает, животных обижает, землю потрошит, речки загаживает...

Ред. У вас же экологическое направление в Совете тоже было сильное.

Э.П. Оно внутри меня и сейчас очень сильное.

Ред. Ну вот вы ушли и эти три года нормально, как вы говорите, жили. Вы с Советом какие-то отношения поддерживали? Или только в личном плане с отдельными людьми?

Э.П. Тогда ряд членов Совета сразу ушел. Алексеева, Ганнушкина, Сорокина, Ясина³⁰. Отношения, конечно, поддерживала. Как же иначе? И с отдельными членами Совета — в большей степени с теми, кто ушел, но и с теми, кто остался, тоже.

Ред. А в качестве эксперта не принимали участия в работе?

Э.П. Нет. Я вообще решила кардинально изменить сферу своей деятельности. Исключительно экология, дети, написание книг и научно-исследовательская деятельность, а еще дача, цветы.

Ред. Но когда вы приняли предложение стать омбудсменом, стало ясно, что вам с Советом в любом случае придется взаимодействовать?

Э.П. Это было очень сложное решение. Без всякого кокетства хочу вам сказать, что я знала, куда иду, поэтому особой радости

30 Светлана Иннокентьевна Сорокина и Ирина Евгеньева Ясина были исключены из состава Совета в связи с их заявлениями Указом Президента Российской Федерации от 5 марта 2012 года № 281, а Людмила Михайловна Алексеева и Светлана Алексеевна Ганнушкина — Указом Президента Российской Федерации от 12 ноября 2012 года № 1513.

31 См.: Стенографический отчет о встрече Президента России В.В. Путина с Владимиром Лукиным, Михаилом Федотовым и Эллою Памфиловой, 14 июля 2013 года // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/18521>

не было. Давили на меня со всех сторон: с одной стороны — правозащитники, с другой — представители власти. Давили на мою совесть: как же в такой ситуации, когда люди тебе говорят, что ты должна, ты уходишь от этого? Я поняла, что отказ будет расценен как малодушие, что ли, что я боюсь трудностей.

Ред. Вам была бы неприятна такая оценка?

Э.П. Потом меня бы угрызения совести замутили. Тебе доверяют, просят, считают, что ты должна быть на этом месте, а ты отказываешься... Потом будет стыдно. Но сказать, что я сюда шла с большой радостью, не могу. Я знала, как будет тяжело, но не предполагала, что настолько. Опять в жизни то, что кажется случайным, наверное, неслучайно, если тебя назначают в день, когда меняется кардинально все и во внутренней, и во внешней политике... Это произошло 18 марта 2014 года.

Ред. Вы имеете в виду крымские события?

Э.П. И Крым, и все остальное, что сейчас происходит. Два года концентрированных, спрессованных, стремительных событий, которые кардинально изменили нашу жизнь. Началось так. Михаил Александрович Федотов и Владимир Петрович Лукин меня подвигли заниматься специальными президентскими грантами. Это была их идея вместе с правозащитниками. Они президента убедили в том, что правозащитникам необходимы отдельные президентские гранты³¹. Они же меня и предложили в 2013 году. Сначала они меня уговорили на это пойти, а потом с подачи правозащитников предложили президенту мою кандидатуру на должность Уполномоченного³². И, естественно, Михаил Александрович все время приглашает меня на заседания Совета. Я довольно тесно общаюсь и с членами Совета, и с самим Федотовым.

Ред. Вы приходите на пленарные заседания или даже иногда на встречи по отдельным, близким вам направлениям?

Э.П. По разным поводам.

Ред. Вы находите время иногда участвовать в работе Совета?

Э.П. Да. В наиболее серьезных мероприятиях.

Ред. И ваш голос в этом контексте учитывается как голос эксперта, соратника?

Э.П. Как эксперта — это все-таки другое... Я бы сказала так: партнера по правозащитной деятельности.

Ред. Это происходит достаточно регулярно?

Э.П. Не скажу, что регулярно: как позволяет время.

Ред. И личные контакты, как можно понять, с Михаилом Александровичем у вас хорошие?

Э.П. Да. А куда от этого денешься? Он такой человек... Очень доброжелательный. От его дружеских объятий трудно уклониться.

Ред. Вы сами сказали, что время спрессовалось после 2014-го, столько каждый день происходит пертурбаций, внешняя политика не может не влиять на внутреннюю и так далее. Как вы расцениваете эффективность Совета в этих условиях?

32 См.: Стенографический отчет о встрече Президента России В. В. Путина с представителями российского правозащитного сообщества, 23 января 2014 года // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/20101>.
Во встрече приняли участие Уполномоченный по правам человека в РФ В. П. Лукин, заместитель Секретаря Общественной

палаты РФ А. И. Музыкантский, председатель Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека М. А. Федотов, члены Совета Л. М. Алексеева, А. В. Бабушкин, Е. П. Глинка, Е. А. Тополева-Солдунова, эксперт Совета С. А. Ганнушкина, первый заместитель руководителя Администрации Президента РФ В. В. Володин.

Э.П. Некорректно с моей стороны было бы на этот вопрос отвечать. Я думаю, что тут как раз слово Михаилу Александровичу... Совет сейчас абсолютно «федотовский», давно он уже не «памфиловский». Он другой, это уже детище М. А. Федотова. Там есть паритет, там люди с разными взглядами. Далеко не все правозащитники. Здесь есть свои плюсы и минусы. Поскольку Михаил Александрович сам журналист, Совет более эффективно, чем при мне, свою деятельность представляет. Я этого не умела делать никогда, а Михаил Александрович это делает очень хорошо. Вся деятельность Совета на слуху, на виду. В этом несомненная его заслуга и умение: показать, как Совет работает.

Ред. На перспективу Совет нужен России? Ваша оценка.

Э.П. Всегда необходимо развитие. Не должна никакая структура консервироваться или застывать в своей первозданности. Она должна развиваться адекватно вызовам времени. Поэтому я полагаю, что Совет, который есть сейчас, тоже требует определенного развития. Не только по личностям, по составу, но и по характеру, например. Я не знаю, нужна ли именно такая форма Совета, которая сейчас сложилась. Может быть, чтобы не было монополии, не одни и те же люди, а например, и советник Президента по защите прав человека имел возможность в зависимости от актуальности правозащитных проблем собирать более широкий круг разных правозащитных организаций. Это уже не мне решать. Михаил Александрович сейчас руководит Советом. Мне со стороны не пристало ему указывать или давать советы.

ДОКУМЕНТ

Д. А. Медведев: Хотел бы специально акцентировать внимание на такой довольно прописной истине о том, что у власти и у правозащитников огромное поле для взаимодействия, и нам только нужно правильным образом расходовать силы. Кроме того, не секрет, что представление о правозащитной деятельности в нашей стране сильно искажено. Это связано и с нашей историей, и с определенными идеологическими построениями. Здесь нужно понимать одну простую вещь — защитой прав должно заниматься само государство, защитой прав должны заниматься люди, которые хотят этим заниматься. Таким образом, в результате совместной деятельности, может быть, удастся добиться лучших результатов.

Из стенографического отчета о заседании Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека
15 апреля 2009 года

Я вижу перспективу Совета в его большей открытости и расширении деятельности по правозащитной тематике. Например, если это связано с темой, скажем, правоохранительных органов — один круг организаций, более широкий. Если связано с экологией — другой круг организаций. Я бы сделала Совет более вариативным и более открытым, более мобильным, с более широким представительством правозащитных организаций в зависимости от специфики рассматриваемого вопроса.

Мне кажется, что Совет сейчас должен сделать следующий шаг для развития. Какой — это уже, я думаю, решать М. А. Федотову и тем активным членам Совета, которые работают. Потому что, прямо скажем, я, встречаясь на президиуме

с Советом, прекрасно вижу, что есть активная часть и есть часть пассивная, которая только числится во многих структурах и нигде не бывает, или бывает где-то, но отнюдь не в Совете. Я полагаю, что с такими «свадебными генералами» надо расставаться. Если есть люди, которые считаю, что если они уже включены в состав Совета, то можно в нем не работать, — это балласт. Это значит, что они занимают место тех, кто хочет и мог бы работать. Я считаю, что тут миндальничать не стоит. Вот видите, я же не дипломат.

Ред. Вы высказали свое мнение.

Э.П. Я довольно жестко всегда говорю.

Александр Аузан:

«Совет... может сделать в масштабе страны не так уж много, и дело его — именно развитие институтов гражданского общества»

Александр Александрович Аузан (родился в 1954 году в Норильске) — декан экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Окончил экономический факультет МГУ, доктор экономических наук (1991), профессор экономического факультета МГУ (1993); с 2002 года — заведующий кафедрой прикладной институциональной экономики экономического факультета МГУ. Автор более 100 научных работ. В конце 1980-х годов был одним из инициаторов создания обществ по защите прав потребителей. В начале 1990-х годов — один из инициаторов создания кредитных потребительских кооперативов граждан (кредитных союзов); в 1994–1996 годах — первый председатель Совета Лиги кредитных союзов. С 1995 года — один из основателей и первых сопредседателей Общественного совета по рекламе (ныне — Рекламный совет России). С 1999 года — член Совета директоров Национальной ассоциации участников фондового рынка (НАУФОР). В 1995–2001 годах — член Стратегического управления Института «Открытое общество» (Россия). С 2000 года — президент Института национального проекта (ИНП) «Общественный договор» (в начале 2000 года — Фонд «Общественный договор»). С 2000 года — один из инициаторов круглого стола гражданских организаций «Народная ассамблея», с 2001 года — генеральный директор Фонда «Народная ассамблея». С 2002 года входил в состав Комиссии по правам человека при Президенте РФ; после преобразования в ноябре 2004 года Комиссии по правам человека в Совет при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека вошел в состав обновленного Совета. Покинул Совет в 2012 году. С 2012 года — декан экономического факультета МГУ. Кавалер Золотого Почетного знака «Общественное признание» (2002).

Ред. Александр Александрович, ваша личная биография известна гораздо меньше, чем научная и общественная. Обращает на себя внимание факт вашего рождения в Норильске — городе, где в советское время было много ссыльных. Это неслучайно?

А.А. Тут есть семейное совпадение. Я родился в Норильске в семье инженеров, приехавших туда по распределению. Пробыл там недолго и больше никогда в этот город не приезжал. Но, как выяснилось, именно там находился в лагере до 1943 года мой дед. Потом его «сактировали»³³, был такой термин в те времена, и он умер в Сибири в 1944 году.

Ред. Фамилия латышская, он был из красных стрелков?

А.А. Да, он был военный летчик-инженер. Но обвиняли его в том, что, возвращаясь из командировки в Англию, он заехал к своему отцу в Латвию, а также в том, что он покрывал «германского шпиона» А. Н. Туполева. Проходил дед по одному делу с Яковом Алкснисом. Я о его судьбе ничего не знал, и вот в семье соседа по даче, маршала Н. И. Крылова, услышал, что он расстрелян. Я обратился к бабушке, она мне все без обиняков и рассказала. Было мне тогда лет 10–12.

Ред. Как ваши правозащитные настроения реализовались во взрослой жизни? Может быть, вы как человек, работающий с зарубежными источниками, знали понятие «human rights»?

А.А. Я институциональный экономист, более знакомым мне было понятие «civil society». Я десять лет с 1992 года возглавлял Общество защиты прав потребителей. Считаю, что это «двоюродные братья» правозащитников, а по судебной практике мы их значительно опережали. Сергей

³³ Сактировать — списать по акту.

Адамович Ковалёв однажды мне сказал, что то, чем мы занимаемся, это не права человека, и привел известное изречение Марка Твена: «Мои книги — вода; книги великих гениев — вино. Воду пьет каждый!» Потом Сергей Адамович, честнейший человек, признал, что защита прав потребителя — это первый шаг на пути к защите прав человека, а Людмила Михайловна Алексеева это признавала изначально. Мы просто представляли другую линию на пути формирования гражданского общества.

В конце 80-х, когда стали возникать общества потребителей, мне позвонил один журналист и спросил, кто писал, что «очередь есть простейшая форма организации потребителей и нам пора переходить к другим»? Я писал. Пришлось отвечать за свои слова. Тогда в Ленинграде было создано первое общество потребителей... А в 89-м мы создали Ассоциацию из обществ потребителей. Первым президентом этой организации был Анатолий Собчак, который скоро стал мэром, а в 92-м эту организацию возглавил я, она стала международной, когда распался СССР.

Мы пошли на борьбу с очередями, дефицитом — всем тем, чем отличалась жизнь при советской экономике. Есть хорошая книга Валерия Панюшкина на эту тему: «Восстание потребителей»³⁴. Но ведь с приходом рынка появились в массовом порядке другие беды: обман, отсутствие контроля за качеством, проблемы с возвратом товара. Еще в конце советской эпохи был разработан Закон о защите прав потребителей³⁵. Мы вошли в контакт с другими движениями гражданского общества, хотя в те годы этот термин не применялся.

³⁴ Панюшкин В. Восстание потребителей. — М.: Астрель, 2012. — 256 с.

³⁵ Имеется в виду Закон РФ от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Ведомости СНД и ВС РФ. — 09.04.1992. — № 15, ст. 766.

ПОЗИЦИЯ «Я был с детства шокирован состоянием»

советской торговли и сферы услуг. Именно шокирован, потому что мне страшно было стоять в очередях, поэтому я старался этого не делать, я всегда боялся, что мне нахамят. И это во мне сидело настолько прочно, что мне как ученому хотелось создать такую систему, которая работала бы против этих вещей. Она бы их каким-то образом отодвигала от человека, облегчала бы ему жизнь».

Ред. Какие были ваши первые успехи?

А.А. В январе 1992 года мы выиграли дело по продаже плиты СВЧ. Дело вела Диана Сорк — лучший адвокат по потребительским процессам. Было выплачено 50% стоимости за моральный ущерб. Нам удалось донести нашу работу до широкой аудитории. Заработала КонфОП³⁶. Владимир Познер сделал с нами более десяти программ. Появилась программа «Впрок». Да и нынешняя «Контрольная закупка» — «внучка»

наших проектов 90-х годов. Я считаю, что результатом нашей деятельности той поры стало создание общества потребления.

Ред. Что предшествовало вашему непосредственному вхождению в Совет по правам человека?

36 Международная конфедерация обществ потребителей, объединяющая 57 региональных потребительских организаций из шести государств СНГ.

А.А. Работа в Гражданском форуме. С ноября 2001 года шли довольно сложные переговоры между общественными организациями, Президентом Путиным и премьером Касьяновым. Я вместе с Эллой Александровной Памфиловой входил в оргкомитет Гражданского форума. Мы озвучивали идею равноправного партнерства, чтобы решения Президента и правительства принимались с учетом предложений общества. Вскоре после Форума 2001 года Президент предложил Элле Александровне возглавить Комиссию по правам человека. Элла Александровна в качестве председателя поставила условие: самой вести переговоры с людьми.

Ред. В Совете вы занялись вашим привычным направлением?

А.А. Я отвечал скорее за программу деятельности Совета, стратегию и планирование. С 2002 по 2012 год участвовал во всех

встречах с Президентом, а точнее сказать — с президентами.

Ред. О каких достижениях можете рассказать?

А.А. Есть результаты, которыми я горжусь. Это идея создания эндаунтментов³⁷. Если мы хотим ослабить влияние на некоммерческие организации спонсоров, то надо помогать им. Я поднял этот вопрос на встрече с Владимиром Путиным в 2005 году, сказал, что важно не **чьи** деньги, а **как идет процесс**, прозрачен ли он. Реакция была положительной.

Потом пошла борьба за поправки к Закону о некоммерческих организациях. Он ведь был сильно ухудшен и до 2008 года создавал плохие условия. В 2009 году ситуацию удалось исправить, президент Медведев с нашими поправками согласился³⁸.

37 Целевые фонды, организуемые для некоммерческих целей.

ДОКУМЕНТ

Когда Совет сформировался в очередной своей ипостаси, то есть при президенте Медведеве, на первой встрече в апреле мы изложили Медведеву свое видение стратегии. Оно было результатом обсуждений, довольно сложных, которые велись системной группой. Изложить конечный результат поручили мне.

Наша стратегия состояла из трех пунктов. Первый — усилить свободу общественных организаций и отменить репрессивные статьи некоммерческого законодательства, принятые в 2005–2006 годах. Следующий шаг — начать налаживать обратную связь от общественной стороны по актуальным направлениям экономической и социальной политики (антикоррупционные судебные реформы и т. д.). И затем говорить о возможности реального гражданского участия в местном самоуправлении, о проращивании демократии.

По первому пункту мы тут же получили добро от президента, и по его инициативе были внесены и сразу в трех чтениях приняты Госдумой поправки. По второй линии обсуждение началось, но я бы сказал, что пока оно не привело к серьезным результатам, хотя работа по некоммерческому законодательству продолжается. Но вот обратная связь по президентским программам и возможность учета различных интересов при проведении модернизационной политики — это то, чем я, разумеется, готов был бы заниматься.

Причем на последней встрече с президентом, в которой я участвовал, я говорил о значении того, что институты становятся важным способом обеспечения такой обратной связи. А не только, например, электронизация, на которой настаивал президент. И реакция президента была позитивной. Таким образом, точки согласия по стратегии были, и для меня важно, в какой степени они сохранились или расширились. Сейчас у меня довольно много направлений деятельности: МГУ, Ассоциация независимых центров экономического анализа, лекции, исследования и т. д. И если так случится, что я возглавлю совет, это не будет означать, что я откажусь от всего. Председатель совета — это должность на общественных началах. Там есть аппарат, кабинет, приемная, но это предполагает, что человек работает где-то еще. И я намерен, как бы ни сложилась ситуация, продолжать то, чем я занимался раньше, но, конечно, не в тех объемах.

Из интервью А. А. Аузана изданию «Сноб» 30 июля 2010 года

Ред. А отдельные жалобы граждан вам довелось рассматривать?

А.А. Нет, все-таки Совет создан не для этого. Вообще, Совет, орган из 30–60 человек, может сделать в масштабе страны не так уж много, и дело его — именно развитие институтов гражданского общества, участие в законотворческой работе. Хотя в отдельных трудных случаях председатель может вмешаться, но в основе работы Совета все-таки лежат другие задачи.

Ред. Вы можете назвать кого-то, с кем особенно интересно и дружно работалось?

А.А. Могу назвать Алексея Симонова, Тамару Морщакову, Валерия Абрамкина, Светлану

38 Речь идет о Федеральном законе от 17 июля 2009 года № 170-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства РФ. — 20.07.2009. — № 29, ст. 3607. Данным законом были конкретизированы требования при государственной регистрации НКО, введена процедура

приостановления государственной регистрации НКО в случае наличия мелких недочетов в представленных документах, а также установлена обязанность регистрирующего органа в трехдневный срок письменно уведомлять заявителя об отказе или приостановлении государственной регистрации.

Ганнушкину, Елену Панфилову, Игоря Юргенса. Замечательные люди, они многое делали и очень старались сделать побольше. Я не жалею, что проработал в Совете десять лет. Кое-что получилось.

Ред. Почему вы покинули Совет?

А.А. Я проработал в Совете три президентства. Считаю, что при переходе власти к другому главе государства Совет должен расходиться, надо новому руководителю освободить руки. Кстати, Дмитрий Медведев довольно долго, до 2009 года, думал: какой Совет создавать?

В 2012 году я решил, что достаточно, пусть придут новые, свежие лица. И себе хотел высвободить время для реализации новых планов, проектов.

Ред. Михаил Александрович Федотов хотел, чтобы вы остались?

А.А. Да, он просил об этом. Но ведь только в мае 2012 года я перестал работать в Совете, а в ноябре уже принял огромный экономический факультет МГУ. Тут работы на двоих хватит.

ДОКУМЕНТ

Уважаемый Михаил Александрович!

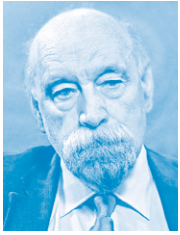
В связи с Вашим запросом о продолжении моей деятельности в Совете при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека хочу еще раз сообщить, что полагаю свою десятилетнюю деятельность в Совете законченной. Я уже дал обязательства по продолжению работ по модернизации российской экономики совместно с коллегами из Администрации Президента и Правительства Российской Федерации. Прошу поблагодарить всех коллег по Совету, работа с которыми доставляла мне истинное и глубокое удовлетворение.

Из заявления Александра Аузана
в адрес председателя Совета,
1 июня 2012 года

Ред. В качестве эксперта, консультанта сотрудничество с Советом вы сохранили?

А.А. Нет. Но я сохранил дружбу с Эллой Памфиловой, очень рад, что она заняла пост омбудсмена, а потом и председателя

Центральной избирательной комиссии. От души желаю успехов и ей, и всем коллегам по Совету. За их работой я слежу по выпускам новостей. Конечно, хотелось бы большего, но делают они очень полезное дело.

Валерий Борщёв:

«Совет по правам человека очень нужен, это реальный элемент взаимодействия общества и власти»

Валерий Васильевич Борщёв (родился в 1943 году в с. Черняное Тамбовской области) — российский политик, правозащитник, журналист. Окончил факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова. Работал в «Комсомольской правде». После знакомства с А.Д. Сахаровым в 1975 году стал заниматься правозащитной деятельностью. Участвовал в работе Фонда Солженицына, Комитета защиты прав верующих. Был лишен возможности работать в прессе. Работал плотником, маляром на высоте, пожарным в театре на Таганке, куда его устроили Валерий Золотухин и Владимир Высоцкий.

Член возрожденной в 1987 году Московской Хельсинкской группы. Депутат Моссовета (1990–1993). Депутат Государственной Думы ФС РФ 1-го и 2-го созывов, член Политкомитета партии «Яблоко». Член Комиссии по вопросам помилования при Президенте РФ. В 2001 году — член общенационального комитета «За прекращение войны и установление мира в Чеченской Республике». В 2002 году — член Комиссии по правам человека при Президенте РФ. В 2003 году — председатель Общественного совета при Министерстве юстиции РФ. В 2006 году — сопредседатель правозащитной фракции в партии «Яблоко» (вместе с Сергеем Ковалёвым).

Председатель Постоянной палаты по правам человека Политического консультативного совета при Президенте РФ, председатель Антимилитаристской радикальной ассоциации, член Совета директоров Российского отделения Международной ассоциации религиозной свободы, член Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ, член Международного неправительственного трибунала по делу о преступлениях против человечности и военных преступлениях в Чеченской Республике, член Комиссии при Президенте РФ по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести, член Московской Хельсинкской группы, член правозащитной инициативной группы «Общее действие», член Совета Общероссийского общественного движения «За права человека».

Ред. Валерий Васильевич, вы ведь правозащитной деятельностью начали заниматься в абсолютно застойные времена и только чудом не попали за решетку?

В.Б. По правде сказать, недолго оставалось. Я ведь в январе 1985-го был предупрежден по 70-й статье³⁹, а дальше, если человек не раскаивался, а я этого делать не собирался, следовала посадка. По сути, меня кончина К. У. Черненко спасла в 1985-м. Я ведь активно занимался защитой прав верующих — вместе с Глебом Якуниным, который создал Комитет защиты прав верующих. Участвовал в деятельности Фонда Солженицына помощи политзаключенным.

Тогда создавались такие автономные мини-группы, которые получали от Фонда фамилии людей, нуждающихся в помощи. Заметьте, не деньги, а адресаты помощи. А деньги и продукты собирали сами. У меня была подруга-соседка Флора Хачатурьян (ныне Томашевская), у нее на квартире мы складировали продукты для заключенных и членов их семей: гречку, консервы... Я ездил на узловую для пермских лагерей станцию Чусовая и передавал продукты для эзков через нашего связного. А в этих лагерях в разное время сидели Сергей Ковалёв, Юрий Орлов, Глеб Якунин, Александр Огородников, Владимир Пореш... Я по сей день считаю, что правозащита — глубоко национальное русское явление.

Сергей Адамович Ковалёв считает, что КГБ знал об этой нашей деятельности, и, скорее всего, он прав. Получалось так: письма и продукты доходили, а активисты были под присмотром. Мы предавали гласности факты нарушения прав человека в лагерях. И это имело последствия. Помню, Саша Огородников передал мне из 36-го пермского лагеря⁴⁰ письмо, в котором сообщил, что у них очень свирепствует капитан Рак. Я предал эту информацию широкой гласности. И Саша мне написал: «Знаешь, Рак стал поспокойнее». А этого

³⁹ Имеется в виду ст. 70 Уголовного кодекса РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 года). В ранних редакциях Кодекса статья именовалась «Анти-советская агитация и пропаганда».

⁴⁰ Речь идет об учреждении ВС-389/36, расположенном в пос. Кучино Чусовского района нынешнего Пермского края. В советское время в этой колонии строгого режима содержались политзаключенные, в новой России на месте колонии создан и функционирует Мемориальный музей истории политических репрессий «Пермь-36».

Рак хорошо знал Сергей Адамович Ковалёв. Когда он сидел в 36-м лагере, они писали на наледи в лагерном туалете: «Капитан, ты не станешь майором». И тот очень злился.

Когда Сергей Адамович стал депутатом Верховного Совета РФ, он решил посетить этот лагерь, где сидел раньше. И его встретил Рак, который все-таки стал майором, и рапортовал Сергею Адамовичу: «Товарищ член Президиума Верховного Совета Российской Федерации, личный состав 36-го лагеря построен».

Потом у нас действовала подпольная типография по изданию религиозной литературы, которую организовал мой друг Виктор Бурдюг. Мы тысячами развозили по храмам страны молитвословы, которые почти не издавались в СССР.

Ред. С Солженицыным у вас был личный контакт?

В.Б. Да. С Александром Исаевичем я состоял в личной переписке, когда он был в изгнании. Это общение и дальше продолжилось. Когда я, став депутатом Моссовета, организовал там Комиссию по свободе совести, милосердию и благотворительности, он прислал мне письмо, в котором очень радовался, что такая Комиссия появилась. Потом была и в Госдуме Комиссия по общественным объединениям и религиозным организациям, но там все, начиная с названия, было более размыто. В общей сложности 175 храмов было передано прихожанам за моей подписью. А вообще, мою жизнь во многом изменило обращение Александра Солженицына «Жить не по лжи»⁴¹. Я ему об этом говорил.

Ред. Кто тогда помогал вам?

В.Б. Сергей Адамович Ковалёв, священники Глеб Якунин, Александр Мень, Глеб Коляда, мой друг Валерий Абрамкин — многие. Мы добивались тюремного служения. Ходили по тюрьмам. Ужас, что там творилось: в камере, рассчитанной на 12 человек, сидело 30. В одной из таких камер я подхватил педикулез, извините за подробности: такие были

⁴¹ Публицистическое эссе А.И. Солженицына, обращенное к советской интеллигенции и опубликованное в самиздате 13 февраля 1974 года, в день ареста А.И. Солженицына.

злые вши, пришлось обливаться керосином. Но тюремное служение мы пробили, и нашлись священники, хоть и не очень много, которые этим занялись. В день путча, 19 августа 1991 года, в Москве открывался Конгресс соотечественников. Мы должны

были проводить первую службу в Успенском соборе Кремля. Я был вместе с патриархом Алексием в алтаре и сказал, что должен уйти. Он ответил: да, конечно, это коммунистический переворот, идите, боритесь.

ПОЗИЦИЯ «Существует понятие «я свободен», и существует понятие «я на свободе» — это совершенно разные понятия. Можно быть свободным в несвободной стране, и можно быть рабом в самой демократической стране. Такой выбор есть всегда».

Ред. С чем вы подошли к 1993 году?

В.Б. Нужно было выработать правозащитную концепцию. Оттолкнулись от идей Сахарова. Утверждалось это непросто. Но мы под водительством С.А. Ковалёва заявили приоритет международного права, концепции прав человека — отринуть это было нельзя. Эти краеугольные положения стали осуществляться и в политике. Это было важно именно в то время, когда мы противостояли тем, кто тянул нас в октябре 1993 года назад, надо было определиться. Ну, одолеем мы их, а что взамен?

Ред. Чем вы занимались тогда?

В.Б. Когда началась война в Чечне, мы, группа депутатов Госдумы во главе с Уполномоченным по правам человека в РФ С.А. Ковалёвым, сразу же, 12 декабря, отправились в Чечню. В течение полутора часов мы вели переговоры с Дудаевым. Он в результате снял требование о выходе республики из состава России. С Юлием Рыбаковым и Михаилом Молоствовым мы долго там были, под обстрел попали, я контузию получил. Ковалёв, прибыв в Москву, очень просил Ельцина: «Позвоните Дудаеву, и войны не будет». Но тот сказал: «Еще

не время». Там, конечно, не все было просто. Яндарбиев весьма отрицательную роль играл, а с Масхадовым, многими другими членами чеченского правительства можно было нормально общаться. В начале войны Грозный и другие города были против выхода из состава России, а село было за выход. Вернувшись из Чечни, я вошел в Комиссию по правам человека.

Ред. И там?..

В.Б. Продолжал заниматься Чечней. И вновь обратился к религиозным вопросам. Стала обозначаться тенденция к ограничению так называемых нетрадиционных, в основном протестантских, конфессий. Тогда начали приезжать протестантские проповедники из США. Начались споры. Я выступал в Администрации Президента. Моя позиция опиралась на общие положения о правах человека: если деятельность организации не противоречит Декларации прав человека, не нарушает законов данной страны, никто не может ей мешать. Была борьба, особенно активно мне помогал Юлий Рыбаков.

Я ссылался на Древний Рим. Там традиционным было язычество, христианство было принято только спустя столетия. Правда, в итоге в формулировке Закона фраза о традиционных конфессиях осталась в преамбуле.

Другим объектом споров стали старообрядцы. Они, естественно, тоже нуждались в храмах для открытого богослужения, но это очень бедная конфессия. Например, храм у Белорусского вокзала, который им раньше принадлежал, они не могли освоить просто финансово, о чем честно и сказали. Им нашли другой. Но борьба и тут была. В провинции эта проблема, кстати, не так остра.

С «нетрадиционными» конфессиями была и еще одна проблема. Когда стали создаваться различные общественные институты, связанные с религией, их туда очень неохотно брали. Помню, как я поддерживал

Сергея Ряховского, главу пятидесятников. Чуть ли не прозвище заработал: «Борщёв — защитник сектантов». Сейчас многие из этих людей вполне адаптировались, находятся в фарватере общественной жизни. Сергей Ряховский, кстати, член Общественной палаты РФ.

Между прочим, мне пришлось защищать и нынешнего патриарха Кирилла, тогда еще митрополита Смоленского и Калининградского. Он был сторонником сближения с Ватиканом, и за это ему очень доставалось от общества «Радонеж». А я, когда был депутатом, помогал и «Радонежу», чтобы им разрешили открыть православную гимназию.

Ред. Были еще какие-то направления деятельности?

В.Б. Да, пенитенциарной системой я много занимался вместе с Валерием Абрамкиным, Сергеем Ковалёвым. Посещали колонии, СИЗО — и в Москве, и в провинции. Разбирались, как люди содержатся, как питаются. Помню, в СИЗО-5 в Москве я спросил: ну, хоть кого-нибудь вам здесь жалко? Оказалось, есть такой человек. Привели шкета, непонятно, в чем душа держится. Мать у него умерла, отец неизвестно где. Он находился в СИЗО за то, что украл пачку пельменей, но уже готовился отбывать наказание в колонии. Я попросил судью только об одном: учесть его рост и вес. Мальчишку этого оправдали. Вместе с Анатолием Приставкиным боролся за отмену смертной казни. Даже представлял в Госдуме наш с Юлием Рыбаковым законопроект о моратории на смертную казнь. Кстати, в то время, когда я был депутатом, удалось доказать невиновность трех человек из Архангельска, приговоренных к смертной казни. На их невиновности настаивала мать девочки, в убийстве которой их обвиняли.

А вообще, судебная система была абсолютно разболтана, многих удалось вытащить вопреки ей.

ДОКУМЕНТ

В 1991–1995 годах были проведены три Всероссийских съезда судей. На съездах обращалось внимание на усиливающиеся кризисные явления в судебной системе, на необходимость последовательного настойчивого проведения судебной реформы; отмечались несовершенство

законодательства и неэффективность косметических мер и экспериментов в реформировании судебной власти. Устаревшие формы судопроизводства не обеспечивают независимости судов, способствуют волоките в разрешении судебных дел, делают неэффективной защиту законных интересов и прав граждан.

Реальные условия деятельности судов продолжают ухудшаться. Укомплектованность судов в 1995 году составила 82%. Количество дел, поступивших в суды только в первом полугодии 1995 года, превысило количество дел за весь предыдущий год. Соответственно возросли нагрузки на одного судью и увеличились сроки рассмотрения дел. Возникает своеобразная очередь за правосудием, и граждане годами не могут реализовать свои права на разбирательство дел без неоправданной задержки.

Из Доклада Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации «О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации в 1994–1995 годах»

Значительна роль Комиссии по помилованию, которая была создана по инициативе Сергея Адамовича Ковалёва. Ее возглавил Анатолий Приставкин. А входили туда Булат Окуджава, Лев Разгон, Мариэтта Чудакова... Я тоже был членом Комиссии по помилованию. Она работала в тесном контакте с Комиссией по правам человека.

ДОКУМЕНТ

Комиссия вынуждена также констатировать, что рекомендации и предложения по соблюдению прав человека в уголовно-исполнительной системе, изложенные в Докладе за 1993 год, остались невостребованными.

Причины, обуславливающие бедственное положение, сложившееся в учреждениях пенитенциарной системы, в значительной степени носят экономический характер, однако этим не исчерпываются.

По состоянию на 1 декабря 1995 года в пенитенциарных учреждениях страны содержалось свыше миллиона граждан России, что превышает численность 1994 года: на 6,7% — лиц, содержащихся в исправительно-трудовых учреждениях, и на 15,1% — лиц, содержащихся в следственных изоляторах и тюрьмах (более подробные данные см. в приложении 1). Рост численности заключенных повсеместно сопровождается ухудшением материально-бытовых и медико-санитарных условий их содержания, продовольственного и вещевого обеспечения.

Предусмотренные бюджетом потребности уголовно-исполнительной системы в финансировании удовлетворены не полностью. По данным МВД по состоянию на 1 января 1995 года общая задолженность по смете составляла 335 млрд рублей, по состоянию на 1 января 1996 года — уже 1373,5 млрд рублей.

Из Доклада Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации «О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации в 1994–1995 годах»

Ред. Вы покинули Комиссию по правам человека вместе с Ковалёвым?

В.Б. Конечно, тут секрета нет. Мы с ним вообще в большинстве случаев единомышленники. Отчаянно спорим только на охоте. Я-то не стреляю, но ему нужен напарник.

ДОКУМЕНТ

...2. Нарушения прав человека и международного гуманитарного права в ходе вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики

Комиссия по правам человека при Президенте Российской Федерации единогласно во мнении, что с точки зрения соблюдения прав человека на территории Российской Федерации в 1994–1995 годах бесспорно важнейшими и наиболее трагичными являются события в зоне вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики. По массовости и грубости нарушений прав человека, страданиям сотен тысяч граждан России, жестокости, проявленной по отношению к гражданскому населению, чеченские события являются беспрецедентными со времени массовых политических репрессий в СССР.

В мандат Комиссии не входит политическая оценка решений и действий федерального руководства и руководства режима Д. Дудаева. Однако Комиссия считает необходимым отметить:

- попытка силового решения чеченской проблемы вне всяких рамок закона является пересмотром важнейшего внутривнутриполитического принципа, который заключается в отказе от решения политических проблем посредством силы, что является абсолютно необходимым условием соблюдения прав человека и что нашло отражение в Договоре об общественном согласии;
- самопровозглашение независимой Чеченской Республики Ичкерия противоречит Конституции Российской Федерации и международному праву. Президент и федеральное Правительство вправе и даже обязаны предпринять действия, направленные на сохранение территориальной целостности Российской Федерации, но эти действия должны осуществляться в рамках Конституции Российской Федерации, международных обязательств России и действующего законодательства.

Из Доклада Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации «О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации в 1994–1995 годах»

Ред. В работе Комиссии под председательством Владимира Карташкина вы не участвовали?

В.Б. Этот период я пропустил. Я вернулся в Комиссию, когда председателем стала Элла Александровна Памфилова. Мы были вместе в Госдуме, и пригласила меня она по своей инициативе. Я по-прежнему занимался общественным контролем за местами заключения и принудительного содержания. Элла Александровна очень помогала.

Удалось использовать английский опыт, я с ним ознакомился в 1995 году. Там в тюрьмах есть Советы визитеров. Члены этих советов свободно ходят по тюрьмам и докладывают властям о том, что там происходит. Кстати, как правило, не торопятся все опубликовать или озвучить, надеясь, что власти адекватно среагируют. Вот этим мы занялись с известным судьей Сергеем Пашиным, Валерой Абрамкиным, Андреем Бабушкиным... Ездили в Мордовию, Пермь, Красноярск. Иногда даже там находили союзников — таким оказался Владимир Константинович

Шашников, начальник Красноярского ГУИНа.

Судьба Закона была непростая, люди из МВД отбрыкивались, как могли. Элле Памфиловой надо поставить памятник. Ведь благодаря ей я дважды смог доложить о Законе⁴² Президенту Путину. И в 2008 году он был принят.

Пришлось долго его пробивать. Ведь первый раз я представлял его в Госдуме в 1999 году. Он тогда получил конституционное большинство. Его поддержал даже генерал Макашов! Ему ведь пришлось узнать, каково находиться в местах заключения. Но тогда силовикам удалось его

⁴² Имеется в виду Федеральный закон от 10 июня 2008 года № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» // Собрание законодательства РФ. — 16.06.2008. — № 24, ст. 2789.

заблокировать через Совет Федерации. Создали согласительную комиссию. От Госдумы ее возглавил я, а от Совета Федерации — С. С. Собянин. Пришлось пойти на компромисс: в моем варианте общественный наблюдатель имел федеральный статус и мог пройти в любую колонию, любой СИЗО страны. А Совет Федерации настоял на региональном статусе. Но и при этом девять лет мы вели дебаты. Фонд «Социальное

партнерство», где я — председатель правления, организовывал слушания на разных уровнях, учебу будущих членов наблюдательных комиссий — действовала Школа общественного инспектора. Подобные законы действуют только в Великобритании и во Франции. В США, где тюрьмы сильно хуже европейских, такого закона нет. Американцы приезжали, интересовались, потом я у них делал доклад.

ДОКУМЕНТ

Организованные членами Совета в 2012–2013 годах общественные проверки более ста исправительных учреждений и следственных изоляторов в Оренбургской и Челябинской областях, Республике Карелия, Пермском крае, Мордовской Республике и т. д. позволяют утверждать, что на сегодняшний день:

- сохраняются проблемы в обеспечении занятости осужденных трудом, нарушаются права осужденных на справедливую оплату и благоприятные условия труда, буксует развитие пенитенциарного производства. Несмотря на то что труд осужденных признается одним из основных средств исправления, большая часть осужденных не работает. Оплата труда значительного числа осужденных остается недопустимо низкой. Выявлены многочисленные случаи, когда осужденные, занятые полный рабочий день, получают на лицевой счет от 20 до 1000 рублей в месяц. Это негативно сказывается и на процессе возмещения материального ущерба, нанесенного преступлением, ущемляет законные интересы потерпевших. В немалой степени указанные проблемы связаны с тем, что исправительные колонии и центры социальной адаптации осужденных при получении государственных и муниципальных заказов поставлены в те же условия, что и коммерческие структуры, имеющие значительно более опытный и квалифицированный персонал;
- учреждения ФСИН России переполнены лицами, наиболее эффективное исправление которых было бы возможно без их изоляции от общества. Среди них — многие тысячи людей, ставших жертвами следственных и судебных ошибок, исправления которых практически невозможно достигнуть в рамках действующей системы правосудия;
- не выработаны новые подходы к условно-досрочному освобождению из мест лишения свободы, в результате чего значительное число положительно характеризующихся осужденных не могут досрочно вернуться к нормальной жизни. Нередко возникает ситуация, когда на протяжении долгих лет содержания в СИЗО и отбытия наказания в исправительной колонии осужденный имеет десятки поощрений и ни одного взыскания, однако за неделю до рассмотрения ходатайства об условно-досрочном освобождении у осужденного в закрепленной за ним тумбочке вдруг обнаруживается запрещенный предмет или появляется рапорт о том, что осужденный не поздоровался с представителем администрации;
- десятки тысяч осужденных отбывают наказание в регионах, недоступных для посещения их родными и близкими. Это приводит к ослаблению или разрыву социально полезных связей, личным трагедиям родственников, разрушению той социальной среды, на которую государство рассчитывает при освобождении осужденного;
- не соответствуют ожиданиям гражданского общества сдвиги в организации медицинского обеспечения осужденных и содержащихся под стражей. Смертельно больные заключенные либо заключенные, жизнь которых могла бы быть спасена в случае освобождения и лечения в учреждениях Минздрава России, остаются в колониях либо освобождаются слишком поздно. В ряде регионов до 80% осужденных, представленных администрацией учреждений ФСИН к освобождению по болезни, получают от судов отказ в таком освобождении и умирают в колониях;

- сохраняется практика неправомерного применения физической силы и спецсредств в отношении заключенных. При этом до настоящего времени не создана эффективная система выявления и расследования пыток, примененных к заключенным до их попадания в учреждения УИС;
- выявляются многочисленные случаи переполнения камер СИЗО. Наряду с чрезмерно частой практикой избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, важной причиной такого переполнения является избыточно детализированное требование отдельного содержания подозреваемых и обвиняемых (ст. 33 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»), а также игнорирование следователями и судами реального наполнения СИЗО;
- отсутствует ожидаемый прогресс в практике взаимодействия учреждений исполнения наказаний с общественными наблюдательными комиссиями (ОНК).

Из Рекомендаций Совета по итогам специального заседания на тему «Гражданское участие в реформе уголовно-исполнительной системы», 5 апреля 2013 года

Ред. При каких обстоятельствах вы расстались с этой Комиссией?

В.Б. Точнее будет сказать, что я не вошел в новый состав. Я ведь — один из основателей партии «Яблоко», и Элле Александровне стали активно на это указывать, она мне сама сказала.

Ред. Но свою деятельность вы не бросили?

В.Б. Разумеется, я ведь и в «Яблоке» возглавляю правозащитную фракцию. А Совет по правам человека очень нужен, это реальный элемент взаимодействия общества и власти. Во время председательства Михаила Александровича Федотова я выступаю как эксперт Совета, некоторые мои предложения уже заслушаны.

Ред. Поделитесь, пожалуйста.

В.Б. Я внес предложение по тюремной медицине. Ведь до 1934 года она была в гражданском подчинении. Потом ГУЛАГ укрепился,

разросся и взял ее под себя. Минздрав брать тюремную медицину сейчас не хочет. Я добиваюсь компромисса, такая практика есть в Голландии. Чтобы собственно медицинская часть — контроль, консультации — была в гражданском ведении. Если бы это было реализовано, то в истории с Магнитским, например, не было бы тех безобразий. Была бы независимая экспертиза, не тюремная, а гражданская.

Еще одна идея есть. СИЗО сейчас перегружены примерно на 30% сверх нормы. На Западе суд решает так: если нет надлежащих условий для приговоренного лица, надо ждать. И применяются браслеты, указывающие местонахождение осужденного. При этом у них норма площади на одного заключенного — семь квадратных метров, а у нас — четыре. Это предложение тоже было одобрено Советом и сейчас находится в разработке.

Но самое важное — защитить общественный контроль. Он сейчас находится просто под угрозой.

ДОКУМЕНТ

21 октября 2016 года на сайте Общественной палаты Российской Федерации (далее — ОП РФ) был опубликован список вновь сформированных общественных наблюдательных комиссий (далее — ОНК) в 42 субъектах Российской Федерации.

Двумя днями ранее, 19 октября 2016 года президиум Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека (далее — Совет) призвал совет Общественной палаты РФ (далее — ОП РФ) приостановить голосование по кандидатурам

в состав ОНК. ... В соответствии с пунктом 6 статьи 62 Регламента ОП РФ кандидатура в состав ОНК отклоняется членами совета Общественной палаты путем выставления нулевого числового значения (балла) в случае несоответствия требованиям ФЗ об ОНК:

- заявления и иных материалов, поступивших от общественного объединения о выдвижении кандидатуры в состав общественной наблюдательной комиссии;
- кандидатуры, выдвигаемой в состав общественной наблюдательной комиссии;
- общественного объединения, выдвинувшего кандидатуру в состав общественной наблюдательной комиссии.

Однако при голосовании членов совета ОП РФ нулевые баллы по неизвестным причинам получили многочисленные кандидаты, не имеющие указанных в Регламенте ОП РФ недостатков, в том числе эффективно работавшие в ОНК прошлого созыва Масюк Е.В., Каретникова А.Г., Флерова Т.А., Абдулаева Е.В., Базикян М.А. и другие.

Негативные последствия обозначенных выше нарушений порядка формирования ОНК подтверждают и статистические данные, полученные на основе детального анализа нового состава ОНК:

В частности, на 23% (129 человек) новый состав ОНК состоит из **представителей ветеранских организаций** Вооруженных сил РФ, МВД РФ, ФСИН России и т.д. В отдельных регионах (например, в Краснодарском крае, Владимирской и Кировской областях) более половины состава ОНК составляют ветераны правоохранительных органов и ФСИН, которые, как правило, имеют профессиональную деформацию, не располагающую к правозащитной деятельности.

Результатом проведенной с большими нарушениями процедуры формирования нового состава ОНК в 42 регионах стали многочисленные заявления и жалобы правозащитников, а также поток возмущенных публикаций в СМИ с обвинениями в адрес властных структур в стремлении уничтожить общественный контроль за соблюдением прав человека в местах принудительного содержания. Если не предпринять решительных и срочных мер по снятию конфликта, волна протестов будет только нарастать: любой инцидент с участием членов ОНК нового созыва будет поводом для возобновления критики.

Более того, многие правозащитники, не попавшие в состав ОНК, всерьез намерены обращаться в суд с административными исками к ОП РФ как к организации, выполняющей публичные функции, и готовы дойти до Верховного Суда РФ и ЕСПЧ, что, разумеется, означает затягивание конфликта на многие месяцы и даже годы. Кроме того, есть реальная опасность того, что судебное решение в пользу административных истцов приведет к автоматической утрате легитимности нового состава ОНК во всех 42 субъектах Российской Федерации.

Из аналитической справки о причинах, последствиях и путях преодоления конфликта в связи с формировании нового состава ОНК в 42 субъектах Российской Федерации, 26 октября 2016 года

В.Б.: Надо менять механизм формирования общественных наблюдательных комиссий. Общественная палата показала свою несостоятельность в этой сфере. В моем варианте формирование комиссий возлагалось на Уполномоченного по правам человека. Но сегодня надо подключать не только его,

но и Совет по правам человека при Президенте РФ. Иначе получается, что в состав комиссий не попадают правозащитники. А в итоге мы получаем имитацию общественного контроля. Так что сегодня у Совета по правам человека при Президенте РФ ответственная миссия.

Светлана Ганнушкина: «У меня, что называется, дурная привычка лезть в чужие дела»

Светлана Алексеевна Ганнушкина (родилась 6 марта 1942 года в Москве) — председатель региональной общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское содействие», руководитель Сети «Миграция и Право» Правозащитного центра «Мемориал».

Окончила механико-математический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, была доцентом кафедры математики Российского государственного гуманитарного университета.

В 1990 году стала одним из учредителей Комитета «Гражданское содействие» — первой общественной организации, оказывающей разностороннюю помощь беженцам и вынужденным переселенцам. Участвовала в создании Правозащитного центра «Мемориал»; в его рамках организовала Сеть «Миграция и Право». Член Правительственной комиссии по миграционной политике; член Международной рабочей группы по поиску без вести пропавших и освобождению заложников в карабахском конфликте. Была членом Комиссии по правам человека при Президенте РФ, после преобразования в ноябре 2004 года Комиссии по правам человека в Совет при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека вошла в состав обновленного Совета, в котором работала до 2011 года.

Премии и награды: 1997 — премия Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) «За подвижничество» (к десятилетию работы Фонда Сороса в России); 2000 — медаль Межпарламентской ассамблеи стран СНГ «Древо дружбы» «За выдающийся вклад в формирование информационного пространства СНГ»; 2001 — Почетный наградной знак Благотворительного совета г. Москвы «За заслуги в благотворительной деятельности»; 2003 — Премия Немецкой секции Международной Амнистии «За заслуги в области защиты прав человека»; 2004 — Премия Нансена УВКБ ООН ПЦ как представителю Правозащитного центра «Мемориал» за работу Сети «Миграция и Право» в области защиты прав мигрантов; 2006 — Премия «Человек человеку» Чешской неправительственной организации «Человек в беде» «За личный вклад в защиту прав человека и помощь мигрантам»; 2007 — Премия им. Сахарова Норвежского Хельсинкского комитета по правам человека «За многолетнюю самоотверженность и преданность в работе по защите прав человека в России»; 2008 — Благодарность Президента РФ как члену Совета; 2010 — Наградной крест Российского казачества «За веру и службу России»; 2011 — кавалер ордена Почетного легиона (Ordre national de la Légion d'honneur); 2012 — Премия Шюра Линдебрекке за демократию и права человека Норвежской консервативной партии; 2013 — Премия имени Стига Ларссона «За работу в духе Стига Ларссона — настойчивую и мужественную защиту прав человека в России», Швеция; 2013 — Премия Французской национальной консультативной комиссии за права человека; 2014 — Премия Фонда «Молодая Европа» им. Хайнца

Шварцкопфа, Гамбург, Германия; 2014 — Премия МХГ за исторический вклад в защиту прав человека и в правозащитное движение; 2014 — медаль «За защиту прав человека в Республике Ингушетия»; 2015 — Премия Гайдара «За действия, способствующие формированию гражданского общества»; 2015 — Премия МИД Польши Pro Dignitate Humana «Гражданскому содействию».

Ред. Светлана Алексеевна, как получилось, что из всех правозащитных проблем вы сосредоточились на судьбах беженцев?

С.Г. Специальной мотивации заниматься именно беженцами у меня не было. Отмечу, что помимо открытых диссидентов в Советском Союзе были люди, которые занимались правозащитной деятельностью, не переходя определенной черты. У меня, что называется, дурная привычка лезть в чужие дела. Вот типичный для меня случай. На работе стали увольнять человека — была превышена «процентная норма» по сотрудникам еврейской национальности. Ему создавали невыносимые условия, а увольняться было некуда. Нужно было разъяснить коллегам, что происходит. Одни опасались за карьеру, другие — еще за что-то. Я активно вмешалась, нашлись те, кто меня поддержал. В итоге человек еще два года трудился в институте и, только найдя другую работу, ушел по собственному желанию.

Одна из моих студенток попала в лапы к ростовщину, доказать что-либо было очень трудно, потому что в СССР ростовщиков «не было и быть не могло». Все-таки удалось ее отстоять. Мы дружба до сих пор.

Была такая практика — письма на съезд КПСС. Я ею активно пользовалась. Кстати, первым, кто не ответил мне, был Михаил Сергеевич Горбачев. Благодаря таким письмам инвалид получил машину, подруга моей мамы в Риге смогла получить квартиру. Вот когда бы я «перешла черту» — это в 1968 году из-за ввода войск в Чехословакию. Я не знала, что та «семерка» идет на Красную площадь⁴³. Меня долго терзало

⁴³ Имеется в виду сидячая демонстрация семерых советских диссидентов против ввода войск СССР в Чехословакию, состоявшаяся на Красной площади 25 августа 1968 года. Участники демонстрации были арестованы милицией, жестоко избиты и впоследствии приговорены к тюремному заключению и принудительному лечению.

чувство вины перед чехами. Потом я с радостью поняла, что они эту страницу для себя перевернули, у меня среди чехов много друзей, и я им благодарна за дружбу. На общее собрание, где надо было поддержать вторжение, ни я, ни мой муж просто не пошли.

Во второй половине 80-х уже можно было создавать общественные объединения. Первая общественная организация, в которой я участвовала как учредитель, называлась «Секция национально-политических отношений при Советской социологической ассоциации». Получилось это так. С юности антисемитизм вызывал у меня чувство стыда. От своей еврейской «четвертушки» я никогда не отказывалась, но антисемитизм воспринимала своей русской частью. О его проявлениях писала в газеты и получала лаконичные ответы: «Газета впредь в своей политике будет учитывать ваше мнение».

Но в 1988 году меня услышали и, как ни странно, пригласили в МГК КПСС. «Разве у нас есть антисемитизм?» — спросили меня. Я ответила, что на мехмате⁴⁴ организован отсев евреев на вступительных экзаменах, и я могу назвать людей, которые уже много лет собирают материал, документально подтверждающий это. Это были математики Михаил Цаленко и Валерий Сендеров. Их пригласили на встречу, результатом которой стало отстранение организаторов этнической селекции от экзаменов впервые за много лет.

А 9 марта 1988 года инструктор ЦК КПСС собрал в Доме ученых тех, кто выступал против проявлений антисемитизма. Картина получилась такая: на подиуме — борцы с «сионизмом», в зале — мы, борцы с антисемитизмом. Забавная была дискуссия: нас все время пытались сбить с темы и завести разговор о «мировом сионизме и его опасности». И был там человек, который периодически вставал и говорил: «Вот вы все об одном и том же, а в Азербайджане людей режут!»

⁴⁴ Механико-математический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова.

Ред. Кто же это был?

С.Г. Это был Амбарцум Галстян, член комитета «Карабах», потом он погиб. О карабахском конфликте я тогда имела смутное представление, и мне казалось, что останавливаться на нем не следует, потому что мы собрались говорить о том, за что мы здесь и сейчас отвечаем, а происходящее в Азербайджане — все же на совести его жителей.

Только через несколько дней я поняла, что ошибалась, и попросила отметить это в сноске стенограммы встречи. В результате встречи в Доме ученых и была учреждена Секция национально-политических отношений — первая неправительственная организация, в работе которой я участвовала.

Первой темой заседаний Секции стала, разумеется, карабахская проблема, тем более что одним из ее сопредседателей была избрана такая мощная личность, как Галина Васильевна Старовойтова, крепко связанная с Арменией. Оттуда приезжали ученые, подробно рассказывали о происходящем, но вся информация шла исключительно от армянской стороны. Поэтому в январе 1989 года я для себя решила: надо ехать в Баку. Этот город к тому же — родина моей мамы.

Приехала, на улицах впервые увидела танки не на параде. Остановилась у знакомых. Меня отвели в одну интеллигентную смешанную семью. Люди мне охотно и долго рассказывали о том, как им видится конфликт из Баку, какие тесные связи у этих двух народов. Желание говорить было огромным, всего за шесть дней я взяла больше двадцати интервью. Одну отъезжающую армянскую семью я опрашивала прямо на улице. Фамилии интервьюируемых я потом изменила. Все армяне понимали, что им надо выезжать. Через год оставшиеся очень пожалели об этом: в Баку начались страшные погромы.

И там же, в Баку, я увидела первых беженцев: азербайджанцев из Армении. Это были люди, очень плохо говорившие по-русски, в основном овощеводы. Их не убивали, но жестоко выгоняли. У одной женщины на перевале замерз двухмесячный ребенок,

не выжил. Эта обезумевшая от горя мать бродила среди людей с трупом на руках. Они безропотно переносили свои лишения, дисциплинированно выстраиваясь в очередь за хлебом. Я уверена, что эти простые люди, жившие в Армении, были очень далеки от карабахской проблемы. Собственно, эта поездка решила мою судьбу.

Ред. С чем же вы вернулись в Москву?

С.Г. А вот с чем. Стороны конфликтов с тех пор разделились для меня на политиков, получающих свои дивиденды, и людей, которые от этих конфликтов страдают. В 1990 году уже около 40 тысяч бакинских армян появилось в Москве. Они кинулись за помощью в Постпредство Азербайджана, но их там уже за своих не считали. Расселились они в Постпредстве Армении, прямо на полу в коридорах и залах. Москвичи приносили им одеяла, одежду, продукты. Я приносила талоны на сахар, который просто купить в магазине было нельзя. Мои студенты, зная, чем я занимаюсь, отдавали мне для беженцев талоны на сахар, к талонам часто прикрепляли рубль (цена килограмма сахара).

Тогда же я познакомилась с Викторией Чаликовой, которая, к сожалению, рано ушла из жизни, с Лидией Графовой. Они тоже занимались беженцами; собственно, тогда, в едином еще государстве, их точнее было называть «внутриперемещенными» лицами. Вот тогда-то и образовалась первая в России общественная организация помощи беженцам — Комитет «Гражданское содействие». А позже, в 1996 году, в рамках Правозащитного центра «Мемориал» была организована Сеть юридической помощи беженцам и мигрантам «Миграция и Право».

Разумеется, право обратиться за убежищем и получить его, если к тому есть основания, необходимо защищать. Но как могу я, гражданка России, сказать, что это должна делать Норвегия, если в моей стране это право полностью игнорируется? Некоторое исключение, которое составляли украинские беженцы, только подтверждает это правило. Грустно признавать это.

допустимых ограничениях.
Возможно, это важная тема для
обсуждения. Однако, как мне
представляется, сейчас она не
так уж актуальна. Гораздо более
важной мне представляется дис-
куссия о праве на жизнь. Что бы
ни рисовали, что бы ни писали
одни люди, как бы ни чувствовали
себя оскорбленными этим другие,
нет такого права и нет такой рели-
гии, которые позволяли бы этим
оскорбленным отнимать жизнь
у своих обидчиков. Современное
право требует, чтобы от убийства
за самые тяжкие преступления
отказались и государства».

Ред. Вы сотрудничали с Комиссией по правам человека?

С.Г. Я встречалась по поводу беженцев с Сергеем Адамовичем Ковалёвым, председателем Комиссии, легендарным человеком. Правда, один из его помощников съезвил по поводу армянских беженцев: «Да они богаче нас, смотрите, какие у них шубы и золотые зубы». Что ж, на Кавказе действительно принято носить золотые зубы, а вот крыши над головой у людей не было.

Ред. Ковалёв поддержал вас?

С.Г. Да, он понял серьезность проблемы. В 1990 году было принято постановление Совмина освободить Москву и Санкт-Петербург от беженцев⁴⁵. Моссовет этому

⁴⁵ Постановление Совета министров РСФСР от 13 апреля 1990 года № 117 «О мерах по оказанию помощи гражданам, вынужденно покинувшим

Азербайджанскую ССР и Армянскую ССР» // Собрание постановлений и распоряжений Правительства РСФСР. — 1990. — № 14, ст. 97.

ПОЗИЦИЯ «Идет непрерывная дискуссия о свободе слова и ее

не подчинился. Людей расселили в гостиницах и общежитиях Москвы. Но это касалось почти исключительно живших в Постпредстве. Частный сектор остался без государственной поддержки. Правда, потом выделялись квартиры в регионах России, но недостаточно, часто квартиры оказывались уже занятыми, несданными в эксплуатацию, а иногда указанных адресов вообще не существовало. Поэтому беженцы, как-то прижившиеся в Москве, уже не рисковали выезжать.

Ред. Какими еще беженцами вы занимались?

С.Г. Все волны беженцев прошли через наш Комитет: грузины из Абхазии, афганцы, сейчас это сирийцы, украинцы, африканцы. Кроме того, это наши «внутриперемещенные» лица из Чечни, их тоже в просторечии называют беженцами.

Существует предвзятое мнение, что правозащитники и Комиссия Ковалёва не занимались русскими из Чечни. Это неправда. Комитет «Гражданское содействие» активно работал по этой проблеме: и Лидия Графова, и Вячеслав Игрунов. Мы боролись за то, чтобы покинувшим Чечню была определена компенсация за утраченное жилье, чтобы им предоставлялся статус вынужденного переселенца, чтобы им в других регионах можно было получить регистрацию и документы на утраченное жилье, получать пенсию.

Это касалось всех, покинувших Чечню, но в первую чеченскую войну большинство выехавших составляли русские. Другое дело, что выехавшие чеченцы подвергались жестокой дискриминации, поэтому частные обращения касались, как правило, именно чеченцев. Компенсация за жилье составляет 120 тыс. рублей на семью. Попробуйте купить что-то за эту сумму! Но даже эти деньги выплачены не всем: бюджет перестал выделять на это финансирование. Мы пытаемся добиться увеличения суммы компенсации до реальной стоимости жилья — к сожалению, пока безрезультатно. Пытаемся восстановить права на жилье в Чечне для тех, кто от него не отказывался и не получал компенсацию. Есть решения судов, но реально вернуть квартиры удалось единицам. Руководство Чечни покрывает захватчиков.

Я уже не раз во всеуслышание заявляла, что совершенно необходимо принимать срочные меры к возвращению

в конституционное поле и в поле федерального права всех структур, всех частных лиц, а в некоторых случаях целых регионов, которые нарушают наше законодательство. Например, положение женщин характеризуется в Чеченской Республике одной маленькой цитатой из выступления главы республики: женщина — собственность, мужчина — собственник. Какой может быть при этом разговор о соблюдении статьи 19 Конституции Российской Федерации, согласно которой мужчины и женщины имеют равные права?!

Ред. Вы продолжили сотрудничество с Комиссией?

С.Г. В период председательства В.А. Карташкина — нет. Летом 2002 года я была в Праге, где работал мой сын, и там узнала о назначении Эллы Памфиловой. Тогда я сказала себе: «Если бы она меня позвала, я бы согласилась с ней работать». Личный опыт общения с Эллой Александровной был небольшой, но я помнила, как она в правительстве отстаивала права пенсионеров, буквально билась за них.

Когда я вернулась, мне позвонил Арсений Рогинский, сказал, что от «Мемориала» хотят выдвинуть меня. Составилась команда из очень уважаемых людей: Александр Аузан, Людмила Алексеева, Алексей Симонов... Элла Александровна поговорила с каждым, сообщила, что готовится встреча с Президентом.

Ред. Над чем вы конкретно стали работать?

С.Г. Только что была принята новая редакция Закона «О гражданстве Российской Федерации». Закон фактически создал условия, при которых получить гражданство России стало невозможно. 6 декабря 2002 года в Комиссии состоялись слушания по этому закону. Участвовали представители многих министерств и ФМС, в частности В.М. Жуйков — заместитель председателя Верховного Суда. Много говорилось о бакинских беженцах, проживавших на территории России.

Мы годами добивались того, чтобы им выдали паспорта по старому, 1991 года, закону, поскольку они постоянно проживали на территории России на 6 февраля 1992 года и, как и мы все, стали гражданами РФ по признанию⁴⁶. Но власти признавали в качестве доказательства проживания

только регистрацию, по-старому говоря, прописку.

46 В порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 13 Закона РФ от 28 ноября 1991 года № 1948-1 «О гражданстве Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1992. — № 6, ст. 243 в первоначальной редакции.

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Председателям верховных судов республик, краевых, областных судов, судов автономной области, судов автономных округов, Московского и Санкт-Петербургского городских судов

21.07.2003 года № 587-8/общ.

В настоящее время возросло количество обращений граждан в суды с заявлениями об установлении юридического факта постоянного проживания на территории Российской Федерации в течение определенного времени.

...Таким образом, исходя из названных норм Закона РФ от 28 ноября 1991 года № 1948-1, а также Постановления Конституционного Суда РФ от 16 мая 1996 года № 12-П, гражданами Российской Федерации признаются не только все граждане бывшего СССР, постоянно проживавшие на территории Российской Федерации на 6 февраля 1992 года, если в течение одного года после этого дня они не заявили о своем нежелании состоять в гражданстве Российской Федерации, но и лица, состоявшие в российском гражданстве по рождению, проживавшие за ее пределами, возвратившиеся для постоянного проживания на российскую территорию (независимо от времени возвращения) и не имеющие гражданства другого государства...

Заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации В.М. Жуйков

Ред. Вы сказали об объявленной Эллой Памфиловой встрече с Президентом...

С.Г. Да, она состоялась 10 декабря 2002 года. Мне выделили наибольшее время из всех докладчиков, поскольку проблема новой безобразной редакции Закона о гражданстве была признана наиважнейшей. По итогам встречи была создана Рабочая группа. По сути, она занялась тем, что создавала «костыли» к плохому закону. Но если хромому дать даже 27 костылей, ходячим он не станет. Кое-чего, однако, удалось добиться. В общем, на заседание этой Рабочей группы приглашали поочередно и меня. В итоге

Жуйков впервые эту ситуацию осознал и вмешался. Он выпустил инструктивное письмо, обязавшее судей устанавливать в судебном порядке факт постоянного проживания. Тысячи людей благодаря этому получили паспорта на основании судебных решений, подтверждающих их постоянное проживание на 6 февраля 1992 года.

в Законе «О гражданстве РФ» родилась новая часть 4 статьи 14 с пунктом об упрощенном порядке предоставления гражданства тем, кто постоянно проживает в России. В результате полмиллиона людей за год получили российское гражданство. Правда, это положение статьи изначально имело ограниченный срок действия, и в середине 2009 года, когда по многим правозащитным направлениям наметился спад, посчитали, что эта часть «отработала» свое, и ее убрали за ненадобностью. Всего за время ее действия только по этому признаку гражданство получило около двух миллионов наших бывших соотечественников.

Путин В.В.: Я не сомневаюсь, что в тех законах, которые были приняты, наверняка очень многое нужно исправлять. У меня даже сомнений нет на этот счет. И я Вам скажу честно: я подписал эти законы только для того, чтобы создать хоть какой-то каркас наведения порядка в конце концов в этой сфере.

ДОКУМЕНТ

ДОКУМЕНТ

...И я согласен с Вами, что, может быть, то, что напринали, ни в какие ворота не лезет, потому что мы вообще дверь можем закрыть и поставить людей, которые здесь уже живут, добросовестно трудятся, в ужасное положение. Этого нельзя сделать, я с этим согласен. Просто я обращаю Ваше внимание, что нам нужны эти инструменты, они должны быть цивилизованными, современными, они не должны обижать людей, ставить их в дурацкое положение. Но порядок какой-то должен быть в стране, если мы претендуем на то, чтобы быть государством.

...Согласен с Вами абсолютно. Я очень рассчитываю на то, что Ваше активное участие поможет сделать этот инструмент цивилизованным. Уверяю Вас, я заинтересован в этом, и очень хорошо, что Вы поставили этот вопрос.

Из стенограммы заседания Комиссии
по правам человека с участием
Президента Владимира Путина,
10 декабря 2002 года

Ред. Были еще успехи?

С.Г. Были, президент Медведев давал неплохие, дельные поручения. Но они не выполнялись, а он не мог заставить подчиненных их реализовать.

Ред. Почему при реальных, заметных успехах вы ушли из Совета?

С.Г. Делегация Совета собралась лететь в Алтайский край, это было 11 сентября 2011 года. Мы собрались в аэропорту и там узнали о рокировке Медведев — Путин. Эти двое уже все решили между собой. Зачем же тогда было тратить деньги на выборы? Как гражданину мне показалось оскорбительным быть членом Совета при таких обстоятельствах.

Ред. Но вы не прервали сотрудничество с Советом?

С.Г. Нет, разумеется. Я выступаю в качестве эксперта, прихожу на заседания. Ведь творятся чудовищные вещи. Была правительственная программа миграционной политики. Ученые и мы занимались модернизацией в этой области. Боролись за упрощенный порядок регистрации, за сокращение безгражданства, как это делается во многих

странах мира. Ведь мы же ни к одной из двух конвенций по апатридам и сокращению безгражданства так и не присоединились. А Концепция, которая разрабатывалась на очень серьезном научном уровне четыре года президентства Медведева, была утверждена уже Путиным, но она не выполняется. Много делается с точностью до наоборот: вместо упрощения регистрация усложняется, возникают новые и бессмысленные законодательные новшества. Судебная система разваливается и уже превращена в структуру, подчиненную исполнительной власти. О независимой ветви судебной власти даже смешно говорить.

Ред. Светлана Алексеевна, а наплыв беженцев из Донецкой и Луганской областей вас не пугает?

С.Г. Нет, не пугает. По сравнению с миллионами сирийских беженцев в Турции, Иордании и Ливане Россия приняла совсем не так много беженцев. Кроме того, беженцы с востока Украины — это люди нашей культуры, говорящие на нашем языке, и мы за них несем моральную ответственность, потому что стали во многом причиной их бегства. К сожалению, государство утратило к ним интерес, кажется, не разделяет это мое убеждение. Пропагандистскую роль они уже выполнили.

Валентин Гефтер: «Совет стал более многочисленным, а по качеству, я считаю, он уступает прежнему»

Валентин Михайлович Гефтер (родился в 1944 году в Москве) — правозащитник. Окончил механико-математический факультет МГУ. Работал в Институте высоких температур Академии наук СССР, имеет научные труды.

С лета 1995 года после поездки волонтером в Чечню стал сотрудничать с Правозащитным центром «Мемориал», где ведет (с 1996 года) программу «Преследования по политическим мотивам в странах СНГ» и является членом Совета Правозащитного центра. С 1998 года возглавляет автономную некоммерческую организацию «Институт прав человека», в котором становится руководителем или координатором множества проектов, связанных с мониторингом прав человека, защитой прав отдельных категорий граждан и участием правозащитного сообщества в продвижении судебно-правовой реформы в России.

Был помощником депутата Государственной Думы ФС РФ 4-го и 5-го созывов, в 1999–2003 годах — депутата Сергея Ковалёва. Член рабочих групп по разработке законопроектов в сфере мониторинга введения Уголовно-процессуального кодекса и общественного контроля в целях соблюдения прав человека в местах принудительного содержания под стражей. Неоднократно участвовал в полевых наблюдениях по вопросам политических преследований в странах СНГ, автор докладов по данной проблематике. Член Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека в 2008–2012 годах. До недавнего времени был редактором «Российского Бюллетеня по правам человека» и редактором-составителем Российского вестника «Международной Амнистии».

Ред. Валентин Михайлович, ваши правозащитные убеждения сформировались, вероятно, не без влияния отца — Михаила Гефтера, известного историка и свободомыслящего человека?

В.Г. Семья, бесспорно, была важна, но свою роль сыграло и время, общий климат. Оттепель на многое в моем мировоззрении повлияла. Семья не была все-таки откровенно антисоветская. Отец учился в МГУ, воевал.

Ред. То есть настроения были антисталинские, но не антисоветские?

В.Г. Ну да, таких настроений, чтобы сопротивляться режиму, не было. Отец медленно эволюционировал с позиций искреннего ленинца к пересмотру своих взглядов. Когда его сектор в Институте истории Академии наук СССР закрыли, то есть к 1970 году, он стал ближе к инакомыслию. Известна фраза, сказанная о нем главным надзирателем за инакомыслящими, генералом КГБ Филиппом Бобковым: «Он не диссидент, он инакомыслящий».

Ред. Как вы думаете, какой смысл генерал вкладывал в эти понятия?

В.Г. Полагаю, такой: инакомыслящий — это тот, кто не подрывает основы строя, а только его критикует.

Ред. Вы в правозащитную деятельность окунулись не сразу?

В.Г. Я вполне сознательно пошел в естественные науки, поступил на мехмат МГУ. Был там активистом, на втором или третьем курсе стал членом бюро ВЛКСМ факультета, отвечал за культурный сектор, мы занимались достойными делами. Организовали первый вечер Осипа Мандельштама, провели вскоре после кончины Анны Андреевны Ахматовой вечер ее памяти. Такими общественными делами я занимался и под эгидой комсомола, и вне его.

Ред. А когда оттепель окончилась?

В.Г. Еще долгие годы продолжал заниматься наукой и научной информацией и чувствовал, что «затухаю». Тогда это называлось «внутренней эмиграцией».

Ред. Но ведь наступила перестройка.

В.Г. Наступила. К нам в дом приходили люди из Межрегиональной депутатской группы: Виктор Шейнис, Геннадий Бурбулис, Григорий Явлинский. Но я встретил это время с долей скепсиса и даже цинизма. Мне казалось, что диссидентская среда подошла к этому рубежу без подготовленных решений, никто не думал о крушении СССР. Никто не предполагал, что в бывших советских республиках попытаются повторить то, что Европа прошла два века назад, а это случилось. Казалось, что никто не станет реально воплощать общечеловеческие ценности.

Большое разочарование вызвали события октября 1993 года и война в Чечне. К отцу ведь тогда многие обращались, он был одним из гуру. В общем, получилось так, что молодая демократия не выдержала испытания на прочность. Это при том, что Конституция получилась, хоть и не без изъянов, но вполне приемлемая. Тяжелое впечатление произвел и социально-экономический удар по населению. Ушел из жизни отец, война в Чечне набрала обороты. Я ощутил пустоту. И вместе с тем почувствовал, что надо все-таки действовать, встать в строй.

Ред. В чем это выразилось?

В.Г. В 1995 году мы от Правозащитного центра «Мемориал» поехали в Грозный с Александром Алтуняном. Надо было разгрузить тех, кто уже давно находился там во главе с Сергеем Адамовичем Ковалёвым. Мы общались с военными и прокурорскими начальниками, пытались искать пропавших людей. Я этой деятельностью увлекся, написал доклад. Руководство «Мемориала» пригласило меня на работу, а я к тому времени из Академии наук уже ушел и был вполне готов.

Ред. Чем конкретно вы занялись?

В.Г. Было две программы, на которые имелись гранты: дискриминация национальных меньшинств в Российской Федерации и политические преследования в странах СНГ. Мы ездили тогда по новым государствам довольно свободно, побывали в Казахстане, Азербайджане, Грузии. С 1996 года начали ездить в Белоруссию, я стал своего рода экспертом по режиму Лукашенко. Постоянно контактировал с Галиной Старовойтовой, был помощником депутатов Вячеслава Игрунова и Сергея Ковалёва. В законотворческом плане прежде всего занимался амнистией по чеченским делам и законами

о беженцах и вынужденных переселенцах. К тому времени уже имели место случаи экстрадиции политических оппонентов в страны СНГ. Я общался с их диаспорами в России.

В 1998 году мы побывали в Грузии. Сергей Ковалёв выступал еще и в качестве депутата Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ). Нас принимал сам Шеварднадзе, мы разместились в знаменитой резиденции в Крцаниси. Он принимал радушно и очень хотел показать, что те заключенные, кого считают политическими, на самом деле — уголовники. Ведь в грузинских тюрьмах действительно сидели люди, совершившие покушение на Джабу Иоселиани, но и сам Джаба уже к тому времени сидел. В общем, все друг друга пересажали. Наша группа плотно общалась с Эдуардом Амвросиевичем, и мы сказали ему, что надо объявлять широкую политическую амнистию, на что он ответил: «Я вас понимаю, но еще рано». Через год амнистия была объявлена. Шеварднадзе был одним из немногих, кто на такое пошел.

Ред. Как вы стали директором Института прав человека?

В.Г. В начале 1996 года Комиссия по правам человека под председательством С.А. Ковалёва самораспустилась. Встал вопрос о том, что неплохо бы на месте Российско-Американской проектной группы по правам человека создать мозговой центр, образовать Институт прав человека специально под новые проекты и идеи, в том числе и самого С.А. Ковалёва. Первым директором был (правда, недолгое время) Алексей Коротаяев, потом Институт возглавил я. С 1998 года я — исполнительный директор, а Сергей Адамович — президент. Мы начали небезуспешно работать над отдельными проектами.

Ред. Не взаимодействуя с новым составом Комиссии?

В.Г. У Владимира Карташкина подход был формально-конвенциональный, он же

много лет работал в ООН. До мониторинга по «внутренним» правозащитным проблемам там дело не доходило, занимались тем, что я называю «юридистикой». Скорее уж нам помогал новый омбудсмен Олег Миронов. Он быстро эволюционировал от выступающего за смертную казнь чиновника к неплохому пониманию правозащитных проблем. Но, в общем-то, настоящих государственных, тем более президентских, структур тогда не было. Может быть, при позднем Ельцине это не казалось столь необходимым.

Когда Совет возглавила Элла Памфилова, я с удовольствием стал при нем экспертом. Членом на первых порах не был, на встречах с президентом не присутствовал.

Также я работал над усовершенствованием Уголовно-процессуального кодекса в Госдуме вместе с депутатом Е. Мизулиной. Занимался его апробацией, мы ездили по стране, разъясняли и «поставить» отстаивали отдельные положения нового УПК РФ.

Активно занимались Законом об общественном контроле в местах принудительного содержания⁴⁷, доводили его до ума. Мы работали под руководством Эллы Александровны в различных группах, а также с ее аппаратом и секретарем Совета Вильямом Смирновым. У нашего Института появилось хорошее реноме, хотя у нас было всего пять — семь постоянных сотрудников, остальные работали по грантам.

Ред. Как же вы стали уже членом Совета?

⁴⁷ Имеется в виду Федеральный закон от 10 июня 2008 года № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» // Собрание законодательства РФ. — 16.06.2008. — № 24, ст. 2789.

ПОЗИЦИЯ «Я считаю, что Совет — это самостоятельная

общественная, неформальная, если хотите, структура, которая должна работать по своим собственным внутренним правилам, в первую очередь не бюрократическим, а человеческим. И мы, конечно, при по определению, но это не значит, что Президент или его Администрация могут диктовать нам, что нам делать внутри, при подготовке тех или других решений, будь то обновление состава или более серьезные вопросы».

В.Г. В 2008 году при Президенте Дмитрие Медведеве формировался новый состав Совета. Элла Александровна меня пригласила. Я знал, кто еще войдет, и без колебаний согласился. Одной из проблем было насилие

в милиции. Я попросил Эллу Александровну устроить мне встречу с Владиславом Сурковым по проблемам реформирования МВД. Мы пообщались, он направил меня к министру внутренних дел Нургалиеву.

Тот довольно долго меня слушал, но считал, что все недостатки можно исправить в рабочем порядке. Эффекта никакого не было. Даже обновленное Положение об Общественном совете при МВД было принято совсем не в той редакции, в которой хотелось бы.

В Совете сфера моей деятельности оставалась той же: тюрьмы, суды, полиция. Кроме того, я занимался противодействием

экстремизму, мы разрабатывали документы вместе с сотрудниками Администрации Президента. В то время был создан Правовой центр, где обсуждались идеи гуманизации Уголовного кодекса, в частности по экономическим преступлениям. Порой удавалось внести существенные поправки и дополнения, но в целом многие усилия оказывались напрасными.

В 2010 году с принятием Правительством России Концепции реформы уголовно-исполнительной системы России было принято политическое решение о создании в нашей стране службы пробации. Тем не менее, до настоящего времени такая служба не создана.

...в связи с этим Совет считает необходимым:

1. Принять в 2013 году федеральное законодательство о пробации и ресоциализации обвиняемых и осужденных, в соответствии с которым:
 - органы государственной власти субъектов Федерации будут вправе создавать региональные органы пробации;
 - в структуре ФСИН России в течение трех лет будет создана Служба пробации и ресоциализации;
 - на Службу пробации и ресоциализации ФСИН России, а также на региональные органы пробации, будет возложено:
 - а) наблюдение за поведением обвиняемых, к которым применены меры пресечения, не связанные с заключением по стражу;
 - б) изучение социальных условий, в которых живут данные лица;
 - в) представление суду данных проведенного обследования (досудебного доклада) социальных условий, социальных и психологических характеристик обвиняемого для их учета при назначении размера и вида наказания;
 - г) исполнение видов наказания, не связанных с лишением свободы;
 - д) организация выполнения предписаний суда, связанных с проведением в отношении осужденных мероприятий социального и психологического характера;
 - е) исполнение наказания в отношении лиц, к которым лишение свободы применено условно или отсрочено;
 - ж) исполнение наказания в отношении лиц, которые освобождены из мест лишения свободы условно-досрочно, в связи с заменой наказания более мягким;
 - з) контроль за поведением лиц, которые освобождены от наказания в виде лишения свободы на основании акта амнистии либо акта помилования;
 - и) проведение в отношении указанных лиц на обязательных, а в отношении обвиняемых и освобожденных на основании акта амнистии или помилования — на добровольных началах, реабилитационных и социализирующих программ;
 - к) организация процесса примирения при помощи посредника между потерпевшим и жертвой преступления, проведение примиряющих процедур между обвиняемым и потерпевшим; контроль за исполнением обязательств по заглаживанию потерпевшему причиненного вреда в соответствии со ст. 76 УК РФ;
 - л) формирование у лица, в отношении которого осуществляется пробация, уважительного отношения к правам и законным интересам потерпевших и иных лиц;
 - м) разработка и реализация индивидуальной программы социальной реабилитации.

- численность Службы пробации должна определяться Правительством Российской Федерации по нормативу не более 30 человек на одного сотрудника Службы пробации;
- в целях достижения целей наказания следует предусмотреть возможность краткосрочной (на срок от трех дней до одного месяца) изоляции лица, проходящего пробацию;
- следует рассмотреть возможность передачи отдельных функций пробации подходящим для этого некоммерческим общественным объединениям, имеющим соответствующий опыт деятельности;
- в структуре органов МВД России необходимо восстановить институт инспекторов профилактики.

Из Рекомендаций Совета по итогам специального заседания на тему «Гражданское участие в реформе уголовно-исполнительной системы», 5 апреля 2013 года

Добивались также принятия Закона «О пробации в Российской Федерации и системе органов и организаций, ее осуществляющих». Это система мер социального сопровождения заключенного, когда в том числе составляется его социальный портрет — в период следствия и суда, а также в помощь дальнейшей его ресоциализации. Многие положения согласовали в Рабочей группе Администрации Президента Медведева с подачи Минюста, но в целом закон не прошел. А ведь это важно: человек попадает в трудные условия, особенно, если он, например, инвалид. На Западе и даже в некоторых бывших союзных республиках это уже принятая практика, как и альтернативные меры наказания.

Совместно с Тamarой Георгиевной Морщаковой мы занимались также резонансными уголовными делами, делом Магнитского, организацией общественной правовой экспертизы в связи со вторым делом Ходорковского, приведшей потом к так называемому делу экспертов, старались это донести до властных структур.

Занимались и темой борьбы с коррупцией. У нас борьба с коррупцией понимается все-таки — «как бы лучше наказать виновных?» Причем, в первую очередь, конечно, чиновника, должностное лицо. С моей точки зрения — это путь в тупик. Никогда никакое ужесточение само по себе результата не даст! Не буду отсылать вас к Китаю и Сингапuru — я говорю про нашу страну и про наши традиции. Но, что еще страшнее для меня — это нарушение прав человека, сопровождающее вот эту «показательно-наказательную» борьбу с коррупцией. Мне кажется, что такой подход ошибочен.

Как бы тяжелы ни были коррупционные преступления со стороны должностных лиц — все равно презумпция виновности недопустима.

Ред. Вы тесно соприкасались с политикой?

В.Г. Перед выборами Президента Совет, я считаю, оказался между уличной оппозицией и властью. Я участвовал в мониторинге митингов и демонстраций. Пробивал в соавторстве с коллегами Закон о московском омбудсмене.

В Совете происходили перемены, ушла Элла Памфилова, произошли события конца 2011 года. Частично Совет радикализировался, часть его членов ушла после возвращения Путина на пост Президента. Мы продолжали работать, но летом 2012 года произошло ужесточение Закона о некоммерческих организациях путем введения так называемых «иностранных агентов»⁴⁸.

Когда на место Суркова пришел Володин, он затеял избирать Совет с помощью голосования по Интернету. Вот уж против этой абсурдной идеи я стал «возбуждать». Но некоторые на это соглашались.

⁴⁸ Федеральный закон от 20 июля 2012 года № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» // Собрание законодательства РФ. — 23.07.2012. — № 30, ст. 4172.

Регулирование состава Совета пошло извне, и к ноябрю 2012 года, когда готовился Указ о новом составе Совета, в нем оказались и депутаты Госдумы, и члены Общественной палаты. Я протестовал: зачем этим людям столько должностей, они же не смогут полноценно работать! В итоге Совет стал

более многочисленным, а по качеству, я считаю, он уступает прежнему. Мы не смогли уже протестовать против принятия Закона о государственной измене и других. Я ушел. Михаил Александрович считает меня ренегатом.

нормативный акт и соответствующий национальный превентивный механизм (НПМ) есть в 26 государствах — членах Совета Европы. В Европе это идет как мониторинг, сопровождающий применение основной Конвенции против пыток, у нас же само это понятие

в уголовном законодательстве не прописано, а самой этой идее есть активное противодействие: достаточно, мол, формулировки «превышение должностных полномочий». Хотя удалось сказать об этом Президенту, он кивнул головой и выразил согласие.

ДОКУМЕНТ

Ситуация почти нескрываемого наступления российских парламентариев на ряд конституционных прав граждан очевидна для многих. Это относится и к уже реализуемому ужесточению порядка и административной ответственности за проведение мирных собраний, и к введению цензуры в Интернете под предлогом борьбы с детской порнографией и педофилией, и, наконец, к совершенно избыточному и юридически бессмысленному превращению законопослушных некоммерческих организаций в «иностранцев».

Показательно, что одиозные законопроекты принимаются в необъяснимо спешном порядке. При этом их авторы и лоббисты демонстративно игнорируют Указ Президента РФ от 7 мая 2012 года № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления», которым предписано «сформировать систему раскрытия информации о разрабатываемых проектах нормативных правовых актов, результатах их общественного обсуждения», предоставляя «не менее 60 дней для проведения публичных консультаций».

В этой связи Совет призывает снять с рассмотрения законопроекты № 102766-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента», № 89417-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу ограничения доступа к противоправной информации в сети Интернет» и официально вынести их на общественное обсуждение, чтобы исключить укоренение неконституционных норм и практик.

Еще не поздно вернуться в правовое поле цивилизованного диалога государства с гражданским обществом — в интересах всех россиян и авторитета страны в целом.

Из заявления членов Совета от 3 июля 2012 года, которое подписали: Светлана Айвазова, Людмила Алексеева, Лев Амбиндер, Сергей Воробьев, Светлана Ганнушкина, Валентин Гефтер, Алексей Головань, Даниил Дондурей, Иван Засурский, Кирилл Кабанов, Сергей Караганов, Сергей Кривенко, Ярослав Кузьминов, Борис Кравченко, Фёдор Лукьянов, Тамара Морщакова, Дмитрий Орешкин, Эмиль Паин, Мара Полякова, Борис Пустынцев, Сергей Цыпленков, Ирина Чугуева

Ред. Однако сотрудничество с Советом вы не прекратили?

В.Г. Я активно работаю как эксперт. Занимаюсь тюремным направлением и общественным контролем закрытых учреждений, сотрудничаю с Комиссией по миграции. Вхожу в две межведомственные правительственные группы по тюремным и полицейским вопросам. Предлагал создать

экспертную группу по мониторингу законодательства по правам человека в целом.

Получил одобрение законопроект «О поддержке общественных наблюдательных комиссий». Они особенно помогли бы в местах принудительного содержания.

Еще я занимаюсь продвижением законопроекта «О предупреждении пыток и жестокого обращения». Такой специальный

Ярослав Кузьминов:

«Сверхзадача Совета по правам человека — это соблюдение баланса социальных и гражданских прав»

Ярослав Иванович Кузьминов (родился 27 мая 1957 года в Москве) — российский экономист, общественный деятель, основатель и ректор ФГАУ ВПО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Автор более 100 научных публикаций, изданных в России и за рубежом, соавтор более 10 монографий и учебников. Окончил МГУ имени М.В. Ломоносова. В 1989 году открыл альтернативную кафедру экономической теории в МФТИ. В 1992 году вместе с Е.Г. Ясиным предложил и реализовал концепцию создания экономического вуза нового образца, Государственного университета — Высшей школы экономики (ГУ–ВШЭ), и стал его ректором.

Входит в состав экспертных советов и комиссий, созданных при различных органах власти и по инициативе организаций гражданского общества, в том числе президиума Экономического совета при Президенте Российской Федерации, Экспертного совета при Правительстве Российской Федерации, Экспертного совета при Управлении Президента Российской Федерации по обеспечению конституционных прав граждан, рабочей группы президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции, Совета Фонда «Центр стратегических разработок». В 2014 году избран депутатом Московской городской думы VI созыва.

Указами Президента Российской Федерации награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2012) и орденом Почета (2002). Главный редактор журнала «Вопросы образования», член редколлегии нескольких журналов.

Ред. Ярослав Иванович, слышали ли вы в студенческое время о понятии «права человека» и о правозащитниках?

Я.К. Как человек, много читавший, я был знаком и с Конституцией СССР — не самым популярным документом в то время. Там было прописано много прав, в этом смысле текст основного закона был вполне современен. Другое дело, что право собраний, свобода печати и прочие права были прописаны формально — известно, как они реализовывались. Тогда основной акцент делался на социальные права: право на труд, на бесплатное образование и здравоохранение — именно это было главным содержанием понятия «права человека» в Советском Союзе.

Ред. Ваш отец был экономистом, занимавшимся историей Стахановского движения. Может быть, он акцентировал для вас именно эту, социальную составляющую прав человека?

Я.К. Такой подпитки даже не требовалось. Ситуация была видна невооруженным глазом. Квалифицированные рабочие уже были в дефиците, они зарабатывали на уровне профессора. Соблюдалось и равенство разных видов труда. Я не знаю, может быть, где-нибудь в Узбекистане отправка студентов «на хлопок» и считалась повинностью, но московские студенты пребывание в течение месяца-полтора «на картошке» или «на свекле», соединение умственного труда с физическим, повинностью не считали — ведь в это время не было занятий.

Теперь к вопросу о правозащитниках того времени. Диссиденты вызывали сочувствие как честные и самоотверженные люди, и их преследование я считал неприемлемым, но не видел понятной и приемлемой для себя программы... Я не принимал близко к сердцу их идеалы, считал, что это люди, которые жестко отстаивают свою позицию, идут в противоположном от большинства направлении. Я не чувствовал за ними исторической правды, не пытался настроить себя воспринимать их как защитников наших общих свобод.

«Врагами народа» их уже не называли, та эпоха прошла, но ярлык «отщепенцев» навешивали часто. Как «отщепенцев» я их, конечно, не воспринимал. Тогда «с подковыркой» к официозу относились уже очень многие, внутренне его не принимали, «фига

в кармане» была распространенным явлением. Но ведь не было и внятной альтернативы. В основном к правозащитникам относились с равнодушием — вероятно, в этом была их главная трагедия. Скажем, народолюбцам, например Вере Засулич, сочувствовало гораздо больше людей. В этом смысле я считаю, что советские диссиденты несли очень тяжелый крест, более тяжелый, чем народолюбцы. Но тем выше их заслуга — ведь в равнодушии и был моральный кризис той эпохи.

Ред. А перестройку как человек и как специалист вы приняли?

Я.К. Я не стал участником первых новых движений — кооперативов, совместных предприятий, остался в рядах гуманитариев-обществоведов. Мы восприняли перемены в первую очередь как интеллектуальную свободу. Расширилось поле интеллектуального творчества, все больше можно было сказать, и это давало внутренние силы. Обновилась повестка именно в части поиска конкретных позитивных решений, а не просто, что «надо ругать». В центр общественных дискуссий выдвинулись вопросы, которые раньше казались не относящимися непосредственно к месту и времени. В результате люди, прежде погруженные преимущественно в сугубо профессиональные искания, стали обсуждать обозначившиеся развилки и перспективы. Стало легко говорить, и те, кому было что сказать, это делали.

Что касается меня, то я никогда не любил ходить строем, не рвался в первые ученики. У меня и научная тема была такая, которая никого остро не волновала: экономические отношения при общинном строе. Поэтому в конце 80-х — начале 90-х выяснилось, что мне не за что краснеть. Ну, а если ответить на ваш вопрос одним словом, то перестройку я воспринял позитивно.

Ред. В чем же этот позитивный настрой выразился?

Я.К. Я стал писать некие записки в адрес госорганов, взялся за книгу «Отчуждение труда при социализме». Речь шла об идеях раннего Маркса и труде Эриха Фромма «Иметь или быть?»⁴⁹. Выяснилось, что отчуждение происходит как раз при

⁴⁹ Фромм Э. Иметь или быть? — М.: Neoclassic, 2015. — 302 с.

социализме. Это было наше интеллектуальное открытие, не политическое. Мы работали с Вадимом Радаевым, сейчас — первым проректором Высшей школы экономики, и Эльвирой Набиуллиной, которая позже предпочла заниматься более практической деятельностью. Дальше пошли конкретные проекты. Мы в Физтехе — оплоте свободомыслия — открыли кафедру современной экономической теории, и при выборе между традиционными «партийными» дисциплинами и нашим курсом студенты предпочитали заниматься у нас. Однако нас успели прикрыть.

Ред. Почему?

Я.К. Кто-то «стукнул». Ведь не забывайте, все-таки еще существовал ЦК КПСС. Тогда мы перебрались в МГУ. Параллельно я занимался еще рядом проектов, в частности проектом «Историческое наследие». На рубеже развала СССР мы стали уговаривать советское, а затем новое российское руководство дать ученым возможность заниматься экономической и в целом общественной наукой так, как это делается во всем мире. Это не столько идеологический, сколько практический вопрос: изменения в экономической жизни невозможно было адекватно осмысливать и разумно направлять, опираясь главным образом на то, что было наработано в СССР. Имею в виду даже не догмы, а реальные достижения специалистов, изучавших плановое хозяйство и работу советских госорганов.

Ред. Вы знали, что вопросы защиты прав человека уже начали обретать какие-то формы?

Я.К. Да, я знал, что появилась Комиссия во главе с Сергеем Ковалёвым, он ведь потом стал и Уполномоченным по правам человека; несколько раз общался с ним. Я был очень рад реабилитации репрессированных, восстановлению справедливости.

Ред. Как вы попали в Совет?

Я.К. К сожалению, деталей не помню, кто мне позвонил — тоже. Во всяком случае, я дал согласие, понимая, что такой институт необходим. Я к тому времени уже имел концепцию на этот предмет: надо заниматься соблюдением баланса социальных и гражданских прав, а как раз такой традиции у нас в стране не было, властью и большинством граждан абсолютизировалось первое, а значительной частью интеллигенции — второе. Как раз правозащитники со стажем редко думали о социальных правах, именно поэтому их деятельность недооценивалась широкими массами.

Мы стали проводить исследования, и обнаружилось, что больше всего россиянам не хватает именно социальных прав. Кстати, с началом рыночных реформ эти права наши граждане стали воспринимать острее, в том числе интеллигенция, экономическое положение которой пошатнулось. Задача и в самом деле сложная: восстановить нарушенный баланс в пользу социальных прав, но при этом помочь людям понять, что для их защиты нужно и соблюдение прав политических.

Ред. Попав в первый состав Совета, на чем вы сосредоточились?

Я.К. На законодательстве об НКО. Мы со Львом Якобсоном проводили специальные исследования и на первой же встрече с главой государства (тогда президентом был Дмитрий Медведев) заговорили об этом. Первым взял слово Александр Аузан, потом выступил я. Необходимо было облегчить положение в этой сфере: документы по НКО были тогда более «зарегулированы», чем документация по коммерческим предприятиям. Нужно было хотя бы подравнять НКО с предприятиями малого бизнеса, чтобы при госзакупках и муниципальных закупках они имели одинаковые права.

ДОКУМЕНТ

Я.И. Кузьминов: Руководители НКО, по опросу, ожидают поддержки от властей разных уровней — две трети руководителей НКО об этом заявляют, от населения — только 20%, от СМИ — только 12%. Понимаете? Мы можем — притом что власть делает очень серьезные шаги по расширению того, что она может сделать в рамках собственной ресурсной поддержки НКО, — очень сильно исказить вектор развития некоммерческих, неправительственных организаций в России.

С другой стороны, исследования показывают, что население плохо знает работу НКО и нередко даже подозрительно относится к НКО, не доверяет им. 60% наших граждан готовы к массовой благотворительности, это очень большая доля людей, это столько же, сколько в самых развитых государствах мира. Но большинство пожертвований, 80%, граждане делают в одиночку. Есть примеры, когда работа российских организаций получает-таки широкую поддержку — это когда вовлекаются авторитетные СМИ. Я приведу один пример за отсутствием времени — это инициатива Чулпан Хаматовой, Фонд «Подари жизнь». Крупные СМИ вовлеклись, и действительно, эта инициатива приобрела серьезную поддержку. Но примеры такие единичны.

Мы задавали вопрос: «При каких условиях вы готовы тратить больше денег на благотворительность?» 43% наших граждан отвечают: «Если получим уверенность, что деньги пойдут по назначению». Только 3% увязывают это с налоговыми льготами. Это вполне естественно, потому что массовой благотворительности в России нет, и наша задача — ее сформировать.

Из стенограммы заседания Совета с участием Президента Дмитрия Медведева, 15 апреля 2009 года

Ред. То есть это уже чисто экономическое законодательство?

Я.К. Так и была образована рабочая группа из представителей Минфина, Минэкономики, Минюста и Общественной палаты, в которой я тоже состоял. Возглавил ее Владислав Сурков. Мы вместе разработали ряд поправок в Закон об НКО; надо отметить, что Сурков занимал очень конструктивную позицию. Изменений удалось добиться, но,

к сожалению, проблема до сих не решена окончательно.

Разумеется, законодательство об НКО имеет не только экономические аспекты. Известно, какие острые споры вызывает вопрос о политической деятельности некоммерческих организаций. Я всегда выступал за конкретизацию этого понятия, которая исключала бы расплывчатость, чреватую чрезмерно широкими толкованиями. Собственно говоря, в пользу такого решения не раз высказывался и Президент.

ДОКУМЕНТ

Я.И. Кузьминов: Объем обязательной отчетности должен зависеть от мер государственной поддержки и объема налоговых льгот, которые предоставляет НКО государство. Во всем мире существует порядок, когда НКО, не имеющие преференций, сдают единственный вид отчетности — по уплаченным в бюджет налогам. Нужно подумать, как максимально облегчить процесс отчетности для рядовых НКО, освободив их от дублирования отчетов в налоговую службу и Минюст.

К сожалению, у нас есть примеры (коллеги мои будут об этом говорить), когда работники Минюста запрашивают в том числе всю бухгалтерскую отчетность, включая персональные данные. Наиболее подробные обязательные отчеты должны предоставлять те организации, которые собирают частные пожертвования — пожертвования граждан, или получают бюджетное финансирование. Требование отчетности к таким организациям предстоит урегулировать на следующем этапе, но первые попытки саморегулирования, обеспечение добровольной прозрачности НКО в России уже предприняты. Разработан свод базовых принципов прозрачности и отчетности НКО с внятным механизмом присоединения новых участников. Мы провели экспертную встречу по вопросам обеспечения прозрачности и отчетности НКО, и вот мы вам передали предложения по структуре добровольной публичной годовой отчетности некоммерческих организаций в двух вариантах, которые выработаны участниками этой встречи, состоявшейся несколько недель назад.

Мне кажется, что государство должно оказать массовую, серьезную информационную поддержку через два портала: портал Минюста и портал Общественной палаты, максимально облегчить для некоммерческих организаций переход на добровольную прозрачность.

Из стенограммы заседания Совета с участием Президента Дмитрия Медведева, 15 апреля 2012 года

Ред. Какие еще достижения у вас были за время работы в Совете?

Я.К. Например, мы успешно продвигали поправки в Налоговый кодекс и другие законы, которые благоприятствуют развитию социальной сферы и благотворительности.

ДОКУМЕНТ

Не подлежит налогообложению (освобождается от налогообложения) реализация (а также передача, выполнение, оказание для собственных нужд) на территории Российской Федерации:

- услуг по уходу за больными, инвалидами и престарелыми, необходимость ухода за которыми подтверждена соответствующими заключениями организаций здравоохранения, органов социальной защиты населения и (или) федеральных учреждений медико-социальной защиты;
- услуг по содержанию детей в образовательных организациях, реализующих основную общеобразовательную программу дошкольного образования, услуг по проведению занятий с несовершеннолетними детьми в кружках, секциях (включая спортивные) и студиях;
- продуктов питания, непосредственно произведенных столовыми образовательных и медицинских организаций и реализуемых ими в указанных организациях, а также продуктов питания, непосредственно произведенных организациями общественного питания и реализуемых ими указанным столовым или организациям.

Из Федерального закона от 18 июля 2011 года № 235-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации в части совершенствования налогообложения некоммерческих организаций и благотворительной деятельности»

Ред. Какая атмосфера была в том составе Совета?

Я.К. Элла Александровна — человек и заводной, и эмоциональный, ей очень хотелось, чтобы атмосфера была, как в хорошей семье. И действительно, обстановка была демократичная, делились самыми разными идеями. Было чем делиться, ведь работали в одно и то же время Сергей Говорухин, Сергей Борисов, Александр Аузан, Валерий Абрамки, Леонид Рощаль, Владимир Познер. У меня установились хорошие человеческие контакты с Сергеем Карагановым, Игорем Клямкиным, Тамарой Морщаковой, Валерием Фадеевым. Поэтому, когда возник кризис и Совет покинули Людмила Алексеева и еще некоторые люди, я не стал сразу уходить.

Ред. Вот как раз о вашем уходе, если можно, подробнее.

Я.К. В принципе, я считал на тот момент, что намеченное выполнил. Кроме того, у меня

и других нагрузок было уже в избытке, в частности я был членом Общественной палаты, возглавлял одну из ее наиболее активных комиссий. Но с позицией решивших выйти я не был согласен. Поэтому еще какое-то время (около года) подождал, а потом попросил Президента освободить меня. Подчеркнул при этом, что есть много достойных кандидатов, назвал некоторые. У меня была возможность лично все объяснить, и Президент согласился.

Ред. А сейчас что-то связывает вас с Советом?

Я.К. Многие мои коллеги по Высшей школе экономики постоянно связаны с его работой. Михаил Федотов возглавляет в нашем университете кафедру ЮНЕСКО по авторскому праву и другим правам интеллектуальной собственности. Всего в «Вышке» работают, по-моему, пять членов Совета по правам человека. Кроме того, у нас есть подразделения, которые систематически помогают Совету своими исследованиями и аналитикой. Назову, например, Центр исследований

гражданского общества и некоммерческих организаций. Я с большим интересом слежу за тем, как коллеги участвуют в деятельности

Совета, нередко обсуждаю с ними то, что волнует его членов, и стараюсь им по возможности помогать.

ПОЗИЦИЯ «Мы защищали и будем защищать права людей. Наши студенты, наши преподаватели реализуют свои политические права... Если они нуждаются в юридической помощи, мы будем ее оказывать. Но мы не будем терпеть, если они будут навязывать свою политическую позицию в стенах университета кому-то, университет не для этого».

Ред. Что бы вы хотели пожелать Совету в его нынешнем виде?

Я.К. Решения большего числа конкретных задач. Сейчас в его состав вошел Евгений Григорьевич Ясин, и я надеюсь, что с его приходом усилится работа над реализацией социально-экономических прав граждан.

Я знаю, что он нацелен именно на это.

Ред. Вы считаете, что такой акцент необходим сейчас в связи с непростым положением России в мире?

Я.К. Да, страна сейчас подвергается серьезным внешним испытаниям. Я не считаю, что

это конфликт с демократическими ценностями; это конфликт государственных интересов. Да, США агрессивно продавливают свои подлинные или мнимые национальные интересы, навязывают через СМИ свое видение экономических и геополитических проблем. Для нас в этой ситуации очень важно не потерять наши достижения последних лет: рынок, открытость общества, сохранить свои представительство и влияние в мире, в том числе там, где нас не так уж и любят. Очень важна независимость суда. Ни в коем случае нельзя идти на поводу у тех, кто в условиях этой конфронтации навязывает чуть ли не военный коммунизм. Недопустимо терять конкурентную систему, независимые СМИ. Но нельзя и принимать навязываемые извне решения.

Надо признать, что в общественном мнении произошел раскол. Часть демократов сейчас считает, что национальные интересы значат меньше, чем права и свободы индивида. Они отстаивают своего рода «политический космополитизм» — естественно, не в худшем, не в ругательном смысле этого слова. Они никакие не наймиты, многие искренне убеждены, что интересам России отвечает «глобализация без границ», в том

числе культурных и даже политических. Есть и те, у кого на первом плане частные выгоды (например, представители бизнеса, страдающего от санкций). Впрочем, таких, по моим наблюдениям, гораздо меньше.

Как бы то ни было, но 90% общества смотрят на ситуацию иначе. Я не считаю удачным термин Владислава Суркова «суверенная демократия», но понимаю, что он хотел этим сказать. Это предостережение против навязанных решений. Совет, как мне кажется, старается найти общий знаменатель для разных групп общества, но удается это не всегда. Все-таки Совет воспринимается как «свой» не самыми широкими группами.

Совет, бесспорно, состоит из очень достойных людей, но мне кажется, что он все-таки отражает интересы и взгляды далеко не всего общества. Называя вещи своими именами, он обеспечивает прежде всего представительство интеллигенции. Это, безусловно, нужно, но этого не всегда достаточно, чтобы в полной мере заботиться о балансе политических и социальных прав. Обеспечивать такой баланс, не поступаясь ни теми, ни другими правами, — непростая, но очень важная задача.

Ида Куклина:

«Нынешние структуры — Совет, Общественная палата — встроены в систему и вынуждены работать по ее законам»

Ида Николаевна Куклина (родилась в 1934 году в Костроме) — правозащитник, общественный деятель. Окончила юридический факультет Ленинградского государственного университета, очную аспирантуру Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), кандидат экономических наук, доктор политических наук. Работает в ИМЭМО Российской академии наук ведущим научным сотрудником Центра модернизации и развития, занимается проблемами глобальной безопасности и защиты прав человека. С 1993 года — член (волонтер) Комитета солдатских матерей России, с 1998 года — член Союза комитетов солдатских матерей России (СКСМР — организация, не имеющая наемных сотрудников), избрана Секретарем, членом Правления и членом Координационного совета СКСМР. Член Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека с 2009 по 2012 год.

Ред. Ида Николаевна, в советское время были какие-то моменты, которые приближали вас к правозащитной деятельности?

И.К. Была у меня знакомая (кстати, родственница Ленина). Она четко сформулировала: если государство отхватит от тебя кусочек, то потом разжует и выбросит. Я очень не хотела быть в какой-то системе, но при этом была активной и в 1958 году вступила в КПСС.

Ред. На волне XX съезда?

И.К. В том числе. Мне очень хотелось посмотреть, что там внутри происходит. И, конечно, если бы я не состояла в партии, то не смогла бы, будучи просто женой дипломата, работать за рубежом, в том числе в Азии и Африке, которая захватила меня. В развивающихся странах, в которых мне пришлось жить, разумеется, не все было в порядке с правами человека, в том числе самыми элементарными. На примере этих стран можно было изучать опыт урегулирования региональных конфликтов, миротворческий опыт, понять, что такое апартеид, что мне весьма потом пригодилось.

Ред. Уже после окончания советской эпохи?

И.К. В начале 1990-х я была членом парткома Института мировой экономики и международных отношений и чувствовала, что дело идет к развалу существовавшей системы. Я искала себе применение в этой ситуации и случайно познакомилась с солдатскими матерями — в феврале 1993 года, на конференции, где я выступала по вопросу о миротворческой роли российской армии на постсоветском пространстве. Я сама к ним подошла и предложила свою помощь. У меня, правда, не сын, а дочь, но их тревоги были мне понятны. Буквально через несколько дней М. Кирбасова, председатель Комитета солдатских матерей, позвонила мне и предложила вместе поехать на остров Русский.

Ред. После того, как стало известно о гибели матросов от голода?

И.К. Да, когда уже все ужасы вскрылись. И это заслуга солдатских матерей. С нами летела группа генералов и адмиралов. Ситуация там была просто кошмарная. На этом острове находилось шесть центров обучения матросов, и там вчерашние

призывники болели и гибли от огромного букета разных болезней — от гепатита, воспаления легких и дизентерии до чесотки, жуткого стрептококка и просто от голода⁵⁰. Я считаю, там было хуже, чем в гитлеровских концлагерях, ведь морили своих. «Туалеты» — выгребные ямы — находились в двухстах метрах от лазаретов и казарм. Многие страдавшие дизентерией просто не добежали. Их заставляли это съесть (!). Уголь для топлива обливали водой, она леденела, и матросов заставляли нести этот груз на носилках на поднятых на высоту плеч руках.

Ред. Среди офицеров, мичманов на этом острове были откровенные садисты?

И.К. Я бы не сказала. Это была советская практика призыва, система внутриармейских отношений, особенно на Дальнем Востоке. Был такой период, когда обществу открывалось многое из того, что ранее было скрыто. Попадались ребята, которые вообще никогда не пробовали мяса. Многие у нас спрашивали, как симулировать сумасшествие. Предпочитали находиться в психбольнице, только бы не в армии. Солдатские матери тогда вывезли около ста человек.

Ред. Но ведь были же понесшие наказание?

И.К. Да, командующего Тихоокеанским флотом сняли. А в остальном больше пострадали «стрелочники» — младшие офицеры, мичманы. Сортиры, когда мы через год снова приехали, были уже нормальные. Правда, ключи от них находились у мичманов. А о правах военнослужащих никто и слыхом не слышивал. Вообще, такая организация, как Комитет солдатских матерей, могла возникнуть только у нас.

Ред. А военная прокуратура как на все это реагировала?

И.К. Как раз с военной прокуратурой у нас был контакт, они нас «воспринимали». Помню, у них в приемной был очень талантливый юрист, он к нам относился внимательно, учил нас и говорил: в любом случае надо

⁵⁰ В 1992–1993 годах на о. Русский от голода скончались четыре матроса Тихоокеанского флота России, более 250 моряков попали в госпиталь.

действовать по закону. В общем, отношения сложились. Многие правозащитники нас осуждали именно за сотрудничество с прокуратурой, но мы доказали, что на нашем направлении можно действовать только в диалоге, иначе мы бы ничего не сумели сделать. А на кону ведь были человеческие жизни.

В 1998 году мы добились амнистии для «самовольщиков», «дезертиров» — тех, кто убежал из части из-за побоев, издевательств, спасая свою жизнь. Их были тысячи. В стране действовало около трехсот наших комитетов. Многие беглецы сначала регистрировались у нас, просили помощи. Мы их отправляли на специальный приемный пункт в Москве, открытый военными, контролировали их дальнейшую судьбу.

Ред. Это мы уже по времени забегаем вперед. Ведь Комитет очень мощно проявил себя во время первой чеченской кампании.

И.К. Да, причем мы развитие событий в Чечне зафиксировали еще на предварительной стадии. Из Солнечногорска, где стояла танковая дивизия, в сентябре прибегает солдатик, сообщает: нас хотят продать в Чечню воевать за миллион рублей, а потом обещают дембель. Несколько человек из разных наших организаций, в том числе я с коллегой, отправились туда.

С Дудаевым нам с ходу встретиться не удалось. Принимал нас сперва его министр иностранных дел Юсуф — иорданец, огромный мужчина, пальцы все в кольцах. Просили показать нам хотя бы одного пленного русского солдата, но ничего не добились. Потом нас допрашивал Абу Арсанукаев, начальник личной охраны Дудаева. Он все не мог понять, почему мы его не боимся, хихикаем. Очень было смешно, что он видел в нас шпионок. В итоге

признали, что мы — не шпионы, но и делать в Чечне нам нечего.

Вообще, об этих поездках в Чечню много можно рассказать. Отмечу главное: мы были рабочей силой антивоенного характера. Нас поддерживал Олег Орлов из «Мемориала», он, пожалуй, единственный из правозащитников считал, что деятельность солдатских матерей не надо «координировать» (желающих было много), а надо им помогать. Ведь там, в Чечне, были толпы матерей, разыскивающих своих детей. Мы вплоть до 1997 года разрабатывали для них поисковые маршруты. В отдельные периоды по всей Чечне бродило до 500 солдатских матерей.

Ред. Как вы действовали в таких условиях, во время постоянных боевых действий?

И.К. Главный наш лозунг был: нельзя убивать своих граждан! Армия — для обороны! Находили точки опоры в международном законодательстве. Прилагали усилия, чтобы спасти военнослужащих по призыву из плена, их уже довольно много было. Огромную работу провела Юлия Горячева, она действовала как опытный юрист, будучи инженером по образованию. Она освободила от ответственности около 300 «отказников» от направления в Чечню, по каждому в отдельности были подготовлены документы.

Ведь поначалу их некоторые ястребы хотели расстреливать — по законам военного времени. А мы доказывали, что война незаконна. Не раз спрашивали в письмах Президенту, как квалифицировать то, что происходит в Чечне (варианты, как помнится, менялись). А на деле это был прежде всего гражданский конфликт, из-за участия армии превратившийся в войну, рожденную плохой политикой и хаосом распада.

ДОКУМЕНТ

Комиссия вынуждена констатировать, что положение дел с соблюдением прав человека в Вооруженных Силах, о чем говорилось в докладе Комиссии за 1993 год, не только не изменилось к лучшему, но и по многим направлениям даже осложнилось.

На ситуацию в армии в значительной мере оказали влияние использование Вооруженных Сил и других войск Российской Федерации в вооруженных конфликтах как внутри России, так и за ее пределами, а также вывод войск из стран ближнего и дальнего зарубежья на территорию России и связанные с этим трудности размещения и обустройства.

Нормативная база почти не изменилась, за исключением не снискавших положительного отношения со стороны общества законов об ужесточении правил призыва и увеличении срока

военной службы. Многие вопросы, имеющие принципиальное значение, нередко регулируются ведомственными актами. Так, приказом министра обороны Российской Федерации № 404 от 13 августа 1993 года было введено в действие Временное положение о порядке заключения контрактов и увольнения военнослужащих из Вооруженных Сил Российской Федерации. Этим приказом закреплено неравенство сторон: военное ведомство умалчивает о своих обязательствах по предоставлению льгот и преимуществ лицам, заключающим контракты на военную службу.

Закон «Об альтернативной службе» так и не вышел из стен Государственной Думы. Опасность преследования лиц, не желающих проходить военную службу по пацифистским и другим убеждениям, сохраняется. По данным Института религии и права, среди лиц, осужденных с 1993 года за отказ от военной службы, отказников по убеждениям совести было свыше 700.

Из Доклада Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации «О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации в 1994–1995 годах»

Ред. Вы взаимодействовали с Комиссией по правам человека?

И.К. Мы поддерживали С.А. Ковалёва, никаких разногласий у нас не было. Просто мы работали оперативно по конкретным делам — и с ковалёвской Комиссией, и с «Мемориалом» были совместные документы, была взаимная поддержка.

Невыносимо было видеть раненых и умирающих. Я буду всю жизнь помнить солдата, которого видела в январе 1995 года на операционном столе, солдата без рук и без ног, но живого. Было очень страшно. Помню двух вызволенных из плена. Один — настоящий красавец, не выдержал трехмесячного сидения в зиндане, получил серьезную психическую травму. Другой, маленький мальчик из Сибири, выдержал, но все держал руки домиком — привык к наручникам. Трогательно, по секрету, признался мне, что

все собранные ему нами на дорогу деньги он истратил на покупку кассет с песнями о Чечне.

До марта 1995 года многих пленных вывезли, потом стало сложнее. Чеченцы перестали отдавать пленных. Я помню, как убеждала депутата Виктора Шейниса не поддерживать решение Госдумы о возможности обмена чеченцев, осужденных в России за серьезные преступления, на пленных. Но — разрешили, и началась работоторговля.

Еще могу отметить, как зарубежную помощь мы сумели использовать для наших целей. Немецкие женщины помогали, несколько женщин из Швейцарии. Хотя они до конца не могли понять, что у нас происходит. Деньги мы раздавали матерям в Чечне в обмен на расписку с краткой историей поисков. Эти истории были опубликованы женской миротворческой организацией в Германии.

ПОЗИЦИЯ «Наши власти пытаются силовым путем исключить всякое выражение протеста. В Конституции нет никаких оговорок о том, как реализовывать право

на демонстрации. Вы можете
подать заявку на митинг
на какой-либо улице, а вам
ответят, что это невозможно,
и предложат в принципе
для вас неприемлемый вари-
ант. А по Конституции вы
можете реализовывать свое
право там, где хотите. Такая
форма протеста будет эффек-
тивной, если вас видят, поэ-
тому нужно проводить акции
на центральных улицах.
В этом суть конституцион-
ного права».

Ред. А как вы попали в Комиссию по правам человека?

И.К. С Эллой Александровной Памфиловой мы шли на выборы еще в 1995 году, она нас знала. Сотрудничали, когда она организовала «Гражданское достоинство». Она меня пригласила, и я согласилась.

Ред. Чего вам удалось достичь в качестве члена Комиссии?

И.К. В 2005 году удалось повысить пенсии военнослужащим по призыву — инвалидам первой группы, пострадавшим в Чечне. Они получали буквально гроши. Путин, в принципе, нас поддержал, но кабинет Касьянова,

а потом Фрадкова ничего не делал. На встрече с Президентом я хотела об этом сказать, но тут меня прервал господин Марков, которому очень хотелось произнести речь. Путин ее выслушал и двинулся к дверям, сказав: «Спешу, меня давно ждет Лукашенко».

И тут я, забыв о приличиях, заорала: «Подождите две минуты!», после чего заявила: «Два премьера ничего не сделали по вашим замечательным резолюциям о пенсиях военнослужащим по призыву, что же нам с ними делать, повесить на стену и молиться?» Путин остановился, объяснил, что для правительства что-то там неясно, а я ему: «А Вы Указом проведите!» В итоге пенсии были повышены на 40% Указом Президента РФ.

Во время военного конфликта с Грузией в 2008 году солдат по призыву отправляли за рубеж незаконно, но обещали, что все получат статус участника боевых действий. Но дальше обещаний дело не шло. Нам удалось через СПЧ убедить Медведева издать соответствующий Указ. Однако документы были не у всех, не было записей в военных билетах, зачастую не находилось необходимых приказов командиров частей и т.п. Не удивлюсь, если многим так и не удалось их найти, несмотря на наши жалобы, предложения и обращения в Минобороны, которое этой проблемой должно было заниматься.

В Комиссии по военно-гражданским отношениям внутри Совета я настаивала на открытии в военном бюджете статей, касающихся прав человека. Мы доказывали, что действующая система призыва затратна и неэффективна, а также нарушает права военнослужащих. Но Минобороны это не волновало. Мы представляли достаточно детальные расчеты по медицинским расходам на призыв, расходам на питание, транспортировку призывников к местам службы и др. Все наши усилия напоминали бег по кругу, поскольку они были обусловлены имманентными качествами принудительного

призыва. Уполномоченный по правам человека в РФ В.П. Лукин и Счетная палата РФ нас поддержали, но общественного признания эта инициатива не получила, бюджет остается закрытым.

Ломались копыя и по поводу призыва аспирантов. Мы считали, что призывать их до окончания аспирантуры нецелесообразно, учитывая потребности России в развитии человеческого потенциала.

Нужно иметь в виду, что моя личная позиция всегда совпадала с позицией организации, которую я представляла в Совете. И для нас это не просто теоретическое обсуждение вопроса, как хорошо жить при демократии или как прийти к демократии, для нас это еще и конкретный человек, что мы можем для него конкретно сегодня сделать. На одном из заседаний Совета я ставила вопрос о выплатах родителям погибших военнослужащих. До сих пор существует эта проблема, когда компенсационная выплата делится «на всех членов семьи, включая погибшего». Мы считаем такую формулировку, как минимум, безнравственной.

Постоянно возникали у меня споры с Сергеем Кривенко по поводу «альтернативщиков», проблемы которых были очень важны для него. В свое время Совет Европы поставил России условие для вступления в СЕ: ввести альтернативную службу, но не гражданскую, а военную, то есть вспомогательную службу без ношения оружия. А военные постарались и добились принятия такого закона об альтернативной службе, чтобы на нее никто не шел. Солдатские же матери считали, что России нужна не искалеченная законом альтернативная служба, а отмена принудительного призыва и переход к контрактной системе. После того как срок службы сократился до одного года, споры вокруг альтернативной службы вообще утратили смысл, а военные все утверждают, что действующий закон — это элемент демократии, а вообще-то, альтернативная служба не нужна, это не для нас.

ДОКУМЕНТ

Совет при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека добился улучшения материального положения инвалидов вследствие военной травмы.

По инициативе Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека Президентом РФ подписан Указ от 1 августа 2005 года № 887 «О мерах по улучшению материального положения инвалидов вследствие

военной травмы». В соответствии с Указом ежемесячную прибавку к пенсии получают более 90 тысяч военных пенсионеров, ставших инвалидами вследствие травм, полученных ими при исполнении своего воинского долга. Помимо этого Президент РФ настоял на том, чтобы соответствующие надбавки к пенсиям начали выплачиваться не с 1 января 2006 года, как предлагалось Правительством РФ, а уже с 1 сентября текущего года.

Только благодаря настойчивости Совета и прямому вмешательству Президента вопрос решен.

Из Краткого отчета Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека за 2002–2008 годы

Ред. Почему вы вышли из состава Совета?

И.К. Я считаю, что в отличие от правозащитников, работавших в 90-е годы, нынешние структуры — Совет, Общественная палата — встроены в систему и вынуждены работать по ее законам. А я, как уже говорила, — человек внесистемный. Плюс возраст — пусть приходят молодые. Наконец, главную задачу мы решили. Теперь, когда я слышу слово «контрактник», сам факт его употребления я отношу и на свой счет. Ведь этого мы еще при Ельцине добились. Он в мае 1996 года подписал Указ о переходе к строительству профессиональной армии⁵¹.

Кстати, не знаю, насколько справедливо обвиняют в коррупции экс-министра обороны Сердюкова, но он сделал для армии очень важную вещь. Он разрушил гниющие останки Советской Армии, снял с плеч Вооруженных Сил РФ тяжкое бремя — военные городки, очень сильно сократил «Арбатский военный округ», перетряс систему управления Вооруженными Силами РФ, расчистил поле для подлинной военной реформы. А то ведь много лет все «реформы» сводились у нас к вечно кризисной проблеме — жилищному строительству.

51 Указ Президента РФ от 28 мая 1996 года № 791 «О дополнительных мерах социальной защиты военнослужащих, проходящих военную службу по призыву» // Собрание законодательства РФ. — 03.06.1996. — № 23, ст. 2752.

Стареющее военное лобби разве может быть этим довольным? А коррупция — где ее нет?

Ред. Сейчас Минобороны возглавил человек с безупречной моральной репутацией.

И.К. Шойгу тот же курс держит. А вот при Сергее Иванове была принята целевая программа по развитию контрактной системы, а куда делись деньги, выделенные на нее, неизвестно. Сейчас в развитии реформы Вооруженных Сил РФ начали проявляться новые, весьма сложные тенденции, значение которых еще слабо осознается как обществом, так и армией. Мир меняется слишком быстро.

Ред. Вы не прерываете общение с Советом?

И.К. Я осталась экспертом Совета, работаю с документами, занимаюсь, как и прежде, армейской тематикой и сохраняю прекрасные отношения с Михаилом Александровичем Федотовым. И его, и Эллу Александровну люблю и уважаю.

Я благодарю судьбу, которая связала меня с солдатскими матерями. Движение солдатских матерей — это абсолютно уникальная форма проявления гражданской активности. Материнская любовь бескорыстна и безгранична. На фоне того, что пережили, чему научились и чему научили солдатские матери, все наблюдаемые сдвиги в сторону ограничения правозащитной деятельности рамками социальных проблем кажутся мне просто одним из направлений государственного контроля гражданской активности на гуманитарной подкладке.

Дмитрий Орешкин:
«Тема фальсификации выборов стала постоянно обсуждаться, вызывать протесты. Это заслуга Совета»

Дмитрий Борисович Орешкин (родился 27 июня 1953 года в Москве) — российский политолог и политгеограф. Окончил географический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, аспирантуру Института географии Академии наук СССР. Кандидат географических наук. Занимался научной журналистикой. Работал в Институте географии Академии наук СССР (Российской академии наук). В 1989–1990 годах занимался научным обеспечением международных телевизионных проектов по СССР для ЮНЕСКО, BBC (Великобритания), ABC (США), «Асахи», NHK (Япония). В 1993 году совместно с Андреем Скворцовым и Александром Беляевым создал аналитическую группу «Меркатор» (Mercator Group), которая занимается изготовлением электронных карт для ТВ.

Член Совета по развитию гражданского общества и правам человека с 2009 по 2012 год.

Ред. Дмитрий Борисович, с какого момента вы ощутили интерес к проблемам прав человека?

Д.О. До 35 лет я был далек от политики. Жил всю жизнь в Союзе, о другом не мыслил. При этом, конечно, понимал, где живу. Сознал, что ни в философии, ни в истории, ни в любых других гуманитарных сферах делать нечего, поэтому и пошел в географию. Меня очень раздражало, что невозможно достать книги, которые мне нравились: Мандельштама, Набокова... С неприязнью наблюдал, как оттирают Твардовского от прекрасного журнала «Новый мир», гнобят человека. Он хорошо писал по-русски, а условный Анатолий Софронов — плохо. Я мог бы повторить вслед за Андреем Синявским, что у меня с Советской властью «расхождения стилистические». Но все это было на среднеинтеллектуальном уровне, сил, чтобы стать борцом, я в себе не чувствовал.

Я тихо занимался своей наукой — палеогеографией. Быстро защитил кандидатскую. Было интересно — мамонты, древние ледники, колебания климата. Стал писать об этом в газетах. Опыт и связи потом пригодились.

Ред. Когда?

Д.О. Когда началась эпоха гласности. Выяснилось, что руководство очень слабо знает и плохо понимает страну, которой руководит. Вообще, СССР был единственной страной, где социальная география считалась менее важной, чем физическая. И вот вдруг выяснилось, что в Москве, Дагестане или Якутии, не говоря уже о союзных республиках, могут быть разные социальные реакции на одни и те же проблемы — вплоть до диаметральных расхождений. В Средней Азии свои ценности, а в Прибалтике — совсем другие, протестантская этика. География неожиданно оказалась востребованной. С группой «Меркатор»⁵² мы стали делать электронные карты для НТВ, подвели итоги электоральной статистики. Почему голосуют так, а не этак? Что предопределило явку? Ведь не все зависит

52 Кроме сотрудничества с телевидением группа «Меркатор» обеспечивала аналитическую поддержку и отображение хода и результатов федеральных выборов депутатов Государ-

ственной Думы ФС РФ и Президента России, сделала электронный Атлас кризисных ситуаций для Совета безопасности России.

от душевых доходов, многое определяет тип расселения — деревенское, городское... Культура, традиции...

Очень непростыми оказались итоги референдума 1991 года. Республике на западе Союза вкладывали в него свое содержание, восточные республики — иное, добавляли свои формулировки, свои фразы. Михаил Горбачев думал, что СССР — это огромный линкор, который можно переложить с восточных румбов на западные, а линкор в ходе маневра развалился. Республиканские элиты на востоке страны никакой демократии не хотели, только сильнее уцепились за тоталитаризм. А Центр уже не имел ресурсов, чтобы их заставить. Пример тому — Узбекистан и, особенно, Туркмения, где бывший партийный функционер стал великим вождем Туркменбаши. Вот так и начал совершаться мой переход от традиционной научной работы к изучению социальных проблем регионов и развитию картографии для СМИ.

Ред. Это уже стало соприкасаться с политикой?

Д.О. Конечно. Ведь выявляется территориальная дифференциация типов электората, появляется понятие «красный пояс». А в Ярославской области, наоборот, недолюбливают коммунистов. Выявляются стереотипы электорального поведения. В Астраханской области они одни, в Архангельской — другие. Даже между рядом находящимися Смоленской и Тверской областями есть различия. Тогда от избирателей зависело значительно больше. Но в нулевые годы Москва (точнее, Кремль) политически укрепилась и за счет своего административного ресурса начала «продавливать» нужных ей депутатов. Тут уже все зависело от того, как местные элиты договорятся с Кремлем.

Когда пришел В.Е. Чуров, стало невооруженным глазом видно, что выборы — это циничные игрища. Да им уже и не нужны стали аналитика, география — как приказано, так и сделают. О чем говорить? Стало скучно и противно. И я с ними расстался.

Доля фальсификата на глазах росла, я писал об этом все чаще. Тогда и стал контактировать с такими людьми, как Людмила Алексеева, Лев Пономарев. Потом мне позвонила Элла Александровна Памфилова, я был призван как эксперт по электоральным вопросам. Затем последовал звонок от Суркова, мне предложили войти в Совет

по правам человека. Там были интересные люди. Они мыслили самостоятельно, с ними я мог не соглашаться, но все равно это было содержательное общение. Они были готовы слушать и единомышленника, и оппонента.

Ред. Ваша работа как-то изменилась после вхождения в Совет?

Д.О. Борцом я все равно не хотел становиться, но меня жутко возмутила травля Александра Подрабиника. Помните скандал вокруг закуской «Антисоветская»? Узнали домашний адрес человека, начали всякие пакости в почтовый ящик кидать, хотя по

закону адресом можно пользоваться только с разрешения самого гражданина. Налицо было нарушение законодательства. Многие члены Совета, в том числе и я, выступили в поддержку права человека на частную жизнь. Из-за нас Элла Александровна Памфилова пережила неприятные моменты, началась клеветническая кампания и против нее. Ее какая-то околкремлевская мартышка то ли из «Наших», то ли из какой-то Палаты обвинила в подлоге, говорили, что Памфилова не имела в Совете консенсуса по этому вопросу, а она по уставу и не должна была его иметь — достаточно было простого большинства, которое было.

ПОЗИЦИЯ «В США Совет по правам человека при Президенте выглядел бы глупо. Там человек идет в суд, и суд защищает его конституционные права. Из этого следует, что само существование такой организации, как СПЧ, в России есть косвенное признание того, что эти права в нашей стране не соблюдаются...

Но, конечно, лучше, что СПЧ все-таки есть, чем если бы его не было вообще. Причем лучше в первую очередь для главы государства. Это мы видели вчера на примере Закона о госизмене. Путин как бы даже удивился, мол, специалисты вроде смотрели законопроект, да что-то там просмотрели, и обещал подумать. Такая организация, как СПЧ, оставляет власти свободу для маневра».

Ред. Какие моменты времен вашей работы в Совете запомнились?

Д.О. Помню встречу с Президентом Медведевым в Кремле. У него было временное видение многих проблем, но он явно не был достаточно самостоятельным. Электоральные фальсификации продолжались и даже усиливались. После выборов в Мосгордуму в 2009 году три партии приняли демарш, не являлись на заседания

Госдумы, правда, их ненадолго хватило. И вот на встрече с Президентом мне по-партизански выделили три минуты на выступление за счет одного из согласованных докладов (спасибо коллегам, прежде всего Елене Панфиловой — это она временно поделилась). Я привел данные, которые показывали расхождения при подсчетах до 30%. Президент признал, что выборы были «нестерильными», заверил, что это не повторится.

Д. Б. Орешкин: Рискну сказать немножко о выборах и манипуляциях. Ситуация ухудшается, и на это надо обратить внимание. Если на думских выборах 95-го года число территориальных избирательных комиссий со статистически значимыми признаками сомнительных отклонений составляло порядка 400, точнее говоря, 398, то на выборах в Думу в 2007 году их число увеличилось до 850 и составило практически треть общего числа территориальных избирательных комиссий.

...Что самое печальное, фальсификации превращаются в допинг, без которого, скажем, партия власти, как выдохшийся спортсмен, уже не может обеспечивать нужный результат. Что будем делать в марте? Новость еще и в том, что ныне электоральные фальсификации стали фактом общественного мнения, как ни крути. О них говорят в открытую, рассказами полон Интернет. Так что надеяться, что мы их не будем замечать, точнее говоря, общество их не будет замечать, нет оснований, скорее, наоборот. Интернет освоил технологии выявления сравнения расчета фальсификаций, и «эту песню не задушишь, не убьешь».

Выборы понемногу перестают быть инструментом диалога между властью и обществом. Обе стороны получают искаженные сигналы. Надувается пузырь такого отчетного благополучия, похожий на обычный спекулятивный и биржевой. Усиливается инфляция электоральных цифр. Раньше или позже пузырь лопнет. В наших общих интересах остановить процесс как можно раньше.

Позитив, пожалуй, заключается в том, что гражданские институты сегодня уже способны и, по-моему, даже готовы не только критиковать и жаловаться, но и предложить новый, я бы сказал, правовой, прозрачный, неконфронтационный, даже не связанный с кадровыми решениями или какими-то политическими обидами такой механизм плавного, постепенного выхода из ситуации. Я имею в виду институт общественного, может быть, президентского, независимого контроля, аудита правоприменительной практики в сфере выборов на примере для начала одного из регионов весной.

Из стенограммы заседания Совета с участием Президента Дмитрия Медведева, 23 ноября 2009 года

Однако повторилось. Мне стало ясно, что или возможности Президента ограничены, или ситуация его устраивает. Он не царь, должен соблюдать баланс интересов, тут много факторов. Логика «выборы должны быть честными» приносится в жертву консенсусу региональных элит; наверху главный приоритет — не закон, а целостность державы. Они боятся, что на честных выборах и в Дагестане, и в Чечне много набрали бы исламисты. А так — все под контролем, рисуют такие цифры, какие надо. Когда в Чечне результат достигает 99,8%, что тут комментировать? Но Кремль делает вид, что так и надо.

Да, в некоторых европейских странах девизу «Закон превыше всего» тоже не всегда следуют. Но это не самые продвинутые страны, вот в чем дело. А у нас это делается легко, чтобы сохранить себя, любимых, во власти. Внутреннее оправдание — мол, для

стабильности страны. Я бы это назвал «коррупционной скупкой лояльности регионов». Поэтому призыв Валерии Новодворской к бескомпромиссно честным выборам — это сценарий для Германии и Англии. У нас еще не выходит: или вы имеете Чечню с кадыровскими выборами и кадыровской политикой, или вы не имеете Чечни вообще.

Ред. В рамках Совета что вы этому смогли противопоставить?

Д.О. Выделю главное: тема фальсификации выборов стала постоянно обсуждаться, вызывать протесты. Это заслуга Совета, он стал об этом говорить, а не я персонально. Это стало возможным благодаря Элле Александровне Памфиловой и Михаилу Александровичу Федотову.

Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека на своем специальном заседании по теме «Соблюдение прав человека в ходе парламентских выборов 2011 года», выслушав информацию представителей Генеральной

прокуратуры РФ, Следственного комитета РФ, МВД России, Московского городского суда, а также некоммерческих организаций «Российский фонд свободных выборов», «Гражданский контроль», «Ассоциация «Голос», «Независимый институт выборов», проекта «Гражданин наблюдатель» и независимых экспертов о нарушениях избирательных прав граждан на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ, принял следующее заявление:

Констатировать, что многочисленные сообщения о вбросах избирательных бюллетеней, переписывании протоколов об итогах голосования, необоснованном удалении наблюдателей и журналистов, запрете фото- и видеосъемки, других нарушениях избирательных прав, а также необъяснимые парадоксы избирательной статистики вызывают массовое недоверие граждан к результатам выборов. Это влечет нравственную и политическую дискредитацию избирательной системы и сформированной на ее основе нижней палаты парламента, создает реальную угрозу российской государственности.

В связи с этим Совет считает необходимым:

- выразить недоверие председателю Центральной избирательной комиссии В. Е. Чурову и предложить ему уйти в связи с утратой доверия. В условиях текущей избирательной кампании этот пост должен немедленно занять человек с безукоризненной репутацией, пользующийся авторитетом в гражданском обществе;
- срочно рассмотреть сообщения о нарушениях избирательного законодательства, привлечь к уголовной ответственности лиц, виновных в фальсификации итогов голосования, расформировать избирательные комиссии, по вине которых были искажены результаты волеизъявления избирателей;
- до президентских выборов 2012 года обновить состав избирательных комиссий, исключив из них тех, кто дискредитировал себя нарушениями избирательного законодательства; освободить их от уголовной и административной ответственности в случае деятельного раскаяния;
- обеспечить максимальные гарантии честного и свободного волеизъявления граждан на президентских выборах 2012 года, прежде всего неукоснительное соблюдение прав наблюдателей и журналистов;
- обеспечить скорейшее принятие нового избирательного законодательства с целью проведения на его основе досрочных парламентских выборов;
- создать переговорный механизм с целью достижения справедливого общественного договора между гражданами и властью при переходе к новой политической реальности.

Решение Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека от 23 декабря 2011 года

Ред. Почему же вы покинули Совет?

Д.О. Да ведь власть все эти выступления Совета игнорирует, и я понял: пора уходить. Это было в 2012 году. Путин тогда получил 63%, а на самом-то деле у него был 51% плюс-минус 2%. Это уже ставит под сомнение победу в первом туре. Нет никаких сомнений, что во втором туре он победил бы. Но в первом была грубая и существующая фальсификация. Конечно, в разных регионах был разный масштаб. По стране в целом все выравнивается, но, я думаю, фальсификации возможны в пределах 10–15 процентных пунктов. В Москве после событий 2011 года, декабрьского выхода на Болотную площадь, московская избирательная комиссия существенно снизила уровень фальсификата. Дальновидный Собянин ввел на это

дело ограничения, там стали считать честнее. А Чечня, Дагестан, Петербург... Какая тут может быть научная или юридическая добросовестность?

Ред. Сейчас вы с Советом в контакте?

Д.О. В качестве эксперта Совета я не выступаю. Там действует группа по защите электоральных прав, в ней есть очень достойные люди, я им искренне сочувствую. Но реальных подвижек не вижу, хотя они честно стараются. Альтернатива такая: остаться в Совете, чтобы хоть что-то реальное сделать (при этом своим добрым именем подерживая то, что происходит), или уходить. Они пошли по первому пути — дай им Бог. Я пошел по второму. Не уверен, что это правильно, но иначе как-то не получалось.

Олег Орлов:

«В Совете при Президенте сидят те самые «иностранные агенты», которых уничтожают с помощью Закона, подписанного Президентом»

Олег Петрович Орлов (родился в 1953 году в Москве) — биолог, правозащитник. Окончил биологический факультет МГУ. В 1988 году стал членом инициативной группы «Мемориал». Участвовал в деятельности избирательного блока «Выборы-90», был доверенным лицом правозащитника Сергея Ковалёва на выборах в Верховный Совет РСФСР, а после его избрания работал в аппарате Верховного Совета, занимал должность ведущего специалиста Комитета по правам человека. Участник правозащитного движения в постсоветской России. Бывал в качестве наблюдателя в зонах вооруженных конфликтов в Армении, Азербайджане, Таджикистане, Молдове, зоне ингушко-осетинского конфликта на Северном Кавказе, в Чечне участвовал в переговорах об обмене пленными и инспектировал госпитали и лагеря для военнопленных. Соавтор многих докладов «Мемориала». Сотрудничал с Комиссией по правам человека, возглавляемой С. А. Ковалёвым, на общественных началах как эксперт. В 2004–2006 годах был членом Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека. Председатель совета Правозащитного центра «Мемориал», член правления одноименного международного историко-просветительского общества. В 2012 году покинул пост председателя совета «Мемориала», оставшись при этом членом правления. Член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ. Лауреат премии «За свободу мысли» имени Андрея Сахарова (2009). Член федерального политсовета движения «Солидарность».

Ред. Олег Петрович, истоки ваших правозащитных убеждений — в семье?

О.О. В принципе, это так. Я был школьником, безоговорочно верившим, что все вокруг хорошо и справедливо. Меня торжественно приняли в пионеры в Музее Ленина, и я, когда в восторженном настроении пришел домой в новеньком пионерском галстуке, был удивлен очень сдержанной реакцией родителей на это событие. Потом у меня состоялся серьезный долгий разговор с отцом. Он с трудом подбирал слова, чтобы объяснить ребенку, что есть сложные вопросы, что на жизнь надо смотреть внимательно и критически. Отец был серьезный специалист, электронщик, работал на космос. Как многие мыслящие интеллигенты того времени, он находился под впечатлением известных решений XX и XXII съездов. Но в критическом осмыслении советской действительности он пошел значительно дальше, дома у нас постоянно появлялись материалы «самиздата» и «тамиздата», по вечерам, пробиваясь через глушилки, звучали «голоса». Отец объяснил мне, что информацию надо получать из разных источников. В общем, он прививал мне критический взгляд на происходящее. И привил.

Ред. Во что это тогда вылилось?

О.О. Я очень уважал диссидентов-правозащитников, выступавших открыто, но считал, что их деятельность — путь исключительно к «самопосадке». Хотел действовать по-другому, создать нелегальную структуру, но не нашел желающих и в итоге стал действовать в одиночку. Я изготовил дома гектограф и начал печатать листовки. Тем хватало. Возвращались солдаты, отслужившие в Афганистане, рассказывали, что там творится. Потом в Польше дело пошло к подавлению оппозиционного профсоюза «Солидарность», многие ожидали, что туда будут введены советские войска. Свое видение этих событий я, как мог, пытался разъяснить в листовках.

Ред. Они были анонимными?

О.О. Нет, я их подписывал «Группа действия». Хотел создать впечатление, что таких, как я, много. Конечно, это был путь в никуда, и, наоборот, деятельность таких людей, как Л. И. Богораз, С. А. Ковалёв, А. Д. Сахаров, реально оказала большое влияние на развитие ситуации в стране.

Ред. Когда пришел к власти Горбачев, вы занимались уже только общественной деятельностью?

О.О. Нет, я работал в Академии наук в Институте физиологии растений, мне это было интересно. Но с началом перестройки открылись новые возможности для легальной общественной работы, появились «неформалы», самые различные неправительственные организации. Я стал искать единомышленников и после ряда встреч и знакомств примкнул к «Мемориалу», где остаюсь по сей день. Когда мы начинали, мы были практически единственной общественной структурой. Сейчас, к счастью, кроме нас в России уже много таких же структур. Куда это движение пришло — вопрос открытый. Добились ли мы тех целей, которые ставили перед собой или произошел провал?

Ред. О работе Комиссии по правам человека вы, конечно, знали.

О.О. Конечно. Еще до создания Комиссии я работал с Сергеем Адамовичем как руководителем его избирательного штаба. Он был избран депутатом Верховного Совета РСФСР, где возглавлял Комитет по правам человека. Ковалёв предложил мне пойти в парламентский аппарат, стать чиновником, сказав при этом значимую фразу: «Надо это время использовать, оно может не затянуться».

Для меня принятие такого решения было ломкой, я советовался с друзьями. На работе проявили понимание, даже директор нашего института, что называется, благословил меня. Так я стал ведущим сотрудником в аппарате парламентского Комитета по правам человека.

Ред. Тогда ведь принимались принципиально новые законы.

О.О. Да, за период с 1990 по 1993 год был принят ряд важных законов. Часть из них разработывал наш Комитет по правам человека. Достаточно назвать такие законы, как «О реабилитации жертв политических репрессий»⁵³, «О беженцах»⁵⁴, Закон о пенитенциарной системе⁵⁵. Их принятие

53 Закон РФ от 18 октября 1991 года № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. — 31.10.1991. — № 44, ст. 1428.

54 Федеральный закон от 19 февраля 1993 года № 4528-1 «О беженцах» // Ведомости СНД и ВС РФ. — 25.03.1993. — № 12, ст. 425.

55 Закон РФ от 21 июля 1993 года № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // Ведомости СНД и ВС РФ. — 19.08.1993. — № 33, ст. 1316.

повлияло на жизнь массы людей. Ведь, например, до этого за невыполнение нормы выработки в исправительных лагерях наказывали, сокращая «тюремную пайку», лишая свиданий с родными, помещали в ШИЗО⁵⁶. Работа заключенных не шла им в трудовой стаж.

56 Штрафной изолятор.

Масса других законов, так или иначе имеющих отношение к правам человека, проходила экспертную оценку в нашем Комитете. До этого, например, оперативно-розыскная деятельность вообще никак не регламентировалась законодательно.

В общем, я не жалею, что начал заниматься этим делом.

ДОКУМЕНТ

Статья 3

Подлежат реабилитации лица, которые по политическим мотивам были:

- а) осуждены за государственные и иные преступления;
- б) подвергнуты уголовным репрессиям по решениям органов ВЧК, ГПУ — ОГПУ, УНКВД — НКВД, МГБ, МВД, прокуратуры и их коллегий, комиссий, «особых совещаний», «двоек», «троек» и иных органов, осуществлявших судебные функции;
- в) подвергнуты в административном порядке ссылке, высылке, направлению на спецпоселение, привлечению к принудительному труду в условиях ограничения свободы, в том числе в «рабочих колоннах НКВД», а также иным ограничениям прав и свобод;
- г) необоснованно помещены по решениям судов и несудебных органов в психиатрические учреждения на принудительное лечение;
- д) необоснованно привлечены к уголовной ответственности и дела на них прекращены по не реабилитирующим основаниям;
- е) признаны социально опасными по политическим мотивам и подвергнуты лишению свободы, ссылке, высылке по решениям судов и внесудебных органов без предъявления обвинения в совершении конкретного преступления.

Статья 4

Не подлежат реабилитации лица, перечисленные в статье 3 настоящего Закона, обоснованно осужденные судами, а также подвергнутые наказаниям по решению несудебных органов, в делах которых имеются достаточные доказательства по обвинению в совершении следующих преступлений:

- а) измена Родине в форме шпионажа, выдачи военной или государственной тайны, перехода на сторону врага; шпионаж, террористический акт, диверсия;
- б) совершение насильственных действий в отношении гражданского населения и военнопленных, а также пособничество изменникам Родины и фашистским оккупантам в совершении таких действий во время Великой Отечественной войны;
- в) организация бандформирований, совершавших убийства, грабежи и другие насильственные действия, а также принимавших личное участие в совершении этих деяний в составе бандформирований;
- г) военные преступления, преступления против мира, против человечности и против правосудия.

Кроме того, не подлежат реабилитации направленные в административном порядке на спецпоселение лица из числа репатриированных советских граждан (военнопленных и гражданских лиц), служивших в строевых и специальных формированиях немецко-фашистских войск, полиции, если имеются доказательства их участия в разведывательных, карательных и боевых действиях против Красной Армии, партизан, армий стран антигитлеровской коалиции и мирного населения, за исключением тех, кто впоследствии принимал участие в боевых действиях против немецко-фашистских войск в составе Красной Армии, партизанских отрядов или в движении Сопротивления.

Из Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 года № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий»

Ред. Значит, в Комиссию вы пришли вслед за С.А. Ковалёвым из парламентского Комитета?

О.О. И да, и нет. Ведь ни членом Комиссии, ни сотрудником ее аппарата я не был. С тех пор как в мой кабинет в Белом доме в 1993 году залетел танковый снаряд,

я решил на государственной службе больше не работать. Этого решения и по сей день придерживаюсь.

Ковалёв стал депутатом Государственной Думы, затем стал Уполномоченным

по правам человека и одновременно возглавил Комиссию по правам человека при Президенте. Я же сотрудничал с Комиссией на общественных началах как эксперт.

ДОКУМЕНТ

Комиссии известны также многочисленные факты нарушений законов и обычаев войны и норм гуманитарного права со стороны незаконных чеченских вооруженных формирований, в том числе:

- неизбирательное ведение огня в населенных пунктах;
- воспрепятствование выезду мирных жителей из Грозного (до начала штурма города Министерство по чрезвычайным ситуациям Ингушетии вывезло из Грозного три автобусные колонны с мирным населением, однако четвертая колонна по распоряжению людей из ближайшего окружения Д. Дудаева была остановлена и возвращена в Грозный);
- невывоз военнопленных из мест, подвергаемых обстрелам и бомбардировкам со стороны федеральных войск;
- случаи избияния военнопленных;
- расстрелы военнопленных (Комиссии достоверно известно, что 27 мая 1995 года в с. Хорсеной были расстреляны подполковник Зрядный и лейтенант Галкин «за попытку к бегству», а в середине июня в с. Шатой пленные были объявлены заложниками и впоследствии восемь из них расстреляны в ответ на бомбардировку села);
- глумление над трупами военнослужащих (Комиссии известны по ответам на запросы в прокуратуру десять случаев);
- преднамеренные нападения на гражданские объекты.

Захват в заложники гражданских лиц (в Буденновске, Кизляре, Грозном — электриков и строителей, приехавших в Чечню для восстановления разрушенного города из других областей России), расстрелы заложников являются тяжким уголовным преступлением, они не рассматриваются как часть военных действий и ничем не могут быть оправданы.

Из Доклада Комиссии по правам человека при Президенте «О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации в 1994–1995 годах»

Ред. Чем вы занимались в Комиссии?

О.О. Прежде всего вспоминается работа, связанная с событиями на Северном Кавказе. Осенью 1994 года по поручению Ельцина Сергей Ковалёв разбирался с тем, как ликвидируются последствия осетино-ингушского конфликта 1992 года, то есть как идет возвращение к местам постоянного проживания ингушских беженцев. До этого я с коллегами уже работал в этом регионе от «Мемориала». Когда туда приехал Ковалёв, чиновники попытались ему «лапшу на уши вешать», но мы могли его прямо на месте снабдить правдивой информацией о положении дел. В результате для Президента была составлена объективная справка. Думаю, что она, хоть и не сразу, сыграла определенную

положительную роль: какие-то правильные меры государство все же приняло.

Тогда же, до начала войны в Чечне, мы побывали в станице Ассиновской Чеченской Республики. Там общались с местным русским населением, они жаловались на страшные притеснения. По приезду Сергей Адамович доложил об этом Ельцину.

Ну а потом разразилась война. Все те меры для исправления ситуации на Северном Кавказе, которые предложил Ковалёв, были отвергнуты властью.

В декабре 1994 года я вместе с Ковалёвым и несколькими депутатами выехал в зону боевых действий, был в составе той группы единственный «недепутат». Пришлось на долгий срок окунуться в те события. Я много раз выезжал на территорию Чечни

для сбора информации о ситуации с соблюдением прав человека и норм гуманитарного права в зоне вооруженного конфликта. Мы, «мемориальцы», стали как бы аппаратом Ковалёва, поскольку его собственный аппарат был очень небольшим. Именно собранная нами информация в значительной мере стала основой для написания соответствующего раздела в Докладе Комиссии «О соблюдении прав человека и гражданина в РФ в 1994–1995 годах». Я готовил

его черновик. Да и в написании некоторых других разделов доклада эксперты «Мемориала» принимали участие.

Ну а потом, как вы наверняка знаете, Комиссия самораспустилась. Ковалёв заявил, что не может быть в Комиссии при Президенте, который несет ответственность за преступления, совершаемые в Чечне, и делает только обратное тому, что рекомендует Комиссия.

ДОКУМЕНТ

В условиях крайне плотного соприкосновения противоборствующих сторон и изломанной линии этого соприкосновения от неприцельного бомбометания гибли не только мирные граждане, но также и военнослужащие федеральных сил.

По подсчетам независимых военных экспертов, бомбардировки в таких условиях нанесли федеральным войскам в Грозном ущерб, соизмеримый с потерями от минометного огня чеченских НВФ.

Официальные лица федеральных органов власти и президент Российской Федерации неоднократно заявляли, что с 24 декабря 1994 года бомбовые удары по Грозному не наносились. Однако имеются многочисленные свидетельства жителей Грозного, журналистов, членов Комиссии, группы Уполномоченного по правам человека, согласно которым ракетные удары с воздуха по городу наносились и после указанного срока. Так, 25 декабря авиацией был произведен ракетный обстрел домов № 16 и 8 по ул. Ионисиани. Семь жителей этих домов были ранены, один мужчина убит. Комиссия располагает показаниями раненых, в том числе Жуковой Г.А., Жукова О. П. и их 14-летней внучки.

Удары с воздуха по Грозному, в том числе и по жилым массивам, наносились вплоть до штурма города, предпринятого 31 декабря, и затем в ходе боев за город в течение января 1995 года.

С конца декабря дополнительно к ударам с воздуха Грозный начал подвергаться артиллерийскому обстрелу; реже обстреливались центральные районы, систематически и интенсивно — окраины, прежде всего Заводской район и поселок Старая Сунжа, что вело к жертвам среди гражданского населения.

Из Доклада Комиссии по правам человека при Президенте «О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации в 1994–1995 годах»

Ред. А с Комиссией следующего состава вы контактировали?

О.О. С Карташкиным я общался несколько раз, но не сотрудничал. По-моему, это общение не доставило удовольствия ни одной из сторон.

Ред. Но ведь вы потом в Комиссию все же вошли?

О.О. Это произошло значительно позже, в 2005 году, во многом благодаря моему товарищу Светлане Ганнушкиной. Она была членом Комиссии и конструктивно взаимодействовала с Эллой Александровной Памфиловой. И вот неожиданно приносит новость: мне предлагают войти в Совет по

правам человека, в который преобразуется Комиссия. Я сомневался. Мы обсудили это предложение, и Совет Правозащитного центра «Мемориал» мне рекомендовал его принять. После этого я уже лично пообщался с Эллой Памфиловой. Я был до этого с ней знаком как с депутатом, и Чечней она тоже занималась.

Так я стал членом Совета, а занимался, в общем-то, тем же: Северный Кавказ, нарушения прав человека в ходе контртеррористической операции. Постоянно приходилось делать запросы по конкретным ситуациям с отдельными людьми. Например, исчез человек в ходе «зачистки», но из обстоятельств произошедшего ясно, что он находится в руках сотрудников российских силовых структур. Прокуратура помочь не может

и не хочет. Тут поднималась телефонная трубка председателя Совета, и иногда это срабатывало, во всяком случае, появлялась дополнительная гарантия того, что с человеком хотя бы поступят по закону. По крайней мере, в ряде случаев удавалось спасти людей, происходила «легализация» человека уже в качестве задержанного, он не исчезал бесследно, как было во многих случаях.

Но добиться каких-то системных изменений, заставить наших силовиков действовать в рамках закона не удалось.

Летом 2006 года состоялась встреча с Президентом. В числе обсуждаемых на этой встрече вопросов был и блок по Северному Кавказу. Была представлена докладная записка, в которой говорилось о насильственном исчезновении тысяч людей в ходе антитеррористической операции, о пытках, о гибели мирных жителей. Мы обращали внимание на необходимость внимательного отношения к этим проблемам, на то, что нельзя отделять обеспечение безопасности и стабильности от прав человека, что они взаимосвязаны. Я выступил, передал несколько изданий центра «Мемориал», напомнил об известном

деле капитана Ульмана — это когда группа спецназовцев под началом этого капитана расстреляла гражданских лиц, но все были оправданы. Я считал, что это плохой посыл и силовикам, и жителям Северного Кавказа. Говорил о том, что необходимо ввести в правовую практику России понятие «преступный приказ», который подчиненный не обязан выполнять, например приказ расстрелять без суда и следствия гражданских лиц.

Ред. Была ли реакция?

О.О. Президент внимательно выслушал, сказал какие-то общие слова, что закон должен соблюдаться всегда и везде. Про дело Ульмана он слышал и обещал еще раз ознакомиться с информацией по нему, а потом очень резко отозвался на мои слова о преступном приказе. Что, мол, нельзя разваливать вертикаль, этак каждый раз солдат будет рассуждать: а не преступный ли приказ он получил? В общем, реальных изменений в связи с нашей запиской не последовало. Разве что Ульман и его поделельники в конце концов все же потом были осуждены, но при этом им дали убежать.

ПОЗИЦИЯ «Смотрите, что происходит: к нам идут люди, мы стараемся им постоянно помогать, мы им помогаем. Получается (и это наша вина), что опять выстраиваются отношения клиента и того, кто оказывает услуги. Мы человека защищаем, он говорит

«большое спасибо» нам,
правозащитникам, и снова
впадает в спячку... Мы, право-
защитники, не умеем все же
достаточно конвертировать
наше влияние, помощь,
которую мы оказываем, в то,
чтобы изменить общество,
сделать его более активным.
Мне кажется, чтобы не было
политрепрессий, общество
должно проснуться
и осознать, что от него
зависит будущее страны».

Ред. А при каких обстоятельствах вы покинули Совет?

О.О. Осенью 2006 года была убита Анна Политковская. До этого она осуждала мое и других коллег присутствие в Совете, считала, что, находясь там, мы помогаем отдельным людям, но фактически поддерживаем общее беззаконие.

Ее смерть стала ударом, мы были единомышленниками, постоянно

взаимодействовали и не обижались на нее за резкость. И вот проходит после убийства несколько дней, и Президент Путин заявляет, что тот, кто убил Анну, нанес России большой вред, чем она своими статьями. Мне кажется, что Президенту не следовало позволять себе такие оскорбительные слова по поводу гибели Анны, которую можно назвать гордостью моей страны. Я не считал возможным далее оставаться в Совете.

Ред. А Элла Памфилова как реагировала на ваше решение?

О.О. Я прежде всего поговорил с Эллой Александровной и сказал, что при всем уважении к ней остаться не могу. Состоялся непростой разговор. Она мое решение не одобрила. Я написал открытое письмо, в котором выразил бывшим коллегам по Совету, которых уважал, надежду на взаимопонимание. Могу заметить, что, возможно, в этих условиях мое решение уйти было проще, чем их — остаться.

Ред. А после этого какое-то взаимодействие было?

О.О. Да. Например, в 2011 году состоялась выездное заседание Совета в Махачкале. Обсуждалась ситуация с правами человека в Дагестане. Мы с коллегами из «Мемориала» приняли участие в подготовке и проведении этого заседания.

В тот момент ситуация в некоторых республиках Северного Кавказа стала меняться к лучшему. По примеру Ингушетии (и с одобрения Москвы) в Дагестане новый президент республики Магомедов стал стремиться больше опираться на общество, добиваться от силовиков соблюдения прав человека. Мы пришли к Михаилу Александровичу Федотову вместе с Екатериной Сокирянской и Светланой Ганнушкиной, внесли свои предложения по повестке.

В результате в Махачкале собрались вместе члены Совета, представители республиканских властей, местные силовики, местные правозащитники. Очень важно, что присутствовали и выступали представители и традиционного духовенства, и салафиты. Состоялся жаркий разговор, даже скорее спор. Это еще было нельзя назвать полноценным диалогом, но начало было положено.

После этого начался диалог между властью и официальным духовенством и салафитскими мусульманскими общинами, заработали комиссии по адаптации бывших боевиков.

Затем в развитие этого процесса в Москве в 2013 году под эгидой Совета прошло важное совещание по проблемам адаптации к мирной жизни боевиков, желающих прекратить участие в незаконных вооруженных формированиях. В совещании приняли участие представители соответствующих комиссий по адаптации из четырех республик Северного Кавказа, силовики и правозащитники.

Впрочем, такие положительные процессы в Дагестане продолжались лишь до середины 2013 года. Все это было торпедировано в конце 2013 — начале 2014 года. Эта «новая политика» на настоящий момент на Северном Кавказе продолжается лишь в Ингушетии.

Ред. В последнее время вы с Советом сотрудничаете?

О.О. Вообще-то, мы с Сергеем Адамовичем Ковалёвым накануне формирования последнего состава Совета написали открытое письмо коллегам, в котором призывали их не входить в Совет. Наш призыв был обусловлен во многом теми серьезными фальсификациями, которые гражданские наблюдатели зафиксировали на выборах, и реакцией, вернее, отсутствием реакции, власти на эти факты. Некоторые из коллег нашему призыву последовали, другие — нет. Сейчас в Совете есть люди, с которыми я нахожусь в постоянном рабочем и дружеском контакте, и есть те, кому руки не подам.

Вопрос в том, насколько полезны такие структуры, как Совет. Есть ли надежда, что они хоть как-то могут повлиять на судьбы страны? Моя позиция такова. Нынешним властям идеи прав человека не просто чужды, они системные враги соблюдения прав человека в России. Можно ли в таких условиях быть советником Президента — это каждый для себя сам должен решить. Такие структуры, по моему мнению, могут быть эффективными для решения отдельных, частных вопросов. Могут решить судьбу одного человека, вероятно, даже спасти его. Дают возможность для более широкого высказывания позиции. Но не более. Реальной реакции сверху на докладные записки, которые готовит Совет, на экспертизы законов — нет.

А тем временем страну быстрыми темпами ведут назад, к советскому прошлому. Чего стоит так называемый Закон «об иностранных агентах»? Несмотря на решительные возражения Совета, он не только был принят, но и начал широко использоваться в репрессивных целях. Получается трагикомическая ситуация: в Совете при Президенте сидят те самые «иностранные агенты», которых уничтожают с помощью закона, подписанного Президентом.

Елена Панфилова: «Это было время надежд»

Елена Анатольевна Панфилова (родилась в 1967 году в Москве) — российский общественный деятель, эксперт в сфере противодействия коррупции, вице-президент международной организации Transparency International (2014–2017), основатель (1999 год) и руководитель ее российского отделения (1999–2014). Окончила исторический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, работала научным сотрудником в Институте независимых социальных исследований. В 1994–1997 годах — помощник руководителя программы в IRIS-центре Мэрилендского университета, совместного проекта Агентства международного развития США (USAID) с Институтом экономики переходного периода. Получила второе высшее образование на факультете политологии в Дипломатической академии МИД России. В 1999–2000-х — эксперт, руководитель программы Организации экономического сотрудничества и развития (Париж).

В 2009–2012 годах — член Совета при Президенте России по развитию институтов гражданского общества и правам человека. С 2012 по 2016 год входила в правительственную комиссию по координации деятельности открытого правительства. С 2014 года по настоящее время — заведующая проектно-учебной лаборатории антикоррупционной политики ФГАУ ВПО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», читает в ВШЭ два курса: «Основы антикоррупционной политики» и «Стратегии противодействия коррупции».

Ред. Елена Анатольевна, вы учились на историческом факультете МГУ в разгар перестройки. Ветры обновления принесли и какую-то новую информацию из сферы прав человека?

Е.П. Я бы не сказала. Даже в 1989 году вольнолюбивые разговоры велись не дальше кухонь. Демократизация шла в рамках объявленного в центральной печати. Про исторический факультет того времени могу рассказать такую историю. Ходил у нас молодой ученый, в свитере, в бороде, с трубкой — прямо Хемингуэй. Умница, студенткам он очень нравился. И вот в один прекрасный день он приходит в строгом синем костюме. Оказывается, его избрали секретарем парткома истфака. Звали молодого человека Вячеслав Никонов. Помню, я тогда подумала: что-то у нас меняется, а какие-то вещи в нашей стране не меняются.

Но сама я занималась главным правом человека — правом на жизнь, поскольку тема моего диплома была противодействие фашизму. Что любопытно — на кафедре истории КПСС. А с 1995 года я стала заниматься вопросами террора и терроризма. В моей выпускной дипломной работе в Дипакадемии поднимались проблемы террора государства против людей и людей против власти. Я ознакомилась с перепиской Кропоткина и Ленина. Уже тяжело больной Кропоткин пытался в 1918 году что-то объяснить, обращался с призывом защитить свободы человека, не использовать прежние методы репрессий государства против человека.

Ред. А как Ленин реагировал?

Е.П. Наложил резолюцию: «Выдать дров и отправить в Дмитров».

Ред. А как вы пришли к активной общественной деятельности?

Е.П. На интеллектуальном уровне я достаточно в происходящих событиях понимала, но до поры не знала ни названий многих общественных организаций, ни чем они занимаются. Не соприкасалась с ними. Я работала в Париже в ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития) и занималась там антикоррупционной деятельностью в других странах. Постепенно стала все чаще задаваться вопросом: а у нас то как? И поняла, что никак.

После моего возвращения мы вместе с коллегами создали наш Центр. И ровно тогда же свой доклад о коррупции в России опубликовал Фонд «ИНДЕМ». Получилось, что мы попробовали что-то сделать на этом поле одновременно с Георгием Сатаровым. Я для себя тогда осознала: либо ты в 32 года принимаешь решение что-то пытаться сделать лично, либо будешь всю жизнь чужие слова говорить. Организация Transparency к 1999 году существовала уже семь лет. В октябре 2000-го наш Центр антикоррупционных исследований и инициатив был аккредитован российским отделением Transparency International. С тех пор я вплотную занялась проблемами НКО: как искать деньги, как составлять отчеты и т.д. Лет десять ушло на создание нашей нынешней команды. Она окрепла и расцвела, поэтому в 2014 году я смогла отойти от руководства.

Ред. А как складывались ваши отношения с коррупционерами? Доводилось непосредственно смотреть им в глаза?

Е.П. По закону я не имею права сказать коррупционеру, что он коррупционер, какие-либо действия до ареста могут предпринимать только правоохранительные органы. Наше главное слово — «предполагаемый». Наша работа вообще рутинная — анализ, изучение документов. Конечно, не раз приходилось слышать от людей упреки типа: «Панфилова, где посадки?!» Поскольку суд не сажает, начинают спрашивать с нас. Да, мы продолжаем работу, пополняем папки, много занимаемся конкретными делами. И всегда помним, что конец знаменитого гангстера Аль Капоне предрешил скромный аудитор, который внимательно изучил его бумаги.

Ред. Чего вам в итоге удалось добиться?

Е.П. Надо помнить, что вначале вообще не было никакого законодательства по коррупции, не было и деклараций по доходам и имуществу. Первый закон, принятый в декабре 2008 года, сделал это реальностью⁵⁷. Приходилось убеждать бесконечное количество людей, смотревших на тебя, как на вошь. И все-таки постепенно мы

57 Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. — 29.12.2008. — № 52 (ч. 1), ст. 6228.

прорывались и в итоге выработали пять основных направлений деятельности.

Прежде всего это прикладная антикоррупция, то есть ее правовые рамки, разработка если не законов, то нормативных актов. Затем — антикоррупционное образование и просвещение. Далее — антикоррупционные исследования, работа с конкретными фактами, а также правовая помощь гражданам, пострадавшим от коррупции. Таких пунктов помощи сейчас много на местах, они стали довольно сильными, люди обращаются туда, получают антикоррупционные консультации. Наконец, распространение практических навыков, умения противостоять коррупции, передача их другим организациям.

Все действия чиновников должны быть общим достоянием, как мы на это указываем на declarator.org. В любых закупках по тендеру необходима прозрачность. А ведь многие по-прежнему не упоминают в своих декларациях о конфликте интересов. Особенно это касается организаций,

близких к государству, они вообще имеют тенденцию обходиться без тендеров и конкурсов.

Возвращаясь к вашему вопросу: доводилось ли мне сталкиваться тет-а-тет с коррупционерами? Да, и я их не боюсь. Они ведь сами «изнутри» боятся, хотя многие ведут себя очень нахально. К тому же инициаторами таких «рандеву» всегда бывают они сами. Происходит примерно такой диалог: «Я слышал, вы под меня копаете?», а я в ответ: «Правильно слышали». Одно время гонялся за мной некий государственный деятель, обвинял, откровенно задибался. Обещал выяснить, кто у меня работает. Но он перешел некую черту, когда затронул лично моих сотрудников и мою семью. Тогда я сказала: «А вот я достану папку № 8». Он мгновенно исчез и больше не появлялся.

Ред. А папка № 8 действительно существует?

Е.П. Этого я сообщать не собираюсь, но устойчивый миф о ней существует.

ПОЗИЦИЯ «Мы не занимаемся политической деятельностью. По закону, для того чтобы называться иностранным агентом, должны совпасть два фактора — иностранные деньги и занятие политической деятельностью. Последние несколько недель это занятие политической

деятельностью как-то выпало из контекста. И все говорят, что иностранный агент — это тот, кто получает иностранные деньги. Точка. Мы ничем политическим не занимаемся. У нас социально ориентированная НКО. У нас исследовательские, просветительские, социальные программы. Мы не боремся за власть!»

Ред. В Совет по правам человека вы, видимо, пришли уже с готовой программой действий?

Е.П. С Эллой Александровной Памфиловой мы были близко знакомы давно, задолго до того, как она возглавила Совет. Мы вместе пытались продвигать общественно важные дела, связанные с антикоррупционным просвещением и гласностью по этим вопросам. Она меня пригласила лично, учитывая, что я могу быть против вхождения в институт, тесно связанный с государством. Я действительно интересовалась, кто еще приглашен. Была удовлетворена, услышав имена Светланы Сорокиной, Ирины Ясиной, а уж Тамара Георгиевна Морщакова — репутационный щит любой организации. Звезда среди специалистов. Правда, к моей кандидатуре возникли вопросы в Администрации Президента: что за Transparency? Они

думали, что это иностранная организация. Потом все-таки удостоверились, что мы — организация российская, и о своем назначении я узнала из Указа Президента.

Напомню, что это было время надежд. Президентство Дмитрия Медведева многие восприняли как открывающееся окно новых возможностей. Было ощущение, что прибавляется свободы, а следовательно, расширяются возможности для общественных инициатив. Все базовые антикоррупционные законы были приняты именно в его президентство. Кое-что у нас получилось: до общества была доведена информация о крупных коррупционных схемах, наши должностные лица знают теперь о таком понятии, как конфликт интересов.

Но что-то не получилось совсем, например нет и намек на защиту заявителя о фактах коррупции. В случае, если речь идет о чиновнике, заявителя нельзя уволить до проверки.

А журналист, рядовой гражданин, например сосед коррупционера, не защищены. И предприниматели плохо защищены.

Когда мы обсуждаем российскую коррупцию, речь об огромной армии чиновников, которые почти повсеместно могут говорить с гражданами и с бизнесом с позиции «могу разрешить, а могу и не разрешить». Это

и оформление ребенка в школу или недвижимости в собственность, и вымогательство при обращении в правоохранительные органы. В бизнесе — практически везде: и в регулировании фармацевтического рынка, где все зачастую непрозрачно, и в строительстве, и в недропользовании, и в обращении с землей.

ДОКУМЕНТ

Е. Панфилова: Мы очень хотим, и мы об этом говорили при встрече на Совете с господином Нарышкиным, мы очень хотим каким-то образом более оперативно и операционно сотрудничать с Советом по противодействию коррупции и просим в рамках его деятельности (у нас есть по этому поводу готовые предложения) рассмотреть два вопроса, которые крайне важны и для нас, для общества, и для правоохранителей. Первый вопрос, который у нас не решен, — это защита заявителя о коррупции. Это крайне тяжелая тема, люди боятся заявлять о коррупции, и никаких правовых гарантий не существует. Этот вопрос надо решать.

Второй вопрос, в том числе это связано с работой антикоррупционных общественных организаций, — это по защите интересов неопределенной группы лиц. Когда мы выявляем тендер, который явно носит коррупционный характер, у нас не принимают заявление, потому что говорят, а вы кого представляете, а с какой стати мы должны это рассматривать? Для антикоррупционного общественного контроля это крайне важный инструмент, без него мы можем только рассказывать и просить, и никаких правовых действий мы совершить, к сожалению, не можем. Это две вещи, которые операционализируют тот самый общественный контроль, о котором Вы говорили на Совете. Без него все — наблюдение. Соответственно, наш доклад о состоянии дел с коррупцией, наблюдение за коррупцией, его качество зависит от наличия подобного рода инструментов.

Из стенограммы заседания Совета с участием Президента Дмитрия Медведева, 1 февраля 2011 года

Ред. Вам довелось донести ваши соображения непосредственно до Президента?

Е.П. Я выступала на всех встречах с главой государства; по-моему, за время моего членства в Совете их состоялось три.

Ред. Непосредственная реакция была?

Е.П. Всякий раз Президент говорил: да-да, займемся. Какими-то позициями интересовался отдельно как юрист; мы спорили. В частности, так было по вопросу так называемых откатов, он считал, что это просто взятка. Мне кажется, что это отдельный вид коррупционного деяния. Но в конце концов трактовки могут быть разными.

Ред. С кем вам особенно хорошо работалось в Совете?

Е.П. Это Света Сорокина, Ирина Ясина, Александр Аузан, Кирилл Кабанов, Алексей

Кириллович Симонов, которого я зову дядей Лешей, Сергей Литовченко; о Тамаре Георгиевне я уже говорила. Правда, с большинством из них я дружила и до вхождения в Совет. А с некоторыми членами Совета было откровенно неприятно общаться.

Ред. При каких обстоятельствах вы ушли из Совета?

Е.П. В апреле 2012 года я сообщила Президенту Медведеву, который утверждал меня в составе Совета, что состоять там более не могу. Это был конец его президентства. У меня было, как, впрочем, у многих, очень жестокое разочарование по поводу произведенной в Кремле «рокировочки». Я была убеждена, что «свобода лучше, чем несвобода». На выборах я сама, не будучи наблюдателем, а просто избирателем, видела, как делают лаваш из бюллетеней и запикивают их в урну.

ДОКУМЕНТ

Е.Панфилова: Во-первых, для меня было большой честью составлять часть этого коллектива и в меру возможностей и знаний внести свой вклад в работу Совета целиком, но в первую очередь в работу рабочих групп по противодействию коррупции, правовой реформе и расследованию резонансных дел. То, что мы сделали, — на диске⁵⁸, можно читать, перечитывать, изучать. Там и блестящие материалы по рейдерским захватам, по банковскому рейдерству руководителей нашей рабочей группы по антикоррупции Кирилла Кабанова, там и материалы по делу Магнитского, над которыми мы с Тамарой Георгиевной Морщаковой и Марой Фёдоровной Поляковой днями и ночами работали, многие другие материалы. Поэтому я про них ничего говорить не буду, а остановлюсь на том, чего нет на диске из сделанного и несделанного.

В первую очередь я хочу сказать Вам, Дмитрий Анатольевич, большое спасибо за законодательство по противодействию коррупции, которое было принято в России с 2008 года. И мое личное спасибо за Закон о праве граждан на доступ к информации о деятельности органов государственной власти и доступ к судебной информации, потому что практически ничего из того, что сейчас является механизмами общественного антикоррупционного контроля, не было бы возможно, если бы не было этих законов.

...Конечно, я лично на себя очень зла, что я не сделала большего, пока работала в Совете. ...И, конечно, в этом смысле очень важно, что вся моя статистика, нашей рабочей группы, помогли шести людям за три года. Кажется мало, а на самом деле, шесть человек — это шесть жизней, и каждый из них мог стать Магнитским. В этом смысле это важно — расследовать такие дела, как дела Магнитского. И, конечно, должны и со стороны власти быть адекватные меры.

Но я для себя выяснила очевидное, что с властью довольно трудно надеяться на то, чтобы власть наказала тех, кто внутри власти. Поэтому моя надежда — в основном на общество, на людей, потому что вокруг [много] крупных, больших дел, как, например, закончившееся вчера оправдательным приговором присяжных дело Рябова. Вот это общественное внимание меняет ситуацию в стране. Людей, которые понимают, как осуществлять гражданскую антикоррупционную активность, стало очень-очень много. Я уверена, что мы будем этим заниматься.

Дмитрий Анатольевич, коллеги! Не секрет, что я пришла в Совет, потому что надеялась, что мы многое сделаем. Но я теперь думаю, что гражданской активностью я лично в своей постоянной деятельности сделаю значительно больше. Поэтому я не думаю, что я буду готова работать в следующем составе Совета, но вне его я вполне готова проводить ту работу, о которой сказала. Спасибо.

Из стенограммы заседания Совета с участием Президента Дмитрия Медведева, 28 апреля 2012 года

58 Имеется в виду CD с базой данных по итогам работы Совета в 2009–2012 годах, который был выпущен специально к заседанию 28 апреля 2012 года.

Ред. Сейчас вы как-то сотрудничаете с Советом, может быть, в качестве эксперта?

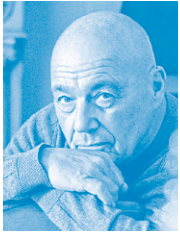
Е.П. Ни в какой форме.

Ред. Как вы оцениваете эффективность Совета на данный момент?

Е.П. Я не вижу никакой хорошей перспективы. Не вижу ни одной защищенной организации, посмотрите, что творится с законодательством по НКО. И все это значительно шире, не только в сфере, которой я занимаюсь.

Ред. А вы обращались в Совет за помощью?

Е.П. А почему я должна обращаться? Это все известно и вполне очевидно. Особенно меня беспокоит ситуация с «Мемориалом», ведь там хранится наша историческая память. И в современной ситуации заявления, петиции не помогут. Нужно что-то более действенное. При этом я отдаю должное личному мужеству Михаила Федотова, нынешнего председателя, еще нескольких членов Совета. Им удастся решить отдельные вопросы, но делают они это в личном качестве, просто как люди, а не в силу эффективности Совета.

Владимир Познер: «Лучше так, чем совсем ничего»

Владимир Владимирович Познер (родился в 1934 году в Париже, Франция) — советский, российский и американский тележурналист и телеведущий, первый президент Академии российского телевидения (1994–2008), писатель.

Получил образование в США и Германии, после переезда семьи в СССР окончил биологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. После окончания Университета занимался научными переводами с английского языка, увлекался художественными переводами английской поэзии, чем обратил на себя внимание Самуила Маршака. С 1960 по 1961 год был литературным секретарем Маршака. С октября 1961 года работал в Агентстве печати «Новости» (АПН).

С 1970 до конца 1985 года — комментатор главной редакции радиовещания на США и Англию в Комитете по телевидению и радиовещанию (впоследствии Гостелерадио СССР). В декабре 1985 года провел телемосты Ленинград — Сизтл, в декабре 1986 года — Ленинград — Бостон. В 1986–1991 годах был политическим обозревателем Центрального телевидения Гостелерадио СССР. С 1991 года Владимир Познер по приглашению американского тележурналиста Фила Донахью вел в США совместную передачу «Познер и Донахью» на канале CNBC в прямом эфире, с 1996 года — авторскую программу Final edition («Итоги недели»). Одновременно с 1993 года в Москве Познер был ведущим нескольких еженедельных программ.

В феврале 1997 года Познер вернулся из США в Москву, где вел несколько программ на телевидении и радио. С 2008 года — автор и ведущий программы «Познер» на Первом канале. Выпустил циклы передач о США «Одноэтажная Америка», о Франции («Тур де Франс»), об Италии («Их Италия»), о Германии («Германская головоломка»), об Англии («Об Англии в общем и в частности»), об Израиле («Еврейское счастье») и Испании («В поисках Дон Кихота»). Был ведущим программы «Болеро» и ведущим на телеканале «Дождь» в телепередаче «Парфенов и Познер». В декабре 2013 года подписал контракт с американской телекомпанией NBC на ежедневные передачи по освещению Олимпийских игр в Сочи. В 1994–2008 годах занимал пост президента Академии российского телевидения.

Член Комитета гражданских инициатив. Был членом Комиссии по правам человека при Президенте РФ и членом Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека.

Награжден несколькими орденами и медалями. Многократный лауреат премии ТЭФИ.

Ред. Владимир Владимирович, ваше детство и юность прошли на Западе. Понятие «human rights» вам было знакомо?

В.П. Конечно. Этому уделяется немалое внимание в школах США. Там изучают Декларацию независимости с ее преамбулой, в которой записано, что человек наделен правами, среди которых право на жизнь, свободу и добывание счастья.

Ред. Когда вы переехали в Советский Союз, почувствовали разницу?

В.П. Отец нас перевез в СССР за два месяца до смерти Сталина. Думаю, это его и спасло. Но я приехал, имея с его подачи хорошее мнение о стране. Нет богатых и нет бедных — вот соблюдение социальных прав. Кстати, этот момент я по сей день считаю положительным. Когда один с рождения наделен имущественными привилегиями, а у другого ничего нет — это неравенство, по существу. Но довольно быстро я понял, насколько отец заблуждался насчет советской жизни, в которую привез маму и меня. Он, кстати, так никогда этого и не признал. Я начал с ним не соглашаться, мы здорово спорили.

Ред. О чем именно?

В.П. Да вот именно о правах человека. Я спрашивал о свободе передвижения, ведь человек должен иметь возможность перемещаться, не оглядываясь, не боясь; о свободе политических выборов, невозможных при наличии одной партии. Стал говорить, что хочу уехать, и, возможно, уехал бы, если бы не женился. Я не хотел ставить жену в свое положение наоборот — в незнакомой стране, без языка, поэтому в итоге и не попытался.

Ред. Как вы себя ощущали, оставшись в этих условиях?

В.П. Диссидентом я не был, они мне были несимпатичны. Они ведь все время обращались к Западу, а там этим пользовались.

Ведь на самом деле на Западе было все равно, нарушаются ли политические права в СССР или в Китае. Это крупная политическая игра, и я не хотел, чтобы дела внутри страны решались обращением к третьим лицам. С другой стороны, я не мог не уважать этих людей за отвагу, за их внутреннюю свободу. И они порой кое-чего добивались, но согласен я с ними не был.

Но вот после танков в Чехословакии в 1968 году стало практически невозможно не определиться. Образовалась очевидная трещина в моей вере в социализм. Если брать за первоисточник Маркса, то он многое правильно предсказал, может быть, его социализм и был бы хорош. Но тут был явно избран другой путь.

В коммунизм я вообще не верю. Это ведь мечта, для осуществления которой нужно, чтобы мы, люди, были бы независтливыми, нежадными и т.д. Я работал на «Иновещании»⁵⁹, был, смею полагать, грамотным, умелым пропагандистом. Я показывал то, что было хорошего в социальной жизни, учитывал опыт своей тещи, еврейской женщины, знавшей теневые стороны прежнего режима. Конечно, не все можно было писать одной краской. Постепенно вера в советский социализм размывалась, и в 80-е годы я вышел из партии.

Ред. По тем временам большой скандал.

В.П. Я обосновал свое решение. Написал, что мне давал рекомендацию в партию красный латышский стрелок, человек, имевший идеалы. А теперь партия переродилась, в идеалы никто не верит, это уже никакое не строительство коммунизма. Эксперимент на практике не удался и искалечил жизни множества людей.

Ред. Какие же были последствия?

В.П. Мне повезло, как и со смертью Сталина. Вскоре пришел Горбачев.

59 Редакция радиовещания на иностранных языках Гостелерадио СССР.

ПОЗИЦИЯ «...До каких пор
можно делать вид, что жертвы

несправедливости тебя не касаются? До каких пор можно закрывать глаза на то, что людей сажают, убивают в психиатрические больницы, превращают их там в инвалидов за то лишь, что они «инакомыслящие»? До каких пор можно разглаживать о свободе и демократии, попивая виски с содовой на террасе своего шикарного пентхауса на Пятой авеню, в то время как там, внизу, есть люди — и их немало, — которые живут в нищете, живут, словно звери в клетках, в своего рода гетто? До каких пор? На самом деле ответ есть: это возможно до тех пор, пока страх того, что может произойти с тобой, будет сильнее твоей совести».

Ред. Для вас после этого многое изменилось?

В.П. Многое. Во-первых, я после более тридцати лет стал выездным. Во-вторых, меня допустили на телеэкран, и я провел два телемоста с Соединенными Штатами.

В-третьих, я попал в политические обозреватели, в тот круг, где были Валентин Зорин, Фарид Сейфуль-Мулюков, Игорь Фесуненко, — люди, имевшие спецпайки и другие привилегии. Правда, я ничего этого не имел — скорее всего, потому что

не просил. Более того, я вскоре отказался работать с руководителем Гостелерадио Л.П. Кравченко. Меня уговаривали Евгений Примаков и Анатолий Лукьянов, но тщетно. Какое-то время я вел на Московском канале «Воскресный вечер». Потом грянул путч 1991 года. Я, честно говоря, очень опасался, что все проиграно. Но пересилил свой страх, понял, что если не выступлю, то не смогу смотреть на себя в зеркало. Пошел к Белому дому и дал там не одно интервью. А вскоре после этого уехал из страны на семь лет.

Ред. Но за российскими событиями следили?

В.П. Конечно, я же приезжал, записал несколько программ и видел, что ситуация меняется, свободы слова становится больше.

Ред. А как вы попали в Комиссию по правам человека?

В.П. Я сам позвонил Элле Памфиловой.

Ред. Вы были знакомы? Может быть, брали у нее интервью?

В.П. Нет. Но она мой звонок и предложение работать восприняла с радостью. Это были 2002–2003 годы. Я стал работать, хотя и задавался вопросом: почему «при Президенте»? Почему нет независимого статуса?

Ред. Независимый статус есть у Уполномоченного по правам человека в РФ, он отвечает перед всем обществом.

В.П. А омбудсмен для меня вообще непонятная фигура. Ведь его рекомендации ни для кого не являются обязательными.

Ред. В Комиссии, а потом в Совете на каком направлении вы работали?

ДОКУМЕНТ

4. Правительству Российской Федерации:

- а) создать автономную некоммерческую организацию «Общественное телевидение России» (далее — организация), осуществляющую функции учредителя, редакции и вещателя телеканала;
- б) утвердить устав автономной некоммерческой организации «Общественное телевидение России», предусмотрев в нем, что:
 - высшим органом управления организации является наблюдательный совет, председатель, заместители председателя и члены которого назначаются на должность и освобождаются от должности Советом;
 - председатель, заместители председателя и члены наблюдательного совета назначаются на должность сроком на три года;
 - единоличным исполнительным органом организации является генеральный директор, назначаемый на должность и освобождаемый от должности Президентом Российской Федерации;
 - генеральный директор организации назначается на должность сроком на четыре года и является одновременно главным редактором телеканала;
- в) обеспечить определение состава федерального имущества, передаваемого организации ее учредителем, и передачу указанного имущества организации;
- г) обеспечить размещение организации в г. Москве;
- д) обеспечить формирование целевого капитала организации для финансирования ее деятельности, предусмотрев после создания организации публичный сбор денежных средств в соответствии со статьей 11 Федерального закона от 30 декабря 2006 года № 275-ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций»;
- е) предусмотреть возможность первоначального финансирования организации за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета и банковских кредитов;
- ж) осуществить лицензирование деятельности телеканала и иные необходимые мероприятия по его созданию и распространению;
- з) подготовить предложения о включении телеканала в перечень общероссийских обязательных общедоступных телеканалов и радиоканалов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 24 июня 2009 года № 715 «Об общероссийских обязательных общедоступных телеканалах и радиоканалах»;

и) в целях реализации подпунктов «б» и «д» пункта 4 настоящего Указа внести в месячный срок в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проект федерального закона о внесении соответствующих изменений в законодательные акты Российской Федерации.

Из Указа Президента Российской Федерации от 17 апреля 2012 года № 455 «Об общественном телевидении в Российской Федерации»

В.П. Я активно занимался в первую очередь, конечно, СМИ и еще армейскими проблемами. Добивался создания Общественного телевидения. На встрече с Президентом откровенно сказал о проституции в СМИ и на телевидении. Помню, вскочил Володя Соловьев, стал изо всех сил мои слова

опровергать. Президент был недоволен моим выступлением, высказался довольно резко в мой адрес. Я не очень робкого десятка и ответил тоже достаточно жестко. Правда, потом у меня была возможность убедиться, что Президент относится ко мне с уважением.

ДОКУМЕНТ

В. Соловьев: Нас, вообще, на самом деле защищать не надо. Мы достаточно хорошо получаем, даже работая на олигархическом телевидении, несмотря на все связанные с этим сложности.

Меня-то волнует вопрос такой, что, конечно, средства массовой информации выполняют двоякую задачу: с одной стороны, они, если у них есть такая возможность, перестают демонизировать власть, говоря о том, кто нами управляет и что хотят, а вдобавок говорят власти о том, что происходит, чтобы было понятно, куда рулить.

...Хочется, чтобы не было взаимной лжи. А чтобы не было взаимной лжи, надо изначально сказать: да, необходимы следующие мероприятия. И мы как средства массовой информации с радостью это скажем, и, как ни странно, социального взрыва не будет. Но просто когда с нами начинают работать, то нас даже не надо шантажировать ни угрозой убийства, ни подкупом. Мы и так готовы «за любовь отдаться», в этом особенность специальности, за возможность предоставления интервью. Но получается забавная ситуация, когда мы говорим то, что вы хотите услышать, а когда наступает эпоха выборов, то получается, вопервых, полное игнорирование выборов населением, потому что люди не хотят голосовать, потому что они все равно этому не верят, дальше начинается работа технологов, а потом это превращается в неуправляемую ситуацию и возможность социального взрыва.

Из стенограммы заседания Комиссии по правам человека с участием Президента Владимира Путина, 10 декабря 2002 года

Ред. А как вы вышли из состава Совета?

В.П. Я пришел к Элле Александровне, сказал о том, что эффекта от нашей работы не вижу, о том, что ситуация в СМИ ухудшается. По-моему, она внутренне была со мной согласна. Через два года я подал в отставку, а потом и она ушла.

Ред. А потом вы как-то сотрудничали с Советом?

В.П. Когда я узнал, что Совет возглавил Михаил Федотов, я позвонил ему. Я знал его по работе в Союзе журналистов

и в Общественной коллегии по жалобам на прессу. Верил, что у него получится что-то сделать. Я сказал, что хочу обратно в Совет. Он ответил, что перезвонит. Молчание. Я позвонил сам. В общем, в конце концов он сказал, что не получается. Я понял, что кто-то из влиятельных против.

Ред. А кто?

В.П. Я могу только высказать свою версию. Думаю, это был Владислав Сурков. Он меня знает, отдает мне должное и именно поэтому не захотел, чтобы я был в таком органе.

Ред. Вы жалели, что ваше повторное членство не состоялось?

В.П. Когда я увидел свару, которая возникла весной 2014 года, услышал высказывания некоторых членов Совета, я обрадовался, что меня там нет⁶⁰.

Ред. Но ведь люди искренне высказывали свои убеждения.

⁶⁰ Конфликт между членами СПЧ вызвало заявление, опубликованное на сайте Совета 2 марта 2014 года. В заявлении ряд членов СПЧ

призвали полностью исключить использование вооруженных сил в ходе урегулирования внутривосточного кризиса на Украине.

В.П. Знаете, Гитлер тоже был искренен. С моей точки зрения, при всем уважении к М.А. Федотову, в таком функционировании Совета смысла нет. Предложите массам на выбор: с одной стороны — колбаса, с другой — всяческие свободы. Президент, по-моему, не понимает, что такое права человека. И он, и его окружение. Он там, мне кажется, еще самый большой либерал. Там рассуждают так: если сильно не ограничить права, будет провал. Отсюда и беззакония. Плевали там на истории с Pussy Riot, с Ходорковским.

ДОКУМЕНТ

Приговор, вынесенный Хамовническим районным судом Москвы трем участницам панк-группы Pussy Riot, не мог не вызвать широкий общественный резонанс в России и за рубежом. Моральное осуждение эпатажного поступка, нарушающего правила поведения в религиозных учреждениях, не снимает, однако, вопросы о законности вынесенного им приговора, о справедливости и гуманности назначенного им наказания. Обществу далеко не безразлично, когда уголовный закон распространяют на действия, влекущие по закону только административную ответственность.

Неужели наш правоприменитель не знает, что «никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением» (статья 54 Конституции РФ)? Тем более что это точно совпадает со словами Апостола Павла: «Где нет закона, нет и преступления». Неужели он не понимает, что такая правоприменительная практика подрывает один из основополагающих правовых принципов, согласно которому уголовное наказание может быть назначено только за деяния, заранее, прямо и недвусмысленно названные и запрещенные именно уголовным законом? Только при условии повсеместного и повседневного соблюдения этого принципа обеспечивается правовая определенность и предсказуемость, исключается произвольное, избирательное правоприменение. Деяние, не являющееся преступлением по закону, не может объявляться преступным, как не может уголовный закон иметь обратную силу. Это знали еще древние римляне!

Данное уголовное дело рождает и другие вопросы, касающиеся соблюдения принципов справедливого правосудия в демократическом правовом государстве. Почему, например, подсудимые были вынуждены несколько часов выслушивать приговор в наручниках? Почему всем подсудимым определили одинаковые сроки заключения, хотя у двоих из них есть малолетние дети? Почему наказание не могло быть условным или хотя бы с отсрочкой исполнения до достижения детьми совершеннолетия? Почему наказание оказалось куда более строгим, чем полагалось за кощунство по законам Российской Империи? Наконец, почему мы должны ждать пока ответы на все эти вопросы даст Европейский суд по правам человека? Тем более что все мы прекрасно знаем ответы!

Мы уверены, что гражданское общество вправе настаивать на том, чтобы в российском правосудии торжествовали правда и милосердие.

Из заявления членов Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, которое подписали:

Светлана Айвазова, Людмила Алексеева, Валентин Гефтер, Алексей Головань, Юрий Джигладзе, Даниил Дондурей, Иван Засурский, Кирилл Кабанов, Сергей Караганов, Сергей Кривенко, Ида Куклина, Фёдор Лукьянов, Дмитрий Орешкин, Мара Полякова,

Сергей Воробьев, Светлана Ганнушкина, Татьяна Малева, Тамара Морщакова, Борис Пустынцев, Леонид Радзиховский, Сергей Цыпленков, Ирина Чугуева, Игорь Юргенс, 3 июля 2012 года

Ред. Простите, Владимир Владимирович, но вы называете резонансные дела, можно еще дело Магнитского добавить, по которым Совет активно выступал, причем не в унисон с властью.

основных условия: отсутствие рекламы и независимость от власти.

Ред. Там действительно нет никакой рекламы.

В.П. Да. Но в нашей стране генеральный директор назначается и снимается Президентом. Любопытно, что им стал человек, рьяно доказывавший при мне бесполезность Общественного телевидения.

В.П. А толку-то? Да и в отношении ОТР, к созданию которого я приложил усилия, что сказать? Общественное телевидение существует примерно в 50 странах мира. Там два

ДОКУМЕНТ

Совет, заслушав на своем специальном заседании доклады и сообщения представителей журналистского сообщества, телеканалов, федеральных органов исполнительной власти, а также экспертов, **констатирует:**

- федеральные телеканалы по-прежнему остаются самыми влиятельными СМИ в стране, хотя уровень доверия к ним постепенно снижается. Это является следствием того, что в общенациональном телеэфире доминирует исключительно точка зрения политического большинства в органах власти, а позиции отдельных социально значимых групп населения представлены явно недостаточно. Подобная программная политика не способствует сопоставлению различных точек зрения и выработке общественного консенсуса. Без плюрализма, в том числе информационного, невозможна консолидация общества в демократическом правовом государстве;
- сохраняющееся доминирование государства на общенациональном телевизионном рынке препятствует формированию адекватной картины разнообразия современного российского общества;
- ... — попытка рассматривать Общественное телевидение России как своего рода «резервацию» для плюрализма является изначально порочной. Плюрализм достигается не количеством телеканалов, а их качеством.

В этой связи Совет считает необходимым рекомендовать:

- законодательно ограничить концентрацию электронных СМИ в руках государственных и муниципальных органов власти. Разработать концепцию поэтапного разгосударствления СМИ, предусмотрев не менее 5-7 лет для реализации данной задачи и начав с разгосударствления телекомпаний «большой тройки»;
- полноценно представлять различные точки зрения на всех телеканалах, основой финансирования которых является федеральный, региональный или местный бюджет;
- пригласить Совет по общественному телевидению и Наблюдательный совет Общественного телевидения России к большей открытости в своей работе с тем, чтобы налогоплательщики страны имели исчерпывающую информацию о том, как тратятся их деньги, выделенные на создание общественного телевидения. Необходимо сделать все возможное, чтобы создаваемое Общественное телевидение России не превратилось в очередной управляемый государством канал пропаганды, а стало форумом для представления и сопоставления различных точек зрения, стало важным центром формирования гражданского общества, наполненным современным креативным контентом и ориентирующимся не на низменные чувства зрителей, а на высокие идеалы общественной пользы;
- ... — привлечь внимание медийного, прежде всего журналистского, сообщества к необходимости разработать, принять и обнародовать профессионально-этические кодексы, обязательные для всех сотрудников государственных телеканалов;
- обратить внимание журналистского сообщества на необходимость соблюдения норм, содержащихся в Кодексе журналистской этики российского журналиста и Хартии телерадиовещателей и касающихся, в частности обязанности

- адекватного представления всех точек зрения в жанре «журналистского расследования» и в дискуссиях, посвященных острым социальным проблемам;
- пригласить руководство Общественного телевидения России, а также руководство существующих федеральных телеканалов к постоянному сотрудничеству с Советом при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека.

Из Рекомендаций Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека по итогам специального заседания на тему «Плюрализм современного телевидения и гражданское самосознание», 18 февраля 2013 года

Ред. Но все-таки полностью от сотрудничества с Советом вы не отказываетесь?

В.П. Нет. Если пригласят по вопросу, в котором я сведущ, я не откажусь, выступлю. Даже понимая, какая может быть реакция сверху. Все-таки лучше так, чем совсем ничего.

Леонид Рошалы:

«Абсолютно не сожалею, что работал в Совете, и мне не стыдно за ту работу»

Леонид Михайлович Рошалы (родился 27 апреля 1933 года в г. Ливны) — доктор медицинских наук, профессор. Журналистами назван «Детским доктором мира». Номинант на Нобелевскую премию мира (2007), лауреат премии Людвиг Нобеля (2010), президент основанного при его непосредственном участии Союза медицинского сообщества «Национальная медицинская палата», объединившего врачей России, обладатель премии имени Высоцкого «Своя колея». Председатель Совета по медицине Российской части Российско-Китайского комитета дружбы, мира и развития, президент Международного благотворительного общественного фонда помощи детям при катастрофах и войнах. Президент построенного по его инициативе и при его участии уникального Московского научно-исследовательского института неотложной детской хирургии и травматологии. Член Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации / Совета по развитию гражданского общества и правам человека (2002–2009), член Общественной палаты (2005–2009).

Оказывал медицинскую помощь детям: в Монголии, при землетрясениях в Армении, Грузии, США, Турции, Египте, Японии, России (Сахалин), Афганистане, Индии, Алжире, Пакистане, Индонезии, Гаити, при природных и техногенных катастрофах в Москве, Усть-Каменогорске, при железнодорожной катастрофе (Уфа–Челябинск), в войнах в Израиле, Югославии, Нагорном Карабахе (Армении и Азербайджане), Чечне, во время революции в Румынии, при терактах в Каспийске (Дагестан), на Дубровке («Норд-Ост»), в Беслане.

Награжден медалью «Защитник свободной России», орденами «Мужества», «За заслуги перед отечеством», «Почета», орденами и почетными знаками иностранных государств — Армении, Беларуси, Монголии, Казахстана, Пакистана, Узбекистана, орденом Почетного легиона Франции. Награжден гражданскими знаками отличия: «За заслуги перед Москвой», «За заслуги перед отечественным здравоохранением». Кавалер гражданского ордена Золотой крест «За служение обществу», кавалер Золотого Почетного знака «Общественное признание». Награжден орденом Петра Великого первой степени, благотворительной медалью от детей Беслана, медалью Золотая Звезда «Национальный Герой», орденом «Соль земли русской», знаком «Св. Пр. Иулиании Лазаревской», орденом «Звезда Великой России», дипломом «Легенда России», орденом «Рубиновая звезда миротворца», дипломом «Национальное достояние России», орденом Святого Петра «За выдающуюся общественную деятельность», наградой Латвийской медицинской ассоциации «Человек времени». Присвоено звание «Выдающийся Старейшина» (Турция).

Ред. Леонид Михайлович, к занятию правозащитными делами вас привели ваши мысли, настроения?

Л.Р. Мы же говорим о моей работе в Комиссии по правам человека, а затем в Совете по правам человека начиная с 2002 года? Членом Комиссии я стал еще до «Норд-Оста». Путин подписал Указ о новом составе Комиссии 19 октября 2002 года, а трагедия «Норд-Оста» произошла 23 октября этого же года.

Ред. Да. Но ваши студенчество, молодость пришлось на годы «оттепели». Это оказало на вас какое-то влияние?

Л.Р. Ну как такое могло не оказать влияния?

Ред. Бывало по-разному.

Л.Р. Я всегда по всем вопросам занимал самостоятельную позицию: чего не хотел — никогда не подписывал и никогда не голосовал против совести.

Ред. Вы были членом Совета (сначала Комиссии) с 2002 года. Как вы попали туда?

Л.Р. Мне позвонили и сказали, что я Президентом назначен в члены Комиссии. Деталей не помню.

ПОЗИЦИЯ «Наши силы небезграничны. Сегодня мы работаем с огромной нагрузкой. Нас измучили экономические проблемы, мы сейчас больше считаем, чем лечим. Это результат работы экономического и финансового лобби страны, которое поставило нас в такие условия. Иногда мне кажется, что они просто

ХОТЯТ НАС ЗАДУШИТЬ. И ЧЕМ ХУЖЕ СИТУАЦИЯ В МЕДИЦИНЕ, ТЕМ ИМ ЛУЧШЕ. ХОТЯТ ГНЕВ НАРОДА НАПРАВИТЬ НА НАС. Я УБЕЖДЕН, ЧТО ТЕ, КТО ЭТО РЕШАЕТ, В НАШИХ ГОРОДСКИХ ПОЛИКЛИНИКАХ НЕ ЛЕЧАТСЯ».

Ред. У вас была специализация при работе в Совете?

Л.Р. В принципе, все высказывались и принимали решения по всем вопросам. Обсуждались любые вопросы: связанные с социальной сферой, политикой, перспективами. Все за всё, и каждый за себя. Конечно, акцентом моей работы в Комиссии было то, чем я занимался и до нее, — организация медицинской помощи в стране. Здесь было много проблем. Ведь то, что наше здравоохранение рухнуло в 90-е годы, чувствовал ежедневно каждый россиянин, что называется, «на собственной шкуре». Мы тогда потеряли даже то небольшое, что имели во времена СССР... Я попытался донести до Президента основное: проблема здоровья и выживания нации должна быть приоритетна, ибо от болезней и связанных с этим других социальных проблем Россия ежегодно теряет без воспроизводства по 600–700 тысяч своих граждан. Если бы так продолжилось, то скоро некому было бы строить будущее страны. Полагаю, я нашел понимание.

Был нашумевший случай с Алексаняном. Совет обращался в Генеральную прокуратуру Российской Федерации, Федеральную службу исполнения наказаний и в Московский городской суд о принятии незамедлительных мер для лечения В.Г. Алексаняна в больнице, специализирующейся на лечении СПИДа и сопутствующих

заболеваний. Я входил в группу, которая разбирала возникшую ситуацию. Мы не занимались правосудием, мы объективно оценивали состояние его здоровья и возможность оказания полноценной медицинской помощи. Оказалось, что он практически потерял зрение, у него диагностированы СПИД, рак печени, туберкулез и лимфосаркома. Одного из этих заболеваний хватит, чтобы не жить. Мы встали на защиту его здоровья и сделали соответствующее заключение. Он был освобожден 8 декабря 2008 года и умер 3 октября 2011 года.

Еще одна тема, связанная с тюрьмой, — это дети заключенных, находящиеся с ними в тюрьме. Мы выезжали в колонии, изучали состояние дел и давали конкретные предложения. Надеюсь, что они помогли. Проблем всегда достаточно. Одни уходили, другие появлялись.

Мы поддержали создание в Москве кабинета-музея Андрея Сахарова.

Было несколько встреч с Президентом. По двум конкретным вопросам я в ходе этих встреч высказался.

Ред. Расскажите, пожалуйста.

Л.Р. Во-первых, я выступил против пошлости, грубости, духа насилия на телевидении. Против того, что там насаждается право силы, показываются жестокие сцены насилия, убийства. Во-вторых, я выступил по поводу Ходорковского. Президент

рассказал, что к нему неоднократно приходил генпрокурор Устинов с докладом, что, дескать, не все хорошо. И тогда Президент, по его словам, дал согласие на арест.

Я выступил с предложением применить другие меры воздействия, поскольку ничего хорошего от ареста, как я считал, не будет.

ДОКУМЕНТ

Л.Р. Рошаль: Владимир Владимирович, Вы знаете, я хочу сказать, что на нашем месте с удовольствием бы оказались миллионы, потому что вот так пообщаться с Президентом, послушать нормальную речь, аргументированные возражения и мнения Президента — это очень нужно для народа. Мне было сегодня очень, очень интересно. Чаще нужно. Спасибо.

Из стенограммы заседания
Комиссии по правам человека
с участием Президента Владимира Путина,
10 декабря 2002 года

Ред. Как вам работалось в Совете?

Л.Р. Отлично. Атмосфера была очень доброжелательная. Никто никому не затыкал рот, хотя дискуссии при принятии решений были. Была полная возможность высказать свое мнение, при этом ты знал, что никто за это тебя не посадит и что твой голос будет учтен. Управление внутренней политики Администрации Президента в дела Совета заметно не вмешивалось. Другое дело, что Элле Памфиловой доставалось, на нее могли нажимать. А она отстаивала правду. Она замечательный, твердый человек, который никогда не допустит подлости.

Она же создала Союз «Гражданское общество — детям России». Работа была хорошо организована, мы собирались в Администрации Президента на Старой площади. Заседали два-три часа, никогда не было ничего, похожего на застолье. Элла Александровна начинала, у всех был на руках список вопросов, каждый, подчеркну — каждый, мог выступить.

Не могу забыть случай с Людмилой Алексеевой. Она была со мной приветлива, улыбалась, а потом вдруг в компании еще двух не очень приличных людей в связи каким-то моим высказыванием обвинила меня в нечестности. Я у нее спросил: «Как вы могли так сделать?» У нее глаза забегали, а смысл ее ответа был такой, что это она сделала из «солидарности». Тогда я ей ответил, что так можно и к убийству приговорить по принципу сталинских «троек», из солидарности, и отношения наши, естественно, изменились. Для человека,

олицетворяющего права человека, так поступать, считаю, не совсем хорошо.

А вообще, время было интересное, я абсолютно не сожалею, что работал в Совете, и мне не стыдно за ту работу. Хочу отдельно сказать обо всех своих коллегах, с кем довелось сотрудничать.

Ред. Замечательно, мы все запишем.

Л.Р. Вот прямо по списку. Валерий Абрамкин — крепкий человек. Никогда не врал. Говорил нечасто, спокойно, но точно. Александр Аузан — известный борец за права потребителей. Сергей Борисов, занимающийся поддержкой малого и среднего бизнеса, много сделал. Писатель Борис Васильев, очень симпатичный человек. Кто не помнит «А зори здесь тихие»?.. Светлана Ганнушкина — известный человек, активный правозащитник. Работали вместе в комиссиях.

Сергей Говорухин, который создал «Организацию ветеранов-инвалидов». Работал в горячих точках. У него была ампутирована нога. Он не похож был на своего отца, был более жесткий, без дипломатии. Елена Ершова активно работала. Георгий Жжёнов — человек, знавший, что такое тюрьма. Само его присутствие поднимало уровень Совета. Мы лично познакомились в Совете, и там началась наша дружба. Очень жаль, что поздно.

Олег Зыков — он до сих пор работает, борется с наркоманией и алкоголизмом. Тамара Морщакова — судья Конституционного Суда в отставке, на редкость

разносторонний человек, по каким только проблемам к ней не обращались. Всегда спокойно выслушает. И я в том числе обращался. Она небольшого роста, но очень сильный человек. Олег Пилюгин... Алексей Симонов продолжает на своем поприще работать. Владимир Соловьев — этот за словом в карман не полезет. Генерал Н.А. Чалдымов, он уже ушел из жизни. Я его лично знал до Совета. Очень приятный человек был. Алексей Константинович Пушкин — тогда автор и ведущий популярной аналитической программы «Постскриптум».

Во втором составе прибавились Алексей Головань — специалист по правам ребенка, очень знающий человек; Сергей Караганов — его представлять не нужно, он же был главой Совета по внешней и оборонной политике. Пришли весомые личности: Я.И. Кузьминов, Ю.А. Левада, В.В. Познер, Ю.М. Поляков из «Литературной газеты». Очень интеллигентный и основательный Б.Ю. Титов, возглавлявший «Деловую Россию». Эти люди вызывали уважение. Валерий Александрович Фадеев — очень положительный человек, тогда главный редактор журнала «Эксперт», сегодня секретарь Общественной палаты России. Да со всеми было интересно. Буквально о каждом из перечисленных и не названных мной можно много говорить.

В состав Совета не боялись брать тех, кто не всегда был согласен с Президентом.

Ред. А почему вы ушли из Совета?

Л.Р. По прошествии времени я стал чувствовать, что на Совет пытаются воздействовать

негативно, не понимая его роли. Причем шло это не от Президента, а от окружающих его людей, связанных с реализацией внутренней политики. Это стало причиной ухода Э.А. Памфиловой. Я очень рад, что правда восторжествовала и тогда она заняла пост омбудсмена. А я к тому времени уже работал в Общественной палате, и та же Элла Александровна давала понять, что это неидеальное совмещение. Я выбрал Общественную палату, потому что там была специальная комиссия по здравоохранению.

Ред. Что вы считаете наибольшим достижением за время работы в Совете?

Л.Р. Само участие в работе Совета и абсолютную честность принимаемых решений.

Ред. С тех пор вы принимали участие в работе Совета как эксперт или консультант?

Л.Р. Нет.

Ред. Но за его работой следите?

Л.Р. Представление имею. Я вижу и слышу иногда выступления Михаила Федотова по отдельным важным вопросам, а хотелось бы, чтобы телевидение и радио побольше освещали деятельность Совета в целом, его повседневную, текущую работу, чтобы рядовые граждане лучше знали, зачем создан этот Совет. Что касается состава, то он, по-моему, размыт, не знаю, надо ли было так его расширять.

Алексей Симонов:

«Я бы не сказал, что результативность Комиссии, потом Совета, была очень высока. Но все-таки была возможность советовать Президенту»

Алексей Кириллович Симонов (родился в 1939 году в Москве) — советский и российский журналист, кинорежиссер, правозащитник. С 1991 года — президент Фонда защиты гласности.

Окончил факультет восточных языков (индонезийское отделение) МГУ. Год работал переводчиком в советской колонии в Джакарте, затем редактором и переводчиком в издательстве «Художественная литература». Окончил Высшие режиссерские курсы, работал в творческом объединении телевизионных фильмов Гостелерадио «Экран». Известны его фильмы «Обыкновенная Арктика», «Отряд», «Процесс» и др. Помимо игровых фильмов снимал фильмы документальные: «Мир Галины Улановой», «Утесов», «Соловьев-Седой». Преподавал в Институте кинематографии. С 1991 года — председатель правления, президент Фонда защиты гласности. С 2001 года — председатель жюри премии имени Андрея Сахарова «За журналистику как поступок». В 1993 году был членом Конституционной Ассамблеи Российской Федерации и членом Третьего суда по информационным спорам. Входил в состав Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека до 2012 года.

Сотрудничает со многими газетами и журналами. Опубликованы переводы Алексея Симонова из Ирвина Шоу («Тогда нас было трое», «Солнечные берега реки Леты»), Артура Миллера, Джойс Кэрролл Оутс, Юджина О'Нила, африканских и индонезийских поэтов и т. д.

Ред. Алексей Кириллович, ваше тяготение к правозащитной деятельности возникло не от той информации о беззакониях сталинских времен, которую вы знали от отца и которую он не мог рассказать публично?

А.С. Нет. Просто и у отца, и у матери было одно общее свойство: готовность помогать людям. У отца для этого было больше возможностей, а у мамы — больше сердца. Она помогала глубоко, персонально и сердечно. Она, по сути, воспитала целое поколение молодых поэтов. Мама была литературным редактором. Но есть редакторы-цензоры, а есть редакторы, помогающие прорваться. Вот мама такая была. Самые неожиданные люди становились ее друзьями. После нее осталось около тысячи авторских экземпляров, в основном первых поэтических сборников, с благодарственными надписями.

Отец тоже очень много читал молодых авторов, помогал им, особенно тем, чье творчество было связано с войной. В общем, оба умели воспринимать чужую боль, чужую беду, как свою, и я этим пропитался.

Отступлю от ответа на ваш вопрос и расскажу одну историю. Гуляли мы, молодые, в одном доме на Кудринской, я перебрал и заснул. Разбудить меня — задача очень непростая, а тут появились родители хозяйки, надо удаляться. Тогда мой приятель сказал мне на ухо: «Леша, надо помочь!» Я встрепенулся, и меня увели.

Ред. Вы сумели формализовать свои настроения в Фонде защиты гласности?

А.С. Да, история с Фондом была рубежной. В перестроечное время те, кто помнил «оттепель», переживали вторую молодость. Вновь какая-то звезда засияла. Меня и мне подобных очень возмутило вранье, которое полилось с экранов телевизоров по поводу событий в Прибалтике. Мы же были связаны с местными кинематографистами, имели информацию. Решили даже объявить бойкот Центральному телевидению и призвать тележурналистов нас поддерживать. Потом подумали и решили: бесполезно, ведь для журналистов это звучало бы как призыв потерять работу. Нужен был фонд, который мог бы их поддерживать.

Базой стал наш тогда архипередовой Союз кинематографистов. Его возглавлял Элем Климов, а я был председателем контрольно-правовой комиссии. Стали выбирать правление. В него вошли три кинорежиссера — Элем Климов, Алексей Герман и Георгий Данелия, два тележурналиста — Элла Куркова и Владимир Молчанов, и два газетчика — Егор Яковлев и Игорь Голембиовский. Я стал этим заниматься и вот уже 25 лет с этого пути не схожу.

Ред. Как шло становление организации? Ведь ничего подобного на легальной основе ранее не было.

А.С. В феврале 1991 года мы зарегистрировали Устав, а днем рождения считаем 6 июня, день рождения Пушкина. Оказалось, это еще и день рождения цензурного комитета, об этом нам Юрий Батурин сообщил на первой пресс-конференции.

ПОЗИЦИЯ «Понятие «свобода слова» состоит из двух частей. И у нас одна половина всегда есть. Гласность существует, потому что возможность сказать все,

Что ты думаешь, есть.
Вопрос заключается в том,
что нет возможности быть
услышанным. Вот проблема,
вторая половина этой,
с позволения сказать,
дилеммы. За слово нельзя
судить уголовным судом,
я против. Это я защищать
буду в любом случае. Следо-
вательно, там, где у меня
нет возможности защищать
человека конкретно,
я пытаюсь защищать
его теоретически».

Ред. А финансирование откуда пришло?

А.С. Мы собрали изрядную по тем временам сумму — 300 тысяч рублей — от творческих союзов и газет. Это был стартовый капитал, но зарплату себе из него платить мы не могли. Начали помогать семьям погибших журналистов. В Латвии это были Гвидо Звайзне

и Андрис Слапиньш. В Калуге был убит редактор газеты «Знамя» Иван Иванович Фомин.

Наступил август 1991-го, и тут мы поняли, что можем иметь не только гуманитарную составляющую, но и идеологическую. Ведь тогда в одночасье закрыли все коммунистические газеты. Я выступил против этого,

и Павел Николаевич Гусев, спасибо ему, напечатал в «Московском комсомольце» мое письмо. Это было тогда абсолютно вне общего хора, но я писал, что так делать нельзя. Иначе произвол будет твориться и в отношении демократических изданий. У Фонда появилась репутация.

Я помню, как Егор Яковлев, уходя на пост руководителя телекомпании «Останкино»,

спросил меня, не стоит ли закрыть Фонд — ведь вроде бы мы победили. А я ответил: «Вот мы с тобой теперь и будем бороться». Он посмеялся, Фонд продолжил работу, и через год пришлось ехать на телевидение и заступаться уже за самого Егора Яковлева, которого убирали с его поста. Фонд становился самостоятельной величиной, мы стали получать гранты.

ДОКУМЕНТ

Специальная норма статьи 1401 Уголовного кодекса РСФСР, которая предусматривает уголовную ответственность за «воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов», практически не применяется. По данным Министерства юстиции Российской Федерации, по указанной статье за период с 1990 по 1994 год включительно были осуждены два человека: один в 1992-м и один в 1993 году; одно дело по статье 1401 УК РСФСР было возбуждено в 1994 году и три — в 1995 году.

Данная норма распространяется только на журналистов и не защищает право граждан Российской Федерации на доступ к информации.

Из Доклада Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации «О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации в 1994–1995 годах»

Ред. Откуда?

А.С. Оттуда. За этим вопросом давний подтекст: а как же наши? Неужели никто — ни копейки? Расскажу. Был я на фандрайзинге у Виктора Вексельберга, одного из наших «богатеньких», рассказывал о Фонде. Он ответил мне: «Не понимаю, зачем мне это. Если мне нужно будет напечатать статью, я куплю газету». То есть полное непонимание, заложенное в самом менталитете. Нашли иностранные гранты. Надо сказать, что все эти грантодатели неплохо знают друг друга, консультируются. Нам дал первые 10 тысяч долларов Фонд Рокфеллера. Было сказано: делайте то, что считаете нужным, если хотите, отчитайтесь. Мы отчитались: 95% суммы ушло на дело (например, мы открыли школу подготовки юристов для массмедиа), а 5% — на накладные расходы.

Подключились Фонд Форда, Фонд Макартуров. Внимательно изучали меня. Я одному из их представителей, Джозефу Шулу, сказал: «Джо, ты, кажется, только в венерическом диспансере справки обо мне не навёл».

Действовали мы по всему периметру бывшего Союза. Пришло известие

из Душанбе об аресте замечательного поэта Бозора Собира, а тут как раз была назначена встреча Ельцина с интеллигенцией в Бетховенском зале Большого театра. Одни давали советы, что делать с оппозицией, другие просили чего-то для себя: льготы, ремонты, гастроли. Я обратился к Президенту: «Раз вы у нас гарант, вы можете помочь творческим людям и в соседних государствах», и рассказал о Собире. Смотрю, он бросил секретарю: запиши. Потом во всех инстанциях я ссылался на «разговор с Президентом России».

Ред. Вы знали о создании Комиссии по правам человека?

А.С. Я знал самого С. А. Ковалёва как совершенно незаурядного человека. В Комиссию к нему я не обращался, но поддерживал и сейчас полностью поддерживаю то, что он пытался делать в Чечне. А вот со следующим председателем, В. Карташкиным, мы несколько раз схлестывались. Его назначение я расценил примерно так: на вольных скакунов пытаются надеть шесть уздечек и десять хомутов.

Интересно было наблюдать за эволюцией провинциального правоведа Олега Миронова, когда тот стал омбудсменом. Он сумел осознать масштаб стоящих перед ним задач. Я даже принял от него премию Уполномоченного, это одна из моих немногих государственных наград. Сняли его в итоге за либерализм. Правда, заменили удачно. С Владимиром Лукиным у нас было много общих достойнейших друзей, таких как Юлий Ким и Давид Самойлов.

Ред. А как вы все-таки попали в состав Совета?

А.С. Мне позвонила Элла Памфилова, которую я знал по общению в депутатских кругах. Она сказала, что заново осваивает правозащитную территорию, назвала несколько фамилий из числа тех, кого хотела бы привлечь к работе. Это были такие имена, что я тут же согласился. Элла Александровна одновременно и трепетная, и упертая — это ее особенность. Она хорошо умеет бежать на дистанции, но не очень умеет брать барьеры. А барьеры частенько создавали по соседству — в Администрации Президента. Я бы не сказал, что результативность Комиссии, потом Совета, была

очень высока. Но все-таки была возможность советовать Президенту.

В 2002 году была намечена встреча с Путиным. Я, как и все, тщательно готовился. Хотел запомниться — в интересах дела. Учил и свою фамилию, и все возможные обстоятельства. Хотел говорить о цензуре, о том, что первой жертвой этой цензуры может стать сам Президент. Он читает отцеженную цензурой информацию, что везде хорошо, — и законы не те принимает. Свою пятиминутную речь я выучил наизусть. Вспомнил фронтную повесть отца о событиях 41-го года «Пантелеев», где все беды происходили из-за того, что командиры боялись сделать правдивый доклад. Эта встреча происходила вскоре после событий на Дубровке. Путин сказал, что подготовка к штурму театра была показана по НТВ, и это навредило операции. Я возразил, сказав, что кадры показали уже после событий. Он меня резко перебил.

Я потом позвонил Суркову, спросил, почему отчет о встрече не выложен на Кремлевский портал, люди ждут от нас информации о встрече с главой государства. Он ответил: «Мы подумаем», а потом спросил, можно ли изъять полемику по поводу НТВ. Чтобы оставшая информация не пропала. Я согласился.

ДОКУМЕНТ

А. Симонов: Сразу — формулу, чтобы понятно было. Мы вывели такую формулу, что гласность — это возможность выкрикнуть из толпы, что король голый, а свобода слова — это возможность сказать об этом королю до выхода на площадь. С этой точки зрения со свободой слова у нас тяжело, потому что я, к сожалению, в отличие от всех моих предшественников и коллег, вряд ли порадою вас конкретными предложениями по обсуждаемым вопросам. Мне придется говорить о вещах более абстрактных и более труднодоказуемых. Одна из них связана с тем, что гласность от свободы слова отличается на порядок в силу того, насколько в обществе существует страх свободы слова. На сегодняшний день страх свободы слова в обществе усиливается, и он усиливается двояко: он усиливается в смысле желаний населения. И неслучайно по этому поводу идут различные пулы, которые дают цифры, что более 50–55% населения готовы снова к введению цензуры — это одна сторона дела.

А вторая сторона дела связана с практикой, потому что у населения нет желания этой свободы. А на самом деле при осуществлении этой свободы люди сталкиваются с очень большими трудностями, и чем дальше, тем с большими. В частности, достаточно известное дело Григория Михайловича Пасько — я сейчас не про дело говорю, я говорю про результаты этого дела. Вот уже четыре года на Дальнем Востоке вы не найдете ни одной статьи, всерьез обсуждающей проблемы дальневосточной экологии и деятельности армии и флота. Вот таков результат страха, который возник в связи с этим делом.

Жертвой этого страха становится, как ни странно, власть, потому что до нее, с одной стороны, не доходит весь необходимый объем информации. С другой стороны, традиционно, когда десять лет, одиннадцать лет тому назад приняли первый закон о СМИ, все были счастливы. И наши все европейские эксперты просто всплескивали руками от радости, что наконец в России отменили цензуру. На самом деле цензуру отменили только наполовину: отменили ту цензуру, которая не позволяла обществу знать те произведения, факты, ту информацию, которую знал избранный круг людей.

Но есть еще и вторая форма цензуры, которая у нас сохранилась. И жертвой этой цензуры является сама власть и в первую очередь, как это ни печально констатировать, в том числе и, может быть, в первую очередь Президент. Потому что цензурируется то, что идет к Президенту.

В. Путин: Я считаю, что вы абсолютно правы, когда говорите, что первой жертвой отсутствия гласности и свободы слова является сама власть. В этом Вы абсолютно правы, потому что действительно очень многое, что является принципиальным из жизни страны, я получаю из средств массовой информации, как это ни странно покажется. И если там этого нет, то, значит, у меня нет этой информации. Но нельзя и полагать, что все, кто работает в этой сфере, всегда правы. Закон только нельзя нарушать. Не очень удачное, может быть, у меня было выражение о диктатуре закона. Но есть и другие выражения, которые вошли в историю, и никто с ними не спорит: «Суров закон, но это закон». Выполнять надо.

Из стенограммы заседания Комиссии по правам человека с участием Президента Владимира Путина, 10 декабря 2002 года

Ред. Чего вам удалось добиться за время работы в Комиссии?

А.С. Удалось немного. В частности, удалось передать Путину письмо православных людей и представителей российских организаций, побывавших в Косово. В их числе была и моя жена, Галина Симонова-Щепетнова. Она считает, что их призыв был, по крайней мере, услышан. При Медведеве была известная история с актрисой Натальей Захаровой. Ей запрещали видеть ребенка от бывшего мужа-француза, а потом обвинили бог весть в чем и посадили в тюрьму, затем по соглашению с российскими властями перевели в российскую тюрьму. Я написал Медведеву письмо, которое

начиналось словами: «Милосердие непопулярно у российских президентов», и сам как член Совета по правам человека приехал в место заключения Захаровой. Через неделю ее освободили⁶¹.

Я работал, заседания Совета старался не пропускать. В частности, занимался мероприятиями по Программе восстановления исторической памяти. Но очень многое ушло в песок.

61 Указ Президента РФ «О помиловании Захаровой Н.В.» от 5 августа 2011 года № 1051 // Собрание законодательства РФ. — 08.08.2011. — № 32, ст. 4816.

ДОКУМЕНТ

Об освобождении из тюрьмы в Туркменистане сопредседателя Совета Международной общественной организации «Международный социально-экологический союз» А. Затоки

На встрече Президента Российской Федерации с Советом 11 января 2007 года Совет обратился к Президенту с просьбой о содействии освобождению из тюрьмы в Туркменистане сопредседателя Совета Международной общественной организации «Международный социально-экологический союз», гражданина России Андрея Затоки, который был необоснованно задержан в Ашхабаде.

Президенту было передано письмо в защиту А. Затоки, подписанное более чем 280 общественными организациями из многих стран СНГ.

В итоге 31 января 2007 года А. Затока был осужден на три года условно и освобожден в зале суда, а в ноябре амнистирован.

Из Краткого обзора деятельности Совета за 2002–2008 годы

Ред. Вы из-за этого вышли из состава Совета?

А.С. В первую очередь из-за избрания Владимира Путина на новый срок. Я не хотел больше советовать Президенту — при

самых добрых отношениях с Михаилом Александровичем Федотовым.

Ред. А по линии СМИ?

А.С. Нет. Михаил Александрович, как известно, — один из секретарей Союза журналистов России, и он знает, что в этой сфере творится. Но изменить что-то в действующем на этот счет законодательстве он не сможет.

Ред. Как эксперт вы выступаете?

А.С. Инициативно — нет. Зовут — прихожу. Мне уже 77 лет, я устал. Я восхищаюсь Людмилой Михайловной Алексеевой. Она старше меня, здоровье неидеальное, но она еще делает полезные конкретные дела — просто на своем авторитете.

В своей сфере и я что-то делаю. Тут посадили в Ростове-на-Дону журналиста Александра Толмачева за клевету

на председателя областного суда. Сам он, как это нередко бывает, из военных и человек с нелегким характером. Я был на приеме у председателя Верховного Суда РФ В. М. Лебедева и добился, чтобы рассмотрение дела перенесли в другую область. Его перенесли — из Ростова в Краснодарский край, в ту самую печально прославившуюся станицу Куцневская⁶².

В качестве итога о своей деятельности в Совете скажу так. Элла Александровна собирала людей в Совет по внутреннему ощущению, а Михаил Александрович — по разумным соображениям. Памфилова, на мой взгляд, избрала вариант более точный, более полезный для дела.

⁶² В 2014 году Куцневский районный суд Краснодарского края приговорил Александра Толмачева к девяти годам лишения свободы за несколько эпизодов вымогательства.

Борис Титов:

«Я считаю, что Совет нужен. Мы государство с далеко еще не устоявшейся демократией»

Борис Юрьевич Титов (родился в 1960 году в Москве) — уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам предпринимателей (с 22 июня 2012 года), сопредседатель общероссийской общественной организации «Деловая Россия». Председатель российско-китайского комитета мира, дружбы и развития. Председатель Совета «Российского Союза виноградарей и виноделов». Председатель «Партии Роста».

Окончил экономический факультет МГИМО(У) МИД России по специальности «Экономист-международник». После получения диплома работал во внешнеторговом объединении «Союзнефтеэкспорт», в совместном советско-голландском предприятии Urals. В 1991 году совместно с партнерами создал собственную компанию Solvalub, выкупив лондонскую компанию Solvents and Lubricants, с которой сотрудничал ранее, и стал исполнительным директором группы компаний SVL Group, а затем председателем правления группы. В 1999-м была создана Финансово-промышленная группа «Интерхимпром», осуществлявшая управление активами Solvalub в России, и Титов стал председателем объединенного правления. В 2001–2002 годах Титов занимал пост президента ЗАО «Агрохимическая корпорация «Азот», с 2002 по 2004 год — президент Фонда развития промышленности минеральных удобрений. С 2003 года — председатель правления Некоммерческого партнерства «Координатор рынка газа», созданного по инициативе Российского Союза промышленников и предпринимателей (РСПП) и Газпрома. Председатель совета директоров ОАО «Абрау-Дюрсо».

В 2000-м избран членом бюро правления и вице-президентом Российского Союза промышленников и предпринимателей (РСПП), где в 2002–2005 годах возглавлял комиссию по этике. В 2003-м стал сопредседателем, а в мае 2004-го — председателем Общероссийской общественной организации «Деловая Россия», объединяющей представителей несырьевого частного бизнеса России. Будучи лидером «Деловой России», вошел в состав ряда государственных и общественных структур. Стал членом Совета по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике, Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, Совета по конкурентоспособности и предпринимательству при Правительстве РФ и правительственной комиссии по вопросам развития промышленности, технологий и транспорта. В 2005–2008 годах был членом Общественной палаты РФ. С 2010 года занимает пост Председателя Совета Союза виноградарей и виноделов России.

Кандидат в Президенты РФ от «Партии Роста» (2018).

Ред. Борис Юрьевич, вы окончили МГИМО по специальности экономист-международник. Вам не доводилось сталкиваться тогда, хотя бы по зарубежным источникам, с такими понятиями, как «защита собственности», «права собственника»?

Б.Т. Только теоретически и с негативным оттенком, мы ведь изучали такие общественные дисциплины, как научный коммунизм, капитал Маркса. И вообще, про «оттенки»: в МГИМО предпочитали придерживаться поправленной там версии народной поговорки: «Слово — не воробей, поймает — вылетит». Это уже потом, в новую эпоху, у меня стал меняться взгляд на собственность. Я стал смотреть более предметно и широко.

Ред. Это случилось, когда вы попали в Российский союз промышленников и предпринимателей?

Б.Т. Да, в РСПП, а потом — в «Деловую Россию». А еще раньше ведение собственного бизнеса многому научило.

Ред. С чем вы столкнулись?

Б.Т. С рейдерством, с корпоративными конфликтами, к которым небескорыстно подключались представители государственных органов.

Ред. Это уже было очевидно?

Б.Т. Вполне. Сладкое слово «собственность» манило. Мне стало ясно, что бизнес надо защищать от государственного давления, обезопасить от растущих аппетитов чиновников. Мы стали искать инструменты для противостояния давлению, пытаться налаживать нормальный диалог с властями, правоохранительными органами.

Ред. С прокуратурой?

Б.Т. С ней и со следственными органами МВД. Больше проблем возникало с полицией, МВД. Кстати, и внутри самого бизнес-общества мы старались ввести рамки порядочности.

Ред. Есть примеры?

Б.Т. Мы защитили один самарский бизнес от Ходорковского, который вовсе не был, как все думают, белым и пушистым.

Ред. Так не все думают.

Б.Т. Так вот, ЮКОС хотел прибрать к рукам заведомых миноритариев.

Ред. А разве такие вопросы не арбитражем решаются?

Б.Т. Их было более шестидесяти. Но ЮКОС не признавал их в качестве акционеров. А мы создали общественный этический арбитраж. В нем выступил в качестве арбитра, например, Анатолий Чубайс. Мы признали ЮКОС неправым, и, надо отдать им должное, они выкупили за приличные деньги к взаимному удовлетворению этот пакет у миноритариев.

Ред. То есть ЮКОС подчинился?

Б.Т. Да, подчинился. В практике РСПП были еще подобные случаи. Многие все-таки не хотят портить себе кредитную историю, для многих важны репутационные моменты. В «Деловой России» стало больше проблем, мы подготовили пять пакетов по либерализации уголовного законодательства в экономической сфере.

Ред. А как вы попали в Совет по правам человека?

Б.Т. Мне позвонила Элла Александровна Памфилова.

Ред. Вы были знакомы до этого?

Б.Т. По-моему, нет. Полагаю, мне звонили не как Титову, а как руководителю «Деловой России». Там уже были от нашего «цеха» Александр Шохин, Сергей Борисов. В Совете хотели использовать новый институт для своих целей. Мы несли понятийные различия. Ведь человек, далекий от предпринимательской деятельности, распоряжается только собой и отстаивает свои личные, очень важные права, а предприниматель несет еще и ответственность за корпоративную собственность, средства производства, прибавочный продукт. Он — генератор производства, генератор активов. Получение прибавочного продукта, природная рента, добавочная стоимость — это то, чем в конечном счете живет общество.

Предприниматели — особая социальная группа, отстаивающая не только личные права, а значительно больший объем прав,

на которые часто покушаются нечестные чиновники, коррупционеры, особенно когда производство начинает расти. Предприниматель нуждается в отстаивании своих прав и безопасности, тут единство прав человека и прав предпринимателя.

Ред. Чем вы стали заниматься, попав в Совет?

Б.Т. Готовил доклады по отбиванию налоговых аппетитов. Головной болью были отношения с МВД. Но мне было интересно слушать и доклады по другим вопросам, по общим вопросам. Ну а лейтмотивом нашей работы, конечно, была экономическая самостоятельность. Элла Александровна очень много делала, причем на разных

направлениях. Помню, организовала в Центре международной торговли встречу представителей бизнеса с экологами. Ведь их интересы близки.

Ред. К сфере, в которой вы работали (нефтехимия. — Ред.), у экологов, как правило, много претензий.

Б.Т. Тем не менее можно договориться. Там есть, конечно, радикалы вроде представителей «Гринпис». Но с разумными специалистами договариваться можно. Все ведь понимают, что вода на входе в предприятие и вода на выходе из него не может быть одной и той же. Но она не должна загрязнять природу, и, конечно, обязательно нужны очистные сооружения. Консенсус возможен.

ПОЗИЦИЯ «У нас в России огромное количество людей, которые сами на себя работают, не нанимая другой персонал. Сегодня им намного выгодней оставаться в «тени» и не платить налоги, чтобы лишний раз не сталкиваться с органами власти, а это уже характеризует весь российский бизнес. Поэтому нам так важно закрепить термин «самозанятые» в нашей стране и предложить им такие условия, чтобы легализация деятельности оказалась выгодной.

Самозанятые граждане должны выйти из тени и стать полноправными членами общества, которые могут участвовать в пенсионной системе, брать потребительские кредиты и вступать в официальные отношения с государством.

Сегодня мы должны забыть о том, что наша страна может выжить за счет экспорта нефти или другой минеральной продукции. Нужно искать новые источники заработка и инвестиций, прежде всего в реальное производство, а не природной ренты. Бизнесу нужны кардинальные и срочные меры, чтобы был стимул инвестировать в другие сферы производства».

Ред. В состав Совета во главе с Михаилом Федотовым вы уже не вошли?

Б.Т. При Федотове состав Совета изменился, расширился. Я не вошел в него, хотя у меня с Михаилом Александровичем хорошие, уважительные отношения. Скорее всего, он просто пощадил меня, поскольку у меня к тому времени образовалось много

нагрузок. Михаил Александрович сразу же пригласил меня на заседание — выступить вместе с заместителем министра юстиции. Я представлял свое видение института защиты прав предпринимателя, а Минюст сообщал об обстановке в местах лишения свободы. Предприниматели сидят в тех же условиях, что и все остальные. Вообще, скажу в шутку, у нас в Совете есть своя

«глубокая разведка». Это Тамара Георгиевна Морщакова, член нашего экспертного совета, и — до недавнего времени — Анатолий Кучерена, сопредседатель центра «Бизнес против коррупции».

Ред. То есть вы взаимодействуете?

Б.Т. Да, двигаясь параллельными курсами. Ведь и тогда, когда Элла Александровна возглавляла Совет, мы помогали друг другу в отдельных случаях.

Ред. Кто из коллег по работе в Совете вам особенно запомнился?

Б.Т. Владимир Познер. Не то чтобы я соглашался со всеми его выступлениями, но они обращали на себя внимание.

Ред. Как вы оцениваете нынешний состав Совета?

Б.Т. Этот состав полно отражает срез общества, представлены различные социальные группы, и как раз эту его разномасштабность

я оцениваю положительно. Правда, в нынешнем составе не так уж много людей, которых я мог бы назвать своими единомышленниками, людей, исповедующих праволиберальные ценности. Там немало людей с либеральными, но левыми взглядами, а мы, представители бизнеса, в основном придерживаемся прагматических правовых взглядов.

Мы другие. Демократия для нас — не средство, а цель, до которой общество должно дорасти. Демократия эффективна, когда в обществе сильный средний класс собственников. Страны с развитой демократией шли к ней веками, в том числе через многочисленные цензы, и, как видно по последним событиям, еще до сих пор не доросли. Равенство всех в правах — это тоже утопия. Свое положение в обществе необходимо заслужить, мы за меритократию.

Ред. А кто трудится, но не получает адекватных результатов? То есть протестантская этика?

Б.Т. Она нам близка.

бывает источником проблем (в случаях, когда есть нарушения). Мы инициировали проверки, формулировали системные инициативы, в том числе шестой пакет по либерализации уголовного законодательства. В сфере наших инициатив страхование вкладов индивидуальных предпринимателей, замораживание счетов, страхование банковских вкладов физических лиц на сумму до 700 тысяч рублей.

Ред. В нынешнее время роль Совета, по вашему, существенна?

Б.Т. Я считаю, что Совет нужен. Мы — государство с далеко еще не устоявшейся

демократией. Знаменитый сингапурский лидер Ли Куан Ю заявил в свое время: «Мы введем выборы, когда у половины населения Сингапура среднемесячный доход будет не меньше пяти тысяч долларов». Поэтому нам надо развивать рыночную экономику и свободу предпринимательства. Все вопросы должны решаться при участии общественных институтов, в том числе Совета.

В порядке критики могу сказать следующее. Мне кажется, там иногда мельчат вопросы и попросту отнимают время Президента, говорят эмоционально и «вообще», не очень-то зная свой предмет. Но у нас еще многие системы несовершенны.

Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей Борис Титов предлагает принять шестой пакет гуманизации уголовного законодательства в экономической сфере.

По словам Титова, необходимо снизить давление правоохранительных органов на бизнес. «Мы предложили президенту РФ принять шестой пакет гуманизации уголовного законодательства в экономической сфере. Было пять. Мы предлагаем принять шестой пакет», — сообщил Титов на пресс-конференции в МИА «Россия сегодня».

Среди предложений, которые входят в новый пакет, Титов выделил введение возможности для бизнесменов платить штрафы, не подвергаясь уголовному преследованию, если правонарушение совершено впервые.

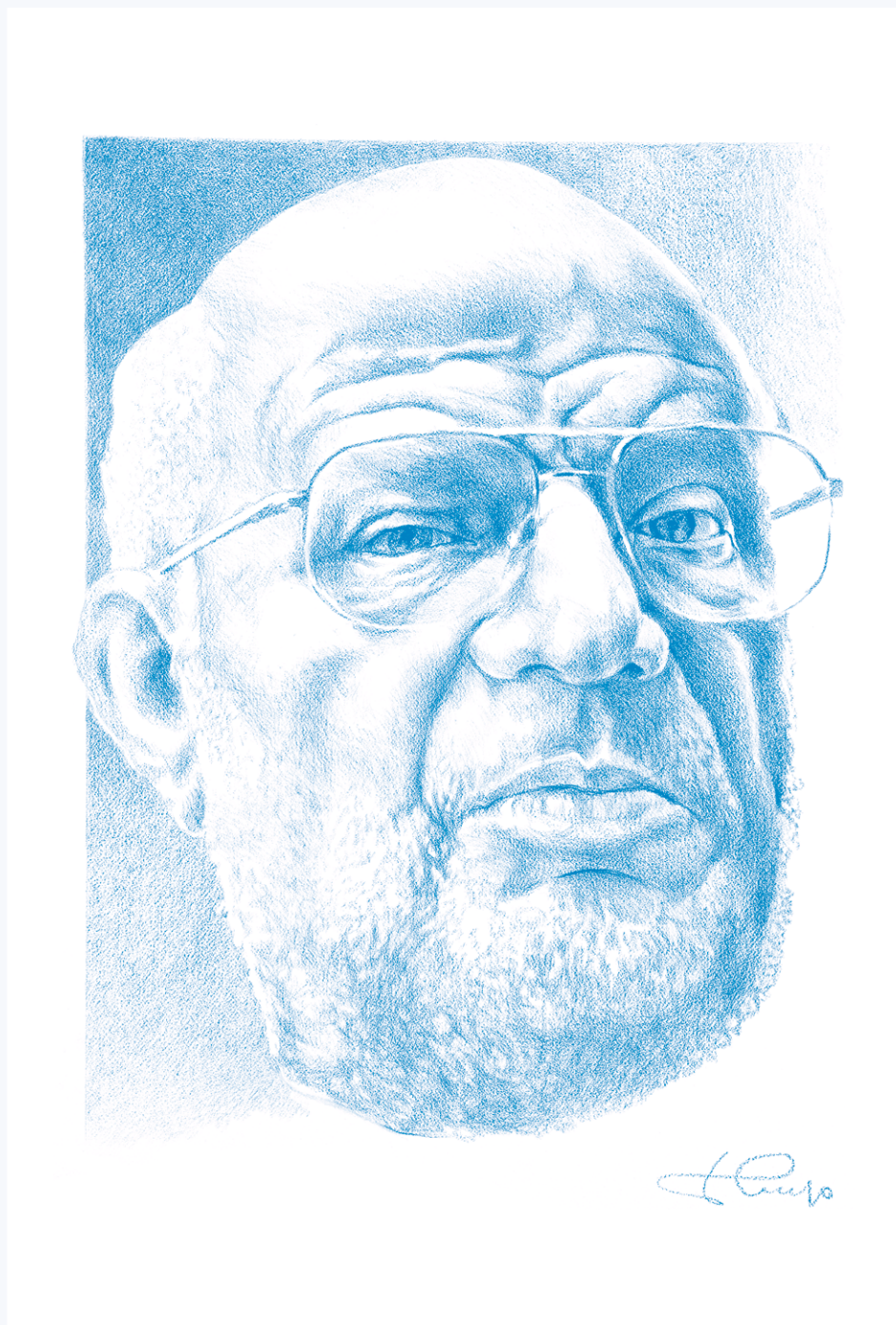
По мнению Титова, России необходима единая экономическая стратегия. «Все программы, которые существуют, сценарии развития и прочее — это не программы. Многосценарные варианты нас не устраивают, нам нужны четкие ориентиры, четкие KPI и четкие движения. Пусть под нас подстраиваются, а не мы под внешние эффекты. Мы сказали об этом Президенту, он ответил: давайте», — сообщил Титов.

МОСКВА, 10 декабря 2014 года —
Российское агентство правовой
и судебной информации (РАПСИ)

Ред. Вы сейчас защищаете многих бизнесменов? На слуху резонансные аресты Левона Айрапетяна, Владимира Евтушенкова.

Б.Т. Эти люди к нам не обращались. Дело в том, что мы рассматриваем только дела

тех лиц, которые к нам обратились, и их счет идет на тысячи. Круг этот широк — от представителей крупного бизнеса до владельцев маленьких магазинов. Дела по владельцам собственности сложные, по каждому нужна экспертиза. Иногда и сам собственник

«КОНСТИТУЦИЯ — НЕ ТОЛЬКО ИДЕАЛ, НО И СРЕДСТВО ПРИБЛИЖЕНИЯ К ЭТОМУ ИДЕАЛУ. ПОЭТОМУ, КОГДА ПРАВООЩИТНИК ПЫТАЕТСЯ ПРИБЛИЗИТЬ ГОСУДАРСТВО К ИДЕАЛУ, ОН ЗАЩИЩАЕТ ЧЕЛОВЕКА, А НЕ ЗАНИМАЕТСЯ ПОЛИТИКОЙ. ОТЛИЧИЯ ОЧЕНЬ СУЩЕСТВЕННЫЕ: ПОЛИТИКА — ИСКУССТВО ВОЗМОЖНОГО; ПРАВООЩИТА, НАПРОТИВ, — ИСКУССТВО НЕВОЗМОЖНОГО»

Нынешний, четвертый период истории правозащитного консультативного органа при главе государства, отсчитывается от 12 октября 2010 года, когда на смену ушедшей в отставку Элле Александровне Памфиловой был назначен Михаил Александрович Федотов. Новый глава Совета оказался из числа членов Совета, хотя существовала вероятность назначения на эту должность «варяга». Чаще других в СМИ назывались кандидатуры Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка Павла Астахова и полномочного представителя Правительства РФ в высших судах Михаила Барщевского. Со своей стороны, большинство членов Совета хотели видеть на посту лидера Александра Александровича Аузана, который все годы руководства Эллы Александровны, то есть с октября 2002 года, был фактически ее правой рукой. С этой точкой зрения был согласен и Михаил Федотов, о чем он и сообщил Президенту Дмитрию Медведеву на первой встрече с ним в сентябре 2010 года. Правда, глава государства смотрел на этот вопрос иначе: **«Вы — юрист, а значит, нам будет проще найти общий язык».**

Одной из первых задач Федотова на посту председателя Совета стала подготовка предложений по обновлению состава и нормативно-правовой базы Совета. Наименование Совета было сокращено прежде всего для удобства восприятия и ведения переписки, с этого момента Совет получает сокращенное (но неофициальное) наименование «СПЧ».

Менее чем за четыре месяца были подготовлены новое, более детальное Положение о Совете, а также предложения по его составу.

Общее количество членов Совета выросло с 33 до 40 человек, принципиальным моментом стало то, что ни один человек из «памфиловского призыва» не покинул Совет. В Совете появились две новые «должности»: заместителем председателя Совета был назначен сопредседатель некоммерческой организации «Клуб 2015» Сергей Воробьев, а ответственным секретарем Совета стал председатель Синодального информационного отдела РПЦ, главный редактор журнала «Фома» Владимир Легойда.

Утверждение нового состава и новой редакции Положения о Совете прошло в непривычном формате — в ходе выездного заседания Совета в Свердловской области. 1 февраля 2011 года члены Совета вместе с Президентом России Дмитрием Медведевым открыли памятник первому Президенту России Борису Ельцину, а спустя считанные минуты глава государства «в ельцинском стиле», прямо на заседании Совета, подписал Указ, которым утвердил новый состав и новую редакцию Положения о Совете. С того момента выездные заседания Совета стали одним из знаковых отличий четвертого, «прагматического» периода истории СПЧ.

Впоследствии, в период председательства Михаила Федотова, состав Совета менялся неоднократно, но наиболее радикально — один раз, в 2012 году. Первой ласточкой стал выход из состава Совета Ирины Ясиной и Светланы Сорокиной, заявивших о низкой эффективности СПЧ. Но главные события развернулись после того, как на прощальной встрече Президента Дмитрия Медведева с Советом в Горках 28 апреля 2012 года Елена Панфилова заявила:

«Я не думаю, что я буду готова работать в следующем составе Совета». Не помогли слова тогдашнего главы государства ни о том, что **«если вы все-таки найдете в себе силы остаться, я бы был вам за это признателен»**, ни о том, что присутствие гражданского активиста внутри президентской структуры **«это и есть соприкосновение, которое так важно для нашего гражданского общества».**

Надежда Дмитрия Медведева на то, что **«вот этот качественный состав Совета сохранится и будет применен для пользы нашего Отечества»**, оправдалась лишь частично. После демарша Елены Панфиловой о намерении выйти из состава Совета после инаугурации вновь избранного Президента заявили: Александр Аузан, Светлана Ганнушкина, Георгий Джигладзе, Ида Кукулина, Федор Лукьянов, Татьяна Малева, Дмитрий Орешкин, Эмиль Паин, Леонид Радзиховский, Алексей Симонов. Конечно, все называли разные причины, но от этого было не легче.

В сложившейся ситуации новое руководство Администрации Президента РФ решило провести ротацию Совета совсем не так, как это бывало прежде. Например, когда в октябре 2010 года Михаил Федотов стал председателем Совета, он сразу поднял вопрос о необходимости дополнения его состава. Медведев дал добро и поручил ему вместе с первым заместителем руководителя Администрации Президента РФ Владиславом Сурковым представить согласованные кандидатуры. Сев друг напротив друга, Федотов и Сурков достаточно быстро определили компромиссные фигуры. В результате 1 февраля 2011 года в Совет вошли известные общественные деятели: Сергей Воробьев, Даниил Дондурей, Иван Засурский, Борис Кравченко, Эмиль Паин, Леонид Поляков, Леонид Радзиховский.

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О председателе Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека

1. Назначить советника Президента Российской Федерации Федотова М.А. председателем Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека.

2. Внести изменение в состав Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 148 "Об утверждении состава Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека" (Собрание законодательства Российской Федерации, 2009, № 7, ст. 813; 2010, № 33, ст. 4406; № 34, ст. 4466), заменив позицию:

"Федотов М.А. - секретарь Союза журналистов России (по согласованию)"

позицией следующего содержания:

"Федотов М.А. - советник Президента Российской Федерации (председатель Совета)".

3. Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания.

Президент
Российской Федерации Д.Медведев

Москва, Кремль
12 октября 2010 года
№ 1234

Летом 2012 года ротация Совета была организована совершенно иначе: первый заместитель руководителя Администрации Президента РФ Вячеслав Володин решил, что необходимо проводить выдвижение и обсуждение кандидатур в Интернете с последующим рейтинговым голосованием опять-таки в Сети. У членов Совета инициатива проведения подобных «общественных консультаций» вызвала серьезные и небезосновательные опасения, что их коллегами могут стать максимально популярные, но совершенно чуждые для правозащитного сообщества люди: телеведущие, футболисты, киноартисты, певцы и т.д.

Чтобы избежать таких, катастрофических для идентичности Совета последствий были выработаны специальные процедуры. Во-первых, с учетом специализации членов Совета, пожелавших его покинуть, были определены 13 номинаций: «Защита общества от агрессивного национализма, ксенофобии и экстремизма» (на замену Георгия Джигладзе), «Миграционная политика, защита прав мигрантов» (на замену Светланы Ганнушкиной), «Защита гласности, прав журналистов и свободы информации» (на замену Алексея Симонова), «Общественное телерадиовещание» (на замену Леонида Радзиховского) и т.д.

Во-вторых, право выдвижения кандидатов было предоставлено ограниченному кругу субъектов (негосударственные НКО, имеющие не менее чем 5-летний опыт работы в сфере защиты прав человека или развития гражданского общества, федеральный и региональные уполномоченные по правам человека, а также члены СПЧ).

В-третьих, к кандидатам предъявлялось требование иметь не менее 3 лет стажа работы по профилю избранной номинации.

В-четвертых, сформированная из членов Совета временная рабочая группа осуществляла проверку кандидатур на предмет соответствия предъявляемым требованиям.

О проведении
общественных консультаций
по кандидатурам в состав Совета
при Президенте Российской Федерации
по развитию гражданского общества
и правам человека

ДОКУМЕНТ

Обсуждено и принято к сведению Советом
при Президенте Российской Федерации
по развитию гражданского общества и правам человека
Москва, 2 июля 2012 г.

С момента формирования ныне действующего состава Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека (далее — Совет) в феврале 2011 года его покинули Светлана Сорокина и Ирина Ясина. Кроме того, заявления о своем желании покинуть Совет поступили от Александра Аузана, Светланы Ганнушкиной, Юрия Джигладзе, Иды Куклиной, Федора Лукьянова, Татьяны Малевой, Дмитрия Орешкина, Эмиля Паина, Елены Панфиловой, Леонида Радзиховского и Алексея Симонова.

В связи с фактическим выбытием из состава Совета тринадцати членов, и желая сохранить преемственность в его работе, председатель Совета проинформировал Совет о следующем:

1. Процедура общественных консультаций с целью подготовки списка кандидатов в состав Совета для последующего представления предложений Президенту Российской Федерации будет проводиться председателем Совета в соответствии с прилагаемыми Правилами процедуры общественных консультаций по кандидатурам в состав Совета.

<...>

3. Для подбора кандидатов устанавливаются следующие номинации:

- 3.1. Общественный контроль за соблюдением прав человека в местах принудительного содержания, реформа системы ФСИН.
- 3.2. Защита общества от агрессивного национализма, ксенофобии и экстремизма.
- 3.3. Защита прав инвалидов, бездомных, иных социально уязвимых категорий населения.
- 3.4. Общественное расследование случаев похищения людей и применения пыток.
- 3.5. Защита гласности, прав журналистов и свободы информации.
- 3.6. Судебная реформа, общественный контроль в сфере судебной власти.
- 3.7. Общественное телерадиовещание.

- 3.8. Защита прав военнослужащих и призывников, военная реформа.
- 3.9. Миграционная политика, защита прав мигрантов.
- 3.10. Полицейская реформа, общественный контроль за правоохранительными органами.
- 3.11. Защита избирательных прав граждан, развитие избирательной системы.
- 3.12. Защита прав человека на Северном Кавказе, содействие формированию гражданского мира и искоренению терроризма в СКФО.
- 3.13. Защита прав человека на постсоветском пространстве и в других регионах мира.
4. Сбор заявок на участие в общественных интернет-консультациях будет осуществляться на официальном сайте Совета по адресу www.president-sovet.ru. Дата начала процедуры будет объявлена после решения всех организационно-технических вопросов.
5. Для проведения работы по организации процедуры общественных консультаций создается временная рабочая группа в составе: Федотов М. А., председатель, Воробьев С. И., заместитель председателя, члены рабочей группы: Алексеева Л. М., Дондурей Д. Б., Кабанов К. В., Караганов С. А., Кривенко С. В.

Правила процедуры
общественных консультаций
по кандидатурам в состав Совета
при Президенте Российской Федерации
по развитию гражданского общества
и правам человека

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Настоящие Правила процедуры определяет порядок проведения общественных консультаций по определению списка кандидатов на вакантные места в составе Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека (далее — Совет), который будет далее представлен председателем Совета на рассмотрение Президента Российской Федерации (далее — консультации).
- Настоящие Правила процедуры разработаны во исполнение Положения о Совете при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 120 «О Совете при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека», и Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления».
2. Изменения в состав Совета вносятся Президентом Российской Федерации по представлению председателя Совета.
- Кандидатуры в состав Совета отбираются с учетом общественных консультаций, проводимых с использованием интернет-технологий по номинациям (направлениям деятельности Совета).
3. Представляемые Президенту Российской Федерации для включения в состав Совета кандидатуры должны отвечать следующим критериям:
- А) наличие гражданства Российской Федерации;
- Б) достижение возраста 21 года;
- В) наличие опыта работы по соответствующей номинации не менее 3 лет.
4. Правом выдвижения кандидатов для отбора и последующего представления Президенту Российской Федерации обладают:
- А) зарегистрированные в установленном порядке негосударственные некоммерческие организации (за исключением политических партий и религиозных организаций), основной сферой деятельности которых в течение не менее 5 лет является защита прав человека и (или) развитие гражданского общества;
- Б) Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации;
- В) уполномоченные по правам человека в субъектах Российской Федерации;
- Г) члены Совета.
5. Негосударственная некоммерческая организация, обладающая правом выдвижения кандидатов, заполняет на официальном сайте Совета (www.president-sovet.ru) анкету, а также прикрепляет к анкете графические образы: а) рекомендательного письма, оформленного на официальном бланке организации, подписанного ее руководителем и скрепленного печатью; б) письменного согласия кандидата на выдвижение его кандидатуры; в) личной фотографии кандидата.

Анкета должна содержать:

- А) полное наименование представляющей кандидата организации, ее юридический и фактический адреса, телефон руководителя, факс, адрес электронной почты и веб-сайта в сети Интернет, номер и дата регистрации в ЕГРЮЛ;
- Б) фамилия, имя, отчество кандидата, основное место работы и должность, образование, наличие или отсутствие судимости, иные биографические, а также паспортные и контактные данные;
- В) номинация;
- Г) информация об опыте работы кандидата в сфере соответствующей номинации;
- Д) основные проекты в сфере защиты прав человека и (или) развития гражданского общества, выполненные организацией с участием кандидата в 2009–2012 гг.;
- Е) фамилия, имя, отчество и должность лица, подтверждающего достоверность представленной в анкете информации.

6. Уполномоченные по правам человека, а также члены Совета высылают по электронной почте в адрес Совета анкету, которая должна содержать:

- А) фамилию, имя, отчество инициатора выдвижения кандидатуры, его телефон, факс, адрес электронной почты;
- Б) фамилия, имя, отчество кандидата, основное место работы и должность, образование, наличие или отсутствие судимости, иные биографические, а также паспортные и контактные данные;
- В) номинация;
- Г) информация об опыте работы кандидата в сфере соответствующей номинации;
- Д) основные проекты в сфере защиты прав человека или развития гражданского общества, выполненные с участием кандидата в 2009–2012 гг.

Кроме того, они прикрепляют к анкете графические образы: а) письменного согласия кандидата на выдвижение его кандидатуры; б) личной фотографии кандидата.

7. Сбор анкет производится в течение 30 дней с момента объявления на сайте Совета о начале процедуры общественных консультаций.
8. Поступившие заявки рассматриваются рабочими группами Совета по соответствующим номинациям на предмет их соответствия предъявляемым требованиям.
9. Список кандидатов, выносимых на общественные консультации, отдельно по каждой номинации, размещается на официальном сайте Совета www.president-sovet.ru не позднее, чем на 45-й день с момента объявления о начале процедуры общественных консультаций.
10. Общественные консультации производятся отдельно по каждой номинации на официальном сайте Совета.

Консультации являются анонимными. Каждый пользователь сети Интернет вправе высказаться один раз по каждой обсуждаемой номинации. Текущие результаты консультаций находятся в открытом доступе на официальном сайте Совета.

11. Консультации завершаются по истечении 15 дней с момента их начала. Итоги консультаций подводятся в течение 15 дней с момента окончания консультаций с учетом мнения рабочих групп Совета по каждой номинации. Председатель Совета докладывает Президенту Российской Федерации об итогах консультаций и представляет для включения в состав Совета не менее трех кандидатов по каждой номинации.

Процедура отбора кандидатов на 13 вакантных мест началась 15 июля 2012 года. В течение месяца по электронной почте СПЧ получил 190 анкет-заявок от некоммерческих организаций, членов Совета, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации.

Временной рабочей группой по вопросам ротации 104 заявок были признаны не соответствующими формальным требованиям правил процедуры проведения общественных консультаций (отсутствие 5-летнего стажа работы в некоммерческой организации, несоответствие опыта кандидата заявленной номинации и т. д.).

Большинство решений временной рабочей группы были настолько очевидны, что никто и не подумал их оспаривать. Например, кандидатура народного артиста Михаила Боярского была отклонена на том основании, что выдвигавший его Московский сигарный клуб не имел 5-летнего стажа работы, а сам кандидат не имел 3-летнего стажа работы по избранной номинации — «Защита избирательных прав граждан, развитие избирательной системы».

Масштабный конфликт разгорелся лишь в связи с решением временной рабочей группы отклонить кандидатуру главы АНО «Центр содействия защите прав человека» Александра Брода. Мало того, что кандидат направил председателю Совета письмо с возражениями, но он также публично объявил голодовку протеста. Шум в прессе был настолько большим, что старейшина и неформальный лидер Совета, председатель Московской Хельсинкской группы Людмила Алексеева заявила: «Я уже три раза проходила эту процедуру, ничего подобного не было, все было спокойно. А сейчас такие интриги, такие склоки и столько грязи вокруг этого, что я в такой атмосфере работать не хочу, я предпочитаю уйти».

Одновременно с Людмилой Михайловной заявление о выходе из СПЧ (она вернулась в Совет в 2015 году) подали Валентин Гефтер, Ярослав Кузьминов и Борис Пустынцев. В конечном итоге Александр Брод был включен в состав Совета уже после завершения процедуры ротации, именованным указом главы государства.

Автономная некоммерческая организация
«Центр содействия защите прав человека»

ДОКУМЕНТ

109316, Москва,
Волгоградский пр-т 26, оф.1408
E-mail: humanrights@list.ru

Тел./факс: (495) 670-69-75
Web: <http://antirasizm.ru>

Советнику Президента Российской Федерации,
председателю Совета при Президенте РФ

30 августа 2012 года

по развитию гражданского общества и правам человека
Федотову М.А.

Уважаемый Михаил Александрович!

Прошу Вас и Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека пересмотреть результаты заседания Рабочей группы по ротации Совета, состоявшегося 27 августа 2012 г., где был утвержден список анкет кандидатов в члены Совета, допущенных к участию в общественных интернет-консультациях. Результаты заседания были подвергнуты сомнению и резкой критике лидерами ряда НПО, которые оспаривают критерии отбора кандидатур, состав Рабочей группы, заявляют о необъективности рассмотрения документов, непрозрачности процедуры. Критика результатов заседания Рабочей группы широко освещалась в СМИ.

Как мне стало известно, моя кандидатура, выдвинутая в номинации «Миграционная политика, защита прав мигрантов», была отклонена якобы в связи с тем, что у меня нет достаточного опыта в этом направлении. Это утверждение абсолютно не соответствует истине и свидетельствует о том, что члены Рабочей группы, во-первых, не ознакомились с моей анкетой и сопроводительным письмом, где описывается мой опыт в данной сфере; во-вторых, они плохо осведомлены о деятельности российских НПО в данном направлении.

Так, начиная с 2001 г. я тесно взаимодействую с Федеральной миграционной службой и ее региональными управлениями, провожу совместные мероприятия по совершенствованию миграционной политики, правовой защите мигрантов.

Неоднократно на базе Общественной палаты РФ, Независимого пресс-центра, Центрального Дома журналистов, РИА-Новости, «Интерфакса», в субъектах РФ я организовывал и проводил круглые столы, экспертные слушания с участием политиков, представителей правоохранительных органов, НПО, научно-экспертного сообщества, посвященные совершенствованию миграционной политики, участвовал в разработке рекомендаций для подготовки Концепции миграционной политики Российской Федерации до 2025 г., предложений по адаптации мигрантов в г. Москве и субъектах РФ. В настоящее время работаю над созданием Центров адаптации мигрантов в г. Москве и Санкт-Петербурге.

По вопросам миграционной политики тесно взаимодействую с Государственной Думой ФС РФ, МВД РФ, Генеральной прокуратурой РФ, являюсь членом экспертных советов и рабочих групп при органах исполнительной власти, руководителем комиссии Ассоциации Юристов России по противодействию экстремизму.

С 2008 по 2012 гг., являясь членом Общественной палаты РФ, будучи заместителем председателя комиссии по межнациональным отношениям, курировал вопросы правовой защиты мигрантов, совершенствования миграционной политики, входил в оргкомитеты ежегодных общероссийских Форумов мигрантов. Награждался почетными дипломами Федерации мигрантов России.

Являюсь организатором «горячей линии» и юридической приемной для правового консультирования трудовых мигрантов, оказания им помощи в социальной адаптации, защите от этнической дискриминации, представлял права и интересы мигрантов в судах. Организовал мониторинг нарушений прав мигрантов в субъектах РФ.

Регулярно выступаю с лекциями по вопросам межнациональных отношений и миграционной политики в школьных образовательных учреждениях г. Москвы, субъектов РФ. Издаю методическую литературу по указанной проблематике для образовательных учреждений.

О моей деятельности в сфере «миграционная политика, защита прав мигрантов» можно получить отзывы у Главы ФМС К.О. Ромодановского, заместителя руководителя аппарата Общественной палаты РФ А.И. Кудрявцева, председателя Комиссии Общественной палаты РФ по межнациональным отношениям Н.К. Сванидзе, у членов палаты А. Крганова, С. Ряховского, А. Гербер и других, президента Конгресса национальных объединений России В. Хомерики, руководителя общественного Совета ФМС В. Волоха и многих других. Наконец, достаточно посмотреть многочисленные публикации о моей деятельности в сфере миграции, опубликованные в российских и зарубежных СМИ.

В 2008 г. я награжден Золотым Почетным знаком «Общественное признание» «За большой личный вклад в развитие гражданского общества и правозащитного движения в России, плодотворную и эффективную общественно-просветительскую деятельность, активную высококвалифицированную позицию».

В 2003 г. награжден премией ФЕОР «Человек года» в номинации «Противодействие ксенофобии и экстремизму», почетными грамотами Общественной палаты РФ, общественными наградами Ассоциации ветеранов боевых действий органов внутренних дел и внутренних войск России. В 2010 г. Гильдия российских адвокатов наградила меня Золотой медалью им. Ф.Н. Плевако.

Надеюсь на объективное и беспристрастное рассмотрение моей кандидатуры.

С уважением,

Директор АНО
«Центр содействия защите прав человека»,
член Ассоциации юристов РФ,
член Общественного Совета ГУВД Москвы

А.С. Брод

С 1 по 15 сентября 2012 года пользователи Интернета высказывали свои мнения по 86 кандидатам в состав Совета. Этой возможностью воспользовались более 108 тысяч человек, проголосовав в общей сложности по всем номинациям 420 тысяч раз. С 16 по 30 сентября прошли тематические круглые столы с участием кандидатов, членов и экспертов Совета, а также заседания профильных рабочих групп Совета.

4 октября 2012 года обсуждение итогов общественных консультаций состоялось на пленарном заседании Совета. Результатом стала не только таблица с именами кандидатов, вошедших в «первые тройки» по каждой из 13 номинаций, но и список с фамилиями 8 дополнительных кандидатов. Именно эти два документа Михаил Федотов представил Президенту Владимиру Путину на встрече с ним 1 ноября 2012 года.

Но у главы государства обнаружился собственный, «встречный» план:

«Я внимательно слушал, когда Вы делали трудный выбор, допустим, из трех человек, говорили, что этот хороший, этот достойный, но Совет рекомендует тем не менее такого-то человека, а в конце только что сказали, что работы много, направлений работы достаточно, — и, конечно, Вы сами предложили увеличить количество членов Совета. Может быть, мы сделаем более кардинальный шаг и введем в члены Совета первую тройку? То есть трех человек, за которых проголосовало большинство в интернете, — вне зависимости от того, нравятся они кому-то в административных органах исполнительной

власти или не нравятся, а просто по факту: люди проголосовали за первых трех человек — всех их и введем. ...Хочу еще раз подчеркнуть: не настаиваю, а предлагаю это обсудить Вам и действующим членам Совета».

Уже на следующий день Совет обсудил предложения главы государства и сформулировал свою позицию.

Позиция членов Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека

ДОКУМЕНТ

Члены Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека обсудили предложенный Президентом Российской Федерации В.В. Путиным механизм формирования Совета и сочли необходимым представить главе государства следующие соображения.

1. Мы отдаем должное желанию сделать понятной, прозрачной и открытой процедуру отбора кандидатов в Совет на основе интернет-голосования, но полагаем, что только Президент вправе решать, кто будет приглашен в него войти, а кто нет. И каждый приглашенный вправе дать на это свое согласие или нет.

2. Участие в Совете предполагает вовсе не представительские функции, а, прежде всего, реальный общественный контроль за соблюдением прав человека в России. Такую же работу можно делать, будучи членом Общественной палаты РФ или депутатом Государственной Думы. Вот почему мы солидаризируемся с членом Общественной палаты РФ Н.К. Сванидзе, который вошел в «первую тройку» по итогам интернет-голосования, но уже заявил самоотвод. В связи с этим мы просим Президента согласиться с нашим выводом о нецелесообразности включения членов Общественной палаты РФ и парламентариев в состав Совета.

3. Возможность узнать мнение общества крайне важна, а рейтинговое голосование действительно может служить одним из ориентиров для принятия решений, но только в том случае, если процедура голосования надежно защищена от фальсификаций. В данном случае, к сожалению, нами выявлен случай серьезной подтасовки результатов: по одному из кандидатов, вошедших в «первую тройку», установлено 10-кратное превышение числа голосований над количеством уникальных IP-адресов. Мы полагаем это серьезным аргументом в пользу обязательного использования процедуры верификации пользователей при проведении подобных интернет-голосований в будущем.

4. В Совет, безусловно, не должны входить люди, ставящие под сомнение цели и смысл его деятельности или не признающие приоритет прав человека как важнейшего инструмента развития общества и индикатора сбоев в системах управления. Иначе Совет не будет отвечать своей миссии защитника общества от появления законов и практик, создающих условия для системных нарушений прав человека.

5. В целях развития гражданского общества и построения правового государства необходимо, используя возможности эффективных интернет-технологий, развернуть под эгидой Совета систему интерактивного сигнализирования о нарушениях прав человека, которая могла бы быть интегрирована с механизмами независимой общественной экспертизы, организуемой через систему представленных в Совете либо сотрудничающих с Советом некоммерческих организаций.

Эту позицию разделяют следующие члены Совета:

Айвазова Светлана Григорьевна
Амбиндер Лев Сергеевич
Воробьев Сергей Ильич
Гефтер Валентин Михайлович
Головань Алексей Иванович
Дондурей Данил Борисович
Засурский Иван Иванович
Кабанов Кирилл Викторович
Караганов Сергей Александрович
Кравченко Борис Евгеньевич
Кривенко Сергей Владимирович
Кузьминов Ярослав Иванович

Морщакова Тамара Георгиевна
Поляков Леонид Владимирович
Полякова Мара Федоровна
Пушков Алексей Константинович
Федотов Михаил Александрович
Цыпленков Сергей Александрович
Чугуева Ирина Георгиевна
Юргенс Игорь Юрьевич

Эту позицию не поддержали и выразили особое мнение:

Пустынцев Борис Павлович
Чмыхов Гарий Дмитриевич

Поддержали частично и выразили особое мнение:

Легойда Владимир Романович
Николаева Елена Леонидовна

Не голосовали:

Абрамкин Валерий Федорович
Литовченко Сергей Евгеньевич

02.11.2012 г.

Новый состав Совета был утвержден Указом Президента Российской Федерации 12 ноября 2012 года и с небольшими изменениями проработал до осени 2018 года. За эти годы авиакатастрофа 25 декабря 2016 года унесла жизнь Елизаветы Глинки, а 10 мая 2017 года тяжелая болезнь — Даниила Дондурей. 1 апреля 2013 года из состава Совета вышел Алексей Головань, а 26 ноября 2015 года Президент Владимир Путин своим указом установил несовместимость мандатов членов СПЧ и депутатов Государственной Думы, членов Совета Федерации и членов Общественной палаты РФ, на чем настаивали во время ротации 2012 года многие члены СПЧ. В связи с этими изменениями в Положении о Совете Михаилу Федотову было поручено предложить депутатам Елене Николаевой и Михаилу Терентьеву, а также членам Общественной палаты РФ Иосифу Дискину, Анатолию Кучерене и Елене Тополевой-Солдуновой сделать свой выбор. Увы, выбор их был не в пользу СПЧ. В результате к концу президентской легислатуры Владимира Путина 2012–2018 годов в составе Совета осталось пятьдесят человек.

Вот некоторые итоги работы этого состава Совета.

ПРАВАЗАЩИТНИК — ДРУГ НАРОДА

Люди недалекие, заскорузлые, замшелые, исповедующие, по словам Президента Владимира Путина, «дремучее охранительство», полагают правозащитников, в том числе уполномоченных по правам человека, по правам ребенка, по защите прав предпринимателей, а заодно и членов президентского Совета по правам человека, чуть ли не «врагами народа». Для таких людей, живущих стереотипами тоталитарного прошлого, стал полной неожиданностью Указ Президента РФ об учреждении Государственной премии Российской Федерации за выдающиеся достижения в области правозащитной деятельности⁶³.

63 Указ Президента Российской Федерации от 30.09.2015 года № 491 «О Государственной премии Российской Федерации за выдающиеся достижения в области правозащитной деятельности и Государственной премии Российской Федерации за выдающиеся достижения в области благотворительной деятельности».

Инициатива учреждения такой государственной награды принадлежала Елизавете Глинке. Именно Доктор Лиза высказала такое предложение на встрече Президента с Советом 4 сентября 2013 года: «Надо поднять престиж людей, которые занимаются гуманитарной и благотворительной деятельностью. Есть литературные премии, есть государственные премии за какие-то произведения и так далее, но нет премии для людей, которые бесплатно помогают другим людям в очень тяжелой ситуации. Мы бы с Михаилом Александровичем

просили, знаете, поднять престиж. Мы же не денег просим и не грантов, а вот поднять наш престиж, не давая нам эти премии, а дать тем, кто придет после нас».

Доктор Лиза оказалась и права, и неправа: первая в истории Государственная премия за выдающиеся достижения в области правозащитной деятельности была вручена именно ей. Случилось это 8 декабря 2016 года, в преддверии Международного дня прав человека.

В следующем, 2017 году Государственная премия была присуждена старейшине правозащитного движения России, председателю Московской Хельсинкской группы Людмиле Михайловне Алексеевой. Эти премии символизируют победу правозащитника над несовершенством государства, а значит, возвращение государства к его конституционной основе: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства».

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

В течение многих лет существовала традиция: каждый год в День Победы, 9 мая, в 18 часов по московскому времени по радио и телевидению объявлялась всероссийская Минута молчания. Но вот уже несколько лет как традиция изменилась: Минуту молчания объявляет глава государства в ходе своей речи на Параде Победы. Мало кто знает, что протокол изменился по инициативе Совета, единодушно поддержавшего идею бессменного члена президиума СПЧ, председателя Московской Хельсинкской группы Людмилы Михайловны Алексеевой. И теперь Минута молчания застаёт россиян не на дачных грядках, не в автомобильных пробках или супермаркетах: миллионы россиян, традиционно начинающих праздничный день с просмотра военного парада, в едином порыве поднимаются в своих домах с диванов и табуреток, чтобы почтить память жертв страшной войны.

Сохранение исторической памяти, чем постоянно занимается Совет, касается, разумеется, не только восстановления подлинной истории Великой Отечественной войны, но и увековечения памяти жертв политических репрессий — страшного наследия тоталитаризма. Первым шагом Совета на этом направлении стал проект общественно-государственной программы по сохранению исторической памяти, представленный главой общества «Мемориал» Арсением Рогинским на встрече Президента Дмитрия Медведева с Советом в Екатеринбурге 1 февраля 2011 года. В результате была создана Межведомственная рабочая группа по подготовке предложений, направленных на реализацию программы увековечения памяти жертв политических репрессий⁶⁴. На межведомственной основе и с широким участием гражданского общества были проработаны основные тематические направления будущей программы: по развитию поисково-мемориальной работы; по архивной работе; по совершенствованию законодательной базы; по научно-исследовательской, информационной и просветительской работе.

Каждый раз, когда работа буксовала, увязая в межведомственных согласованиях, Совету приходилось обращаться к главе государства. Именно благодаря прямому и недвусмысленному президентскому поручению⁶⁵ Правительство РФ утвердило Концепцию государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий⁶⁶. В свою очередь, Президент переформатировал Межведомственную рабочую группу, поручив ей координацию деятельности по реализации Концепции⁶⁷.

В рамках реализации Концепции Совету удалось добиться сохранения мемориального музея истории политических репрессий «Пермь-36», который некоторые горячие административные головы намеревались превратить в «музей уголовно-исполнительной системы». Возобновилась и заброшенная на годы работа по установке памятников, выявлению и мемориализации мест массовых расстрелов, созданию общественных и муниципальных музеев, составлению Книг памяти и т. д.

Но главным событием, безусловно, стало сооружение общенационального Мемориала жертвам политических репрессий. По инициативе Совета Президент поручил правительству Москвы решить вопрос о месте установки

а также подготовить для внесения в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проект федерального закона о внесении в Закон Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» изменений, направленных на увековечение памяти жертв политических репрессий».

66 Распоряжение Правительства РФ от 15 августа 2015 года № 1561-р.

67 Распоряжение Президента РФ от 15 февраля 2016 года № 25-рп.

68 Указ Президента РФ от 30 сентября 2015 года № 487 «О возведении мемориала жертвам политических репрессий».

69 Федеральный закон от 12 ноября 2012 года № 182-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации».

70 Федеральный закон от 29 июля 2017 года № 243-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» и статьи 8 и 14 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

памятника⁶⁸. Конкретный адрес предложил Уполномоченный по правам человека в РФ в 2004–2014 годах, глава Фонда Памяти Владимир Лукин: проспект академика Сахарова в Москве. Столь символичное место — учитывая историческую роль Андрея Дмитриевича Сахарова и как правозащитника, и как жертвы политических репрессий — поддержали все.

По результатам открытого конкурса, в котором участвовали более 300 проектов, общественное жюри присудило победу монументальной композиции Георгия Франгуляна «Стена скорби». Президент поддержал это решение, а правительство Москвы и Фонд Памяти изыскивали средства для его воплощения в бронзе и граните. Мемориал «Стена скорби» — двусторонний бронзовый барельеф шести метров в высоту и тридцати пяти метров в длину — был открыт 30 октября 2017 года при участии Президента Владимира Путина в День памяти жертв политических репрессий.

Выступая на торжественной церемонии, [Владимир Лукин](#) сказал:

«Мы не можем изменить прошлое. Не можем сделать вид, что его вовсе не было. Но мы можем, помня о прошлом, постараться подавить вирусы озлобления и ненависти в самом себе. И тем самым перекрыть доступ в настоящее и будущее кровавым страстям прошлого. ...Я мечтаю, чтобы будущие президенты — гаранты Конституции РФ — и будущие омбудсмены нашей страны приносили свою присягу народу именно здесь, у этой стены, перед этими трагическими ликами».

ЗАЩИТА ПРАВ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, ВЫНУЖДЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ, МИГРАНТОВ

Последовательно защищая права россиян, волею судьбы оказавшихся после декабря 1991 года лицами с неопределённым гражданством, Совет потратил много сил на то, чтобы решить проблему легализации российских паспортов, полученных в 90-е годы, но не зарегистрированных в базах данных Федеральной миграционной службы. Долгое время ФМС не признавала законность пребывания обладателей таких паспортов на территории Российской Федерации. В результате десятки тысяч людей оказались в правовом вакууме: они не могли официально работать, вступать в брак, приобретать недвижимость и т. д.

В значительной степени проблему удалось решить благодаря принятому по инициативе Совета федеральному закону от 12 ноября 2012 года № 182-ФЗ⁶⁹, который дополнил закон о гражданстве специальной главой «Урегулирование правового статуса отдельных категорий лиц, находящихся на территории Российской Федерации». К сожалению, данная глава имела ограниченный срок действия — до 1 января 2017 года. И когда этот срок истек, оказалось, что уже более 60 тысяч человек воспользовались правилами данной главы, но примерно столько же — не успели. В этой ситуации Совет добился того, что срок действия данной главы был продлен до 1 января 2020 года.

По инициативе Совета в октябре 2014 года из федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» была исключена ошибочная норма, устанавливающая необходимость отказа от российского гражданства в качестве необходимого условия его приобретения (п. «в» ч. 2.1 ст. 14). Впоследствии, эта норма по настоянию Совета подверглась еще одному изменению: для граждан Украины было сделано исключение из общего правила и документом, подтверждающим отказ от иностранного гражданства, была признана нотариально заверенная копия заявления данного гражданина об отказе от гражданства Украины⁷⁰.

По предложению Совета в мае 2016 года для украинских беженцев была установлена возможность получения вида на жительство без предварительного оформления разрешения на временное проживание (и проживания с ним в течение определенного срока), как «иностранцами гражданам, прибывшим

64 Распоряжение Президента РФ от 27 декабря 2011 года № 819-рп «Об образовании рабочей группы по подготовке предложений, направленных на реализацию программы увековечения памяти жертв политических репрессий».

65 Пункт 2 перечня поручений Президента РФ от 2 декабря 2014 года № Пр-2783 гласил: «Правительству Российской Федерации совместно с Администрацией Президента Российской Федерации и Советом при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека разработать проект концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий».

в Российскую Федерацию в экстренном массовом порядке, признанным беженцами на территории Российской Федерации или получившим временное убежище на территории Российской Федерации и ставшим участниками Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, а также членам их семей, переселившимся совместно с ними в Российскую Федерацию».

Для украинских беженцев Совет добился и еще одной льготы — для участвующих в госпрограмме по переселению соотечественников теперь не требуется наличие постоянной регистрации по месту жительства для приобретения российского гражданства.

Весной 2014 года в рамках Совета была создана межведомственная рабочая группа, призванная помогать международной общественной организации «Справедливая помощь» эвакуировать из Донбасса и размещать в российских больницах раненых и больных детей, доставлять в зону конфликта медикаменты и детское питание, другие предметы первой необходимости. Работа была организована таким образом, что Доктор Лиза как глава «Справедливой помощи» ставила конкретные задачи, а другие члены Совета вместе с представителями МЧС, Минздрава, ФМС, ФПС, ФТС, Минкомсвязи и иных ведомств помогали оперативно их решать.

Помимо прочего, эта рабочая группа позаботилась и о том, чтобы обеспечить украинских беженцев необходимой им информацией: по вопросам миграционного учета, жилья, трудоустройства, мер социальной защиты и т. д. Специально для них был разработан и запущен универсальный информационно-правовой раздел на интернет-портале государственных услуг <https://gosuslugi.ru/migrant>. В развитие этого проекта Совет предложил усовершенствовать работу данного портала таким образом, чтобы не только граждане, но и иностранцы могли получать здесь государственные услуги в электронной форме. В настоящее время эта идея находится в стадии реализации⁷¹.

Важным достижением Совета стало прекращение практики безальтернативного выдворения лиц без гражданства: соответствующее постановление Конституционного Суда Российской Федерации⁷² закрепило порядок выдворения лиц, нарушивших правила миграционного учета, передвижения и порядка выбора места пребывания и жительства, неисполнении обязанности о подтверждении проживания.

В начале 2015 года Совет инициировал продление срока действия трудовых патентов, выданных иностранным гражданам в 2014 году до внесения изменений в порядок их оформления. Продление срока действия старых трудовых патентов на несколько месяцев обеспечило легализацию около 300 тыс. законопослушных трудовых мигрантов — без излишнего обновления документов и выезда за пределы РФ.

Помимо решения этих системных проблем Совет постоянно занимался судьбами отдельных людей, пытаясь помочь им в «ручном режиме». Например, в августе 2015 года пришлось «разруливать» парадоксальную ситуацию, когда УФМС России по Брянской области ошибочно запретило въезд в РФ 5-летней девочки из Таджикистана Махины Негматовой за якобы совершенное ею «административное правонарушение». При этом к родителям девочки никаких претензий не предъявлялось. После вмешательства СПЧ конфликт был исчерпан, хотя причины его до сих пор не изжиты: жалобы на «компьютерные сбои» в базах данных различных ведомств, уполномоченных решать вопросы въезда и выезда, поступают в Совет регулярно.

Занимался Совет и вопросами обеспечения социальных прав россиян, не имеющих условий для регистрации по месту жительства. В результате в Федеральный закон от 27 июля 2010 года № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» были внесены изменения, позволяющие гражданам получать наиболее значимые социальные, гражданские и административные услуги по экстерриториальному принципу — независимо от места жительства или места пребывания заявителя⁷³. С 1 января 2018 года в перечне госуслуг, реализуемых по экстерриториальному принципу, перечислено 86 позиций, среди которых: регистрационный учет россиян и миграционный учет иностранцев, выдача российских паспортов и загранпаспортов, регистрация автотранспорта, выдача архивных справок, лицензий, назначение и выплата страховых и государственных пенсий, ежемесячных доплат, материнского капитала и т. д.

71 См.: <https://www.gosuslugi.ru/foreign-citizen>
72 Постановление Конституционного Суда РФ от 23 мая 2017 года № 14-П г «По делу о проверке конституционности положений статей 31.7 и 31.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой лица без гражданства Н. Г. Мсхиладзе».

73 Федеральный закон от 5 декабря 2017 года № 384-ФЗ «О внесении изменений в статьи 7 и 29 Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».

БОРЬБА ПРОТИВ ПЫТОК, ЖЕСТОКОГО И УНИЖАЮЩЕГО ОБРАЩЕНИЯ

В 2012 году на волне возмущения фактами применением пыток в отделе полиции «Дальний» г. Казани (Республика Татарстан) и внимания к проблеме насильственных преступлений, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов, Совет обратился к руководству Следственного комитета РФ с просьбой рассмотреть вопрос о создании специального подразделения, расследующего преступления сотрудников правоохранительных органов. Суть предложения заключалась в том, чтобы исключить конфликт интересов у следователей, одновременно ведущих расследование дел об убийствах и изнасилованиях в тесном взаимодействии с сотрудниками полиции и дела о преступлениях самих полицейских. В результате этого обращения в структуре Следственного комитета Российской Федерации было создано специализированное подразделение (отдел по расследованию преступлений, совершенных должностными лицами правоохранительных органов), которое существует по настоящее время⁷⁴.

Члены Совета неоднократно вместе с сотрудниками Генпрокуратуры России и СК России посещали учреждения уголовно-исполнительной системы (УИС). Например, побывав в декабре 2012 года в ФКУ ИК-6 ГУФСИН России по Челябинской области (г. Копейск), члены Совета докладывали главе государства: «Рабочая группа пришла к выводу, что в деятельности учреждения в течение длительного времени имеют место грубые, массовые, систематические нарушения прав человека. Проявлением таких нарушений, в частности, стало:

1. Систематические избиения осужденных за подачу жалоб и невыполнение заведомо незаконных требований администрации учреждения;
2. Массовые издевательства над осужденными...».

Результатом многочисленных посещений членами Совета учреждений УИС стали конкретные рекомендации по устранению причин и условий, способствующих нарушению прав человека в местах принудительного содержания. В частности, в апреле 2013 года Совет выступил с инициативой о корректировке правительственной Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года. СПЧ предложил создать для этого межведомственную рабочую группу с участием представителей Совета. Идея была поддержана: в состав созданной правительством рабочей группы вошли и ряд членов Совета⁷⁵. Среди реализованных предложений СПЧ в этой сфере можно назвать: создание исправительных центров; совместное проживание осужденных женщин с детьми в возрасте до 3 лет; принятие региональных законов о социальной реабилитации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, и т. д.

Безусловно, сделанного явно недостаточно. Об этом красноречиво свидетельствует видеозапись издевательств, имевших место в 2017 году в ФКУ ИК-1 УФСИН России по Ярославской области. Но Совет и не думает прекращать свои усилия по борьбе с пытками, жестоким и унижающим обращением в местах принудительного содержания.

74 Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 18 апреля 2012 года № 20 «О дополнительных мерах по организации расследования преступлений, совершенных должностными лицами правоохранительных органов».

75 Распоряжение Правительства РФ от 9 сентября 2013 года № 1616-р «Об образовании межведомственной рабочей группы по выработке предложений, направленных на корректировку отдельных положений Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года».

ГУМАНИЗАЦИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ

Совет целенаправленно занимается темой гуманизации уголовно-исполнительной системы, в том числе осуществляя регулярные посещения учреждений УИС в различных регионах страны. В частности, в 2015 году члены Совета выявили нехватку в колониях антиретровирусных препаратов для ВИЧ-положительных осужденных. Выяснилось, что структуры, ответственные за приобретение лекарств для учреждений уголовно-исполнительной системы, фактически провалили государственные закупки препаратов. После вмешательства Совета ситуация с обеспечением заключенных этими жизненно важными препаратами улучшилась.

В ряде регионов (Свердловская область, Республика Татарстан) под влиянием рекомендаций Совета изменилась в последние годы судебная практика по делам об освобождении тяжелобольных осужденных от отбывания наказания. Закреплению и развитию этой тенденции способствовало реализованное по инициативе Совета расширение перечня заболеваний, дающих право на освобождение от отбывания наказания в виде лишения свободы⁷⁶.

По инициативе Совета медицинскую службу ФСИН вывели из подчинения начальников учреждений и территориальных органов УИС. Теперь все медсанчасти напрямую подчиняются Управлению организации медико-санитарного обеспечения ФСИН России. Помимо прочего, это затрудняет сокрытие следов незаконного использования сотрудниками УИС физической силы и спецсредств к подозреваемым, обвиняемым и осужденным.

76 Постановление Правительства РФ от 19 мая 2017 года № 598 года «О внесении изменений в перечень заболеваний, препятствующих отбыванию наказания».

Особое беспокойство у членов Совета вызывают случаи длительных голодовок заключенных. При первой же возможности наши коллеги стараются посетить голодающего, выяснить причины протеста и убедить отказаться от такого метода отстаивания своих прав как наносящего вред здоровью. Как правило, такая работа дает положительный результат. Так, член Совета Елизавета Глинка вместе с Михаилом Федотовым шестнадцать раз посетила в московском СИЗО «Матросская тишина» украинскую летчицу Надежду Савченко и фактически спасла ей жизнь. Председателю Совета довелось выводить из голодовки украинца Владимира Балуха в одном из крымских СИЗО и бывшего главу Серпуховского района Московской области Александра Шестуна — в СИЗО «Лефортово», а члену Совета Андрею Бабушкину — Сергея Удальцова, отбывавшего административный арест в одном из столичных спецприемников.

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТОВ АМНИСТИИ И ПОМИЛОВАНИЯ

Начиная с 2011 года, Совет неоднократно поднимал вопрос об объявлении амнистии. К амнистиям, которые были объявлены по инициативе Совета, относятся:

- амнистия от 2 июля 2013 года в отношении лиц, совершивших преступления в области экономики (освобождено из мест лишения свободы 58 чел.);
- амнистия от 18 декабря 2013 года в связи с 20-летием принятия Конституции РФ (освобождено из мест лишения свободы 1132 чел.);
- амнистия от 24 апреля 2015 года в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне (освобождено из мест лишения свободы 231 558 чел.).

Каждый раз, обращаясь к главе государства с предложением инициировать объявление амнистии, Совет предлагал расширить традиционные границы этого акта государственного милосердия и гуманизма, дополнив общеуголовную амнистию административной. Видя отсутствие поддержки данной инициативы, Совет решил испробовать обходной путь, разработав проект поправок в КоАП РФ, призванных восполнить существующие в Кодексе пробелы в регулировании института административной амнистии.

Не получили пока реального воплощения и предложения Совета по возрождению института помилования, хотя кое-кто из тех, за кого просил Совет, были помилованы: Дмитрий Медведев — Сергея Мохнаткина, Владимир Путин — Надежду Савченко и т. д.

Проведенный Советом анализ сложившейся с 2001 года практики позволил прийти к выводу, что региональные комиссии по вопросам помилования поддерживают примерно 10 процентов ходатайств, однако в конечном итоге помилованным оказывается только 1 процент от числа обратившихся. И если на региональном уровне судьба осужденного решается коллегиально, с более или менее широким участием общественности, то на федеральном — исключительно закулисными бюрократическими методами. Вот почему Совет предлагает, не упраздняя региональные комиссии, восстановить при главе государства специальную Комиссию по вопросам помилования, которая прекрасно зарекомендовала себя в 1990-е годы, когда в ее состав входили Булат Окуджава, Анатолий Приставкин, Лев Разгон, Мариэтта Чудакова и другие выдающиеся деятели отечественной культуры.

РАЗВИТИЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ

Надлежащему соблюдению прав человека в местах принудительного содержания призвана служить существующая в нашей стране с 2008 года система общественных наблюдательных комиссий (ОНК). Совет традиционно участвует как в совершенствовании нормативно-правовой базы ОНК, так и в методическом обеспечении их повседневной деятельности. Регулярные посещения членами Совета учреждений УИС, как правило, проводятся вместе с членами региональных ОНК.

В последние годы по инициативе Совета законодательство об общественном контроле за соблюдением прав человека в местах принудительного содержания неоднократно подвергалось изменениям. Так, в 2015 году общественный контроль был распространен на центры временного содержания иностранных граждан, подлежащих выдворению, депортации или реадмиссии⁷⁷, а в 2018 году — также на судебно-психиатрические экспертные медицинские организации и медицинские организации, оказывающие психиатрическую помощь в стационарных условиях⁷⁸.

По настоянию Совета были внесены в закон и поправки, создавшие правовую базу для проведения дополнительного набора в состав региональных ОНК по инициативе СПЧ и Уполномоченного по правам человека в РФ⁷⁹. Тем самым впервые полномочия Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека были закреплены не только указом главы государства, но и федеральным законом.

К сожалению, ничего подобного не удалось добиться в Федеральном законе от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», хотя Совет, главный разработчик законопроекта, предлагал наделить СПЧ правами субъекта общественного контроля наряду с общественными палатами, общественными советами, ОНК и их членами, общественными инспекциями, группами общественного контроля и т. д. Очевидно, что в отсутствие полномочий субъекта общественного контроля Совет значительно ограничен в реализации возложенной на него функции систематически информировать Президента Российской Федерации о положении с правами человека в стране.

Несмотря на это явное упущение, данный закон создал общие правовые рамки для регулирования широкого круга общественных отношений, связанных с организацией и осуществлением общественного контроля. Его появление стимулировало формирование регионального законодательства об общественном контроле и многообразной практики его реализации. Тщательный анализ федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» дан в постатейном научно-практическом комментарии, подготовленном коллективом авторов Кафедры ЮНЕСКО Национального Исследовательского Университета «Высшая школа экономики» и Совета, и выпущенном издательством «Статус» в рамках существующей в Совете программы «Библиотека гражданского общества»⁸⁰.

УЧАСТИЕ В РАБОТЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Совет неоднократно участвовал в рассмотрении дел Конституционным Судом РФ, представляя в инициативном порядке либо по просьбе судьи-докладчика свои экспертные заключения. Кроме того, представители Совета выступали в прениях, разъясняя правовые позиции СПЧ.

Во многих случаях экспертное мнение Совета оказывало значимое влияние на решение высшего органа конституционного правосудия. Так, Суд согласился с мнением Совета о неконституционности ряда положений Федерального

77 Федеральный закон от 12 февраля 2015 года № 14-ФЗ «О внесении изменений в статью 2 Федерального закона «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания».

78 Федеральный закон от 19 июля 2018 года № 203-ФЗ «О внесении изменений в статью 18.1 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и Федеральный закон «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания».

79 Федеральный закон от 7 июля 2017 года № 112-ФЗ «О внесении изменений в статью 10 Федерального закона «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания».

80 Правовые основы общественного контроля в РФ: Постатейный научно-практический комментарий к Федеральному закону от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в РФ». Под ред. проф. М.А. Федотова. — М.: «Статус». 2017.

81 Постановление Конституционного Суда РФ от 17 февраля 2015 года № 2-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобами межрегиональной ассоциации правозащитных общественных объединений «АГОРА», межрегиональной общественной организации «Правозащитный центр «Мемориал», международной общественной организации «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», региональной общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское содействие», автономной некоммерческой организации правовых, информационных и экспертных услуг «Забайкальский правозащитный центр», регионального общественного фонда «Международный стандарт» в Республике Башкортостан и гражданки С.А. Ганнушкиной».

82 Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 года № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министрства юстиции Российской Федерации».

83 Постановление Конституционного Суда РФ от 17 апреля 2018 года № 15-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта «а» пункта 2 статьи 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»

закона от 17 января 1992 года № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации», касающихся порядка проведения прокурорских проверок в отношении некоммерческих организаций»⁸¹.

Позднее, рассматривая обращение Минюста России о невозможности исполнения решения Европейского суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России», Конституционный Суд РФ согласился с экспертным мнением Совета о допустимости предоставления активного избирательного права осужденным, содержащимся в колониях-поселениях⁸².

И в так называемом «деле о третьей отсрочке» Конституционный Суд РФ признал правоту Совета, положив его инициативное научное заключение в основу своего решения⁸³.

Занимался Совет и защитой в Конституционном Суде РФ прав ВИЧ-положительных иностранцев. До этого продолжительное время ФМС России и Роспотребнадзор последовательно выдворяли из страны иностранных граждан, у которых был обнаружен ВИЧ, несмотря на то, что у них в РФ оставались жены, мужья, дети. В 2015 году при активном участии СПЧ было принято постановление Конституционного Суда РФ, в котором подчеркивалось: выявление ВИЧ у иностранных граждан не является законным основанием для их выдворения⁸⁴. Так принудительное разрушение семей было признано неконституционным. После этого решения Суда были внесены поправки в федеральные законы «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)».

Так постепенно в Конституционном Суде РФ сформировалась практика использования экспертных заключений, подготовленных не только Советом, но и различными исследовательскими центрами в области права. В конечном итоге эта практика получила закрепление в § 34.1 Регламента Конституционного Суда РФ: «Научные организации, осуществляющие деятельность в сфере права, граждане, осуществляющие научную деятельность в сфере права, могут представить в Конституционный Суд инициативное научное заключение по делу, рассматриваемому Конституционным Судом. При этом научная организация или гражданин не могут требовать предоставления Конституционным Судом материалов дела для подготовки ими инициативного научного заключения».

Данная новелла в Регламенте — важнейший прецедент, который создает предпосылки для того, чтобы инициативные научные заключения по правовым вопросам получили легальный статус не только в конституционном, но также в уголовном, гражданском и других видах правосудия.

УЧАСТИЕ В РАБОТЕ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В 2011–2018 годах члены Совета традиционно привлекались к разработке постановлений Пленума Верховного Суда РФ по уголовным, гражданским и административным делам, во вопросам применения процессуального законодательства. Например, многие предложения Совета, касающиеся явных перегибов в борьбе с экстремизмом, получили отражение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» и в постановлении от 3 ноября 2016 года № 41 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 года № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» и от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

в связи с жалобой гражданина П.А. Спиридонова и запросом Бугульминского городского суда Республики Татарстан».

84 Постановление Конституционного Суда РФ от 12 марта 2015 года № 4-П «По делу о проверке конституционности положений части четвертой статьи 25.10 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», подпункта 13 пункта 1 статьи 7 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и пункта 2 статьи 11 Федерального закона «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» в связи с жалобами ряда граждан».

85 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 года № 28 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел и дел об административных правонарушениях, связанных с применением законодательства о публичных мероприятиях».

В этих постановлениях высшая судебная инстанция разъяснила, что, когда речь идет о репостах, судам следует учитывать контекст, форму и содержание публикации, а также наличие и содержание комментариев к ней. Однако в 2018 году стало ясно, что и этого разъяснения недостаточно, чтобы остановить произвольное правоприменение: если в 2011 году по части первой статьи 282 УК РФ было оштрафовано 82 человека, то в 2017 году — 460. Поэтому Верховный Суд РФ посчитал необходимым вновь обратиться к данной теме, пригласив представителей Совета войти в состав рабочей группы и представить консолидированные предложения СПЧ.

В ряде случаев Совет выступал инициатором обсуждения в Верховном Суде РФ судебной практики по той или иной категории дел. Так, в 2018 году именно по инициативе Совета высшая судебная инстанция изучила и обобщила судебную практику по административным делам, связанным с проведением собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования⁸⁵.

Рассматривая независимость суда как одну из важнейших составляющих демократического правового государства, Совет неоднократно представлял главе государства свои предложения по укреплению гарантий независимости судей. В частности, Совет предлагал распределять дела между судьями с помощью генератора случайных чисел, сделать обязательным аудиопrotocolирование судебных заседаний, ввести выборность председателей судов, образовать самостоятельные апелляционные и кассационные суды общей юрисдикции, «привязав» их к судебным округам, чтобы тем самым «отвязать» их от влияния региональных властей и элит. Часть этих предложений удалось воплотить в жизнь, хотя независимость суда по-прежнему остается не столько средством построения правового государства, сколько целью.

Никоим образом не пытаясь вмешаться в осуществление правосудия, Совет неоднократно выступал в высших и иных судах в защиту прав и законных интересов правозащитных некоммерческих организаций (НКО) и гражданских активистов. Так, при непосредственном участии Совета была предотвращена ликвидация Общества «Мемориал».

В декабре 2012 года Минюст России провел проверку в организации и установил, что ее уставные документы не соответствуют изменившемуся законодательству об НКО. Осенью 2013 года Минюст России подал в Верховный Суд РФ иск о ликвидации «Мемориала». Однако благодаря заступничеству Совета Верховный Суд РФ в январе 2014 года отказал Минюсту России.

Аналогичным образом развивалась история с попыткой ликвидации известной правозащитной организации «Экологическая вахта по Северному Кавказу»: благодаря экспертной поддержке Совета эта НКО смогла в апреле 2015 года добиться в Верховном Суде РФ отмены решения Верховного Суда Республики Адыгея о ее ликвидации.

Экспертное заключение Совета помогло и Межрегиональному профсоюзу «Рабочая Ассоциация», решение о ликвидации которого в январе 2018 года принял городской суд Санкт-Петербурга по требованию прокуратуры города. В мае 2018 года Верховный Суд РФ отменил это решение, прислушавшись к правовым доводам Совета.

В течение нескольких лет, с осени 2014 года, Совет добивался прекращения уголовного преследования в отношении эколога из Республики Адыгея Валерия Бринниха, обвиненного в распространении якобы экстремистского материала, а именно статьи — скажем прямо, довольно резкой — на экологическую тему, «Молчание ягнят». В конечном итоге в августе 2017 года гражданский активист был оправдан, а решение о признании его статьи экстремистским материалом — отменено.

Пока еще не дошло до Верховного Суда РФ дело известного правозащитника и историка, главы карельского «Мемориала» Юрия Дмитриева, обвиненного сначала в изготовлении детской порнографии, а когда 5 апреля 2018 года Петрозаводский городской суд оправдал его по данному эпизоду, — то в насильственных действиях сексуального характера в отношении приемной дочери. Члены Совета внимательно следят за всеми перипетиями данного дела и, будучи убеждены в отсутствии события преступления, готовы отстаивать невиновность правозащитника вплоть до высшей судебной инстанции.

ЗАЩИТА ПРАВ АДВОКАТОВ

Совет на постоянной основе занимался проблемами укрепления гарантий независимости адвокатов, в чьей профессиональной деятельности по определению присутствует значительный правозащитный компонент. В этом контексте Совет помогал Федеральной палате адвокатов (ФПА) и региональным адвокатским палатам защищать адвокатскую тайну, улучшать условия работы адвокатов на предварительном следствии и в суде и т.д.

86 См.: постановление Конституционного суда Российской Федерации от 25 октября 2001 года № 14-П «По делу о проверке конституционности положений, содержащихся в статьях 47 и 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и пункта 15 части второй статьи 16 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», в связи с жалобами граждан А.П. Голомидова, В.Г. Кислицина и И.В. Москвичева», определения от 22.04.2010 № 596-О-О, от 23.06.2013 № 1432-О, от 25.10.2015 № 2358-О.

87 Федеральный закон от 17 апреля 2017 года № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о дополнительных гарантиях независимости адвокатов при оказании ими квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве)».

88 Федеральный закон от 5 мая 2014 года № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей».

89 Федеральный закон от 29 июля 2017 года № 276-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Особенно часто в Совет поступали жалобы адвокатов на отказ администрации СИЗО предоставлять им свидания с содержащимся под стражей подзащитным без разрешения следователя. Такая практика в учреждениях УИС существует с советских времен, хотя Уголовно-процессуальный кодекс РФ не требует от адвоката для получения в СИЗО свидания с подзащитным предъявлять какие-либо иные документы кроме удостоверения адвоката и ордера. Не смогли изменить ситуацию и многочисленные решения Конституционного Суда РФ, которые прямо указывали на недопустимость воспрепятствования свиданиям адвокатов с подозреваемыми и обвиняемыми в СИЗО⁸⁶.

Только благодаря последовательной и целенаправленной работе Совета и ФПА над этой проблемой удалось добиться внесения принципиальных изменений в УПК РФ. Разработанный совместными усилиями законопроект был поддержан Президентом РФ и стал законом⁸⁷. Помимо решения проблемы адвокатских свиданий с их подзащитными в СИЗО, закон содержит и много других важных новелл, которые по достоинству оценены адвокатским сообществом.

ГУМАНИЗАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Совет принципиально выступал против ужесточения ответственности или создания дополнительных репрессивных механизмов, если на то нет достаточных оснований. Так, резонансный пакет антитеррористических законов депутатов И. Яровой и В. Озерова стал предметом весьма критического экспертного заключения Совета. Некоторые замечания Совета были услышаны. В частности, из законопроекта были исключены нормы о лишении пособников террористов российского гражданства.

К сожалению, далеко не всегда законодатели прислушивались к предостережениям Совета. Так, в экспертном заключении от 28 апреля 2014 года на проект так называемого «закона о блогерах» Совет предупреждал: «Предусмотренные Законом нормы представляются избыточными, противоречивыми, экономически и политически контрпродуктивными, а также имеющими высокую степень правовой неопределенности. ...Данное ужесточение государственного контроля, фактически, серьезнейшим образом ограничивает конституционную свободу искать, получать, передавать и распространять информацию. При этом неясно, для защиты каких конституционно значимых ценностей вводятся подобные ограничения. В то же время, нормы Закона безмерно расширяют поле для произвольных действий должностных лиц государственных органов в отношении граждан и юридических лиц, чьим правам и законным интересам может быть нанесен серьезный ущерб».

Однако законодатель проигнорировал предостережение Совета и закон вступил в силу⁸⁸. Спустя несколько лет правота Совета стала очевидна и законодателью: введенные в 2014 году особые правила для блогеров в 2017 году были отменены⁸⁹.

МОНИТОРИНГ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ «ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ»

Начиная с 2012 года, Совет последовательно выступал против произвольного применения законодательства о некоммерческих организациях,

выполняющих функции иностранного агента. СПЧ изначально был против внесения соответствующих изменений в Федеральный закон от 12 января 1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» и в процессе их обсуждения в Федеральном Собрании неоднократно предлагал поправки. Часть из них была принята.

При экспертной поддержке СПЧ ряд НКО инициировали проверку конституционности норм об «иностранных агентах», но Конституционный Суд РФ не пожелал согласиться с их претензиями. В создавшейся ситуации Совет инициировал законодательное уточнение понятия «политическая деятельность»⁹⁰ — одного из краеугольных камней законодательства об «иностранных агентах». Однако и это не дало желаемого эффекта — реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента, продолжал ежегодно пополняться многими десятками правозащитных, женских, экологических, культурных и других организаций.

Сократить его существенно, как минимум, в два раза, стало возможно лишь в 2017 году, когда Совет совместно с Минюстом России проанализировал реальные претензии к каждой организации. Так, работая в «ручном режиме», удалось хотя бы частично исправить ситуацию. Недаром, в стенограмме одной из встреч Президента Владимира Путина с Советом есть такие слова: «Увы, без управления в ручном режиме режим сам собой становится строгим и даже особым».

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЫ

В 2015 году Совет получил сигналы о грубом нарушении прав воспитанников детских домов в Забайкальском крае. Изучив ситуацию на месте, члены СПЧ констатировали: «В Забайкальском крае выявлено многолетнее широкое распространение криминальной субкультуры «АУЕ», участники которой занимаются вербовкой детей в криминалитет и поборами с детей в учебных заведениях. Учитывая стабильно высокий уровень преступности в Забайкальском крае, требуется принятие неотложных исчерпывающих мер по искоренению этого социального зла и привлечению к ответственности его участников и покровителей, в том числе и правоохранительными органами федерального уровня».

С этого началась работа Совета над проблемой криминализации подростковой среды. Оказалось, что «молодежная программа» криминального мира захватила уже многие регионы страны, а значит, и борьба с ней должна вестись на общенациональном уровне. О каких-либо успехах на этом направлении говорить пока преждевременно, но члены Совета в ходе выездных заседаний тщательно изучают опыт работы образовательных учреждений закрытого типа для детей с девиантным поведением, сравнивая впечатляющий опыт Горнозаводской спецшколы (Ставропольский край) с результатами работы спецшколы «Шанс» (г. Москва), Рефтинского спецучилища (Свердловская область) и др.

По настоянию Совета правительство поручило Минобрнауки России сформировать межведомственную рабочую группу по профилактике криминализации подростковой среды. Члены Совета вошли в ее состав в надежде внести реальный вклад в решение проблемы.

ЗАЩИТА ЖИЛИЩНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

Социологические опросы, ежегодно проводимые по заказу Совета, показывают, что право на жилище остается для граждан одним из самых важных и самых уязвимых. Вот почему СПЧ заключил с Минстроем России соглашение о сотрудничестве, в рамках которого образовал совместную рабочую группу.

Среди конкретных результатов работы Совета на этом направлении: — проведена прокурорская проверка сообщений о массовых нарушениях права малоимущих москвичей на жилье; Генпрокуратура РФ выявила более

91 Федеральный закон от 1 июля 2017 года № 141-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О статусе столицы Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления особенностей регулирования отдельных правоотношений в целях реновации жилищного фонда в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве».

- 260 случаев незаконного снятия с учета очередников на получение жилья в столице и приняла меры прокурорского реагирования;
- подготовлен и утвержден Верховным Судом РФ «Обзор практики рассмотрения судами в 2013–2014 годах дел по спорам, связанным с обеспечением права малоимущих граждан состоять на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма из муниципального жилищного фонда», в который вошли правовые позиции, разработанные Советом;
- совместно с Минстроем России и Агентством по ипотечному жилищному кредитованию разработаны предложения по формированию в России фонда доступного арендного жилья;
- благодаря экспертному заключению Совета отклонен и отправлен на доработку проект федерального закона «О переселении граждан из аварийного жилого фонда»;
- с участием Совета разработан, внесен Правительством РФ и 15 февраля 2017 года принят Госдумой в первом чтении законопроект о ликвидации бывших ведомственных общежитий путем их перевода на условия социального найма. В настоящее время законопроект подготовлен ко второму чтению;
- благодаря, в том числе, резко отрицательному экспертному заключению Совета в проект федерального закона о программе реновации жилого фонда в Москве внесены принципиально важные изменения, в том числе: предусмотрена возможность включения в проект программы реновации бывших общежитий и домов коридорного типа; установлен приоритет сноса более ветхих домов; исключена возможность произвольного отступления от требований санитарной и противопожарной безопасности; исключена возможность реновации при наличии неполной градостроительной документации и др.⁹¹

Хотя Совет не рассматривает частные жалобы, в том числе, по вопросам жилья, но в исключительных, резонансных случаях не может оставаться в стороне. Так, СПЧ вступился за бывшую сотрудницу Соловецкого музея, выселяемую из единственного жилья, которое она длительное время не могла приватизировать из-за бюрократических проволочек. По обращению Совета прокуратурой Архангельской области была проведена проверка. Суд, рассмотрев материалы проверки, удовлетворил требования музейного работника и обязал государственные органы оказать содействие в приватизации квартиры.

ЗАЩИТА ПРАВ АВТОМОБИЛИСТОВ И ДРУГИХ УЧАСТНИКОВ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Включившись в обсуждение наделавшего много шума законопроекта о запрете эвакуации автомобилей, не мешающих движению транспорта, и обеспечении прав граждан в процедуре эвакуации, Совет представил в Госдуму экспертное заключение, содержащее конструктивные предложения. В итоге был найден компромисс: эвакуация машин возможна лишь из тех мест, где установлены специальные знаки, предупреждающие о возможности эвакуации.

При обсуждении темы защиты прав участников дорожного движения Совет выдвинул также инициативу, касающуюся возможности использования видеозаписей с личным смартфоном и видеорегистраторов в качестве доказательств наличия или отсутствия нарушения Правил дорожного движения. Данная инициатива также была поддержана.

ЗАЩИТА БЕЗДОМНЫХ ЖИВОТНЫХ

Отечественные зоозащитники привлекли внимание Совета к проблеме ответственности за жестокое обращение с животными. Несколько лет совместной работы дали позитивный результат – подготовленный в Совете законопроект об ужесточении и детализации уголовной

92 Федеральный закон от 20 декабря 2017 года № 412-ФЗ «О внесении изменений в статьи 245 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

ответственности за жестокое обращение с животными был принят⁹². Теперь уголовная ответственность по статье 245 УК РФ наступает не только за гибель или увечье животного, но также и за жестокое обращение с ним в целях причинения боли и страданий. При этом трудно доказуемые хулиганские или корыстные побуждения особой роли для квалификации теперь не играют. Впервые удалось законодательно «одушевить» животных, признав за ними способность чувствовать и переживать. До этого к ним относились лишь как к имуществу, а к безнадзорным, соответственно, как к бесхозному имуществу.

Особая значимость ужесточения уголовной ответственности живодеров в том, что по данным криминологов, большинство лиц, совершивших преступления против жизни и здоровья людей, начинали именно с издевательств над животными, переходя затем на бездомных, мигрантов, пожилых людей...

УТИЛИЗАЦИЯ БЫТОВОГО МУСОРА

Совет давно и последовательно занимается темой утилизации твердых коммунальных отходов (ТКО), рассматривая ее в общем контексте защиты прав граждан на благоприятную окружающую среду и на охрану здоровья. По итогам встречи с Советом в 2017 году Президент РФ дал ряд поручений Правительству РФ, Генпрокуратуре России, СПЧ, Общественной палате РФ и Общероссийскому народному фронту о формировании правовых основ современной отрасли утилизации бытового мусора. По сути, речь идет о формировании максимально замкнутой циркулярной экономики, в которой отходы становятся сырьем, и лишь очень незначительная их часть подлежит захоронению.

Разрабатываемые Советом рекомендации касаются стимулирования отдельного сбора отходов населением, механизма учета мнения населения при размещении мусороперерабатывающих заводов, подготовки федерального закона о вторсырье и стимулировании спроса на продукцию из вторсырья, проверки исполнения законодательства об отходах органами исполнительной власти всех уровней и др. В ходе выездных заседаний члены Совета имеют возможность изучить, насколько их рекомендации соответствуют реальным потребностям и возможностям регионов, какой вклад в их реализацию должны внести федеральный центр и структуры гражданского общества.

В этом плане особенно показательным стал автобусный тур по ряду регионов, посвященный теме отдельного сбора ТКО и организованный Советом совместно с Гринпис России в 2017 году Тур, названный «Ноль отходов», прошел через Воронеж, Ростов-на-Дону, Саратов, Саранск, Оренбург, Уфу, Челябинск, Екатеринбург, Пермь, Ижевск, Казань, Нижний Новгород, Ярославль и Москву. В каждом из городов члены Совета встречались с представителями власти, компаниями-переработчиками отходов и общественниками, организовывали выставки для экологического просвещения и популяризации отдельного сбора мусора.

Конечно, тема утилизации ТКО далеко не единственная в работе Постоянной комиссии по экологическим правам. Совет вовлечен в решение проблем защиты окружающей среды, связанных с работой завода «Электроцинк» в г. Владикавказе, строительством Томинского ГОК на окраине г. Челябинска и т.д. Наиболее значимое достижение Совета на этом направлении – закрытие Байкальского ЦБК вскоре после встречи президента с членами Совета и представителями экологических НКО в Новокуйбышевске в 2012 году. Этого решения добивались эксперты и общественность в течение многих десятилетий. И неважно, чья именно соломинка переломила горб верблюду. Дело Совета – класть соломинки.

НАШИ «ДОЛГОСТРОИ»

Есть немало проблем, за которые Совет брался в 2011–2018 годах, но так и не смог добиться реальных сдвигов в их решении. Наиболее яркий пример – исправление несправедливостей, возникших в ходе аграрной реформы 1990-х годов. В тех регионах, где земельные паи представляют собой большую ценность, до сих пор остро стоит проблема обеспечения земельных и имущественных прав крестьян, не получивших своих земельных долей и имущественных паёв в процессе реформы.

Встречаясь с сельскими жителями в Краснодарском и Ставропольском краях, в Ростовской и других областях Юга России, члены Совета собрали огромную коллекцию печальных судебных историй. В итоге на базе СПЧ была создана межведомственная рабочая группа с участием представителей профильных органов государственной власти, правоохранительных органов и заинтересованных регионов, а также ученых и гражданских активистов. Результатом ее работы стали предложения по обеспечению прав работников сельхозпредприятий, не получивших земельных долей в ходе аграрной реформы 1990-х годов, а также проект федерального закона «Об упорядочении отношений собственности, возникших при приватизации земель сельскохозяйственного назначения». К сожалению, пока решение проблемы дальше не продвинулось.

Еще один «долгострой» — проект новой редакции федерального закона от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Он давно готов и даже однажды был презентован Президенту Владимиру Путину, однако по сей день не может вырваться из трясины межведомственных согласований.

В целом же, в 2011–2018⁹³ годах Совет провел 126 заседаний, в том числе 64 специальных, тематических и 26 выездных, охвативших почти половину субъектов Российской Федерации, выпустил сотни заявлений, рекомендаций, экспертных заключений и т.д. В рамках выездных заседаний неизменно организовывался прием населения, который нередко затягивался далеко за полночь. Например, во время выездного заседания в Республике Дагестан в феврале 2018 года члены Совета приняли 1250 человек.

93 По состоянию на 19 сентября 2018 года.

СОСТАВ СОВЕТА ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО РАЗВИТИЮ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА (С 12 ОКТЯБРЯ 2012 ГОДА)⁹⁴

Федотов Михаил Александрович — советник Президента Российской Федерации (с 10 февраля 2009 года; с 12 октября 2010 года — председатель Совета).

Абрамкин Валерий Фёдорович — директор региональной общественной организации «Центр содействия реформе уголовного правосудия» (с 10 февраля 2009 по 1 апреля 2013 года).

Айвазова Светлана Григорьевна — главный научный сотрудник Института социологии Российской академии наук (с 10 февраля 2009 года).

Алексеева Людмила Михайловна — председатель Московской Хельсинкской группы (с 10 февраля 2009 по 12 ноября 2012 года и с 26 мая 2015 года).

Амбиндер Лев Сергеевич — президент некоммерческой организации благотворительного фонда «Помощь» (с 10 февраля 2009 года).

Андреева Татьяна Константиновна — доцент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», заместитель Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке (с 3 декабря 2018 года по настоящее время).

Асмолов Александр Григорьевич — заведующий кафедрой федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», академик федерального государственного бюджетного учреждения «Российская академия образования» (с 3 декабря 2018 года по настоящее время).

Аузан Александр Александрович — президент Ассоциации независимых центров экономического анализа (с 10 февраля 2009 по 12 ноября 2012 года).

Бабушкин Андрей Владимирович — председатель межрегиональной общественной благотворительной правозащитной организации «Комитет «За гражданские права» (с 12 ноября 2012 года).

Батыршин Радик Ирикович — председатель закрытого акционерного общества «Межгосударственная телерадиокомпания «Мир» (с 12 ноября 2012 по 3 декабря 2018 года).

Бобров Евгений Александрович — руководитель межрегиональной общественной организации «Правозащитная организация «Восход» (с 12 ноября 2012 года; с 26 ноября 2015 по 21 октября 2019 года — заместитель председателя Совета).

Большакова Мария Артемовна — председатель совета Общероссийской общественной организации «Союз семей военнослужащих России» (с 12 ноября 2012 года).

Борисов Игорь Борисович — председатель совета Общероссийской общественной благотворительной организации «Российский общественный институт избирательного права» (с 12 ноября 2012 года).

Брод Александр Семенович — председатель координационного совета Общероссийской общественной организации «Юристы за права и достойную жизнь человека» (с 16 ноября 2012 года).

Верховский Александр Маркович — директор Информационно-аналитического центра «Сова» (с 12 ноября 2012 года).

94 Должности членов Совета указаны в формулировках Указа Президента РФ от 1 февраля 2011 года № 148 «Об утверждении состава Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека» с учетом последующих изменений.

Винокурова Екатерина Владимировна — специальный корреспондент информационного агентства «Знак» (с 3 декабря 2018 года по настоящее время).

Воробьев Сергей Ильич — сопредседатель некоммерческой организации «Клуб 2015» (с 1 февраля 2011 года; до 26 ноября 2015 года — заместитель председателя Совета).

Ганнушкина Светлана Алексеевна — председатель региональной общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское содействие» (с 10 февраля 2009 по 12 ноября 2012 года).

Гефтер Валентин Михайлович — директор автономной некоммерческой организации «Институт прав человека» (с 10 февраля 2009 по 12 ноября 2012 года).

Глинка Елизавета Петровна — исполнительный директор международной общественной организации «Справедливая помощь» (с 12 ноября 2012 по 27 июня 2017 года).

Головань Алексей Иванович — исполнительный директор региональной общественной организации «Благотворительный центр «Соучастие в судьбе» (с 10 февраля 2009 по 1 апреля 2013 года).

Горгадзе Шота Олегович — управляющий партнер адвокатского бюро г. Москвы «Зутиков, Горгадзе и партнеры» (с 3 декабря 2018 года по настоящее время).

Гусев Павел Николаевич — генеральный директор закрытого акционерного общества «Редакция газеты «Московский комсомолец», главный редактор газеты «Московский Комсомолец», председатель общественной организации «Союз журналистов Москвы» (с 12 ноября 2012 года).

Джибладзе Георгий Джуаншеревич — президент автономной некоммерческой организации «Центр развития демократии и прав человека» (с 10 февраля 2009 по 12 ноября 2012 года).

Дискин Иосиф Евгеньевич — заместитель председателя научно-экспертного совета открытого акционерного общества «Всероссийский центр изучения общественного мнения», сопредседатель межрегиональной общественной организации «Совет по национальной

стратегии» (с 12 ноября 2012 по 18 февраля 2016 года).

Дондурей Даниил Борисович — главный редактор некоммерческого партнерства «Редакция журнала «Искусство кино» (с 1 февраля 2011 по 27 июня 2017 года).

Евдокимова Наталия Леонидовна — ответственный секретарь Правозащитного совета Санкт-Петербурга (с 12 ноября 2012 года).

Замшев Максим Адольфович — главный редактор «Литературной газеты» (с 3 декабря 2018 года по настоящее время).

Засурский Иван Иванович — президент Ассоциации интернет-издателей, главный редактор интернет-издания «Частный корреспондент» (с 1 февраля 2011 года).

Кабанов Кирилл Викторович — председатель общественной организации «Национальный антикоррупционный комитет» (с 10 февраля 2009 года).

Каледа Кирилл Глебович — протоиерей, настоятель храма Святых Новомучеников и Исповедников Российских в Бутове (с 3 декабря 2018 года по настоящее время).

Каляпин Игорь Александрович — председатель межрегиональной общественной организации «Комитет против пыток» (с 12 ноября 2012 года).

Каннабих Мария Валерьевна — председатель президиума Общероссийской общественной организации «Совет общественных наблюдательных комиссий» (с 12 ноября 2012 по 27 июня 2017 года).

Караганов Сергей Александрович — почетный председатель президиума неправительственного общественного объединения «Совет по внешней и оборонной политике» (с 10 февраля 2009 года).

Киркора Ирина Владимировна — руководитель московского отделения межрегиональной общественной организации по защите прав женщин и детей «Ассоль» (с 12 ноября 2012 года).

Ковлер Анатолий Иванович — заведующий Центром зарубежного законодательства и сравнительного правоведения федерального

государственного научно-исследовательского учреждения «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации» (с 3 декабря 2018 года по настоящее время).

Козырев Алексей Сергеевич — художественный руководитель, главный режиссер театра «Алеко» (с 12 ноября 2012 по 3 декабря 2018 года).

Костанов Юрий Артемович — председатель президиума Московской коллегии адвокатов «Адвокатское партнерство» (с 12 ноября 2012 года).

Кравченко Борис Евгеньевич — президент Общероссийского объединения профсоюзов «Конфедерация труда России» (с 1 февраля 2011 года).

Кривенко Сергей Владимирович — член правления международной общественной организации «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», координатор общественного движения «Гражданин и армия» (с 10 февраля 2009 года).

Кузьминов Ярослав Иванович — сопредседатель Российского общественного совета по развитию образования, ректор ФГАУ ВПО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (с 10 февраля 2009 по 12 ноября 2012 года).

Куклина Ида Николаевна — член координационного совета Союза комитетов солдатских матерей России (с 10 февраля 2009 по 12 ноября 2012 года).

Кучер Станислав Александрович — журналист (с 12 ноября 2012 по 3 декабря 2018 года).

Кучерена Анатолий Григорьевич — председатель центрального совета Общероссийского общественного движения «Гражданское общество» (с 12 ноября 2012 по 18 февраля 2016 года).

Лантратова Яна Валерьевна — председатель координационного совета Всероссийской общественной организации «Союз добровольцев России» (с 12 ноября 2012 года; с 26 ноября 2015 по 3 декабря 2018 года — ответственный секретарь Совета).

Легойда Владимир Романович — председатель правления Фонда содействия развитию культурно-просветительской деятельности «Фома Центр», главный редактор журнала «Фома», председатель Синодального информационного отдела Русской православной церкви (с 10 февраля 2009 по 18 февраля 2016 года; с 1 февраля 2011 по 26 ноября 2015 года — ответственный секретарь Совета).

Литовченко Сергей Евгеньевич — исполнительный директор межрегиональной общественной организации «Ассоциация менеджеров» (с 10 февраля 2009 по 26 ноября 2015 года).

Лукутцова Раиса Тимофеевна — председатель Общероссийской общественной организации «Российский красный крест» (с 12 ноября 2012 по 3 декабря 2018 года).

Лукьянов Фёдор Александрович — главный редактор журнала «Россия в глобальной политике» (с 10 февраля 2009 по 12 ноября 2012 года).

Маковецкая Светлана Геннадьевна — директор фонда «Центр гражданского анализа и независимых исследований «ГРАНИ» (с 3 декабря 2018 года по настоящее время).

Малева Татьяна Михайловна — директор автономной некоммерческой организации «Независимый институт социальной политики» (с 10 февраля 2009 по 12 ноября 2012 года).

Марголина Татьяна Ивановна — профессор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет», член общественной организации «Пермское краевое отделение Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал» (с 3 декабря 2018 года по настоящее время).

Масюк Елена Васильевна — журналист (с 12 ноября 2012 по 3 декабря 2018 года).

Меркачева Ева Михайловна — обозреватель газеты «Московский Комсомолец» (с 3 декабря 2018 года по настоящее время).

Михайлов Константин Петрович — координатор общественного движения «Архнадзор» (с 3 декабря 2018 года по настоящее время).

Морщакова Тамара Георгиевна — судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке (с 10 февраля 2009 года; 22 октября 2019 года заявила о выходе из Совета).

Мукомолов Александр Фёдорович — председатель совета межрегиональной неполитической общественной организации «Миротворческая миссия имени генерала Лебеда» (с 12 ноября 2012 года).

Мысловский Евгений Николаевич — президент регионального общественного фонда противодействия организованной преступности и коррупции «АНТИМАФИЯ» (с 12 ноября 2012 года).

Никитинский Леонид Васильевич — секретарь Общероссийской общественной организации «Союз журналистов России» (с 12 ноября 2012 года).

Николаева Елена Леонидовна — председатель попечительского совета некоммерческого фонда «Национальный фонд развития здравоохранения» (с 10 февраля 2009 по 18 февраля 2016 года).

Орешкин Дмитрий Борисович — ведущий научный сотрудник Института географии Российской академии наук (с 10 февраля 2009 по 12 ноября 2012 года).

Паин Эмиль Абрамович — директор Центра этнополитических и региональных исследований (с 1 февраля 2011 по 12 ноября 2012 года).

Панфилова Елена Анатольевна — директор Центра антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл — Россия» (с 10 февраля 2009 по 12 ноября 2012 года).

Парфёнов Леонид Геннадьевич — журналист (с 12 ноября 2012 по 3 декабря 2018 года).

Пастухов Игорь Николаевич — адвокат Московской коллегии адвокатов «Юридическая фирма «ЮСТ»» (с 12 ноября 2012 года).

Пашин Сергей Анатольевич — профессор кафедры ФГАУ ВПО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (с 12 ноября 2012 по 3 декабря 2018 года).

Поляков Леонид Владимирович — заведующий кафедрой общей политологии ФГАУ ВПО «Национальный исследовательский

университет «Высшая школа экономики» (с 1 февраля 2011 года).

Полякова Мара Фёдоровна — председатель правления региональной общественной организации «Независимый экспертно-правовой совет» (с 10 февраля 2009 года).

Полякова Элла Михайловна — председатель Санкт-Петербургской региональной общественной правозащитной организации «Солдатские матери Санкт-Петербурга» (с 12 ноября 2012 по 3 декабря 2018 года).

Пустынцев Борис Павлович — председатель Санкт-Петербургской общественной правозащитной организации «Гражданский контроль» (с 10 февраля 2009 по 12 ноября 2012 года).

Пушков Алексей Константинович — автор и ведущий аналитической программы «Постскриптум» (с 10 февраля 2009 по 18 февраля 2016 года).

Радзиховский Леонид Александрович — журналист, обозреватель «Российской газеты» (с 1 февраля 2011 по 12 ноября 2012 года).

Резник Генри Маркович — первый вице-президент Адвокатской палаты г. Москвы (с 3 декабря 2018 года по настоящее время).

Романов Роман Владимирович — директор государственного бюджетного учреждения культуры г. Москвы «Государственный музей истории ГУЛАГа» (с 3 декабря 2018 года по настоящее время).

Ряховский Владимир Васильевич — управляющий партнер адвокатского бюро «Славянский правовой центр» (с 12 ноября 2012 года).

Сванидзе Николай Карлович — политический обозреватель (с 12 ноября 2012 года).

Сидорович Ольга Борисовна — директор автономной некоммерческой организации «Институт права и публичной политики» (с 3 декабря 2018 года по настоящее время).

Симонов Алексей Кириллович — президент некоммерческой организации «Фонд защиты гласности» (с 10 февраля 2009 по 12 ноября 2012 года).

Соболева Анита Карловна — главный эксперт-консультант по научно-правовой

деятельности автономной некоммерческой организации «Юристы за конституционные права и свободы» (с 12 ноября 2012 года).

Сокуров Александр Николаевич — кинорежиссер (с 3 декабря 2018 года по настоящее время).

Соловьев Владимир Геннадиевич — председатель Общероссийской общественной организации «Союз журналистов России» (с 3 декабря 2018 года по настоящее время).

Сорокина Светлана Иннокентьевна — журналист (с 10 февраля 2009 по 5 марта 2012 года).

Терентьев Михаил Борисович — заместитель председателя Комитета Государственной Думы ФС РФ по труду, социальной политике и делам ветеранов, генеральный секретарь Общероссийской общественной организации «Паралимпийский комитет России» (с 12 ноября 2012 по 18 февраля 2016 года).

Тополева-Солдунова Елена Андреевна — директор автономной некоммерческой организации «Агентство социальной информации» (с 12 ноября 2012 по 18 февраля 2016 года).

Хакамада Ирина Муцуовна — публицист (с 12 ноября 2012 по 3 декабря 2018 года).

Цыпленков Сергей Александрович — исполнительный директор отделения международной неправительственной некоммерческой организации «Совет Гринпис» — ГРИНПИС (с 10 февраля 2009 года).

Чиков Павел Владимирович — председатель Межрегиональной Ассоциации правозащитных организаций «АГОРА» (с 12 ноября 2012 по 21 октября 2019).

Чмыхов Гарий Дмитриевич — член наблюдательного совета федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта» (с 10 февраля 2009 года).

Чугуева (Полникова) Ирина Георгиевна — первый заместитель председателя Хабаровского краевого историко-просветительского общественного движения «Мемориал» (с 10 февраля 2009 по 26 ноября 2015 года).

Шаблинский Илья Георгиевич — профессор кафедры ФГАУ ВПО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (с 12 ноября 2012 по 21 октября 2019 года).

Шапошников Владимир Петрович — председатель Российского профсоюза работников строительных специальностей и сервисных организаций (с 12 ноября 2012 по 18 февраля 2016 года).

Шевченко Максим Леонардович — президент региональной общественной организации содействия в изучении культурных, общественных и религиозных процессов в контексте современной политики «Центр стратегических исследований религий и политики современного мира» (с 12 ноября 2012 по 3 декабря 2018 года).

Шибанова Лилия Васильевна — исполнительный директор ассоциации некоммерческих организаций «В защиту прав избирателей «ГОЛОС» (с 12 ноября 2012 по 3 декабря 2018 года).

Шульман Екатерина Михайловна — доцент кафедры Института общественных наук федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (с 3 декабря 2018 по 21 октября 2019 года).

Юргенс Игорь Юрьевич — председатель правления фонда «Институт современного развития» (с 10 февраля 2009 года).

Юров Андрей Юрьевич — президент Благотворительного фонда «Интернациональный проект — Молодежное Правозащитное Движение» (с 12 ноября 2012 по 3 декабря 2018 года).

Ясин Евгений Григорьевич — научный руководитель ФГАУ ВПО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (с 10 августа 2015 года).

Ясина Ирина Евгеньевна — председатель экспертного совета негосударственного учреждения «Клуб региональной журналистики» (с 10 февраля 2009 по 5 марта 2012 года).

Михаил Федотов:

«Совет — это коллективный советник Президента»⁹⁵

Михаил Александрович Федотов (родился в 1949 году в Москве) — потомственный юрист, государственный и общественный деятель, правозащитник. С октября 2010 года — председатель Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, советник Президента Российской Федерации.

Окончил юридический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова (в 1968 году был отчислен со второго курса за участие в диссидентском движении, но по настоянию ряда профессоров смог продолжить учебу на вечернем отделении, одновременно работая репортером в газетах и журналах). Доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ. Вместе с Ю. М. Батуриным и В. Л. Энтиным создал новый жанр юридической научной литературы — инициативные авторские законопроекты. В этом жанре (в соавторстве) написал и опубликовал проекты законов «О печати и других средствах массовой информации», «О средствах массовой информации», «Об архивном деле и архивах» и др.

С 1990 года — заместитель министра печати и информации РФ, в 1992–1993 годах — министр печати и информации РФ, в 1993–1998 годах — Постоянный представитель РФ при ЮНЕСКО, имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного посла. С 1998 года — секретарь Союза журналистов России, вице-президент Фонда ИНДЕМ, руководитель кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву и другим правам интеллектуальной собственности ФГАУ ВПО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Был представителем Президента России на процессах в Конституционном Суде РФ по делу КПСС, по делу Фронта национального спасения, а также по делу о введении наблюдательных советов на государственном телерадиовещании. Неоднократно представлял Президента РФ на съездах народных депутатов и в Верховном Совете РФ. Был представителем Правительства России в Конституционном совещании, членом президентской рабочей группы по проекту Конституции. Награжден орденом Дружбы, медалью ЮНЕСКО в честь 50-летия Всеобщей декларации прав человека, медалью Русской православной церкви святого благоверного князя Даниила Московского. Лауреат премий союзов журналистов СССР и России, премии Правительства Российской Федерации в области печатных средств массовой информации, Премии имени о. Александра Меня, Премии Егора Гайдара и т.д. Автор около 200 книг и статей по проблемам прав человека и конституционализма, интеллектуальной собственности и международного гуманитарного сотрудничества.

⁹⁵ В интервью использованы ответы М.А. Федотова на вопросы журналистов газет «Ведомости», «Московский комсомолец», журнала The New Times, информационного агентства ТАСС и т.д.

КАК ВЫ СЮДА ПОПАЛИ?

Ред. Давайте о самом интересном: как случилось, что выбор пал на вас? Это назначение готовилось или все произошло спонтанно?

М.Ф. Конечно, готовилось! Просто его не я готовил. После того, как Элла Александровна Памфилова в июле 2010 года ушла в отставку, журналисты время от времени спрашивали меня, кто мог бы стать председателем Совета. И я неизменно отвечал, что прекрасная кандидатура — Александр Аузан, поскольку, во-первых, он пользуется авторитетом в правозащитном сообществе, во-вторых, всегда был в Совете правой рукой председателя, а в-третьих, имеет опыт работы с госаппаратом.

И вдруг в августе раздается телефонный звонок из президентской Администрации: «Михаил Александрович, вы не могли бы зайти?» Пришел, меня спросили: «Как вы видите работу Совета в будущем?» Я ответил, что готов по этому поводу написать отдельную бумагу, если есть интерес. Меня спросили: «А кого бы вы видели председателем?» Я, естественно, назвал Аузана. «Ну, а себя вы не видите в этой роли?» Я ответил: «Если Президент скажет, что председателем совета должен быть Федотов, значит, будет Федотов». У меня, видите ли, есть комплекс вины — в 1995 году, когда я работал в Париже постпредом России при ЮНЕСКО, я уклонился от назначения помощником Президента по правовым вопросам. И все последующие годы меня мучила совесть, что я в 95-м смалодушничал и отказал Президенту. Ведь, может быть, именно моего участия не хватало в те годы в Кремле, чтобы предотвратить те или иные ошибки.

Ред. Когда вы первый раз встретились с Президентом?

М.Ф. 5 октября 2010 года. Разговор длился около сорока минут. В какой-то момент Медведев спросил: «Так мне кого назначать председателем — вас или Аузана?» Я ответил: «Аузана». — «То есть вы отказываетесь?» — «Нет, не отказываюсь. Как вы решите, так и будет». Потом мы обсуждали, как организовать работу Совета, и я предложил модель, когда председатель Совета является одновременно советником Президента. Это вытекает из концепции Совета как коллективного советника Президента.

Ред. Объясните, потому что это у многих вызывает настороженность.

М.Ф. Президент мне тоже сказал: «Михаил Александрович, а вы не боитесь, что вы потеряете независимость?». Я ответил, что не боюсь, потому что всегда был независимым человеком — и министром, и послом. Просто мои представления о жизни совпадали с представлениями моего работодателя. Поэтому, продолжил я, если у нас с вами будут совпадать представления о добре и зле, а я надеюсь, что так и будет, то проблем с независимостью не возникнет. Да, конечно, есть определенные ограничения. Я не могу, например, публично критиковать Президента, потому что я его советник. Я могу, и более того, я должен высказать Президенту свое мнение по какому-то вопросу или по поводу какого-то его шага — но только Президенту, и никому другому. И ни в коем случае не предавать это огласке. Так что определенная потеря независимости неизбежна.

Ред. Это минус, а преимущества позиции советника?

М.Ф. Возможность прямого, непосредственного контакта с Президентом. Потому что только через Президента мы можем добиться эффективного решения вопросов, которыми занимаемся, — тогда нам гарантирован успех. Это гарантия политическая, но должна быть еще гарантия аппаратная: гонять зайца по большому кругу наши чиновники умеют великолепно. Со статусом советника Президента у меня гораздо больший аппаратный вес. Это очень важно для того, чтобы доносить решения Совета до структур Администрации Президента, до структур правительства, до различных государственных организаций, до губернаторов, мэров и т.д.

Ред. Вы сразу стали менять людей в Совете?

М.Ф. Никого я не менял! До моего назначения Совет потерял трех человек. Поэтому я предложил Президенту дополнить состав. Так в Совет пришли Сергей Воробьев, Даниил Дондурей, Иван Засурский, Борис Кравченко, Леонид Поляков, Эмиль Паин, Леонид Радзиховский. Этим коллективом мы и проработали до мая 2012 года, когда на пост главы государства вернулся Владимир Путин.

Ред. Уход Медведева и возвращение Путина в мае 2012 года вызвали кризис в Совете: треть членов СПЧ решили его покинуть. Как вы смогли его преодолеть?

М.Ф. А был ли кризис? Я бы назвал это естественным процессом ротации: когда меняется Президент, консультативные органы при Президенте тоже неизбежно переживают определенную перестройку. Просто раньше это проходило за закрытыми дверями, а в данном случае, что называется, на людях: через свободное выдвижение кандидатур, через голосование в Интернете. Конечно, было бы замечательно, если бы Совет сохранился в том виде, в котором он собрался 28 апреля 2012 года на последнюю встречу с Медведевым. Кстати, перечень поручений по итогам той последней встречи Дмитрий Анатольевич подписал утром 12 мая, в последние часы своего президентства. А когда 13 наших коллег по разным причинам — кто-то по политическим, кто-то по личным — покинули Совет, возникла необходимость восполнить эти потери.

Ред. Вам наверняка известно мнение бывшего председателя Совета Эллы Памфиловой: «Демократичная по форме, но цинично-лукавая по сути процедура виртуального голосования, конечно, принесет власти желаемый результат — мнение «большинства» поможет власти сформировать еще одну рядовую лояльно-имитационную структуру». Элла Александровна не права?

М.Ф. Абсолютно права. Первоначальная схема, предложенная президентской Администрацией, действительно не была оптимальной: кандидат, набравший в Интернете наибольшее число голосов, представляется на утверждение Президенту. Это могло привести к тому, что в Совет попали бы суперпопулярные, но совершенно случайные для правозащитного сообщества люди: артисты, шоумены, футболисты, телеведущие. Но

ИСТОРИЯ ПОВТОРЯЕТСЯ?

Ред. А вам самому доводилось участвовать в несанкционированных уличных акциях?

М.Ф. Приходилось, и не раз. Не помню, участвовал ли я в первом правозащитном митинге — на Пушкинской площади,

ведь в СПЧ нужно не петь и не забивать голы, а защищать права человека. В такой ситуации наши аксакалы наверняка пожелали бы выйти из Совета. В результате мы имели бы не кризис, а полный развал и потерю идентичности. Выработанная нами система отбора позволила минимизировать подобные риски: кандидатуру в состав Совета могла предложить не любая некоммерческая организация, а только имеющая не менее пяти лет стажа работы в области защиты прав человека или развития гражданского общества. Кроме того, мы профилировали каждое из 13 вакантных мест: «Общественное телевидение», «Защита прав уязвимых категорий граждан», «Проблемы миграции» и так далее. И учитывали реальный опыт кандидатов в соответствующей сфере. Только кандидаты, прошедшие столь строгий отбор, допускались к интернет-голосованию. Хотя в итоге единственный избиратель в процессе формирования СПЧ — Президент России.

Ред. Именно так и случилось, когда Президент Путин включил в состав Совета всех, кто вошел в «тройку» по каждой из 13 номинаций, а потом еще добавил Александра Брода, объявившего голодовку в знак протеста против того, что вы не допустили его к интернет-голосованию. Были опасения, что СПЧ в результате прихода столь большой группы новых членов станет просто ширмой, прикрывающей шероховатости «суверенной демократии».

М.Ф. Совет не был и не будет ничьей ширмой. Или это будет уже другой Совет с другим председателем. Состав, сформированный в 2009 году, включал в себя людей неудобных, колючих, но при этом профессиональных, знающих, пекущихся о судьбе страны. Я неоднократно разговаривал на эту тему с Президентом Путиным: по его словам, он заинтересован в том, чтобы Совет был именно таким.

5 декабря 1965 года. Но то, что принял участие во втором, который состоялся ровно через год, 5 декабря 1966 года, — это точно. В 1967 году, 22 января, был еще один митинг на Пушкинской площади, я в нем тоже участвовал. Слава богу, милиция меня

20/08 2013 21:08

#1253 P.001

ИСК. N 211.1-01-БОЕПРАВ

Schweizerische Eidgenossenschaft
Confédération suisse
Confederazione Svizzera
Confederaziun svizra

Schweizerische Botschaft
Ambassade de Suisse
Embassy of Switzerland
Посольство Швейцарии

Посол

Москва, 21 ноября 2013 года

Уважаемый господин Председатель Совета, дорогой господин Федотов

Власти моей страны и мои сограждане, безусловно, очень рады освобождению под залог большинства членов экспедиции «Гринпис» в Арктику и, в частности, Марко Вебера, чья символическая роль, обусловленная тем, что физически он находился ближе всех к платформе, заставляла опасаться, что к нему будет применен более суровый подход.

Без всякого сомнения, в том, что на данном этапе процесса было принято столь значимое решение, важнейшую роль сыграли Ваш авторитет и Ваша активная позиция. В частности, одним из решающих факторов, определивших благоприятное развитие событий, стала Ваша мудрая и умелая стратегия, нашедшая свое воплощение в Ваших письмах, адресованных Президенту Российской Федерации Владимиру Путину и Председателю Следственного комитета Александру Бастрыкину.

И в этой связи я хотел бы от имени Правительства и посольства Швейцарии выразить Вам глубокую благодарность и нашу живейшую признательность за Ваши усилия.

Примите, господин Председатель, дорогой господин Федотов, уверения в моем самом высоком уважении.

Pierre Helly

Посол Швейцарии в РФ
Пьер Хельг

Михаил А. Федотов
Советник Президента Российской Федерации,
Председатель Совета
при Президенте Российской Федерации
по развитию гражданского общества и правам человека

не задерживала. Ну, и митинги тогда были не такие, как сегодня, когда выходят тысячи. Тогда выходили десятки — не тысяч, а человек. А в январе 1968 года я участвовал, как сегодня сказали бы, в пикетировании здания Московского городского суда, где судили наших товарищей-правозащитников — Алика Гинзбурга, Юру Галанцова, Лешу Добровольского и Веру Лашкову. Если мне память не изменяет, им инкриминировали статью 70 УК РСФСР — антисоветская агитация и пропаганда. Вот эта история вышла мне боком.

Дело было так. Мы стояли у здания суда на Каланчевке уже несколько часов. Было холодно и голодно. И мои товарищи послали к «трем вокзалам» за пирожками. Когда возвращался, еще издали увидел, что подъехала милицейская машина, и нескольких наших ребят задержали. Всем этим командовал некий милицейский старшина, которого я затем увидел в метро — мы оказались в одном вагоне. А я тогда был студентом второго курса юридического факультета МГУ, и у меня с собой были комментарии к Уголовному и Уголовно-процессуальному кодексам. Я сел рядом с этим старшиной и стал ему зачитывать: для задержания имеются такие-то и такие-то основания, а если задержание производится в нарушение требований закона, то это — уголовное преступление. Старшина молча слушал. Но когда объявили станцию «Кропоткинская» и я встал, чтобы пойти домой, он схватил меня за руку и сказал: «А теперь пойдём». И потащил в комнату милиции, где и был составлен протокол. В рапорте этого старшины было сказано, что я угрожал ему расправой, а я в своих объяснениях написал: «Разъяснял положения УК и УПК РСФСР». Ну, а через пару дней меня вызвали в деканат и вернули документы: так я был отчислен из университета.

Ред. Насколько известно, за вас тогда вступились преподаватели.

М.Ф. Не просто преподаватели, а ведущие профессора, однокурсники моей мамы. Она была в институте душой художественной самодеятельности, к которой приобщилась еще на фронте, все ее знали, любили. Пришли к декану, который тоже учился с ними на одном курсе, и говорят: «Жора, это же сын Туси, ты что, забыл?!» Он ответил: «Ну ладно, пусть восстанавливается на вечернем. А ось никто не заметит». Конечно, свою роль

сыграли и мои хорошие оценки по всем предметам, кроме истории КПСС. Пришлось доучиваться на вечернем отделении. Тогда же, кстати, началась моя журналистская практика. Студент-вечерник должен работать, и я устроился в газету «Вечерняя Москва» репортером отдела информации.

Ред. Словом, вы занимались деятельностью, которая, мягко говоря, не приветствовалась властью. И, насколько понимаю, ничуть не раскаиваетесь в этом.

М.Ф. Абсолютно. Я всегда делал то, что соответствует моим представлениям о справедливости и порядочности.

Ред. В таком случае от вас можно было ожидать большего понимания по отношению к тем, кто сегодня выходит на улицы вопреки запретам. «Нечего обижаться на полицию — она лишь выполняет требования закона», — заявили вы, комментируя прошедшие 26 марта 2017 года митинги против коррупции. Но ведь несколько десятилетий назад в примерно таких же выражениях говорили о ваших гонителях из «компетентных органов».

М.Ф. Секундочку, не совсем так. Даже совсем не так. Тот самый старшина милиции, задерживая моих товарищей, действовал вопреки закону. Даже в далеком от стандартов правого государства советском законодательстве заведомо незаконное задержание считалось преступлением. Что же касается сегодняшней ситуации, то, когда сотрудники полиции обеспечивают охрану общественного порядка, они, безусловно, выполняют требования закона. Но когда они хватают и сажают в кутузку человека, который просто стоит в толпе или идет по улице, когда применяют физическое насилие против того, кто не оказывает сопротивления, они сами нарушают закон. Я лично считаю, что у каждого полицейского, который выходит на публичные мероприятия, должен быть нагрудный видеорегиистратор. И суд должен рассматривать эти видеозаписи как главное доказательство.

Кстати, 28 апреля 2017 года вступила в силу новая редакция статьи 303 Уголовного кодекса. До этого она предусматривала ответственность за фальсификацию доказательств только по гражданским и уголовным делам. Но еще в феврале 2011 года члены Совета на встрече с Президентом говорили о недопустимости ситуации, когда сотрудник

полиции, выступая в суде в качестве свидетеля по делу об административном правонарушении, может безнаказанно давать заведомо ложные показания. И поставили вопрос о том, чтобы за подобное была установлена ответственность. Прошло шесть лет, и такая

норма появилась в Уголовном кодексе: фальсификация доказательств по делам об административных правонарушениях стала уголовным преступлением. За это предусмотрено наказание вплоть до четырех месяцев ареста. Это серьезно.

ДОКУМЕНТ

Нужно шире использовать возможности аудио- и видеозаписи, здесь у меня никаких сомнений нет. И то, что говорили коллеги, я имею в виду и Мару Фёдоровну, и потом то, что говорила Людмила Михайловна в отношении споров, связанных с нарушением административного законодательства, и последних споров, которые возникли... Я не против того, чтобы посмотреть на вопрос ответственности милиции по такого рода процессам, ответственности, допустим, по уголовному праву, потому что вообще лжесвидетельство в любом случае является действительно преступлением. Но, мне кажется, очень важно, чтобы при рассмотрении таких дел использовались все-таки объективные доказательства данного случая я имею в виду не свидетельские показания, потому что они могут быть, скажем так, специальными и с одной, и с другой стороны, а все-таки аудио- и видеофайлы, и чтобы правовая, судебная практика была сориентирована на то, чтобы такие доказательства приобщать к делу, и чтобы можно было видеть, что все-таки реально делалось во время той или иной демонстрации, митинга, и на основании этого уже выносить соответствующие решения. Вот это, мне кажется, будет справедливым и в то же время будет исключать возможность манипулирования чьими-либо показаниями и с одной стороны, и с другой стороны.

Из выступления Президента РФ Д. А. Медведева на заседании Совета, 1 февраля 2011 года, Екатеринбург

Ред. Считаете, это повлияет на ситуацию?

М.Ф. Не сразу, конечно, но не может не повлиять. Тот, кто преступает закон, должен сознавать, что рано или поздно его призовут к ответу. Именно это я пытался втолковать милицейскому старшине в январе 1968 года. Я сказал ему: «Настанет время, и вы понесете наказание за то преступление, которое сегодня совершили».

Ред. Знаете, что-то я сомневаюсь, что «ваш» старшина понес какое-либо наказание.

М.Ф. Полагаю, вы правы: он уже и тогда был далеко не молод. Но я человек не кровожадный. Мне жалько всех, кто страдает от столкновений между демонстрантами и полицией. Страдают ведь и те и другие. А виноваты прежде всего власть, которая отказывается согласовывать публичные мероприятия, и те организаторы публичных акций, которые не желают идти на компромисс при выборе места их проведения. Пример — манифестация, которая прошла в Москве 29 апреля 2017 года. Правительство Москвы предложило провести ее на проспекте Академика

Сахарова. Очень достойный и наполненный глубокой символикой вариант. Там уже проводились в прошлом подобные массовые мероприятия, и проводились вполне успешно. Никаких проблем, столкновений, задержаний не было. Однако организаторы акции «Надоел» не соглашались ни на что, кроме Славянской площади и Ильинки, где все было перекопано. На том основании, что им нужно передать обращения в Приемную Президента. Но для этого не требуется устраивать «демонстрацию», а именно так было указано в поданном в мэрию уведомлении. В Приемную каждый день приходят люди, выстаивают очередь, передают обращения, излагают специалистам свои проблемы. Именно так столичные власти все организовали и 29 апреля. Собственными глазами видел, как спокойно эта акция прошла в Москве. Но в некоторых других городах, к сожалению, не обошлось без эксцессов, в том числе массовых задержаний. Будем разбираться по каждому такому случаю.

Ред. Мартовские митинги против коррупции прошли, как известно, намного менее мирно.

Причем ряд ваших коллег по Совету вину за это возлагает на власти. В заявлении, подписанном 25 членами СПЧ, отмечается, что инициативные группы по проведению митингов и шествий в подавляющем большинстве случаев, в том числе в Москве, получили немотивированные отказы в их проведении. Следовательно, закон нарушили чиновники, а не граждане, вышедшие на несогласованный митинг. Вашей подписи под этим заявлением нет. Вы не согласны с ним?

М.Ф. Во-первых, как председатель Совета я подписываю только решения и заявления Совета. Данное заявление было сделано группой членов Совета, но заявлением

КРЫМ НАШ?

Ред. Ежегодно 18 марта Россия отмечает присоединение Крыма. Для вас этот день — праздник?

М.Ф. У меня каждый день праздник, когда удается решить хоть какую-то проблему, хоть чем-то помочь людям. Я никогда не забуду, как весной 2013 года мы пытались помочь 25-летней Маргарите Чарыковой, про которую в СМИ писали, что у нее очень серьезное врожденное заболевание, а наши наркополицейские держат ее в СИЗО. По моей просьбе член Совета Андрей Бабушкин навещал ее в СИЗО и сделал вывод, что она там просто гниет заживо, хотя формально ее заболевание не подпадает под соответствующее правительственное постановление.

И тогда я обратился к директору Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков Виктору Иванову с просьбой решить вопрос об изменении меры пресечения. Проходит неделя, десять дней. Ответа нет. Тогда я ему позвонил, сказал, что суд должен на следующий день рассматривать продление срока содержания под стражей этой девушки. Он перезвонил через полчаса, сказал, что они не будут настаивать на продлении ее ареста. На следующий день она уже была дома, а в конечном итоге Маргарита получила условное наказание. Но главное: она осталась на свободе и смогла продолжать лечение. Для меня это был настоящий праздник.

Совета оно так и не стало: не получило большинства голосов.

Ред. И как голосовали вы сами?

М.Ф. Согласно регламенту Совета председатель голосует последним, чтобы тем самым не оказывать влияния на исход голосования. Поэтому я никогда не голосую, пока Совет не примет решения. Поймите: я — не Совет, а всего лишь дружественный интерфейс Совета, коммуникатор между ним и Администрацией Президента, правительством, полицией и так далее. Но у меня, безусловно, есть свое отношение к тому, что написано в этом заявлении. И я действительно не во всем с ним согласен.

Ред. Но есть много других историй — гибель Сергея Магнитского, Веры Трифоновой, длительная голодовка Надежды Савченко...

М.Ф. Поэтому мы и ходили к Савченко в СИЗО вместе с Лизой Глинкой, чтобы она не повторила судьбу Магнитского⁹⁶. Мы обращались к генпрокурору, председателю Следственного комитета, чтобы изменить ей меру пресечения на домашний арест. Капля точит камень не силой удара, а систематичностью падения.

Ред. Вы все-таки не ответили на мой вопрос. Является ли присоединение Крыма для вас праздником?

М.Ф. Для меня является праздником то, что решение крымской проблемы не было связано с насилием, с человеческими жертвами. Мировая история знает два способа изменения границ между государствами. Один способ — международный договор. Здесь этого не было, к сожалению. Второй способ — война. Здесь этого тоже не было, к счастью. Надеюсь, что когда-нибудь эта проблема будет урегулирована.

96 Председатель Совета Михаил Федотов вместе с членом Совета Елизаветой Глинкой посещали украинскую летчицу Надежду Савченко в СИЗО «Матросская

тишина», где она держала длительную голодовку, неоднократно: 24 февраля, 2, 6, 16 и 30 марта, 3, 20 и 27 апреля, 12 мая, 2 и 16 июня 2015 года и т.д.

Ред. Как вы отслеживаете ситуацию с российскими солдатами, которые были на Украине?

М.Ф. Мы регулярно встречаемся с представителями Минобороны и комитетов солдатских матерей. Осенью провели расширенное заседание нашей постоянной комиссии по военно-гражданским отношениям, разбираясь с проблемами социальной защиты военнослужащих, — это и жилье, и медицинское обслуживание, и выплаты пособий в связи с ранениями и гибелью. Тут у нас с Минобороны полное взаимопонимание. Когда появляется сигнал, что каких-то военнослужащих пытаются направить на Украину, по каждой фамилии, которая становится нам известна, Совет разбирается вместе с Минобороны.

Ред. Мы каждый день слышим, что на Украине к власти пришли фашисты, но Россия отрицает, что ее военные воюют на Украине. Почему нельзя прямо сказать: мы направили туда своих людей, чтобы спасти жителей Юго-Востока? Это же правильная миссия?

М.Ф. Уверен, если бы у украинской стороны были доказательства присутствия российских регулярных войск на территории Украины, то она бы их предоставила. Но единственный широко известный случай, когда регулярная воинская часть была на территории Украины, — это история с заблудившимся бронетранспортером. Несомненно, на Донбассе есть российские добровольцы, но это уже другая — кстати, очень болезненная — тема.

Ред. Сергей Кривенко, член СПЧ, говорит, что там есть российские военнослужащие.

М.Ф. Мы с ним обсуждали эту тему и по всем конкретным фамилиям разбирались вместе с Минобороны. Но главное — Совет по правам человека занимается и российскими гражданами, которые воюют на Украине, и украинскими детьми, которые попадают под бомбы и снаряды. В Совете есть очень разные точки зрения на ситуацию в Донбассе, но все едины в одном: надо закончить воевать. В этом едины все члены Совета, подписавшие заявление от 5 мая 2014 года.

ДОКУМЕНТ

Заявление в связи с трагическими событиями в Одессе и Донецкой области

Чудовищная трагедия, имевшая место в Одессе 2 мая 2014 года, когда в результате уличных столкновений между противоборствующими политическими группировками, действий радикалов, в огне пожара и вследствие насилия на улицах погибли 46 и были искалечены многие десятки людей, а также продолжающиеся вооруженные столкновения в городах Донецкой области, ежедневно пополняющие список жертв среди граждан Украины, вынуждает Совет выступить со следующим заявлением:

- Совет скорбит и выражает глубокое соболезнование близким погибших;
- Совет призывает компетентные органы Украины допустить в затронутые насилием регионы иностранные, в том числе российские, гуманитарные миссии с целью оказания медицинской и психологической помощи пострадавшим;
- Совет призывает межправительственные структуры, в первую очередь ОБСЕ и ООН, приложить все возможные усилия для организации переговоров между противоборствующими сторонами. Совет готов выступить партнером миссии наблюдателей ОБСЕ в этом процессе, который жизненно необходим для Украины, России и Европы в целом;
- Совет призывает все стороны конфликта сделать вывод из одесской трагедии и воздерживаться от любого насилия, создавая общественные и политические структуры гражданского диалога;
- Совет призывает Верховную Раду к тщательному и открытому расследованию одесской трагедии с участием наблюдателей от ОБСЕ, ООН, а также от гуманитарных и правозащитных организаций;
- Совет также призывает Верховную Раду остановить применение вооруженных сил, тяжелой техники и авиации в Донецкой и других областях и перейти

к мирным переговорам с оппозицией, сформировав структуры переговорного процесса. Одновременно Совет призывает вооруженную оппозицию также отказаться от применения оружия и перейти к переговорам при посредничестве ОБСЕ;

- Совет настаивает на публикации списков всех задержанных, захваченных и арестованных с обеих сторон и призывает к их немедленному освобождению под контролем международных наблюдателей. Совет призывает структуры ОБСЕ и другие международные организации сотрудничать в этом вопросе со всеми сторонами конфликта.

Совет надеется, что желание спасти Украину от сползания в полномасштабную гражданскую войну путем организации полноценного гражданского диалога между всеми сторонами конфликта возобладает над политическими амбициями.

5 мая 2014 года

Заявление подписали:

Светлана Айвазова, Лев Амбиндер, Андрей Бабушкин, Радик Батыршин, Евгений Бобров, Мария Большакова, Игорь Борисов, Александр Брод, Александр Верховский, Сергей Воробьев, Елизавета Глинка, Павел Гусев, Иосиф Дискин, Даниил Дондурей, Наталия Евдокимова, Иван Засурский, Кирилл Кабанов, Игорь Каляпин, Мария Каннабих, Сергей Караганов, Ирина Киркора, Алексей Козырев, Юрий Костанов, Борис Кравченко, Сергей Кривенко, Станислав Кучер, Анатолий Кучерена, Яна Лантратова, Владимир Легойда, Раиса Лукутцова, Тамара Морщакова, Александр Мукомолов, Евгений Мысловский, Леонид Никитинский, Елена Николаева, Леонид Парфенов, Игорь Пастухов, Сергей Пашин, Леонид Поляков, Мара Полякова, Элла Полякова, Владимир Ряховский, Николай Сванидзе, Анита Соболева, Михаил Терентьев, Елена Тополева-Солдунова, Михаил Федотов, Ирина Хакамада, Сергей Цыпенков, Павел Чиков, Гарий Чмыхов, Илья Шаблинский, Владимир Шапошников, Максим Шевченко, Лилия Шибанова, Игорь Юргенс, Андрей Юров

Ред. Вы считаете, что Россия виновата в событиях в Донбассе?

М.Ф. Полагаю, что нет. Насколько я понимаю, у жителей Донбасса были иные представления о лучшей жизни, чем у жителей Киева и других регионов Украины. Но силовая операция, переросшая в гражданскую войну, — худшее из всех возможных средств разрешения разногласий. Я думаю, с самого начала можно было найти решения, чтобы предотвратить жертвы. Надеюсь, что ситуация постепенно нормализуется. Но для этого нужно,

чтобы и с одной, и с другой стороны были более рассудительные люди, стремящиеся найти компромисс, а не устроить очередную провокацию. Например, недавно Верховная Рада объявила занятые ополченцами районы Донбасса временно оккупированными территориями. Зачем этот популистский выплеск эмоций? Ведь очевидно, что он вызовет у другой стороны абсолютное неприятие. Я убежден, что обеспечить выполнение минских договоренностей можно только при наличии обоюдного желания сторон нормализовать отношения.

КАКИЕ ЗАКОНЫ НУЖНЫ?

Ред. Совет разрабатывал немало инициатив. Многие ли из них учитываются в законодательстве?

М.Ф. Совет много чего разрабатывал, и много чего было принято — хотя бы проект об общественном телевидении. Пока не было нашей инициативы, его не существовало. Его можно критиковать, можно не соглашаться со схемами его финансирования, но оно появилось⁹⁷. Появились законы

об общественном контроле⁹⁸ и признании российскими гражданами лиц, имевших российские паспорта, но не попавших в соответствующие базы данных, — а это порядка 60 000 человек⁹⁹. Благодаря Совету в 2013 году прошла амнистия к 20-летию

97 См.: Указ Президента РФ от 17 апреля 2012 года № 455 «Об общественном телевидении в Российской Федерации».

98 См.: Федеральный закон от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».

99 Речь идет о дополнении Федерального закона от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» главой VIII.1

Конституции. Мы разработали проект амнистии¹⁰⁰. Следом мы разработали проект новой амнистии, к 70-летию Победы. Ее действие коснулось около 240 тысяч человек¹⁰¹. А сейчас, в 2017 году, мы предлагаем объявить амнистию по случаю 100-летия революции в России¹⁰². Мне лично очень дорога в нашем проекте идея административной амнистии: такой еще никогда в нашей стране не было, а она может затронуть интересы миллионов людей.

Еще одним достижением Совета стало учреждение Государственной премии за выдающиеся достижения в области правозащитной и благотворительной деятельности. С такой инициативой выступила наша Доктор Лиза на встрече Президента Путина с Советом 4 сентября 2013 года. Она сказала: «Надо поднять престиж людей, которые занимаются гуманитарной и благотворительной деятельностью. Есть литературные премии, есть государственные премии за какие-то произведения и так далее, но нет премии для людей, которые бесплатно помогают другим людям в очень тяжелой ситуации. Мы бы с Михаилом Александровичем просили, знаете, поднять престиж. Мы же не денег просим и не грантов, а вот поднять наш престиж, не давая нам эти премии, а дать тем, кто придет после нас».

Но судьба распорядилась иначе: первым лауреатом правозащитной государственной премии стала именно Елизавета Глинка. А через две недели она погибла в авиакатастрофе над Черным морем, сопровождая гуманитарный груз в Сирию.

Урегулирование правового статуса отдельных категорий лиц, находящихся на территории Российской Федерации.

100 Постановление Государственной Думы ФС РФ от 18 декабря 2013 года № 3500-6 ГД

«Об объявлении амнистии в связи с 20-летием принятия Конституции Российской Федерации».

101 Постановление Государственной Думы ФС РФ от 24 апреля 2015 года № 6576-6 ГД «Об объявлении

амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

102 Эта инициатива Совета не была поддержана.

Есть люди, которые сомневаются, может ли быть государственная премия за правозащитную деятельность. Они исходят из того, что правозащитник защищает человека от государства. Я полагаю, что правозащитник защищает человека не от государства, а от безобразий, которые творятся от имени государства. Поэтому такая государственная премия — это признание государством заслуг правозащитника в борьбе с несовершенством государства. Защищая права человека, правозащитник заставляет государство становиться лучше, гуманнее, человечнее.

Ред. Поправки в Закон «Об общественном контроле за соблюдением прав человека в местах принудительного содержания» стали примером совместной работы с Общественной палатой РФ. Как строятся отношения Совета с другими институтами гражданского общества? С той же Общественной палатой из-за формирования общественной наблюдательной комиссии (ОНК) возник конфликт?

М.Ф. Могу сказать, что есть желающие вбить между нами клин и противопоставить Общественную палату и СПЧ. Но это попытка с негодными средствами. У нас с Общественной палатой давно сложились отношения партнерства и сотрудничества. Мы проводим многие мероприятия совместно, многие инициативы выдвигаем совместно. У нас много общих тем, и споры мы решаем мирными средствами. Никакого конфликта с Общественной палатой нет.

Мы прекрасно сотрудничаем с Уполномоченным по правам человека в РФ Татьяной Москальковой. По очень многим вопросам придерживаемся близких позиций. Хорошо идет работа с бизнес-омбудсменом Борисом Титовым, в частности, по законам, касающимся прав предпринимателей и гуманизации уголовного законодательства. Надеемся, что у нас сложатся отношения и с новым детским омбудсменом Анной Кузнецовой.

ПОЗИЦИЯ «Увы, без управления в ручном режиме режим сам собой становится»

строгим и даже особым. Но ведь каждому должно быть ясно, что нужно выстраивать систему, которая бы сама себя поддерживала в состоя- нии равновесия и чистоты: легитимную, прозрачную, конкурентную, открытую».

Из выступления Михаила Федотова на встрече Президента РФ Владимира Путина с Советом 4 сентября 2013 года

Ред. Вернемся к вашему проекту поправок в Закон об ОНК. Члены ОНК нередко сталкиваются с произвольным толкованием сотрудниками Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) нормы Закона о содержании бесед с заключенными. Сотрудники ФСИН пытаются ограничивать беседы исключительно бытовыми вопросами. Есть поправки по решению этой проблемы?

М.Ф. Наши поправки в Закон об ОНК предусматривают расширение перечня мест принудительного содержания, подлежащих общественному контролю, в частности включение в него психиатрических больниц закрытого типа. Кроме того, в проекте говорится о закреплении права ОНК на аудио- и видеорекогдации, возможности использования членами ОНК приборов, позволяющих оценивать условия содержания — температуру, уровень влажности, освещенность, размеры помещения.

В проекте Закона мы также предлагаем сформулировать норму о содержании бесед членов ОНК с заключенными так, чтобы она не мешала ОНК собирать информацию о нарушении прав человека.

Но пока нам не удалось изменить Закон «Об общественном контроле за соблюдением прав человека в местах принудительного содержания», так называемый Закон об Общественных наблюдательных комиссиях (ОНК)¹⁰³. Поправки СПЧ в него были подготовлены давно и были поддержаны Минюстом, но по мере их продвижения к первому чтению в Госдуме в них были внесены очень серьезные изменения, которые придали этим поправкам не правозащитный, а прямо противоположный характер.

Совет приложил немало сил к тому, чтобы затормозить принятие этого Закона, который был, собственно, Советом иницирован. В этом плане нам сопутствовал успех — нам удалось затормозить его принятие. Но сейчас, я надеюсь, нам удастся привести его в надлежащее состояние

¹⁰³ Поправки, о которых идет речь, были внесены в Федеральный закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в

местах принудительного содержания» Федеральным законом от 19 июля 2018 г. № 203-ФЗ «О внесении изменений в статью 18.1 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»

и Федеральный закон «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания».

и при поддержке главы государства добиться его принятия. Пока же мы добились внесения в этот Закон поправки, позволяющей решить проблему довыборов в ОНК. Эта проблема стала особенно актуальной на рубеже 2016–2017 годов, когда выяснилось, что очередная ротация

состава ОНК превратилась в «чистку» и изгнание правозащитников.

Это особенно наглядно видишь, когда приезжаешь в регион, идешь вместе с членами местной ОНК в колонию, и тут оказывается, что они даже не догадывались о таких кругах ада, как СУС, ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ и т.д.

ДОКУМЕНТ

Осужденные, переведенные в строгие условия отбывания наказания (СУОН), проживают в камерах, что не предусмотрено действующим законодательством.

В отряде СУОН телевизор включается только на 2 часа в день, хотя действующим законодательством подобные ограничения не предусмотрены.

В учреждении сложилась практика злоупотребления правами администрации на водворение осужденных в штрафной изолятор (ШИЗО). Поскольку в отношении лиц, водворенных в ШИЗО, прямые ограничения в УИК на повторный и последующие водворения в ШИЗО отсутствуют, постольку это позволило администрации ИК-6 годами держать в штрафном изоляторе неугодных ей осужденных.

Так, например, осужденный Т., с которым встретились члены Совета, получил 5 суток в ШИЗО, затем ему было назначено еще 10 суток нахождения в ШИЗО, затем за 2 дня до окончания срока — еще 15 суток, после этого за 2 дня до окончания срока — еще 15 суток.

Осужденный С. в связи с параличом ног признан инвалидом 2-й группы и передвигаться не может. На момент прибытия членов Совета в дневное и вечернее время сидел на голом бетонном полу. После вмешательства членов Совета С. был выдан матрас.

Осужденный А. находится в камере ШИЗО № 12, расположенной таким образом, что обнаружить ее проверяющим проблематично.

Водворение в ШИЗО, как сообщали родственники осужденных и сами осужденные, зачастую использовалось администрацией учреждения для оказания давления на осужденных с целью принудить их платить деньги.

<...>

Членам Рабочей группы передано 358 заявлений от осужденных, в том числе 255 заявлений о применении к ним пыток.

Из Предварительного доклада Совета о проверке соблюдения прав человека в ФКУ ИК № 6 ГУФСИН России по Челябинской области от 16 декабря 2012 года

Выездные заседания в регионах ценны еще и тем, что все познается в сравнении. Ведь проблемы всюду приблизительно одни и те же, а вот решения и, следовательно, условия жизни людей, различаются в очень широких пределах. Кстати, для Президента независимое мнение членов СПЧ о положении дел на местах чрезвычайно важно. Прочитаю его слова, сказанные на встрече с Советом 4 сентября 2013 года: «...Я, к сожалению, не могу побывать везде,

где мне хочется. Где-то красят траву к моему приезду... Но в вашем случае плюсы заключаются именно в том, что для вас ничего не лакуруют. Конечно, именно поэтому я и попросил вас обратиться в таком Совете, чтобы была возможность услышать, как ситуация складывается в тех местах, где либо меня нет, либо нет людей, которым я доверяю, мнению которых я доверяю. Это чрезвычайно важно, будем продолжать работать дальше».

НЕ МНОГО ЛИ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ?

Ред. В реестре иностранных агентов многие десятки организаций.

М.Ф. Мне вся эта история с «иностранными агентами» кажется контрпродуктивной. Хорошо, что появился закон о порядке выхода из реестра иноагентов, потому что раньше ситуация была еще более абсурдная — реестр работал, как мышеловка.

Мне понятна идея, которая изначально была заложена в этот закон: отделить сферу политической борьбы от иностранных денег. Во многих странах, и у нас тоже, политические партии запрещено финансировать из-за рубежа. Помимо партий есть политические организации, которые к ним примыкают. У нас в законе об общественных объединениях давно уже есть формулировка «общественные объединения, преследующие политические цели». Такие организации или не должны получать иностранного

финансирования, или должны регистрироваться в качестве иностранного агента. Но при чем здесь «Мемориал» или нижегородский Комитет против пыток? Разве они преследуют политические цели? Рвутся во власть? Пытаются избраться в выборные органы? Нет. Здесь получилась ситуация прямо по Грибоедову: «Шел в комнату, попал в другую». Это, к сожалению, с нашим законодателем бывает часто. Я всегда подчеркиваю, что хороший закон — это высокоточное оружие, ракета, которая влетает к террористу в форточку, а за стенкой законопослушные граждане пьют чай и никакого беспокойства не испытывают. А плохой закон — это оружие массового поражения, которое уничтожает все вокруг, но зачастую не попадает в цель. Кстати, посмотрите: у нас есть организации, преследующие политические цели? Есть. Они подпали под этот Закон? Нет.

Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации принят в первом чтении проект Федерального закона № 109968–6 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента», который предусматривает введение несоразмерно жестких административных штрафов для граждан, должностных лиц и юридических лиц, признаваемых, согласно принятому летом с.г. Федеральному закону № 121-ФЗ, некоммерческими организациями (НКО), «выполняющими функции иностранного агента».

Совет полагает, что данный законопроект в представленной редакции не может быть поддержан по следующим основаниям:

Во-первых, Совет по-прежнему считает Федеральный закон № 121-ФЗ, принятый без широкого обсуждения и нацеленный на превращение действующих в соответствии с законом некоммерческих организаций в «иностранных агентов», **совершенно избыточным и юридически бессмысленным**.

Во-вторых, не может не вызывать возражения и предлагаемое в настоящее время — согласно рассматриваемому законопроекту — введение в отношении таких организаций штрафных санкций, которые в системе мер административной и уголовной ответственности являются **явно несоразмерными**.

В-третьих, законопроект предусматривает **явно необоснованные размеры штрафных санкций**. Так, в отличие даже от санкции статьи 330.1 УК РФ, которая введена Федеральным законом № 121-ФЗ за «злостное неисполнение или уклонение от выполнения обязанностей, определенных законодательством Российской Федерации о некоммерческих организациях, выполняющих функции иностранного агента», не превышающей 300 тыс. рублей, в рассматриваемом законопроекте предлагается установление административного штрафа для юридических лиц до 1 млн рублей. Помимо этого для должностных лиц НКО вводятся штрафы в размере до 500 тыс. рублей, несмотря на то что в настоящее время, согласно общим положениям КоАП РФ (часть 1 статьи 3.5), административная санкция для таких категорий лиц не должна превышать 50 тыс. рублей.

В-четвертых, предлагаемый законопроект (статья 19.7 КоАП, пункт 5–2) **необоснованно расширяет круг субъектов** административной ответственности за непредоставление или

несвоевременное предоставление сведений об НКО, включая в него граждан, которые не являются должностными лицами этих организаций и поэтому не могут нести ответственность за непредоставление подобных сведений. В связи с этим Совет считает необходимым:

- исключить из статьи 19.7 КоАП РФ (5–2) проекта административную ответственность граждан за непредоставление или несвоевременное (неполное, в искаженном виде) предоставление предусмотренных законодательством сведений;
- привести предлагаемые размеры административных санкций в соответствие с конституционными требованиями и общими положениями КоАП РФ, уменьшив размеры штрафов таким образом, чтобы они были сопоставимы с санкциями за сходные по общественной опасности административные правонарушения (статьи 5.55, 14.25, 14.28, 14.36, 15.6 и т.д.) и не превышали 30 тыс. рублей для должностных лиц и 100 тыс. рублей для юридических лиц.

Настоящее заключение принято консенсусом на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека 4 октября 2012 года.

Из Экспертного заключения на законопроект ФЗ № 109968–6 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» от 4 октября 2012 года

Ред. Так, может быть, законодатель и создавал его с той целью, с какой он применяется?

М.Ф. Нет. Я исхожу из того, что неоднократно на эту тему говорил глава государства: надо корректировать Закон. Но никто этого не делает. Почему так, я не понимаю. Совет давно уже разработал несколько вариантов поправок в этот Закон. Но сейчас мы занимаемся более крупной задачей: разрабатываем концепцию реформирования законодательства об НКО. В масштабах этой реформы вопрос об иностранных агентах — не более чем вопрос о фасоне рукоятки в ванной комнате на пятом этаже 20-этажного дома. Кстати, президентская Комиссия по развитию гражданского законодательства наши предложения поддержала, указав, что они «направлены на разграничение сфер регулирования Гражданского кодекса РФ и соответствующих федеральных законов». Напротив, из ответа Минюста России следовало, что признание федерального закона об НКО утратившим силу «не предполагается, равно как и внесение концептуальных изменений в его положения, касающиеся контроля за деятельностью некоммерческих организаций».

Ред. Хорошо, вот вы разрабатываете Закон об НКО. Но эту идею подхватывают депутаты или государственно-правовое

управление и переделывают Закон так, что НКО станет еще хуже. Такого разве быть не может?

М.Ф. Может. Но если мы не будем этого делать, то станет только хуже, а если мы будем заниматься этой работой, то может стать лучше. Когда-то наш великий олимпийский чемпион по прыжкам в высоту Валерий Брумель, отвечая мне, начинающему репортеру газеты «Вечерняя Москва», на вопрос, что бы он мог посоветовать молодым спортсменам, ответил: «Чтобы прыгать, надо прыгать». Поэтому, чтобы наши инициативы были реализованы, мы должны их разработать и предложить. За нас это никто не сделает. А так у нас есть шанс чего-то добиться, потому что Совет — коллективный советник Президента. У членов Совета есть возможность как минимум раз в год напрямую Президенту сказать все, что они думают о ситуации с правами человека и развитием гражданского общества. И это целиком покажут в прямом эфире, а полную стенограмму разместят на президентском сайте. На первой встрече с Советом Владимир Путин сказал: «Я сделаю все, чтобы не обижаться ни на что из того, что услышу от вас. Но и вы, пожалуйста, на меня тоже не обижайтесь. Это должна быть прямая, открытая, честная совместная работа». Мне кажется, хороший подход.

НА КАКОМ ТОПЛИВЕ РАБОТАЕТ СОВЕТ?

Ред. Из тех предложений, которые вы высказываете на встрече с Президентом, сколько процентов как-то реализуются?

М.Ф. Давайте исходить из конкретики. После встречи Президента с Советом перечень поручений бывает на четырех-пяти страницах, после многих других президентских мероприятий он гораздо короче. Встречи Совета с Президентом хороши тем, что на них затрагиваются разные вопросы, озвучиваются важные инициативы и те, которые находят поддержку Президента, попадают в перечень поручений. А дальше Контрольное управление Президента делает дырку в голове всем, кому поручено исполнять эти поручения, в том числе и мне. Моя участь здесь незавидная, поскольку члены Совета работают на общественных началах, и я могу лишь просить, чтобы они приняли участие в выполнении тех или иных поручений Президента. Совет работает исключительно на энтузиазме, а это очень непростое топливо.

Ред. Замкнутый круг: правозащитники жалуются Президенту, Президент просит правозащитников разобраться?

М.Ф. Это не совсем так. Правозащитники говорят Президенту о нарушении прав человека, Президент в этом случае дает поручение не нашему Совету, а Генпрокуратуре, МВД. А когда мы предлагаем, например, расширить полномочия суда присяжных, то наши предложения передаются Верховному Суду, и тот их рассматривает.

Все последние годы институт присяжных сокращался, как шагреновая кожа, а сейчас мы убедили Президента в том, что этот институт надо развивать, расширять полномочия суда присяжных, вводить его в районных судах. Президент с этим согласился, дал поручение, и мы в непростом диалоге с Верховным Судом РФ подготовили соответствующий законопроект. Он уже стал Законом и в скором будущем вступит в силу.

В развитие темы присяжных мы продвигаем идею введения института судебных заседателей, когда вместе с профессиональным судьей в деле участвуют представители общественности. Учитывая то, что сейчас наши граждане более самостоятельны, чем были граждане СССР, заседатели уже не будут теми «кивалами», что были раньше народные заседатели. Кроме того, для них

могут быть установлены цензы, например ценз образования. Все-таки судебные заседатели будут выбираться с помощью генератора случайных чисел, и важно, чтобы ими оказались достойные люди. Но отбирать их путем назначения неправильно, поскольку администрация посадит туда тех, кто будет ей выгоден, и тогда выиграть в суде дело против администрации будет невозможно.

Ред. В России есть политические заключенные?

М.Ф. Совет, в отличие от Правозащитного центра «Мемориал», не ведет реестр политических заключенных. Мы занимаемся всеми заключенными, которые находятся за решеткой по сомнительным обвинениям. Есть люди, которые попали туда по совершенно разным обвинениям — как связанным с политикой, так и не связанным. Для нашего Совета все они политзаключенные в том смысле, что все они жертвы недостатков нашей правоохранительной и судебной систем. Если бы следствие, прокуратура, суды работали эффективнее и точнее, то у нас не было бы за решеткой людей, в чьей виновности сомневаются не только их адвокаты, но и общество.

Ред. Кого к таким людям вы относите?

М.Ф. Вы сами можете составить их список по экспертным заключениям Совета и комментариям его членов. Здесь и экологи с судна Arctic Sunrise, необоснованно обвиненные в пиратстве, и участницы группы Pussy Riot, совершившие административное правонарушение, но признанные виновными в уголовном преступлении. Мы считаем жертвами и многие некоммерческие организации, которые объявлены иностранными агентами без всяких к тому оснований. Но когда я посещаю колонии строгого и особого режима и вижу, какие там люди в большинстве своем содержатся, то низко кланяюсь нашей правоохранительной системе за то, что она убрала их с наших улиц.

Ред. Но там и многие другие находятся.

М.Ф. Конечно, там есть и те, чья вина сомнительна. Например, так называемое «второе дело ЮКОСа» Совет анализировал. Но в то время еще не было такого важного

специализированного института, как Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей. По ряду других дел — уголовных, гражданских, арбитражных — Совет представлял

доклады, подготовленные по нашей просьбе Независимым экспертно-правовым советом, который возглавляет член Совета Мара Полякова.

А СУДЬИ КТО?

Ред. Как происходит процедура отбора таких дел?

М.Ф. Это решает Постоянная комиссия по научно-правовой экспертизе, которую возглавляет Мара Фёдоровна Полякова. Хочу подчеркнуть: Совет не рассматривает частные жалобы, но изучает конкретные примеры, чтобы сделать предложения по изменению законодательства и правоприменительной практики.

Ред. У нас выносятся очень мало оправдательных приговоров...

М.Ф. Это и правда, и неправда. Оправдательных приговоров у нас выносятся мало, но по некоторым категориям дел их выносятся значительно больше, чем обвинительных. Например, в 2013 году было возбуждено 1374 дела о клевете, а обвинительных приговоров вынесено 119, оправдательных — 476. Что касается других

категорий уголовных дел, то примерно треть прекращаются по разным основаниям. Это уже более понятная статистика. Например, в рамках выездного заседания в Хакасии мы разбирались с претензиями к следственным органам: граждане обвиняли их в том, что те не расследуют убийства. Приводилось много примеров, когда следствие прекращало дела на основании сомнительных заключений судмедэкспертизы. Люди настаивали на пересмотре этих решений, и кое-чего удалось добиться.

Надеюсь, скоро доля оправдательных приговоров и прекращенных дел поползет вверх, поскольку по инициативе Совета принят и уже вступил в силу Закон, значительно расширяющий гарантии независимости адвокатов. Совет тем временем идет дальше: продвигает предложения по укреплению гарантий независимости судей. Так постепенно, шаг за шагом мы движемся к правовому государству.

ДОКУМЕНТ

Извлечения из перечней поручений Президента РФ по итогам заседаний Совета:

«Рекомендовать Верховному Суду РФ проанализировать и обсудить судебную практику по делам об условно-досрочном освобождении».

П. 6 перечня поручений от 24 сентября 2013 года № Пр-2230

«Совету при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека — представить предложения по совершенствованию института помилования».

Подп. «б» п. 7 перечня поручений от 2 декабря 2014 года № Пр-2783

«Рекомендовать Верховному Суду РФ изучить предложения Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека по созданию института следственных судей».

П. 10 перечня поручений от 2 декабря 2014 года № Пр-2783

«Совету при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека — представить предложения по созданию дополнительных гарантий независимости адвокатов при исполнении ими служебных обязанностей».

Подп. «б» п. 3 перечня поручений от 27 ноября 2015 года, № Пр-2442

«Рекомендовать Верховному Суду РФ совместно с Генеральной прокуратурой РФ, Уполномоченным по правам человека в РФ и при участии Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, а также представителей экспертного

Ред. Сейчас много неправомерных дел по обвинению в экстремизме. Любая публикация в Интернете может стать поводом. Как вы отслеживаете эту ситуацию?

М.Ф. Совет неоднократно обращал внимание на то, что понятие «экстремизм» у нас в законодательстве очень размытое. И у нас были предложения, как это исправить, — к сожалению, к нам не прислушались. Но есть экстремизм надуманный, а есть реальный. Когда два года назад в Татарстане некая группа запустила несколько самодельных ракет в сторону химического комбината, это был не гражданский протест защитников природы, а попытка с помощью теракта взорвать ситуацию в республике. Поэтому экстремизм — это, к сожалению, не миф, который придумали политтехнологи.

Помню, как в 2015 году мне позвонила бывший член Совета правозащитница Светлана Ганнушкина и сказала, что нужно срочно спасти 15-летнюю девочку из Башкирии, которая ушла из дома ночью, сказав сестре, что больше не вернется. В местном отделе полиции, куда кинулась несчастная мать, отказались заниматься этим делом. К счастью, она где-то нашла телефон Ганнушкиной и позвонила ей, Светлана Алексеевна — мне, а я — начальнику Главного управления по противодействию экстремизму МВД России. Он сразу все понял: девочку могли готовить к роли «черной вдовы», шахидки. Короче, спасли не только девочку, но и тех, кого она могла взорвать. Так что экстремизм — это не шутки. Но, к сожалению, связь между нетерпимостью, экстремизмом и терроризмом не видят те, кто раскручивает в публичном пространстве спираль ненависти. Они думают, что занимаются патриотическим делом, когда кричат, что фашисты нас окружили и мы в кольце врагов. На самом деле они провоцируют экстремизм и терроризм. Не нужно взывать к духу войны — он ведь может и проснуться.

Ред. Вы чувствуете, что сейчас свободы слова нет, как и в то время, когда вы работали журналистом?

М.Ф. Я начал профессионально заниматься журналистикой в 1968 году, когда меня вытурили с дневного отделения и я восстал на вечернем. Тогда свобода печати была только в моих студенческих курсовых, а потом и в кандидатской диссертации «Свобода печати — конституционное право советских граждан». А 12 июня 1990 года она стала реальностью благодаря Закону СССР «О печати и других средствах массовой информации», выросшему из нашего инициативного авторского законопроекта. Это было абсолютное чудо, рукотворное чудо. Мы с Юрием Батуриным потом подробно описали процесс сотворения этого чуда в книге «Феноменология юридического чуда»¹⁰⁵.

Представьте себе, что вы стоите перед бетонной стеной и вам надо ее пробить теннисным мячиком. В микромире, если верить теории туннельного эффекта, такое возможно, потому что в этой стене есть окошки, которые открываются и закрываются в разных местах. Если бить мячом в стену систематически, то в конце концов вы попадете в это «окно возможностей» и ваш теннисный мячик пробьет бетонную стену. Так удалось пробить эту стену, когда принимали Закон о печати, а потом и Закон о СМИ. Так случилось в 2011 году, когда нам удалось пробить идею общественного телевидения, в 2014 году, когда нам удалось пробить Закон об основах общественного контроля в РФ.

Ред. А что происходит, когда принимают поправки в Закон о досудебной блокировке сайтов, ужесточают Закон о митингах? Окно закрыто?

М.Ф. Совет тут же выступает с экспертными заключениями, объясняя, что эти законы неправильные, непродуманные, неконституционные. И с нами в конечном счете соглашаются, хотя происходит это не сразу. Поверьте, наступит момент, когда история с так называемыми «иностранными агентами» будет вспоминаться как страшный сон.

¹⁰⁵ Батурин Ю.М., Федотов М.А. Феноменология юридического чуда. — М: РОСПЭН, 2012.

Потому что это Закон, который сделан неправильно, бьет мимо цели, в цель не попадает и создает очень нехорошую атмосферу как внутри страны, так и за рубежом.

Ред. Так некоторые правозащитники считают, что куда целились, туда и попали.

М.Ф. Не согласен. В этом пресловутом реестре есть и экологические, и женские, и правозащитные организации. Туда попала организация, которая занимается традиционными видами охоты. От того, что они выступили с предложением запретить весеннюю охоту, они не стали организацией, преследующей политические цели. И главное — нужно

понять разницу между деятельностью в целях изменения государственной политики и деятельностью по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики. Если, как считают некоторые наши судьи, прокуроры и представители органов юстиции, выступления в прессе с предложениями внести изменения в тот или иной закон — это политическая деятельность, то нам срочно надо отправлять в отставку всех судей и прокуроров, включая Валерия Зорькина и Юрия Чайку, которые выступают публично с подобными тезисами. Потому что им занятие политической деятельностью запрещено Законом. Следовательно, нужно вернуть словам их изначальный смысл.

Понятие политической деятельности не должно быть размытым, оно не должно быть резиновым, а должно быть единообразно понимаемым. Под эту сурдинку, что называется, под это понятие, если оно нечетко сформулировано, нельзя ни в коем случае подгонять все, что нравится представителям власти, Минюста или кого угодно.

Из выступления Президента В. Путина на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, 1 октября 2015 года

КАК УЙТИ ОТ ПОЛИТИЗАЦИИ?

Ред. Насколько свободно вы чувствуете себя в своей должности?

М.Ф. Чувствую себя абсолютно свободным, но знаю, где Законом установлены красные флажки, и стараюсь за них не заступать. Когда мои дети были маленькие, я учил своего сына, как ему поступать, если у него другой мальчик будет отбирать игрушку. Я говорил, что не надо лезть в драку, но можно сказать: «Друг мой, я уверен, твой папа будет очень недоволен, если ты придешь домой с чужой машинкой». Я так и в Совете пытаюсь находить пути для решения конфликтов.

Ред. Трудно сдерживать столь разных людей, собравшихся в Совете?

М.Ф. Поначалу было трудно. На одном из первых заседаний вышел конфликт у Игоря Каляпина и Максима Шевченко. Но через некоторое время произошла акция неповиновения в Копейской колонии в Челябинской области, и я пригласил их обоих поехать со мной разбираться в ситуации. С тех пор они отлично работают вместе. Другой пример. Нашу временную рабочую группу по мониторингу соблюдения прав человека на территории Украины возглавляют два очень разных человека — Андрей Юров и Максим Шевченко. У одного хорошие контакты среди ополченцев, у другого — среди киевских властей, а вместе они помогали Лизе Глинке, когда она вывозила больных и раненых детей из зоны конфликта. Короче, чем система разнообразнее, тем она стабильнее и больше способна к саморазвитию.

Е.П. Глинка озвучила основные проблемы, возникающие в процессе деятельности МОО «Справедливая помощь» по оказанию помощи детям Юго-Востока Украины. Во-первых, механизм пропуска гуманитарных грузов, в том числе медикаментов и детского питания, через российско-украинскую границу сильно забюрократизирован, из-за чего сроки поставок очень большие. Недостаточно широкий перечень лекарственных средств, которые поставляются в составе гуманитарных конвоев. Ряд лекарственных средств для тяжелобольных детей МОО «Справедливая помощь» приходится закупать за свой счет, при этом нахождение этих детей в стационаре на порядок дороже стоимости лекарств. Во-вторых, недостаточное количество и ассортимент продуктов питания, перевозимых через границу. В-третьих, дети, вывезенные в Россию, не всегда имеют возможность получить бесплатные операции, многим приходится оплачивать проживание на съемных квартирах и дорогу. В-четвертых, есть случаи отказов ФМС России в предоставлении временного убежища на территории г. Москвы и Московской области гражданам Украины, несмотря на наличие родственников в указанных субъектах РФ.

Из протокола совещания по вопросам оказания содействия международной общественной организации «Справедливая помощь», 12 мая 2015 года

Ред. У вас есть список упущений Совета? Что вам не удалось сделать?

М.Ф. Списка нет, но упущений много. Мы не сумели остановить так называемый Закон об иностранных агентах, не предотвратили возвращение в Уголовный кодекс статьи о клевете. Не смогли довести до конца дело о гибели Сергея Магнитского. Эта история очень показательна. У нас начиналась работа по делу о гибели Магнитского в СИЗО очень успешно. Мы сотрудничали со Следственным комитетом самым эффективным способом, даже вполне экзотическим: члены Совета участвовали в допросах обвиняемых. Следственный комитет просил Совет назвать экспертов для ответа на вопрос: можно ли условия содержания Магнитского считать пыткой? Мы предлагали экспертов. Все развивалось в очень позитивном ключе. Мы рассчитывали, что наши предложения будут учтены, виновные будут выявлены и наказаны. А дальше началась суета вокруг американского «Закона Магнитского», и данная тема из сферы борьбы с беззаконием перешла в сферу внешней политики. На том наша совместная работа со Следственным комитетом и закончилась.

Отсюда вывод: если хотите проблему решить, вы должны ее максимально деполитизировать. Если вы хотите сделать ее неразрешимой, лучший способ — политизировать ее. Поэтому я стараюсь держать Совет подальше от всяческих политических

интриг. Лозунг, который у нас появился в декабре 2014 года: «Меньше политизации, больше конкретизации». И еще один лозунг, рожденный Андреем Бабушкиным на нашем выездном заседании в Татарстане: «Или диалог, или некролог». Через несколько дней мы получили страшное подтверждение правильности этих слов — убили Бориса Немцова.

Ред. Нет ли у вас ощущения, что правозащитное сообщество в последнее время уходит от защиты гражданских прав, политических прав, то есть того, что изначально понималось под правозащитой, в сторону, например, благотворительной деятельности, сбора средств на помощь жертвам каких-либо ужасных событий? Вы не видите здесь противоречий между задачами и содержанием?

М.Ф. Нет. У меня такого ощущения нет. Просто правозащита стала больше внимания уделять социальным правам, экологическим правам. Если сконцентрироваться на свободе слова, то кто будет защищать людей, которых выбросили на улицу из их жилищ, выбросили с работы? Или у них нет прав? Было бы ошибкой думать, что у сироты нет прав. Есть, как и у пациента психоневрологического интерната, как и у заключенного колонии. Все права этих людей должны защищаться, прежде всего потому, что они самые незащищенные. Защищать права олигарха будет очень много желающих. У олигарха есть возможность пригласить лучших

адвокатов и организовать мощнейшую кампанию в СМИ, а у бабушки из ПНИ ничего этого нет, и она может только написать нам: «Жду и жду!!!» Это была любимая формула Доктора Лизы.

Нужно исходить из того, что права человека универсальны. Нельзя заниматься только политическими правами, как нельзя заниматься только социальными. Нужно заниматься всеми правами, и список их постоянно расширяется. Право человека на доступ к Интернету — это новое право. И право на защиту генома человека — это новое право. Возьмите, например, проблему клонирования, там есть серьезнейшие этические и правовые аспекты.

Ред. В 2012 году, подводя итоги деятельности Совета в период президентства Дмитрия Медведева, вы сказали, что вам стыдно за то, что у Совета оказалась низкая эффективность. Как бы оценили эффективность Совета сегодня? Чувство стыда усилилось или ослабло?

М.Ф. Чувство стыда сохранилось, и это хорошо: чувство стыда — мощный стимул. Да, я максималист, мне хочется большего. Я хочу, чтобы мы работали гораздо более эффективно, чтобы наши рекомендации учитывались быстрее и полнее. Чтобы менялось законодательство, менялась правоприменительная практика. По некоторым темам это происходит, но очень медленно. Например, программе по увековечению памяти жертв политических репрессий мы представили Президенту 1 февраля 2011 года, и лишь в августе 2015-го она была утверждена в качестве Концепции государственной политики. Между нашим предложением ввести уголовную ответственность за фальсификацию доказательств по делам об административных правонарушениях и появлением соответствующей поправки в статью 303 УК РФ прошел еще более долгий срок — шесть лет. Или ситуация с «Платоном»: мы дали свои рекомендации, многие из них учтены, но не все, поэтому напряженность сохраняется. Мы обязательно вернемся к этой теме. В общем, могу повторить то, что сказал в 2012 году: мне не стыдно за все, что мы сделали, но мне стыдно за все, что мы не сделали. Не хватает времени, не хватает сил и, к сожалению, очень часто не хватает понимания и отзывчивости у людей, представляющих различные уровни власти.

Ред. Как все-таки изменилась ситуация за годы вашей работы в Совете? В какую сторону перемены?

М.Ф. Я не сторонник обобщенных оценок и широких мазков. Что-то ухудшается, что-то улучшается. Возьмем, например, амнистии, объявляемые по инициативе Совета. Амнистия к 70-летию Победы была наиболее масштабной с начала 2000-х годов. Это в минус или в плюс? Наверное, в плюс. Произошла существенная гуманизация нашей уголовно-исполнительной системы. При участии Совета были приняты замечательные постановления Конституционного Суда... В то же время было резко ужесточено законодательство о митингах и демонстрациях. Произошли массовые задержания 26 марта и 12 июня 2017 года в Москве и Санкт-Петербурге.

Ред. Общий баланс, выходит, нулевой?

М.Ф. Здесь не арифметика, а высшая математика, тем более в такой огромной и многообразной стране, как Россия. Вектор развития или, напротив, деградации может зависеть не только от конкретной ситуации, но и от конкретного региона. Наше разнообразие — это и достоинство, и источник трудностей.

Ред. Подводя итоги нашей беседы, должен сказать, что ваши слова подтверждают известную истину: чтобы дождаться позитивных изменений в России, надо жить долго.

М.Ф. Жить долго — это уже само по себе неплохо. Но чтобы дождаться позитивных сдвигов, нужно их приближать. Я давно понял, что нужно ждать не чуда, а окна возможностей. Увидел, что оно открылось, — вбрось туда что-то свое, что вырастил, выстрадал. Не камень, не бутылку с «коктейлем Молотова», не смачный плевок, а законопроект, книгу, социальное изобретение, короче, что-то, что может изменить жизнь людей к лучшему. И не мешкай: окно возможностей закрывается так же стремительно и неожиданно, как и открывается.

Ред. Можете ли вы представить себе ситуацию, при которой вам вновь придется выйти на несанкционированный митинг?

М.Ф. Ну, пока я являюсь председателем Совета и советником главы государства, у меня есть гораздо более мощные рычаги

воздействия. Выход на площадь — это, безусловно, серьезное средство влияния на власть, но далеко не самое эффективное. Скажем, когда в 1988 году мы с Юрием Батуриным и Владимиром Энтиным, трое никому не известных правоведов, решили воздействовать на власть, то не выходили на площадь, а разглядев открывшееся окно возможностей, вбросили в общественное сознание свой инициативный авторский проект Закона о печати. Конечно, мы рисковали, но в августе 1990 года наш проект стал Законом и изменил страну, мир. А ровно через год сбылось предостережение Сулова, который осенью 1968 года предостерегал своих коллег по Политбюро ЦК КПСС от принятия вполне партийно-выдержанного Закона о печати: «Известно, что между отменой цензуры в Чехословакии и вводом туда советских войск прошло всего несколько месяцев. Я хочу знать: если мы сейчас примем Закон о печати, кто будет вводить танки в Москву?» Старый лис как в воду глядел, чувствуя смертельную опасность свободы слова для тоталитарной системы: запрет цензуры — танки — распад страны.

Ред. То есть, если правильно понимаю, перспективы России вы оцениваете достаточно оптимистично для того, чтобы исключить возвращение в диссидентский статус.

М.Ф. Ну, во-первых, правозащитником может быть только оптимист, а во-вторых, я всегда

был диссидентом, то есть инакомыслящим, свободомыслящим интеллигентом: и когда в советское время преподавал во Всесоюзном юридическом заочном институте, ставшем теперь МГЮА имени Олега Кутафина, и когда был министром печати в правительстве Ельцина, и когда был постпредом при ЮНЕСКО во второй половине 1990-х. Остаюсь им и сейчас, чтобы быть тождественным самому себе. Может быть, поэтому Президент Путин как-то в шутку назвал меня «правозащитным диверсантом».

Ред. Диссидент, с которым я беседую в его рабочем кабинете в Администрации Президента...

М.Ф. Не думаю, что вы найдете здесь много кабинетов, в которых висит портрет академика Андрея Сахарова, у двери — огромный портрет Лизы Глинки, а над письменным столом — мамин портрет в солдатской гимнастерке, 1942 год...

Ред. А «парадного» портрета Президента, между тем, я у вас что-то не вижу. Неужели нет?

М.Ф. С Путиным здесь много групповых фото, где он вместе с членами Совета. Но «парадного» портрета, вы правы, действительно нет. Мы же не на параде, а на посту. На самом ответственном посту — на страже прав чело- века.

Светлана Айвазова:

«Делай что должно, и будь что будет»

Светлана Григорьевна Айвазова (родилась в 1944 году в Москве) — российский политолог, специалист в области гендерных исследований, один из создателей гендерной политологии в России. Доктор политических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН. Область научных интересов — гендерная политология и политическая социология, теория и история феминизма, массовые социальные движения. Автор и соавтор нескольких монографий и научных статей.

Член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека с ноября 2004 года, член Координационного совета по гендерным проблемам при Министерстве здравоохранения и социального развития РФ, член Научного совета Российской ассоциации политических наук (РАПН), руководитель Исследовательского комитета по гендерной политологии.

В настоящее время в Совете по развитию гражданского общества и правам человека входит в состав постоянных комиссий по избирательным правам, по правам человека за рубежом, по социальным правам.

Ред. Светлана Григорьевна, вы учились на истфаке МГУ. Этот факультет, наряду с философским, считался бастионом советской идеологии. Какая информация о правах человека доходила в ту пору до студентов?

С.А. Всю свою студенческую жизнь я была связана с факультетской кафедрой новой и новейшей истории, а она сильно отличалась от кафедры истории КПСС или кафедр по отечественной истории, которые и были такими бастионами. Под руководством Наума Ефимовича Застенкера, одного из крупнейших франковедов страны, я занималась изучением французского социализма, прудонизма, бланкизма, вопросами Великой французской революции, а там ведь все переполнено проблематикой прав человека и гражданина, включая право на особое мнение, на собрания, на восстание.

Я уже тогда выделила для себя тему прав женщин и женского участия в революции, которую упускали из виду очень крупные специалисты по этому периоду, такие, скажем, как А.З. Манфред. Между тем женщины сыграли огромную роль в революции: они организовали поход на Версаль, присутствовали на заседаниях Конвента, наблюдая за ходом прений и т.д. Однако в ту пору понятие «гражданин» законодатели распространяли лишь на мужчин. Это заставило писательницу Олимпию де Гуж написать Декларацию прав женщины и гражданки — в противовес «Декларации прав человека и гражданина». Де Гуж потребовала уточнить первую знаменитую фразу Декларации: «Все люди рождаются и остаются свободными и равными в правах», за что была отправлена на гильотину. Но этот документ впоследствии принес писательнице всемирную славу. О нем вспомнили, когда в 1948 году в ООН разрабатывали Всеобщую декларацию прав человека и права женщин включили как неотъемлемую часть в категорию прав человека.

Этой же темой прав человека я занималась, став сотрудником Института международного рабочего движения. Продолжала увлеченно работать над проблематикой французского левого социализма, которая снова стала актуальной в связи со знаменитыми событиями мая 1968 года. Об этом я писала в своей первой книге «Левый радикализм в идейно-политической жизни Франции».

Ред. А как снова попала в фокус вашего внимания тема прав женщин?

С.А. Со временем в секторе, где я работала, собрались такие блестящие специалисты, как Герман Дилигенский, Самарий Великовский, Игорь Бунин, так или иначе занимавшиеся французскими социалистами. Поэтому мне пришлось четче определить свое «поле» исследований, и я с большим интересом вернулась к теме прав женщин. В разгаре была перестройка. М.С. Горбачев собирался в Париж на 200-летие Великой французской революции, и меня попросили написать справку о женщинах той эпохи для сопровождавшей супруга Раисы Максимовны. Как мне передали, материал ей понравился. А я на этом не остановилась, но обратилась уже к отечественной истории. Мне было интересно сравнить движение за права женщин во Франции и в России.

Ред. Расскажите, интересно.

С.А. Для начала я занялась тем, как вопрос о правах женщин времен Французской революции отразился в русской литературе. В ту пору интеллектуальные потоки между нашими странами были очень интенсивными. Например, «наше всё», Александр Сергеевич Пушкин, пристально следил за французскими событиями, что сказывалось и на его творчестве. Мало кто знает, что образы Алеко и Земфиры в поэме Пушкина «Цыганы» были откликом на позицию Руссо по правам женщин.

Руссо признавал за женщинами лишь право на выбор мужа. Пушкин же считал, судя по тексту этой поэмы, что если мужчина имеет право на свободу, то это же право должно быть у женщин. Напомню, что кумиром западных феминисток до сих пор остается Н.Г. Чернышевский. Образ Веры Павловны из его романа «Что делать?», к которому в широких кругах российской общественности отношение скорее ироническое, для них «икона стиля». А вот Лев Николаевич Толстой смотрел на все эти сюжеты прямо противоположным образом.

Этот материал, а главное, материалы о том, как развивалось движение за права женщин в России, легли в основу моей книги «Русские женщины в лабиринте равноправия». Я посвятила ей почти десять лет жизни, много работала в архивах. Нашла очень интересные и важные, но давно забытые материалы, долго хранившиеся в особых отделах библиотек, которые в советское время назывались спецхранами. В частности, раскопала материалы Первого

всероссийского женского съезда, который состоялся в 1908 году и собрал более 1000 женщин со всех концов России. Часть материалов съезда вошла в мою книгу.

Ред. А была ли у вас какая-то практика по этой части?

С.А. Еще в начале 90-х годов при моем участии был создан формально так и не зарегистрированный Клуб Ф-1, который просуществовал несколько лет. В его работе участвовали активистки возникавшего в те годы независимого женского движения, а кроме них — философы, историки, культурологи, так или иначе исследовавшие вопросы о правах человека и правах женщин как их составной части. В их числе был, например, весьма почитаемый сегодня мыслитель Вадим Цимбурский. Постоянный костяк клуба составляли человек 20–30. В это же время в Москве, Харькове, ряде других городов были созданы центры гендерных исследований. Так или иначе, я сотрудничала со многими из них.

В 1993 году Екатерина Лахова, возглавившая в ту пору движение «Женщины России», которое удачно выступило на парламентских выборах и получило право на создание собственной фракции в Государственной Думе, пригласила меня поработать с этой фракцией в качестве эксперта на общественных началах.

Ред. Да, но ведь только в рамках одного созыва.

С.А. Более того, созыв этот длился всего два года. Уже на выборах в Думу в 1995 году многие партии разместили женщин в первой тройке своих списков, учтя привлекательность женского присутствия в их списках для избирателей, и «прокатили» движение «Женщины России». Я же со временем стала теснее сотрудничать как эксперт с Консорциумом женских неправительственных объединений. Предложила Консорциуму

несколько проектов, например, по подготовке женщин-лидеров к парламентским выборам 2003 года и по сотрудничеству с региональными уполномоченными по правам человека по вопросам защиты прав женщин. Оба проекта были очень успешно реализованы.

Ред. В целом, в Госдуме вопрос о женском равноправии находил понимание?

С.А. Скажем так, в те годы он ни у кого не вызывал протеста. Тем не менее 1993–1995 годы можно все-таки назвать временем упущенных возможностей. Именно тогда были шансы на принятие Государственной Думой федерального закона «О равных правах и равных возможностях женщин и мужчин». Однако опоздали с его разработкой, первое чтение состоялось только в 2003 году. Тогда при голосовании по законопроекту «против» был только один депутат, но потом тот Закон похоронили. Для меня работа с одной из фракций Государственной Думы стала стимулом для исследования темы «Женщины в политическом пространстве», причем меня интересовало и то, как российские женщины добиваются успехов в политике, как им удается занять посты в высших эшелонах власти, и то, как они ведут себя в качестве избирательниц, активисток политических партий, общественных движений. Этим темам посвящена моя книга «Российские выборы: гендерное прочтение».

Ред. А как вы попали в Совет по правам человека?

С.А. Меня позвала лично Элла Александровна Памфилова. Мы с ней были знакомы, и, поскольку она много занималась социальными проблемами, ей был понятен «женский вопрос». До меня в Совете над ним работала Елена Николаевна Ершова, но она ушла в Общественную палату, и это место освободилось.

ПОЛИТИКИ, НИЧТОЖНО МАЛОЕ НА СЕГОДНЯ, НАПРЯМУЮ БЛОКИ- РУЕТСЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ, В ОСНОВНОМ МУЖЧИНАМИ».

Из выступления на «Радио Свобода»,
12 июля 2016 года

Ред. А разве правозащитники до этого не занимались правами женщин?

С.А. Советское поколение правозащитников относилось к этой проблеме с крайним подозрением. Многие из них, включая Сергея Адамовича Ковалёва, увязывали ее с имитацией общественной деятельности, характерной для советского времени, такой показухой для галочки. Но, например, Людмила Михайловна Алексеева готова была этим заниматься, она понимала, что проблема дискриминации есть, значит, надо права женщин защищать. Той же позиции придерживалась Ида Николаевна Куклина, представлявшая в Совете Комитет солдатских матерей. Я старалась поднимать вопросы, связанные с конкретным положением женщин. Со временем удалось склонить на свою сторону и Светлану Алексеевну Ганнушкину.

Ред. Какими еще аспектами прав женщин вы занимались в Совете?

С.А. Расскажу о главных. В период кризиса 2008–2009 годов резко обострилась ситуация с выплатой пособий по беременности и родам частными предпринимателями. Понятно, почему. В советское время все расходы по поддержке материнства и детства, включая пособия по беременности и родам, несло государство. При переходе от социалистической системы ведения хозяйства к частному предпринимательству государство сняло с себя обязательства по поддержке женщин, работающих у частного предпринимателя, а последний не взял

их на себя, забыл о том, что они прописаны в законах. Частники во взаимодействии с работающими у них женщинами нарушали все писанные нормы трудового права, например, при приеме на работу часто брали с женщин обязательства не беременеть три года...

В разгар кризиса 2008 года начались массовые увольнения женщин, особенно беременных, и столь же массовые отказы выплачивать пособия по беременности и родам. Я выступала от имени Совета на женских форумах, вместе с женскими организациями искала рецепты выхода из этой ситуации.

В результате СПЧ подготовил и представил в правительство и Госдуму поправки к Закону «О социальном страховании». В них предусматривалось, что Фонд социального страхования (ФСС) становится главным звеном во взаимодействии с участвующими в декрет женщинами. На основе страховых взносов от частных предприятий ФСС формирует фонд выплаты пособий по беременности и родам, и эти выплаты осуществляются не на частном предприятии, а в соответствующем учреждении ФСС. Соцстрах должен был, по нашему замыслу, выплачивать все декретные пособия, независимо от того, существует ли то или иное предприятие или оно «сгорело». Министерство труда пыталось внедрить такую практику в восьми регионах, но до конца это дело не довело. Наши поправки были существенно скорректированы депутатами Госдумы. Сейчас ФСС выдает пособия только после того, как женщина доказала в суде, что ее предприятие закрылось, — на основании справки из суда.

ПОЗИЦИЯ «Участие российских женщин в сфере

Но и это уже шаг вперед по сравнению с тем, что было раньше, когда суды в упор

не видели этой проблемы и не принимали заявлений от пострадавших женщин.

ДОКУМЕНТ

Внести в Федеральный закон от 29 декабря 2006 года № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2007, № 1, ст. 18; 2009, № 30, ст. 3739; 2010, № 50, ст. 6601; 2011, № 27, ст. 3880; 2012, № 53, ст. 7601; 2013, № 30, ст. 4076; № 48, ст. 6165) следующие изменения:

1. в статье 4.2:

- а) пункт 7.1 части 1 после слов «запрашивать документы (сведения), необходимые для» дополнить словами «оказания бесплатной помощи застрахованному лицу в виде составления заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера, а также в виде представления интересов застрахованного лица в судах,», после слов «государственных органах,» дополнить словами «органах государственных внебюджетных фондов»;
- б) часть 2 дополнить пунктом 10.1 следующего содержания:
«10.1) оказывать застрахованному лицу бесплатную помощь, необходимую для получения страхового обеспечения в соответствии с частью 4 статьи 13 настоящего Федерального закона, в порядке, установленном федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере социального страхования, в виде составления заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера, а также в виде представления интересов застрахованного лица в судах в случае, если застрахованное лицо письменно заявляет о необходимости оказания ему указанной помощи и дает согласие на получение и обработку его персональных данных»;

2. в статье 4.3:

- а) пункт 3 части 1 дополнить словами «, а также обращаться к страховщику за бесплатной помощью, необходимой для получения страхового обеспечения в соответствии с частью 4 статьи 13 настоящего Федерального закона, в виде составления заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера, а также в виде представления интересов застрахованного лица в судах»;
- б) в пункте 1 части 2 слова «документы, на основании которых выплачивается страховое обеспечение» заменить словами «документы (сведения), на основании которых выплачивается страховое обеспечение и (или) страховщиком оказывается бесплатная помощь застрахованному лицу в виде составления заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера, а также в виде представления интересов застрахованного лица в судах, необходимая для получения страхового обеспечения в соответствии с частью 4 статьи 13 настоящего Федерального закона».

Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 192-ФЗ «О внесении изменений в статьи 4.2 и 4.3 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством»

Ред. Это же не единственный проект, которым вы занимались в Совете?

С.А. Другое важное для меня направление — продвижение законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия». Законопроект был разработан рабочей

группой Минтруда, в которую входили представительницы Национального кризисного центра «Анна», Консорциума женских неправительственных организаций, независимые эксперты. Законопроект фактически лежал без движения, пока в 2014 году им не занялась наша Постоянная комиссия

по социальным правам. Комиссия подготовила и провела в июле 2014 года специальное заседание Совета с обсуждением текста данного законопроекта. Разработчиков выслушали представители МВД, Следственного комитета, Генпрокуратуры, Минздрава, МИД. Были приняты Рекомендации СПЧ в адрес правительства и Государственной Думы.

Прошел год, в коридорах власти размышляли, а представители РПЦ и известный депутат Елена Мизулина жестко заявили, что такой Закон вреден. Однако от его отсутствия страдают тысячи ежедневно избиваемых женщин, пожилых людей, детей. Логика наших оппонентов понятна: нечего выносить сор из избы, у нас все хорошо, вы преувеличиваете. И потом: «Жена да убьется мужа своего!»

Но данные МВД свидетельствуют: 25% убийств в стране происходит внутри семьи, здесь же совершается 40% насильственных действий с тяжелыми последствиями! Консорциум женских неправительственных объединений уже несколько лет ведет семинары для участковых полицейских, в том числе из глубинки. Они буквально стонут, настолько им необходим Закон против насилия в семье. 1 октября 2015 года я выступала с представлением этого законопроекта на встрече СПЧ с Президентом В.В. Путиным. В числе прочего привела в пример Казахстан, где после принятия соответствующего Закона домашнее насилие сократилось на 40%. Вообще же, подобные законы приняты в 148 странах. Надеюсь, что наша страна пополнит их число.

ДОКУМЕНТ

Действие существующего административного, уголовного и уголовно-процессуального законодательства в этой сфере неэффективно, так как не распространяется на пресечение, профилактику и работу с потенциальными правонарушителями. Существующие нормы могут быть применены уже после совершения правонарушения или преступления. Отсутствуют защитные механизмы для потерпевших (охранные предписания, психологическая и юридическая помощь, сеть убежищ, реабилитационных центров и т.д.). Отсутствуют программы по реабилитации как жертв, так и преступников.

<...>

Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека считает необходимым рекомендовать:

1. Государственной Думе ФС РФ и Совету Федерации ФС РФ:
 - принять федеральные законы «О предупреждении и профилактике семейно-бытового насилия» и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О предупреждении и профилактике семейно-бытового насилия»».
2. Министерству труда и социальной защиты РФ:
 - подготовить для внесения в Государственную Думу ФС РФ имеющиеся проекты федеральных законов «О предупреждении и профилактике семейно-бытового насилия» и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О предупреждении и профилактике семейно-бытового насилия»»;
 - усовершенствовать деятельность социальных служб по предоставлению помощи пострадавшим от семейно-бытового насилия, в том числе по оказанию бесплатной юридической и психологической помощи;
 - обеспечить создание необходимого количества убежищ и кризисных центров для помощи пострадавшим от семейно-бытового насилия;
 - организовать сбор статистических данных по обращениям, связанным с семейно-бытовым насилием.
3. Министерству образования и науки РФ:
 - включить в федеральные государственные образовательные стандарты вопросы профилактики семейно-бытового насилия;
 - совершенствовать программы и методики, направленные на предотвращение агрессивного поведения в семье;

- вести системную подготовку педагогического состава к работе с пострадавшими от семейно-бытового насилия;
- организовать взаимодействие педагогического состава образовательных учреждений с социальными службами и сотрудниками органов внутренних дел по профилактике семейно-бытового насилия.

4. Министерству здравоохранения РФ:

- усовершенствовать систему медицинского освидетельствования жертв семейно-бытового насилия;
- расширить сотрудничество с органами внутренних дел и социальных служб в целях профилактики семейно-бытового насилия;
- организовать сбор статистических данных по обращениям, связанным с семейно-бытовым насилием.

5. Министерству внутренних дел РФ:

- вести системную подготовку сотрудников органов внутренних дел, работающих с пострадавшими от семейно-бытового насилия;
- организовать сбор статистических данных по обращениям, связанным с семейно-бытовым насилием.

6. Генеральной прокуратуре РФ:

- усилить надзор за органами, ответственными за профилактику и защиту жертв семейно-бытового насилия, а также за своевременным привлечением к ответственности виновных.

Из Рекомендаций Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека по итогам специального заседания на тему «Законодательное обеспечение Национальной стратегии действий в интересах детей» в части предотвращения домашнего насилия», 8 июля 2014 года

Ред. А судьбами отдельных людей приходилось заниматься?

С.А. Немного расскажу об одной акции СПЧ, в которой я участвовала, чтобы было видно, насколько многогранна деятельность Совета. В 2014 году в Совет обратилась молодая женщина, бывший муж которой украл у нее трехлетнего ребенка и увез его в Португалию.

Ред. Муж — португалец?

С.А. Нет, наш гражданин. Пришла к нам эта женщина уже после общения с Павлом Астаховым, российским Уполномоченным по правам ребенка, который ей ничем не помог. Тут я снимаю шляпу перед виртуозностью действий председателя Совета Михаила Федотова. Он провел множество встреч и совещаний с представителями силовых ведомств, экспертами, представителями ряда иностранных посольств, изыскивая возможные пути возвращения ребенка. Я, вооруженная его инструкциями, сопровождала эту женщину на судебные заседания.

времени и сил на работу в СПЧ. Наталья Евдокимова — борец, страстный человек, с ней легко работать. Нельзя не отметить Илью Шаблинского, который руководит Постоянной комиссией по избирательным правам. Очень эффективно работает Елена Тополева-Солдунова¹⁰⁶. В СПЧ много блестящих людей, да простят меня те, кого не упомянула из-за формата интервью.

106 18 февраля 2016 года исключена из состава Совета на основании Указа Президента Российской Федерации в связи с несовместимостью мандатов как член Общественной палаты Российской Федерации.

Ред. Как вы оцениваете эффективность Совета по правам человека на сегодняшний день?

С.А. На мой взгляд, Михаил Александрович Федотов поднял престиж Совета на новую высоту, с нами считаются различные ведомства, за нашей деятельностью пристально следят СМИ. Совет не утратил правозащитных возможностей, появились новые формы работы, такие как выезды в регионы. Раньше такое бывало в виде исключения, теперь стало нормой. Также полезно создание временных рабочих групп для решения конкретных проблем. Моя же позиция сводится к простой и всем известной сентенции: «Делай что должно, и будь что будет».

Ведь бывший муж, увезя ребенка, попутно пытался лишить эту женщину родительских прав. В результате отца лишили родительских прав, а затем при поддержке МИДа удалось вывезти ребенка из Португалии и вернуть его матери.

Ред. Как вам, человеку известному своей коммуникабельностью, работается в Совете?

С.А. Мне интересно, хотя и не всегда просто. В сегодняшнем СПЧ собраны люди разных взглядов. При Элле Александровне состав был более гомогенным.

Ред. А с кем вам особенно хорошо работается?

С.А. Я была рада, когда в Совет вернулась Людмила Михайловна Алексеева. Она поражает меня ясностью мышления, способностью к трезвому анализу ситуации. Бесконечно уважаю блестящего правоведа Тамару Георгиевну Морщакову. Анита Соболева — очень толковый юрист. Приятно видеть, как Евгений Бобров не жалеет

Людмила Алексеева:

«Единственно возможное условие реального партнерства между властью и людьми — это сила гражданского общества»

Людмила Михайловна Алексеева (родилась в 1927 году в Евпатории, скончалась 8 декабря 2018 года в Москве) — российский общественный деятель, участница правозащитного движения в СССР и постсоветской России, одна из основателей (в 1976 году) Московской Хельсинкской группы (МХГ), с 1996 года председатель МХГ. В 1950 году она окончила исторический факультет МГУ, а в 1956-м — аспирантуру Московского экономико-статистического института.

В 1966-м Людмила Алексеева принимала участие в защите писателей Даниэля и Синявского в связи с судом над ними за их публикацию своих произведений за границей. В конце 1960-х годов подписала письмо против политического процесса над Александром Гинзбургом, Юрием Галансковым и др. В апреле 1968 года была исключена из КПСС и уволена с работы, неоднократно подвергалась обыскам и допросам. В мае 1976 года вошла в состав создаваемой Ю. Ф. Орловым правозащитной организации — Московской Хельсинкской группы (МХГ). В феврале 1977 года под угрозой ареста не только ее самой, но сына и мужа, Людмила Алексеева была вынуждена эмигрировать из СССР и поселилась в США. МХГ объявила ее своим зарубежным представителем. В 1984 году в США издала книгу «История инакомыслия в СССР, новейший период»¹⁰⁷ (более 400 с.) — систематическое описание всех независимых общественных движений в СССР (национальных, религиозных, социально-экономического, социалистического, марксистского и правозащитного) с момента их возникновения до 1984 года, когда книга была окончена. В книге описаны все независимые общественные движения в СССР в течение всего послесталинского периода. В 1977 году вела программы на русском языке о правах человека на «Радио Свобода» и по «Голосу Америки», опубликовала более 100 статей в русскоязычной эмигрантской периодике, в английской и американской прессе, постоянно консультировала ряд правозащитных организаций, в том числе Американскую Хельсинкскую группу, возникшую в декабре 1978 года (теперь Human Rights Watch).

¹⁰⁷ Первое издание на русском языке: Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР. Новейший период. — Вильнюс; М.: Весть, 1992.

В 1990 году вернулась в Россию. В мае 1996 года была избрана председателем Московской Хельсинкской группы. С 1998 года трижды избиралась на двухгодичный срок президентом Международной Хельсинкской федерации.

В 2002–2012 годах была членом Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации (впоследствии была преобразована в Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека). В ноябре 2004 года стала одним из организаторов Всероссийского гражданского конгресса и до окончания его работы в 2008 году одним из трех его сопредседателей.

Лауреат нескольких международных премий, обладатель четырех зарубежных орденов. В 2012 и 2013 годах выдвигалась на Нобелевскую премию мира. Лауреат Государственной премии Российской Федерации за выдающиеся достижения в области правозащитной деятельности за 2017 год.

В настоящее время — член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, член постоянных комиссий этого Совета по прецедентным делам, по исторической памяти, по развитию НКО, по содействию общественным наблюдательным комиссиям, реформе пенитенциарной системы и профилактике правонарушений.

Ред. Людмила Михайловна, нет смысла спрашивать, как вы пришли к занятию защитой прав человека. Ваша биография известна. Но расскажите, когда и как вы вернулись на родину.

Л.А. В качестве предыстории напомним о своем пути обратно в Россию. Начинается перестройка, я нахожусь в вынужденной эмиграции. Со мной — заболевший к этому времени муж (болезнь Альцгеймера). Поэтому речь могла идти только о совместном возвращении. В Москве оставалась свекровь — близкий родственник, вот официальный мотив для возвращения. Между США и СССР появляется «народная дипломатия» — поощряемое в обоих государствах интенсивное общение между гражданами.

В США приезжает огромная делегация — 400 советских граждан, в их числе известные писатели, журналисты. Когда формируется группа для ответного визита, происходит странное: дают 399 виз вместо 400. Только мне не дают. И в Госдепе, и в Американской Хельсинкской группе (АХГ) понимают: несмотря на перестройку, я в каком-то самом черном списке. В 1988 году меня включили в список на поездку баптистов в СССР как переводчицу. Опять только мне отказали в визе. Лишь в мае 1990 года, после больших усилий Госдепартамента США, поездки в Москву председателя АХГ Ричарда Бернштейна и его встречи с тогдашним министром иностранных дел Э. Шеварднадзе, который очень добивался проведения конференции АХГ в Москве в рамках «народной дипломатии», благодаря вмешательству

Шеварднадзе я была вычеркнута из черного списка КГБ, в котором, несмотря на перестройку, оставалась за свою правозащитную деятельность в качестве зарубежного представителя МХГ.

В мае 1990 года, после 13 лет отсутствия, я наконец смогла приехать в Москву на конференцию АХГ. Но после этого препятствий уже не было. И я поехала в СССР в ноябре 1990 года уже в продолжительную командировку. География поездки была широкой: Москва — Свердловск — Челябинск — Караганда — Душанбе — Чимкент. После этого я почти постоянно была здесь, но переехать окончательно домой и забрать сюда мужа я смогла только в 1993 году, потому что вышел Указ Б. Н. Ельцина, по которому советским людям, лишенным гражданства лишь за отъезд из страны, возвращалось гражданство. Тогда уже я окончательно вернулась и на деньги, заработанные в США, купила квартиру в Москве.

Ред. Сначала главным направлением ваших забот была социальная сфера?

Л.А. Да. Я активно сотрудничала с С. А. Ковалёвым, который тогда был председателем парламентского Комитета по правам человека, с «Мемориалом» и разными правозащитными организациями. Еще в США я консультировала американский профсоюз АФТ–КПП (Американская федерация труда и Конгресс производственных профсоюзов). В Советском Союзе в то время родились и какое-то время работали в постсоветской России независимые профсоюзы — горняков, авиадиспетчеров и др. С некоторыми

из работавших в них людей я дружу до сих пор, они останавливаются у меня, приезжая в Москву, с Новым годом поздравляют.

Меня тогда вдохновлял польский пример — союз рабочих с интеллигенцией. Я видела, как вся страна благодаря этому всколыхнулась. Надеялась, что и у нас так же будет — ведь поляки долго были в нашем «социалистическом лагере» (поневоле, конечно, ведь хорошую вещь лагерем не назовешь).

С крахом советской системы, пока новая не наладилась, большинство моих сограждан грохнулось в нищету. Людей гораздо больше волновало, как прокормить семью, чем демократические реформы. Они не имели опыта жизни при демократии и не могли оценить ее возможностей для улучшения своего материального положения. Интеллигенция наша на мои призывы реагировала вяло.

Ред. А правозащитной работой занимались?

Л.А. Конечно. Я сосредоточилась на провинции. Во многих местах учителя, врачи, инженеры, журналисты («бюджетная интеллигенция») стали образовывать правозащитные группы. Они не очень хорошо знали, что это такое. Например, какой-нибудь инженер изучит как следует законы и идет в суд добиваться, скажем, признания незаконным решения о его увольнении. Довольно часто истцы такие процессы выигрывали. В это время грянул кризис, работы не было. Я с болью смотрела, как погибают один за другим независимые профсоюзы.

Президент Борис Ельцин создал при себе Комиссию по правам человека и пригласил Сергея Ковалёва ее возглавить. Но началась чеченская война, и в знак протеста против творившихся там массовых и грубейших нарушений прав человека Ковалёв отказался от поста председателя Комиссии. Когда прекратил существование Верховный Совет, Ковалёв утратил должность председателя Комитета ВС РФ по правам человека и остался не у дел. Уйдя с этого поста, он учредил общественную организацию — Институт прав человека. Я предложила ему создать отдел, который занимался бы в его Институте поддержкой правозащитных групп в провинции, но Сергей Адамович решил ограничиться только экспертной работой.

Кронид Любарский, который был тогда председателем МХГ, увлекся политической журналистикой и умолял кого-то из членов

МХГ, которая буксовала из-за отсутствия активного руководителя, сменить его на посту председателя. А мне нужна была организация для поддержки правозащитников в регионах — одному человеку эта задача не по плечу. И я согласилась сменить Любарского.

Первое, что надо было сделать, это собрать для обсуждения необходимой им помощи всех известных нам руководителей правозащитных организаций из регионов. Таких было тогда 35 человек. Тут как раз подходило 20-летие МХГ (12 мая 1996 года). Мы стали готовить на эту дату юбилейную конференцию, чтобы напомнить новым правозащитникам историю и смысл правозащитного движения, начиная с советского времени, познакомиться с ними и вместе подумать, как мы можем им помочь. На эту конференцию неожиданно для всех пришел советник Президента Ельцина Михаил Александрович Краснов. Я даже не подозревала, что он знает о МХГ, а он не только знал, но и рассказал Борису Ельцину о нашей группе и пришел на юбилейную конференцию, чтобы зачитать приветствие Президента. Сидел все три дня работы конференции, слушал выступления. Правозащитники из регионов говорили, что им больше всего нужно, чтобы мы помогли объяснить в регионах властям, кто такие правозащитники.

Михаил Александрович поинтересовался: чем глава государства мог бы помочь правозащитникам? Общее мнение было таким: хорошо бы Президенту порекомендовать губернаторам создать при себе комиссии по правам человека по образцу президентской комиссии, чтобы ее члены разъяснили чиновникам, кто такие правозащитники. Действительно, на местах происходили вопиющие вещи. Например, старушке не выплачивают положенную пенсию, на прием к чиновнику приходит правозащитник с ее делом, а тот ему говорит: «Какая еще правозащитная группа? Вы — постороннее лицо, уходите, не лезьте не в свое дело, пусть она или ее родственники приходят».

Краснов все это выслушал и через некоторое время пришел ко мне с проектом текста президентского указа. Это был Указ от 13 июня 1996 года № 864 «О некоторых мерах государственной поддержки правозащитного движения в Российской Федерации» (см. с. 63–64), в соответствии с которым губернаторам рекомендовалось создавать при себе комиссии по правам человека по образцу президентской. МХГ тоже дала

За

Ваше
Президенту официально уведомить президента В.В. Путина на о моем решении как ~~одного из основателей~~ ~~нашего~~ ~~движения~~ ~~и~~ ~~председателя~~, ~~МХГ~~ ~~то~~ ~~ни~~ ~~при~~ ~~каких~~ ~~обстоятельствах~~ ~~за~~ ~~все~~ ~~лучшее~~ ~~и~~ ~~на~~ ~~вашем~~ ~~указании~~ ~~и~~ ~~заранее~~ ~~предупрежден~~ ~~как~~ ~~автор~~ ~~и~~ ~~иностранного~~ ~~го-ва~~, ~~поэтому~~ ~~это~~ ~~мы~~ ~~за~~ ~~36~~ ~~лет~~ ~~своей~~ ~~нашей~~ ~~недаром~~ ~~мы~~ ~~защитили~~ ~~своих~~ ~~сограждан~~ ~~от~~ ~~го-ва~~ ~~Юмаев~~ ~~и~~ ~~его~~ ~~попыток~~ ~~снизить~~ ~~если~~ ~~они~~ ~~нарушают~~ ~~их~~ ~~права~~, ~~наших~~ ~~сознательных~~ ~~и~~ ~~наших~~ ~~традиционных~~ ~~и~~ ~~духовных~~ ~~ценностей~~ ~~и~~ ~~рабочей~~ ~~и~~ ~~сер-ва~~ ~~защитниками~~ ~~России~~, ~~медаль~~ ~~го-ва~~ ~~у~~ ~~нас~~ ~~в~~ ~~стране~~ ~~как~~

Международного бизнеса, а зависимость предпринимателей от зарплат, ЗРФ Финансирование ир-заяв от-ций против ич разорением от гос. органов, МХГ была создана 12.16.1976, а первый грант мы получили в 1993г., когда были уже всемирно известной организацией. МХГ участвует много ич в ряде абсорбированных ~~на~~ в работе Уполномоченной правозащитной организации, а следом ич в работе ич в целях реинтеграции мигрантов в общество, которая получила все равно больше, чем ич от ич в мире в целом.

Л. Александрова
2.07.2012

свои рекомендации, в основном о том, чтобы в эти комиссии включали активных местных правозащитников. Мы были готовы давать рекомендации, кого именно, если они не знают, кто в их регионе таковыми являются. В итоге получилось так: в восьми регионах включили по одному-двум правозащитникам, в двенадцати в них вошли только чиновники, для многих из которых общественники были врагами, а в большинстве регионов таких комиссий вообще не было.

Когда в Хельсинкской группе голосовали, поддерживать ли нам эти комиссии, самые авторитетные члены МХГ — Сергей Ковалёв и Лариса Богораз — выступили против. Они опасались, что правозащитники в этих комиссиях станут подчиняться чиновникам или даже будут подкуплены. Я же считала, что становление таких комиссий будет происходить постепенно, и потом уже агитировала в регионах за их создание. Я сказала, что, если МХГ изменит свою позицию, я должна буду оставить председательский пост. После этого Ковалёв и Богораз поддержали меня. Комиссии эти не сразу, но постепенно были созданы в большинстве регионов и во многих стали реально работать. Элла Александровна Памфилова, когда возглавила президентскую комиссию по правам человека, в своей работе использовала эти местные комиссии вполне успешно.

Ред. Эта Комиссия была переименована в Совет по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека. Как вы это изменение статуса восприняли?

Л.А. Да никак. Хоть горшком назови, лишь бы дело делалось. Но Элла Александровна мне потом разъяснила, что это повышает статус, расширяет наши возможности. А с ней я была знакома давно. Мы взаимодействовали в рабочих группах по подготовке Гражданского форума, который Президент Путин собирал в 2002 году. Состав этих рабочих групп был такой: треть — от Президента, треть — от правозащитников, еще треть — от формально общественных, но «прикормленных» организаций. Элла Александровна входила во «властную квоту», а голосовала всегда вместе с нами. Поэтому ее предложению войти в состав возглавляемой ею Комиссии (потом — Совета) я не удивилась. Такие предложения всегда делают индивидуально и конфиденциально. И все восемь активистов, которым Элла Александровна

сделала такое предложение, согласились с ней работать, но между собой договорились: если дело пойдет против наших принципов, то мы выйдем оттуда все вместе. В 2004 году у меня такое желание появилось, но большинство было против, и я осталась, поскольку договорились выходить не по одному, а все вместе.

Ред. Чем вы в первую очередь занимались в Совете?

Л.А. Я сконцентрировалась на подготовке проекта Закона об альтернативной гражданской службе. Члены Комиссии работали над этим проектом вместе с рабочими группами от Минтруда и Минобороны. Сотрудники Министерства труда вместе с нами противостояли жесткому варианту законопроекта, предлагаемому Министерством обороны. В соответствии с нашим вариантом Закона молодые люди могли проходить альтернативную службу, живя в семье, получать зарплату за свою работу. Владислав Сурков показал наш вариант Президенту, и тот вроде бы согласился с ним, но в последний момент, насколько я понимаю, нам перебежал дорогу Сергей Иванов, возглавлявший Министерство обороны. В итоге был принят вариант Министерства обороны.

Ред. А что вам было известно об отношениях Президента с Советом?

Л.А. Элла Александровна сообщила, что Президент проведет встречу с правозащитниками, для того чтобы познакомиться с ними и наладить сотрудничество (или лучше узнать, чтобы понять, как их прижать, — не знаю). Стали распределять темы, устанавливать время на выступление, очередность. Десять минут дали Светлане Ганнушкиной — тема мигрантов тогда стояла в полный рост. Остальным выделили по три минуты. Мне поручили доложить о ситуации в Чечне.

Выбор был неслучайным. Считалось, что Президент может отреагировать на эту тему очень раздраженно, а у меня, похоже, есть дар говорить с начальством о малоприятных вещах, не доводя его, начальство, при этом до белого каления. Суть вопроса была в том, что беженцы из Чечни, жившие в лагерях в Ингушетии, не хотели возвращаться домой. Ведь еще война шла. Кадыров же на этом настаивал: это было доказательством того, что с войной покончено. Когда они

возвращались, их поселяли в пунктах временного размещения (жилье у многих было разрушено). Большинство не хотело ехать туда, потому что в лагерях они как-то наладили жизнь, а на новом месте было очень трудно, особенно с детьми. Тогда их стали выживать из лагерей — отключали свет, отопление. А Кадыров утверждал, что переселяют только добровольно.

Президент подтвердил: переселение должно быть исключительно добровольным. Я предложила создать смешанную комиссию из представителей власти и правозащитников, которая посетила бы лагеря, пункты временного размещения и выслушала людей. В комиссию вошел министр Российской Федерации по делам Чечни Станислав Ильясов. Мы приехали в Грозный зимой. Нам устроили банкет в советско-

кавказском духе. Темнеет рано, в темноте по Грозному перемещаться нельзя. Мы с этого банкета, к неудовольствию собравшихся, ушли, поехали к переселенцам, а через полчаса услышали неподалеку взрыв. Ильясов туда помчался. Это был взрыв в здании правительств, которое мы только что покинули. На месте, где шел банкет, были развалины. Ильясов потом в Москве сказал мне, что, отмечая свое 50-летие, первый тост предложил за меня: если бы я их не торопила, они бы еще пировали, когда прогремел взрыв.

Из-за сопротивления чиновников из совместного доклада пункт о недобровольности переселения пришлось убрать, но было указано, что в самих пунктах размещения условия жизни плохие. Однако до конца войны они действовали, и те, кому некуда было переехать, в них оставались.

ДОКУМЕНТ

30 июля 2010 года в связи с проведением протестной акции — голодовки учителей и родителей нескольких школ в г. Ульяновске, вызванной решением о ликвидации пяти городских школ, — председатель Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека Э.А. Памфилова направила губернатору Ульяновской области обращение с просьбой рассмотреть сложившуюся ситуацию и найти взаимоприемлемое решение для выхода из нее.

В Ульяновскую область направили представителя аппарата Совета. На месте были проведены встречи, с участниками акции, с представителями правительства Ульяновской области и уполномоченным по правам человека области.

В результате были изданы постановление мэрии г. Ульяновска о признании решения о закрытии школ утратившим силу, а также приказ управления образования об отмене приказа об увольнении директора школы № 7. После этого участники голодовки решили прекратить ее. Прокуратура Ульяновской области обязала главу Ульяновска немедленно устранить выявленные нарушения и исключить возможность таких эксцессов впредь.

Из Отчета о работе Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека в 2009–2010 годах

Ред. В какой степени вам удалось использовать преимущества положения члена Совета, о котором говорила Элла Александровна?

Л.А. И она, и Михаил Александрович Федотов считают Совет рычагом развития гражданского общества, а единственное условие успешного партнерства между властью и гражданами — это сила гражданского общества. Я убедилась в этом, продолжая работу в регионах как председатель Московской Хельсинкской группы. Наша работа построена по сетевому принципу —

сотрудничество равноправных партнеров. Вот отправилась я в Екатеринбург. Меня приняли областной уполномоченный по правам человека Татьяна Мерзлякова и губернатор Эдуард Россель. Стали бы они со мной встречаться только как с председателем Хельсинкской группы?! Другое дело — член президентского Совета, а сейчас еще глава Совета — советник Президента! Я стараюсь поддерживать организации — партнеров МХГ в их отношениях с губернаторами и другими представителями власти. Этому способствовала, конечно, Элла Александровна,

она трудилась, как подвижник, дела при ней очень продвинулись, авторитет Совета сильно вырос.

Ред. И все же вы ушли...

Л.А. Дело было так. Когда стало ясно, что к власти вернется Владимир Путин, 13 членов Совета — яркие, самостоятельные люди — вышли из его состава. Я осталась, считая, что политик может хлопать дверью и переходить в оппозицию, а правозащитники должны помогать гражданам в любых условиях, и, чем условия труднее, тем нужнее их работа. Я вошла в рабочую группу по формированию нового состава Совета, надо ведь было заполнить образовавшиеся брешы после ухода 13 человек. Я была категорически против предложенного властями голосования за новых членов Совета по Интернету. Тут могли быть и подставы, и появление людей своекорыстных, ведь Совет при Президенте РФ — звучит престижно. В общем, вместе с М.Ф. Поляковой я активно этим занималась, мы искали достойные замены. Но когда мы предлагали кандидатуры, люди из Администрации

ДОКУМЕНТ

9–10 февраля 2010 года в рамках Рабочей группы «Гражданское общество» Форума «Петербургский диалог» Совет при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека в сотрудничестве с Центром социального развития и самопомощи «Перспектива» (Москва) и общественно-полезным объединением «Russlandhilfe e.V.» (Франкфурт-на-Майне) провели семинар «Реакции гражданского общества на социальные проблемы в обществе». В мероприятии приняли участие представители ведущих неправительственных организаций России и Германии, работающих в социальной сфере. Участники семинара отметили важность обмена опытом и совместного поиска решения социальных проблем в условиях мирового экономического кризиса.

Из Отчета о работе Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека в 2009–2010 годах

Ред. И как вы общались с Советом в тот период, когда оказались вне его?

Л.А. Сотрудничала, там же много близких мне людей.

Ред. Людмила Михайловна, покинув Совет по принципиальным соображениям в 2012 году, вы вернулись в него в 2015-м. Расскажите, пожалуйста, как это произошло.

Президента отвергали некоторых из них, а Михаил Александрович Федотов устранился от вмешательства в наши препирательства.

Дошло до спора между мной и одним сотрудником Администрации (фамилию его, ей-богу, не помню). Речь шла о Валерии Якове, главном редакторе «Новых известий». Мне очень нравится этот талантливый и честный журналист. Но в то время губернатор Московской области Сергей Шойгу пригласил Якова возглавить областное министерство информации. Я высказалась против его кандидатуры: госчиновники в гражданском Совете не должны работать. Тот сотрудник Администрации в ответ: вы что же, принципиально против госчиновников? Это же дискриминация! В результате кандидатуру Якова оставили, а я подала заявление об уходе. Меня просили остаться, но я решение не изменила, потому что не хотела состоять в Совете, где хозяйничают чиновники. Сейчас в Совете, как и прежде, все решает его большинство. Но я смею предположить, что, возможно, этому способствовал мой поступок.

Л.А. Я вернулась, потому что все меньше площадок, где можно хоть что-то сделать. Совет — одна из немногих оставшихся. Михаил Александрович Федотов много раз предлагал меня вернуться. Я отказывалась. А потом задала ему вопрос: «Как вы это сделаете? Ведь это президентский Совет, его состав утверждается Указом главы государства, где все перечислены по фамилиям». В свое время в состав Совета были включены все, кого мы с Э.М. Поляковой

предлагали, все 35 человек. Президент включил туда еще 30 человек. Несколько новых членов активно включились в работу, но есть балласт, совсем ненужные люди. Есть те, кто не мешает — не более того. А тут нужен будет персональный Указ. Это невозможно. Михаил Александрович ответил, что это его дело. И действительно, появился отдельный Указ. Видимо, наверху хотели, чтобы я вернулась.

Предупреждая вопрос о моей репутации, скажу, что не в первый раз меня кто-то яростно осуждает за якобы сотрудничество с властью. Но ведь что-то делать совместно можно только по взаимному согласию.

ПОЗИЦИЯ «Я считаю ненормальным положение, когда российские общественные организации финансируются в основном из-за рубежа. Во всем цивилизованном мире общественные организации финансируются частными фондами, пожертвованиями граждан своей страны и лишь в очень незначительной мере из государственных и зарубежных средств. И у нас в России тоже должно быть так. Сейчас у нас значительная часть граждан уже поняла, для чего нужны НКО, и мы нашли бы поддержку

У них какой-то свой «навар» должен быть, без этого зачем им сотрудничать со мной? А у меня будет свой «навар». Если он мне нужен, пусть и они имеют то, что им нужно.

Ред. Под «наваром» для властей вы подразумеваете ваше имя в президентских структурах?

Л.А. Ну да. Ведь на самом деле соблюдение Конституции, прав человека в конечном счете — в интересах самой власти, это придает ей авторитет, повышает доверие к ней. А что до меня: я им нужна — спасибо, но я за это должна получить то, что мне нужно.

граждан. Конечно, это произойдет не сразу. Сейчас, когда наша экономика, как и во всем мире, переживает не лучшие времена, это сделать труднее, но все-таки возможно. Но состоятельные люди должны быть уверены, что это не навлечет на них недовольство власти, а наоборот, что власть этого от них ждет. Для этого нужно, чтобы Вы, господин Президент, сказали об этом публично. И тогда постепенно наши НКО начнет финансировать наше общество, а государственная поддержка и поддержка из-за рубежа останутся лишь малой частью тех средств, которые необходимы для нормального функционирования наших НКО».

Из стенограммы выступления на встрече Совета с Президентом РФ В.В. Путиным, 1 октября 2015 года

Ред. Можно не сомневаться: вас радостно встретили в Совете.

Л.А. Да, это было очень приятно. Все встали и аплодировали. Радовались все, кого я люблю и уважаю. Тут ведь еще нюанс был:

Президенту
Российской Федерации

В.В.ПУТИНУ

Уважаемый Владимир Владимирович!

В целях повышения авторитета Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека в правозащитном сообществе России и укрепления доверия к нему со стороны мировой общественности просим Вас рассмотреть вопрос о включении в состав Совета председателя Московской Хельсинкской группы Л.М.Алексеевой вместо скончавшегося в 2014 г. члена Совета В.Ф.Абрамкина (исключен из состава Совета Указом Президента Российской Федерации № 305 от 1 апреля 2013 г.).

Убеждены, что включение Л.М.Алексеевой в состав Совета самым положительным образом скажется на взаимоотношениях государства и гражданского общества. Предварительное согласие Л.М.Алексеевой имеется.

Просим поддержать.

С уважением,

Советник
Президента Российской Федерации,
Председатель Совета
при Президенте Российской Федерации
по развитию гражданского общества
и правам человека

М.А. Федотов

Уполномоченный по правам человека
в Российской Федерации

Э.А. Памфилова

Президент
Паралимпийского комитета России

В.П. Лукин

после того, как я написала заявление об уходе, и до его утверждения мне звонили домой члены Совета, просили остаться, но я, хоть и трудно было это сделать, отказалась тогда.

Ред. Вы вернулись на те же участки работы?

Л.А. Да, все без изменений. Другое дело, что за это время Михаил Александрович внедрил форму выездных заседаний Совета. На мой взгляд, это очень правильно и эффективно, но мне уже не по силам. Я участвую в работе по проблемам НКО и «иностранных агентов». Меня это очень волнует. Я занимаюсь поддержкой общественных наблюдательных комиссий в тюрьмах. Ко мне ведь уже в течение многих лет привыкли обращаться за поддержкой заключенные и их родственники. Много просьб по условно-досрочным освобождениям. Я очень хочу, чтобы эти комиссии сохранились, хоть для этого создано много помех.

Меня включили в президиум Совета. Там раз в два-три месяца решают, какие вопросы выносить на заседание Совета. Периодически по отдельным направлениям нашей работы проходили встречи с Вячеславом Володиным (первым заместителем руководителя Администрации Президента, ответственным за внутреннюю политику), теперь встречаемся со сменившим его Сергеем Кириенко). Какие-то вопросы он сам ставит, какие-то можно решить здесь до встречи с Президентом.

Ред. Что бы вы могли отметить в качестве достижений после возвращения в Совет?

Л.А. Несомненный успех — результат работы инициативной группы по установке в Москве памятника жертвам политических

репрессий. Мы предложили место, и проект прошел такой, как мы хотели, — скульптора Георгия Франгуляна.

Ред. А финансовая проблема установки памятника?

Л.А. Сначала государство брало расходы на себя полностью, потом пошла речь о народных сборах. Основную часть расходов взяло на себя правительство Москвы, а народные деньги продолжают собирать на другие мемориальные проекты, например, на спецобъекте НКВД «Коммунарка».

Ред. О чем-то еще вам хотелось бы отдельно сказать?

Л.А. Да, об истории с законодательством о Федеральной службе исполнения наказаний — сокращенно ФСИН¹⁰⁸. Там имело место настоящее жульничество. Закон был написан представителями этой системы. В Совете мы разработали много принципиальных поправок. Однако потом выяснилось, что до Госдумы наши поправки не дошли, депутаты их в глаза не видели, к ним поступил проект ФСИН без наших поправок. Мы возмутились, подняли скандал. Теперь, перед вторым чтением, парламентарии нового созыва уже этим займутся.

108 Имеется в виду Федеральный закон от 28 декабря 2016 года № 503-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и Феде-

ральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». Этим законом введены новые правила, касающиеся применения физической силы и спецсредств сотрудниками учреждений УИС.

ДОКУМЕНТ

Президентский Совет по правам человека (СПЧ), по информации «НГ», подготовил предложения к концепции развития до 2020 года уголовно-исполнительной системы страны. Правозащитники утверждают, что реформы в Федеральной службе исполнения наказаний (ФСИН) пробуксовывают.

В поправках СПЧ есть требование ввести дополнительное поощрение осужденных за «тягу к исправлению» уменьшать срок наложенных на них взысканий можно было бы за прочтение рекомендованных книг, прохождение реабилитационных курсов, за «прочие активные действия, направленные на достижение целей наказания».

В Совете настаивают на улучшении бытовых условий эзков — например, чтобы каждому выделялось «по 15 минут для помывки», а не всей камере одновременно те же 15 минут, как сейчас.

Советуют там и дать сидельцам право на пользование электронными устройствами (без выхода в Интернет).

О труде осужденных в поправках СПЧ говорится, что оплата тех, кто не выполняет нормы выработки, не может быть ниже той доли МРОТ, которая пропорциональна процентам выполненной работы. То есть чтобы людей не наказывали за невыполнение нормы в соответствии с традициями ГУЛАГа.

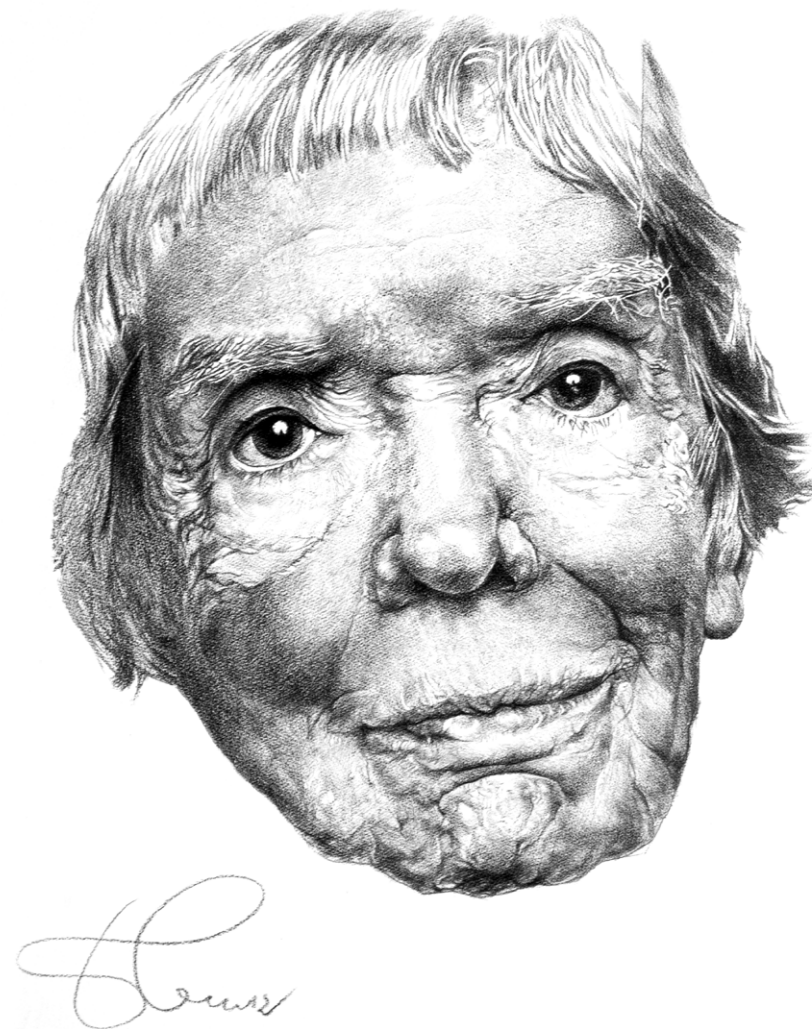
«Независимая газета»,
26 июля 2016 года

Ред. То есть в первом чтении ваши поправки учли?

Л.А. Учли, хотя все равно Закон остается варварским. Еще меня очень тревожит ситуация с церковными делами. Московский патриархат старается сделать православие государственной религией. Но все конфессии должны иметь равные права. А все остальные вероисповедания прижимают, в том числе и христианские, их объявляют сектами. В СПЧ намечено обсуждение этого вопроса. Что любопытно, тут меня активно поддержал Максим Шевченко, с которым мы расходимся во мнениях по многим вопросам. Он обычно акцентирует внимание на трудностях мусульман, а тут речь идет обо всех вероисповеданиях.

Ред. Людмила Михайловна, вернувшись в СПЧ на радость коллегам, вы ощутили дополнительно полезность Совета, актуальность его деятельности?

Л.А. Совет этот очень нужен. И Президент, и его Администрация считаются с ним, поэтому я и вернулась. И еще одно. За последнее время я почувствовала, насколько вырос наш председатель, насколько выросло наше государство, насколько уважительно к его профессионализму, у меня не было ощущения, что он всегда может отстаивать позиции членов Совета перед властью. Теперь я вижу, что он это делает последовательно и твердо.

Елизавета Глинка:

«Даже одна спасенная жизнь — это очень хороший стимул для дальнейшей работы»

Елизавета Петровна Глинка (родилась в 1962 году в Москве, трагически погибла 25 декабря 2016 года при крушении самолета Минобороны в Черном море), широко известная под псевдонимом Доктор Лиза, — российский филантроп, общественный деятель, самый известный в России организатор помощи безнадежно больным пациентам. Курировала работу хосписов в Москве и других городах России, в Киеве, а также в Армении и Сербии. Окончила Второй медицинский институт имени Н. И. Пирогова по специальности «Педиатрия».

В США, куда уехала с мужем, работала в хосписе, где была потрясена человеческим отношением к умирающим больным, окончила Дартмутскую медицинскую школу по специальности «паллиативная медицина» — стала специалистом в помощи неизлечимо больным детям и взрослым. В 2001 году основала первый на Украине бесплатный хоспис.

В 2007 году, вернувшись в Москву, основала Международную общественную организацию «Справедливая помощь», которая помимо онкологических больных стала заботиться о бедных и социально незащищенных пациентах, в том числе о бездомных. Решением общего собрания членов организации избрана исполнительным директором.

В ноябре 2012 года вошла в Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, входила в состав постоянных комиссий по социальным правам, по общественному контролю, по содействию ОНК, реформе пенитенциарной системы и профилактике правонарушений, а также в состав временной рабочей группы по мониторингу соблюдения прав человека на территории Украины. С началом боевых действий на Украине осенью 2014 года начала заниматься эвакуацией детей из зоны конфликта и доставкой гуманитарной помощи нуждающимся.

Награждена международной премией Фонда Андрея Первозванного «Вера и Верность», орденом Дружбы, премией в области прав человека «Номо Номини» («Человек человеку») за 2016 год. Лауреат Государственной премии Российской Федерации за выдающиеся достижения в области правозащитной деятельности за 2016 год. Трагически погибла в авиакатастрофе 25 декабря 2016 года. Награждена высшей наградой «Российского Красного Креста» — «Золотым сердцем», медалью Следственного комитета РФ и медалью Таможенной службы РФ посмертно.

Ред. Елизавета Петровна, какая информация о правах человека или о правозащитниках была у вас в советские времена?

Е.Г. Политикой, сразу скажу, я никогда не увлекалась, но читала советскую прессу и в то же время почти каждый день слушала «Радио Свобода». При сопоставлении этих источников у меня сложилось убеждение, что те, кого в СССР ругают едва ли не последними словами, стоят за справедливость, делают то, чего не делают другие, возможно, думающие так же. Я очень уважаю Людмилу Алексееву, а особенно меня впечатлила судьба Натальи Горбаневской¹⁰⁹. Женщина с грудным ребенком пошла на заведомо обреченный на расправу протест против советского вторжения в Чехословакию. Она для меня стала символом правозащитного движения.

Ред. Как вы восприняли перестроечное время, когда ситуация стала достаточно быстро меняться?

Е.Г. В перестроечное время я, в первую очередь, растила детей и провела эти годы в США. Конечно, слушала приезжавших из Союза о происходивших там переменах, сравнивала с тем, что видела в Америке. Но подчеркну: прежде всего меня занимало отношение к инвалидам, то, что все вокруг оснащено пандусами, отношение к психически больным, к страдающим синдромом Дауна, к другим людям, имеющим инвалидность. Вот эти все позиции я сравнивала с тем, что имели граждане Советского Союза. И первое, что я сделала, вернувшись уже на постсоветское пространство, — открыла хоспис в Киеве с условиями, максимально приближенными к тем, что видела на Западе. Он так и называется по сей день — Первый киевский хоспис.

Ред. Вы там бываете?

¹⁰⁹ Наталья Горбаневская (1936, Москва — 2013, Париж) — поэтесса, переводчица, правозащитник, участница диссидентского движения в СССР. 25 августа 1968 года с грудным младенцем на руках приняла участие в демонстрации на Красной площади в Москве против ввода советских войск в Чехословакию.

Е.Г. После начала конфликта на востоке Украины не была ни разу, но связь с людьми поддерживаю. Хоспис работает и сейчас.

Ред. Знали ли вы о деятельности Совета по правам человека до того, как попали в его состав, и при каких обстоятельствах вошли в него?

Е.Г. О Совете я знала от своей подруги Ирины Ясиной, а потом на меня вышли через организацию «Лиза Алерт», она так названа в память погибшего ребенка (по совпадению имен нас иногда путают). Предложили работать, при избрании членов Совета я прошла рейтинговое голосование. Потом состоялась беседа с Михаилом Александровичем Федотовым. Учитывая свою основную деятельность, я прямо спросила, сколько времени будет занимать работа в Совете. Он ответил, что возможно устраивающее меня совмещение. Я выбрала социальное направление: больницы, хосписы и тюрьмы.

Ред. Вы уважаемы и хорошо известны в мире под псевдонимом Доктор Лиза. Членство в Совете помогает вам в работе?

Е.Г. Для людей, занятых конкретными, насущными для них заботами, член я Совета или нет, — вторично, они на это не очень реагируют. Зато, и это важно, членство в Совете очень помогает при контактах с чиновниками. Это несколько осложнило мою работу в том смысле, что многие нуждающиеся в помощи пишут теперь по такому адресу: Совет по правам человека, Доктору Лизе.

Ред. Вы, наверное, как-то синтезируете эти потоки, ведь, по сути, поле деятельности у вас в «Справедливой помощи» и в Совете — одно?

Е.Г. Да. И просьбы поступают практически одинаковые, и помогают, консультируют одни и те же специалисты — врачи, адвокаты. Одна из форм совместной работы — посещение тюрем, когда там кто-то начинает голодовку. Мы не раз выезжали в таких случаях вместе с Михаилом Федотовым.

Ред. Какова результативность таких выездов?

Е.Г. Не хочется хвастаться, но из семи случаев моих выездов к голодающим акция была прекращена семь раз. Отговорить

начавших голодовку отказаться от нее — дело непростое, длительное. Один раз мои переговоры закончились в половине пятого утра. Тут еще многое зависит от того, на какой день голодовки меня позвали. Надо уговаривать, терпеливо склонять к компромиссам, разяснять, какой конкретный вред здоровью приносит акция. Удавалось

организовать поставку пищи «с воли», когда заключенный отказывался есть тюремную баланду, а как только голодающий говорит, что готов прекратить акцию, подключается Михаил Александрович, он моментально разясняет, какую жалобу надо составить и куда ее направить. Мы дополняем друг друга.

ПОЗИЦИЯ «Мне иногда невозможно осознавать разделение общества, в котором люди перестали слышать друг друга, используя по отношению к нам односторонние фразы: «сами виноваты» или «готовьтесь быть убитыми, потому что вы не там, где надо». Мы, правозащитники, вне политики, так же как и те люди, кого мы защищаем. Мы на стороне мира, диалога и сотрудни-

чества со всеми людьми.

<...>

Завтра я лечу в Донецк, а оттуда — в Сирию. Так же как и десятки других добровольцев, которые занимаются гуманитарной деятельностью. Мы никогда не уверены в том, что мы вернемся назад живыми, потому что война — это ад на земле, и я знаю, о чем говорю. Но мы уверены в том, что добро, сострадание и милосердие работают сильнее любого оружия».

Из выступления при получении Государственной премии Российской Федерации за выдающиеся достижения в области правозащитной деятельности, 8 декабря 2016 года

Ред. Чего вам удалось достичь за время работы в Совете?

Е.Г. При нашем непосредственном участии было издано постановление Правительства

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЛЕДСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

3.02.2015 № 6/4-1018
Москва

Экз. № 1

Советнику Президента Российской
Федерации, Председателю Совета
при Президенте Российской
Федерации по развитию
гражданского общества и правам
человека

ФЕДОТОВУ М. А.

Уважаемый Михаил Александрович!

Вам, а также Глинке Елизавете Петровне разрешается встретиться с обвиняемой по уголовному делу № 221601 Давыдовой Светланой Владимировной, содержащейся под стражей в ФКУ СИЗО-2 ФСИН России.

Следователь по особо важным делам
1 отдела Управления
подполковник юстиции

М.В. Свинолуп

России о бесплатном лечении детей, эвакуированных из зоны боевых действий в Донбассе, были приняты поправки в закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», была утверждена Концепция госполитики по увековечению памяти жертв политических репрессий, объявлено две амнистии. Тут, конечно, могу выразить сожаление. Наша инициатива об амнистии была реализована не в полной мере. На волю вышли не все люди из тех, кто мог бы освободиться, если бы Госдума приняла наши предложения полностью. Не всегда удается вытащить человека из СИЗО. Он находится в тяжелых условиях, хотя еще не обвинен, а вытащить не получается.

Но работа эта мне очень нравится. Я вижу, что можно оставаться человеком в любой

ситуации, и это стимулирует на трудную работу, на борьбу за то, чтобы и в тюрьме нельзя было издеваться над человеком, морить его голодом, насильничать.

Много я занималась тюремными больницами. К сожалению, не получилось создать специализированный туберкулезный хоспис — в первую очередь по финансовым, но и по другим причинам. Но вот больницу тюрьмы «Матросская тишина» удалось — не без наших усилий — вывести на нормальный уровень. Там работали в том числе доктора и медбратья из заключенных — от тюрьмы никто не застрахован. Сейчас оттуда не поступает никаких жалоб, условия содержания нормальные. Хотя это, наверное, ближе к исключению из правил. Ведь подобные учреждения всегда переполнены.

Из электронной переписки членов Совета
за 1 октября 2014 г.

ДОКУМЕНТ

Максим Шевченко – членам Совета:

Уважаемые члены Совета!

У меня есть поручение Михаила Александровича Федотова организовать поездку в Донбасс с целью изучения предполагаемых массовых захоронений. Я еду в четверг. Изъявляли готовность поехать Елизавета Петровна Глинка и Мара Федоровна Полякова. Но я так и не получил окончательного ответа по составу делегации. Не могу дозвониться до Елизаветы Петровны. Мара Федоровна еще не определилась. Поездка с четверга по вторник. Поездка очень тяжелая психологически и возможно опасная. Если завтра до полудня я не уточню возможности по поездке Елизаветы Петровны и Мары Федоровны, то я просил бы двух желающих присоединиться ко мне для полноты делегации СПЧ.

Логистику я беру на себя.

Предупреждаю, ехать придется через Ростов и штамп в паспорте ставится только российский — с украинской стороны погранслужбы нет. Это потом может быть проблемой при поездке, например, в Киев.

Член СПЧ

Шевченко М. Л.

Елизавета Глинка – Максиму Шевченко:

Максим, я могу поехать только после 14 октября, или встретить тебя там, так как, из-за вывоза раненых детей, пересекать границу я могу только официально.

Спасибо

Лиза

Ред. С кем из коллег по Совету вы лучше всего сработались, может быть, даже подружились?

Е.Г. В первую очередь это мои соратники по «украинской группе»: Женя Бобров, Максим Шевченко, Яна Лантратова. Люди все очень разные, и на события на Украине у них не одинаковая точка зрения. Яна, в отличие от меня, человек с ярко выраженным политическим темпераментом, я, напоминая,

аполитична, но вот сумели хорошо работать. Кроме того, нашла товарища в лице Андрея Бабушкина, дружу с Людмилой Алексеевой.

Ред. Вопрос в связи с «украинской группой». Уже давно и неоднократно отмечено, что роль украинских правозащитников в разрешении конфликта, попытках помочь его жертвам практически не просматривается.

Е.Г. Вначале некоторые контакты были. Украинские правозащитники опосредованно участвовали в эвакуации детей из Краматорска. Это была самая трудная эвакуация в моей жизни, и она прошла успешно. Но потом и Уполномоченный по правам человека, и Уполномоченный по

правам ребенка как-то устроились, они не способствовали приезду детей на лечение в Киев и Харьков. Я несколько раз обращалась к украинскому Уполномоченному по правам ребенка Николаю Кулебе — ответа не было. А потом началась блокада.

ПОЗИЦИЯ «Почему-то никто не пишет, что мы оказываем помощь еще и Киеву, и Харькову. Пересылаем туда необходимые лекарства, которые сейчас в дефиците на Украине. Правда, когда недавно мне заявили, что, мол, я помогаю детям сепаратистов, я была потрясена до глубины души. Они детей делят на сепаратистов и несепаратистов! Почему происходит эта война? Этот вопрос я задаю

себе каждый раз, приезжая в Донецк и Луганск. Но, если я буду об этом думать, у меня не останется сил спасать детей. Моя задача — молча помогать. Но на войне понимаешь, как хрупок мир. Я уже давно не строю планов на будущее. Живу одним днем».

Фрагмент интервью газете «АиФ»,
30 сентября 2015 года

Ред. Причина политическая, боязнь киевских властей?

Е.Г. Другой причины я, честно говоря, не вижу. До этого мы общались, вполне понимая друг друга.

Ред. Известно, что у вас возникли разногласия с Международным комитетом Красного Креста. Это ведь гуманитарная организация, охраняющая главное право человека — право на жизнь, верно?

Е.Г. Да, верно. Но в МККК для каждой страны действует свой устав. Во всяком случае, когда мы за три дня до разрушения донецкого аэропорта, когда он еще был в руках украинской стороны, пытались доставить туда противостолбнячную и противогангренозную сыворотки, помощи нам Красный Крест не оказал. Пришлось применить «терапию отчаяния». Мы с Эллой Памфиловой

и Эллой Поляковой, членом Совета и главой санкт-петербургского Комитета солдатских матерей показывали сопроводительное письмо каждому таможеннику, упрашивали. А через три дня аэропорт был взят. Я сказала тогда, что Красный Крест принимает политизированные решения. Они не способны помочь пострадавшим и раненым.

Правительство Российской Федерации постановляет:

1. Установить, что гражданам Украины и лицам без гражданства, постоянно проживавшим на территории Украины, вынужденно покинувшим территорию Украины и прибывшим на территорию Российской Федерации в экстренном массовом порядке, за исключением лиц, в установленном порядке признанных беженцами, которые в соответствии с Федеральным законом «О беженцах» имеют право на медицинскую помощь наравне с гражданами Российской Федерации (далее — граждане Украины и лица без гражданства), медицинская помощь оказывается в соответствии с Правилами оказания медицинской помощи иностранным гражданам на территории Российской Федерации, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 6 марта 2013 года № 186 «Об утверждении Правил оказания медицинской помощи иностранным гражданам на территории Российской Федерации», с учетом особенностей, установленных пунктом 2 настоящего Постановления.
1. Установить, что федеральными государственными бюджетными учреждениями, подведомственными Министерству здравоохранения Российской Федерации и Федеральному медико-биологическому агентству, и медицинскими организациями, подведомственными органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления, гражданам Украины и лицам без гражданства в 2014 году бесплатно:
 - оказывается первичная медико-санитарная помощь и специализированная, в том числе высокотехнологичная, медицинская помощь в неотложной форме при заболеваниях и состояниях, включенных в программу государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи;
 - проводятся профилактические прививки, включенные в календарь профилактических прививок по эпидемическим показаниям.

Из Постановления Правительства РФ от 31.10.2014 № 1134 (в редакции от 18.02.2015) «Об оказании в 2014–2015 годах медицинской помощи на территории Российской Федерации гражданам Украины и лицам без гражданства, постоянно проживавшим на территории Украины, вынужденно покинувшим территорию Украины и прибывшим на территорию Российской Федерации в экстренном массовом порядке, и компенсации за счет средств федерального бюджета расходов, связанных с оказанием им в 2014–2015 годах медицинской помощи, а также затрат по проведению указанным лицам профилактических прививок, включенных в календарь профилактических прививок по эпидемическим показаниям»

Ред. Какие актуальные задачи вы сейчас решаете?

Е.Г. На заседаниях Совета по «украинской группе» в очередной раз будем бороться с нашими чиновниками, на которых приходят пачки жалоб.

Ред. Насколько, по вашему, актуальна работа Совета в нынешней России?

Е.Г. Я считаю, что Совет по правам человека достаточно эффективен, его деятельность затрагивает интересы большого количества людей. Все врачи, адвокаты, специалисты,

участвующие в работе Совета, представляют гражданское общество страны в его диалоге с властью. Диалог этот необходим, и по документам деятельности Совета видна его продуктивность. Хотя, что уж там говорить, если бы удавалось реализовать все документы, которые мы готовим... Если бы все чиновники умели нормально слушать! По чиновникам я бы дала примерно такую оценку: 70% способны только кричать, с 30% можно сотрудничать. Но, вы знаете, даже одна спасенная жизнь — это очень хороший стимул для дальнейшей работы. Совет нужен, и перспектива у него, безусловно, есть.

Даниил Дондурей:

«Совет — единственная структура, которая может быть не согласна с линией Президента»¹¹⁰

Даниил Борисович Дондурей (родился в 1947 году в Ульяновске, умер 10 мая 2017 года) — российский культуролог, социолог и кинокритик. Окончил Пензенское художественное училище имени К. А. Савицкого, факультет теории и истории искусства Института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина и аспирантуру Института социологии Академии наук СССР по специальности «Социология искусства». Кандидат философских наук.

С 1993 года — главный редактор журнала «Искусство кино». С 2001 по 2012 год — член коллегии Министерства культуры. Член Союза художников СССР (1979), Союза театральных деятелей СССР (1982), Союза кинематографистов СССР (1988). Долгое время занимался наукой — работал в Институте истории искусств, в НИИ культуры РСФСР, и в Институте киноискусства, составлял и публиковал сборники по истории и теории визуальных искусств. В 1986 году организовал сенсационную XVII Московскую молодежную выставку, впервые легализовавшую «неофициальное» искусство.

Печатался в различных изданиях, регулярно выступал на радио и телевидении. Член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека с 1 февраля 2011 года. Председатель Постоянной комиссии по культурным правам, образованию и науке, входил в состав постоянных комиссий по свободе информации и правам журналистов, по гражданскому участию в модернизации экономики. Лауреат многочисленных премий: «Ника», Союза художников, «Литературной газеты», журналов «Литературное обозрение», «Смена», «Декоративное искусство» и других. Посмертно награжден Премией Правительства РФ в области средств массовой информации.

¹¹⁰ В интервью использованы фрагменты выступлений Д.Б. Дондурея на заседаниях Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека.

Ред. Даниил Борисович, не связано ли ваше тяготение к правозащитной тематике с тем, что в семье были репрессированные?

Д.Д. Было и это. Расскажу об отце. Он родился в 1914 году, родители умерли от страшного голода в Поволжье. Воспитывался в детдоме, потом получил два образования. Войну прошел всю — от Польши в 1939-м до Праги в 1945-м. Причем не в штабах: он как военный инженер командовал ротой, занимавшейся ремонтом оружия, все время был на передовой. Был ранен и контужен. В 1947 году отец, будучи главным инженером военной базы в Рязани, уволил одну бездельницу, а она оказалась любовницей начальника 1-го отдела. Вскоре отец стал японским, а заодно и английским шпионом. Это статья 58–10 УК РСФСР, за которую давали или 25 лет, или 10 — через раз. Тут отцу повезло, он получил «десятку» и работал по специальности, его не били урки. Освободился после ссылки в 1957-м, вернули награды и партбилет. Прочитал, какие показания давали на него близкие друзья...

Ред. Как это повлияло на его сознание?

Д.Д. Я думаю, его, как и многих, можно причислить к «детям двоемыслия». Он сам мне говорил, что на работе, в своем строительном управлении, на каждом шагу приходится нарушать закон — иначе дело не сделаешь, и при этом принимал поздравления от всяких партийных шишек. Но он понимал, что изменить это нельзя. Оставалось жить и мечтать о поездке в Болгарию. Честно говоря, и сейчас многие живут таким образом: ни во что не вмешиваться, забывать опасное и неприятное, но чтобы на прилавках было 300 сортов колбасы.

Ред. Как судьба отца повлияла на вас?

Д.Д. Я пришел к выводу, что наша жизнь в своих истинных внутренних формах и взаимодействиях не будет изучаться. Принципы того, как она устроена, — сам «порядок вещей» в России. (Сейчас понятие «культурные коды», но с другим подтекстом, употребляют сотрудники Администрации Президента в записках главе государства.) У нас не будет изучаться «русский мир», российский тип сознания.

В студенчестве я часто ездил из Ленинграда в Таллин и ощущал, что там в головах у людей другая программа жизни.

Я поступил в аспирантуру Института социологических исследований Академии наук СССР, которым руководил академик М. Н. Руткевич. Отдел социологии культуры, чем я в первую очередь занимался, был в начале 70-х годов закрыт, а там работали мои замечательные руководители И. С. Кон и С. А. Давыдов. Я перешел к профессору В. А. Ядову, будущему директору Института, и защитил диссертацию о влиянии культуры на личность. Речь шла о поведении в сфере культуры, о том, что люди должны «семафорить» желаемый тип поведения, следить за тем, как нас воспринимают. Задача была разобраться с понятием массовой культуры. Тем не менее были сомнения, что удастся защититься. Меня обвинили в том, что я подпал под буржуазное видение социологии, ведь тогда утверждалось, что у нас в Советском Союзе массовой культуры нет. В итоге я получил семь «черных шаров». Откровенно «против» выступили два члена-корреспондента Академии наук. Но Руткевич был очень доволен, говорил, что это пример настоящей научной дискуссии. С тех пор я всю жизнь занимаюсь социологией культуры.

Ред. А в перестроечное время?

Д.Д. В 1987 году, после V съезда Союза кинематографистов СССР, все пришло в движение. Киношники тогда стали самым настоящим авангардом перемен. На территории Кремля они отказались утвердить руководителей, предложенных Политбюро! Начался пересмотр идеологии, открывались какие-то шлюзы. Меня позвал в журнал «Искусство кино» Алесь Адамович, там я большинством был избран главным редактором. Нашему журналу пошел 86-й год, он один из старейших в Европе. Библиотека Конгресса США пересняла для всего русскоязычного мира наш архив.

Ред. Значит, в то время ваша гражданская позиция совпала с творческой работой?

Д.Д. Мы добивались снятия с полок запрещенных фильмов, в частности таких, как «Комиссар» Александра Аскольдова. Тогда же я стал заниматься системным анализом не только театра, изобразительного искусства, кино, но и телевидения. Пытался доказать, что культура — это не только искусство, это и бизнес, и производство, и международное сотрудничество.

Сотрудничество гражданских структур и государственных институтов — это и есть гражданское общество. Не может министр культуры исходить из того, что он отвечает только за художественную культуру. Государство, конечно, важный игрок, но только один из многих. Есть еще

творческие сообщества, бизнесмены, различные фонды, союзы потребителей культуры. Сегодня государству, к сожалению, не нужны так называемые сложные люди. Посмотрите на нынешнее телевидение, все интеллектуальные программы убраны, идут только глубокой ночью.

ПОЗИЦИЯ «Российская культура «круче» любой власти. Когда-то она не разрешала Эфроса, Любимова и Тарковского, потому что подозревала в них своего могильщика... Вот и сегодня, позволяя людям тратить свои деньги на помощь другим, она, слава богу, не догадываясь об этом, готовит волонтеров, призванных многое изменить в будущем. Именно они, на мой взгляд, сохранят потенциал нашего

развития. Да-да, настоящие обновленцы — те, кто добровольно тушит лесные пожары и помогает смертельно больным детям».

Фрагмент интервью «Новой газете»
21 ноября 2012 года

Ред. А людей, которые в то время занимались правозащитной деятельностью, вы знали, были знакомы с их работой?

Д.Д. Я этих людей знал, встречал на конференциях, видел на телеэкранах. Для большинства людей наш Совет — прежде всего орган защиты обездоленных. Он занимается тюрьмами, острогами, дедовщиной в армии, миграцией, насилием над детьми и проводит с Президентом беседы, отправляет ему челобитные по поводу тех людей, чьим правам нанесен ущерб. Я этих правозащитников высоко ценю, одобряю их деятельность, слава богу, что они этим занимались и занимаются. Но я все же был занят другим, и сейчас мне в деятельности Совета ближе всего именно задачи скрытых, обусловленных культурными предписаниями институтов развития гражданского общества.

Ред. Как вы попали в Совет?

Д.Д. Мне позвонил Михаил Александрович Федотов, мы знали друг друга, я его иногда

консультировал по вопросам телевидения. Он был в Союзе журналистов председателем Большого Жюри, которое решало спорные вопросы по прессе, а я был ее членом. Михаил Александрович мне сказал, что для работы в Совете нужен культуролог, я согласился войти в его состав. Состав был утвержден Президентом Медведевым, с января 2011 года я приступил к работе.

Ред. Каковы основные направления вашей деятельности?

Д.Д. Я стал председателем Комиссии по культурным правам. На мой взгляд, очень важно осознание места медиа, других институтов культуры. Именно они — через свой контент — производят массовые представления людей о жизни. Телевидение, радио, Интернет, художественная культура, школа, семья... Телевидение выполняет сейчас роль церкви в Средневековье: это и религия, и инквизиция, и мораль, и просвещение, и семья.

ДОКУМЕНТ

Совет, заслушав на своем специальном заседании доклад и сообщения представителей журналистского сообщества, телеканалов, федеральных органов исполнительной власти, а также экспертов, констатирует:

Федеральные телеканалы по-прежнему остаются самыми влиятельными СМИ в стране, однако уровень доверия к ним среди наиболее образованной части населения страны неуклонно снижается. Это является следствием того, что в общенациональном телеэфире доминирует исключительно точка зрения политического большинства, а позиции отдельных социально значимых

групп населения фактически не представлены. Подобная тактика не способствует сопоставлению различных точек зрения и выработке общественного консенсуса. Без плюрализма, в том числе информационного, невозможна консолидация общества в демократическом правовом государстве.

Ни федеральные, ни региональные власти ничего не предпринимают для реализации провозглашенного в начале 2000-х годов и подтвержденного в 2011 году курса на постепенное разгосударствление своих гигантских медийных активов. Напротив, роль государства в формировании телевизионной стратегии каналов постоянно растет.

На федеральных телеканалах фактически действует скрытая цензура в освещении политических, социальных и экономических проблем («темники», «стоп-листы» и т.п.), что идеологически прикрывается тезисом «Кто платит, тот и заказывает музыку». Журналисты и продюсеры, пытающиеся найти оправдание своей независимой позиции ссылками на общественные интересы, оказываются на улице.

Доминирование государства на телевизионном рынке не дает адекватной картины разнообразия современного российского общества.

Наблюдается неуклонное – под предлогом защиты государственных интересов – сокращение частотных, рекламных и иных ресурсов негосударственных телеканалов, стремящихся сохранить независимую редакционную политику. Создавая максимально некомфортные условия таким телеканалам для получения дохода, власти, с одной стороны, навязывают им зависимость от государства, а с другой – подрывают принципы добросовестной конкуренции. Программа перехода на цифровое вещание могла бы стать эффективным средством обеспечения информационного плюрализма, но только при условии отказа от политики сохранения и, тем более, расширения государственного присутствия при формировании мультиплексов.

Затянувшийся процесс создания федерального общественного телеканала наглядно демонстрирует органические недостатки избранной для реализации модели: отсутствие всеобщего доступа к телеканалу, отсутствие у него экономической и редакционной независимости, отсутствие реальной интеграции общественности в его деятельность, отсутствие прозрачности его органов управления.

В этой связи Совет считает необходимым рекомендовать:

- законодательно ограничить концентрацию электронных СМИ в руках государственных и муниципальных органов власти;
- пригласить Совет по общественному телевидению и Наблюдательный совет Общественного телевидения России к большей открытости своей работы с тем, чтобы налогоплательщики страны имели исчерпывающую информацию о том, на что тратятся их деньги, выделенные на создание общественного телевидения;
- разработать и законодательно закрепить механизм перераспределения доходов от рекламы с целью поддержки плюрализма в телевизионном эфире;
- пригласить руководителей государственных телеканалов к выработке прозрачных механизмов создания и функционирования общественных попечительских советов, предусмотренных Указом Президента РФ от 20.03.1993 № 337 «Об информационной стабильности и требованиях к телерадиовещанию»;
- разработать и законодательно закрепить механизмы государственно-общественного финансирования дискуссионных общественно-политических передач на федеральных телеканалах;
- разработать и законодательно закрепить механизм прозрачных тендеров на получение государственных грантов на освещение конкретных общественно значимых проблем с одновременным разыгрыванием эфирного времени;
- разработать, принять и обнародовать этические кодексы, обязательные для всех сотрудников государственных телеканалов;
- пригласить руководство Общественного телевидения России к постоянному сотрудничеству с Советом при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека с тем, чтобы создаваемый институт занял подобающее ему место в системе гражданского общества страны.

Из Рекомендаций Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека по итогам специального заседания на тему «Плюрализм современного телевидения и гражданское самосознание»,
18 февраля 2013 года

Ред. Как все это было формализовано?

Д.Д. Важный результат моей работы: вместе с Михаилом Александровичем мы разрабатывали концепцию Общественного телевидения России, и мне выпала честь быть докладчиком, когда этот проект утверждался. Присутствовали Иванов, Володин, Громов, Сурков. Возникла дискуссия о том, как формировать Попечительский совет. Президент Медведев предложил делать это по квотам, а я выдвинул репутационный критерий. Ну что нужно прибавлять, когда произносится имя доктора Рошаля или Чулпан Хаматовой? Президент тогда доброжелательно улыбнулся. Правда, предложение это не прошло.

Мы организовали крупные дискуссии о роли СМИ в современном обществе. Мы все знаем, что мы перешли в информационное общество примерно 25–30 лет назад. Информационное общество невероятно удобно в этом смысле, потому что оно гуманистично. Не надо использовать реальное насилие. Не надо больше, как с 1930 по 1932 год, убивать 8 миллионов человек голодом для того, чтобы провести коллективизацию. Сегодняя этого не надо. Все сделает информационное общество.

Никто 15 месяцев назад не знал, что одним из самых в публичном пространстве повторяемых слов будет слово «фашизм»... Исчезла величайшая советская ценность, вообще испарилось. Ценность «лишь бы не было войны» — сегодня этой ценности нет. Язык фиксирует неформальные практики, особенно в такой сложной культуре, как русская культура, основанной на русском языке. Вы же знаете все эти слова, которые год назад были невозможны: «национал-фашисты», «либерал-фашисты», «иностранные агенты», «фашистские свиньи» в Киеве. Это все с экрана первых каналов нашей страны. Это очень опасно.

У радикализации много негативных последствий. Но я хочу обратить внимание на одно: двукратный рост плохих ожиданий для самих граждан, для экономики и для политической жизни России в целом, несмотря на единство страны. Это парадокс, и это какое-то двоемыслие... Если люди считают, что в их собственной жизни, в жизни их страны, в жизни их детей, в жизни их политиков, в жизни их руководителей все будет хуже, чем сейчас, то это, по-моему, безмерно опасно. Я думаю, что мы все должны объединиться и вместе с государством, властью,

институтами, связанными с производством смыслов, для того, чтобы этого не допустить.

Я несколько раз выступал на встречах Совета с Президентом по этим вопросам. Говорил, что механизм рейтинга отрицательно скажется на общественном сознании, экономике, социальных отношениях, морали. Высокий рейтинг обеспечивает демонстрация насилия. Президент устроил дискуссию. Большинство со мной не соглашалось, а он меня защищал, сказал, что тут надо подумать, что действительно нельзя показывать полторы тысячи убийств в неделю. Я предъявлял статистику, замеры, экспертные выкладки – как социолог. Ведь тут встает опасная тема госконтроля, идет вымывание независимых точек зрения. На ТВ нет сейчас мировоззренческих альтернатив, нет сложных тем, ничего не говорится о морали. В Интернете большая проблема — защита интеллектуальной собственности. В результате трех заседаний Совета при активном участии Михаила Федотова мы выдвинули инициативы по этому вопросу. Сейчас они в работе.

Ред. 25 июня 2014 года вы выступали на совместном заседании вашего Совета с Советом при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству. Заседание было посвящено обсуждению проекта Основ государственной культурной политики. В чем вы старались убедить коллег?

Д.Д. Я говорил о том, что у нас культурой принято гордиться, употреблять это понятие в разных контекстах, восхищаться отечественными гениями, памятниками, театрами, музеями, их мировым признанием. Но, по сути, понимание культуры обычно сводят к трем видам человеческих практик: к просвещению и воспитанию, к идеологии и пропаганде, а чаще всего — к созданию и употреблению в свободное время специфических произведений, благ и услуг, к нашему пребыванию в созданной авторами так называемой второй реальности или, еще хуже, к поднадзорному Минкультуре пространству. В сущности, к чему-то отдельному от так называемой большой жизни — от экономики, от социальных международных отношений, от политики, от проблем безопасности, семьи, здравоохранения. Об этом говорится всегда отдельно, без каких-либо контекстов и привязок к культуре, а потом — о культуре, если о ней вспоминать.

Вот и в проекте «Основ государственной культурной политики» декларируется важнейшая общественная миссия культуры как инструмента передачи новым поколениям свода нравственных ценностей, способности к гражданскому единству, определению и достижению общих целей развития, но затем постепенно стратегические задачи культурной политики привычно ограничиваются сохранением наследия, защитой русского языка, созданием цифровых архивов, развитием национальных культур, повышением запросов зрителей, слушателей и читателей, особенно молодежи. Арсенал перечисленных проблем, как говорится, до боли знаком еще со времен позднего Брежнева. И, что очень важно, во всех случаях, во всех контекстах эти понимание, интерпретация, размышление остаются в рамках самостоятельной, отдельной, независимой — или зависимой в каких-то теоретических обоснованиях — сферы человеческой жизни.

В проекте косвенно говорится о культуре как определяющем средстве совершенствования общества, в силу способностей человека выраженном в типах и формах организации людей, упоминается и о человеческом капитале, способе и правилах национальной жизни, живом процессе повседневного ежесекундного программирования культуры. Но, к сожалению, никто не будет ассоциировать с культурой, к примеру, трудности построения в России несырьевой экономики, или зафиксированное социологами в октябре 2013 года отторжение большинством населения рынка и частной собственности. Или такое важнейшее, влияющее на все сферы жизни (от семейных отношений до оснований финансовой деятельности и инвестирования в Россию) явление, как недоверие всех ко всем.

Ред. Можно подробнее?

Д.Д. По данным 2013 года, более 71% граждан «не доверяют» другим людям, а 59% наших граждан не доверяют никому, кроме собственной семьи. Это ужасающая культурная деталь, фиксация культурного положения вещей. Обыск в 4 часа утра или отсутствие мест для отдыха обвиняемых во время перерыва в судах — это тоже культурные нормы, напрямую влияющие и на объемы приходящих в страну инвестиций, и на вывод капитала из нее. Дело в том, что у нас нет заказа на подобные измерения, исследования — нет потребности в них,

и кажется иногда, что они чуть ли не табуированы. Будто сама культура не подпускает нас к своим секретам, иначе чем объяснить тотальное отсутствие аналитики главного института в производстве и потреблении культуры в постиндустриальном мире — телевидения? А ведь мы специально одно из заседаний именно этому посвящали, и именно сегодня телевидение изготавливает представление людей о смыслах жизни, целях их существования, и, кроме того, что оно является первым среди пятисот занятий всех сфер нашей жизни, на него население Российской Федерации тратит в шесть раз больше времени, чем на все виды художественной культуры вместе взятые.

У нас нет публичных площадок, навыков, желания изучать ментальные, моральные, мировоззренческие системы и коды, образцы поведения (так называемые паттерны всевозможных социальных действий) и так далее — все то, что невидимым образом передается из века в век, из XVI — в XXI: ни наследие Византии, ни двоемыслие, ни авторитарный тип правления, ни личные связи и блат как компенсация того самого недоверия, которое мы все знаем и видим (и социологи это фиксируют), ни поистине средневековые страхи в отношениях с Западом. Культурная политика понимается узко, в сущности, как сопоставимая со спортом и инвестицией в национальные, действительно очень важные культурные бренды: Большой, Мариинский, Пушкинский, Эрмитаж, Год культуры, защита русского языка.

Ред. То есть, именно культура определяет развитие страны?

Д.Д. Россия — известная «страна слов». Зафиксируем это. Мы знаем, что после мая 2013 года из отечественного словаря исчезли такие выражения, как, например, «модернизация», «инновации», «реформы». Появились «духовные скрепы», «подавляющее большинство граждан», «в пьесах можно усмотреть». А ведь это указатели оценок, понимания, так сказать, обозначения колеи предпочтений. Некоторые такие объяснения происходящего в противоречивом, достаточно противоречивом — судя по многим качественным исследованиям — пространстве нашей жизни и его понимании большим социальным сообществом.

Но и эти определения не позволяют ответить на многие вопросы: например,

не связано ли наше лидерство в Европе по подростковому суициду (мы тут абсолютные «чемпионы» Европы, причем, по некоторым оценкам — многократные) с необеспеченностью, скажем, детей в возрасте 11–17 лет жизнеспособными моделями будущего, культурными образами реакций на вызовы реальности, с которыми они сталкиваются и в семье их не получают, в телевизоре тоже... не получают, на улице и в подростковой среде — тоже.

У нас нет дискуссии о культурных факторах, например о тоже беспрецедентном количестве разводов, аборт, об употреблении наркотиков, смертях на дорогах, неполных (нуклеарных) семьях и тому подобном. Это не обсуждается, это не связано с культурой, это как бы само по себе, это какое-то пространство правоохранительных органов, правительственных учреждений, каких-то специально ответственных за это госструктур. Не обсуждается природа сохранения, например, мобилизационного сознания с его психологией охраны границ, выявления врагов, жертвенности, запретов, формирования принципов патриотизма именно в **военное**, но не в мирное время. Это видно по количеству заказанных фильмов: они почти наполовину о войне. А почему о войне?

Нет оценки того, почему, по данным социологов, ради порядка и стабильности (это совершенно новое явление) наши соотечественники сегодня готовы пожертвовать свободой или считают неправильным критиковать государство — неправильным, непатриотичным, оскорбляющим нацию. Это серьезные вопросы, которые определяют очень многие сферы деятельности, решения политиков, восприятие большими социальными группами.

Возьмем, казалось бы, чисто экономический показатель, такой, который в культуре и произносить как-то неловко, — производительность труда: в нашей стране она в три раза ниже, чем в Германии и Франции, и в 3,5 раза ниже, чем в США и Норвегии. Но ведь мы понимаем: это обстоятельство обусловлено многими сотнями факторов — далеко не только уровнем развития технологий, изношенностью каких-то производств или уровнем их организации. Во многом это результат и качество таких вещей, как солидарность, кооперация, сотрудничество, межличностное доверие, открытость к изменениям.

Ред. Это можно подтвердить социологическими замерами?

Д.Д. Безусловно. Вот, я только что получил последние данные международных исследований (их проводит Институт социологии Академии наук в 30 странах совместно с организациями этих 30 стран): мы на последнем месте в мире по так называемому критерию открытости к изменениям — российские граждане не открыты к изменениям, они готовы сохранить и законсервировать уже существующее, это очень важный культурный синдром, фактор, который на многое влияет.

Или, например, влияет ли культура на степень прозрачности и достоверности используемой информации о происходящем: каждый прекрасно понимает, что главным творцом в нашей стране, конечно же, является главный бухгалтер любого предприятия, и это приводит к тому, что, по официальным данным Росстата, у нас 25% экономики в тени, а Всемирный банк считает, что до 40%. И это все тоже удобные предписания.

Мне представляется, что культурная политика связана не только с доказательством необходимости «увеличить финансирование соответствующих учреждений», «развивать способность людей к эстетическому восприятию мира, их стремление проявлять добросердечие и целомудрие» — это все цитаты из обсуждаемого документа. По сути, культурная политика связана со способностью государства и общества в значительной степени **перезагрузить** программы как самих приоритетов, так и понимания культуры, как чрезвычайно системной, всепроникающей формы человеческих практик, которая программирует все действия, а не только является — хотя это важнейшая функция — передачей опыта поколений.

Ред. Вы считаете, что именно через продвижение культуры можно обеспечить развитие гражданского общества и защиту прав человека в России?

Д.Д. Налицо опасный ценностный синдром, который сегодня исповедуют 60% городского населения страны — шестьдесят! — и здесь тенденция: чем больше город, тем более ксенофобные, тем менее толерантные. Что это значит, что в связи с этим делается, какие сериалы заказываются, какие программы существуют, какие деньги

отпускаются?.. Готовы ли мы заниматься проектированием мировоззренческих картин мира, отвечающих новым вызовам времени, в частности, например, участвовать в международном разделении труда? Сегодня существуют чрезвычайно сложные экономические цепочки, которые связывают множество стран, для того чтобы на деньги одних стран, технологии других стран, рабочих пятых стран продавать в оставшиеся сто стран мира — это другая философия, это другие культурные предписания, это другое поведение, это другое воспитание в школах, это другой разговор на улицах и так далее.

Понимаем ли мы то, чего, в общем, по существу, сегодня очень мало или почти нет, — способы противостояния государства и гражданского общества и механизмы коммерциализации культуры? Все об этом говорят, какие-то денежки отпускаются, какие-то фонды что-то делают, но на самом деле серьезного противостояния и понимания, что культура не измеряется количеством, нет. Это невероятно важная мысль о том, что у культуры совершенно другие, **не экономические** в простом смысле слова измерительные процедуры и показатели.

Научились ли мы осознавать, что именно культура обеспечивает или не обеспечивает **основной** тип конкуренции будущего, и, естественно, это конкуренция за качество личности: не за территории, не за энергоресурсы, не за охрану границ, не за военную мощь и количество атомных подводных лодок, а за качество вот этого самого человеческого капитала. Экономисты привыкли рассматривать его так, как будто бы люди — работающие, производящие и получающие какие-то блага, услуги и так далее — неживые. Такие слова, как сложность личности, самостоятельность, креативность, вы никогда у них не найдете.

Мне представляется, что без перезагрузки, в том числе и гражданского общества, ничего не получится: важно понять, почему люди, с одной стороны, например, не доверяют государству, а с другой стороны, только на него и надеются и жаждут патернализма и всех видов защиты своих личных практик. Чем объяснить идущее из глубины веков недоверие и неуважение к «частному человеку», к зонам приватности, к этому типу пространства? Можно ли изменить причину, по которой существенное уменьшение прав и свобод в последнее время нацией воспринимается достаточно анемично?

Ред. А как это сказывается на работе Совета?

Д.Д. Мы в нашем Совете постоянно перетягиваем канат с разными государственными ведомствами по поводу ущемления, например, прав человека, но, в сущности, очень мало занимались общими проблемами. Кажется, что это не наше, когда есть конкретные драмы, проблемы, законы, неувязки, связанные с защитой этих прав, то есть прав человека. Ни разу не обсуждалась природа положения вещей: как государство относится, например, к гражданскому обществу, не символическим и не симуляционным ли является бесконечное количество общественных советов, задача которых — провести в жизнь решения Росстата? Как это все устроено — как понимается человек на фоне того, что можно кого-то спасти, помочь? Поэтому наш Совет по развитию гражданского общества и правам человека этим редко занимаются. Даже когда пресса пытается кратко обозначить, например, нашу структуру, всегда речь идет только о правах человека. А все права человека зависят от культуры, этих самых предписаний, матриц, кодов, от этих жестких, чрезвычайно **жестких** запретов: что можно, а что нельзя, как мы будем жить.

Многое определяется тем, как люди у власти — от высокопоставленных экспертов до конкретно Силуанова, Шувалова, Медведева — понимают культуру. Экономисты и юристы всегда понимают ее только в узком смысле, и ничто в их жизни не ставит под сомнение такое видение культуры. Мы можем проводить Год культуры, потом Год литературы, Год театров, Год кино или музеев. Где-то удастся провести разовое заседание Госсовета, где-то удастся добыть немного денег, принять закон, что-то отремонтировать, но существенных изменений реальной государственной культурной политики, по моему мнению, к сожалению, без системного пересмотра (к которому, мне кажется, никто из нас, в сущности, не готов) не получится.

Наличие независимых от государства плюралистичных и высоко профессиональных СМИ, реально обеспечивающих развитие гражданского общества, является одной из важнейших гарантий информационной безопасности России, тогда как продолжающееся вытеснение достоверной, разнообразной (по источникам, позициям, формам представления) и сбалансированной информации односторонней, не отвечающей журналистским стандартам пропаганды ведет к отмиранию социальной коммуникации по важнейшим темам внутренней и внешней политики, к повышению градуса агрессии, расцвету идей насилия, национализма и экстремизма.

Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека выражает крайнюю озабоченность в связи с многочисленными фактами, складывающимися в общую картину наступления на профессиональную и качественную журналистику гражданского общества — от безудержного повышения подписных тарифов на газеты и журналы до административного преследования имеющих собственное мнение интернет-СМИ, организации кампаний травли отдельных журналистов.

Практика государственной поддержки СМИ на федеральном и, в особенности, на региональном уровне привела к переманиванию профессиональных журналистов в сферы пропаганды и пиара, а действующие механизмы «договоров об информационном обслуживании» все больше превращают содержимое СМИ в сплошную осанну соответствующему мэру или губернатору — вне зависимости от их реальных заслуг перед населением. Отсутствие реального контроля со стороны общества за формированием и использованием госбюджетов всех уровней приводит к тому, что и в регионах, и в министерствах и ведомствах все больше и все менее эффективно расходуются бюджетные средства, выделяемые на так называемые «формирование имиджа» власти, «информирование о деятельности» органов управления и т.п.

<...>

Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, полагая свободу массовой информации одним из важнейших устоев демократического правового государства и опираясь на Конституцию и законы страны, считает необходимым поддержать журналистику гражданского общества и честные, профессиональные, законно действующие и этически мотивированные СМИ вне зависимости от формы собственности, направленности редакционной политики и эстетических привязанностей.

В этой связи Совет считает необходимым рекомендовать:

1. Вернуться к вопросу о законодательном закреплении мер государственной поддержки СМИ, используя положительный опыт применения Федерального закона от 01.12.1995 г. № 191-ФЗ «О государственной поддержке средств массовой информации и книгоиздания в Российской Федерации» и Федерального закона от 24.11.1995 г. № 177-ФЗ «Об экономической поддержке районных (городских) газет».

<...>

4. Просить Верховный Суд Российской Федерации продолжить работу над совершенствованием судебной практики применения Закона РФ «О средствах массовой информации» с учетом изменений в законодательстве и развития интернет-технологий. Добротную концептуальную основу для работы на этом направлении составляют принятые в последние годы постановления Пленума Верховного Суда РФ (2005, 2010 гг.), а также прецедентное по сути определение Судебной коллегии по административным делам от 19.03.2014 г. по делу о прекращении деятельности ИА «Росбалт», в котором отмечается, что «неоднократные нарушения закона в совокупности должны быть столь существенными, чтобы позволить суду - с учетом всех обстоятельств дела, включая оценку характера допущенных средств массовой информации нарушений и вызванных им последствий, - принять решение о прекращении деятельности данного средства массовой информации в качестве меры, необходимой для защиты прав и законных интересов других лиц».

Целесообразно также обобщить и проанализировать судебную практику по уголовным делам, связанным с профессиональной деятельностью журналистов (в частности, о клевете, оскорблении представителя власти и т.д.).

Нуждается в правовой позиции высшей судебной инстанции и вопрос о правомерности блокировки сайтов без объяснения причин и предоставления возможности исправить нарушение, а также блокировки сайтов по IP-адресу, когда в результате действий провайдера по выполнению предписаний Роскомнадзора прекращается доступ пользователей не только

к интернет-страницам, содержащим противоправный контент, но и к другим информационным ресурсам, что наносит ущерб правам граждан и законным интересам юридических лиц...

7. Обратить внимание руководства АНО «Общественное телевидение России» на необходимость пересмотреть организацию работы телеканала.

Во-первых, все заседания Совета по общественному телевидению, как и Наблюдательного совета, целесообразно проводить открыто, гласно, с прямой видеотрансляцией в сети Интернет на сайте ОТР.

Во-вторых, значительно больше должно стать передач в формате «прямого эфира» с участием внештатных корреспондентов, выходящих к зрителю непосредственно из регионов с использованием обычных средств видеосвязи. Помимо прочего, это позволит резко сократить расходы телеканала на приобретение чужого контента, сконцентрировав имеющиеся финансовые и творческие ресурсы на создании собственного продукта.

В-третьих, главное место в программной политике телеканала ОТР должно занять попечение развития гражданского общества, прежде всего, на региональном и муниципальном уровнях. Телеканал призван не только освещать те или иные инициативы, рождающиеся в недрах гражданского общества, но и активно в них участвовать.

В-четвертых, значительно большее внимание должно быть уделено продвижению ценностей добрососедства, социальной солидарности, помощи детям, инвалидам и всем, кто в этом нуждается, межнационального и межконфессионального мира и взаимопонимания, защиты природы и т.д.

В-пятых, было бы полезно, чтобы журналистский коллектив ОТР выработал, а затем вынес на обсуждение своей аудитории, утвердил и принял к неукоснительному исполнению Кодекс профессионального поведения журналистов ОТР. Подобная практика существует во всех организациях общественного вещания.

В-шестых, целесообразно учредить в ОТР должность ньюс-омбудсмана, в обязанности которого входит защита интересов аудитории и рассмотрение жалоб зрителей, касающихся содержания телеканала.

В-седьмых, необходимо радикально усовершенствовать механизмы сбора добровольных пожертвований на «Общественное телевидение России», используя для этого современные информационно-коммуникационные технологии, проводя телемарафоны, организуя платные интернет-экскурсии на телеканал и т.д...

Из Рекомендаций Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека по итогам специального заседания на тему «Медиа гражданского общества: трудности становления», 4 марта 2014 года

Ред. В Совете время от времени возникают если не кризисы, то очевидные расколы. Как с этим удастся справиться?

Д.Д. Я занимаюсь, думаю, еще одним весьма важным делом — сохранением Совета, его «внутренней безопасностью». Нас было пять человек, председателей комиссий, которые протестовали против выборов Совета по Интернету — Людмила Алексеева, Сергей Кривенко, Кирилл Кабанов, Сергей Воробьев и я. Мы ходили к Вячеславу Володину, первому заместителю руководителя Администрации Президента, к Павлу Зеньковичу — в то время начальнику Управления Президента по общественным проектам, по сути, нашему куратору.

Мы сохранили репутационный ресурс. Большинство членов Совета — репутационно признанные люди. Разные люди. Николай Сванидзе, Леонид Парфёнов, Елена Масюк на заседаниях сидят у нас рядом, например, с Максимом Шевченко... Очень важно привлечь репутационно безупречных людей, таких как Игорь Юргенс, Сергей Пашин, Тамара Морщакова.

За вторую половину мая 2012 года, после инаугурации Президента, из 38 человек Совет покинули 13. Федотов заявил, что, если дойдет до 20, он подаст в отставку. Я пытался сделать все, что в моих силах, чтобы сохранить СПЧ. И он жив и здоров.

Внутренний кризис был и в марте 2014-го в связи с ситуацией на Украине: тоже

коса находила на камень, спорили, какое принимать решение. В итоге пришли к тому, чтобы работал универсальный принцип принятия решений: 50% плюс один голос. Я был одним из тех, кто это отстаивал.

Считаю, что Совет значит в нашем обществе намного больше, чем Общественная палата: ее деятельность больше имитационная, она не является независимой и как-то «расплылась». Наш авторитет выше, нас чаще цитируют серьезные газеты — «Коммерсант», «Ведомости» и другие. Мы выступали по всем резонансным делам: Магнитского, Pussy Riot, Ходорковского... Во многом они стали известны стране и миру благодаря заявлениям Совета. Совет — единственная структура, которая может быть не согласна с линией Президента. Я считаю, что

имиджевая репутация Совета чрезвычайно важна.

При Президенте порядка 16 советов. Вы много об их деятельности слышали? Я состоял в Совете по культуре и искусству. Он собирался в основном для присуждения государственных премий. Наш Совет — уникальный, он занят своим прямым делом и благодаря авторитету немалого добивается. Я наблюдаю Президента Путина с 2003 года. Мне кажется, что он уважает и ценит Совет по правам человека. Каждая наша встреча с Президентом длится в два раза дольше запланированного: это о чем-то говорит. Да и стиль общения особенный. «Ирочка, ну дайте же мне что-то сказать!» — это он во время заседаний так обращается к Хакамаде. Ну где еще он будет так говорить?!

Кирилл Кабанов:

«Совет — не политическая трибуна, мы — модераторы диалога с Президентом»

Кирилл Викторович Кабанов (родился в 1967 году в Москве) — председатель общественной организации «Национальный антикоррупционный комитет», с 2009 года — член Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека. Председатель Постоянной комиссии по гражданскому участию в противодействии коррупции и контролю за правоохранительными органами; входит в состав постоянных комиссий по прецедентным делам, по гражданскому участию в модернизации экономики, по гражданскому участию в правовой реформе, по общественному контролю; входит в состав временной рабочей группы по защите прав автомобилистов и других участников дорожного движения.

Учился в Московском институте электронного машиностроения, окончил Высшее командное училище радиоэлектроники ПВО в Вильнюсе по специальности «инженер по эксплуатации радиоэлектронных средств» и Институт ФСБ в Санкт-Петербурге. Был сотрудником Общего отдела ЦК КПСС. Служил в подмосковных частях ПВО, был сотрудником Управления ФСБ РФ по Москве и Московской области, служил в подразделении по борьбе с контрабандой и коррупцией, работал в частном охранном предприятии, был исполнительным директором Фонда содействия решению проблем местного самоуправления и безопасности общества, работал в координационной антинаркотической комиссии Центрального федерального округа.

С 1999 года работает в Национальном антикоррупционном комитете, в 2005 году был избран его председателем.

Ред. Кирилл Викторович, вы как в прошлом человек в погонах — очень редкая птица в правозащитной среде. Можно назвать лишь нескольких человек: генерала Петра Григоренко, капитана третьего ранга Валерия Саблина, капитана КГБ Виктора Орехова...

К.К. А вышедшие на Сенатскую площадь 14 декабря 1825 года?

Ред. Но это же не армия, это гвардия, самые ее сливки.

К.К. Любой честный и профессиональный человек в погонах по своим целям и задачам является защитником прав и основных интересов граждан. По определенным обстоятельствам мне пришлось покинуть официальную службу, но сути содержания присяги, которую принимал, я не изменил. Честь, достоинство, жизнь, здоровье и права граждан являются основой. У нас и во всем мире очень много людей из правоохранительной системы становятся гражданскими правозащитниками. Кстати, среди членов Национального антикоррупционного комитета и фактически его создателей — бывший министр внутренних дел, директора ФСБ и руководитель Главного разведывательного управления Генштаба Вооруженных Сил Российской Федерации МО РФ, люди, носившие погоны на разных должностях и в разных системах. Так что ничего исключительного и удивительного в моей гражданской деятельности и моей позиции я не вижу.

В рамках Совета моя профессиональная деятельность в прошлом, мои знания и опыт, наверное, полезны. Так, работая над «делом Магнитского», мы подготовили предложения по системным проблемам, которые впоследствии были реализованы в российском законодательстве. Однако я считаю, что мы не до конца выполнили свою функцию, поскольку не сумели избежать политизации и манипулирования данным вопросом на

международном уровне. Так бывает в правозащитной деятельности. Хотя многие вещи нам удаются. Например, по результатам встреч с Президентом, на которых мы представляем наши предложения, принимается достаточное количество важных позитивных решений.

Ред. В 1991 году вы находились в Вильнюсе, когда там разворачивались серьезные события.

К.К. Да, в Вильнюсе происходили страшные вещи, потом было еще страшнее. Тут важен угол зрения. В моей системе координат это все очень походило на предательство.

Ред. Но вашей главной темой стала коррупция?

К.К. В ходе работы по противодействию организованной преступности мне стало ясно, что ее существование и развитие невозможно без коррупции. Фактически коррупция и есть отдельное направление организованной преступности и криминального бизнеса. По сути, это одна из основных угроз безопасности любого государства и каждого гражданина.

По роду своей деятельности я работаю со многими общественными организациями, взаимодействую с экспертными структурами органов исполнительной власти. У меня есть уверенность, что отношение к коррупции в нашей стране кардинально меняется. Принимаются системные шаги по противодействию ей, ужесточаются меры к «высоким» коррупционерам. По сути, задача коррупции — получать ренту с бюджетного процесса, с легального бизнеса и граждан, используя административный и властный ресурсы. Естественно, где этот ресурс больше, там и доход выше. Фактически власть для коррумпированного чиновника — средство производства, как палка-копалка для первобытного человека.

ПОЗИЦИЯ «А вот если мы сделаем следующий правовой ход: сделаем»

ответственность от 10 до
20 лет за хищение бюджет-
ных средств, при этом сдела-
ем ее без условно-
досрочного освобождения
и без амнистии, если гражда-
не не возместят ущерб, кото-
рый определяется в рамках
расследования и определяет-
ся судом, тогда это позволит
нам возвращать не только
нажитое непосильным трудом
здесь, в России, но и возвра-
щать из-за рубежа. Это фак-
тически некая система —
посадить в зиндан и ждать,
когда отдаст».

Из выступления на встрече Президента РФ Владимира Путина с Советом по развитию гражданского общества и правам человека, 14 октября 2014 года

Ред. В Совете вы именно этим занимались?

К.К. Да. В 2009 году Элла Памфилова мобилизовала нас в связи с многочисленными коррупционными историями на региональных выборах. Мы сделали несколько докладов по коррупции в ЖКХ, в энергоснабжении — отраслях, где, как известно, не одни святые люди работают, а также о настроении общества в отношении коррупции и т.д. Кое-чего удалось добиться: расширения числа случаев, когда нельзя брать человека под стражу, реального изменения Уголовно-процессуального кодекса по вопросу суда присяжных. Мы также подготовили проект Закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», отреагировали на массу обращений граждан, связывались с представителями властей.

Ред. Статус члена Совета помог в вашей антикоррупционной борьбе?

К.К. Да, он подкрепил мои позиции. И поддержку Михаила Федотова я ощущаю, он

ведь, напоминая, стоял у истоков Национального антикоррупционного комитета. Мы продолжаем настойчиво работать над изменением федеральных и региональных актов. Я считаю, что мы внесли существенный вклад в разрешение ситуации с Химкинским лесом, в течение трех часов ее «разрулили», а потом уже собрался съезд «зеленых». К «Болотному делу» мы тоже не остались равнодушными. На мой взгляд, там были провокации с обеих сторон. Садиться в узком месте, когда позади тебя серьезная толпа — ну ясно же было, что это добром не кончится. Что касается группы Pussy Riot, то тут, по-моему, эмоции в основном захлестывали. На мой взгляд, это вообще в большей степени было делом Общественной палаты.

Мы стали чаще выезжать на места. Запомнились поездки в Дагестан, Ярославль, Краснодар (еще до операции по задержанию мэра Махачкалы Амирова). Из регионов поступает много важной информации, причем такой, из которой можно сделать выводы на федеральном уровне. Ей надо давать ход.

Уважаемый Дмитрий Анатольевич!

ДОКУМЕНТ

Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека уже не первый год занимается так называемой «проблемой Химкинского леса». Очевидно, что эта проблема имеет много аспектов, некоторые из которых уже успешно решены благодаря Вашему вмешательству.

В то же время один аспект проблемы, а именно вопрос об уголовном преследовании лиц, виновных в многочисленных нападениях на гражданских активистов из числа участников движения в защиту Химкинского леса (М. Бекетов, К. Фетисов, Г. Рулёв, В. Битюцкий, Ю. Гранин, Ю. Слюсарев, А. Юров, С. Протазанов и др.), пока далек от своего решения. Совет обращался по этому вопросу в СКП РФ и Генеральную прокуратуру РФ, однако полученные ответы носят промежуточный характер и не дают ответа на главный вопрос: когда преступники предстанут перед судом?

Данный вопрос очень беспокоит общественность подмосковных Химок. Об этом свидетельствует прилагаемое Открытое письмо жителей в адрес Президента Российской Федерации. Жители просят Вас дать поручение правоохранительным органам о переводе расследования с областного на федеральный уровень. Совет полностью разделяет эту позицию, полагая принципиально важным надежно изолировать расследование от любых попыток влияния со стороны заинтересованных лиц.

Совет просит Вас, уважаемый Дмитрий Анатольевич, поддержать инициативу общественности подмосковных Химок.

Из письма председателя Совета Михаила Федотова Президенту РФ Дмитрию Медведеву, 1 февраля 2011 года

Ред. Если можно, подробнее о работе Совета с острыми сигналами из регионов...

К.К. Один из примеров неадекватного отношения к гражданскому обществу у нас имел место в феврале 2012 года. Проводили

серьезный круглый стол по судебной реформе, причем не где-нибудь, а в Екатеринбурге. Говорили о системных проблемах, в том числе о явлениях коррупционного характера в судебной системе. После этого председатель областного суда заявил: «Не думайте, что я позволю вам и вам подобным дискредитировать наши суды!»

Ред. Вы удовлетворены своей работой в Совете?

К.К. В целом удовлетворен. Однако надо заметить, что в последнее время в Совете,

как и в обществе в целом, обострились тенденции непонятного для меня противостояния. Одна группа пытается доказать неприемлемость либерального подхода в системе российской государственности, а другая, в противовес первой, пытается любые действия государства внутри страны представить как нападки на либеральные ценности. При этом, естественно, снижается уровень эффективности работы, но это и есть гражданское общество, как любит говорить председатель СПЧ Михаил Федотов.

Сергей Караганов: «Защита прав человека — дело святое и необходимое»

Сергей Александрович Караганов (родился в 1952 году в Москве) — российский ученый-международник. Окончил экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, стажировался в постоянном представительстве СССР при ООН. Работал в Институте США и Канады Академии наук СССР.

Один из основателей и заместитель директора Института Европы Российской академии наук с 1989 по 2010 год. С 2006 года — декан факультета мировой экономики и мировой политики ФГАУ ВПО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». С 1992 года — один из основателей, заместитель председателя президиума, председатель, почетный председатель Совета по внешней и оборонной политике. В 1993–1998 годах — член Президентского совета РФ. С 1991-го — член Научного совета при МИД РФ. С 1993 года — член Научно-консультативного совета при Совете Безопасности РФ. В 2001–2011 годах — советник заместителя руководителя Администрации Президента РФ по внешней политике.

Основные направления научной деятельности — внешняя и оборонная политика России, безопасность и экономические аспекты взаимодействия России и Европы, отношения России с Азией. С 2004 года — член Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, с 2011 года — председатель Постоянной комиссии по исторической памяти. Член руководящих органов Фонда Памяти, ряда других профессиональных, научных и филантропических организаций.

Доктор исторических наук. Автор более 20 монографий и 500 статей. Основатель и председатель редакционного совета журнала «Россия в глобальной политике». В середине 90-х газетой New York Times (США) был назван одним из двенадцати крупнейших специалистов по международной политике. В середине 2000-х — по версии ведущих аналитических журналов Foreign Policy (США) и The Prospect (Великобритания) — вошел в список 100 самых влиятельных интеллектуалов мира.

Ред. Сергей Александрович, какими путями вы пришли к движению по защите прав человека?

С.К. Во второй половине 80-х годов я участвовал во многих действиях по развитию у нас в стране института защиты прав человека. В конце 80-х был членом Сахаровского комитета. Многим инициативам содействовал и тематику эту знал хорошо.

Ред. С Андреем Дмитриевичем Сахаровым вам довелось пообщаться?

С.К. Довелось, хотя и немного. Я тесно общался с окружением Андрея Дмитриевича, но уже после его ухода. Участвовал во многих правозащитных мероприятиях 80-х и начала 90-х годов, разрабатывал программы, готовил конференции.

Ред. Вы были членом какой-то правозащитной организации, какого-то общества?

С.К. Я знал почти всех в этой сфере, считал, что защита прав человека — дело святое и необходимое, особенно в России с ее историей, хотя формально оставался вне правозащитного движения. Просто считал, что надо помогать движению. В концепции прав человека заложена защита их законом,

особенно важная в наших условиях, когда общество еще не создало развитой демократии. Я знал и о Комиссии во главе с С. А. Ковалёвым, участвовал в каких-то мероприятиях, хотя был там не совсем «своим» человеком, на меня смотрели с опаской.

Ред. Когда вы попали в Комиссию по правам человека?

С.К. Когда ее (теперь это Совет) возглавила Элла Александровна Памфилова. У нас были хорошие отношения. Когда она позвонила мне, я спросил ее, кто еще будет в этом органе работать. Она перечислила мне этих людей, и состав мне понравился.

Ред. Ваш участок работы сразу определился?

С.К. Сначала был руководителем Постоянной комиссии по защите прав военнослужащих, помогал нашим активистам, мирил их. Но меня давно занимало восстановление исторической памяти — этот вопрос сопрягается с коренными проблемами российского общества. Я глубоко убежден, что общество, которое не похоронило своих мертвых, морально не может надеяться на будущее. Ведь при прежнем режиме погибли миллионы. Во второй половине 2000-х годов вопрос удалось протолкнуть.

ПОЗИЦИЯ «Нужно восстанавливать истинную российскую идентичность, самоуважение, без которых невозможно движение вперед. Моисей водил народ по пустыне 40 лет, мы уже прошли 20, сейчас мы отмечаем эти 20 лет. Если мы растратим и следующие 20 лет, можем из пустыни не выйти.»

И последнее. Понимаю, что вызову неприятные эмоции, подрывающие привлекательность проекта. Но любые усилия по восстановлению общественной морали, самоуважения обесцениваются деморализующим обществом и дискредитирующим власть процессом Ходорковского. Невозможно не верить, что этот процесс не носит политического характера, даже если он такого характера не носит. Если невозможно оправдать — помилуйте».

Из выступления С. А. Караганова на встрече Президента РФ Дмитрия Медведева с Советом по развитию гражданского общества и правам человека, Екатеринбург, 1 февраля 2011 года

Ред. С чего начались подвижки?

С.К. Наверное, после визита Президента Путина в Польшу, когда он преклонил колени перед памятником жертвам Катюши и сказал, что это наше общее горе и общая память. Мне стало понятно, что дальше ждать нечего, надо ставить кресты и своим жертвам. Внутри Совета началась разработка программы, мы тесно консультировались с узником совести советских времен Арсением Рогинским и его великим Обществом «Мемориал». Программа была представлена обществу и руководству страны, но дебаты продолжались. Концепции

тогда были разные, это сейчас большинство течений в рамках движения исторической памяти сблизились.

Ред. А кто с кем боролся?

С.К. Люди церкви не очень хотели до поры сотрудничать с «Мемориалом». Было и недоверие к церкви у либеральных правозащитников. Существовало непонимание по вопросу, кто от кого больше пострадал. Рабочей группе в рамках Совета удалось объединить почти всех сторонников восстановления памяти жертв политических репрессий. Но многие в обществе

восприняли программу в штыки, началась вакханалия, если не травля, со стороны части СМИ. К тому же многим бюрократам сильно не хотелось поднимать эту проблему. Но мы выдержали, а вакханалию использовали для популяризации наших идей.

Я горд, что сама эта проблема, в том числе и благодаря нашей работе, стала частью национального самосознания. Множество споров возникало — вопросы ведь обсуждались очень болезненные. Во многих случаях не было крупных разногласий по существу. Кто-то по инерции не хотел отказываться от старых позиций, у кого-то проявлялись личные амбиции, кто-то боялся «раскачивать лодку». Но я старался мирить их, и компромиссы находились.

Удалось, конечно, далеко не все. Ведь речь идет не только о жертвах сталинского режима. До недавнего времени не было ни одного памятника, посвященного Первой мировой войне. В то же время в Восточной Европе есть памятники русским воинам времен Первой мировой, и они ухожены. До сих пор нет общего подхода к Гражданской войне, нет памятника ее жертвам.

Сейчас в разных регионах созданы музеи памяти жертв политических репрессий, мы сделали сайты, связывающие всех заинтересованных людей, многие из которых действовали ранее разрозненно. Особенно я бы отметил организующее начало сайта <http://istramyat.ru>. Произошли изменения и в отношении чиновничества к этому вопросу. На этом направлении, что важно, работает много молодых людей. Мы их сначала консультировали, теперь они действуют сами. Уже без нас запущена прекрасная инициатива «Последний адрес». Открыт в новом прекрасном здании государственный музей истории ГУЛАГа, который был основан в Москве в 2001 году историком и писателем Антоном Антоновым-Овсенко, который сам прошел через сталинские лагеря как сын врага народа. За годы работы постоянно

пополнявшейся экспозиции Музеем стало тесно в маленьких залах здания на Петровке, поэтому в 2014 году для Музея началась перестройка нежилого здания в 1-м Самотечном переулке. Новый Музей открыт и работает.

Но сделано все-таки еще немного. Я был во многих краеведческих музеях, там есть забавные экспозиции. В иных XX век целиком укладывается в лозунг «Вся власть Советам!» и одновременно «Вся власть Учредительному Собранию!». В музее одного из сибирских городов висит картина «Партизаны ведут бандитов», а изображено там, как красноармейцы ведут мужика, видимо, старообрядца, и офицера. В некоторых музеях вообще не знают, как относиться к истории XIX века, ведь там были «эксплуататорские классы»! Разве можно говорить об успехах купцов и промышленников?! Хотелось бы наконец получить «бесшовную» историю, а то иногда наблюдается такой пунктир: Петр Первый — Великая Отечественная война — выборы губернатора.

Это вопрос идентичности России, самосознанию россиян нужна большая воспитательная и самовоспитательная работа, чтобы создать основу для позитивного будущего. Хорошо, что в руководстве страны это понимают. В результате разговора Владимира Путина с Натальей Солженицыной «Архипелаг ГУЛАГ» в сокращенном виде представлен в школьной программе. Молодой человек должен понять, что история у нас была и великая, и страшная. Последнее морально тяжело признать, это нельзя форсировать, но и медлить не стоит.

Я рад, что по нашей инициативе Владимиром Путиным было принято решение о строительстве в Москве общенационального памятника жертвам политических репрессий. Этот грандиозный памятник был открыт в 2017 году.

Уважаемый Дмитрий Анатольевич!

Один из главных вопросов повестки дня Вашей екатеринбургской встречи с Советом при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека 1 февраля 2011 г. — обсуждение проекта «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении».

ДОКУМЕНТ

Данный проект преследует следующие цели:

- модернизация сознания российского общества через признание трагедии народа времен тоталитарного режима, содействие созданию в обществе чувства ответственности за себя, за страну, с главным акцентом не на обвинении палачей, а на почтении к жертвам гражданской войны, развязанной в 1917 г. и длившейся фактически до 1991 г.;
- обеспечение поддержки программе модернизации страны со стороны наиболее образованной и активной части населения. Если даже только часть предлагаемой программы — установка памятников жертвам тоталитаризма и создание музейно-мемориальных комплексов в Москве и Санкт-Петербурге будет осуществлена — уже одно это повысит морально-политический авторитет руководства страны;
- укрепление объединительных тенденций на территории бывшего СССР и, возможно, бывшего «соцлагеря» — через осознание общности трагического прошлого. Программа должна носить общий для этих стран характер. Но при этом она должна быть инициирована Россией, как наиболее пострадавшей из стран, переживших тоталитаризм;
- укрепление международного престижа страны. Осуждение Президентом России тоталитарного режима, преклонение колен Премьер-министром перед Катынским крестом уже сыграли очевидную позитивную роль. Признав, что вся Россия — самая большая жертва тоталитаризма, начав по собственной воле, без внешнего давления, оказывать знаки уважения жертвам тоталитарного режима, страна может значительно укрепить уважение к себе со стороны всех нормальных людей и народов.

Возможные издержки от осуществления этой программы можно с лихвой компенсировать обращением к лучшему, что было в российской истории. Российская идентичность должна, наконец, основываться на том, что история России началась не в 1917 г., что мы страна не Ленина и Сталина, а страна Пушкина, Гоголя, Толстого, Пастернака, Чайковского, Суворова, Жукова, Королева, Солженицына, Сахарова...

Совет просит Вас, уважаемый Дмитрий Анатольевич, поддержать данную инициативу и дать старт его реализации как общенационального государственно-общественного проекта.

Из письма председателя Совета Михаила Федотова
Президенту РФ Дмитрию Медведеву,
1 февраля 2011 года

Ред. Чем сейчас вы заняты в Совете?

С.К. Мы подготовили и через сложнейшие бюрократические тернии провели Концепцию государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий. Она утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 августа 2015 года № 1561-р. Ее ключевая фраза: «Недопустимыми являются продолжающиеся попытки оправдать репрессии особенностями времени или

вообще отрицать их как факт нашей истории». Теперь создана президентская рабочая группа, включающая и представителей государственной власти, она регулярно заседает, принимает и отслеживает претворение в жизнь решений, конкретизирующих концепцию. Создан фонд для сбора личных пожертвований на строительство памятника жертвам репрессий — Фонд Памяти. При этом ключевые средства выделило государство в лице правительства Москвы.

ДОКУМЕНТ

1. Развитие Российской Федерации на современном этапе требует повышенного внимания общества к таким важным факторам устойчивого развития страны, как верховенство закона, приоритет прав и свобод человека, совершенствование общественных отношений, восстановление исторической памяти народа, российской идентичности. В связи с этим возникает необходимость разработки эффективной государственной политики в области

обретения обществом широкого согласия по вопросам формирования наиболее значимых социальных ценностей и смыслов, включая вопросы увековечения памяти жертв политических репрессий.

<...>

3. Настоящая Концепция нацелена на формирование высокого уровня осмысления подлинной истории Отечества, включая ее героические и трагические страницы, на укоренение традиций нетерпимости к преступлениям против собственного народа и одновременно безусловного уважения к памяти безвинно пострадавших граждан страны, укрепление в общественном сознании стереотипов добропорядочности и добросовестности как преобладающей модели социального поведения, направленной на развитие России как современного демократического правового государства, устремленного в будущее, помнящего и уважающего свое прошлое.

<...>

11. Россия не может в полной мере стать правовым государством, эффективно развиваться, россияне — уважать себя, не похоронив павших, не увековечив память многих миллионов своих сыновей и дочерей, ставших в прошлом, тяжком для нас веке жертвами политических репрессий. Важным является осознание трагического опыта, который был пережит страной, когда произошел разрыв традиций, утрата преемственности культурного опыта, разрушение межпоколенческих связей, традиционных нравственных и этических норм.
12. Помимо колоссальных потерь, понесенных в период первой мировой, гражданской и Великой Отечественной войн, страна пережила целый ряд иных масштабных трагедий, последствия которых ощущаются и требуют сознательных усилий по преодолению и сейчас:

- гонения и уничтожение представителей религиозных конфессий;
- послереволюционная эмиграция наиболее образованной части населения, многолетняя дискриминация (и, часто, физическое уничтожение) тех представителей дореволюционной элиты, кто остался в России;
- коллективизация, повлекшая за собой огромные жертвы среди высланных и раскулаченных, а также разрушение индивидуального крестьянского хозяйства, которое было основой экономики страны, нравственных устоев народа на протяжении веков;
- связанный с насильственной коллективизацией голод, унесший жизни миллионов людей;
- специальные операции по репрессированию во внесудебном порядке (направление в исправительно-трудовые лагеря и уничтожение) более миллиона граждан;
- создание широкомасштабной системы принудительного труда (ГУЛАГ);
- насильственные депортации народов.

<...>

17. Мероприятия по реализации государственной политики осуществляются по следующим основным направлениям:

- музейно-мемориальное;
- информационно-просветительское;
- научно-архивное;
- образовательное и воспитательное;
- организационно-методическое.

18. Приоритетами государственной политики в сфере расширения музейной деятельности и мемориализации мест памяти являются:

- создание в Москве общенационального памятника жертвам политических репрессий и музейно-мемориального комплекса общенационального значения;
- формирование общероссийской инфраструктуры объектов, связанных с увековечением памяти жертв политических репрессий, включая создание и развитие музейно-мемориальных комплексов общенационального значения в Москве, Санкт-Петербурге, Пермском крае, Магаданской области и Ямало-Ненецком автономном округе;

- привлечение специалистов и широких слоев населения, включая молодежь, к участию в поисковых работах, сборе информации и артефактов, связанных с историей политических репрессий;
- расширение охвата различных целевых аудиторий, внедрение новых, в том числе мобильных, форм работы учреждений музейной и библиотечных систем;
- создание (или поддержка деятельности) региональных мемориально-музейных комплексов;
- создание экспозиций по теме «История политических репрессий» в муниципальных краеведческих музеях;
- проведение работ по мемориализации и благоустройству особо значимых мест массовых захоронений жертв политических репрессий;
- проведение учета и паспортизации памятников, памятных знаков и мемориальных досок, посвященных жертвам террора или связанных с его историей, во всех регионах страны, включение этих объектов в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объектов культурного наследия федерального, регионального или местного значения;
- осуществление мероприятий по сооружению памятных знаков, мемориальных досок на объектах труда и в местах жительства репрессированных, тюрьмах и других объектах, связанных с историей политических репрессий.

19. Мерами государственной политики по развитию информационно-просветительского направления, включая сферы культуры, массовых коммуникаций и издательской деятельности, являются:

- создание единой базы данных жертв политических репрессий;
- создание информационного портала в сети Интернет, посвященных памяти жертв политических репрессий;
- распространение в электронных и печатных средствах массовой информации в качестве социальной рекламы материалов, связанных с увековечением памяти жертв политических репрессий;
- создание и продвижение творческих проектов, доступных для непрофессионального восприятия, по тематике увековечения памяти жертв политических репрессий;
- постоянное пополнение общедоступных библиотечных фондов литературой, посвященной увековечению памяти жертв политических репрессий.

20. Мерами государственной политики в сфере научно-архивной деятельности предусматривается:

- развитие и поддержка деятельности Государственного архива Российской Федерации;
- введение упрощенной процедуры по рассекречиванию документов, связанных с историей политических репрессий;
- создание в региональных государственных архивах специализированного фонда документов и передача в него архивно-следственных дел, с момента заведения которых прошло более 75 лет;
- перевод в электронную форму архивных материалов, находящихся на хранении в региональных архивах соответствующих ведомств и касающихся жертв политических репрессий, содержащихся в ГУЛАГе, размещение этих материалов на официальных сайтах региональных архивов в открытом доступе;
- проведение научно-исследовательских работ, научных конференций по тематике увековечения памяти жертв политических репрессий;
- поддержка научно-издательских и просветительских проектов, в т. ч. в целях научно-методического обеспечения образования по указанной тематике.

21. Мерами государственной политики в сфере образования и воспитания подрастающего поколения по вопросам увековечения памяти жертв политических репрессий являются:

- включение в общеобразовательные программы вопросов по приобщению молодого поколения к изучению сложных периодов в истории России, а также мероприятий по развитию ценностно-смысловой сферы личности;
- разработка учебных курсов, включающих тематику увековечения памяти жертв политических репрессий, соответствующих образовательных программ, экскурсионных маршрутов, учебных и методических пособий;
- содействие приобретению и совершенствованию знаний по теме увековечения памяти жертв политических репрессий в рамках получения второго высшего профессионального образования, обучения по программам профессиональной переподготовки и повышения квалификации преподавательского состава, а также лиц, замещающих государственные и муниципальные должности в сфере образования.

<...>

23. Меры по обеспечению необходимого уровня знаний и квалификации лиц, замещающих государственные и муниципальные должности, государственных и муниципальных служащих, сотрудников правоохранительных органов включают:

- распространение положительного опыта по реализации планов и проведению мероприятий в сфере увековечения памяти жертв политических репрессий;
- внедрение мер морального и материального поощрения образцового исполнения профессиональных обязанностей государственных и муниципальных служащих, общественно значимой деятельности граждан и организаций в сфере увековечения памяти жертв политических репрессий;
- разработка и реализация программ участия государственных и муниципальных служащих, замещающих должности, связанные с применением знаний по теме увековечения памяти жертв политических репрессий, в лекционной и консультационной работе по пропаганде соответствующих знаний;
- разработка, внедрение и совершенствование способов информирования населения о деятельности государственных и муниципальных органов в сфере увековечения памяти жертв политических репрессий, проведение устных и письменных консультаций для граждан по вопросам, входящим в компетенцию указанных органов;
- расширение взаимодействия правоохранительных органов с общественностью, со средствами массовой информации, представителями творческих профессий в целях демонстрации позитивных примеров осуществления деятельности по увековечению памяти жертв политических репрессий.

<...>

25. Для финансирования мероприятий в сфере увековечения памяти жертв политических репрессий могут использоваться гранты, выделяемые государственными органами и органами местного самоуправления в порядке, установленном действующим законодательством. Для реализации целей и задач государственной политики поощряется также использование средств юридических лиц, частные пожертвования.

Из проекта Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий, подготовленного Советом при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека в порядке реализации указания Президента Российской Федерации Владимира Путина от 29.07.2014 № Пр-1836

Ред. Кто все-таки мешает продвижению программы? Что это за тип людей, которым не нужна историческая память?

С.К. Есть, конечно, упертые сталинисты. Есть люди, которые страшатся заглянуть

в самих себя, зная или подозревая, что их родные участвовали в страшных репрессиях. Погибли миллионы, но кто-то же загонял их в лагеря, убивал, потом часто погибал сам, их тоже были сотни тысяч. Многим просто не хочется заглядывать в эти страшные

страницы истории, беречь душу, но, повторю, не похоронив достойно безвинно погибших, мы не сможем смело идти в будущее. Мы говорим, что каждую семью так или иначе затронула Великая Отечественная война, но то же можно сказать и о репрессиях, потери ведь сопоставимы. Их тоже миллионы.

А кто-то по сей день хотел бы мстить, хотел бы, чтобы палачей, а то и их родных, наказали. Это идет от Гражданской войны, от той страшной мясорубки. Выдвигаются и противоположные обвинения. Сейчас увековечиваем память генерала Деникина, а с него спрашивают: почему он проиграл?

Ведь при царских генералах свергли царя, это элита допустила. Подозрительно порой относятся друг к другу и те, кто приходит к захоронениям Бутовского полигона и «Коммунарки». Мол, на одном лежат безвинные жертвы, простые люди, а на другом — руководящие коммунисты, они сами, прежде чем попасть под топор, многих погубили. Я считаю, что главное — преодолеть бреши в национальном сознании, не вешать все грехи на кого-то одного. Понять, что это наша общая трагедия, принять и пережить ее в себе, идти вперед.

Сергей Кривенко:

«Наши наработки по увековечению памяти поддержаны Президентом, но тут нужна целостная федеральная программа»

Сергей Владимирович Кривенко (родился в 1962 году в ближнем Подмоскowie) — общественный деятель, правозащитник. Окончил Московский физико-технический институт, затем аспирантуру. Кандидат физико-математических наук. Работал научным сотрудником Физического института имени П.Н. Лебедева Академии наук СССР. В 1988 году стал членом международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал». С 1989 года — координатор Соловецкого землячества «Московского Мемориала», в 90-х годах — организатор ежегодных Дней памяти на Соловецких островах, организатор и руководитель летних трудовых молодежных добровольческих лагерей на Соловецких островах (1999–2005 годы). С 2002 года — член правления «Мемориала». В 2001–2003 годах руководил информационным бюро «ИНФО-АГС» (поддержка развития института альтернативной гражданской службы в России). С 2002 года — секретарь Всероссийской коалиции общественных объединений «За демократическую альтернативную гражданскую службу». С 2006 по 2009 год был координатором общественной инициативы «Гражданин и Армия», с 2010 года — секретарь Союза правозащитных организаций «Гражданин и Армия». С 2004 года — член экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ. С 2009 года — член Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, председатель Постоянной комиссии по военно-гражданским отношениям. Входит в состав постоянных комиссий по исторической памяти, по правам человека за рубежом, по гражданским свободам и гражданской активности, по развитию НКО, а также в состав временных рабочих групп по развитию гражданского общества и правам человека в Крыму и по мониторингу соблюдения прав человека на территории Украины.

Ред. Сергей Владимирович, на ваше обращение к правозащитным проблемам как-то повлиял родной Физтех? Ведь на советских вузах чаще висели лозунги «Слава КПСС», а у вас в Долгопрудном — «Физтех ждет вас, искатели!».

С.К. И да, и нет. Конечно, для советского вуза Физтех мог считаться оплотом свободы-мыслия, у нас «ходили» фотокопии книг Стругацких, к таким предметам, как «История КПСС» и «Научный коммунизм», отношение было ироничное, народ ведь был пытливым и находил там немало противоречий. Тем не менее проходили комсомольские собрания, как и везде, а главное — в основном мы были сориентированы на очень серьезную учебу.

Ред. Когда же вы активизировались?

С.К. В перестроечные времена. На эти годы пришлось мое пребывание в аспирантуре. Меня затянула общественная жизнь вне Физтеха. Началось формирование Общества «Мемориал», я участвовал в сборе подписей по различным поводам, связанным с необходимостью установки памятника жертвам политических репрессий советского времени, созданием соответствующих музея и архива.

Ред. У вас для этого были внутренние мотивы, может быть, кто-то в семье пострадал?

С.К. В семье непосредственно — нет. Я только позже узнал, что троюродный дядя отсидел 10 лет. Я к нему ездил, расспрашивал. Он, правда, оказался из тех коммунистов, которые считали: в отношении меня имела место ошибка, а линия партии правильная. На меня скорее оказали влияние публикации, ранее невозможные: книги Солженицына, «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова, «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана... Я стал знакомиться, общаться с бывшими политзаключенными, это были потрясающие люди. Могу назвать Сусанну Соломоновну Печуро, Виктора Булгакова, Волю Лебединского (он сначала попал в лагерь по уголовной статье). Много дало общение с Арсением Рогинским. Я продолжал еще параллельно заниматься физикой, защитил кандидатскую диссертацию. Общался с академиком Д. В. Ширковым из Дубны, другими учеными. Разговоров по душам не было, но был виден их высокий уровень и ощущались демократические настроения. Андрея Дмитриевича Сахарова я близко видел, он поддерживал создание Общества «Мемориал».

ПОЗИЦИЯ «В России в общественном сознании милитаризм не изжит на всех уровнях — его силой прививают еще в детском саду, в школе, все эти бесконечные визиты непонятных ветеранов, воспоминания, военно-спортивные праздники, сборка-разборка автомата Калашникова, портреты военачальников в кабинетах.

Прививается не просто патриотизм, а именно военный патриотизм. По нашим оценкам, примерно 30% ребят в России с подростковых лет мечтают о службе в армии и желают туда быстрее попасть. А тех, кто рассматривает возможность альтернативной гражданской службы, всегда было около 10%. Остальные колеблются из-за разных причин и условий. Введение альтернативной гражданской службы в России, которое состоялось более 10 лет назад (Закон действует с 2004 года), — это просто предоставление долгожданной возможности всем молодым людям, которые не видят себя в армии и имеют противоречащие военной службе убеждения. ...В последние годы впервые в жизни сами российские

генералы всерьез заговорили о необходимости гуманизации военной службы. И это дает некие положительные моменты. С другой стороны, кардинальных изменений не произошло, военнослужащий по призыву по-прежнему существует вне правового поля, не имея надежных рычагов для защиты своей чести и достоинства. Уровень насилия в российской армии остается высоким».

Фрагмент интервью радиостанции Радио Свобода, 15 мая 2014 года

Ред. На чем вы сосредоточились в «Мемориале»?

С.К. Там изначально обозначились три направления. Это поддержка репрессированных, пробивание льгот для них, распределение гуманитарной помощи. Этим занимались многие добровольцы. Другое направление — собственно правозащитная деятельность, особенно в местах международных конфликтов, прежде всего на Северном Кавказе. Еще одно направление, которым я стал активно заниматься, это архивная деятельность. Опросы репрессированных, интервью, организация выставок.

Мы подготовили и провели в Москве в 1989 году выставку, приуроченную к пятидесятилетию пакта Молотова — Риббентропа. Помню, местный райком воспротивился демонстрации западных карикатур 1939 года, где Сталин-невеста

идет под ручку с Гитлером-женихом, а свастика перекрещена с серпом и молотом. Но мы и это отстояли, все-таки на дворе был 1989 год. Принципиально важной была выставка по Катынскому расстрелу в 1990 году. Поляки прислали несколько сотен фотографий расстрелянных офицеров — мы их пересняли, разместили на выставке. Москвичи впервые увидели лица жертв Катынской трагедии.

А началось все с выставки в Доме культуры МЭЛЗ «Неделя совести», состоявшейся в 1988 году. Там впервые были представлены карта советских лагерей, фотографии расстрелянных. Ведь об этом не было никакой информации, архивы были закрыты. Мы обратились к родственникам, они заполняли анкеты на репрессированных — так начал формироваться архив «Мемориала». Об этой выставке написали московские газеты, люди несли документы, общественный резонанс был очень большой.

В 1991 году впервые нас допустили в Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), в фонд НКВД. Была создана Рабочая группа во главе с активным «мемориальцем» Михаилом Смирновым. В 1992–1996 годах мы очень серьезно «перелопатили» все имевшиеся в этих фондах и рассекреченные на тот момент материалы по лагерям, и в 1998-м был издан первый научный сборник с материалами обо всех лагерях СССР. По каждому имелись сведения: дата открытия и закрытия, назначение и увольнение начальников, информация по перемещению заключенных, санитарные документы.

Ред. В то время ведь еще с техникой было неважно?

С.К. Да, начинали мы вручную. Материалы переписывали на карточки. Потом уже стали набивать на компьютер.

Ред. Какие материалы из открывшихся произвели на вас самое сильное впечатление?

С.К. Документы по Соловецкому лагерю, документы, связанные с повседневной жизнью исправительно-трудовых лагерей — насколько все было зарегламентировано, «особые папки» Сталина. Позже я стал заниматься действиями НКВД в Польше в 1944–1946 годах. Сильное впечатление произвели документы, свидетельства о том,

как в Польше советские органы расправлялись с Армией Крайовой.

Ред. Вы продолжили эту работу?

С.К. Потом я переключился на чисто правозащитную деятельность. В начале 90-х годов как часть «Мемориала» был создан Гуманитарно-благотворительный центр «Сострадание». Мы занимались там социальной и медицинской помощью репрессированным. Поступали гранты от западных спонсоров, приезжали врачи и медсестры. Это был уникальный опыт. На базе центра «Сострадание» немецкие юноши проходили альтернативную службу. Им было разрешено ее нести за пределами Германии в общественных организациях стран, пострадавших от гитлеровцев: России, Украине, Белоруссии. По сути, это была часть известного общегерманского покаяния. Приезжали в том числе внуки высокопоставленных нацистов, работали в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Перми, Волгограде — в основном ухаживали за пожилыми людьми. В Германии им эта работа засчитывалась как прохождение альтернативной гражданской службы. Опекали этих ребят немецкие пацифистские и протестантские организации, которые собирали в Германии пожертвования и выдавали юношам что-то вроде стипендии, на которую они снимали жилье (обычно жили по несколько человек в квартире) и питались.

ДОКУМЕНТ

Статья 1. Альтернативная гражданская служба

1. Альтернативная гражданская служба — особый вид трудовой деятельности в интересах общества и государства, осуществляемой гражданами взамен военной службы по призыву.
2. Правовой основой альтернативной гражданской службы являются Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, настоящий Федеральный закон, другие федеральные законы и принятые в соответствии с ними иные нормативные правовые акты Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, а также законодательство субъектов Российской Федерации, применяемое в части, не противоречащей настоящему Федеральному закону.
3. Статус граждан, проходящих альтернативную гражданскую службу, устанавливается настоящим Федеральным законом в соответствии с Конституцией Российской Федерации.
Трудовая деятельность граждан, проходящих альтернативную гражданскую службу, регулируется Трудовым кодексом Российской Федерации с учетом особенностей, предусмотренных настоящим Федеральным законом.

Статья 2. Право гражданина на замену военной службы по призыву альтернативной гражданской службой

Гражданин имеет право на замену военной службы по призыву альтернативной гражданской службой в случаях, если:

- несение военной службы противоречит его убеждениям или вероисповеданию;
- он относится к коренному малочисленному народу, ведет традиционный образ жизни, осуществляет традиционное хозяйствование и занимается традиционными промыслами.

Из Федерального закона
от 25 июля 2002 года № 113-ФЗ
«Об альтернативной гражданской службе»

Ред. Не это ли усилило ваш интерес к альтернативной службе в России?

С.К. Да, именно это. Ведь странно: почему немецкие юноши вместо военной службы приезжают в Россию и помогают решать социальные и экологические проблемы России, а российские юноши не имеют такой возможности? Да, в России право на альтернативную службу было зафиксировано в Конституции 1993 года, но Закона о ней не было до 2002 года. Я подключился и стал активно заниматься разработкой законопроекта об альтернативной гражданской службе. Была создана целая коалиция организаций, занимавшаяся этим вопросом, по которому мы очень активно стали взаимодействовать с исполнительной и законодательной властью.

Но сразу определились две крайние точки зрения — какой быть альтернативной гражданской службе в России. Условно «военные» хотели, чтобы альтернативная гражданская служба была подобием стройбатом — служба в воинских частях, только без оружия. Другая концепция предполагала, что институт альтернативной гражданской службы должен иметь социальное служение, то есть работа «на гражданке» по уходу за больными, пожилыми, работа в экологической сфере. В январе 2002 года на заседании правительства даже разгорелся скандал, когда стали рассматривать законопроект по альтернативной гражданской службе. В итоге альтернативную гражданскую службу все-таки передали в гражданское ведомство — в Минтруд России, но при этом Закон вышел весьма компромиссным.

ДОКУМЕНТ

Статья 5. Срок альтернативной гражданской службы

1. Срок альтернативной гражданской службы в 1,75 раза превышает установленный Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе» срок военной службы по призыву и составляет:
 - для граждан, направленных для ее прохождения до 1 января 2007 года, за исключением граждан, указанных в абзаце четвертом настоящего пункта, — 42 месяца;
 - для граждан, направленных для ее прохождения с 1 января по 31 декабря 2007 года включительно, за исключением граждан, указанных в абзаце четвертом настоящего пункта, — 31,5 месяца;
 - для граждан, окончивших государственные, муниципальные или имеющие государственную аккредитацию по соответствующим направлениям подготовки (специальностям) негосударственные образовательные учреждения высшего профессионального образования и направленных для ее прохождения до 1 января 2008 года, — 21 месяц;
 - для граждан, направленных для ее прохождения после 1 января 2008 года, — 21 месяц (п. 1 в редакции Федерального закона от 06.07.2006 № 104-ФЗ).
2. Срок альтернативной гражданской службы для граждан, проходящих данную службу в организациях Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, в 1,5 раза превышает установленный Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе» срок военной службы по призыву и составляет:
 - для граждан, направленных для ее прохождения до 1 января 2007 года, за исключением граждан, указанных в абзаце четвертом настоящего пункта, — 36 месяцев;

— для граждан, направленных для ее прохождения с 1 января по 31 декабря 2007 года включительно, за исключением граждан, указанных в абзаце четвертом настоящего пункта, — 27 месяцев.

Из Федерального закона
от 25 июля 2002 года № 113-ФЗ
«Об альтернативной гражданской службе»

Ред. Но все же Закон работает?

С.К. Да, хотя и не масштабно. Каждый год около тысячи юношей (это меньше 1% общего числа призывников) проходят альтернативную гражданскую службу. Они могут служить только в государственных учреждениях: в больницах, на почте, на предприятиях разнорабочими. С ними заключают договор, они получают небольшие деньги. Но на пути попадания на такую службу военные комиссариаты зачастую пытаются поставить барьеры — дезинформируют призывников, не принимают заявления и т.п.

Ред. В основном люди альтернативную гражданскую службу проходят по убеждению?

С.К. Да, представителей коренных народов идет немного. Из тех, кто идет «по убеждениям», — до 70% связаны с вероисповеданием. В первую очередь это представители Свидетелей Иеговы и протестантских конфессий, но есть и православные, и мусульмане. Остальные идут по светским убеждениям, например пацифистским, антимилитаристским. В российском Законе об альтернативной гражданской службе формулировка оснований замены военной службы дана максимально расширительно — заменить военную службу гражданской можно на основании любых убеждений и любого вероисповедания, имеющих у гражданина. На призывной комиссии гражданину надо только обосновать и пояснить, чем эти убеждения или вероисповедание противостоят несению военной службы. Скоро будет уже 15 лет, как принят Закон, и сейчас хорошо видно, какое до сих пор сопротивление он встречает у представителей военного ведомства. Поэтому по-прежнему работа общественных организаций по поддержке реализации института альтернативной гражданской службы у нас в стране весьма важна.

Ред. Вы эту работу вели в сотрудничестве с Советом по правам человека?

С.К. Да, были различные встречи, в 2005 году на Совете была заслушана информация о деятельности нашей коалиции. Совет ее поддержал. Собственно, и Комиссия по правам человека, и потом Совет поддерживали всю деятельность «Мемориала»: и проведение Дней памяти, и правозащитные лагеря молодежи на Соловках.

Ред. А как вы вошли в состав Совета?

С.К. После избрания Президентом России Дмитрия Медведева состав Совета был обновлен, и в 2009-м меня пригласили в Совет как представителя общества «Мемориал». Я стал работать в Комиссии по военно-гражданским отношениям и в Комиссии по исторической памяти.

Ред. Какие победы вы можете записать на свой счет уже в качестве члена Совета по правам человека?

С.К. Мы очень много внимания уделяли вопросам защиты прав граждан при их призыве на военную службу, чтобы не призвали на службу граждан, не годных к ней по состоянию здоровья. Эту проблему удалось донести до Президента, она была затронута в одном из президентских посланий Федеральному Собранию.

Общими усилиями правозащитных организаций и комитетов солдатских матерей удалось прекратить использование военнослужащих срочной службы на работах по утилизации устаревших боеприпасов: было много проблем, нарушений техники безопасности при проведении таких работ. На складах ведь было сосредоточено до 10 миллионов тонн устаревших снарядов, хотя уже нет орудий, для которых они были предназначены. В 2011–2012 годах их стали уничтожать варварским способом — взрывать. Но и эта работа требует профессионализма, а для нее стали использовать обычных призывников. Начались ЧП, солдаты стали погибать. Мы от СПЧ организовали поездку на полигон Ашулук в Астраханской области, где убедились, что при разгрузке боеприпасов

не соблюдается техника безопасности. Об этом было доложено Президенту, и вскоре привлечение солдат-срочников к такого рода работам было прекращено.

Много времени и сил я уделял и работе по продвижению такой важной темы, как увековечение памяти жертв политических

репрессий советского времени. Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий в августе 2015 года утверждена Правительством России. Но все-таки по этой теме необходима целостная Федеральная целевая программа.

ДОКУМЕНТ

1. В каждом регионе России должна быть утверждена программа «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении». Важным элементом программы должна стать мемориализация мест, связанных с террором и репрессиями (расстрельные тюрьмы, здания НКВД и т.п.), которые должны быть отмечены специальными знаками (мемориальные таблички, стенды и т.д.). Рядом с памятниками, памятным знаками необходима установка информационных стендов.
2. В краеведческих музеях с необходимостью должна быть отражена тема репрессий.
3. Меры по увеличению социальной защищенности репрессированных должны быть усилены, выплаты должны идти за счет федерального, а не регионального бюджета. Необходимо дать репрессированным право пользоваться льготами по нескольким основаниям. Социальная поддержка жертв политических репрессий — значимая часть процесса реабилитации.
4. В школах 30 октября или накануне необходимо проводить открытые уроки — «Уроки Памяти», посвященные жертвам политических репрессий.
5. Помимо 30 октября необходимо учреждение еще одного всероссийского памятного дня с условным названием «День покаяния и национального примирения». Покаяние должно стать действенным актом, поэтому важны конкретные процедуры и различные формы общественных проявлений, которые смогут иметь привязку к данному дню.

Из Резолюции секции 3 «Презентация и обсуждение общенациональной государственно-общественной программы «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении», выездное заседание Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека «Перспективы и проблемы общественного контроля и гражданского участия в Сибирском федеральном округе», Алтайский край, Белокуриха, 26–27 сентября 2011 года

Ред. Концептуально над чем вы сейчас работаете?

С.К. Много остается проблем при призыве, две трети всех обращений связаны с неправильным определением категории здоровья граждан в военкоматах. Немало проблем с медициной и в самих воинских частях.

Довольно высоким остается уровень насилия в армии. Много проблем с социальным обеспечением ветеранов боевых действий.

Но, конечно, самая большая проблема — война на востоке Украины. До сих пор официально не признано участие в ней российских военнослужащих. Соответственно те, кто принимал участие в боевых действиях, не получают положенных по Закону социальных выплат и медико-психологической реабилитации. Не проведено независимого расследования случаев гибели российских военнослужащих, ни по одному случаю не возбуждены уголовные дела.

Тамара Морщакова:

«По принципиальным вопросам я буду всегда настаивать: «Карфаген должен быть разрушен!» Иначе я не работала бы в Совете»

Тамара Георгиевна Морщакова (родилась 28 марта 1936 года в Москве) — российский юрист, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, Заслуженный деятель науки РФ. В 1991–2002 годах — судья Конституционного Суда Российской Федерации. Окончила юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, аспирантуру Института государства и права Академии наук СССР. Профессиональные интересы — судебная власть, уголовный процесс, социология и психология правосудия, конституционный судебный контроль, сравнительное правоведение. Занималась исследованием судебных ошибок и их причин. Принимала участие в разработке Конституции Российской Федерации, Концепции судебной реформы в Российской Федерации, а также проектов Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Федерального закона «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан», Федерального закона «О статусе судей в Российской Федерации».

Заведующая кафедрой судебной власти и организации правосудия ФГАУ ВПО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию институтов гражданского общества и правам человека. Председатель постоянной комиссии по гражданскому участию в правовой реформе, входит в состав постоянных комиссий по прецедентным делам и по гражданскому участию в противодействии коррупции и контролю за правоохранительными органами. В ходе «Сенатских слушаний» в октябре 2009 года выступила с критикой укрепления вертикали судебной власти и острой конкуренции между тремя высшими судами РФ. В 2010 году выступила с инициативой проведения независимой экспертизы второго дела «ЮКОСа», что было поддержано тогдашним Президентом Дмитрием Медведевым. Доклад экспертов был представлен Морщаковой 21 декабря 2011 года на Совете по правам человека при Президенте РФ с выводом о том, что приговор Ходорковскому и Лебеву следует пересмотреть, так как в ходе разбирательства были допущены «фундаментальные нарушения», свидетельствующие о судебной ошибке. Награждена Премией имени доктора Фридриха Йозефа Гааза за 2005 год. Автор более 200 работ и переводов ряда законов ФРГ.

Ред. Тамара Георгиевна, ваше обучение в университете и аспирантуре пришлось на годы после XX съезда. Какое тогда давали представление о правах человека?

Т.М. Да, это уже была оттепель. Но и юстиция по товарищу Вышинскому была всем еще памятна. Мне повезло. В аспирантуре я попала к Михаилу Соломоновичу Строговичу; это был уникальный человек, блестящий ученый, классик в области уголовно-процессуального права, теории права, юридической логики. И он теоретически отстаивал права человека, прежде всего в сфере уголовного судопроизводства, которая в связи с возможностью осуждения невиновного всегда чревата повышенной опасностью. Именно поэтому в ходе уголовного преследования права человека детально и широко защищаются международным правом — этому посвящена значительная часть международных актов в области прав человека, ссылки на которые тогда, во времена М.С. Строговича, не были популярны. Он же отстаивал идею презумпции невиновности, даже когда принцип состязательности сторон не признавался. Махровым цветом цвело возвращение дел судом на дополнительное расследование — то, что в усеченном виде и сейчас, несмотря на законодательные запреты, практикуют суды, способствуя следственным органам в исправлении их огрехов — вместо того, чтобы оправдывать незаконно привлеченных к ответственности.

Из учебного курса Строговича, изданного в 1960 году (четыре года уже прошло после XX съезда), в последний момент изъяли, буквально вырезали из тиража книги, страницы о презумпции невиновности. Это — де-юре буржуазный принцип, несовместимый с советским уголовным процессом. Не остановило исполнителей даже то, что автор — признанный мировой научный авторитет, член-корреспондент Академии наук СССР. И все-таки он не устал говорить и писать о правах человека, о состязательности и праве обвиняемого на защиту. Ученики Строговича становились его последователями в отстаивании концепции прав человека.

В науке уголовно-процессуального права это было органично, хотя постоянно велась дискуссия о том, какая цель уголовного процесса должна быть поставлена на первое место — наказание виновного или оправдание невиновного. Но если не исключается наказание невиновного — из-за непрофессионализма, незаконности преследования или

неудач следствия, то недостижимо и наказание виновного. Вместо него будет наказан невиновный. Приоритет и состоит в том, чтобы не допустить это.

Понимание первоочередности прав человека было для меня ключевым, еще когда я занималась в аспирантуре сравнением уголовного судопроизводства в двух германских государствах. Надо сказать, что даже в ГДР ситуация в этом смысле была намного благоприятней, чем в СССР: защитник всегда участвовал в процессе, вопрос об аресте решался судом, а не прокурором. В связи с этим кажется интересной известная переключка времен. Истоки послевоенного германского регулирования обнаруживали наследие не только Веймарской Республики, еще немецкие Уставы в конце XIX века восприняли многое из знаменитых российских Уложений и Уставов 1864 года, реформы императора Александра Второго. В Германии эта классическая основа сохранялась, чего нельзя было сказать о советской юстиции, где доминировало — и в нормах, и на практике — представление, что суд, решая общие задачи с органами обвинения, не может не занимать активную позицию. И суд нередко солидаризировался с обвинением; правило о толковании сомнений, как и презумпция невиновности, не действовали. Сейчас это конституционные принципы. Хотя на числе оправдательных приговоров их конституционное закрепление, к сожалению, не отражается — оправдывают менее одного процента подсудимых, что значительно меньше, чем даже в советских судах.

Ред. Вы же занимались очень «правозащитной» тематикой в связи с исследованием судебных ошибок.

Т.М. Да, в составе серьезного коллектива академического Института государства и права — им тогда руководил академик Владимир Николаевич Кудрявцев. Идею поддержал председатель Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР Григорий Захарович Анашкин. Были привлечены социологи, что тогда еще не практиковалось. Среди судей распространяли анкеты. 25% судей подтвердили (дело было в 1967–1968 годах), что на них оказывается давление. Исследовалась психология судебных ошибок. Использовались данные по НОТ — научной организации труда. Создавался социальный портрет советского судьи: средний заработок, служебная

нагрузка, обеспеченность жильем и т.д. Провели корреляционный анализ этих характеристик и результатов судебной работы — оказалось, что они взаимосвязаны.

Выяснялось соотношение официальных и реальных возможностей для исправления судебных ошибок, сколько вынесено обособанных приговоров, сколько приговоров отменяется в ординарном кассационном и исключительном надзорном порядке. Ведь жалобщик, например, добиться по своей надзорной жалобе начала производства не мог. Сама по себе жалоба не была импульсом, чтобы начать надзорную проверку решения суда: требовалось его опротестование руководителями вышестоящих судов и прокуратуры. Кстати, сейчас эта практика, по сути, во многом возрождается.

Ред. Но в целом это исследование было прорывом?

Т.М. Да, если исходить из того, что статистические и социологические методы исследования были уникальны, была широко изучена не только актуальная практика по стране, но и в ретроспективе — монография вышла в 1970 году, аккумулировав материал за 30 лет. Однако это было служебное издание, с грифом «ДСП» и тиражом — полторы тысячи экземпляров.

Ред. Но потом-то оно было востребовано?

Т.М. Два тома книги — абсолютный раритет, есть электронная версия в личной библиотеке. А авторы оказались востребованными. В 1988 году появилась серьезная публикация в «Известиях» о необходимости судебной реформы. В 1992 году ее концепцию, в составлении которой участвовали и исследователи судебных ошибок, утвердил уже Верховный Совет РСФСР. Суды тогда были в жутком состоянии, даже на судебные повестки денег не было, хоть закрывай учреждение. Депутаты это все-таки осознали, потом многие положения концепции вошли в Конституцию 1993 года. А импульс был дан, в частности, результатами работы, о которой я рассказывала.

Ред. Вы же стояли у истоков нашего Конституционного Суда?

Т.М. Как сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения я в 1991 году писала отзыв на первый

проект Закона о Конституционном Суде. Постановка вопроса была ориентирована на разные варианты: либо государственный суд решает спор между государственными органами, либо следует в этот процесс допустить и граждан. Институт был за второй вариант, я бы сказала, более правозащитный вариант, он и прошел в Верховном Совете РСФСР. Это была удача. Там, где граждане не участвуют в инициировании процесса, там и суды, как показывает практика нынешних аналогичных судов в субъектах РФ, скучные и малозначимые. Мировой опыт тоже это подтверждает (так, в частности, долгое время было во Франции, потом эту проблему решили в пользу допустимости жалоб граждан, что сыграло явно положительную роль в повышении эффективности и авторитета конституционного контроля).

Второй, представленный Президентом страны, Закон о Конституционном Суде РФ 1994 года, который разрабатывался при участии судей КС, тоже исходил из права граждан на доступ к Конституционному Суду, и даже включил в предмет жалобы гражданина не только правоприменительную практику, но и сами законодательные нормы. Это повышало, конечно, правозащитный потенциал конституционного правосудия.

Ред. Судьи Конституционного Суда разошлись в оценке Указа № 1400 в 1993 году?

Т.М. Говорят, что Указ № 1400 приостановил деятельность Конституционного Суда, но деятельность органа, не соответствующего нормам новой Конституции, нельзя было ни продолжать, ни приостановить. Содержательно вопрос мог решаться только на основе переходных положений к Конституции. Указ свидетельствовал об этом, хотя его можно было и не издавать, если бы речь не шла о практической реализации многих задач конституционной реформы. Ряд судей еще до появления этого Указа высказали свое мнение о том, что они не могут разрешать споры между ветвями власти, пока для этого нет соответствующей правовой базы.

Отвлекусь, чтобы привести пример. В 1992 году в Конституционном Суде шло разбирательство в отношении газеты «Известия». Еще действовала статья 104 старой Конституции о всесии Съезда народных депутатов, который мог принять к рассмотрению любой вопрос, не обеспечивалось разделение ветвей власти плюс

существовала на тот момент 6-я статья, утверждавшая руководство, верховенство только одной партии¹¹¹ — а какие еще были? Верховный Совет сам определил и распределил имущество бывшей газеты — тогда все считалось предметом государственного ведения, хотя журналистский коллектив учредил по существу новую газету и не мог быть лишен такого права. В итоге суд все-таки защитил право журналистского коллектива на самоорганизацию и имущество — при отсутствии нового законодательства, соответствующего провозглашенным в Декларации о суверенитете России правам и принципам. Для решения многих правовых вопросов не было тогда достаточной нормативной основы, тем более нельзя было Конституционному Суду продолжать свою деятельность, пока его состав и полномочия

¹¹¹ Статья 6 Конституции СССР о руководящей роли КПСС была отменена Законом СССР от 14 марта 1990 года № 1360-1.

не были приведены в соответствие с новой Конституцией.

Ред. О том, что в том напряженнейшем сентябре 1993-го создавалась Комиссия по правам человека, вы знали?

Т.М. Конечно, и я, и мои друзья это приветствовали. Все понимали, что это очень важный институт. Страна же была по стандартам в области защиты прав в нулевом состоянии. И на этой основе в то время расцвели возникшие ранее правозащитные институты гражданского общества: и «Мемориал», и Московская Хельсинкская группа. Большую роль, конечно, играл личный авторитет Сергея Адамовича Ковалёва. Тогда к нему — депутату Верховного Совета, известному диссиденту и правозащитнику — не могли не прислушаться.

Ред. Тамара Георгиевна, поддержав Президента Ельцина в 1993 году, вы вскоре выступили против него по чеченскому вопросу?

ПОЗИЦИЯ «Когда независимость правосудия не признается, государство будет постоянно находиться в состоянии многостороннего кризиса. Отсутствие независимого правосудия уничтожает содержание и смысл права. Правовой идеал, если он применяется

избирательно, — это уже
никакой не идеал. Да, иногда
приходится оправдать
«преступника», как бы это
кому-то ни казалось очевид-
но неправильным, оправдать
только потому, что в поисках
доказательств преступного
поведения мы были неудач-
ны, незаконны, неуспешны.
Нет другого пути к справед-
ливости, к тому, чтобы
в других ситуациях не был
осужден не преступник,
а невиновный, чтобы в таком
положении не мог оказаться
каждый. Другого пути нет».

Из выступления на конференции «Российские альтернативы»,
10 июля 2007 года

Т.М. Я в целом оставалась его сторонницей. Но тут шла речь о компетенции государства в области ограничения прав и свобод. Они могут быть ограничены только федеральным законом, а в Указах Президента по Чечне были сформулированы нормы, которые ограничивали права и свободы. Против этого я возражала в своем особом мнении. Но я была против и позже, когда Госдума начала попытки импичмента, используя именно чеченский вопрос. Хотя сами же депутаты ранее настаивали на введении чрезвычайного и военного положения, на использовании вооруженных сил; иного решения они не видели, но и необходимые для этого законы не приняли. Поэтому и представлялось, что Дума, настаивая на импичменте, оспаривает по существу компетенцию Президента, и я была против допустимости их обращения в Конституционный Суд в этой процедуре, никакой логики — с точки зрения содержания их требований — в действиях депутатов не было.

Ред. Как вы попали в Совет по правам человека?

Т.М. Меня пригласила Элла Памфилова. Мы не были близко знакомы, но она мне запомнилась выступлением на Съезде народных депутатов СССР против Гдьяна и Иванова. Они ведь как следователи по уголовному «узбекскому делу» дошли до организации террора против местного населения. Когда депутаты рассматривали эту их деятельность, Памфилова — она была депутатом и участвовала в заседании Съезда — стукнула (в буквальном смысле слова) кулаком по трибуне и потребовала: или доказательства на стол, или прекратите безобразия. Ведь по тому делу следователи допустили очень много нарушений законности.

Обо мне же она знала как о судье Конституционного Суда РФ, которая ушла в отставку. Лично просила меня и обосновала свою просьбу так: надо делать что-то в сфере правосудия, а где юристы и общественные деятели, защищающие права человека?

Я дала согласие, предполагая, конечно, заниматься судебной реформой и защитой прав человека в сфере правосудия.

ДОКУМЕНТ

6 ноября 2004 года — Комиссия преобразована в Совет при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека. Председателем Совета назначена Элла Памфилова. Состав Совета увеличен до 33 человек, прежде всего за счет включения в него видных представителей российской интеллигенции и правозащитного сообщества: Валерия Абрамкина, Людмилы Алексеевой, Светланы Ганнушкиной, Алексея Голованя, Иды Куклиной, Тамары Морщаковой, Олега Орлова и других.

Из информационной записки
«Совет при Президенте Российской Федерации
по развитию гражданского общества и правам человека
7 мая 2012 года — 7 мая 2014 года

Ред. Расскажите подробнее, пожалуйста.

Т.М. СПЧ начал разрабатывать предложения по совершенствованию судебной деятельности. Эти предложения мы представили Президенту, но в основном они не были реализованы. Вообще, деятельность Совета именно в этой сфере, как ни обидно и ни печально, наименее эффективна. Проблема в том, что нашу судебную систему надо не реформировать, ее надо, по сути, создавать. Еще до принятия Конституции 1993 года был разработан Закон о статусе судей. Он

создавал основу для независимости суда, предоставлял широкие гарантии, судей освобождали от партийно-государственного ига. Закон был воспринят судьями с энтузиазмом, они хотели быть независимыми, надеялись, что теперь ничто не будет мешать им выносить справедливые решения — по закону и совести, как гласит присяга судьи. Появились арбитражные суды, суды присяжных, которые судьи восторженно приветствовали.

Но скоро связанные с этими изменениями надежды растаяли. Сначала ввели,

а вскоре сократили (с пяти до трех лет) срок первоначального назначения судей, а дальше можно было уже и просто не назначить без объяснения причин. Понятно, что принцип несменяемости судей был фактически отвергнут. Судья же должен был себя вести соответственно — чтобы потом опять назначили. Было заложено много нехорошего и в так называемую последующую реформу Д. Козака: ничем не ограничиваемая (ни основаниями, ни сроками) дисциплинарная ответственность судей, а также административная ответственность, которой по прежнему Закону 1992 года они

не подлежали, чтобы милиция, следствие, прокуратура не могли это использовать для давления на суд.

Далее было введено назначение председателей всех судов на шесть лет с возможностью повторного назначения или неназначения. Значит, опять следовало стараться соответствовать. Варианты выборов руководителей судов самими судьями (как и их ротация) упорно отвергались, несмотря на то что с 1994 года такой порядок был опробован в Конституционном Суде РФ и высоко оценивался экспертами.

ДОКУМЕНТ

Продолжая начатую Комиссией по правам человека работу в области создания в России ювенальной юстиции, председатель Совета Элла Памфилова обратилась к Президенту Российской Федерации с письмом о поддержке проекта Федерального конституционного закона № 38948-3 «О внесении изменений и дополнений в Федеральный конституционный закон "О судебной системе Российской Федерации"» в части введения ювенальных судов.

<...>

Дети — самая незащищенная и самая уязвимая часть населения России. Нужно создавать правовые механизмы на основе ювенальной юстиции, профилактики, реабилитации, системы защиты прав детей...

На правах эксперимента ювенальные суды уже открыты в Ростовской и Брянской областях.

Из Краткого обзора деятельности Совета за 2002–2008 годах

СПЧ неоднократно выдвигал предложения, которые исходили из необходимости устранения искажений в судебной системе. Отстаивались проекты, направленные на расширение применения суда присяжных, введение судов по делам несовершеннолетних, выделение (на условиях ротации) судей, которые на стадии расследования рассматривали бы жалобы на нарушение прав при его производстве (следственные судьи), предлагалось внедрить механизмы для взаимного контроля в системе правоохранительных органов и т.д. Есть предложения СПЧ по совершенствованию практики и условно-досрочного освобождения, и освобождения по болезни, и помилования. Совет занимался разработкой проектов амнистий.

Однако как на уровне правоохранительных органов, так и на уровне Государственно-правового управления Президента предложения чаще отвергались

или приобретали совсем иной характер. Не приняты меры, противодействующие зависимости судей от председателей судов, в значительной степени выхолащены предложения СПЧ по расширению суда присяжных. Увяли институты условно-досрочного освобождения и помилования. Продолжается практика необоснованного заключения под стражу. Не принимаются меры по обеспечению независимого судебного контроля за следствием, в то время как и прокурорского надзора за ним почти нет. До сих пор вызывает сопротивление с очевидностью необходимое обязательное аудиопотоколирование судебных заседаний, позволяющее обеспечить объективную процессуальную проверку судебных актов и исключающее фальсификацию протоколов судебных заседаний.

ПОЗИЦИЯ «Совет на самом деле представляет гражданское общество. Он, по идее, должен быть передаточным механизмом от гражданского общества главе государства, чтобы глава государства представлял себе позиции гражданского общества по разного рода вопросам, отнюдь не только по таким, как судебные процессы. Вся палитра тех проблем, которые рассматриваются Советом, даже не может быть здесь обозначена. Это очень много: от экологии до проблем

защиты детей. Очень большой диапазон. И Совет не нуждается в каких-то особых заказах, он реагирует именно на потребности общества».

Из выступления на радиостанции «Эхо Москвы»,
22 февраля 2011 года

Ред. Вы рисуете совсем уж мрачную картину.

Т.М. Повторю, в сфере моей работы по линии СПЧ ситуация не меняется или меняется очень медленно. Иногда, конечно, СПЧ удается с помощью заключений на законопроекты добиться учета своих замечаний в парламенте.

Ред. Но то, что вы так заинтересованно и предметно говорите, свидетельствует скорее о том, что вы всё же не бросаете?

Т.М. Конечно. Я, кстати, с удовлетворением отмечу, что все позитивные моменты в работе Совета Михаил Александрович Федотов делает достоянием журналистов, люди узнают о них. Что же касается меня, я всегда готова работать для успеха нашего безнадёжного дела. Поучителен образ лягушки, которая, попав в молоко, стала лапками бить и в результате выбралась на поверхность. По принципиальным вопросам я буду всегда настаивать: «Карфаген должен быть разрушен!» Иначе я не работала бы в Совете.

Мара Полякова:

«В Совете больше возможностей решать многие вопросы на системном уровне»

Мара Фёдоровна Полякова (родилась в 1942 году) — юрист, общественный деятель, правозащитник. Окончила юридический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. Имеет 27-летний опыт практической работы в органах прокуратуры и научной работы в сфере уголовного судопроизводства), а также 25-летний стаж преподавания юридических дисциплин: в Институте повышения квалификации руководящих кадров Генеральной прокуратуры РФ, в Российской правовой академии Министерства юстиции РФ, в других вузах.

Участвовала в разработке многих законопроектов, научных, учебных и методических трудов. Была общественным помощником члена Совета Федерации Федерального Собрания РФ Ю. Д. Черниченко, общественным помощником депутатов Госдумы РФ Г. В. Старовойтовой и С. А. Ковалёва. Председатель правления Межрегиональной общественной организации по научному содействию защите прав человека и развитию гражданского общества «Независимый экспертно-правовой совет» (НЭПС), кандидат юридических наук, доцент, советник юстиции, член Московской Хельсинкской группы.

Член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, председатель Постоянной комиссии по научно-правовой экспертизе, входит в состав постоянных комиссий по гражданскому участию в правовой реформе, по гражданскому участию в противодействии коррупции и контролю за правоохранительными органами, по развитию НКО, по содействию общественным наблюдательным комиссиям, реформе пенитенциарной системы и профилактике правонарушений, входит также в состав временной рабочей группы по мониторингу соблюдения прав человека на территории Украины.

Имеет благодарности двух президентов РФ за вклад в развитие институтов гражданского общества и обеспечение защиты прав и свобод человека.

Ред. Мара Фёдоровна, вы были юристом во всех ипостасях: следователем и ученым-правоведом, практиком и теоретиком. Это у вас наследственное пристрастие?

М.П. Мама у меня действительно была юристом, но в семье никто влияния на мой выбор не оказывал. Было у меня, правда, со старших классов острое желание расследовать тайну гибели Владимира Маяковского.

Ред. И что вы теперь думаете по этому поводу?

М.П. Много лет спустя мне довелось пообщаться с членом Военной коллегии Верховного Суда СССР, который выразил сомнение в справедливости официальной версии самоубийства, но, поскольку я сама делом этим не занималась, судить не могу.

Ред. Расскажите о начале своего профессионального пути.

М.П. Юридическое образование я получила, обучаясь на вечернем отделении, для поступления на дневное необходимо было иметь два года рабочего стажа. Общие представления о жизни у меня были достаточно советские и относительно правовой ситуации в стране тоже имелись заблуждения.

Ред. А вот, скажем, обвинительный уклон в советских судах, о котором говорят многие специалисты, вы замечали?

М.П. Я разобралась в этом позже, в аспирантуре Института государства и права. Выбрав тему диссертации «Возмещение ущерба в уголовном процессе в случае реабилитации» и проведя исследование, увидела, что достаточно много случаев, когда привлекали невиновных по ошибке или в результате злоупотреблений. Поняла я и то, что масштаб незаконно репрессированных по политическим мотивам в сталинский период так велик, что для компенсации ущерба в полном объеме понадобится, видимо, чуть ли не весь бюджет государства. В тот период этим гражданам ущерб возмещался лишь частично.

Я разрабатывала положения нормативных актов, которые позволяли компенсировать ущерб незаконно репрессированным в уголовном порядке после вступления в силу этих норм. В Институте мне говорили, что тема «непроходная», что мои статьи никто не будет публиковать. Но я была убеждена,

что, даже если сейчас не получится, то заниматься этим необходимо.

Ред. И что в итоге?

М.П. В итоге я защитила диссертацию в 1977 году под руководством Валерия Михайловича Савицкого, защита прошла успешно, и публикации состоялись. В 1981 году были приняты нормативные акты в том варианте, в котором я предлагала. Этими нормами предписывалось возмещение ущерба всем реабилитированным, в отношении которых незаконные действия были совершены после 1 мая 1981 года, в полном объеме.

Но не все истории заканчивались в тот период так благополучно. Член-корреспондента Академии наук СССР Михаила Соломоновича Строговича забаллотировали при выборах в академики. Его обвинили в том, что он протаскивает в советский уголовный процесс «буржуазный принцип» — презумпцию невиновности.

Ред. Похоже, девиз «если не я, то кто?» вам не чужд.

М.П. Что-то вроде этого.

Ред. А перестройку как вы восприняли?

М.П. Абсолютно эйфорически! Мы, юристы, возлагали огромные надежды на появление суда присяжных. Крепко поверили в создание правового государства, размечтались. Но были и трезвые соображения: мы понимали, что без судебной реформы другие реформы невозможны, их просто некому будет защитить, что в итоге и случилось. Было очень заметно, что в ходе законотворческого процесса появляется множество безграмотных нормативных актов, ведь их готовили в большинстве своем не юристы. Мы убеждали депутатов взять хотя бы помощников, имеющих юридическое образование. Необходимость правовой реформы понимал широкий круг юристов, мы общались, собирались на неформальные встречи, участвовали и в парламентских слушаниях, разъясняли депутатам, что могли. Иногда наши разъяснения помогали более грамотно выстраивать законопроекты.

Ред. С горбачевской эпохой понятно. А после образования новой России что изменилось в вашей жизни?

М.П. Мы обращались к руководителям фракций Госдумы РФ, возглавляемых в тот период Егором Гайдаром и Григорием Явлинским. Мы разъясняли им необходимость судебной реформы. Они выслушивали нас. Явлинский даже предлагал возглавляемому мной Независимому экспертно-правовому совету стать частью «Яблока». Но мы этого не хотели, понимая, что политизированность, привязка к какой-либо партии пойдут делу во вред. Мы продолжали говорить о последствиях незавершенности судебной реформы, но эти фракции в тот период не считали судебную реформу приоритетной, они были ориентированы исключительно на экономику. Однако экономическая реформа, предпринимательство должны были иметь необходимые правовые рычаги для своей защиты, защиты права частной собственности, предпринимательства. Мне довелось успешно поработать в тот период с публицистом Юрием Черниченко, мы боролись за то, чтобы юридически закрепить право собственности на землю. Сотрудничали по этому поводу с Центром частного права при Президенте РФ, со многими учеными вузов, содействовали защите фермеров.

Ред. До вхождения в Совет у вас был опыт общения с правозащитниками?

М.П. Да, и немалый. Я сотрудничала с «Мемориалом», вошла в состав Московской Хельсинкской группы, систематически сотрудничала с рядом других правозащитных организаций. Привлекала к общению с ними, к оказанию им научно-экспертной помощи круг ученых с мировыми

именами. Мы обращались к ним, они — к нам. Я контактировала с Сергеем Адамовичем Ковалёвым, была членом Постоянной палаты по правам человека, когда ее возглавлял Валерий Борщев. Сотрудничала в качестве эксперта с Комиссией по правам человека при Президенте РФ, когда ее председателем был Владимир Карташкин. При нем там доминировали чиновники и решения принимались большинством голосов с учетом именно их мнения. Я не ощущала каких-то подвижек. Мне удавалось лишь помогать некоторым конкретным людям, например, когда ко мне обращался член Комиссии, известный артист Георгий Жжёнов. Однако идея защиты прав человека, развитие правовых идей в Комиссии продвигались слабо.

Ред. Каким образом вы стали членом Совета?

М.П. Элла Александровна Памфилова собрала руководителей многих правозащитных организаций. По их рекомендации пригласили и меня. Элла Александровна подробно беседовала с каждым, выясняла, кто чем занимается. До этого мы с ней лично не общались. Я поделилась своими сообщениями относительно развития гражданского общества, защиты прав человека, судебной реформы. Она мне предложила войти в состав Совета, и я тут же согласилась, понимая, что таким образом появится больше возможностей решать проблемы как системные, так и в отношении конкретных людей, терпящих произвол.

ПОЗИЦИЯ «Малоимущие люди, люди наименее социально защищенные, как правило, лишены возможности обращаться к адвокатам... Отчаявшись получить защиту от государства, помощь

от государства, идут к правозащитникам. Но правозащитникам, чтобы оказывать этим людям реальное содействие, необходимо вступить в диалог с государством... Проведенные проверки и органами прокуратуры, и налоговыми органами, и органами управления юстиции показали, что многие организации, которые причислены сегодня к агентам, не работали против России, все они работали в интересах России, в интересах российских граждан. То есть их деятельность, несмотря на иностранное финансирование, никакого вреда не причиняла, приносила пользу. В то же время, особенно это ощутило на местах, разрушен диалог с властью... Мне известно, что закрываются, ликвидируются некоторые совершенно замечательные

организации, которые действовали в интересах России, тот же «Комитет против пыток», организации, представители которых входят в состав Совета, которые, кроме как тем, что оказывали помощь людям, не занимались ничем другим. А поскольку занимались они работой в интересах граждан России, то использовались какие-то предлоги, иногда просто смешные, как правило, надуманные, которые на самом деле к политической деятельности не имели никакого отношения».

Из выступления М. Поляковой на встрече Президента РФ В. Путина с Советом при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, 1 октября 2015 года

Ред. Войдя в Совет, вы сразу же занялись работой «по профилю»?

М.П. Разумеется, мы занялись вопросами правовой реформы вместе с Тамарой Георгиевной Морщаковой, Сергеем Пашиным и другими известными юристами. Я еще специализировалась на решении иных конкретных правовых проблем, в частности всего, что связано с НКО и ОНК. Я понимала, что необходимо поддерживать правозащитные организации, правозащитное

сообщество, это ведь очень сложный участок. Мы начали проводить семинары для юристов НКО. Эту практику поддерживала Элла Александровна, поддерживал затем и Михаил Александрович Федотов. Мы поняли, что необходимо повышать правовую квалификацию самих правозащитников, чтобы они имели уровень юридической подготовки не меньше, чем у чиновников. Ведь у чиновников есть система повышения профессиональной квалификации, а правозащитники такой поддержки лишены. На семинарах,

на лекциях мы много внимания уделяли вопросам взаимоотношений правозащитников с другими участниками процесса, важность которых не всегда понимали правозащитники. Например, были случаи, когда в судах они использовали митинговые приемы, «от дверей» заявляли отводы судьям, вредя при этом своим подзащитным.

Ред. Прогресс после учебы заметен?

М.П. Сейчас они грамотно ориентируются в судопроцессе, понимают необходимость знания законов, в процессы направляют только юристов. Некоторые, несмотря на уже имеющееся высшее образование, пошли учиться еще и в юридические вузы. Поэтому сейчас на семинарах мы главным образом знакомим юристов НКО со всеми изменениями в законодательстве, содействуем правильному толкованию сложных проблем практики. Для оказания помощи

НКО мы готовим для них научно-консультационные заключения на спорные вопросы по судебным делам граждан. Благодаря этим заключениям они получают возможность заступаться за конкретных людей, продуктивнее работать с жалобами граждан.

Ред. А какие свои дела вы считаете самыми значимыми?

М.П. В свое время я и Сергей Пашин, в то время судья, направили жалобы по двум разным делам осужденных к смертной казни в Конституционный Суд РФ. Наши жалобы объединили с жалобами других адвокатов. В результате было принято решение о приостановлении исполнения смертной казни в России.

Ред. Да, тут комментарии не требуются.

ДОКУМЕНТ

5. С момента вступления в силу настоящего Постановления и до введения в действие соответствующего федерального закона, обеспечивающего на всей территории Российской Федерации каждому обвиняемому в преступлении, за совершение которого федеральным законом в качестве исключительной меры наказания установлена смертная казнь, право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей, наказание в виде смертной казни назначаться не может независимо от того, рассматривается ли дело судом с участием присяжных заседателей, коллегией в составе трех профессиональных судей или судом в составе судьи и двух народных заседателей.

Из Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 г. № 3-П

6. ...Это означает, что в Российской Федерации действует конкретизирующий закрепленные Конституцией Российской Федерации гарантии права на жизнь комплексный мораторий на применение смертной казни, который, по смыслу составляющих его правовых актов, первоначально предполагался в качестве краткосрочного. Вместе с тем данное правовое регулирование сохраняет свое действие более 10 лет (с момента принятия Россией на себя обязательств при вступлении в Совет Европы (28 февраля 1996 года) и подписания Протокола № 6 (16 апреля 1997 года), а также установления Конституционным Судом Российской Федерации (Постановление от 2 февраля 1999 года № 3-П) прямого запрета — в отсутствие надлежащих процессуальных гарантий — на назначение смертной казни) и легитимировано сложившейся правоприменительной практикой, в том числе последующими решениями Конституционного Суда Российской Федерации и решениями судов общей юрисдикции.

7. Таким образом, в Российской Федерации на основе Конституции Российской Федерации и конкретизирующих ее правовых актов смертная казнь как наказание уже длительное время не назначается и не исполняется. В результате столь продолжительного по времени действия моратория на применение смертной казни, элементом правовой основы которого является Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П, рассматриваемые в настоящем постановлении вопросы относятся к категории

гарантии права не быть подвергнутым смертной казни и сложился легитимный конституционно-правовой режим, в рамках которого — с учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя Российской Федерацией, — происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни, как исключительной меры наказания, носящей временный характер («впредь до ее отмены») и допускаемой лишь в течение определенного переходного периода, т. е. на реализацию цели, закрепленной статьей 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации.

Из Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р

М.П. Еще мы активно боролись за отмену трехлетнего срока для начинающих судей. Ведь председателей судов не выбирают, а назначают, и те, в свою очередь, решают, рекомендовать отработавшего три года судью к пожизненному назначению или нет. Это правило превратилось в фильтр для отбора «послушных», приучая начинающих судей всегда спрашивать мнение

председателя, прежде чем написать решение по значимому делу. В итоге трехлетний «испытательно-воспитательный» срок был отменен. Постоянно поднимали вопрос о расширении подсудности судов с участием присяжных заседателей. Недавно принятые законы позволяют решить эти проблемы хотя бы отчасти.

ДОКУМЕНТ

Внести в Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 года № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1992, № 30, ст. 1792; 1993, № 17, ст. 606; Собрание законодательства Российской Федерации, 1995, № 26, ст. 2399; 2001, № 51, ст. 4834; 2005, № 15, ст. 1278; 2008, № 52, ст. 6229) следующие изменения:

- 1) в пункте 8 статьи 6 слова «до истечения срока полномочий судьи» заменить словами «до достижения судьей федерального суда предельного возраста пребывания в должности судьи»;
- 2) в статье 11:
 - а) абзац первый пункта 1 изложить в следующей редакции:
«1. Полномочия судьи федерального суда не ограничены определенным сроком»;
 - б) пункт 2 признать утратившим силу;
 - в) в пункте 6:
 - абзац первый изложить в следующей редакции:
«6. Полномочия судьи федерального суда прекращаются»;
 - абзац второй признать утратившим силу;
 - абзац пятый изложить в следующей редакции:
«Судья федерального суда, срок полномочий которого истек в связи с достижением им предельного возраста пребывания в должности судьи, продолжает осуществлять свои полномочия до окончания рассмотрения по существу дела, начатого с его участием, либо до первого назначения судьи в данный суд»;
 - в абзаце шестом слова «в связи с истечением срока полномочий или» исключить.

Из Федерального закона от 17 июля 2009 г. № 157-ФЗ «О внесении изменений в статьи 6 и 11 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и в статьи 17 и 19 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации»

Ред. Как у вас складываются отношения с соратниками по Совету?

М.П. У меня со всеми хорошие отношения, а с Людмилой Михайловной Алексеевой мы просто дружим. Это она предложила мне вступить в Московскую Хельсинкскую группу. С Эллой Поляковой мы тесно общаемся, с Сергеем Пашиным, Кириллом Кабановым, Сергеем Кривенко, Наташей Евдокимовой — в принципе, со всеми членами Совета, но наиболее тесно — с юристами, работающими в Совете. Многие проблемы приходится решать сообща, мы их вместе выносим на заседания Совета. Выходить из состава Совета мне никогда в голову не приходило: я отчетливо понимаю, что в Совете больше возможностей решать многие вопросы на системном уровне. Я всегда отговаривала тех, кто собирался выходить из Совета.

Ред. Над чем вы сейчас работаете?

М.П. В Краснодарском крае обездолили бывших колхозников: у людей, имевших право на землю, ее отобрали. По делам этих людей мы готовили научно-консультативные заключения. Сейчас получаю информацию,

что подобные вещи происходят и в других регионах России. Поэтому важно была бы, например, на Кубани, создать хороший прецедент. Вместе с другими юристами — членами Совета мы продолжаем добиваться изменений правового положения НКО и ОНКО.

Для меня основная и самая объемная работа — организация подготовки и написание научно-консультативных заключений по судебным делам граждан, обращающихся в Совет. Таких обращений — тысячи, дела — сложнейшие, часто запущенные.

Что касается эффективности нашей работы, хотелось бы добиваться большего, но загвоздка в том, что другие структуры тоже обращаются к Президенту, причем часто с просьбами, противоположными нашим. Люди, особенно на местах, когда слышат, что мы «при Президенте» относимся к нам с большой надеждой, считают, что мы можем по их просьбам в любой день подходить к главе государства и решать их вопросы в простой беседе с ним. В этом тоже трудность нашей работы: далеко не всегда нам — по разным причинам — удается помочь гражданам, даже если в отношении них допущена несправедливость.

Елена Тополева-Солдунова: «В Совете много честных, смелых, совестливых людей, следующих своей МИССИИ»

Елена Андреевна Тополева-Солдунова (родилась в 1959 году в Москве) — российский общественный деятель, директор автономной некоммерческой организации «Агентство социальной информации», член Общественной палаты Российской Федерации, член Экспертного совета при Правительстве РФ, заместитель председателя Совета по вопросам попечительства в социальной сфере при Правительстве РФ, председатель Общественного совета при Министерстве труда и социальной защиты РФ.

Окончила филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, получила дополнительное образование в Центре развития образования (Бостон, США) по специальности «Социальный маркетинг». Работала редактором, заведующей редакцией в издательстве «Русский язык» и агентстве «Постфактум».

В 1994 году создала и возглавила автономную некоммерческую организацию «Агентство социальной информации» (АСИ). В 2006 году — член Общественного совета Национальной инициативы «2006 — Год благотворительности в России». В 2008 году — член Информационного комитета года семьи в России. В 2008–2010 годах — член международной рабочей группы по подготовке приложения по отчетности НКО Глобальной инициативы по отчетности. С 2011 года — сопредседатель экспертной группы «Развитие общественных институтов» в рамках процесса разработки социально-экономической стратегии Российской Федерации до 2020 года. С 2011 по 2013 год — член Экспертного совета Агентства стратегических инициатив.

С 2012 по январь 2016 года — член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, председатель Постоянной комиссии по развитию НКО. С 2012 по 2014 год возглавляла Комиссию Общественной палаты РФ по социальной политике, трудовым отношениям и качеству жизни граждан.

Ред. Елена Андреевна, какими путями вы пришли к правозащитной деятельности?

Е.Т.-С. Я бы сказала — опосредованными. Потому что из того, чем занимаются «классические» правозащитники, мне ближе всего была идея создания гражданского общества, развития волонтерства, благотворительности. Конкретно же получилось так. Я как выпускница филфака МГУ работала в издательстве «Русский язык» — огромном, оно издавало множество учебников, словарей. Потом — в информационном агентстве. В какой-то момент известный политолог Нина Беляева, руководитель Фонда Interlegal, предложила мне и всей нашей редакции, что называется, «подработку» — редактировать информационные бюллетени, посвященные различным направлениям деятельности зарождающегося гражданского общества. Уже шла перестройка, появлялись первые некоммерческие организации (НКО) новой волны, женские движения, благотворительные фонды. Тогда я получила более ясное представление о правозащитном движении, особенно когда стала главным редактором бюллетеня «Третий сектор» Фонда «Интерлигал». Чтобы делать его качественно, я не просто стала глубоко вникать в тему, но и знакомиться с лидерами гражданских организаций, в том числе и правозащитных.

Ред. Все это вы делали уже в компьютерной форме?

Е.Т.-С. Да. Я еще в издательстве «Русский язык» прошла обучение работе на компьютере, а потом усовершенствовала приобретенные навыки, работая в совместном российско-американском предприятии. Я могла делать и компьютерную верстку, но мне уже неинтересна стала роль винтика в огромной издательской машине, захотелось инициативной работы.

Ред. В каком направлении?

Е.Т.-С. Я продолжила то, чем начала заниматься еще в «Постфактуме», — знакомиться с НКО, их лидерами и рассказывать о них своей аудитории. Там были разные люди, в том числе те, которые в правозащитном движении не участвовали, а занимались конкретными социальными проблемами: помогали детям, участвовали в лечении алкоголиков и наркозависимых. Бюллетень «Третий сектор» должен был освещать данную тематику, и я почувствовала, насколько это важно не только для работы, но и для меня самой. Вместе с тем было понятно, что бюллетеня тиражом менее тысячи экземпляров явно недостаточно, чтобы рассказать людям о нарождающемся гражданском обществе и его героях, и я стала думать о специальном агентстве по проблематике НКО и гражданского общества в целом. Естественно, я искала единомышленников. Одним из них стал мой муж. А в итоге удалось создать в 1994 году Агентство социальной информации.

ПОЗИЦИЯ «Государство, поддерживающая НКО, не только может выделять средства непосредственно из бюджетов всех уровней, что оно и делает, и спасибо большое, что это делается, но еще и стимулировать и граждан, и бизнес к тому, чтобы

они тоже поддерживали НКО. Для граждан у нас сегодня существует уже возможность получения налогового вычета, если они жертвуют в НКО. Тут у нас хорошо все в законодательстве...

Что касается бизнеса, то хочу обратить ваше внимание, что многие компании, особенно крупные, уже сейчас в рамках своей социальной ответственности реализуют свои социальные программы через некоммерческие организации, поддерживая их на конкурсной основе. Это такие компании, как «Норникель», «РусАл», «Северсталь», «Газпром нефть», но это же далеко не все. И тут очень важно, мне кажется, было бы каким-то образом государству показать, что то, что компании делают,

поддерживая НКО, это хорошее направление. Для этого, мне кажется, было бы правильно, чтобы у нас в правительстве был хотя бы один чиновник... который каким-то образом курирует это направление стимулирования социальной ответственности бизнеса».

Из выступления Е. Тополевой-Солдуновой на встрече Президента РФ В. Путина с Советом при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, 14 октября 2014 года

Ред. Как вам работалось на этой новой ниве?

Е.Т.-С. Во время президентства М. Горбачева НКО и власть практически не пересекались. При Б. Ельцине их стали знакомить, в том числе и мы. В результате даже некий интерес у власти к НКО пробудился. Мы многим представителям власти тогда писали письма, призывая заметить третий сектор, обратить на него внимание. В частности, писали вице-премьеру Борису Немцову. Мы считали, что НКО смогут стать мощным двигателем развития страны.

Ред. Результаты были?

Е.Т.-С. Так себе. Новые реформаторы нас плохо слышали. Они были в основном экономистами, и гражданское измерение до них как-то не доходило. В результате мы долго работали сами по себе, наверх не могли достучаться. Журналисты, рупор граждан, тоже мало что знали об НКО, у них получалась скорее «точечная» работа. Суть проблем понимали единицы. Прошло много времени, прежде чем ситуация изменилась, это произошло уже в 2000-е годы. Сейчас нет журналиста, который не знал бы аббревиатуры НКО; и власть, и бизнес, и академическая

среда весьма внимательно относятся теперь к некоммерческим организациям (оценок сейчас не даю). Самым неосведомленным по сей день остается население: хотя доля информированных людей повысилась, радикально ситуация не изменилась.

Ред. Как вы стали членом Совета?

Е.Т.-С. Я стала весьма активно сотрудничать с Советом, когда его возглавила Элла Памфилова. В каком-то смысле наше АСИ стало неформальной пресс-службой Совета и освещение его работы было нашим приоритетом. Наше издание не относилось к популярным, массовым, но мы освещали деятельность Совета полнее других, хотя вся наша редакция включала тогда всего человек пять.

Ред. Кажется, что при таком развитии событий вам была прямая дорога в члены Совета?

Е.Т.-С. Откроюсь: стать членом Совета было моей мечтой. Эллу Александровну я знала давно, мы с ней довольно много встречались, сотрудничали. Я была активна, и меня нередко принимали за действующего члена Совета.

Совет приветствует прекращение голодовки ученым-физиком Сергеем Кривовым, протестовавшим против заключения его под стражу по делу о событиях на Болотной площади 6 мая 2012 г.

Известно, что в основу обвинения С. Кривова положена видеозапись ряда эпизодов столкновений демонстрантов с полицией, которая размещена в сети Интернет. Однако о событиях 6 мая с.г. Совет может судить не только по этой видеозаписи: ряд членов Совета официально осуществляли в тот день общественное наблюдение за соблюдением прав человека при проведении массового мероприятия. Общественные наблюдатели имели возможность констатировать, что накануне мероприятия на интернет-сайте ГУ МВД России по г. Москве была размещена схема его проведения, показывавшая проход к месту проведения митинга, в том числе через сквер Болотной площади. В реальности же, в нарушение данной схемы, сквер Болотной площади был полностью оцеплен сотрудниками полиции с собаками, а проход к месту проведения митинга со стороны Большого Каменного моста был перекрыт рамками металлоискателей. Со стороны Малого Каменного моста проход был также перекрыт с оставлением узкого прохода на Болотную набережную.

В результате этих действий полиции закономерно возникла давка: массовое скопление десятков тысяч людей возле узкого прохода к Болотной набережной и попытки людей попасть на площадь не могли не привести к выходу основной массы демонстрантов за рамки полицейских ограждений и даже к стычкам отдельных участников с силами правопорядка. Ни до, ни после 6 мая полиция не создавала для демонстрантов подобных невыносимо провокационных условий.

Совет твердо придерживается мнения о недопустимости применения насилия по отношению к представителям правоохранительных органов, исполняющим в ходе массовых мероприятий свои профессиональные обязанности. Но в любом случае ответственность должна носить исключительно индивидуализированный характер – за конкретные акты насилия в отношении конкретных полицейских.

Как отмечали члены Совета и эксперты на заседании Постоянной комиссии по гражданским свободам и гражданской активности 21 декабря 2012 года, поведение участников массового мероприятия на Болотной площади, в том числе и Сергея Кривова, носило в значительной степени вынужденный характер. В этой связи отсутствуют основания для квалификации данных событий, как «массовых беспорядков». При этом должной правовой оценки требуют действия тех сотрудников правоохранительных органов, которые реально причинили вред законопослушным участникам мероприятия, их здоровью, имуществу, чести и достоинству.

Совет призывает судебные органы проявить гуманность и справедливость, чтобы изменить меру пресечения Сергею Кривову, как и другим участникам так называемого «дела 6 мая», на не связанную с содержанием под стражей. Что же касается рассмотрения данного дела по существу, то Совет убежден в том, что оно не должно носить характер сведения политических счетов, а, напротив, способствовать консолидации общества.

29.01.2013

Из Обращения в связи с голодовкой Сергея Кривова, которое подписали члены Совета: Светлана Айвазова, Лев Амбиндер, Евгений Бобров, Мария Большакова, Александр Верховский, Елизавета Глинка, Алексей Головань, Наталия Евдокимова, Иван Засурский, Игорь Каляпин, Сергей Караганов, Юрий Костанов, Борис Кравченко, Сергей Кривенко, Раиса Лукутцова, Леонид Никитинский, Леонид Парфенов, Элла Полякова, Николай Сванидзе, Анита Соболева, Елена Тополева-Солдунова, Ирина Хакамада, Павел Чиков, Гарий Чмыхов, Илья Шаблинский, Лилия Шибанова, Андрей Юров

Ред. И все же?

Е.Т.-С. И все же в Совет я попала, когда его возглавил Михаил Александрович Федотов. С ним я была знакома шапочно, но потом стала теснее общаться в качестве друга

и эксперта Совета. А далее была назначена процедура привлечения новых членов, открылось интернет-голосование. Михаил Александрович предложил мне поучаствовать в этой процедуре, меня выдвинули. Надо было защищать свои позиции,

программы. Конкуренты были сильные, достаточно назвать Ирину Хакамаду. Но я набрала хорошие баллы, оказалась на втором-третьем месте и все-таки не вполне была уверена, что пройду интернет-голосование. Однако, когда Михаил Александрович пошел с результатами к Президенту, тот предложил взять в Совет всех, занявших первое-третье места. Так я стала членом Совета.

Ред. Вы не стали менять уже наработанное поле деятельности?

Е.Т.-С. Выбор у меня был — я могла войти в Постоянную комиссию по социальным вопросам или по развитию НКО. Я предпочла НКО, чем и занималась до начала 2016 года.

Ред. Как пошла работа с учетом того, что, как вы говорите, с 2000-х годов власти уже хорошо были информированы об НКО?

Е.Т.-С. Решения пришлось принимать сложные. Появилось много жалоб, острых вопросов в связи с принятием Закона об иностранных агентах.

Ред. В какой форме вы ощутили на себе эту остроту?

Е.Т.-С. Я участвовала, по-моему, во всех встречах Совета с Президентом и несколько раз поднимала эту тему, что всегда было непросто. Я, как могла, объясняла, почему этот Закон разрушительный, рассказывала, что от него страдают полезные организации. Приводила примеры абсурдной, контрпродуктивной деятельности против них.

Ред. Интересна реакция Президента.

Е.Т.-С. Он всегда внимательно слушал, отвечал. Кстати, сразу скажу, что как человек, склонный к компромиссу, я никогда не предлагала Президенту Закон об иностранных агентах отменить: понимала, что это не пройдет. Президент в ответ неоднократно предлагал еще раз проанализировать текст Закона, уточнить формулировки. Мы неоднократно пытались это сделать, разработали много возможных вариантов поправок. Потом Людмила Михайловна Алексеева — уже после своего возвращения в Совет — заявила, что Закон должен быть отменен, но Президент с ней на согласился. И поручил уточнить понятие «политическая деятельность». Но от этого стало только хуже, поскольку в закон вошел не наш вариант, а версия Минюста России.

1. Прежде всего, обратим внимание на то, что в действующем ФЗ «О некоммерческих организациях» (далее – ФЗ об НКО) отсутствует целостное и ясное определение понятия «политическая деятельность». Данное понятие определено фрагментарно и косвенно, через понятие некоммерческой организации, которая «признается участвующей в политической деятельности».

При этом в ФЗ об НКО указаны лишь два признака участия в политической деятельности:

- а) «участие (в том числе путем финансирования) в организации и проведении политических акций в целях воздействия на принятие государственными органами решений, направленных на изменение проводимой ими государственной политики», и
- б) «участие в формировании общественного мнения в тех же целях».

Правоприменительная практика Минюста России характеризуется расширительным толкованием обоих этих признаков. Даже на сайте Минюста в Реестре НКО, выполняющих функции иностранного агента, (далее – Реестр) указано не «проведение политических акций», а «**проведение публичных мероприятий**», не «участие в формировании общественного мнения», а просто «**формирование общественного мнения**».

Понимая очевидную правовую неопределенность понятия «политическая деятельность», законодатель в ФЗ об НКО ввел **два вида исключений**:

- а) по видам деятельности,
- б) по видам НКО.

Первый вид исключений фактически не срабатывает, поскольку значительное число экологических НКО в Реестре свидетельствует о том, что прямое указание закона на то, что деятельность по защите природы не относится к политической, на практике не учитывается.

Второй вид исключений тоже работает с явными перебоями.

Выход видится в точном определении понятия «политическая деятельность» и создании перечня исключений а) по видам НКО, б) по видам иностранных источников, в) по видам гражданско-правовых сделок, в результате которых передавались денежные средства или иное имущество. Исключения по видам деятельности предлагается исключить, так как они не представляются эффективными.

2. Определение политической деятельности.

Вариант 1 — замена понятия «НКО, занимающаяся политической деятельностью», понятием «НКО, преследующее политические цели». Этот вариант имеет то преимущество, что термин «организации, преследующие политические цели», имеется в ФЗ «Об общественных объединениях».

Вариант 2 — замена понятия «НКО, занимающаяся политической деятельностью», понятием «политическая деятельность». Данный вариант предпочтителен тем, что позволяет получить единое понятие, применимое в различных сферах законодательства, в том числе, об НКО, о государственной и муниципальной службе, о статусе судей и т.д. Кроме того, оно имеет определенную концептуальную основу в действующем законодательстве, в частности, в ФЗ «О политических партиях» и в ФКЗ «О Конституционном Суде РФ».

Так, статья 11 ФЗ «О Конституционном Суде РФ» устанавливает, что судья Конституционного Суда Российской Федерации не может «принадлежать к политическим партиям и движениям, материально их поддерживать, участвовать в политических акциях, вести политическую пропаганду или агитацию, участвовать в кампаниях по выборам в органы государственной власти и органы местного самоуправления, присутствовать на съездах и конференциях политических партий и движений, заниматься иной политической деятельностью».

Исходя из концептуальной основы данной правовой нормы, возможно формулирование следующего определения:

«Под политической деятельностью понимается участие в деятельности политических партий и движений посредством оказания им материальной поддержки, участия в работе их съездов, конференций и руководящих органов, участия в их избирательных кампаниях, а также в их политических акциях, агитационной и пропагандистской работе либо осуществление деятельности, направленной на изменение основ конституционного строя Российской Федерации».

Вариант 3 — уточнение понятия «НКО, признанная участвующей в политической деятельности», исходя из более общего понятия «политическая деятельность».

В этом случае формулировка правовой нормы могла бы быть такой:

«Некоммерческая организация признается участвующей в политической деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации, если независимо от целей и задач, указанных в ее учредительных документах, она участвует в деятельности политических партий и движений посредством оказания им материальной поддержки, участия в работе их съездов, конференций и руководящих органов, участия в их избирательных кампаниях, а также в их политических акциях, агитационной и пропагандистской работе, либо осуществляет деятельность, направленную на изменение основ конституционного строя Российской Федерации».

3. Исключения.

3.1. Исключения по видам НКО:

- а) политические партии,
- б) социально ориентированные НКО и НКО, преследующие общественно полезные цели,
- в) религиозные организации,
- г) профессиональные союзы,
- д) торгово-промышленные палаты,
- е) объединения работодателей,
- ж) национально-культурные автономии,

3.2. Исключения по видам иностранных источников

Предлагается исключить из сферы действия правовых норм, определяющих статус НКО, выполняющих функции иностранного агента, случаи, когда некоммерческая организация получает от иностранного источника денежные средства или иное имущество:

- а) в соответствии с международным договором Российской Федерации;
- б) с предварительного согласия уполномоченного федерального органа исполнительной власти.

3.3. Исключения по видам гражданско-правовых сделок

Предлагается уточнить понятие «получение денежных средств или иного имущества», указав, что оно касается только случаев получения имущества по договору пожертвования или в виде гранта. Альтернативный вариант формулирования исключений – перечисление сделок купли-продажи, мены, займа, подряда и т.д.

Некоммерческая организация должна признаваться получающей средства из иностранных источников на осуществление политической деятельности, в случае, когда она осуществляет политическую деятельность за счет средств из иностранных источников.

Из предложений Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека по уточнению понятия «политическая деятельность»,
3 декабря 2015 года

Ред. Как вы стали действовать в таких условиях?

Е.Т.-С. Надо сказать, что после моих выступлений на встречах с Президентом каким-то организациям удалось помочь. Мы продолжали работать, кого-то удавалось защитить, кого-то нет. Меня нередко критиковали тогда за недостаточно жесткую позицию, за склонность к договоренностям, к компромиссу.

Ред. А что вы назовете важнейшим своим достижением за годы работы в Совете?

Е.Т.-С. Одно из главных достижений — нам удалось продвинуть НКО на рынок социальных услуг. Появились законы, указы, постановления правительства, регламентирующие доступ НКО к оказанию социальных услуг. Началась практическая работа в регионах в этом направлении. Все движется непросто, но движется! Конечно, это заслуга не только Совета, но мы многое сделали, чтобы это получилось.

Могу назвать и совершенно конкретное достижение. Вы, наверное, помните, ажиотаж вокруг Муравьевского парка в Амурской области. Там явлен был настоящий пример абсурда по применению Закона об иностранных агентах — из-за того что специалисты Журавлиного фонда предлагали ввести ограничения по охоте, их НКО признали занимающимися политической деятельностью. Удалось все-таки отбиться.

Ред. Почему же вы вышли из состава Совета?

Е.Т.-С. Все, что могла, я по части Закона об иностранных агентах сделала, и почувствовала, что дальше КПД снижается, наступает некоторое выгорание. Мне хотелось попробовать реализовать себя в несколько другой области, где возможностей явно больше. Это поддержка НКО, работающих в социальной сфере, содействие их более активному участию в принятии решений органами власти, в общественном контроле и оказании социальных услуг. Но этой деятельностью в основном занимается Общественная палата. Туда ведь я попала несколько раньше, чем в Совет по правам человека. Там я со второго созыва занималась развитием благотворительной и волонтерской деятельности, социальной политикой и участием НКО в ее реализации. Когда вышел президентский указ о невозможности совмещать членство в Совете ни с депутатской деятельностью, ни с членством в Общественной палате, я выбрала Общественную палату. Потому что эта площадка позволяла как раз продвигать и развивать те виды деятельности, которые я для себя определила как приоритетные в данный период.

Ред. Но сотрудничество с Советом у вас продолжается?

Е.Т.-С. Да, и очень активное. Я взаимодействую с постоянными комиссиями

по общественному контролю, по НКО, по социальной политике, участвую в мероприятиях Совета, продолжаю сотрудничать со многими членами СПЧ и, конечно, с Михаилом Федотовым.

Ред. Какова, на ваш взгляд, роль Совета в современной России? Его деятельность актуальна?

Е.Т.-С. Убеждена, что Совет играет большую роль в общественной жизни нашей страны. За это время было образовано при различных органах много советов, но с влиянием СПЧ никто сравниться не может.

Ведь и при Президенте действует немало консультативных органов, но только для Совета по правам человека обозначена невозможность совмещения членства с работой депутата Государственной Думы и членством в Совете Федерации и Общественной палате. Именно к СПЧ проявляет максимальное внимание пресса. Причина в том, что в Совете много честных, смелых, совестливых людей, следующих своей миссии, открыто говорящих кому угодно то, что другие сказать побаиваются. Я не вижу никаких предпосылок для снижения роли Совета. Никаких!

Сергей Цыпленков:

«Я знал, что в Совете — люди принципиальные и что атмосфера будет демократичной»

Сергей Александрович Цыпленков (родился в 1966 году в городе Великие Луки Псковской области) — исполнительный директор отделения Международной неправительственной организации «Гринпис России», член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека с 2009 года (председатель Постоянной комиссии по экологическим правам, член комиссий по правам человека за рубежом, по общественному контролю, член совместной рабочей группы СПЧ и Минюста России по совершенствованию законодательства об НКО). Окончил географический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова и аспирантуру географического факультета. Во время учебы участвовал в более чем 10 экспедициях — от Кольского полуострова до Байкала. В основном экспедиции были связаны с проектированием особо охраняемых природных территорий. Работал в Атлантическом отделении Института рыбного хозяйства и океанографии в Калининграде. В 1993 году начал работу в «Гринпис России» в качестве координатора лесной программы. Возглавлял проект «Всемирное наследие России», цель которого — придание статуса объектов Всемирного природного наследия ЮНЕСКО уникальным природным комплексам нашей страны. За время работы проекта восемь природных территорий России общей площадью около 19 миллионов гектаров вошли в список Всемирного природного наследия ЮНЕСКО. С 1998 по 2000 год был представителем российских природоохранных организаций на форумах Всемирного Банка SEO's Forum on Forest. С 1999 года входит в состав Совета Центра охраны дикой природы. С 2000 года является заместителем председателя Правления международной общественной организации Forest Trends. В 2006 году вошел в состав Консультационного совета и в национальную рабочую группу «Гражданской восьмерки» (Civil 8 — международной площадки для обсуждения актуальных проблем современного мира сквозь призму интересов и нужд гражданского общества). Сопредседатель с российской стороны Рабочей группы «Экология» германо-российского форума «Петербургский диалог».

Ред. Сергей Александрович, вы родились в Псковской области. Природа тех мест повлияла на выбор профессии?

С.Ц. Скорее — в целом природа России. Вместе с родителями мы много путешествовали по стране, объехали много уникальных мест — от Рязанщины до Каспия. Огромное влияние на меня оказала и учеба на географическом факультете МГУ. Студентом я побывал с экспедициями на Урале, Кавказе, Кольском полуострове, Байкале. Тогда во многих вузах возникали студенческие дружины по охране природы. Такая появилась и на географическом факультете МГУ, и я с удовольствием стал заниматься охраной природы.

Ред. Как эти дружины взаимодействовали с ВЛКСМ?

С.Ц. Осторожно поддерживались.

Ред. Почему осторожно?

С.Ц. Потому что партийные деятели нередко браконьерствовали. Когда их ловили с поличным, последствия для дружинников могли быть самыми серьезными: исключение из вуза, заключение под стражу, вплоть до физической расправы. Но ребята были принципиальные.

ПОЗИЦИЯ «В июне правительство внесло законопроект, который разрешает изымать территории из национальных парков и других особо охраняемых природных территорий, если они утратили особое природоохранное, научное и иное особо ценное значение. То есть желающий организует пожар — территория потеряла ценность, ее можно изъять, ее можно застраивать, ее можно использовать и создавать высокое социальное напряжение. Аналогичный законопроект в 2013 году вносился, был

остановлен, сейчас он опять появился, и это при том, что в августе вы подписали Указ о праздновании года заповедника в 2017 году, 100-летие заповедной системы, уникальной системы нашей страны. В январе прошлого года вы дали поручение подготовить законопроект, который будет запрещать изъятие земель из особо охраняемых территорий. И сейчас, с опозданием на год, он был подготовлен. Сейчас два законопроекта противоречат друг другу. Один во исполнение вашего поручения, другой находится в Думе».

Из выступления С. А. Цыпленкова на встрече Президента РФ В. В. Путина с Советом по развитию гражданского общества и правам человека, 1 октября 2015 года

Ред. Помните фильм «Ты — мне, я — тебе»? Вроде бы фельетон, а проблема показана хорошо.

С.Ц. Да, именно из таких ребят-дружинников, честных природоохранных инспекторов, которые показаны в этом фильме, и сформировался «Гринпис России»¹¹². В середине 90-х годов в движении студенческих природоохранных дружин наметился

спад, но сейчас во многих университетах студенческие природоохранные организации возрождаются, у нас в «Гринпис» много волонтеров-студентов.

¹¹² Международная организация «Гринпис» (англ. Greenpeace — «зеленый мир») была создана в 1971 году. С течением лет движение выросло из

небольшой группы экологов до одного из самых влиятельных объединений в мире. Российское отделение организации было создано в 1992 году и работает до сих пор.

Ред. Когда началось ваше сотрудничество с «Гринпис»?

С.Ц. К «Гринпис России» я присоединился в начале 90-х.

Ред. Российским гринписовцам, как и зарубежным, приходится выслушивать, что они работают на одну энергетическую корпорацию против другой?

С.Ц. Безусловно. Генсек НАТО Расмуссен¹¹³ из-за протестов «Гринпис» в США против добычи сланцевых нефти и газа обвинял нас в том, что мы работаем на Россию,

¹¹³ Занимал пост Генерального секретаря альянса с 2009 по 2014 год.

а в России, где мы боремся с разливами нефти, нас обвиняют в том, что мы занимаемся продвижением сланцевых нефти и газа. Как только реально «наступаешь кому-то на хвост»,ловишь кого-то на нарушении закона, уничтожении природы — поток обвинений зашкаливает. Весной 2010 года, когда мы предупреждали о приближении пожарной катастрофы, к которой Россия была не готова, указывали, что региональные власти скрывают информацию о масштабах лесных и торфяных пожаров, нас в чем только не обвиняли. Потом оказалось, к сожалению, что мы были правы. На космических снимках было видно, что на тех территориях, которые пресса с подачи властей объявляла потушенными, всюду бушевал огонь.

ДОКУМЕНТ

Совет разделяет тревогу и озабоченность общественности, вызванную строительством скоростной автомагистрали «Москва — Санкт-Петербург» по территории Химкинского лесопарка.

По результатам мониторинга ситуации Совет обратился к первому заместителю Председателя Правительства Российской Федерации Д. А. Медведеву с просьбой дать поручение рассмотреть варианты прокладки трассы автомагистрали в обход Химкинского леса с учетом экологического законодательства Российской Федерации и интересов ее граждан.

Из Краткого обзора деятельности Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека за 2002–2008 годы

Ред. А как вы попали в члены Совета?

С.Ц. Меня пригласила Элла Александровна Памфилова. Для меня этот факт много значил, так как у меня был опыт работы с Элой Александровной в рамках «Гражданской восьмерки» и я знал, что ей можно верить. В СПЧ могли быть люди, с которыми я не соглашался, но я знал, что в Совете — люди принципиальные и что атмосфера будет

демократичной. С частью членов Совета я был знаком, со многими — по работе в рамках «Гражданской восьмерки». Насколько мне известно, именно Элла Александровна убедила Администрацию Президента принять наши предложения по организации взаимодействия «Восьмерки» с гражданским обществом. Была проделана серьезная работа, которую потом стремились повторить в других странах.

ДОКУМЕНТ

В 2006 году в рамках председательства России в «Группе восьми» Совет обеспечивал взаимодействие официальной «Восьмерки» с гражданским обществом, неправительственными организациями (НПО).

Процесс взаимодействия с неправительственным сектором конституировался как проект «Гражданская восьмерка — 2006».

В ходе реализации проекта под эгидой Совета были проведены шесть серьезных общественных мероприятий. Ряд событий имел уникальный характер для истории «Группы восьми»: встречи шерп¹¹⁴ всех государств «Восьмерки» с участниками Общественного форума (Москва, 9 марта) и «в узком кругу» с представителями тридцати российских и зарубежных НПО (Москва, 18 мая); масштабный форум НПО накануне саммита и участие в нем главы председательствующего в «Восьмерке» государства (Москва, 4 июля); саммит глобальных общественных организаций и их отдельная встреча с лидером России, принимающим официальный саммит; встреча африканских НПО со всеми сопредседателями Форума партнерства для развития Африки (Москва, 25 октября).

В консультационный процесс в 2006 году было вовлечено более 2 тыс. российских и зарубежных общественных организаций. Связующим звеном проекта стал интернет-портал «Гражданская восьмерка — 2006» (www.civilg8.ru), который будет функционировать и в последующие годы.

Из Краткого обзора деятельности Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека за 2002–2008 годы

114 Шерпа — доверенное лицо руководителя страны — члена «Большой семерки».

Ред. Что для вас изменилось после того, как вы вошли в Совет?

С.Ц. Стали в гораздо большем количестве поступать обращения от граждан. С другой стороны, у меня и моих коллег-экологов появилось больше возможностей оказать реальную помощь, сохранить больше природных территорий.

Ред. С какими проблемами в Совет обращаются люди?

С.Ц. Много сил мы уделяем вопросам соблюдения экологических прав граждан при осуществлении градостроительной деятельности, незаконным вырубкам, вопросам, связанным с загрязнением воздуха, воды. Например, во время выездного заседания Совета в Забайкальском крае к нам обратились жители трех деревень Нерчинского района, по словам которых, их речка, единственный источник водоснабжения, была уничтожена золотодобытчиками. При этом все попытки жителей обратиться внимание местных властей на проблему не увенчались успехом. По мнению местных жителей, у золотодобывающей компании оказались слишком высокие покровители. Мы посетили эти села, встретились с населением, представителями золотодобывающей компании, надзорными, правоохранительными органами. Согласно информации регионального правительства, после нашего визита и рекомендаций проблема начала решаться,

по крайней мере запустили скважину для снабжения этих деревень артезианской водой. А золотодобытчики должны были рекультивировать нарушенные участки.

Аналогичная ситуация произошла недавно в Карелии. Местные жители выступили против превращения Сунского бора в песчаный карьер. Благодаря вмешательству Совета удалось выйти на компромиссный вариант — компания отказывается от разработки карьера на одном из наиболее востребованных жителями участков леса, а правительство Карелии выделяет компании другое место для карьера.

Таких примеров можно привести достаточно много. Но системная проблема — игнорирование мнения местных жителей, прав граждан на благоприятную окружающую среду — не решена.

Ред. Чего вам удалось добиться в качестве члена Совета?

С.Ц. Как я уже говорил, далеко не всегда нам удается изменить ситуацию на федеральном уровне. Решить конкретные локальные задачи получается, а справиться с системными проблемами — не всегда. Михаил Александрович Федотов на недавней встрече с Президентом сказал: «Если бы все поручения, которые вы давали по инициативе Совета, выполнялись столь же результативно, мы могли бы сказать, что у нас КПД выше, чем у паровоза». Наш КПД выше, чем у паровоза, но ненамного...

Первая проблема — не удастся вернуть экологическую экспертизу в полном масштабе. Приведу пример, сознательно утрируя. Если вы узнаете, что в центре Москвы, например, на Красной площади, хотят построить химический завод, вы, естественно, приложите все усилия, чтобы это безумие остановить. Но у вас не будет механизма, позволяющего это сделать. Очень много сил Совет потратил на восстановление института экологической экспертизы, на создание действенных механизмов, которые население может использовать для защиты своих прав. Однако пока этого сделать не удалось.

Вторая важнейшая проблема — загрязнение окружающей среды промышленными и бытовыми отходами. Во многих странах довольно успешно применяют формулу: «reduce (снижение потребления), reuse

(повторное использование), recycle (переработка)». У нас же пока доминирует другая «технология» — выбросить мусор на свалку, часто незаконную или необорудованную. Сейчас стали подавать сжигание мусора как новое слово в решении проблемы отходов. На самом деле такая методика приводит к созданию новых проблем, ведь сжигание несортированного мусора сопровождается серьезным загрязнением воздуха.

В конце 2014 года был принят Федеральный закон, которым введена современная иерархия по обращению с отходами, но пока так и не произошел окончательный поворот в решении «мусорной проблемы». Более того, власти ряда регионов опять пытаются построить мусоросжигательные заводы, игнорируя приоритеты, установленные федеральным законодательством.

ПОЗИЦИЯ «Первое, на что я хотел обратить внимание, — это проблема отходов. Во многих регионах ситуация кризисная или предкризисная. На недавнем заседании Совета по стратегическим инициативам, если я не ошибаюсь, вы обозначали эту проблему как очень серьезную. Принят очень хороший закон, который пока еще не вступил в силу, а переносится года на два. Почему? Потому что регионы не подготовили территориальные схемы

по обращению с отходами. Самое печальное, что даже те схемы, которые подготовлены, не вполне следуют тому, что предлагается в Законе, и не вполне следуют тому, о чем вы говорили на этом самом Совете. Вы сказали, что нужно создать экономические стимулы для вовлечения отходов в производственный оборот, добиться того, чтобы перерабатывать отходы было выгоднее, чем сжигать, закапывать или где-то просто сваливать. Вот этой цепочки во многих территориальных схемах нет. Реформа в мусорной отрасли в качестве первоочередной задачи ставит еще к тому же и сокращение отходов. Вот если мы посмотрим мероприятия по году экологии, мы мало что увидим: ни следования тому призыву, о котором вы

говорили, ни вот этого основного принципа реформы».

Из выступления С.А. Цыпленкова на встрече Президента РФ В.В. Путина с Советом по развитию гражданского общества и правам человека, 8 декабря 2016 года

С.Ц. Обеспокоенность экологов вызывает и система особо охраняемых природных территорий. Эти уникальные земли, которыми наша страна должна гордиться, все чаще оказываются под угрозой разрушения. В заповедниках «влиятельные люди» строят коттеджи, через заказники бизнес прокладывает дороги или нефтепроводы. Предприимчивые дельцы пытаются менять границы охраняемых природных территорий, а если закон не позволяет это сделать, — менять закон. Экологи, общественники и Совет в том числе этому противостоят. Нам удается пока отстаивать законодательство и конкретные заповедники, но атаки раз за разом возобновляются.

Обо всем этом мы не раз говорили на заседаниях Постоянной комиссии СПЧ по экологическим правам, на встречах с Президентом. Наша позиция не меняется, мы продолжаем работать с госорганами, чтобы добиться правильного решения.

Ред. Помогает ли статус члена Совета в решении экологических проблем?

С.Ц. Конечно, ведь мы встречаемся с президентом лично и сообщаем ему о самых

острых проблемах. Статус члена Совета также помогает эффективнее работать с Администрацией Президента, правительством, властями регионов. В частности, по всем известному Байкальскому целлюлозно-бумажному комбинату. Именно после встречи Президента с Советом весной 2011 года решение наконец было принято: комбинат реально закрыт, при этом соблюдены социальные права всех работников. Мы взаимодействовали по этому вопросу с Сибирским отделением РАН. Полагаю, что Совет здесь свою роль сыграл. Теперь важно не забывать о поддержке жителей Байкальска и о том, что за годы существования комбината накопились отходы, которые необходимо безопасным (и для местных жителей, и для озера) образом утилизировать.

Другой пример — работа Совета с проблемами «Поваровской аномалии» в Солнечногорском районе Московской области (в районе поселка Поварово находится территория с неблагоприятным радиационным фоном. — Ред.). Там хотели отдать заведомо радиоактивный участок леса под коттеджное строительство, и статус члена Совета при Президенте помог это предотвратить.

ДОКУМЕНТ

4.2. Проблематика, связанная со строительством горно-обогатительного комбината «Томинский»

Одной из наиболее существенных проблем, поднятых на выездном заседании Совета в Челябинской области, явились планы РМК по размещению в непосредственной близости от г. Челябинска горно-обогатительного комбината «Томинский» (далее – Томинский ГОК) – комплекса промышленных объектов преимущественно для добычи медной руды на базе месторождения «Томинское» Челябинской области. Этот проект предполагает вырубку большого массива пригородных лесов и, по мнению Совета, может вызвать серьезное загрязнение единственного, безальтернативного источника питьевого водоснабжения города Челябинска. Действия, связанные с реализацией этого проекта, вызывают серьезную озабоченность Совета по следующим причинам.

Во-первых, среди жителей Челябинска наличествует серьезная обеспокоенность планами строительства Томинского ГОКа, опирающаяся на заключения ряда экспертов. В то же время, на публичные слушания жители города фактически не допускались сотрудниками ООО ЧОП «РМК-безопасность».

Во-вторых, экологический аудит проекта, выполненный ФГБОУ ВО «Уральский государственный горный университет» по заказу Администрации Челябинской области, подтвердил многие опасения жителей.

В-третьих, с обращением о недопущении строительства Томинского ГОКа к Президенту Российской Федерации обратилась значительная группа инициативных граждан (всего более 160 тысяч подписей на бумажных носителях, 10% от взрослого населения Челябинской агломерации), однако рассмотрение данного вопроса переадресовано на уровень Челябинской области¹¹⁵.

В-четвертых, непосредственно в ходе выездного заседания Совета от общественности были получены десятки обращений, коллективные жалобы и многочисленные устные заявления граждан, обеспокоенных планами строительства ГОКа. Значительное число аналогичных обращений поступило в Совет до и после выездного заседания.

Результатом обсуждения данной проблемы с представителями заинтересованных некоммерческих организаций и ряда инициативных групп стал Перечень требований к проекту строительства Томинского ГОКа.

В этом документе перечислены следующие требования общественности:

1. Отказаться от положительного заключения государственной экологической экспертизы по хвостохранилищу и горнотранспортной части проекта, ввиду того, что они противоречат позиции руководства Челябинской области, руководства Томинского ГОК и результатам аудита ФГБОУ ВО «Уральский государственный горный университет».
2. Начать реализацию новой модели проекта Томинского ГОК, исключив из проекта хвостохранилище и гидрометаллургическое производство, расторгнуть договоры аренды (№631 от 21 февраля 2014 г., №645 от 02 апреля 2014 г., №718 от 23 января 2015 г.) на соответствующие земельные участки лесного фонда (№16-2014-02, №40-2014-03 и №122-2014-12), вернув им категорию лесопарковой защитной зоны.
3. Исполнить решение Арбитражного суда Челябинской области от 12.01.2016 г. по делу № А76-26164/2015, поддержанное определением Верховного Суда РФ N309-ЭС16-10611 от 15.09.2016 г. – предоставить в распоряжение истца (ЧРОЭО «Экологический консалтинг») проектную документацию по объектам Томинского ГОК (в первую очередь, хвостохранилище и горнотранспортная часть), по которым получено положительное заключение государственной экологической экспертизы. Включить представителей ЧРОЭО «Экологический консалтинг» в рабочую группу по вопросам ликвидации отработанной выработки угольного разреза «Коркинский» с использованием песков обогатительной фабрики Томинского ГОК.
4. Провести независимое научное исследование потенциального воздействия объектов Томинского ГОКа на Шершневое водохранилище и представить результаты представителям общественности (ЧРОЭО «Экологический консалтинг»).
5. Провести исследование и углубленный анализ потенциального взаимодействия хвостов Томинского ГОКа с материалами Коркинского разреза (возможного выделения вредных веществ и т.п.), представить результаты представителям общественности (ЧРОЭО «Экологический консалтинг»).
6. Подкрепить схемой наблюдательных скважин, системой общественного мониторинга состояние почв, водоносных горизонтов и т.д. на объектах Михеевского ГОК, который постоянно приводится в качестве примера успешного проекта. Обеспечить доступ представителям общественности (ЧРОЭО «Экологический консалтинг») для отбора проб на объектах Михеевского ГОК. Разъяснить причины отсутствия у горно-обогатительной фабрики Михеевского ГОК официальных документов о вводе в эксплуатацию.

¹¹⁵ Публикация от 14 января 2016 года «Противники строительства Томинского ГОКа получили ответ из Кремля» (режим доступа: https://www.znak.com/2016-01-14/protivniki_stroitelstva_tominskogo_goka_poluchili_otvet_iz_kremlya).

7. Воссоздать пожарное подразделение Челябинской угольной компании либо привлечь подразделения МЧС России для ликвидации чрезвычайной экологической ситуации, т.к. фактическое упразднение пожарного подразделения привело к увеличению числа эндогенных пожаров в разрезе «Коркинский». До завершения процедуры ликвидации Челябинской угольной компании получить имеющиеся подробные развернутые предложения по рекультивации разреза, а также полный массив документации по разрезу, включая карты шахт, химический состав разрабатываемых пород и прочее.

<...>

За период 2014-2017 гг. общественностью г. Челябинска в адрес Президента Российской Федерации направлены коллективные обращения: от 19 сентября 2014 г., от 01 декабря 2015 г. (108 000 подписей); от 19 мая 2016 г., от 25 мая 2016 г., 18 августа 2016 г. (54 000 подписей); от 18 января 2017 г., а также многочисленные индивидуальные обращения жителей Челябинской агломерации.

В связи с вышеизложенным, а также с целью учета мнения жителей, снижения социальной напряженности при проектировании и строительстве Томинского ГОК, **Совет рекомендует:**

Правительству РФ и губернатору Челябинской области:

Обеспечить учет мнения граждан по вопросу строительства Томинского ГОК.

Министерству промышленности и торговли РФ:

Внести изменения в Приказ от 05 мая 2014 г. «Об утверждении Стратегии развития цветной металлургии» в части исключения проекта строительства Томинского ГОК из данной Стратегии впредь до получения государственной экологической экспертизы на скорректированный проект.

Федеральному агентству лесного хозяйства:

Приостановить право пользования лесными участками, выделенными в целях строительства Томинского ГОК, до проведения прокурорской проверки на предмет законности перевода лесов в разряд эксплуатационных.

Федеральному агентству по недропользованию:

Приостановить действие лицензии и не выдавать разрешение на строительство, связанное с Томинским ГОК (включая Биргильдинский участок) до окончательного выбора технологий, подготовки проекта и прохождения всех этапов (включая обсуждение ОВОС).

Федеральной службе судебных приставов:

Провести внутреннюю проверку деятельности Управления ФССП по Челябинской области на предмет продолжающегося неисполнения со стороны АО «Томинский ГОК» решения арбитражного суда Челябинской области по делу А76-26164/2015 (об обязанности предоставить в распоряжение ЧРОЭО «Экологический консалтинг» проектную документацию по объектам Томинского ГОК).

Государственной Думе Федерального Собрания РФ:

Рассмотреть вопрос о внесении следующих изменений в законодательство РФ:

- а) дополнить ст. 11 Федерального закона от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» пунктом 7.7. следующего содержания: «7.7. проектная документация объектов капитального строительства, относящихся в соответствие с законодательством в области охраны окружающей среды к объектам I класса опасности», а также предусмотреть обязательное приостановление проведения государственной экологической экспертизы в случае воспрепятствования заказчиком проведению общественной экологической экспертизы (до момента разрешения спора судом);
- б) дополнить ст. 15 Федерального закона от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» нормой о вынесении мотивированного решения органов Росприроднадзора в случае отказа во включении представителей общественности в состав экспертной комиссии государственной экологической экспертизы;
- в) дополнить ст. 18 Федерального закона от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» нормой об обязательном опубликовании заключений государственной экологической экспертизы на сайте Росприроднадзора (соответствующих территориальных органов), за исключением сведений, составляющих государственную тайну;
- г) в ст. 8.4 КоАП РФ в части установления административной ответственности юридических лиц и их должностных лиц за непредставление или неправомерный отказ в предоставлении документации, подлежащей общественной экологической экспертизе, а также рассмотреть возможность введения уголовной ответственности за аналогичные деяния;
- д) в Закон РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах» внести изменения в части установления обязанности лицензирующих органов устанавливать и учитывать мнение жителей

о разработке недр до выдачи лицензии, а также об обязательном информировании органов местного самоуправления, на территории которых планируется добыча полезных ископаемых, об объявленных конкурсах, аукционах и об их результатах;

- е) наделить органы государственной власти субъектов Российской Федерации, а также органы местного самоуправления правом запрещать размещение производств 1 класса опасности на соответствующей территории;
- ж) внести в Уголовный кодекс РФ положения о неприменимости сроков давности в отношении экологических преступлений в случае, если ущерб от подобных действий и их последствий не ликвидирован;
- з) внести в законодательство нормы о персональной ответственности должностных лиц и лиц, занимающих руководящие должности в коммерческих юридических лицах, за действия, в результате осуществления которых причинен ущерб окружающей среде;
- и) дополнить Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» нормой о том, что при размещении опасных производственных объектов, правом участвовать в общественных слушаниях обладают жители всех поселений, расположенных на определенном расстоянии от таких объектов.

Генеральной прокуратуре РФ:

1. Провести прокурорскую проверку в отношении законности действий, связанных с реализацией проекта строительства объектов Томинского ГОК, включая рубку леса на участках земель лесного фонда с кадастровыми номерами 74:19:0000000:15694, 74:19:1801004:720, 74:19:1801004:730, находящихся в долгосрочной аренде у АО «Томинский ГОК», с учетом отсутствия окончательного варианта проекта и заключения государственной экологической экспертизы на него.
2. Провести прокурорскую проверку законности и обоснованности решений о переводе лесов на территории планируемого строительства Томинского ГОК из категории защитных в категорию эксплуатационных.
3. Провести прокурорскую проверку соблюдения законодательства Российской Федерации в ходе проведения публичных слушаний, связанных с проектом строительства Томинского ГОК (состоявшихся, в частности, 14 октября 2016 г., 24 октября 2016 г., 07 апреля 2017 г., 23 июня 2017 г.).
4. Дать правовую оценку фактам начала работ и рубки леса в целях строительства Томинского ГОК и при необходимости принять меры прокурорского реагирования.
5. Провести проверку соответствия расчётов размеров санитарно-защитных зон и ПДВ для отдельных промышленных объектов и производств Томинского ГОК требованиям законодательства.

Губернатору Челябинской области:

Обеспечить участие представителей общественности, в том числе движения «СтопГОК», в рабочих группах, рассматривающих вопросы, связанные с проектированием и строительством Томинского ГОК.

ГУ МВД России по Челябинской области:

Исключить случаи использования ЧОП с целью воспрепятствования жителям участвовать в общественных обсуждениях и публичных слушаниях.

Управлению Росприроднадзора по Челябинской области, Управлению Ростехнадзора по Челябинской области, прокуратуре Челябинской области, Управлению регионального государственного строительного надзора, АО «Томинский ГОК»:

1. Обеспечить выполнение запрета реализации двух объектов государственной экологической экспертизы до получения положительного заключения на новый проект.
2. Официально проинформировать об указанном запрете Роснедра, муниципальную администрацию и губернатора Челябинской области, а также АО «Томинский ГОК».
3. Приостановить любые работы по строительству Томинского ГОК до получения всех согласований и разрешений в отношении скорректированного проекта.

АО «Томинский ГОК»:

1. Незамедлительно исполнить решение арбитражного суда Челябинской области по делу А76–26164 /2015.
2. Разместить документацию о проекте (включая полный текст заключения об оценке воздействия на окружающую среду) в открытом доступе в сети интернет и направить ее в Совет.

Минприроды России:

1. Провести независимое научное исследование потенциального воздействия объектов Томинского ГОК на Шершневоское водохранилище и разместить его результаты в открытом доступе.
2. Провести исследования и углубленный анализ потенциального взаимодействия хвостов Томинского ГОК с веществами, содержащимися в горных породах Коркинского разреза, в т.ч. возможного выделения вредных веществ, и разместить результаты в открытом доступе.
3. Провести исследования воздействия на окружающую среду вредных веществ (в т.ч. тяжелых металлов и соединений серы) в результате переработки руды, которую собираются осуществлять на Томинском ГОК, и разместить результаты в открытом доступе.

Из Рекомендаций Совета по итогам 18-го выездного (104-го) заседания в Челябинской области,
4 сентября 2017 года

Ред. Часто ли темы экологии и прав человека пересекаются?

С.Ц. Мы постоянно следим за судьбой местных экологических активистов, попадающих под пресс; довольно часто приходится защищать местные организации и гражданских активистов. В Краснодаре еле вытащили из тюрьмы профессора Савву. Мы также боролись за свободу Сурена Газаряна и Евгения Витишко. Благодаря вмешательству Совета дело Витишко было пересмотрено, и он смог раньше покинуть колонию,

куда попал по надуманному обвинению. Хотя, на мой взгляд, он не должен был быть осужден вообще! Также Совет помогал защитникам Химкинского леса.

Элла Александровна не раз говорила: природоохранная и правозащитная деятельность — очень связанные между собой сферы деятельности. Право на благоприятную окружающую среду — это абсолютно конституционное право. А у нас, кроме того, часто эти две сферы связаны и из-за того, что приходится защищать экологов.

Игорь Юргенс: «С помощью Совета многие его члены делают весьма большое дело»

Игорь Юрьевич Юргенс (родился 6 ноября 1952 года в Москве) — президент Всероссийского союза страховщиков (ВСС), президент Российского союза автостраховщиков (РСА). В 1974 году окончил экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. Кандидат экономических наук, автор научных трудов и публикаций. В 1980–1985 годах был сотрудником секретариата ЮНЕСКО во Франции. Много лет отдал профсоюзному движению, в частности в 1991–1997 годах был заместителем председателя, первым заместителем председателя Всеобщей конфедерации профсоюзов. В 1996–1997 годах — председатель правления Международной страховой компании профсоюзов «МЕСКО». В 1998–2002 годах возглавлял Всероссийский союз страховщиков (ВСС). В 2000 году вошел в бюро правления Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), Вице-президент РСПП. Член Совета при Президенте РФ по развитию информационного общества в Российской Федерации, член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, председатель Временной рабочей группы по защите прав автомобилистов и других участников дорожного движения, входит в состав постоянных комиссий по избирательным правам, по экономическим свободам, по исторической памяти, по трудовым правам и социальному партнерству. Член президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), член Российского совета по международным делам, член Общественной Палаты РФ в 2007–2009 годах. В 2008 году стал председателем правления Института современного развития (ИНСОР), основанного на базе Центра развития информационного общества (РИО-Центр).

Ред. Игорь Юрьевич, в застойное время вам приходили мысли о правильности всего происходящего?

И.Ю. Я был вполне советский человек, во все верил, то есть в ленинизм в том виде, в котором он в СССР существовал. Был пионером, комсомольцем. А капитализм считал более жесткой моделью. Я слышал, правда, мальчишкой, про Даниэля и Синявского, наверное, ощущал, что происходит нечто, выходящее за рамки тогдашней нормы, но не более. В 1968-м мне было уже 15 лет, и вот тут вера моя несколько поколебалась. Я понимал, что танками по студентам — это чересчур, тем более что учился я в известной «свободо-мыслеми» 20-й спецшколе на Патриарших прудах. Но никаких сил к сопротивлению я в себе не ощущал.

Наступил 1970 год, я был уже студентом второго курса экономического факультета МГУ, который считался одним из участков идеологической борьбы. Нас собрали на лекцию после статьи в «Правде», с которой началось частичное «отмывание» Сталина. Шла речь о том, что при всех недостатках, вскрытых XX съездом, он очень много сделал. Я задал вопрос: почему была истреблена ленинская гвардия, куда девался демократический социализм?

Ред. Это не осталось без внимания?

И.Ю. Да, я за это заплатил. Хотя и не напрямую. Прицепиться ко мне было сложно: в стройотряды исправно ездил, по учебе почти отличник. Так приписали развал идеологической работы на курсе: плохо распространял необходимую пропагандистскую литературу. Вынесли строгий выговор — наказание по тем временам весьма серьезное. Но со временем я о нем подзабыл. И вот в конце учебы вызывает меня секретарь комитета ВЛКСМ Сергей Дубинин, ныне авторитетный экономист, бывший глава Центробанка, и говорит буквально так: «Ты что, Игорь, с дуба рухнул? Ты же с этим выговором в Москве распределение не получишь!» Он стал спасать меня, снял этот «строгач». А вообще, оглядываясь назад, я думаю, что от каких-то неблагоприятных поступков меня удерживала не воля к сопротивлению, а просто чувство собственного достоинства.

Ред. А перестроечное время вы как встретили?

И.Ю. С симпатией и надеждой. Я вернулся из заграничной командировки, где получил позитивный социальный опыт и сразу после горбачевского пленума предложил подумывать об альтернативах развития. Меня как представителя ВЦСПС принял секретарь ЦК КПСС Валентин Фалин. Я говорил о том, что знал, изучал: об опыте лейбористов, французских социалистов. Излагал, как можно было бы применить их «рецепты» у нас в стране. Фалин слушал внимательно, но потом сказал, что раскола внутри партии быть не может. Он не отрицал необходимости эволюции, но его пугало страшное слово «раскол». А через два года в том же Политбюро все равно образовались две фракции — А. Яковлева и Е. Лигачева. Горбачеву пришлось существовать в этих условиях, и дошло до августа 1991-го. А ведь могли бы уже в 1989 году наладить «двухдвухрожечную» систему.

Ред. В событиях августа 1991 года вы тоже участвовали?

И.Ю. Да. Наверное, я в любую эпоху мог бы работать для своей страны. Но в условиях демократии, свободы слова такая работа мне кажется гораздо более естественной и полезной.

А по событиям было так. 17 августа отбыл в отпуск мой начальник В.П. Щербаков, и я остался, по сути, на хозяйстве ВЦСПС за старшего. Естественно, увидев 19 августа утром по телевидению балет, я счел себя вправе снять трубку телефонного аппарата АТС-1 и позвонить вице-президенту Янаеву — все-таки мы с ним были очень хорошо знакомы. Услышал ответ: «Игорь, все согласовано с Михаилом Сергеевичем, не дергайтесь».

Атмосфера накалялась, Ельцину удалось проехать в Белый дом. Я позвонил Янаеву второй раз. Теперь ответ был такой: «Не все от меня зависит. Буду держать в курсе...» Тогда я собрал секретариат ВЦСПС, и мы выработали текст заявления примерно такого содержания: если не будет заявления легитимного Президента и не будут приняты соответствующие меры, то коллектив ВЦСПС будет считать происходящее государственным переворотом. Были дискуссии, кое-кто был и против. 20 августа текст был опубликован в газете «Труд». В это же время вернулся Щербаков. Нас поддержали Аркадий Вольский и Евгений Примаков. В этой ситуации я свою роль,

считаю, сыграл, исходя из того, что полагал правильным.

Потом я работал в международных организациях, занимался и перестройкой профсоюзного движения, но сделать его таким, каким я и мои единомышленники хотели бы его видеть, не получилось. Я перешел в Союз страховщиков, возглавил компанию¹¹⁶, мне это дело понравилось. Но заниматься коммерческим страхованием

116 Международную страховую компанию профсоюзов «МЕСКО».

я не стал. Потом Аркадий Вольский позвал меня в Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП). Там происходили порой интересные истории в русле противостояния власти и бизнеса.

В середине 2000-х меня пригласили на новые проекты, в том числе в Институт современного развития. Тогда формировался независимый аналитический центр при будущем Президенте Д. Медведеве. Он мыслил широко, даже призвал нас писать ему предложения в рамках «разумного сумасшествия».

ПОЗИЦИЯ «...К сожалению, у людей возникает ощущение, что мы с такими-то номерами и сериями — граждане России, а есть некто, стоящие намного выше нас: АМР, ЕКХ. Я не буду все серии называть, все здесь присутствующие прекрасно знают, кто на дорогах чувствует себя абсолютными королями, а кто чувствует себя нищим,

а не принцем. Поэтому здесь мы собираемся в рамках СПЧ вести диалог с МВД, ГИБДД и другими ведомствами».

Из выступления И.Ю. Юргенса на встрече Президента РФ В.В. Путина с Советом по развитию гражданского общества и правам человека, 1 октября 2015 года

Ред. А как вы попали в Совет по правам человека?

И.Ю. В 2007 году мне позвонила Элла Александровна Памфилова. Мы знали друг друга давно, я ее помнил еще по Верховному Совету СССР: она шла по профсоюзной квоте, от «Электропрофсоюза». Активная, интересная женщина. Она говорила о том, что надо защищать права зарождающегося среднего класса, на системной основе защищать права предпринимателей — и с этой целью позвала меня в Совет. Я с радостью принял приглашение. Мы вместе с Александром Аузаном возглавили группу по защите экономических прав.

Ред. Какие задачи вы стали решать?

И.Ю. Прежде всего — декриминализация бизнеса. Тут активно подключилась Тамара Георгиевна Морщакова. Мы также постоянно говорили о помиловании Ходорковского. В принципе, это было услышано Президентом, и в итоге такое решение было принято... Занимались мы также законом о невзятии под стражу за совершение экономического преступления, в результате чего появился запрет заключать под стражу тех, кто подозревался или обвинялся в совершении преступления в сфере предпринимательской деятельности¹¹⁷. Неоднократно ставили перед Президентом вопрос о необходимости амнистии. Не всегда Кремль нас поддерживал, но мы не опускали руки. И это приносило результат.

117 Имеется в виду часть 1.1 статьи 108 УПК РФ.

ДОКУМЕНТ

Руководствуясь принципом гуманизма, в соответствии с пунктом «ж» части 1 статьи 103 Конституции Российской Федерации Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации постановляет:

1. Освободить от наказания в виде лишения свободы независимо от назначенного срока лиц, впервые осужденных за преступления, предусмотренные статьями 146, 147, 159.1, 159.4, 171, 171.1, 172, 173.1, 173.2, 174, 174.1, 176, 177, частями первой и второй статьи 178, статьями 180, 181, 191, 192, 193, частями первой, второй и пунктом «а» части третьей статьи 194, статьями 195, 196, 197, 198, 199, 199.1, 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, если до окончания срока исполнения настоящего Постановления эти лица выполнили обязательства по возврату имущества и (или) возмещению убытков потерпевшим.
2. Освободить от наказания условно осужденных, осужденных, отбывание наказания которым отсрочено, условно-досрочно освобожденных от оставшейся неотбытой части наказания,

а также осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, подпадающих под действие пункта 1 настоящего Постановления.

3. Освободить лиц, подпадающих под действие пункта 1 настоящего Постановления, от дополнительных видов наказаний, не исполненных на день его вступления в силу, за исключением наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.
4. Снять судимость с лиц, освобожденных от наказания на основании настоящего Постановления.
5. Прекратить уголовные дела, находящиеся в производстве органов дознания, предварительного следствия и суда, о преступлениях, совершенных до вступления в силу настоящего Постановления, предусмотренных статьями 146, 147, 159.1, 159.4, 171, 171.1, 172, 173.1, 173.2, 174, 174.1, 176, 177, частями первой и второй статьи 178, статьями 180, 181, 191, 192, 193, частями первой, второй и пунктом «а» части третьей статьи 194, статьями 195, 196, 197, 198, 199, 199.1, 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, если лица, подозреваемые и обвиняемые в совершении указанных преступлений, выполнили обязательства по возврату имущества и (или) возмещению убытков потерпевшим.

Из проекта Постановления Государственной Думы «Об объявлении амнистии», подготовленного Советом по развитию гражданского общества и правам человека, 25 июня 2013 года

Ред. Вы ведь вошли и в следующий состав Совета?

И.Ю. Да, Михаил Александрович Федотов попросил меня продолжить работу. Хотя при переходе президентства от Медведева к Путину сложилась уже другая атмосфера. В Совет вошли некоторые люди, которые, с моей точки зрения, к защите прав человека отношения не имели, но все же некий баланс был найден.

Ред. Что вы считаете наибольшими достижениями за время работы в Совете?

И.Ю. Работу над декриминализацией бизнеса и амнистию по экономическим

преступлениям, которая, пусть и в усеченном виде, была реализована. Тысячи людей вышли на свободу. Сейчас эта борьба продолжается, ведь есть люди, которые под амнистию не попали, хотя вынесенные им приговоры вызывают большие сомнения. С этим активно разбирается новый омбудсмен по правам предпринимателей, бывший член Совета Борис Титов. На этом направлении я сейчас скорее на подхвате, но в Совете в компании с Ириной Хакамадой всегда подставляю плечо. Многое ведь совпадает с моей работой в качестве президента Союза страховщиков. В этом направлении мы работаем и с Верховным Судом России.

ДОКУМЕНТ

Главная задача амнистии для лиц, осужденных за так называемые экономические преступления, — не только улучшить инвестиционный климат, вернуть предпринимателям уверенность в защищенности их прав и законных интересов, но и «обнулить» последствия судебных ошибок. Среди данной категории осужденных особенно много тех, кто, занимаясь нормальной предпринимательской деятельностью, оказался жертвой уголовного преследования с целью рейдерского захвата, недобросовестной конкуренции, коррупции и т.д.

При этом использовались самые разные статьи Уголовного кодекса. Вот почему так важно распространить планируемую амнистию на лиц, осужденных по статьям 159 «Мошенничество», 160 «Присвоение или растрата» и 201 «Злоупотребление полномочиями» УК РФ. Практика показала, что именно эти составы достаточно часто использовались для возбуждения уголовных дел против законопослушных предпринимателей.

Мы не ставим под сомнение важность этих составов для борьбы с реальными преступлениями против собственности, но убеждены, что их формулировки оставляет достаточное

пространство для небескорыстного преследования невиновных, что, в свою очередь, создает угрозу предпринимательской деятельности как таковой, ухудшает инвестиционный климат в стране. Мы уверены, что и сейчас в местах заключения томятся тысячи людей, ставших жертвами огульных обвинений с использованием именно этих статей УК РФ.

Ни один невиновный не должен оставаться за решеткой. «Лучше десять виновных освободить, нежели одного невинного наказать», — записал Петр Первый в 1716 году в пункте 9 главы V Устава воинского.

Надеемся, что благая идея амнистии будет воплощена в жизнь с учетом приведенных доводов.

Из Обращения членов Совета по развитию гражданского общества и правам человека от 1 июля 2013 года к депутатам Государственной Думы Федерального Собрания РФ. Обращение подписали: Светлана Айвазова, Евгений Бобров, Александр Брод, Александр Верховский, Наталия Евдокимова, Иван Засурский, Кирилл Кабанов, Игорь Каляпин, Сергей Караганов, Ирина Киркора, Юрий Костанов, Борис Кравченко, Сергей Кривенко, Елена Масюк, Тамара Морщакова, Александр Мукомолов, Евгений Мысловский, Леонид Никитинский, Леонид Парфенов, Игорь Пастухов, Владимир Ряховский, Анита Соболева, Ирина Хакамада, Павел Чиков, Илья Шаблинский, Владимир Шапошников, Лилия Шибанова, Игорь Юргенс

Ред. С кем в Совете вам особенно хорошо работалось и работается?

И.Ю. С Тamarой Георгиевной Морщаковой, это высочайшего уровня специалист. Жалко, что ушла Елена Панфилова. И Ирины Ясиной мне очень не хватает. С Хакамадой мы в хорошем союзе, с Леонидом Парфеновым и Николаем Сванидзе у меня сложились дружеские отношения. С Сергеем Карагановым, возглавляющим в Совете Постоянную комиссию по исторической памяти, мы дружны почти пятьдесят лет, еще со школы. Добавлю также симпатичного мне Илью Шаблинского.

Ред. Как вы оцениваете коэффициент полезного действия Совета в последнее время?

И.Ю. Я знаю, что на этот счет существуют различные мнения среди людей, даже достаточно мне близких. Мы тут ходим к развилке, которая была у русской интеллигенции и век

назад. Как взаимодействовать с властью, когда ты с ней во многом не согласен, а по каким-то вопросам даже находишься в конфликте? В свое время среди русских социал-демократов столкнулись «ликвидаторы», считавшие, что все равно надо идти в Думу, работать с ней, и так называемые отзовисты, которые призывали игнорировать все парламентские легальные представительства.

Я думаю, что с помощью Совета многие его члены делают весьма большое дело. Да, Михаилу Федотову приходится непросто, приходится тактически лавировать, приносить в Совет некоторые настроения, которые многие из нас не хотели бы слушать и воспринимать. Но ведь и Президент знает о многих настроениях здесь. Он понимает, что власти — судебные, прокурорские, — совсем по-другому, особенно на местах, относятся к мнениям людей из органа, состоящего непосредственно при нем. Они вынуждены реагировать. В этом плане Совет, я убежден, очень нужен.

А

Абрамкин Валерий Фёдорович — правозащитник, директор региональной общественной организации «Центр содействия реформе уголовного правосудия» (19.10.2002–01.04.2013).

Аверинцев Сергей Сергеевич — литературовед, профессор кафедры истории и теории мировой культуры МГУ имени М. В. Ломоносова (01.11.1993–19.10.2002).

Адамович Александр (Алесь) Михайлович — писатель, директор Всесоюзного НИИ кинематографии, член-корреспондент Академии наук Белоруссии (01.11.1993–26.01.1994).

Азаров Виталий Михайлович — начальник Главного управления воспитательной работы Минобороны России (26.09.2000–19.10.2002).

Айвазова Светлана Григорьевна — политолог, главный научный сотрудник Института социологии РАН (с 06.11.2004 по настоящее время; 22.10.2019 заявила о выходе из Совета).

Айрапетян Леон Гургенович — предприниматель, приговоренный в 2016 г. к четырем годам лишения свободы за мошенничество и скончавшийся в 2017 г. в ФКУ ИК-12 УФСИН России по Республике Мордовия.

Алексанян Василий Георгиевич — юрист компании «ЮКОС», обвиняемый по ряду эпизодов в связи с «делом ЮКОСа» и освобожденный от ареста в связи с тяжелым состоянием здоровья в 2008 г.

Алексеев Сергей Сергеевич — ученый-правовед, директор Института философии и права Уральского отделения РАН (01.11.1993–06.11.2004).

Алексеева Людмила Михайловна — правозащитник, председатель Московской Хельсинкской группы (19.10.2002–12.11.2012 и с 26.05.2015 по настоящее время; скончалась 08.12.2018, формально из состава Совета не исключена).

Алкснис Яков Иванович — военачальник, депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва, был репрессирован в 1938 г.

Алтунян Александр — член Правозащитного центра «Мемориал».

Амбиндер Лев Сергеевич — журналист, президент некоммерческой организации, благотворительного фонда «Русфонд» (с 10.02.2009 по настоящее время).

Аметистов Эрнест Михайлович — судья Конституционного Суда РФ в 1991–1998 гг., член Московской Хельсинкской группы.

Андреева Татьяна Константиновна — доцент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», заместитель Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке (с 03.12.2018 по настоящее время).

Арутюнов Михаил Георгиевич — правозащитник, заместитель председателя Комитета по правам человека Верховного Совета РСФСР, заместитель председателя Комиссии по правам человека (01.11.1993–20.05.1996).

Асмолов Александр Григорьевич — заведующий кафедрой федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский

государственный университет имени М.В. Ломоносова», академик федерального государственного бюджетного учреждения «Российская академия образования» (с 03.12.2018 по настоящее время).

Аузан Александр Александрович — экономист, президент Ассоциации независимых центров экономического анализа (19.10.2002–12.11.2012).

Б

Бабушкин Андрей Владимирович — правозащитник, председатель Межрегиональной общественной благотворительной правозащитной организации «Комитет «За гражданские права» (с 12.11.2012 по настоящее время).

Барабашев Георгий Васильевич — ученый-правовед, заведующий кафедрой государственного права и советского строительства МГУ имени М. В. Ломоносова в 1976–1993 гг.

Басаев Шамиль Салманович — террорист, один из лидеров самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия, уничтожен в 2006 г.

Батулин Юрий Михайлович — политик, ученый, летчик-космонавт, помощник президента РФ Б. Н. Ельцина по правовым вопросам и вопросам национальной безопасности в 1993–1998 гг.

Батыршин Радик Ирикович — журналист, председатель ЗАО «Межгосударственная телерадиокомпания «Мир» (12.11.2012–03.12.2018).

Бахмин Вячеслав Иванович — правозащитник, член Коллегии МИД России, заместитель руководителя российской делегации в Комитете ООН по правам человека в 1990-х гг. (01.11.1993–20.05.1996).

Блинушов Андрей Юрьевич — историк, член правления Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал».

Бобков Филипп Денисович — работник органов госбезопасности, первый заместитель председателя КГБ СССР в 1985–1991 гг., народный депутат РСФСР в 1990–1993 гг.

Бобров Евгений Александрович — правозащитник, руководитель межрегиональной общественной организации «Правозащитная организация «Восход» (12.11.2012–21.10.2019).

Боброва Вера Константиновна — сотрудник аппарата Комиссии по правам человека в 1996–2003 гг.

Богораз Лариса Иосифовна — публицист и правозащитник, председатель Московской Хельсинкской группы в 1989–1996 гг.

Бозор Собир — таджикский поэт и общественный деятель, депутат Верховного Совета Таджикской ССР в 1990–1992 гг.

Бойко Максим Владимирович — экономист, заместитель руководителя Администрации Президента РФ в 1996–1997 гг.

Большакова Мария Артемовна — председатель совета Общероссийской общественной организации «Союз семей военнослужащих России» (с 12.11.2012 по настоящее время).

Боннэр Елена Георгиевна — председатель неправительственной международной организации «Общественная комиссия по увековечению памяти Андрея Сахарова — Фонд Сахарова» (01.11.1993–20.05.1996).

Борисов Игорь Борисович — председатель совета Общероссийской общественной организации «Российский общественный институт избирательного права» (с 12.11.2012 по настоящее время).

Борисов Сергей Ренатович — президент Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России» (19.10.2002–10.02.2009).

Борщёв Валерий Васильевич — диссидент, политик и правозащитник, депутат Государственной Думы ФС РФ в 1994–1999 гг., член Московской Хельсинкской группы (19.10.2002–06.11.2004).

Бочарова Татьяна Павловна — историк, журналист, основатель и президент Фонда Новочеркасской трагедии.

Буковский Владимир Константинович — диссидент, писатель, политический и общественный деятель.

В

Васильев Борис Львович — писатель (10.09.2001–06.11.2004).

Вексельберг Виктор Феликсович — предприниматель, учредитель культурно-исторического фонда «Связь времен», глава Попечительского совета Еврейского музея в Москве.

Верховский Александр Маркович — правозащитник, директор Информационно-аналитического центра «Сова» (с 12.11.2012 по настоящее время).

Г

Гайдар Егор Тимурович — государственный деятель, глава «Правительства реформ», активный сторонник Б.Н. Ельцина в ходе «октябрьского путча» 1993 г., депутат Государственной Думы ФС РФ в 1993–1996 и 1999–2003 гг.

Галкин Александр Абрамович — историк, политолог, заведующий отделом Института конкретных социальных исследований Академии наук СССР в 1968–1972 гг.

Галстян Амбарцум Пайлакович — армянский политический деятель, один из участников карабахского движения, член комитета «Карабах», а позже один из его лидеров.

Ганнушкина Светлана Алексеевна — правозащитник, председатель региональной общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным

Бурбулис Геннадий Эдуардович — государственный деятель, первый и единственный Государственный секретарь РСФСР, депутат Государственной Думы ФС РФ в 1993–1995 гг.

Бурдюг Виктор — советский диссидент, владелец подпольной типографии, распространявшей в 1980-е гг. правозащитную литературу.

Бурлацкий Фёдор Михайлович — политолог, журналист, заместитель директора Института социологических исследований Академии наук СССР в 1969–1971 гг.

Винокурова Екатерина Владимировна — специальный корреспондент информационного агентства «Знак» (с 03.12.2018 по настоящее время).

Володин Вячеслав Викторович — государственный и политический деятель, первый заместитель руководителя Администрации Президента РФ в 2011–2016 гг., председатель Государственной Думы ФС РФ с 2016 г. по настоящее время.

Воробьев Сергей Ильич — предприниматель, сопредседатель некоммерческой организации «Клуб 2015» (с 01.02.2011–03.12.2018).

переселенцам «Гражданское содействие» (19.10.2002–12.11.2012).

Герман Алексей Юрьевич — кинорежиссер, народный артист РФ, секретарь Союза кинематографистов СССР в 1985–1986 гг.

Гефтер Валентин Михайлович — правозащитник, директор АНО «Институт прав человека» (10.02.2009–12.11.2012).

Гефтер Михаил Яковлевич — историк, философ и публицист, участник диссидентского движения 1970-х гг.

Глинка Елизавета Петровна — правозащитник, врач паллиативной медицины, исполнительный директор международной общественной организации «Справедливая помощь», первый лауреат Государственной премии РФ

за выдающиеся достижения в области правозащитной деятельности (12.11.2012–27.06.2017).

Говорухин Сергей Станиславович — кинорежиссер, председатель правления Фонда ветеранов и инвалидов вооруженных конфликтов «Рокада» (19.10.2002–18.08.2010).

Голембиовский Игорь Несторович — генеральный директор газетно-издательского комплекса «Известия», президент ОАО «Редакция газеты «Известия» (01.11.1993–20.05.1996).

Голов Анатолий Григорьевич — директор АНО «Институт социальной политики», сопредседатель общественной организации «Союз потребителей России» (19.10.2002–06.11.2004).

Головань Алексей Иванович — Уполномоченный по правам ребенка в г. Москве, исполнительный директор региональной общественной организации «Благотворительный центр «Соучастие в судьбе» (06.11.2004–01.04.2013).

Голубчикова Валентина Давыдовна — главный редактор журнала «Северные просторы», руководитель проекта «Информационный центр по правам коренных народов» (20.05.1996–06.11.2004).

Горбачев Михаил Сергеевич — первый Президент СССР в 1990–1991 гг., лауреат Нобелевской премии мира 1990 г.

Д

Данелия Георгий Николаевич — кинорежиссер, народный артист СССР, президент Фонда сохранения традиций и развития нового кино.

Даниэль Александр Юльевич — историк, член Общества «Мемориал».

Демин Юрий Георгиевич — первый заместитель министра юстиции Российской Федерации (10.09.2001–19.10.2002).

Джибладзе Георгий Джуаншеревич — президент АНО «Центр развития демократии и прав человека» (10.02.2009–12.11.2012).

Дискин Иосиф Евгеньевич — заместитель председателя научно-экспертного совета

Горгадзе Шота Олегович — управляющий партнер адвокатского бюро г. Москвы «Зутиков, Горгадзе и партнеры» (с 03.12.2018 по настоящее время).

Горячева Юлия — юрист Комитета солдатских матерей в 1990-х гг.

Графова Лидия Ивановна — журналист, правозащитник, сопредседатель Комитета «Гражданское содействие» в 1990–1999 гг., основатель Форума переселенческих организаций.

Грачев Павел Сергеевич — военачальник, министр обороны РФ в 1992–1996 гг.

Григоренко Петр Григорьевич — диссидент, правозащитник, генерал-майор, основатель Украинской Хельсинкской группы.

Грушин Борис Андреевич — философ и социолог, член-корреспондент Российской академии наук, основатель службы изучения общественного мнения Vox populi.

Гусев Павел Николаевич — генеральный директор ЗАО «Редакция газеты «Московский Комсомолец», главный редактор газеты «Московский Комсомолец» (с 12.11.2012 по настоящее время).

ОАО «Всероссийский центр изучения общественного мнения» (12.11.2012–18.02.2016).

Днепров Эдуард Дмитриевич — педагог, академик Российской академии образования, министр образования РСФСР в 1990–1992 гг.

Дондурей Даниил Борисович — главный редактор некоммерческого партнерства «Редакция журнала «Искусство кино» (01.02.2011–27.06.2017).

Доренко Сергей Леонидович — журналист, телеведущий.

Дудаев Джохар Мусаевич — первый президент самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия в 1991–1996 гг.

Е

Евдокимова Наталия Леонидовна — ответственный секретарь Правозащитного совета Санкт-Петербурга (с 12.11.2012 по настоящее время).

Евтушенков Владимир Петрович — предприниматель, председатель совета директоров и совладелец АФК «Система».

Ельцин Борис Николаевич — Президент Российской Федерации в 1991–1999 гг.

Ж

Жжёнов Георгий Степанович — актер Государственного академического театра имени Моссовета, народный артист СССР (10.09.2001–10.02.2009).

Жуйков Виктор Мартенианович — правовец, заслуженный юрист РФ, заместитель председателя Верховного Суда РФ в 1988–2007 гг.

Жуков Василий Иванович — президент общественной организации «Академия социального образования», ректор Московского

Ерин Виктор Фёдорович — государственный деятель, министр внутренних дел РФ в 1992–1995 гг., один из ключевых участников событий «октябрьского путча» 1993 г.

Ершова Елена Николаевна — координатор НП «Консорциум женских неправительственных объединений» (19.10.2002–06.11.2004).

государственного социального университета (19.10.2002–06.11.2004).

Жукова Нина Борисовна — председатель Российского политического общественного движения «Союз реалистов», заместитель главы Всемирного русского народного собора (19.10.2002–06.11.2004).

Жуховицкий Леонид Аронович — писатель-публицист (26.09.2000–06.11.2004).

З

Забелин Святослав Игоревич — сопредседатель совета международной общественной организации «Международный социально-экологический союз» (19.10.2002–10.02.2009).

Зайцев Евгений Александрович — заслуженный юрист России, заведующий сектором Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий Верховного Совета РСФСР.

Замшев Максим Адольфович — главный редактор «Литературной газеты» (с 03.12.2018 по настоящее время).

Засулич Вера Ивановна — политический деятель начала XX века, представитель плеяды первых российских социал-демократов.

Засурский Иван Иванович — президент Ассоциации интернет-издателей, главный редактор интернет-издания «Частный корреспондент» (с 12.11.2012 по настоящее время).

Затулин Константин Фёдорович — политик, депутат Государственной Думы ФС РФ в 1994–1996, 2003–2004 гг.

Звайзне Гвидо — латвийский журналист, погибший при исполнении служебных обязанностей 20 января 1991 г.

Золотухин Борис Андреевич — адвокат Московской городской коллегии адвокатов, народный депутат РСФСР (01.11.1993–06.11.2004).

Зорин Валентин Сергеевич — политолог, телеведущий, историк.

Зыков Олег Владимирович — президент российского благотворительного фонда «Нет алкоголизму и наркомании» (19.10.2002–06.11.2004).

И

Иваненко Виталий Семенович — ученый-правовед, проректор по учебной работе Алтайского университета в 1985–1993 гг.

Иванов Сергей Борисович — государственный и военный деятель, министр обороны РФ в 2001–2007 гг. руководитель Администрации Президента РФ в 2011–2016 гг.

Игрунов Вячеслав Владимирович — советский диссидент, российский общественный и политический деятель, депутат Государственной Думы ФС РФ в 1993–2003 гг.

К

Кабанов Кирилл Викторович — председатель общественной организации «Национальный антикоррупционный комитет» (с 10.02.2009 по настоящее время).

Каландаров Камилжан Хамидович — генеральный директор АНО «Институт прав человека» (19.10.2002–06.11.2004).

Каледа Глеб Александрович — протоиерей РПЦ, писатель, один из основателей Православного Свято-Тихоновского богословского института.

Каледа Кирилл Глебович — протоиерей РПЦ, настоятель храма Святых Новомучеников и Исповедников Российских в Бутове (с 03.12.2018 по настоящее время).

Калинин Юрий Иванович — заместитель министра юстиции РФ (26.09.2000–10.09.2001).

Каляпин Игорь Александрович — председатель межрегионального общественного объединения «Комитет против пыток» (с 12.11.2012 по настоящее время).

Каннабих Мария Валерьевна — председатель президиума Общероссийской общественной организации «Совет общественных наблюдательных комиссий» (12.11.2012–27.07.2017).

Каплун Ирина Моисеевна — диссидент, правозащитник, один из инициаторов создания Рабочей группы по расследованию использования психиатрии в политических целях.

Ильясов Станислав Валентинович — государственный деятель, министр РФ в 2002–2004 гг.

Илюшин Виктор Васильевич — государственный деятель, старший помощник Президента России Б. Н. Ельцина в 1990-х гг.

Иоффе Ольга Юрьевна — диссидентка, правозащитник, борец с карательной психиатрией в СССР.

Искандер Фазиль Абдулович — прозаик, поэт (01.11.1993–20.05.1996 и 22.12.1997–10.09.2001).

Кара Геннадий Павлович — первый заместитель начальника Главного управления внутренней политики Президента РФ, заместитель председателя Комиссии (10.09.2001–06.11.2004).

Караганов Сергей Александрович — председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике (с 06.11.2004 по настоящее время).

Карташкин Владимир Алексеевич — главный научный сотрудник Института государства и права РАН, председатель Комиссии по правам человека при Президенте РФ (20.05.1996–12.07.2002).

Касьянов Михаил Михайлович — государственный и политический деятель, Председатель Правительства РФ в 2000–2004 гг.

Кашпировский Анатолий Михайлович — психотерапевт, депутат Государственной Думы ФС РФ в 1993–1996 гг.

Кива Алексей Васильевич — заведующий сектором сравнительной лингвистики Института востоковедения РАН (20.05.1996–10.09.2001).

Ким Юлий Черсанович — поэт, композитор, участник диссидентского движения в СССР.

Кириенко Сергей Владиленович — государственный деятель, председатель Правительства РФ в 1998 г., первый заместитель руководителя Администрации Президента РФ с 2016 г.

Кирбасова Мария Ивановна — общественный деятель, основатель Комитета солдатских матерей России.

Киркора Ирина Владимировна — руководитель московского отделения общественной организации по защите прав женщин и детей «Ассоль» (с 12.11.2012 по настоящее время).

Климов Элем Германович — кинорежиссер, народный артист РФ, первый секретарь правления Союза кинематографистов СССР.

Клямкин Игорь Михайлович — вице-президент научного фонда теоретических и прикладных исследований «Либеральная миссия» (06.11.2004–10.02.2009).

Ковалёв Сергей Адамович — диссидент, политзаключенный, председатель Комитета по правам человека Верховного Совета РСФСР, председатель Комиссии по правам человека при Президенте РФ (26.09.1993–24.01.1996).

Ковлер Анатолий Иванович — заведующий Центром зарубежного законодательства и сравнительного правоведения федерального государственного научно-исследовательского учреждения «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации» (с 03.12.2018 по настоящее время).

Козловский Иван Семенович — оперный певец, народный артист СССР.

Козырев Алексей Сергеевич — художественный руководитель, главный режиссер театра «Алеко» (12.11.2012–03.12.2018).

Козырев Андрей Владимирович — министр иностранных дел РФ в 1990–1996 гг. (01.11.1993–20.05.1996).

Колодный Александр Германович — главный редактор газеты «Век» (26.09.2000–06.11.2004).

Кононов Анатолий Леонидович — ученый-правовед, судья Конституционного Суда РФ в 1991–2010 гг.

Коржаков Александр Васильевич — сотрудник госбезопасности, руководитель Службы безопасности Президента РФ Б.Н. Ельцина в 1990-х гг.

Коротаев Алексей Степанович — общественный деятель, сооснователь и первый директор АНО «Институт прав человека».

Копылов Александр Терентьевич — народный депутат РСФСР, заместитель председателя Комиссии по правам человека при Президенте РФ (01.11.1993–01.02.1999).

Костанов Юрий Артемович — председатель президиума Московской коллегии адвокатов «Адвокатское партнерство» (с 12.11.2012 по настоящее время).

Кравченко Борис Евгеньевич — генеральный секретарь Общероссийского объединения профсоюзов «Конфедерация труда России» (с 01.02.2011 по настоящее время).

Кравченко Леонид Петрович — журналист, политический деятель, народный депутат СССР и активный участник событий «августовского путча» 1991 г.

Красавченко Сергей Николаевич — политик, экономист, первый заместитель руководителя Администрации Президента РФ в 1993–1996 гг.

Краснов Михаил Александрович — ученый-правовед, помощник Президента РФ Б.Н. Ельцина по правовым вопросам в 1995–1998 гг.

Крашенинников Павел Владимирович — ученый-правовед, государственный и политический деятель, депутат Государственной Думы ФС РФ в 1999–2021 гг.

Кривенко Сергей Владимирович — член Общества «Мемориал», координатор общественного движения «Гражданин и армия» (10.02.2009–03.12.2018).

Кропоткин Петр Алексеевич — философ-анархист, публицист, историк.

Крылов Николай Иванович — военачальник, главнокомандующий Ракетными войсками стратегического назначения СССР.

Крылов Сергей Борисович — заместитель министра иностранных дел РФ (20.05.1996–22.12.1997).

Кудрявцев Владимир Николаевич — ученый-правовед, вице-президент Академии наук СССР и Российской академии наук в 1988–2001 гг.

Кузьминов Ярослав Иванович — ректор ФГАУ ВПО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (06.11.2004–12.11.2012).

Куклина Ида Николаевна — член координационного совета Союза комитетов солдатских матерей России (19.10.2002–12.11.2012).

Куркова Бэлла Алексеевна — тележурналист, народный депутат РСФСР, директор Ленинградской дирекции ВГТРК в 1991–2000 гг.

Л

Лантратова Яна Валерьевна — председатель координационного совета Союза добровольцев России, ответственный секретарь Совета по развитию гражданского общества и правам человека (12.11.2012–03.12.2018).

Левада Юрий Александрович — политолог и социолог, основатель и директор АНО «Аналитический центр Юрия Левады» (06.11.2004–16.11.2006).

Левитанский Юрий Давидович — поэт и переводчик, один из активных сторонников прекращения войны в Чечне в 1993–1995 гг.

Легойда Владимир Романович — председатель правления Фонда содействия развитию культурно-просветительской деятельности «Фома Центр», главный редактор журнала «Фома» (10.02.2009–18.02.2016).

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич — революционер, политический и государственный деятель, председатель СНК РСФСР.

Лесков Максим Александрович — начальник отдела Главного управления внутренней политики Президента РФ, ответственный секретарь Комиссии (19.10.2002–06.11.2004).

Лившиц Александр Яковлевич — ученый-экономист, помощник Президента РФ Б.Н. Ельцина по экономическим вопросам в 1994–1996 гг.

Курочкин Виктор Васильевич — журналист, общественный и политический деятель, депутат Государственной Думы ФС РФ в 1996–1999 гг.

Кучер Станислав Александрович — журналист, общественный деятель (12.11.2012–03.12.2018).

Кучерена Анатолий Григорьевич — ученый-правовед, адвокат, председатель Совета Общероссийского общественного движения «Гражданское общество» (12.11.2012–18.02.2016).

Литовченко Сергей Евгеньевич — исполнительный директор межрегиональной общественной организации «Ассоциация менеджеров» (10.02.2009–26.11.2015).

Лукашенко Александр Григорьевич — Президент Республики Беларусь.

Лукин Владимир Петрович — государственный и политический деятель, дипломат, Уполномоченный по правам человека в РФ в 2004–2014 гг.

Лукутцова Раиса Тимофеевна — председатель Общероссийской общественной организации «Российский Красный Крест» (12.11.2012–03.12.2018).

Лукьянов Анатолий Иванович — государственный деятель, председатель Верховного Совета СССР в 1990–1991 гг.

Лукьянов Фёдор Александрович — главный редактор журнала «Россия в глобальной политике» (10.02.2009–12.11.2012).

Лысенко Владимир Николаевич — политический деятель, депутат Государственной Думы ФС РФ в 1993–2003 гг.

Магнитский Сергей Леонидович — юрист, аудитор, скончавшийся в 2009 г. в СИЗО «Матросская тишина».

Магомедов Магомедсалам Магомедалиевич — государственный и политический деятель, президент Республики Дагестан в 2010–2013 гг.

Макашов Альберт Михайлович — военачальник, политический деятель, активный сторонник ГКЧП в ходе «августовского путча» 1991 г.

Маковецкая Светлана Геннадьевна — директор фонда «Центр гражданского анализа и независимых исследований «ГРАНИ» (с 03.12.2018 по настоящее время).

Малева Татьяна Михайловна — директор АНО «Независимый институт социальной политики» (10.02.2009–12.11.2012).

Мальгинов Олег Сергеевич — дипломат, заместитель руководителя Департамента по правам человека МИД СССР в 1984–1993 гг.

Марголина Татьяна Ивановна — профессор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет», член общественной организации «Пермское краевое отделение Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал» (с 03.12.2018 по настоящее время).

Марков Сергей Александрович — председатель Национального гражданского совета по международным делам (06.11.2004–10.02.2009).

Масюк Елена Васильевна — журналист, обозреватель «Новой газеты» (12.11.2012–03.12.2018).

Медведев Дмитрий Анатольевич — третий Президент Российской Федерации в 2008–2012 гг.

Меликьян Геннадий Георгиевич — экономист, государственный деятель, министр труда РФ в 1992–1997 гг.

Мельвиль Андрей Юрьевич — проректор по научной работе МГИМО(У) МИД России,

член Бюро Федерации мира и согласия (22.12.1997–19.10.2002).

Мельникова Валентина Дмитриевна — председатель правления Московского исследовательского центра по правам человека (22.12.1997–10.09.2001).

Мень Александр Владимирович — протоиерей РПЦ, богослов и благотворитель, один из основателей Российского библейского общества.

Меркачева Ева Михайловна — обозреватель газеты «Московский Комсомолец» (с 03.12.2018 по настоящее время).

Мизулина Елена Борисовна — политический деятель, депутат Государственной Думы ФС РФ в 1995–2015 гг., член Совета Федерации ФС РФ.

Миронов Олег Орестович — государственный и общественный деятель, Уполномоченный по правам человека в РФ в 1998–2004 гг.

Митягин Сергей Павлович — государственный деятель, сотрудник аппарата Комиссии по правам человека в 1994–2000 гг., ответственный секретарь Комиссии (26.09.2000–19.10.2002).

Михайлов Константин Петрович — координатор общественного движения «Архнадзор» (с 03.12.2018 по настоящее время).

Мишин Август Алексеевич — ученый-правовед, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, один из авторов текста Конституции РФ.

Молоствов Михаил Михайлович — политический деятель, правозащитник, депутат Государственной Думы ФС РФ в 1993–1995 гг. (01.11.1993–20.05.1996).

Молчанов Владимир Кириллович — тележурналист, член Академии российского телевидения.

Монахов Николай Андреевич — адвокат Московской городской коллегии адвокатов, член Московской Хельсинкской группы (20.05.1996–22.12.1997).

Морщакова Тамара Георгиевна — ученый-правовед, судья Конституционного Суда РФ в отставке (с 19.10.2002; 22.10.2019 заявила о выходе из Совета).

Москаленко Каринна Акоповна — общественный деятель, первый российский адвокат, выступивший в Европейском суде по правам человека.

Н

Набиуллина Эльвира Сахипзадовна — государственный деятель, заслуженный экономист России, министр экономического развития РФ в 2008–2012 гг., председатель Центрального банка России.

Неизвестный Эрнст Иосифович — скульптор, автор монументов памяти жертв политических репрессий в Магадане и Екатеринбурге.

Никитинский Леонид Васильевич — журналист, секретарь Общероссийской общественной организации «Союз журналистов России» (с 12.11.2012 по настоящее время).

Николаева Елена Леонидовна — председатель попечительского совета некоммерческого фонда «Национальный фонд развития здравоохранения» (10.02.2009–18.02.2016).

О

Огородников Александр Иольевич — советский диссидент, российский политический деятель.

Окуджава Булат Шалвович — поэт, писатель, композитор, член Общества «Мемориал», один из учредителей русского ПЕН-центра.

Орешкин Дмитрий Борисович — ведущий научный сотрудник Института географии РАН (10.02.2009–12.11.2012).

П

Паин Эмиль Абрамович — директор Центра этнополитических и региональных исследований (01.02.2011–12.11.2012).

Мукомолов Александр Фёдорович — председатель межрегиональной общественной организации «Миротворческая миссия имени генерала Лебеда» (с 12.11.2012 по настоящее время).

Мысловский Евгений Николаевич — президент регионального общественного фонда противодействия организованной преступности и коррупции «АНТИМАФИЯ» (с 12.11.2012 по настоящее время).

Никонов Вячеслав Алексеевич — политический деятель, депутат Государственной Думы ФС РФ в 1993–1996 гг. и в настоящее время, президент фонда «Политика» (22.12.1997–26.09.2000).

Новодворская Валерия Ильинична — диссидент, правозащитник и политический деятель.

Нуйкин Андрей Александрович — писатель, сопредседатель Содружества союзов писателей (20.05.1996–26.09.2000).

Нургалиев Рашид Гумарович — генерал армии, министр внутренних дел РФ в 2004–2012 гг.

Орлов Олег Петрович — председатель совета Правозащитного центра «Мемориал», член Общества «Мемориал» (06.11.2004–10.02.2009).

Осовцов Александр Авраамович — политический деятель, депутат Государственной Думы ФС РФ в 1993–1996 гг.

Охотин Никита Глебович — историк, член Общества «Мемориал».

Памфилова Элла Александровна — председатель президиума Общероссийского общественного движения «Гражданское

достоинство», председатель Комиссии по правам человека и Совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека (12.07.2002–31.07.2010), Уполномоченный по правам человека в РФ в 2014–2016 гг., с 2016 г. — председатель Центральной избирательной комиссии РФ.

Панфилова Елена Анатольевна — директор Центра антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл — Россия» (10.02.2009–12.11.2012).

Парфёнов Леонид Геннадьевич — журналист (12.11.2012–03.12.2018).

Паршенцева Галина Васильевна — статс-секретарь — заместитель министра труда и социального развития РФ (10.09.2001–19.10.2002).

Пастухов Игорь Николаевич — адвокат Московской коллегии адвокатов «Юридическая фирма «ЮСТ» (с 12.11.2012 по настоящее время).

Пасько Григорий Михайлович — журналист, член Союза журналистов России, приговорен в 2001 году к четырем годам лишения свободы за шпионаж.

Пашин Сергей Анатольевич — профессор кафедры судебной власти и организации правосудия ФГАУ ВПО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (12.11.2012–03.12.2018).

Петровский Леонид Николаевич — политический деятель, депутат Государственной Думы ФС РФ в 1993–1996 гг.

Петросян Маргарита Ефремовна — эксперт Комиссии по правам человека при Президенте РФ в 1993–1996 гг.

Пилюгин Олег Дмитриевич — вице-президент некоммерческой общественной организации «Фонд содействия престижу России» (19.10.2002–06.11.2004).

Платова Ольга Васильевна — помощник председателя Комиссии по правам человека, председателя Совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, председателя Совета по развитию гражданского общества и правам человека в 2002–2014 гг.

Плиев Исса Александрович — военачальник, дважды Герой Советского Союза, Командующий Северо-Кавказским военным округом в 1958–1968 гг.

Плющ Леонид Иванович — математик, публицист, участник правозащитного движения в СССР.

Подберезкин Алексей Иванович — директор Межрегиональной организации содействия защите прав и свобод граждан «Правозащитный центр» (06.11.2004–10.02.2009).

Подрабинек Александр Пинхосович — диссидент, журналист.

Познер Владимир Владимирович — журналист, телеведущий, президент фонда «Академия российского телевидения» (06.11.2004–10.02.2009).

Политковская Анна Степановна — журналистка и правозащитница, ставшая жертвой заказного убийства в 2006 г.

Поляков Леонид Васильевич — заведующий кафедрой общей политологии ФГАУ ВПО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (с 12.11.2012 по настоящее время).

Поляков Юрий Михайлович — главный редактор «Литературной газеты» (06.11.2004–10.02.2009).

Полякова Мара Фёдоровна — правозащитник, председатель правления региональной общественной организации «Независимый экспертно-правовой совет» (с 06.11.2004 по настоящее время).

Полякова Элла Михайловна — правозащитник, председатель правозащитной организации «Солдатские матери Санкт-Петербурга» (12.11.2012–03.12.2018).

Пономарев Борис Николаевич — государственный и политический деятель, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС в 1972–1986 гг.

Пономарев Лев Александрович — правозащитник, политический и общественный деятель, народный депутат РСФСР в 1990–1993 гг.

Пореш Владимир Юрьевич — советский диссидент, общественный деятель, создатель общества «Открытое христианство».

Потанин Владимир Олегович — бизнесмен и политический деятель, учредитель «Благотворительного фонда Потанина».

Починок Александр Петрович — государственный деятель, экономист, народный депутат РСФСР в 1990–1993 гг.

Примаков Евгений Максимович — государственный деятель, Председатель Правительства РФ в 1998–1999 гг.

Приставкин Анатолий Игнатьевич — писатель, государственный и общественный деятель, председатель Комиссии по помилованию при Президенте РФ в 1992–2001 гг.

Р

Радаев Вадим Валерьевич — социолог, проректор ФГАУ ВПО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Радзиховский Леонид Александрович — журналист, обозреватель «Российской газеты» (01.02.2011–12.11.2012).

Разгон Лев Эммануилович — правозащитник, литературный критик, один из основателей Общества «Мемориал».

Разумов Станислав Александрович — судья Верховного Суда РФ (10.09.2001–19.10.2002).

Рашишвили Теймураз Отарович — директор Департамента по международному гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД России (26.09.2000–19.10.2002).

Резник Генри Маркович — адвокат, правозащитник, член Московской Хельсинкской группы (с 03.12.2018 по настоящее время).

Рогинский Арсений Борисович — историк, правозащитник, председатель правления Общества «Мемориал».

Романов Роман Владимирович — директор государственного бюджетного учреждения культуры г. Москвы «Государственный музей истории ГУЛАГа» (с 03.12.2018 по настоящее время).

Рошаль Леонид Михайлович — президент благотворительного объединения «Международный благотворительный

Пустынцев Борис Павлович — правозащитник, председатель санкт-петербургской общественной правозащитной организации «Гражданский контроль» (06.11.2004–12.11.2012).

Путин Владимир Владимирович — второй Президент Российской Федерации в 2000–2008 гг., четвертый Президент Российской Федерации с 2012 г. по настоящее время.

Пушков Алексей Кириллович — политолог, государственный деятель, автор и ведущий аналитической программы «Постскриптум» (06.11.2004–18.02.2016).

общественный фонд помощи детям при катастрофах и войнах» (19.10.2002–10.02.2009).

Румянцев Алексей Матвеевич — экономист и социолог, вице-президент Академии наук СССР в 1967–1971 гг.

Руткевич Михаил Николаевич — философ и социолог, директор Института конкретных социальных исследований АН СССР в 1972–1976 гг.

Руцкой Александр Владимирович — государственный и политический деятель, вице-президент РСФСР в 1991–1993 гг.

Рыбаков Юлий Андреевич — правозащитник, диссидент, депутат Государственной Думы ФС РФ в 1993–2003 гг.

Рыжков Владимир Александрович — политический деятель, депутат Государственной Думы ФС РФ в 1993–2007 гг.

Рябов Николай Тимофеевич — государственный деятель, дипломат, председатель Совета Республики Верховного Совета России в 1991–1992 гг.

Ряховский Владимир Васильевич — управляющий партнер адвокатского бюро «Славянский правовой центр» (с 12.11.2012 по настоящее время).

Ряховский Сергей Васильевич — религиозный деятель, председатель пятидесятнического общественного Союза христиан веры евангельской.

Самойлов Давид (Кауфман Давид Самуилович) — советский поэт и переводчик.

Сатаров Георгий Александрович — политолог, помощник Президента РФ Б. Н. Ельцина по взаимодействию с политическими партиями в 1994–1997 гг.

Сахаров Андрей Дмитриевич — советский физик, диссидент и правозащитник, лауреат Нобелевской премии мира 1975 г.

Сванидзе Николай Карлович — политический обозреватель (с 12.11.2012 по настоящее время).

Сейфуль-Муллюков Фарид Мустафьевич — журналист-международник, писатель, востоковед.

Семина Лидия Ивановна — помощник председателя Комиссии по правам человека С. А. Ковалёва в 1993 г.

Сендеров Валерий Анатольевич — математик, правозащитник, диссидент, один из участников Международного общества прав человека.

Сердюков Анатолий Эдуардович — экономист, государственный деятель, министр обороны РФ в 2007–2012 гг.

Серегин Вячеслав Павлович — ученый-правовед, начальник кафедры права Военного университета в 1980–1993 гг.

Сидорович Ольга Борисовна — директор автономной некоммерческой организации «Институт права и публичной политики» (с 03.12.2018 по настоящее время).

Симонов Алексей Кириллович — кинорежиссер, правозащитник, президент некоммерческой организации «Фонд защиты гласности» (19.10.2002–12.11.2012).

Синявский Андрей Донатович — писатель и диссидент, был осужден за антисоветскую агитацию в 1966 г. к семи годам колонии.

Сироткин Сергей Васильевич — народный депутат РСФСР, председатель подкомитета по законодательной работе Комитета по правам человека Верховного Совета Российской Федерации (01.11.1993–20.05.1996).

Слапинец Андрис — латвийский журналист, погибший при исполнении профессиональных обязанностей 20 января 1991 г.

Слободская Мария Александровна — президент АНО «Институт проблем гражданского общества» (20.05.1996–26.09.2000).

Смирнов Вильям Викторович — заведующий сектором политических исследований Института государства и права РАН, заместитель председателя Комиссии по правам человека (22.12.1997–10.02.2009).

Смирнягин Леонид Викторович — географ и общественный деятель, член Президентского совета в 1993–2000 гг.

Соболева Анита Карловна — главный эксперт-консультант по научно-правовой деятельности АНО «Юристы за конституционные права и свободы» (с 12.11.2012 по настоящее время).

Собчак Анатолий Александрович — ученый-правовед, политический деятель, мэр Санкт-Петербурга в 1991–1996 гг.

Собянин Сергей Семенович — член Совета Федерации ФС РФ в 1996–2000 гг., руководитель Администрации Президента РФ в 2005–2008 гг., мэр Москвы с 2010 г. по настоящее время

Сокирянская Екатерина Леонидовна — общественный деятель, правозащитник, глава российского представительства Международной кризисной группы с 2011 г.

Сокуров Александр Николаевич — кинорежиссер (с 03.12.2018 по настоящее время).

Солженицын Александр Исаевич — диссидент, писатель, правозащитник, общественный деятель, лауреат Нобелевской премии по литературе 1970 г., лауреат Государственной премии РФ за выдающиеся заслуги в области гуманитарной деятельности 2007 г.

Соловьев Владимир Геннадиевич — председатель Общероссийской общественной организации «Союз журналистов России» (с 03.12.2018 по настоящее время).

Соловьев Владимир Рудольфович — теле-радио-журналист (19.10.2002–10.02.2009).

Сорк Диана Михайловна — адвокат, юрист Международной конфедерации обществ потребителей.

Сорокина Светлана Иннокентьевна — журналист (10.02.2009–05.03.2012).

Софронов Анатолий Владимирович — советский поэт, писатель и журналист, активный участник кампании по борьбе с космополитизмом.

Старовойтова Галина Васильевна — правозащитник, общественный и политический деятель, член Комитета Верховного Совета Российской Федерации в 1990–1993 гг.

Степанков Валентин Георгиевич — правовед, государственный деятель, Генеральный прокурор России в 1991–1993 гг.

Степашин Сергей Вадимович — государственный деятель, директор ФСК (ФСБ) России

Т

Терентьев Михаил Борисович — генеральный секретарь Общероссийской общественной организации «Паралимпийский комитет России» (12.11.2012–18.02.2016).

Титов Борис Юрьевич — председатель Общероссийской общественной организации «Деловая Россия» (06.11.2004–10.02.2009).

Тополева-Солдунова Елена Андреевна — директор автономной некоммерческой

У

Устинов Владимир Васильевич — Генеральный прокурор РФ в 2000–2006 гг., Полномочный представитель Президента РФ в ЮФО с 2008 г. по настоящее время.

Уланова Галина Сергеевна — артистка балета, народная артистка СССР.

в 1994–1995 гг., министр юстиции РФ в 1997–1998 гг., Председатель Правительства РФ в 1999 г., председатель Счетной палаты РФ в 2000–2013 гг.

Столбун Виктор Давыдович — советский псевдоученый, практиковавший в 1970-е гг. насильственные методы лечения алкогольной зависимости и психических заболеваний.

Султыгов Абдул-Хаким Ахмедович — экономист, политический деятель, Специальный представитель Президента РФ по обеспечению прав и свобод человека и гражданина в Чеченской Республике в 2002 г.

Сунгуров Александр Юрьевич — президент общественной организации «Санкт-Петербургский гуманитарно-политологический центр «Стратегия» (06.11.2004–10.02.2009).

Сурков Владислав Юрьевич — государственный деятель, первый заместитель руководителя Администрации Президента РФ в 2008–2011 гг.

организации «Агентство социальной информации» (12.11.2012–18.02.2016).

Третьяков Виталий Товиевич — профессор факультета международной журналистики МГИМО(У) МИД России (06.11.2004–10.02.2009).

Туполев Андрей Николаевич — авиаконструктор, академик Академии наук СССР, был репрессирован в 1937 г. и реабилитирован в 1955 г.

Ульман Эдуард Анатольевич — военнослужащий, капитан спецназа ГРУ, признанный виновным в убийстве шести мирных жителей Чечни в 2002 г.

Ф

Фадеев Валерий Александрович — главный редактор журнала «Эксперт» (06.11.2004–10.02.2009 и 21.10.2019 по настоящее время).

Федотов Михаил Александрович — советник Президента Российской Федерации, председатель СПЧ с 2010 г. (10.02.2009–21.10.2019).

Фесуненко Игорь Сергеевич — журналист-международник, писатель и телеведущий.

Филатов Сергей Александрович — государственный и общественный деятель, руководитель Администрации Президента РФ в 1993–1996 гг.

Х

Хабриева Талия Ярулловна — директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (26.09.2000–06.11.2004).

Хакамада Ирина Муцуовна — публицист (12.11.2012–03.12.2018).

Ц

Цаленко Михаил Шамшонович — ученый-математик, диссидент, один из активных борцов с антисемитизмом в СССР в 1970–1980-х гг.

Цепов Борис Анатольевич — директор Департамента по международному гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД России (10.09.2001–10.10.2002).

Ч

Чалдымов Никита Андреевич — президент ассоциации «Армия и общество», академик Российской академии естественных наук, генерал-майор (20.05.1996–06.11.2004).

Чаликова Виктория Атомовна — советский философ, социолог, в 1990 г. стала

Фомин Иван Иванович — главный редактор калужской общественно-политической газеты «Знамя», убит в 1991 г. по политическим мотивам.

Фрадков Михаил Ефимович — государственный деятель, председатель Правительства РФ в 2004–2007 гг.

Фридинский Сергей Николаевич — правовед, государственный деятель, заместитель Генерального прокурора РФ в 2000–2006 гг., Главный военный прокурор РФ в 2006–2017 гг.

Хасбулатов Руслан Имранович — политический деятель, член-корреспондент РАН, председатель Верховного Совета РСФСР в 1991–1993 гг., оппонент Б.Н. Ельцина в ходе «октябрьского путча» 1993 г.

Ходорковский Михаил Борисович — предприниматель, общественный и политический деятель, глава НК «ЮКОС» в 1997–2004 гг.

Цивилев Роберт Макарович — правовед, государственный деятель, начальник Управления Президента РФ по вопросам помилования в 1999–2004 гг.

Цыпленков Сергей Александрович — исполнительный директор отделения международной неправительственной некоммерческой организации «Совет Гринпис» — ГРИНПИС (с 10.02.2009 по настоящее время).

инициатором создания Комитета помощи беженцам в связи с конфликтом в Нагорном Карабахе «Гражданское содействие».

Черненко Константин Устинович — государственный деятель, Генеральный секретарь ЦК КПСС в 1984–1985 гг.

Черномырдин Виктор Степанович — государственный деятель, Председатель Правительства РФ в 1992–1998 гг.

Чиков Павел Владимирович — председатель межрегиональной ассоциации правозащитных организаций «АГОРА» (12.11.2012–21.10.2019).

Чмыхов Гарий Дмитриевич — председатель Общественной палаты Калининградской области (10.02.2009–03.12.2018).

Чубайс Анатолий Борисович — экономист, государственный и политический деятель, руководитель Администрации Президента РФ в 1996–1997 гг.

Ш

Шаблинский Илья Георгиевич — профессор кафедры конституционного и муниципального права ФГАУ ВПО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (12.11.2012–21.10.2019).

Шашников Владимир Константинович — генерал-лейтенант внутренней службы, начальник ГУИН Минюста России (ГУ ФСИН России) по Красноярскому краю в 1998–2015 гг.

Шаповалов Сергей Александрович — государственный деятель, начальник отдела Администрации Президента РФ по обеспечению деятельности Комиссии по правам человека в 1996–2001 гг.

Шапошников Владимир Петрович — председатель Российского профсоюза работников строительных специальностей и сервисных организаций (12.11.2012–18.02.2016).

Шапошников Матвей Кузьмич — советский военачальник, первый заместитель командующего войсками СКВО в 1960–1966 гг., один из ключевых участников событий Новочеркасского восстания рабочих 1962 г.

Шахрай Сергей Михайлович — правовед, государственный деятель, один из авторов текста Конституции РФ, председатель Комитета по законодательству Верховного Совета РСФСР в 1990–1991 гг., заместитель председателя Правительства РФ в 1991–1993 гг., депутат Государственной Думы ФС РФ в 1994–1997 гг.

Чугуева (Полникова) Ирина Георгиевна — первый заместитель председателя Хабаровского краевого общества «Мемориал» (10.02.2009–26.11.2015).

Чудакова Мариэтта Омаровна — литературовед, писатель и общественный деятель, член Комиссии по помилованию при Президенте РФ в 1994–2000 гг.

Чуров Владимир Евгеньевич — государственный деятель, председатель Центральной избирательной комиссии РФ в 2007–2016 гг.

Шверцлер Николаус — доктор Инсбрукского университета (Австрия), президент Европейского института омбудсмена.

Шеварднадзе Эдуард Амвросиевич — член Политбюро ЦК КПСС в 1985–1990 гг., министр иностранных дел СССР в 1985–1991 гг., второй Президент Республики Грузии в 1995–2003 гг.

Шевченко Максим Леонардович — президент региональной общественной организации «Центр стратегических исследований религий и политики современного мира» (12.11.2012–03.12.2018).

Шейнис Виктор Леонидович — политический деятель, экономист, депутат Государственной Думы ФС РФ в 1996–1999 гг.

Шибанова Лилия Васильевна — исполнительный директор ассоциации некоммерческих организаций «В защиту прав избирателей «ГОЛОС» (12.11.2012–03.12.2018).

Шойгу Сергей Кужугетович — военный и государственный деятель, министр обороны РФ с 2012 г. по настоящее время.

Шохин Александр Николаевич — государственный, политический и общественный деятель, президент Российского союза промышленников и предпринимателей, депутат Государственной Думы ФС РФ в 1995–2002 гг.

Шмелев Николай Петрович — ученый, писатель-публицист, академик Российской академии наук, директор Института Европы Российской академии наук (10.09.2001–06.11.2004).

Шмидт Юрий Маркович — адвокат, правозащитник, основатель Российского комитета адвокатов в защиту прав человека.

Шубкин Владимир Николаевич — философ и социолог, главный научный сотрудник Института социологии Российской академии наук.

Ю

Юргенс Игорь Юрьевич — председатель правления фонда «Институт современного развития» (с 10.02.2009 по настоящее время).

Юров Андрей Юрьевич — президент благотворительного фонда «Интернациональный проект Молодежное Правозащитное Движение» (12.11.2012–03.12.2018).

Шульман Екатерина Михайловна — доцент кафедры Института общественных наук федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (03.12.2018–21.10.2019).

Шумейко Владимир Филиппович — политический и государственный деятель, председатель Совета Федерации ФС РФ в 1994–1996 гг.

Юшенков Сергей Николаевич — политический деятель, депутат Государственной Думы ФС РФ в 1993–2002 гг., президент Фонда поддержки демократических преобразований в России в 1992–1994 гг.

Я

Явлинский Григорий Алексеевич — экономист, государственный и политический деятель, депутат Государственной Думы ФС РФ в 1994–2003 гг.

Ядов Владимир Александрович — философ и социолог, директор Института социологии Российской академии наук в 1988–2000 гг.

Якобсон Лев Ильич — экономист, первый проректор ФГАУ ВПО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Яковлев Егор Владимирович — журналист, писатель, главный редактор газеты «Московские новости» в 1986–1991 гг., председатель ВТРК (РТК) «Останкино» в 1991–1992 гг.

Якунин Глеб Павлович — религиозный, общественный и политический деятель, член Московской Хельсинкской группы, член Совета национальностей Верховного Совета РСФСР в 1990–1993 гг.

Ямщиков Савва (Савелий) Васильевич — председатель Ассоциации реставраторов России (10.02.2009–18.08.2010).

Яндарбиев Зелимхан Абдулмуслимович — террорист, активный участник сепаратистского движения в Чечне, уничтожен в 2004 г.

Ясин Евгений Григорьевич — научный руководитель ФГАУ ВПО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (с 10.08.2015 по настоящее время).

Ясина Ирина Евгеньевна — председатель экспертного совета негосударственного учреждения «Клуб региональной журналистики» (10.02.2009–05.03.2012).

Массово-политическое издание 16+

ИСКУССТВО НЕВОЗМОЖНОГО
Президентский Совет по правам человека
1993—2018

Научный редактор
доктор юридических наук, профессор
Михаил Федотов

Координатор проекта
Варвара Осипова

Редактор
Елена Сатарова

Выпускающий редактор
Дарья Мельник

Дизайн-проект, верстка
Мила Силенина, Яна Эткина,
Юля Кондратьева

Обработка иллюстраций
Владимир Драновский

Корректор
Елизавета Полукеева

Подготовка к печати
Людмила Иванова

Издание осуществлено при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Под общей редакцией профессора, доктора юридических наук М.А. Федотова

И86 Искусство невозможного. Президентский Совет по правам человека. 1993—2018 /
Под ред. М.А. Федотова. — М. : Инфинитив, 2019. — 416 с. : ил.

ISBN 978-5-91922-080-0

Книга посвящена истории одного из главных национальных правозащитных учреждений современной России – Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека и предшествовавшей ему Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации. Подробные интервью с председателями Комиссии и Совета — Сергеем Ковалёвым, Владимиром Карташкиным, Эллой Памфиловой и Михаилом Федотовым, — а также с его членами позволяют читателю получить полное представление об организации и деятельности этого уникального консультативного органа при главе государства, о сути правозащитной деятельности, о трудном пути развития отечественного гражданского общества. Книга адресована, прежде всего, правозащитникам, гражданским активистам, руководителям неправительственных организаций, исследователям в области общественных наук, профессорам, аспирантам и студентам гуманитарных факультетов и вузов.

ISBN 978-5-91922-080-0

УДК 351.75
ББК 66.71

© М.А. Федотов, общая редакция, составление, 2019
© Пресс-служба Президента Российской Федерации, фотографии, 2019
© Л.Е. Иоффе, подготовка интервью, 2019
© Б.И. Жутовский, рисунки, 2019
© ООО «Инфинитив», оформление, 2019

Допечатная подготовка и технологическое сопровождение ООО «Бослен»

В издании использована шрифтовая гарнитура Formular
Подписано в печать 21.11.2019. Формат 70x100/16. Тираж 500 экз. Заказ №

ООО «Инфинитив»
119034. Москва, Б.Левшинский пер.,
д. 8 А, стр. 1.
тел. (495) 915-31-00

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14